

**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Центр общественных наук
Экономический факультет**

**Южный федеральный университет
Высшая школа бизнеса
Академия философии хозяйства
Философско-экономическое учение собрание**

Евразийская интеграция: геостратегический аспект

**Под редакцией
д.э.н., проф. Ю.М. Осипова,
д.э.н., проф. А.Ю. Архипова,
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотовой**

**Москва — Ростов-на-Дону
2014**

Глобализм, согласно онтологической диалектике, требует антиглобализма, что на практике выливается не столько в борьбу мировой периферии с империальным мировым глобализмом, сколько в позитивное преодоление мирового глобализма... в рамках самого же глобализма... посредством противоположения общемировому глобализмическому потоку локальных межгосударственных конструкций, обычно называемых международной региональной интеграцией.

Евразийский интеграционный проект — из породы таких региональных проектов, отражающих, с одной стороны, общее интеграционное движение стран навстречу друг другу в ходе глобализации планетарного мира, а с другой — объединение стран ради сохранения своей субъектности и идентичности в условиях мировой глобализации, а также обретения возможности независимого существования и развития.

Северное евразийское пространство — пространство бывшего СССР, на котором сейчас бытует множество независимых государств, ранее состоявших в СССР в качестве союзных республик. СССР ныне нет, а потребность северо-евразийского межгосударственного единения есть, что первыми осознали Россия, Казахстан и Белоруссия, выступившие с инициативой движения по регионально-евразийской интеграции (Таможенный союз, ЕврАзЭС). И хотя речь идет по преимуществу об экономической составляющей евразийского интеграционного движения, сулящего и уже дающего немалые хозяйственные выходы, глубинным обоснованием евразийской интеграции служат тектонические перемены в мире, вызванные как освоением новых форм социохозяйственного бытия, так и необходимостью сопротивления империальному господству какого-либо моноцентра над глобализирующейся планетой.

Евразийская (постсоветская) интеграция — важнейший геостратегический процесс, выходящий за рамки чисто экономических потребностей. И дело здесь не столько в обеспечении благоприятных условий международного экономического обмена, сколько в создании мощного интеллектуально-производительного очага, способного самостоятельно, хотя и во взаимодействии с мировым контекстом решать задачи всестороннего социохозяйственного развития в эффективном сочетании с традицией.

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова совместно с экономическим факультетом МГУ и на его базе провел 4—6 декабря 2013 г. международную научную конференцию — VI Малый университетский форум по теме: «Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика». В конференции приняли участие видные ученые и эксперты из России и зарубежных стран, государственные и общественные деятели Российской Федерации, известные публицисты. Состоялась оживленная, содержательная и весьма напряженная дискуссия, позволившая высветить разные грани актуального международного явления. Конференция приняла итоговую резолюцию.

Творческая работа по евразийской интеграционной тематике не только не была остановлена по завершении конференции, а, наоборот, усилена, свидетельством чему является настоящая монография, дающая представление о сложном международном процессе, имеющем место в современной Евразии.

Южный федеральный университет из Ростова-на-Дону (ректор М.А. Боровская) в лице Высшей школы бизнеса (директор А.Ю. Архипов), давно и продуктивно сотрудничающей с Московским государственным университетом, изъявил готовность выпустить данную монографию в свет, за что авторы приносят ростовским коллегам искреннюю признательность.

Редакционно-издательский совет монографии

Вместо предисловия

О евразийской (постсоветской) межгосударственной интеграции

Аннотация. Освещаются проблемы евразийской (постсоветской) межгосударственной интеграции в условиях всемирной глобализации и с учетом исторической памяти Евразии.

Ключевые слова: межгосударственная интеграция, Евразия, Содружество Независимых Государств, Россия, геостратегия, история, политика, международные отношения.

Abstract. The article is devoted to problems of the Euroasian (Post-Soviet) interstate integration in the conditions of the world globalization and touching upon historical memory of Eurasia.

Keywords: interstate integration, Euroasia, CIS, Russia, geostrategic, history, politics, international relationship.

1

Современный мир — мир межстрановой взаимообусловленности и планетарной целостности. Не так целое из частей, как части от целого. Качественное единение при качественном разнообразии. Не сугубо гетерогенный, но и не вполне гомогенный, а гетерогомогенный и гомогетерогенный. Единство, общность, схожесть при наличии несхожести, разобщенности и различности. Глобализация в сочетании с локализацией, интеграция — с партикуляризацией, мондиализация — с регионализацией.

2

Мир в движении, реструктуризации, реконструкции, перестроении. Качественные изменения и композиционные перемены. Неустойчивая текущая всемирная гармония на фоне хронической и переменчивой всемирной дисгармонии. Однополюсная мировая масштабная централизация (глобализм) в борьбе с многополюсной по миру децентрализацией (регионализмом). Взаимообусловленный партикуляризм в борьбе с безусловным (на себя замкнутым) глобализмом. Эгоизм, неэффективность и невозможность однополюсной централизации планетарного бытия, как и управления миром из одного центра

в интересах этого центра. Разнообразие против однообразия. Полицентризм против моноцентризма. Неизбежность диверсификации. Формирование больших межстрановых систем — как региональных, так и межрегиональных, как пирамидальных, так и сетевых, как моноцентровых, так и полицентровых.

3

Евразийский интеграционный замес-процесс. Дезинтеграция СССР и соцсистемы как стартовая ситуация для новой межстрановой интеграции на постсоветском (евразийском) пространстве. Многонациональная Россия как инициатор и движитель евразийской (постсоветской) *не*-империальной межстрановой интеграции. Москва — негласный (неназванный) интеграционный центр на евразийском (постсоветском) пространстве. Не центр-управитель, а центр-инициатор, центр-собиратель и центр-лидер. Лидерство России при полном равноправии стран-участниц. Не одна взаимовыгодность, но и взаимовыживаемость (взаиможизнеспособие). Феномен российского (великодержавного) покровительства в сочетании с общими взаимными обязательствами стран-участниц.

4

Хозяйственная интеграция в сочетании с приемлемым для стран-участниц политическим партнерством. Не слияние и не союз, а договорное взаимодействие. Не единение, а совместность. Добровольная межстрановая солидарность в контексте всемирной глобализации перед лицом амбициозного однополюсного глобализма и с учетом любой внешней конкуренции и любых экспансионных намерений.

5

Не общее и не единое, а всего лишь взаимопереплетенное хозяйство, но реализуемое в общем, хотя и не едином, хозяйственном пространстве. Максимально свободное движение товаров, капитала, труда, технологий, знаний. Наличие общих (целостных, многосторонних и двусторонних) проектов: монетарных, финансовых, инвестиционных, производственных, инфраструктурных, научных, образовательных, народонаселенческих. Взаимоприемлемая интеграционная институциональность (учреждения, организации, законы). Возможность общего координационного правительства, иных органов взаимного управления и контроля. Валютное взаимодействие вплоть до целостного валютного союза с перспективой перехода к единой валюте. Возможность общих фондов и программ развития, в особенности по приоритетным для интегрирующейся Евразии направлениям.

6

Поиск современным человечеством *нового планетарного мироустройства* (не сводящегося к моноцентровому глобализму и предполагающего наряду с глобализацией полицентровый локализм), активно стимулируемый ныне *всеобщим затяжным мировым кризисом* — не просто экономическим (или хозяйственным), но и вполне системно цивилизационным, даже и хомо-бытийным. Не только общее нестроение планеты, но и все более обостряющаяся экзистенциальная проблемность: экологическая (загрязнения, нарушения, перекосы, дисбалансы), народонаселенческая (в том числе и перенаселенческая); лимитационная (нехватка ресурсов, энергии, естества); избыточная (производства, вещей, товаров, денег, городов, инфраструктуры, транспорта, вообще всей искусственности); безопасности (возрастание рискованности, уязвимости бытия, усиление криминала, мирового терроризма, угроза тотальной войны); гуманитарная (нашествие антикультуры, тенденция расчеловечивания человека и десоциализации общества, рост бытового беспокойства и утрата полагаемого позитивного будущего). Ведомый глобальным (Западным) центром планетарный мир не просто в тотальном кризисе, но и в кризисе совершенно апокалиптическом, из которого на путях глобализации и под опекой глобализма нет никакого выхода. Отсюда необходимость формирования больших антикризисных региональных пространств и локальных сетей, способных не только ослабить и преодолеть всемирный эсхатологический кризис, но и не допустить всемирной войны всех против всех, планетарного Армагеддона.

Современный мир — мир *миров*, а не только мир цивилизаций, культур, государств, стран, народов. Уже континенты и те же стороны света — миры, миры в мире, но главными мирами на планете являются сегодня: Западный глобализационный и глобализующий планету мир — это с одной стороны, а с другой — весь остальной, глобализуемый и немало уже глобализированный Западом, мир, но в силу своих опор на традицию альтернативный Западу мир — мир *не-Западный*. Современный планетарный мир — мир *борьбы миров*: одного плотно синтезированного, однополюсного, одноцентрового, даже и весьма уже однообразного, в целом гомогенного, хотя при этом и все еще довольно разнообразного и частью даже гетерогенного (те же Западная Европа с Японией все-таки не США), и другого мира — не слишком или вовсе не интегрированного, многополюсного, полицентрового, явно разнообразного, гетерогенного, но при этом склонного к образованию больших региональных и

диссипативных межгосударственных систем. За разного рода «диалогами», ныне широко ведущимися в мире, скрывается все-таки не что иное, как борьба, и, кажется, борьба если еще не на смерть, то явно уже за жизнь, за субъектность, за будущее, за бытие вообще. Нынешнее время — время не просто больших проблем и напряжений, это время *крайних крайностей*, а потому и время больших, всюю и неожиданных перемен, не чуждых и конечных исходов. От мирного соревнования миров до полноценной войны миров — один шаг — и избежать такую войну можно, лишь противопоставив амбициозному глобализму защитный партикуляризм, заносчивому моноцентризму — умеренный полицентризм, а передовому Западу, породившему, стимулирующему и разжигающему всемирный кризис — какое-то иное, вполне не такое уж «передовое», жизнеустройство — *не-Западное!*

8

Запад дал очень многое человечеству: науку, технику, индустрию, совершенную экономику, общее развитие, прогресс, обширный искусственный мир, вырыв в космос (СССР, надо заметить, более всего участвовал в реализации как раз Западного проекта). Однако Запад, а сегодня это уже постмодерновый, то бишь в высшей степени паразитарный, как бы надчеловеческий, мир, не может бытийствовать, не эксплуатируя весь планетарный мир, не подчиняя его себе, не управляя им в своих интересах. Отсюда, кстати, и глобализация — как охват всего мира, и глобализм — как этим миром всеохватывающее управление из одного центра. Несмотря на великую во всех отношениях роль Запада в прогрессе человечества (хотя и неоднозначную, и противоречивую, а может, и эсхатологически роковую), остальной, т. е. *не-Западный*, мир не может признавать свое зависимое и второстепенное положение относительно передового-де Запада, отчего имеют место как добровольная вестернизация («догоняние» Запада, его ускоренного усвоения), так и выработка собственных вариантов бытия на основе *Традиции*, хоть и с непременным вбиранием западного «передовизма». Китай, Индия, Бразилия и та же Россия могут позволить себе собственное альтернативное, т. е. *не-Западное*, бытие, но, во-первых, при взаимной все-таки поддержке друг друга (БРИК) и, во-вторых, с устройением региональных и диссипативных (сетевых) межстрановых интеграций, разумеется, при своих локальных в них лидерствах. Так или иначе, но *не-Западные* интеграционные процессы в современном мире неизбежны и они активно претворяются в жизнь. Никакого моноцентризма в *не-Западной* части мира быть уже не может, а потому не гигантская интеграция его в какой-то единый мир, а

возникновение ряда взаимообусловленных, но вполне самостоятельных больших интеграций со своими локальными лидерами: либо имперIALными, либо «братскими», либо показательно-поведенческими («делай, как я», «делай со мной», «иди за мной»).

9

Евразийская (она же и постсоветская) интеграция в поиске самой себя, своей идентичности, своей практической возможности. Разность субъектов дополняется не только их недавним совместным, вполне и интеграционным, прошлым (в составе СССР), но и частью почти стопроцентной друг с другом культурно-этнической совместимостью (большая часть России, Украина, Белоруссия). Выпавшая на долю постсоветских государств независимость вполне внезапного и вовсе не глубоко исторического происхождения, не слишком-то эффективно подтверждающая субъектную самостоятельность «освободившихся» стран. Это как существенно облегчает интеграционный между этими странами процесс, так и в формальном плане немало его затрудняет (страх перед российско-советским имперским синдромом; соблазн держать «полную независимость»; прельщение со стороны внешнего, прежде всего — Западного, мира, отчего желание уйти в Европу, примкнуть к Турции, подпасть под Китай; опасение национальных элит за свое самовластное положение). Однако потребность в евразийской совместности объективно есть, и она так или иначе пробивает себе дорогу.

10

Ни о каком воссоздании СССР не может быть и речи — в этом и нет никакой необходимости! Быть сейчас вместе — не значит оказаться в новом СССР. В таком возврате к прошлому нет никакой заинтересованности не только у нынешних *не*-россиян, но и у самой России. Россия более ни для кого не руководитель, не «старший брат», не покровитель, а главное — не донор. Быть вместе с Россией, как и России быть вместе с нероссийцами — быть не в одной семье и не в общем доме, а всего лишь в одной функциональной группировке и в общем взаимовыгодно обустроенном пространстве. Каждый взыскует от интеграции своей пользы, но каждый и платит за интеграционную выгоду — чем может, помимо неизбежной в данном случае взаимной ответственности. Подобная интеграция — не образование новой империи, но и не появление большого благотворительного учреждения. Ни авторитарного эгоизма, ни либерального альтруизма. Политика! Главное тут: осознание всеми странами, что вместе им лучше, чем порознь; понимание того, что

быть вместе, не значит потерять независимость и ослабить свою субъектность, скорее — наоборот; усвоение того непреложного факта, что выжить и овладеть будущим сегодня можно только *вместе*, кругом, большим воспроизводственным пространством, причем с непременным стремлением к своеобразию и самости, к отличному от Запада и Востока бытию, к иному воплощению человеческого предназначения.

11

Евразийское (постсоветское) пространство располагает необходимыми возможностями для межстрановой интеграции, а в некотором отношении и *ре*-интеграции: немалая общая история; совсем недавняя совместность; еще не исчезнувшая системность в разделении и кооперации труда и хозяйства; богатые ресурсы; развитая, во многом и совместная, инфраструктура; образованное население и не канувшая в лету творческая элита; оборонный комплекс; достаточно схожие интересы у интегрирующихся стран; языковая культурная, цивилизационная и даже идеологическая совместимость. Если в Европе все ее насельники более или менее европейцы, то в Евразии все ее насельники более или менее евразийцы: от восточных европейцев до западных азиатцев. Потенция к интеграции (собираению) в целом сегодня сильнее потенции к дезинтеграции (рассыпанию). Ультиматум времени: либо вместе и в *собственное* будущее, либо порознь, но *без своего* будущего! Сегодня мудр не тот, кто, сломя голову, стремится в глобалический омут, а тот, кто создает, освобожденный от такого стремления, самостоятельный и самостоящий гетероинтеграционный континент. Интеграция — не слияние, не поглощение, даже не соединение, а всего лишь межсубъектное объединение, в котором сохраняются независимые субъекты, лишь образующие все вместе большой коллективный субъект. Интеграция — не торжество единения-однообразия, а возможность общего воспроизводственного пространства, совместного бытования и коллективной координации.

12

Любая социальная система, любое человеческое сообщество, любая хозяйственная организация не обходятся без того или иного *лидерства* (можно сказать — *аттракции*). Нравится это кому-либо или нет, но на евразийском (постсоветском) пространстве такое лидерство (пусть сегодня формально и не признаваемое, даже оспариваемое) принадлежит Российской Федерации (заметим, не осуществляется, а лишь принадлежит). Это и понятно: мощная государственническая (великодержавная) традиция; научно-

технический, образовательный и культурный потенциал; большие и разнообразные ресурсы; опыт решения больших задач и реализации больших проектов; Москва как одна из ведущих столиц мира; многонациональность, межконфессиональность и интернациональность России; реальная военная сила с мощным оборонным комплексом. Российская Федерация — идеальный лидер межстрановой интеграции, причем именно евразийской интеграции, осуществляющейся в глобальном контексте, в условиях мирового кризиса и в обстановке мирообусловленного соперничества. Ни одна из евразийских (постсоветских) стран, исключая Россию, не может взять на себя роль интеграционного лидера (не руководителя, не управителя, а именно *лидера*), что вовсе не говорит об ущербности нероссийских стран, а лишь свидетельствует об отсутствии для лидерской роли необходимых возможностей, опыта, ресурсов и некоторых важных исторически обусловленных черт. Мирный распад СССР, приведший к образованию сонма независимых государств — доказательство от противного возможности мирной и не на условиях СССР или той же Российской империи фактической реинтеграции неушедших в Европу или в Азию постсоветских стран. Новая евразийская интеграция — потребность не одной России, а всего многонационального евразийского сообщества, реализующего свое бытие в контексте бытия мирового, вовсе не такого уж к Евразии доброжелательного. Конкуренция за жизнь сильнее любого международного альтруизма, а интернациональная солидарность — достояние прежде всего близких по проблемному бытованию и вопросной истории стран-соседей, пусть и не всегда и не во всем между собою согласных. Мотор интеграции — не принуждение, а доброволье, хотя понуждение к интеграции со стороны обстоятельств никто, нигде и никогда игнорировать не может. Евразийская интеграция — не прихоть и не соблазн, а самая обыкновенная необходимость, как раз та самая, которую-то никак и не обойти!

13

Пример европейской интеграции — важный пример, но лишь для учета и анализа, а не слепого подражания. Осуществленная европейская интеграция — вовсе не возможная ныне евразийская, хотя и в чем-то похожая (тарифное соглашение, потом и общеэкономическое, а там, глядишь, и политическое), но вовсе не идентичная. В Европе интеграцию вели только что отвоевавшие между собой национальные государства с большой собственной историей и культурой, великим в прошлом между собой имперским соперничеством, сами в недавнем прошлом колониальные или евротерриториальные империи. Европа наступила на горло своей

новременской исторической песни, полной соревновательных, военных и вообще империльных мотивов, и пустилась по пути добровольного, пусть и весьма вынужденного, объединения. В таком объединении не могло быть монолидерства ни одной из великих европейских стран, хотя и присутствовало негласное лидерство ряда скооперировавшихся между собой ведущих государств. Только сейчас, когда Европейский союз попал в собственный мощный системный кризис, наметилась тенденция, — нет, не к монолидерству какой-либо из стран, — а созданию внутриблокового лидерского, если не командного, управленческого центра (не с Берлином, Парижем или Лондоном во главе, а с... Брюсселем, однако за которым, безусловно, стоят Берлин, Париж и тот же Лондон, если этот последний не покинет ЕС). Имеет место авторитаризация управления внутри ЕС, а сам ЕС все более обретает черты *паневропейской империи* — наследницы Римской империи и завершительницы всех панимперильных попыток — от Карла Великого до Гитлера.

14

Евразийский (постсоветский) вариант — *иной*, не европейский, ибо интеграционные субъекты иные, историческое наследие иное, стартовая ситуация иная, обстоятельства иные. Да, потребность есть, даже кое-какое осознание у субъектов есть, но не хватает еще убежденности и решимости у стран-нероссийцев, что и понятно, ибо никто из них не желает ни нового СССР, ни какой-либо новой Российской империи. Здесь важно подчеркнуть, что всего этого не хочет и Россия, вовсе не желающая платить собою за сомнительно-равноправную-де интеграцию. Условия интеграционного процесса должны быть ясными, понятными и в то же время жесткими: равноправие, взаимовыгодность и взаимная, вполне и строгая, ответственность, но уж никак не возможность извлечения кем-либо из участников одностороннего «дружеского» гешефта. Ни любви тут никому не надо, ни дружбы, а потребны лишь взаимоуважение и ответственное партнерство. Россия при этом не может не быть лидером, но не командным, не «верхним», а всего лишь находящимся в основе объединения и идущим в его авангарде, что не исключает, конечно же, какого-то внутри всего объединения взаимного контроля — с целью недопущения межгосударственного авторитаризма.

15

Шанс у евразийской интеграции есть, хотя на ее пути весьма серьезные и сильные препятствия: с одной стороны, вполне объяснимое предубеждение относительно России и её неизбежного

лидерства, а с другой — влияние внешнего конкурентного контекста, старающегося не допустить евразийской интеграции, да еще и вокруг России, выдвигающего на передний план разного рода соблазны для стран-нероссийцев, вплоть до других интеграционных, и оказывающего странам-отказникам материальную и политическую поддержку. Ясно, что евразийская интеграция могла бы пойти определеннее и быстрее, если бы Россия, этот главный инициатор интеграции и ее исполнитель, демонстрировала бы сегодня вполне уверенный и достаточно скорый подъем, встала бы на путь системного неоиндустриального развития. И пока этого у России нет, несмотря на ее немалые стабилизационные достижения, проблема евразийской интеграции будет оставаться слишком проблемной. Однако Россия, кажется, выходит на новый исторический старт, за которым и подъем, и развитие, а потому ее интеграционные усилия не столь уж тщетны, как это может кому-то со стороны видеться. Тут надо иметь в виду, что хотя прочной и эффективной интеграции без подъема стран-участниц быть не может, но и устойчивого подъема их стран без их взаимной интеграции тоже ведь быть не может! Так что для движения по пути интеграции важны сегодня не столько сиюминутные политические соображения и немедленные подтверждения экономических выгод, сколько полные исторических смыслов стратегические соображения-расчеты, учитывающие сразу все: традицию, современность, будущность, а главное — давление как внутренних (евразийских) потенциалов, так и внешних обстоятельств и сил, а давление это, несомненно, усиливается!

Ю.М. Осипов

Раздел I

Концептуальные основы европейской международной интеграции

Ю.М. ОСИПОВ

Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность

1

Евразийская (постсоветская) международная экономическая интеграция, или международная экономическая интеграция на евразийском пространстве — уже свершающийся и имеющий многообещающую перспективу исторический факт. Однако будучи сложным, противоречивым и разнообразно протекающим многофакторным процессом, подлежащим к тому же протяженной многоходовой реализации, евразийская экономическая интеграция требует целостного экспертно-интеллектуального осмысления, концептуального обоснования и мобильного проектного моделирования, учитывающих страновые, региональные и общемировые состояния, потребности и тенденции, эффективно сочетающихся с геостратегической прогностикой. Отсюда и главная задача конференции-форума — внести посильный вклад в исполнение большого экспертно-интеллектуального деяния.

2

То, что сегодня принято называть международной интеграцией в цивилизационной истории всегда имело место, только иначе происходило — посредством принудительных империальных интенций — и иначе называлось — империализацией, а попросту говоря — образованием и бытием империй. И это было всегда — вплоть до середины XX в., когда Западная Европа, пережив жуткую межимперскую войну, называемую обычно Второй мировой войной, вдруг вознамерилась вступить на путь мирного межгосударственного не просто сотрудничества, но объединения (не слияния в большое паневропейское государство, а именно межгосударственного объединения, существующе-

го в виде союза — Европейского Союза). Настал черед и евразийской, хотя уже и постсоветской, международной экономической интеграции. И ежели Европа так или иначе воспроизводит давние паневропейские тенденции (Римская империя, Римская священная империя, римско-папские имперIALные попытки, Французская империя Наполеона Бонапарта, Третий германский рейх), то Восточная Европа вкупе с частью Азии воспроизводит паневразийские тенденции, идя по следам Византийской империи, Ордынской империи, Российской империи, СССР-империи, — и хотя оба интеграционных процесса не являются сегодня имперскими, вполне может случиться так, что в будущем они могут дать самый что ни на есть имперский результат, разумеется, не такой, каким он мог бы случиться в прошлом. Выходит, что в самой по себе международной интеграции, тенденции к ней, уж не так много нового и совсем мало неожиданного, хотя, конечно же, есть и новое, и ожидаемое: мирность и договорность процесса, равноправность участников, их деловая совместность, согласованность их действий, что во многом диктуется не просто интернационализированным, но уже и глобализированным характером экономиковоспроизводственного бытия человечества, его — этого бытия — высокой международной переплетенностью и взаимозависимостью. При этом важно учитывать что авторитарная глобализация, продемонстрированная на рубеже XX—XXI вв. Соединенными Штатами, и не устраивающая остальной мир, активно стимулирует международную региональную интеграцию — как спасительную от глобического имперIALного по духу диктата.

3

Что есть сегодня евразийская международная экономическая интеграция? В названии конференции-форума содержится по крайней мере начало ответа: это есть международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства. В этих словах как начало ответа, так и характеристика самой сути рассматриваемого интеграционного явления: «воспроизводственное обустройство пространства». Здесь нет ответа о форме интеграции, её степени, механизмах и институциях. Все это подлежит, с одной стороны, всестороннему осмыслению, а с другой — является делом конкретной межгосударственной практики. Представленные в программной брошюре и в № 5 «Философии хозяйства» тезисы дают определенную пищу для злободневных размышлений.

4

Хотелось бы высказаться по «именному вопросу». Само использование евразийской терминологии как по поводу обсуждаемой

нами международной интеграции, так и при характеристике самой России, вполне допустимо. И если в случае с интеграцией тут нет особой проблемы, то относительно России тут не все столь уж безоблачно. Сама по себе Россия — не Евразия вовсе, а именно *Россия!* Обладая как европейскими, так и азийскими чертами, находясь географически в Евразии, как бы между Европой и Азией, Россия, не будучи ни собственно Европой, ни собственно Азией, есть, нравится это кому-то или нет — как раз *Россия!* Прибегая к евразийскому словнику, необходимо все-таки не упускать из виду тот факт, что для России сущностно не «евразийство», а самое что ни на есть для нее естественное *российство*, в ядре которого не что иное как *русскость* (язык, культура, образ поведения, генотипичность, архетипичность, традиционность, история, цивилизованность, государственность). И это никакой не национализм, а самая обыкновенная констатация обыкновенного исторического факта.

5

Интеграция — вовсе не растворение России в евразийских просторах, а формирование на этих просторах общего, хотя и не единообразного, экономического пространства. Все участники интеграционного процесса — государства и народы — суверенны, независимы и равноправны. И хотя Россия является одним из таких участников, она все-таки играет в рассматриваемом интеграционном процессе особую роль (причем не может ее не играть!) — роль главного инициатора и, можно сказать, первопроходца, как раз того самого активного субъекта, который де-факто (а не де-юре) оказывается так или иначе в функции интеграционного лидера. И это стоит нам обсудить, не упуская из виду и такие возможные феномены, как, с одной стороны неизбежное донорство, а с другой — непотребное потребительство. За интеграцию всегда приходится некоторым странам (как раз инициаторам и лидерам) платить, но плата эта должна быть совершенно оправданной, как и ни в коем случае не должна переходить в систематическое, вовсе и не благодетельное, спонсорство.

6

К России обращены не одни симпатии и надежды, есть к ней и претензии, даже имеет место и откровенное неприятие России вообще, не то что в качестве интеграционного лидера. Все здесь сложно, неоднозначно, противостойно. Но вряд ли тут можно найти какой-либо другой выход, кроме, с одной стороны, равноправной и договорной в основе интеграции, а с другой — лидирующей роли России. Россия — империя, но она исключительно внутри себя и для себя империя, а вот расширяться имперски на евразийском (постсоветском)

пространстве России абсолютно не нужно, невыгодно и вредно. Времена такого рода имперских амбиций прошли и никогда не вернуться. Однако об оборонной мощи России не стоит забывать ни самой России, ни всем другим странам-евразийцам — ибо это как раз та оборонная мощь, которая хранит не только Россию, но и... Евразию, а также позволяет России быть не только сильным геополитическим субъектом планетарного значения, но и играть ведущую роль в Евразии, как раз ту самую роль, которую не может выполнить ни одна из интегрирующихся стран.

7

Говоря о евразийской (постсоветской) международной экономической интеграции, нельзя сегодня обойти и ожидажно-неожиданно возникший «украинский вопрос». Украина, как теперь стало хорошо известно, заняла сложную двое-стороннюю, если не разно-стороннюю позицию, обернувшись сначала лицом к Европе (ЕС) и повернувшись спиной к Азии (России), а затем, после некоторых раздумий над европейскими встречными требованиями и азиатскими (российскими) вдогонку уходящей к Европе Украины преференциями, стала как бы в полоборота, но лицом все еще к Европе, а затылком, естественно, к Азии, намереваясь каким-то хитрым образом извлечь выгоду сразу из двух «интеграций», вполне и со стороны Украины виртуальных — что в Европу, что в Азию. Но дело тут даже не в хитроумной политике правящих украинских кругов, а в самом очень сложном — раздвоенном, если не размноженном, состоянии Украины — вполне сейчас расстроенной, разбалансированной, неконсолидированной, испытывающей к тому же большие экономические трудности и острые политические проблемы. Украина стоит перед вполне дурной дилеммой, когда любое из двух интеграционных решений оказывается хуже — желаемое и не очень желаемое, манящее и совсем не манящее, вольное и будто бы вынужденное. За вхождение в Европу страна готова и что-то потерять, даже частично поступиться своим суверенитетом, а вот получая от единения с Азией явные выгоды, она готова от этой Азии раз и навсегда отвернуться. Ситуация в Украине драматическая, грозящая перейти в тяжелейший социально-политический кризис, за которым маячат самые вредоносные исходы. На карту поставлен гражданский мир, как и сама целостность страны. Разумеется, возникновение и разрешение возникшей в Украине социально-политической коллизии — дело Украины и ее народа, — и история каким-то образом обязательно здесь распорядится, но актуальное обращение к «украинскому вопросу» важно для понимания всей серьезности, историчности и даже метафизичности разворачивающихся в мире

интеграционных процессов, в особенности же волнующего всех нас евразийского. Здесь опять есть над чем задуматься и что обсудить.

8

Евразийский интеграционный процесс, пусть всего лишь экономический, в поле пристального внимания всех геостратегических сил планеты. Никто в мире из умных, сильных и дальновидных к нему не безразличен, мало того, никто не откажется от влияния на него в своих собственных интересах. Отсюда вполне прозрачная активность ЕС, в частности по поводу Украины, Грузии и Молдавии, многозначительная пауза США и очень заинтересованная выдержанность Китая. Хочет та или иная евразийская (постсоветская) страна интеграционных интенций или не хочет, исторический ход вещей всюду настаивает на региональных интеграциях, в том числе и евразийской. Можно говорить о неготовности и даже неспособности России взять на себя интеграционную миссию в евразийском (постсоветском) пространстве, доказывать ненужность для России региональной интеграции, указывать на ее затратность и даже губительность, но от интеграционной тенденции никому и никуда сегодня не уйти. Не случится евразийской (постсоветской) интеграции, возьмут победное место соседние интеграции — азиатская (восточная) и европейская (западная), возможно, с совершенно непредвиденными итогами для всех зазевавшихся евразийских стран. Евразийская интеграция столь же объективна, как и любая другая интеграция. И хотя эта интеграция уже факт, но в решающей мере пока еще и проект. И исполнение данного грандиозного проекта напрямую зависит от проводимой Россией и другими странами-интегрантами *политики*. Любая межгосударственная интеграция — дело *политическое* и никаким другим оно быть не может! Субъективный политический фактор играет здесь великую, если не решающую, роль: что и предопределяет необходимость гигантской экспертно-интеллектуальной работы, определенный вклад в которую может внести и наша конференция-форум.

9

Итак: *обоснование — концепция — политика — многоходовка*. Таков последовательный ряд приоритетных параметров евразийской интеграционной практики, диктующих на смысло-концептуальном уровне главные задачи VI Малого университетского форума.

С.Г. КАРА-МУРЗА

Евразийская интеграция: главные трудности

Аннотация. Рассматриваются проблемы, трудности воссоединения, интеграции в едином евразийском пространстве разделившихся в результате расчленения СССР стран. Утверждается, что важно менять представления обо всех сущностях, которые надо собрать в систему, необходимы новая программа, новое строительство целого, связи нового типа, новые формы и символы единства.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Россия, СССР.

Abstract. The article is devoted to problems, difficulties of reunion, integration in uniform Euroasian space of the countries divided as a result of a partition of the USSR. It is claimed that it is important to change ideas of all the substances which should be collected in system, the new program, new construction, communication of new type, new forms and unity symbols are necessary.

Keywords: Euroasian integration, Russia, USSR.

В истории больших стран периоды укрепления связности и единства чередуются с кризисами, иной раз приводящими к распаду. Особенно драматично это происходит, если страна складывается как империя, включая в себя разные народы и большие территории. Обычно такие тяжелые кризисы создаются коалициями внутренних «антиимперских» сил и внешних геополитических противников страны. Такие коалиции разорвали в феврале 1917 г. Российскую империю, похожий на них альянс сумел расчленил СССР в 1991 г. Противники единства страны всегда используют моменты ослабления ее государственности и быстро идущие в такие моменты изменения в мировоззрении людей.

Нас интересует вопрос: каковы после таких кризисов шансы у разделившихся частей вновь собраться в едином государстве или союзе какого-то типа?

Уже 22 года как расчленен СССР, но до сих пор мы не изжили последствия этой катастрофы. Тяжелый удар нанесен хозяйству всей Евразии, так как практически вся производственная система была выстроена за советский период — как одно огромное предприятие. Его расчленение погрузило в кризис все страны, и выйти из него пока не удается.

Взглянем на общежитие наших народов в Российской империи, ее распад в 1917 г., сборку в СССР, его расчленение и перспективу воссоединения постсоветских республик как на техническую пробле-

му — дезинтеграцию и новую сборку системы из элементов и связей в их движении и развитии.

Образование целого из частей — трудный процесс, строительство нового. «Целое больше суммы его частей», оно имеет особую силу — энтелехию. Вот две империи — Россия и США. Обе создали разные типы жизнеустройств, обе несли мессианские идеи, очень разные. США пошли по пути этнической чистки территории, а потом ассимиляции — «переваривания» иммигрантов в этническом тигле и сплавления их в новую нацию. Собрание России было именно *интеграцией* — каждая новая часть включалась в целое, не теряя своей особенности. Каждый народ, входя в Россию, придавал этому целому какое-то свое качество. Система получилась сложной, но разнообразие — великая ценность.

Для нас важно, что интеграция не достигается просто путем обмена — ты мне, я тебе. Между продавцом и покупателем на рынке, конечно, возникает взаимодействие, но это связи слишком временные и слабые, рынок не соединяет части в целое. Интеграция — это всегда создание какого-то «общего котла», в который каждая часть вносит свою лепту. Например, в отличие от рынка в семье все делают свои вклады, и они соединяются, а не обмениваются. Это соединение и создает то целое, которое «больше суммы частей». Очень часто вклады участников несоизмеримы между собой, качественно различны, так что выразить их в единообразной форме, например, денежной, трудно или невозможно.

Когда во время перестройки производили расчленение СССР, то напирали на экономическую выгоду или невыгоду. Это был подлог, и только тотальный контроль над СМИ не позволил его разоблачить. При разделении целостности на части устраняется тот «кооперативный эффект», который и придает главную ценность большой системе. Этот эффект может достигать огромной величины. Потеряв целостность страны, мы утратили такие огромные выгоды (энтелехию), которые никакими деньгами не оценить. Но ведь постсоветские страны свернули на рельсы рыночных отношений. «Газпром», государственная компания, объявляет, что поставки газа в Белоруссию — только бизнес, и ничего больше. На таких принципах интеграция невозможна. Торговля — это не интеграция. У этих типов отношений разные меры и критерии выгоды.

Пока в нашей культуре господствует инстинкт торгаша, противники интеграции будут брать верх. Это — *первое фундаментальное препятствие*.

В войне любого типа важная цель — нарушение системной целостности противника. Найти «слабое место» у противника — значит

нащупать в его системе тот узел связей, который необходим для целостности. Не оценить в деньгах потери России и Украины от того, что значительную часть украинцев сумели настроить против русских. В 1990 г. политизация этнического чувства на Украине была самой слабой в СССР: наибольшую значимость национального вопроса там выразили 6%. Радикальные националистические группы поддерживали 1% населения (в Казахстане — 2%). Но ведь за 23 года ситуация резко изменилась. Надо же выяснить, почему, и определить, каковы ресурсы для того, чтобы повернуть этот процесс вспять.

Мы пережили дезинтеграцию СССР и наблюдаем вялотекущую дезинтеграцию РФ. Процесс у нас перед глазами, можем учиться. Без этого знания не воссоединить ни земли, ни народы. Но пока что ни исследование, ни обучение не начаты. Все надежды возлагаются на экономическую выгоду. Дефицит знания — *второе фундаментальное препятствие* интеграции.

Дезинтеграция — это, в основном, разрыв связей между элементами системы (хотя и сами элементы деформируются). Пройдя мысленно по перечню разорванных в 1991 г. связей, мы и увидим программу дезинтеграции. Это нужно, чтобы договориться о том, какие связи надо защищать, укреплять, восстанавливать, какие надо создавать заново и по-другому, какие в новой реальности никуда не годятся, так что остатки их надо обрезать и зачистить. Опыт разрушения систем дает колоссальное знание, и раз уж над нами такой жестокий эксперимент история поставила, надо из него выжать максимум информации.

Разрушение каждого пучка связей — особая программа и особая тема. Важнейший пучок связей создает государство — едиными законами, общим языком и идеологией, своими символами, множеством систем, соединяющих людей и территории (например, армией и школой). Подорвать единую государственную надстройку — вот первый этап в расчленении. Надо его вспомнить и обдумать.

Для интеграции нужны большие системы — транспорта, связи, энергосетей и пр. Многие из этих общих систем тоже расчленили, а части их стараются изменить так, чтобы они потеряли способность к сращиванию. Например, отказ от общей технической политики или ликвидация отечественного авиастроения сразу облегчает растаскивание больших систем западными конкурентами.

Союз связывается общим языком, общей школой и общим культурным ядром. По всем этим сущностям били силы, работающие на разделение. Баланс этих сил в наших странах различен и неустойчив — перевес берут то одни, то другие. В целом пока что идет расхождение единого ранее цивилизационного облика. Если мы будем

апатично наблюдать за этим процессом, то вскоре шансов соединить разорванные связи не останется.

Скорее всего, уже сейчас иллюзорны надежды на воссоединение хотя бы общего экономического и культурного пространства через восстановление части прежних связей. Расчленение Российской империи после Февральской революции было краткосрочным. В ходе Гражданской войны страна была опять собрана почти на той же территории (не считая Польши и Финляндии). Такое быстрое воссоединение частей страны можно назвать *реинтеграцией*. Части срослись по линиям разрыва — разделенные поверхности еще не «окислились».

Конечно, собирание России в образе СССР шло с обновлением многих систем, при наличии общего проекта, принятого большинством. Опыт нейтрализации сепаратизма этнических элит считается в антропологии блестящим достижением советского государственного строительства. Но в 1990-е гг. и сегодня эти самые этнические элиты очень старались и стараются этот опыт опорочить, и это понятно — их цель в том, чтобы подавить постсоветские интеграционные проекты.

В какой же мере возможно сращивание разорванных связей сегодня? В 1990-е гг. казалось, что возможно. Но это не удалось. Силы разделения внутри республик и за рубежами были намного мощнее. Те, кто разваливал СССР, за 22 года завладели собственностью, финансовой системой, СМИ и школой. Они готовы к выгодному сотрудничеству, как и с другими странами Запада и Востока, но мы не об этом говорим. А сторонники интеграции, даже если их большинство, дезорганизованы. Это — *третье фундаментальное препятствие*, также плохо изученное.

Судя по многим признакам, время, когда была возможна *реинтеграция*, истекло. Уже нельзя «зачистить контакты», соединить те же провода — и машина заработала бы. Нужны новая программа, новое строительство целого, создание новых стыковочных узлов, производство материала для связей нового типа, новый язык, новые формы и символы единства. Значит, нужен и новый уровень *разнообразия* интеграционных связей.

И первым делом необходимо менять представления обо всех сущностях, которые надо собрать в систему. Эти представления устарели, что и было важным фактором ослабления связности СССР. Вторых, надо менять весь *дискурс*. Выросли новые поколения, и звать к их чувству «общей исторической судьбы» — только злить их. Еще во время перестройки Москва стала двигаться под лозунгом «Вернуться в лоно цивилизации!». Какой цивилизации? Было сказано и повторяется до сих — *европейской!* А разве таджиков и туркмен

туда приглашают? А разве они туда хотят? Как с такой идеологией интегрировать Евразию?

Беловежское соглашение сбросило многие республики в длительное бедствие — договор об «общей судьбе» был растоптан. Как показывает динамика множества показателей, до 1990 г. все республики развивались как члены одной семьи, а с конца 1991 г. все они стали переживать бедствие по-разному, и за последующие 20 лет пути их очень сильно разошлись.

Схема реинтеграции стала невозможна, а у нас и знания о новом состоянии бывших республик СССР недостаточно. Постсоветские республики разошлись из разрушенной цивилизационной системы, и теперь их соединение стало намного сложнее.

Это — четвертое фундаментальное препятствие.

Даже то направление интеграции, в котором мы как будто дальше всего продвинулись, — с Белоруссией — уже возможно лишь как строительство нового Союза, а не как воссоединение двух союзных республик. Белорусы выработали оригинальный национальный проект, сплотились вокруг него и почти вылезли из кризиса, внося множество важных творческих изменений в структуры советского типа. Повторить этот проект в РФ сейчас невозможно. Было бы опасно для Белоруссии открыться российской экономике, да и для России будут необходимы сохраненные и обновленные там структуры.

Быстрая интеграция России с Украиной тоже чревата рисками. На Украине идет быстрый процесс этногенеза — изменения многих черт народа, можно сказать, его «пересборки». Это процесс плохо изученный, в чем-то даже интимный. У большей части украинцев его сумели загнать в антирусское русло. Если проявить терпение и добрую волю, то почти наверняка этот всплеск антироссийских настроений сникнет, люди спокойно обдумают свои долгосрочные и фундаментальные интересы. А если в момент общего возбуждения лезть к ним и спорить с ними, то смута затянется надолго. Надо делать все то, что полезно для сближения наших народов, и не делать того, что вредно. А желающих навредить немало — и там, и сям, и у нас (достаточно посмотреть телевидение).

Нужен многосторонний разговор и о тех новых формах интеграции, которые вызревают в последнее десятилетие. Очевидно, что сам тип национального государства быстро меняется, у него появляются новые «стыковочные узлы» для взаимодействия поверх национальных границ. Зачем же нам пытаться воспроизвести старые формы в совершенно новых условиях? Эти попытки наталкиваются на сопротивление, недоверие, требуют больших средств. Лучше выявить и изобрести весь перечень возможных форм интеграции и выбирать из

него способы, лучшие для каждого конкретного случая. Разнообразие придает устойчивость.

Нужен основательный и хладнокровный («инженерный») анализ реальности постсоветского пространства и его динамики, а не декларации с благими пожеланиями.

Р.С. ГРИНБЕРГ

Формирование Евразийского союза: шансы и риски*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы Евразийского союза, национальные и интеграционные действия в области экономической модернизации, способные преодолеть периферийный характер евразийского региона.

Ключевые слова: Евразийский союз, постсоветское пространство, интеграция, модернизация.

Abstract. The article is devoted to problems of the Euroasian union, national and integration actions in the field of the economic modernization that are capable to overcome peripheral character of the Euroasian region.

Keywords: Euroasian union, postsoviet space, integration, modernization.

В последнее время наблюдается существенное продвижение в реализации интеграционных планов на постсоветском пространстве. Фактически была выработана обновленная концепция евразийской интеграции применительно к новым геополитическим и геоэкономическим условиям и начата ее поэтапная реализация с наиболее подготовленными партнерами из числа стран СНГ. 2010—2012 гг. можно с полным основанием назвать периодом интеграционного рывка. В очень сжатые сроки был создан и заработал Таможенный союз (ТС) России, Белоруссии и Казахстана (2010), а с 1 января 2012 г. началось формирование Единого экономического пространства (ЕЭП). Впервые за весь постсоветский период реально заработали институты международной интеграции, наделенные наднациональными функциями регулирования интеграционного процесса. Появилась конкретная перспектива — создание к 2015 г. Евразийского экономического союза.

Дальнейшее развитие евразийской интеграции предполагает как углубление уровня взаимодействия участников группировки, так и возможное расширение ее состава в соответствии с принципом от-

* По мотивам выступления на заседании Президиума РАН 23 апреля 2013 г.

крытости. Успешное решение этих задач требует уточнения ряда положений интеграционной концепции, устранения имеющихся перекосов и дисбалансов.

Согласно общепризнанной теории, эффективность региональной международной интеграции в решающей мере зависит от степени координации ее двух нуждающихся во взаимном дополнении самостоятельных процессов. В первом случае речь идет о так называемой «негативной» интеграции, а во втором — о «позитивной». Заметим, что оба определения употребляются исключительно в нейтральной коннотации, т. е. не носят ценностного характера. Просто под негативной интеграцией понимается процесс сокращения и отмены всяческих ограничений во взаимных хозяйственных отношениях стран, вступивших в тот или иной региональный союз. Это значит, что, вступив туда, они обязуются постепенно или одномоментно уничтожить все барьеры на пути взаимного движения в его границах товаров, услуг, капиталов и людей. Что же касается позитивной интеграции, то здесь речь идет о согласовании государственных действий стран—членов регионального союза в его общих интересах. И если один процесс «пошел», а второй начался только в риторике, то мы в действительности имеем чисто «бумажную» интеграцию, что, собственно, и произошло с Содружеством Независимых Государств.

В СНГ с самого его рождения «присутствовала» негативная интеграция как естественное следствие «шокового» распада СССР. А вот позитивная осталась, в сущности, только на бумаге, если не считать регулярные ритуальные заклинания по поводу «нерушимости нашего единства».

Тем не менее неудача с реализацией проекта СНГ вовсе не ставит под сомнение необходимость создания на постсоветском пространстве интеграционной группировки, в которой Россия могла бы играть роль локомотива. Но для этого она сама должна измениться, стать привлекательной для стран-членов, превратиться в важнейший фактор их внутреннего развития. Исторически решение задачи по налаживанию интеграции на постсоветском пространстве крайне осложнено, для России это затратный и длительный процесс. Но другого выбора у нее нет. Если исходить из того, что чисто экономические аспекты интеграции при определенных условиях перспективны, то здесь нет никакой альтернативы российской щедрости. Москва не должна быть скрягой и бороться за каждый рубль или доллар в своих действиях, газовых или негазовых войнах. Если Россия действительно хочет консолидировать постсоветское пространство, то у нее нет никакого выбора, кроме как платить за интеграцию. В краткосрочном

плане это потери, в долгосрочном — однозначный выигрыш для всех, в том числе и для России.

Заметим, что в научной среде давно идет дискуссия о влиянии интеграции на экономический рост. Априорно считается, что чем выше степень взаимного притяжения, тем выше темпы экономического роста. При этом, как правило, ссылаются на самый успешный интеграционный проект в мире — Европейский союз. Впрочем, оппоненты обращают внимание на другие факты. Например, в Швейцарии или Норвегии, в странах, не являющихся членами ЕС, показатели экономического роста и уровня жизни выше, чем в большинстве государств Евросоюза.

Как бы то ни было, для успеха интеграционного процесса необходима некая минимальная численность социума, живущего и действующего в рамках единого экономического пространства. Скажем, Китай при численности около 1,3 млрд человек не нуждается ни в каких интеграционных блоках. Индия тоже не нуждается. Люксембург же, по определению, нуждается. Иначе говоря, речь идет о том, что эффективная интеграция может быть организована только на соответствующей территории единого экономического пространства, где не существует никаких перегородок, а население составляет 200—250 млн человек.

В России в этом отношении ситуация не очень благоприятная, поскольку 140 млн человек — это ни то, ни се. Это не Люксембург, который, по определению, должен быть включен в интеграционный проект, и не Китай, который не нуждается в экономии на масштабах, так как его собственные масштабы уже создают основы для эффективного крупносерийного производства.

Далее, объединяющиеся страны не прочь порассуждать о теоретической и практической «ловушке»: кто кого кормит? Сегодня на эту тему ведутся страстные дискуссии в Европейском союзе. Вспомним, как в конце 1980-х гг. рассуждали по поводу того, что у России не очень благоприятное положение в Советском Союзе из-за заниженных цен на сырье, и чем быстрее мы разойдемся, тем лучше. Конечно, это было фатальной ошибкой.

Такой же ошибкой стало «ложное ожидание» российской политической элиты в отношении бывших советских республик. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. доминировала идея, что без «стран-сателлитов» легче интегрироваться в мировую экономику в качестве субъекта. Мы назвали ее «теорией экономической обузы». Принято было считать, что Россия как более развитое государство быстрее устроится на «солнечной стороне улицы» без бывших братьев и сестер. А если не получится, должна сработать «теория приползания».

Иначе говоря, в команде Ельцина была иллюзия, что свежеепеченные независимые государства не состоятся и, стало быть, рано или поздно вернутся под крыло России.

Вскоре отчетливо обнаружилось, что обе установки оказались ложными. Несмотря на огромную социальную цену рыночных преобразований и мучительное становление собственной государственности в новых государствах, ни одна из них не утратила своей независимости и суверенности. При этом надо иметь в виду, что изначально каждая республика стремилась перейти из «второго мира» в «первый», но это намерение нигде не увенчалось успехом. Вместо того, чтобы перейти в «первый мир», многие из них оказались под угрозой скатывания в «третий», а некоторые уже оказались там в результате демодернизации общества и примитивизации экономики.

Надо сказать, что формирование более или менее адекватной оценки экономических и социальных результатов системных преобразований в странах постсоциалистического мира нетривиальная задача, несмотря на наличие весьма обширной литературы по этому вопросу. Слишком велико здесь влияние чисто идеологических мотивов в интерпретации прошедших перемен. Не вдаваясь в подробности данной проблематики, заслуживающей специального обсуждения, заметим только, что мы, как и многие другие эксперты по постсоветской тематике, предпочитаем оценивать результативность перемен в бывших республиках СССР по сконструированному в ООН индексу человеческого развития (ИЧР), учитывающему три основных параметра — образование, продолжительность жизни и валовой внутренний продукт на душу населения.

Сопоставление динамики ИЧР в новых независимых государствах за период с 1991 по 2012 г. наводит на грустные размышления. Ведь только Эстонии удалось переместиться с 35-го места в мире на 33-е. А все остальные постсоветские страны явно проиграли. У России было 37-е место, сейчас 55-е. На Украине этот индекс вообще катастрофически снизился: с 45-го до 78-го места. Что уж говорить о странах Центральной Азии?

Тем не менее даже при самой глубокой экономической рецессии и деградации социальной сферы новые политические элиты сумели сохранить контроль над обедневшим населением, правда, ценой отказа от только что родившихся демократических институтов, инициированных горбачевской перестройкой. И дело здесь не только в восстановлении авторитарных порядков в интересах сохранения новой власти. Крах установки на «приползание» коренится также в том, что в отличие от России, испытавшей двойной удар от радикальной системной трансформации — обвальное снижение уровня жизни

плюс моральный дискомфорт от распада СССР, — в остальных новых государствах весьма ощутимые материальные потери от реформ если не в полной, то в значительной мере компенсируются очевидным приобретением в сфере национального самосознания, т. е. законным чувством гордости по поводу приобретения независимости и участия в становлении нового государства.

Теперь о некоторых перспективах и задачах интеграционного проекта. Дальнейшее развитие евразийской интеграции предполагает как углубление уровня взаимодействия участников группировки, так и возможное расширение ее состава в соответствии с принципом открытости. Успешное решение этих задач требует исправления выявившихся перекосов и дисбалансов.

В документах и в прессе уже появились разночтения по поводу конечной цели евразийского интеграционного проекта. Речь идет то об «экономическом союзе», то о «Евразийском союзе», соответственно происходит частая подмена аббревиатуры ЕАЭС на ЕАС. Так что же намечается создать к 2015 г.? *Евразийский экономический союз (ЕАЭС)* — это экономическая группировка ряда стран или прообраз нового государства? В информационных материалах, освещающих последние решения в рамках ТС и ЕЭП, можно даже встретить такую дефиницию: «Евразийский союз — проект конфедеративного союза суверенных государств с единым экономическим, политическим, гуманитарным, военным и таможенным пространством». Неопределенность конечной цели дает многочисленные поводы для противников проекта говорить об имперских амбициях России, о «советизации» региона СНГ, о начале восстановления подобию бывшего СССР.

В этой связи важно иметь в виду три существенных обстоятельства.

Первое — участие в ЕАЭС не несет в себе угрозу потери постсоветскими государствами обретенного суверенитета. Наоборот, такое участие укрепляет их международную правосубъектность и экономическую безопасность, усиливает переговорные позиции с более сильными мировыми игроками именно в составе интеграционной группировки.

Второе — в условиях глобализирующегося мира малые и средние по масштабам страны СНГ могут быть конкурентоспособными только в рамках интеграционного союза, так как вновь наступило время «больших игроков и больших пространств». Об этом, в частности, свидетельствует активное продвижение собственных проектов организации постсоветского пространства самыми мощными субъектами современной мировой политики (программа «Восточного парт-

нерства» ЕС, проект «Нового шелкового пути» США, китайская «политика добрососедства»).

Наконец, третье, ЕАЭС — вовсе не способ отгородиться от остального мира, а метод усиления глобальной конкурентоспособности каждой из стран на основе коллективного взаимодействия в мировой экономике и политике. Как известно, зарубежные противники евразийской интеграции обычно утверждают, что Россия ведет партнеров к новой изоляции и создает на пространстве СНГ «заповедник экономической отсталости и авторитарных режимов». В ответ на это следует разъяснять, что истинное намерение ЕАЭС — создание в перспективе единого экономического пространства с Евросоюзом и странами АТР.

Функционирование ТС на первом этапе положительно сказалось на внешней и взаимной торговле России, Белоруссии и Казахстана (на объемах и товарной структуре), что в целом свидетельствует об эффективности *созданной интеграционной группировки*. Однако произошедшие сдвиги представляли собой так называемые временные эффекты интеграции, которые наступают сразу после формирования интеграционной группировки. Первоначально наблюдается всплеск активности в хозяйственном взаимодействии ее стран-членов, а затем заметное снижение темпов роста.

Так, в 2011 г. общий объем экспорта России в страны ТС возрос на 32,9%, Белоруссии — на 45,7, Казахстана — на 18,4%. В целом для ТС он увеличился на 33,9%, а в 2012 г. — всего на 8,7%. При этом экспорт России в страны ТС возрос на 9,4%, Белоруссии — на 12,6, тогда как Казахстана — сократился на 3,7%.

Наибольшее воздействие формирование ТС и ЕЭП оказало на внешнеторговый оборот Белоруссии в результате договоренности об отмене Россией экспортных пошлин на нефть и перечисления экспортных пошлин на экспортируемые ею за пределы единой таможенной территории нефтепродукты в российский бюджет. Следствием этого стал резкий рост белорусского производства и экспорта нефтепродуктов и продукции нефтехимии, начиная с 2012 г.

Для Казахстана эффекты создания Таможенного союза во внешней и взаимной торговле оказались неоднозначными. В 2010—2011 гг. наблюдался определенный рост импорта Казахстана из России и Белоруссии, а в 2012 г. начал сокращаться его экспорт в эти страны, что стало отрицательно сказываться на внешнеторговом балансе. Пока явным эффектом интеграции для Казахстана оказался рост доходов от транзита вследствие того, что теперь товарные потоки из Китая на единую таможенную территорию идут через казахстанские, а не российские таможенные посты.

Важность Таможенного союза для России во многом определяется тем, что она реализует на общем рынке ТС более трети всей экспортной машиностроительной продукции. Темпы прироста взаимного товарооборота со странами ТС в 2011 г. по сравнению с предыдущим годом превышали аналогичный показатель для третьих стран в 2,6 раза, темпы прироста экспорта — в 2,1 раза, а импорта — в 3,8 раз. Очевидным преимуществом интеграции для РФ стало изменение структуры взаимных поставок. В частности, увеличилась доля продукции с высокой добавленной стоимостью и сократилась доля топлива и сырья. В 2011—2012 гг. в российском экспорте в страны ТС-ЕЭП удельный вес минеральных продуктов снизился с 52,3 до 49,7%, а машин, оборудования и транспортных средств возрос с 14,2 до 16,2%.

Увеличение экспорта продукции с более высокой добавленной стоимостью в пределах региона может стать первым шагом к расширению ее продаж в глобальных масштабах. Экспортный потенциал, накопленный в рамках ТС-ЕЭП при низких тарифных и нетарифных барьерах, повышает шансы для последующей экспансии группировки на рынках третьих стран посредством взаимной производственной кооперации.

Словом, первые результаты функционирования ТС показали, что масштаб и характер эффектов интеграции для каждой страны-участницы могут существенно различаться. Здесь, по-видимому, потребуется сформировать соответствующие механизмы выравнивания между странами временных выгод и потерь.

Устойчивое развитие евразийской интеграции невозможно без совместных действий по модернизации экономик ее участников. Общей острой проблемой постсоветских государств после двадцати лет суверенного существования стала нарастающая примитивизация структуры их народных хозяйств. Всем им приходится иметь дело с устаревшей технико-технологической базой экономики, значительно ослабленным за годы реформ ее научным и кадровым потенциалом. Первоначальные надежды новых независимых государств на модернизационные скачки с помощью «третьих стран», как правило, не оправдываются. Автономные попытки экономической модернизации слабо связаны с активизацией евразийских интеграционных процессов. При этом модернизационная политика сводится в основном к технологическим заимствованиям из третьих стран, нацелена главным образом на импортозамещение и, как правило, не идет дальше «отверточного» производства. Обнаружилось, что приток зарубежных технологий в постсоветские государства, хотя и может способствовать модернизации отдельных отраслей, но, как правило, не ведет к техно-

логическому обновлению экономик в целом, поскольку центры технологических и продуктовых нововведений находятся за их пределами.

В этой связи во многих из постсоветских государств зреет понимание того, что остановить процессы примитивизации и деиндустриализации национальных экономик можно лишь общими усилиями в рамках коллективной промышленной политики. И совершенно очевидно, что только Россия может стать инициатором ее разработки, выдвигая тезис о необходимости перехода к инновационной экономике как цели развития общего интеграционного пространства. Располагая наиболее крупной экономикой и инновационной сферой и учитывая в полной мере возможности и интересы партнеров по постсоветским объединениям, именно она должна сыграть решающую роль в проведении согласованной модернизации.

Здесь, по-видимому, потребуется коллективная разработка концепции такого пространства, в которой были бы четко обозначены желаемая структура экономики в Евразийском союзе, инструменты ее формирования, а также этапы и сроки реализации.

Так или иначе, странам—участницам интеграционных проектов предстоит уделить особое внимание согласованию национальных приоритетов в научно-технической сфере, а также формированию общими усилиями «технологических коридоров», в рамках которых глобальная конкурентоспособность отдельных выбранных секторов экономики будет достигаться преимущественно за счет технологий, разработанных внутри интеграционного пространства.

Для решения этих задач представляется целесообразным:

- разработать межгосударственные целевые программы инновационного развития и определить порядок их финансирования;
- внедрить на двусторонней и многосторонней основе институциональные и финансовые механизмы поддержки и реализации научных исследований и инновационных проектов;
- сформировать трансграничные инновационные цепочки, позволяющие реализовывать принцип добавленных инноваций, когда инновации, созданные в какой-либо стране интеграционного объединения, дополняются и совершенствуются в других странах данного объединения;
- улучшить условия для инновационного бизнеса, обеспечить защиту интеллектуальной собственности малых и средних предприятий, ускорить принятие согласованных, а затем и единых технических стандартов;
- разработать нормативно-правовую базу, регулиующую распределение доходов и межгосударственной собственности в виде ма-

териальных и нематериальных активов, полученных в ходе реализации совместных инновационных проектов.

В заключение еще раз вернемся к российской политике в евразийском регионе. Судя по всему, странам—членам интеграционного блока предстоит запустить процессы расширенного воспроизводства в основном на базе собственных ресурсов и внутреннего спроса при одновременном сохранении и даже расширении хозяйственного взаимодействия с остальным миром. Контрпродуктивным в этой связи является неутраченное противопоставление политики модернизации России ее курсу на консолидацию постсоветского пространства. На самом деле обе установки не антагонистичны. С позиций истинных интересов страны безальтернативен подход, в соответствии с которым национальные и интеграционные действия в области экономической модернизации должны взаимно дополнять, а не исключать друг друга. Только общими усилиями можно преодолеть периферийный характер евразийского региона и предотвратить его сползание в зону «технологического захолустья».

В.Т. РЯЗАНОВ

Интеграционные перспективы на евразийском пространстве

Аннотация. В статье раскрываются возможности и перспективы экономической модели интеграции на евразийском (постсоветском) пространстве. На опыте Европейского союза обосновываются достоинства и преимущества интеграции в период общего экономического подъема, а ее ограничения и недостатки становятся значимыми в период кризисных потрясений. Развитие интеграции на постсоветском пространстве выступает важным средством объединения усилий стран по выходу из кризиса и укрепления их позиций на мировом рынке. Приводятся данные социологических опросов об интеграционных предпочтениях населения постсоветских государств. В заключение анализируются возможности и условия развития региональной интеграции в СНГ.

Ключевые слова: постсоветские государства и интеграционный процесс, экономическая модель интеграции, интеграционный опыт ЕС, Таможенный союз, интеграционные предпочтения населения.

Abstract. In the article the possibilities and the prospects for the economic model of integration on the Eurasian (post-Soviet) space are revealed. The merits and the advantages of integration in the period of overall economic lift are based on the experience of the European Union, and its limitations and deficiencies become significant in the period of crisis shakings. The development of integration on the post-Soviet space protrudes as the important means of the association of the efforts of the countries on the overcoming the crisis and strengthening of their positions for world market. The data of the opinion polls about the integrated preferences of the population of post-Soviet states are cited. In conclusion are analyzed the possibilities and the conditions for the development of regional integration in the CIS.

Keywords: post-Soviet states and the integration process, the economic model of the integration, integrated experience the European Union, Customs union, the integrated preferences of the population.

Интеграционные процессы и политические союзы зарождаются в силу действия разных причин и исторических обстоятельств. Условно их можно подразделить на причины с экономической и неэкономической доминантами. Конечно, чаще всего речь идет об определенной их комбинации, в которой в качестве ведущей причины выступает одна или другая группа факторов. Важно также учитывать, что на интеграционные процессы, их возникновение и интенсивность сильное влияние оказывают такие факторы, как *угрозы*, имеющие преимущественно военный характер, или *опасности*, выступающие в виде возможности потери своей цивилизационной идентичности (религиозной, культурной и т. п.). Наконец, геополитическое пространство со своими давними историческими корнями и взаимосвязями может переформатироваться, реагируя на возникающие вызовы и появляющиеся новые центры притяжения. Поэтому перспективы и возможности интеграционного процесса в конкретном макрорегионе должны оцениваться с учетом действия всей достаточно сложной и противоречивой совокупности факторов, содействующих и противодействующих данному процессу.

Что касается евразийского пространства, то оно на протяжении длительного периода находилось в ситуации поиска сбалансированного и гармоничного взаимодействия разных народов, живущих на этой территории. Такой исторический опыт ценен, и его нельзя игнорировать. С некоторой условностью можно рассматривать современный этап зарождения интеграционного процесса третьей его попыткой, имея в виду предшествующие этапы в виде Российской империи и Советского Союза. Специально не обсуждая мотивы и причины,

преимущества и недостатки предшествующих политико-экономических союзов, тем не менее отметим, что сам по себе факт распада свидетельствует об их неустойчивости или исчерпанности, требующих упреждающего переформатирования, которое в силу разных причин не произошло. Можно долго спорить о том, насколько реалистичной была возможность перехода к новой форме интеграции, минуя разрушительные процессы. Во всяком случае, нынешний, как и предшествующий, опыт ясно указывает на то, что сам по себе распад особого благоденствия народам не приносил в прошлом и в настоящее время также оказался для большинства населения малоуспешным.

В отличие от предшествующих этапов нынешний интеграционный процесс на евразийском пространстве, рассматриваемом в постсоветских границах¹, зарождается с четко выраженной экономической доминантой, беря за образец Европейский союз как наиболее амбициозный и продвинутый интеграционный проект. Особенностью такой модели интеграции является то, что она базируется на экономических интересах и их совпадении среди потенциальных участников, осуществляется в системе рыночных координат, позволяя реализовать конкурентные преимущества более емкого рынка и делая ставку на взаимное освоение и защиту «больших пространств» в конкурентной борьбе.

Обсуждая возможности и перспективы экономической модели интеграции на евразийском (постсоветском) пространстве вместе с тем не следует идеализировать и преувеличивать саму эту модель. Произошедший мировой экономический кризис 2008—2009 гг. показал, что создание интеграционных объединений не гарантирует их экономическую устойчивость и антикризисную защищенность. Дело в том, что интеграционный блок демонстрирует неодинаковые возможности в подъемной фазе и при наступлении кризиса. В первом случае интеграционный союз способен оказать дополнительное стимулирующее воздействие на экономический рост за счет большей емкости рынка, плотности хозяйственных связей, снятия барьеров в торговле, налаженного сотрудничества и т. п. Однако когда экономика попадает в ситуацию кризиса, интеграционные связи не столько помогают, сколько мешают странам преодолевать возникшие трудности.

То, что экономическая интеграция не позволяет странам, входящим в нее, избежать вхождения в кризис, само по себе является свидетельством недостаточной ее антикризисной защиты даже в сопоставлении с такой защитой на уровне национальных экономик. Еще

¹ О проблемах интеграции на всем пространстве Евразии см.: [1].

хуже обстоит дело с последующим выходом из кризиса. Он более затруднен из-за имманентно воспроизводимого конфликта интересов и эгоизма его участников, что осложняет согласование антикризисных мер, не говоря уже об их реализации. В этих условиях деятельность наднациональных регуляторов характеризуется меньшей эффективностью, чем возможности национальных регуляторов (см.: [2]). Экономическая ситуация, которая возникла и продолжается в ЕС, наглядно это подтверждает. Аналогичными недостатками в еще большей степени отличается деятельность таких институтов глобализации, как МВФ и ВБ, призванных по замыслу их создателей осуществлять регулятивную функцию на всем глобальном поле.

Следующее, что важно учитывать для успеха экономического интеграционного проекта, это проблема обоснованного отбора участников с учетом близости общего уровня социально-экономического развития, плотности торговли и экономических связей, социокультурной совместимости, позитивного отношения основной части населения, а также предрасположенность к интеграции политической и деловой элит. Если с этих позиций обратиться к характеристике евразийского пространства, то первая особенность связана с асимметричностью его потенциальных партнеров по масштабу основных социально-демографических и экономических параметров. Несомненным и доминирующим субъектом в данном макрорегионе выступает Россия, и на нее уже в силу самой масштабности возлагается особая роль в инициации и последующем укреплении интеграционного движения (табл. 1).

Таблица 1

Россия и ее роль в СНГ и Таможенном союзе (2012), %

	СНГ*	Таможенный союз
Население	54,2	84,6
ВВП	74,8	86,5
Промышленность	72,0	86,6
Сельское хозяйство	60,9	81,7
Инвестиции в основной капитал	78,6	88,0
Внешнеторговый обмен	65,7	83,2

* За исключением Туркмении и Узбекистана.

Рассчитано по: [3].

Абсолютное доминирование России на постсоветском пространстве и тем более в рамках Таможенного союза контрастирует с ситуацией в ЕС, в котором также есть своя лидирующая группа наиболее крупных государств и относительно периферийные зоны. Так,

на долю четырех самых крупных экономик евроинтеграционного блока приходится 62,6% его общего ВВП. При этом удельный вес Германии составил 20,5%, Франции — 16,0, Великобритании — 13,6, Италии — 12,5%. Приведенные данные свидетельствуют о том, что экономический вес России в СНГ больше, чем общий вес четырех самых крупных евроэкономик. В известном смысле можно говорить о монопольном положении России на территории СНГ, что определяет специфику и создает дополнительные трудности в продвижении интеграционного проекта. Крупный российский экономический потенциал предопределяет соответствующую возможность оказания сильного влияния на другие страны, вызывая у них опасения по поводу их самостоятельности и способности реализовывать свои экономические и политические интересы на равноправной основе. В силу данного обстоятельства немалое число политиков и экспертов рассматривают евразийскую (постсоветскую) территорию как регион традиционного российского доминирования и экспансии.

Во всяком случае наличие нескольких экономически равных участников интеграционного объединения создает больше шансов для относительно слабых игроков в их политическом маневрировании и в отстаивании своих интересов. Экономическая асимметричность особенно болезненно может восприниматься политическими и хозяйственными элитами таких государств, опасющихся потерять свои властные полномочия и имущественные привилегии. В свою очередь экономические выгоды от интеграции в СНГ для России менее значимы, особенно на начальном этапе, что ослабляет ее роль ведущего интегратора. К тому же в сложившихся условиях ее реальный политический ресурс в этой сфере не соответствует ее экономическому потенциалу, что побуждает ее проводить более осторожную и сдержанную политику².

Признак асимметричности на постсоветском пространстве имеет и другое свое проявление, связанное с неодинаковыми результатами, к которым пришли бывшие советские республики за почти четвертьвековой период политической независимости. Оказалось, что далеко не всем из них удалось восстановить свои социально-экономические позиции, как они сложились еще в советской экономике. Трансформационный кризис, который затронул все бывшие советские республики, привел к тому, что по душевому уровню ВВП в

² Примечательно, что инициатива создания на постсоветском пространстве Евразийского союза впервые была публично высказана президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым в стенах МГУ имени М.В. Ломоносова в марте 1994 г.

таких государствах СНГ, как Киргизия, Молдавия, Таджикистан и Украина, все еще не достигнут уровень 1990 г. (рис. 1). Причины были разные, но в данном случае важно обратить внимание на серьезное последствие для интеграции от значительно возросшей дифференциации в уровне социально-экономического развития в СНГ, что не может не осложнить заинтересованность во взаимовыгодном сотрудничестве.

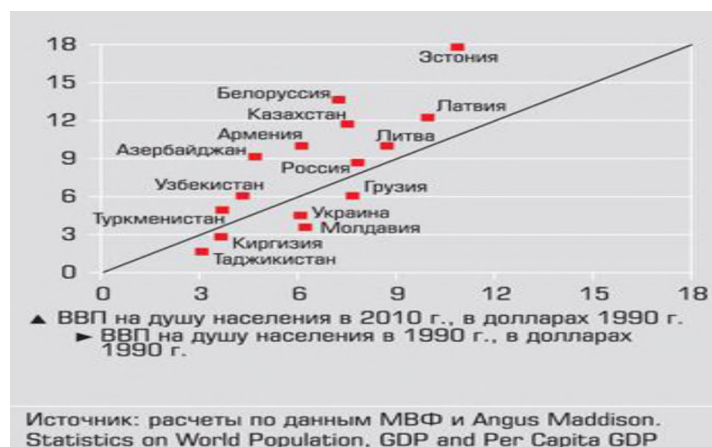

Рис. 1. ВВП на душу населения в постсоветских государствах в 1990 и 2010 гг. (в дол. 1990 г.) [4]

Если в поздний период развития СССР разница в производстве национального дохода на душу населения между союзными республиками составляла примерно 2,5 раза (прибалтийские и среднеазиатские республики), то в настоящее время такое различие между РФ и Таджикистаном составляет 8-кратную величину. В СНГ можно выделить, с одной стороны, группу государств с относительно высокими душевыми доходами (РФ — 16,8 тыс. дол., Беларусь — 15,0, Казахстан — 13,0 тыс. дол.), с другой — группу с экстремально низкими доходами (Таджикистан — 2,1 тыс. дол., Киргизия — 2,4, Молдавия — 3,4 тыс. дол.).

Такой же существенно возросшей дифференциацией характеризуется положение с уровнем оплаты. Если в пересчете по рыночному обменному курсу на американские доллары в 2012 г. среднемесячная заработная плата составила в России 824 дол., Казахстане — 700, Белоруссии — 480 дол., то в Таджикистане — 120 дол., Киргизии — 220, Молдавии — 300 дол.

Для сравнения приведем ситуацию с социально-экономической дифференциацией в ЕС в нынешнем расширенном составе. В 2011 г. в ЕС-27 уровень ВВП по ППС на душу населения варьировался между его участниками в диапазоне от 12,5 тыс. дол. (Румыния) и 13,6 тыс. дол. (Болгария) до 82,6 тыс. дол. (Люксембург), 42,4 тыс. дол. (Нидерланды), 40,4 тыс. дол. (Швеция) при среднем значении по Союзу в 32,7 тыс. дол. Как видно, уровень дифференциации также значителен, и он особенно возрос после 2004 г., когда евроинтеграция значительно расширилась за счет государств с заметно более низким уровнем экономического развития. Если рассмотреть различия в уровне ВВП на душу населения применительно к ЕС-15, то они существенно сглаживаются. Странами с наименьшим значением данного показателя оказываются Португалия (23,4 тыс. дол.) и Греция (26,2 тыс. дол.), что определяет сокращение разрыва примерно с 4-кратной до полутора-кратной величины.

Значимость интеграционного объединения государств на основе примерно одинакового уровня социально-экономического развития подтверждается возникновением трудностей и проблем в деятельности ЕС, когда в его расширении возобладали политические мотивы. Дело в том, что достигнутый уровень экономического развития ЕС в целом уже не в состоянии обеспечить поддержание установившегося достаточно высокого уровня жизни населения, сглаживая возросшие социальные различия на всем европейском пространстве, после включения в 2004 г. в свой состав большой группы восточноевропейских и прибалтийских государств. Европейский союз, декларируя себя в качестве социально-солидарного объединения, в течение длительного периода проводил целенаправленную политику сокращения отставания наименее благополучных стран и регионов, формируя тем самым притягательный имидж для пополнения своего состава, используя так называемый демонстрационный эффект. Проводя такую перераспределительную политику, данное интеграционное объединение по этому параметру может вполне рассматриваться как обновленный вариант «евро-СССР».

До кризиса политику выравнивания удавалось проводить, но ценой наращивания долга и усиления разрыва между социальным развитием и реальным экономическим потенциалом, тем самым снижая конкурентоспособность европейской экономики на мировых рынках. В условиях кризиса этот разрыв превращается в наиболее острую и болезненную проблему, разрушающую европейское единство, основанное на конструкции социального рыночного хозяйства и политики всеобщего благосостояния.

Из этого следуют два возможных варианта решения данной проблемы: либо восстановить сбалансированность экономического и социального развития (и для этого придется понизить уровень жизни в тех странах, в которых он экономически не подкреплён), либо поддерживать достигнутый уровень жизни во всех странах за счет ресурсов более успешных экономик, тем самым усиливая в перспективе риски возникновения экономической стагнации. И в одном и в другом случае ожидаемы политические последствия в виде роста повсеместного недовольства, конфликтности и политического брожения на всем интеграционном пространстве.

Удастся ли ЕС выйти из этой ловушки *«необеспеченного социального государства»*, в котором он оказался, и как это будет сделано?

Это вопрос чрезвычайно сложный, и ответ на него трудно прогнозировать. Тем более, что он обусловлен взаимодействием многих факторов, действующих не только в Европе. Вместе с тем следует принять во внимание, что подход к разрешению этой проблемы в незначительной степени зависит от того, как в дальнейшем будет соотносён экономический рационализм, присущий западному мировоззрению, с политической мечтой о единой Европе, основанной на общих ценностях и устремлениях. Учтём: произошедшая экономическая прагматизация ЕС, ставшая особенно значимой после его самого масштабного расширения, выдвинула на передний план получение выгод и выигрывать, а не укрепление общих ценностей, что обостряет противоречия между ними, делая их трудноразрешимыми.

Данная проблема имеет более общий аспект, связанный с постановкой вопроса о гипотетическом существовании определенного *«предела экономической интеграции»*. Таким пределом может оказаться падающая эффективность управления по мере роста масштабов экономики и сложности возникающих взаимосвязей в условиях избыточной разнородности и разноразмерности в развитии субъектов интеграционного процесса. Приходится считаться с тем, что история пока даёт примеры образования больших государств не столько из экономической логики, сколько из действия геополитических факторов и особенно внешних угроз. При этом следует признать, хотя бы и теоретически, что, в конечном счёте, историческая жизнеспособность любого экономического союза зависит от того, насколько его участники готовы в перспективе, пусть и долгосрочной, завершить процесс хозяйственной интеграции образованием единого и жизнеспособного государства. Экономика с общей валютой и единым управлением в рамках государства — всегда более прочное и надёжное образование.

Исторический пример ЕС и особенно экономическая модель еврозоны, основанные на принципе консенсуса в принятии решений при сохранении политического суверенитета, подтверждают, что в условиях несовпадения экономических интересов и действия разнородных политических сил, экономические союзы не в состоянии оперативно и эффективно реагировать в нестабильной ситуации.

Отрыв экономической от политической интеграции в ЕС, успешность в объединительном процессе стран с сохраняющимися существенными различиями в уровне развития и типе хозяйственного устройства — все это в условиях мирового кризиса обострило внутреннюю несопряженность данного интеграционного союза. Последние события, которые происходят в ЕС, раскрывают попытку реализовать альтернативный сценарий, нацеленный не на замораживание, а на углубление интеграционных процессов. Важным элементом в его реализации стало принятие в 2 марта 2012 г. пакта о бюджетной дисциплине, который подписали 25 из 27 государств ЕС, за исключением Великобритании и Чехии. Он ужесточает требование к бюджетному дефициту до 0,5% ВВП с сохранением общей величины долга не более 60% ВВП, одновременно вводя штрафные санкции при нарушении бюджетной дисциплины. Его реализация позволит существенно укрепить бюджетную дисциплину и усилить полномочия наднациональных органов управления. Фактически речь идет о варианте демонтажа системы национального экономического суверенитета с выходом на создание европравительства с проведением жесткой согласованной экономической политики по широкому фронту, начиная от общих принципов бюджетирования и завершая налоговой унификацией. Подчеркнем, что в истории европейского интеграционного строительства уже выдвигались проекты образования Соединенных Штатов Европы, но они оказались нереализованными³.

Для нас же важно, что исторический опыт ЕС, как ранее и СССР, должен тщательно учитываться в развертывании интеграционного процесса на постсоветском пространстве, чтобы в будущем не допустить непродуманных решений. И одновременно мы должны видеть в развитии интеграции вполне разумную защитную реакцию на кризис глобализации с поиском выхода из него.

Еще одним несомненно важным условием успеха интеграционного процесса является внутрирегиональная плотность экономических связей, а это — взаимная торговля и инвестиционные проекты, производственная кооперация и свободная трудовая миграция и т. п. При этом следует учитывать как сложившийся уровень таких взаимо-

³ Подробнее об этом см.: [5].

связей, так и их динамику. Анализ взаимной внешней торговли и ее динамики, хотя в полной мере и не раскрывает всю совокупность хозяйственных связей, тем не менее является достаточно точным индикатором экономического притяжения. Ситуация в данной области неоднозначная. Положительным моментом является то, что абсолютные значения взаимного экспорта и импорта в СНГ за период 2000—2012 гг. существенно выросли. Если в 2000 г. внутрирегиональный экспорт равнялся 26,3 млрд дол., а импорт 30 млрд дол., то в 2012 г. он увеличился до 142,4 и 138,6 млрд дол. соответственно, т. е. в 5,4 и 4,6 раза⁴. Но при этом удельный вес экспорта внутри СНГ в общем экспорте стран остался неизменным (всего 19%), а по импорту произошло сокращение с 46 до 27% (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес СНГ в общем объеме экспорта и импорта (2000—2012), %

Страны	Экспорт 2000 г.	Экспорт 2012	Импорт 2000	Импорт 2012
Азербайджан	13	5	32	25
Армения	24	24	20	31
Белоруссия	60	51	70	65
Казахстан	27	13	54	48
Киргизия	42	58	54	52
Молдавия	59	43	33	31
Россия	13	15	34	13
Таджикистан	48	18	83	55
Украина	31	37	58	41
Всего по СНГ	19	19	46	27

Источник: [3].

Не самым благоприятным моментом в торговле России со странами СНГ является относительно незначительная роль их рынков для ее экспортеров и одновременно относительно снижающийся спрос на продукцию партнеров по евразийской интеграции. В 2000—2012 гг. российский экспорт в страны СНГ вырос с 13,8 до 78,1 млрд дол. (в 5,7 раза), а импорт увеличился с 11,6 до 41,7 млрд дол. (в 3,6

⁴ Без учета внешней торговли Туркмении и Узбекистана.

раза). В результате положительное сальдо для России возросло с 2,2 до 34,4 млрд дол. Можно считать, что его возросшая величина в немалой степени характеризует более высокий уровень фактически дотационной поддержки стран СНГ со стороны России.

Насколько относительно низкая плотность внешнеэкономических взаимосвязей может стать барьером на пути формирования интеграционного союза?

Конечно, если за образец взять ЕС, то нельзя не видеть достаточно сложную проблему в поиске экономической мотивации в деле продвижения интеграционного проекта. В ЕС согласно имеющимся данным, в среднем 2/3 внешнеторгового оборота стран ЕС приходится на участников этой интеграционной группировки (рис. 2). К тому же свыше 3/5 потоков прямых иностранных инвестиций осуществляется внутри этой интеграционной группировки. В сопоставлении уровня плотности внешнеторговых связей обнадеживает то, что не только в СНГ она заметно ниже в сравнении с ЕС. К примеру, в Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК) она еще меньше, чем в СНГ, но тем не менее продолжает развиваться⁵. Отметим такую деталь. Если до кризиса в 2008 г. внутрирегиональный внешний оборот в СНГ составлял 20% от общего оборота, то после кризиса он возрос до 22% (2012). Это означает, что трудности выхода из кризиса побуждают страны СНГ переориентироваться на взаимную торговлю и укрепление сотрудничества.

Успех интеграционного процесса, наряду с множеством экономических и политических предпосылок, не в меньшей степени зависит от его человеческого измерения. Отношение населения стран и особенно бизнес-элиты и политического руководства во многих случаях могут сыграть решающую роль в этом процессе. В этой связи важно проводить соответствующие социологические исследования по поводу интеграционных настроений в СНГ. Отметим, что в ЕС с 1973 г. регулярно и на постоянной основе изучается мнение европейцев о евроинтеграции (программы «Евробарометра»), особое внимание при этом обращая на формирование общеевропейской идентичности (гражданства).

В настоящее время Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР) разработан «Интеграционный барометр ЕАБР», на базе которого в 2012 и 2013 гг. проведен опрос жителей 12 стран региона СНГ с целью изучения общественного

⁵ СААРК — Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества, созданная в 1985 г. В нее входят Бангладеш, Бутан, Мальдивы, Непал, Пакистан, Индия и Шри Ланка. Позднее в эту организацию вступил Афганистан.

мнения по различным аспектам евразийской интеграции и кооперации в динамике. В ходе него было опрошено более 14 тыс. граждан 11 стран СНГ и Грузии — от одной до двух тысяч человек в каждой стране по репрезентативным национальным выборкам.

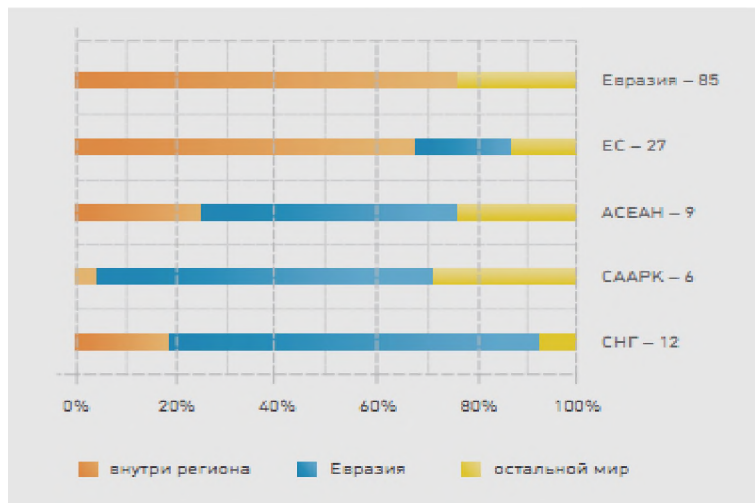

Рис. 2. Внутрирегиональная торговля в интеграционных объединениях на территории Евразии (2008) [1, 44]

Анализ результатов проведенных социологических исследований дает обширный материал для оценок и прогнозов по поводу потенциала и перспектив евразийской интеграции на постсоветском пространстве [6]. Приведем некоторые, на наш взгляд, наиболее характерные оценки общественных настроений населения стран СНГ.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что несмотря на распад СССР и уже достаточно длительный период функционирования политически самостоятельных государств по-прежнему сохраняются достаточно плотные и постоянные личные отношения жителей СНГ (рис. 3). Во всех странах такого рода отношения более значимы в сравнении с постоянными контактами с жителями других стран.

В среднем по 12 странам на наличие близких корреспондентов в 2013 г. в странах СНГ указало 58% респондентов (в 2012 г. — 57%). В известном смысле такая предпочтительность в ориентации населения СНГ находит подтверждение и в других сферах, включая экономическую. К примеру, наиболее привлекательными товарами для

приобретения на евразийском постсоветском пространстве выступают товары, произведенные на территории России. Ее упомянули в диапазоне от 22 (Азербайджан) до 63% (Узбекистан) участников опроса в каждой из стран. Единственной страной, кроме России, чьи товары являются предпочтительными для населения, стала Белоруссия (ее упомянули 20% респондентов в России и на Украине). Также Россия сохраняет наибольшую привлекательность для временной работы, особенно в среднеазиатских республиках — Киргизии (41%) и Таджикистане (41%).

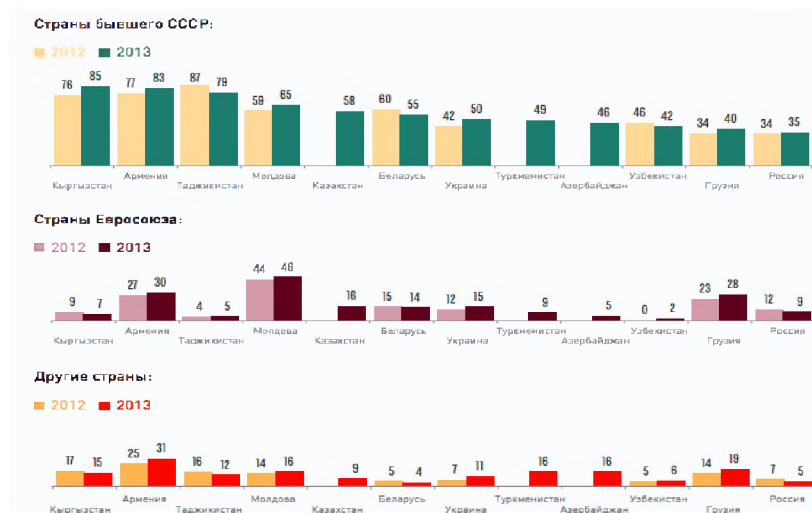

Рис. 3. В каких из перечисленных стран у Вас есть родственники, близкие друзья, коллеги, с которыми Вы поддерживаете постоянную связь (лично, по почте, телефону и т. п.), %

Особое место в социологических опросах занимают общественное мнение непосредственно об интеграционном процессе на постсоветском пространстве. Заслуживает внимания тот факт, что отношение населения к созданию Таможенного союза и Единого экономического пространства является четко положительным в странах их участников (Белоруссия, Казахстан и Россия) (рис. 4).

Не менее существенной с точки зрения оценки потенциала евразийской интеграции является то, как население других государств относится к целесообразности вхождения их государств в Таможенный союз и Единое экономическое пространство (рис. 5). Позитивное отношение к интеграционному проекту в рамках СНГ выразили все

страны, кроме Азербайджана. Особенно значительна поддержка в среднеазиатских государствах и Армении. В меньшей степени — на Украине (50%) и Туркмении (50%). Негативное отношение к Таможенному союзу и вступлению в него выразили 53% опрошенных в Азербайджане, 28% на Украине и 24% в Молдавии.

Рис. 4. Как Вы относитесь к созданию Таможенного союза?

Приведенные данные об отношении населения стран СНГ к постсоветской интеграции коррелируют с его оценками перспектив взаимодействия государств в ближайший 5-летний период. Во всех странах, кроме Азербайджана, предположение об усилении сближения государств преобладают над противоположными оценками. Хотя такое преобладание существенно различается по отдельным странам. Наибольший оптимизм в 2013 г. зафиксирован в Узбекистане (69%), Казахстане, Киргизии и Таджикистане (по 50%). В России и Белоруссии — по 41%. Наибольший пессимизм отмечен в Азербайджане (29%), в Молдавии (21%) и на Украине (20%). Интересно и то, как отличаются мнения о перспективах укрепления взаимодействия государств СНГ по разным возрастным группам. Здесь ситуация неодинаковая. В одной группе государств (Таджикистан, Туркмения, Армения, Молдавия, Украина) благоприятные оценки перспектив интеграции в большей степени присутствуют у людей старшего возраста. Но есть уже государства, в которых молодежь более положительно оценивает евразийскую (постсоветскую) интеграцию. Это — Грузия и Азербайджан.

Полученные результаты социологических опросов, конечно, не могут в полной мере раскрыть достаточно сложную и неоднозначную палитру отношений населения стран СНГ к интеграционному проекту. Тем более важно принимать во внимание изменчивость настроений людей, их зависимость от текущих экономических и политических событий. Для сравнения приведем результаты социологических опросов жителей ЕС относительно перспектив европейского сообщества. Летом 2013 г. они выявили, что 49% опрошенных оценивают будущее Евросоюза оптимистично, но вместе с тем 46% опрошенных дали пессимистичную его оценку. Во многом это связано с тем, что 72% респондентов характеризуют экономическую ситуацию в ЕС как плохую.

Рис. 5. Считаете ли Вы, что нашей стране желательно присоединиться к Таможенному союзу (единому экономическому пространству), %

Таким образом, сохраняющийся преобладающий позитивный вектор отношения людей к интеграции формирует не только ее позитивный имидж в глазах людей, но и закладывает хорошую основу для продвижения данного проекта. Но имиджем евразийской интеграции необходимо активно и постоянно заниматься, используя для этого все доступные средства. Также надо понимать, что при всей важности «давления снизу» на интеграционный проект, его реализация зависит от продуманно и взвешенной деятельности соответствующих организационных структур и политических лидеров.

В этой связи обращает на себя внимание еще один факт, зафиксированный социологическими исследованиями. Речь идет о том, что во всей совокупности интеграционных притяжений в СНГ приоритет-

ным кластером выделена сфера политики, а не экономика и даже не сфера социокультурных связей. Поэтому ставка только на экономическую модель в интеграционном евразийском проекте является по многим причинам ограниченной. Дело в том, что СССР как единое политико-экономическое пространство распался именно в силу того, что в этом «семейном» по своей природе объединении возобладали экономические интересы, когда практически каждый его субъект стал считать и доказывать, что именно он кормит других. В настоящее время и ЕС сталкивается с похожей проблемой, что подчеркивает важность сопряженности экономической интеграции с другими ее направлениями.

Создание интеграции сугубо на экономической платформе возможно и целесообразно, но в ее наиболее простых формах, например, в виде таможенного союза, как он сейчас возник, и без больших ожиданий на будущее. В этом случае его последующее расширение позволяет реализовать потребность в формировании емкого и защищенного рынка. В этой связи нередки высказывания о целесообразности расширения евразийской (постсоветской) интеграции за счет включения государств, которые не входили в состав СССР (к примеру, Монголии, Афганистана, Индии, Турции). Или предложения о необходимости евразийскую (постсоветскую) интеграцию дополнить евразийской континентальной интеграцией, реализующей идею открытого регионализма на всей территории Евразии [1, 141—143; 7]. Главным аргументом в таком случае является обоснование наличие большей экономической выгоды для постсоветских экономик от сотрудничества с ЕС. Стоит отметить, что и В.В. Путин в своей программной статье также обосновывал перспективу развития Таможенного союза с точки зрения его роли как связующего звена в развертывании континентальной интеграции от «Лиссабона до Владивостока» и «от Атлантики до Тихого океана» [8]. Теоретически в будущем могут сформироваться предпосылки для реализации более продвинутого варианта экономической интеграции, но сейчас не следует искусственно подстегивать его создание.

Подводя итог проведенному анализу, сформулируем следующие выводы. Во-первых, преодоление кризисных процессов в мировой экономике и выход в фазу устойчивого посткризисного развития при нынешнем переплетении и взаимозависимости постсоветских экономик означает, что в этих условиях не обойтись без взаимодействия и координации хозяйственной деятельности и направлений совершенствования экономического регулирования в рамках СНГ. Поэтому интеграционное евразийское экономическое взаимодействие и дальше должно развиваться, устраняя ненужные ограничения и разви-

вая многообразное сотрудничество между странами на взаимовыгодных условиях.

Во-вторых, накопленный исторический опыт развития интеграционных процессов позволяет выделить в качестве ключевой задачи обоснование содержательной стороны евразийской интеграции. От ее решения во многом зависят прочность и историческая перспективность такого интеграционного объединения. Ведь интеграционный процесс не следует рассматривать как некую самоцель, он должен быть встроен в более осмысленную систему координат.

Применительно к современной ситуации в СНГ речь может идти о следующих ее характеристиках: восстановление исторической преемственности и опыта совместного жизнеустройства; обеспечение цивилизационной самозащиты при сохранении сложившихся социокультурных ценностей в условиях обострения конкуренции и борьбы мировых цивилизаций; осуществление совместной программы «новой индустриализации» на всем евразийском (постсоветском) пространстве при восстановлении утраченного экономического потенциала и укреплении своих позиций в международном разделении труда.

Данный перечень задач, реализуемых в интеграционном процессе, приведен в качестве иллюстрации и, естественно, должен быть более основательно отработан.

В-третьих, важной задачей, решаемой при осуществлении интеграционного проекта, становится недопущение его бюрократической коррозии, которая способна существенно снизить эффективность любого интеграционного объединения. На примере СССР в прошлом и нынешних проблем ЕС можно судить об опасности бюрократизации для судьбы интеграции. Остановить тенденцию бюрократизации интеграционной деятельности, как представляется, можно в том случае, если само интеграционное объединение переформируется в союз (содружество) народов и граждан входящих в него государств. В конечном счете, интеграция должна формироваться не для чиновников и даже не для предпринимателей, а для людей, создавая лучшие условия для их социально-хозяйственной деятельности.

Литература

1. *Винокуров Е.Ю., Либман А.М.* Евразийская континентальная интеграция. СПб., 2012.
2. *Рязанов В.Т.* Наднациональные и национальные регуляторы в условиях глобальной экономической нестабильности // Вестник СПбГУ. 2012. Вып. 2.
3. Межгосударственный статистический комитет СНГ // <http://cisstat.com/>.
4. Эксперт. 2011. 26 дек.

5. *Рязанов В.Т.* Интеграционные процессы в посткризисной экономике: возможности и ограничения // *Философия хозяйства*. 2013. № 3.
6. Интеграционный барометр ЕАБР—2013. ЦИИ ЕАБР. СПб., 2013.
7. *Кротов М.И.* Евразийская идея и перспективы СНГ // *Свободная мысль*. 2011. № 10.
8. *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // *Известия*. 2011. 3 окт.

А.Н. КЛЕПАЧ

**Евразийская идея: политический, идеологический,
экономический, социальный феномен**

Аннотация. Рассматриваются проблемы евразийской интеграции как социального феномена; утверждается, что евразийский вызов означает кардинальные изменения всей системы экономических и политических связей, а также изменения на уровне взаимодействия общества, бизнеса.

Ключевые слова: евразийская интеграция, экономический феномен, Таможенный союз.

Abstract. The article is devoted to problems of the Euroasian integration as social phenomenon; it is claimed that the Euroasian challenge means basic changes of all economic and political connections system and changes at the level of interaction of society, business.

Keywords: Euroasian integration, economic phenomenon, Customs union.

Евразийская интеграция — это в большей степени не экономический, а идейный, или социальный, феномен. Он отталкивается не от реальности, не от расчетов, не от экономической выгоды, а от некоторой евразийской идеи, которая, с одной стороны — над экономической реальностью, с другой — связана с поисками определенного смысла и национального облика и для России, и для тех стран, которые входили как в традиционные русские миры (не важно — в Российскую империю или в Советский Союз), так и для тех, которые сейчас формируют свою собственную политическую жизнь и политическую идентичность.

По сути дела евразийская цивилизация — это особый, или даже другой мир, который связан с другим отношением, в том числе к пространству и к соотношению пространства и времени. Европейская цивилизация, бизнес, экономика корпораций и рынков так или иначе связаны с временным изменением в развитии, с получением денег, тогда как евразийская идея в первую очередь определяется пространством, достаточно большой пластичностью, нечеткостью правил. Евразийское пространство в определенной степени строится не на жестких нормах, а на понятиях, несмотря на большое количество законов, нормативно-правовых актов (порядка 11 тыс. за последние несколько лет прошли через Государственную Думу и Совет Федерации), экономических решений. Важно, чтобы понятия выстраивали пластичную, нормальную жизнь, и при этом так, чтобы жизнь и экономика были достаточно конкурентоспособны.

Отметим несколько проблем интеграционного процесса, которые носят и социальный, и экономический характер. Несмотря на то, что евразийская интеграция реально стала приоритетом нашей экономической политики, начиная с того момента, когда были предприняты форсированные усилия для создания Таможенного союза, его трансформации в единое экономическое пространство и в перспективе — в евразийский союз, Россия (а также Украина — это еще более явный пример) постоянно находится в некотором метании между европейским выбором и азиатским. Это связано с тем, что на самом деле соотношение европейского и азиатского континентов и той же русскости или самостоятельной идентичности неустойчиво, скорее устойчивыми являются постоянные поиски. Так или иначе, реальность заключается в том, что и сейчас, и в экономически обозримой перспективе мы в большей степени будем зависеть от европейской экономики и даже американской, чем от азиатской.

В СНГ и создаваемой интеграционной группировке более 50% российского импорта определяется странами Евросоюза, основной приток технологий идет оттуда, основные источники кредитования, да и основная сфера экспорта нашего капитала — это европейская или евроатлантическая экономика. Наши поставки в Китай не велики. Если брать объемы торговли, то даже прогнозы показывают, что есть огромный разрыв между темпами развития китайской экономики, которая составляет 15% мирового ВВП, и минимальным объемом нашей торговли с Китаем по сравнению с Евросоюзом.

Поэтому евразийское пространство и евразийский вызов для России означают кардинальные изменения всей системы экономических связей. Пока этого не произошло, но задача ставится — на нее

потребуется лет 10, и ее решение возможно в рамках другой структуры национальной экономики.

Второй момент, еще более важный. Значительная часть российской и украинской элит отдает приоритет евроатлантическим ценностям, настроениям, и эталон, или модель поведения, тоже определяется там. В этом смысле есть огромный разрыв между евроатлантической ориентацией наших элит и политическим евразийским выбором — однако он сделан, и теперь его надо наполнить реальным экономическим содержанием.

Существует также разрыв между выбором элит и выбором народа, или средних слоев общества, хотя и здесь идут различные процессы. На примере Украины мы видим как фактически за последний год или два значительная часть населения (по разным социальным опросам) существенно сместила свои оценки и предпочтения в пользу интеграции с Евросоюзом, в сторону евроценностей.

Третий момент, евразийское пространство, Таможенный союз в особенности, с одной стороны, огромная привлекательная система, структура, поскольку здесь есть равноправие, консенсус, но, с другой стороны, это страны с крайне разными не только уровнями развития, но и системами институтов — как экономических, так и политических (политически мы, возможно, ближе, чем экономически). Так, например, в Белоруссии, механизм принятия экономических решений управления экономикой отличается от нашего больше, чем различия между нами, Китаем, Европой. И в этом плане мы во многом ближе к Казахстану, чем к Белоруссии.

Сейчас Россия и Белоруссия находятся в сложной фазе перехода — в фазе нестабильности. Белорусы только что пережили экономический кризис — по некоторым оценкам, с большой вероятностью в середине или весной 2014 г. в случае, если мы не окажем массивную поддержку, в Белоруссии разразится еще один кризис. И для того, чтобы в будущем устойчиво развиваться, им придется существенно видоизменить свою модель. Поскольку в рамках сложившейся в Белоруссии системы институтов и экономической политики устойчивости в будущем они обрести не смогут.

С Казахстаном другие проблемы, другой спектр отношений. Надо иметь в виду, что Казахстан сейчас быстро наращивает торговлю и связи с Китаем, с азиатскими странами, а не с Россией. Мы движемся на разных скоростях — и экономических и институциональных.

И в этой связи возникает вопрос, или вызов, как всем этим странам при суверенитете и равноправии все-таки сближаться, обеспечивая институциональное единство. Единство, которое будет опре-

делиться не только на уровне экономических и политических решений властей, но и на уровне взаимодействия общества, бизнеса, так сказать, на среднем уровне.

На смену евразийскому союзу, с одной стороны, приходит Таможенный союз, а с другой — некоторая система двухсторонних отношений между странами. В перспективе — ассоциированное партнерство Таможенного союза с той же Киргизией, Таджикистаном.

В Таможенный союз вступает и Армения, хотя это больше политический выбор, чем экономический, но за этим есть и определенная экономика, в основном двухсторонняя — между Россией и Арменией. В этой связи вопрос иерархичности, многоуровневости отношений интеграции крайне актуален. По сути дела мы будем иметь сложную разноразмерную, разноразмерную структуру интеграционных процессов, в отличие от Евросоюза, где намного более жесткая внутренняя система регулирования и требований по поведению, интеграции, что, видимо, в перспективе будет наличествовать и внутри Таможенного союза.

При этом возникает вопрос: а каковы границы того же евразийского пространства и в еще большей степени границы евразийского экономического сотрудничества и интеграции? Потому что русский мир по большому счету значительно шире, чем Таможенный союз и СНГ. Например, и страны Балтии являются частью русского мира. Более того, происходит некоторое повышение роли русскоговорящих общин в жизни Балтийских стран. Хотя они активно адаптируются и ассимилируются и европейским пространством, и балтийским обществом, но тем не менее это часть русского мира. Определенный элемент русского мира есть и в Израиле, и в Соединенных Штатах. Понятно, что экономически он с нами связан не сильно, хотя, например, интенсивность наших экономических связей с Израилем, причем в последнее время в отдельных элементах военной области, по сравнению со многими странами СНГ и Таможенного союза весьма значительна.

Еще один важный аспект, который здесь надо отметить, это то, что без Украины евразийская интеграция не может быть полной, и не только в силу наших идейных и исторических связей, но и потому что без нее экономическая система оказывается крайне ограниченной.

Целостность Украины связана с тем, что у нас есть возможность вместе с Украиной (без нее значительно сложнее) выстроить систему транспортной инфраструктуры. Только на создание альтернативной системы нефтепровода мы затратили около 50—60 млрд дол. То же самое происходит и в других отраслях экономики. В этом плане вместе мы сможем получить существенный целостный синергетиче-

ский эффект — это касается транспортной, энергетической инфраструктур, целой серии сфер, где мы можем совместно кооперироваться (зерновой рынок, масличные культуры). Потому что Россия, Казахстан и Украина вместе обеспечивают более трети мирового экспорта зерна, и здесь мы можем стать одним из серьезных игроков.

В части отраслей промышленности определенные шаги есть — совместные проекты, совместные предприятия, но они еще не стали серьезными игроками, и будущее каждого из этих проектов под большим вопросом. Мы каждый раз находимся в состоянии: либо будет сделан шаг вперед, либо через какое-то время идея будет похоронена. Это есть в любом проекте — от АТАН-148 до модернизации украинских АЭС и нашего участия в поставках как топлива, так и другой аппаратуры.

Тем не менее возможности здесь есть и есть определенный исторический шанс для того, чтобы сделать рывок и в части авиастроения, двигателестроения, судостроительной промышленности, космоса и ядерной энергетики. Это то, над чем сейчас правительство работает. Есть определенные планы, необходимо, чтобы они воплотились в определенные последовательные решения. И тогда мы можем стать серьезным игроком — совместно, а не порознь на целом ряде сегментов мирового рынка. Это будет политика успеха, которая покажет, как можно интегрироваться. А именно, расчистить поле от постоянных торговых войн, найти сферы реализации и применения для мозгов и интеллектуального научного потенциала и России, и Украины, а также Казахстана и Белоруссии. Идеи по поводу перспектив интеграции обсуждаются. Во многом они будут определяться тем, насколько мудро и последовательно будет вести себя Россия, потому что интеграция и дружба требуют затрат в первую очередь от нас. Они проявляются по-разному и не только в виде уступок или финансирования скидок на газ: мы должны, например, пускать на наш рынок продукцию из Белоруссии, Казахстана, а не ставить ей ограничения. Однако при этом в Белоруссии продать что-либо из нашей машиностроительной продукции невозможно, не говоря уже о молочной продукции, несмотря на то, что мы в едином пространстве.

Поэтому время для совместных проектов, единого рынка только наступает, многое здесь зависит от России. Пока, если говорить о цифрах, они не велики. Вес России в мировой экономике по паритету покупательной способности — это от 3,5 до 4% ВВП. Совместно со всеми остальными нашими коллегами это будет около 5%, или соответственно 4,4—4,5%. Если же брать все прогнозы, они в большинстве своем показывают, что есть тенденция к уменьшению, или, как максимум, не к увеличению нашей доли в мировой экономике.

Проигрыш для нас будет означать, что ни мы, ни тем более другие страны не сможем решить задачу существенного повышения жизненного уровня. В дальнейшем встанет вопрос если не о единой стратегии, то об их согласовании. Это тот вызов, на который нам еще предстоит ответить.

Пока довлеет прошлое, но будущее — за нами, и мы его создадим

Ф.И. ГИРЕНОК

Евразийский проект и Украина

Аннотация. В статье раскрывается суть евразийской концепции. Она состоит в идеократии, которая была реализована в СССР. Автор делает вывод о том, что успешная реализация евразийского проекта сегодня предполагает союз России и Украины.

Ключевые слова: Евразия, СССР, Украина, идеократия, свобода, политика.

Abstract. In article the essence of the Euroasian concept reveals. It consists in an ideokratiya which was realized in the USSR. The author draws a conclusion that successful implementation of the Euroasian project assumes today the union of Russia and Ukraine.

Keywords: Eurasia, USSR, Ukraine, ideokratiya, freedom, policy.

В начале XX в. в Софии молодыми русскими философами был предложен евразийский проект для России. Имеет ли смысл этот проект сегодня?

Евразия

Суть евразийского проекта состоит в идеократии. Что может объединить русского и казаха, украинца и китайца, если кровь у них разная, традиции не пересекаются, вера не похожа и земли они общей не нажили? Ответ один: идея. Евразийский проект привлекателен с точки зрения эстетики, а не экономики. Он не связан с выгодой. СССР, как это ни странно, был эстетическим воплощением евразийского проекта. Перед красотой его жестких метафизических конструкций меркнет величие Римской империи. Децентрируя Европу, СССР стал новым мировым центром. Но СССР разрушен. Что нам предлагает новый евразийский проект?

Экономика

Современные евразийцы предлагают нам мультикультурность, осторожную интеграцию и экономические выгоды, политику тарифов и скидок, баланс интересов и уступок. Новые евразийцы хотят создать большой рынок, чтобы успеть попасть в новый технологический уклад. Современные евразийцы — прагматики. Они не эстеты и не идеологи. Они не дружат с метанаррациями и с метафизикой. Прагматики полагают, что эстетика мешает бизнесу, отвлекая его от накопления прибыли. Если же бизнесу хочется заняться искусством, то в этом случае ему, как говорил когда-то Локк, не нужно заниматься проектами и метафизикой, а нужно, опять-таки, учиться фехтовать или, в крайнем случае, учиться скакать на лошади. Для чего? Для того чтобы иметь осанку, с которой, при случае, можно быстро получить кредит в банке и внушить доверие клиентам.

Деграция

Евразийский проект имеет сегодня для России смысл только при одном условии: в нем должна участвовать Украина. Без Украины этот проект не имеет никакого смысла. Без нее русский этнос, ослабленный кровавыми распрями в XX в., окончательно потеряет свою пассионарность, т. е. способность к дисциплинированному энтузиазму. Русскому народу угрожают ныне забвение, деграция, рассеивание среди нерусских народов, превращение в биомассу для какого-то нового пассионарного народа.

Что может остановить надвигающуюся деграцию России? Я думаю, что это не новый технологический уклад и не союз с Киргизией и Таджикистаном. Эту деграцию может остановить объединение с Украиной.

Украина

Украина — самое больное место России. Сама по себе Украина не выживет. Она не субстанция, как Россия. Предоставленная самой себе, она идет к распаду, к хаосу, а ее политики всегда стремились и будут стремиться найти того, к кому они могли бы прислониться, на кого могли бы опереться. Украине нужен костыль.

На мой взгляд, Украина имеет смысл только в связи с Россией, к которой Украине и нужно прислониться. Может ли Украина иметь политическую самостоятельность? Я думаю, что нет, не может. К такому же выводу когда-то пришел и Ю. Самарин. Для самостояния у нее нет никаких оснований: ни духовных, ни политических, ни культурных. Сама по себе она вновь и вновь будет воспроизводить одно и то же: бесформенную вольность и безначалие. Что бы Украина ни сделала, все у нее закончится разбродом, шатанием и казачеством.

Казачество — это, на мой взгляд, культурный код Украины, который программирует ее номадический образ жизни.

Волею случая народ Украины был лишен земли, и эта безземельность сделала его подвижным. Народу Украины нужно было дать землю, чтобы лишить его мобильности, связать его своеволие, приучить к форме. Екатерина Великая, конечно, это сделала. Она привязала его к земле и лишила своеволия. Сделала она это правильно, но грубо, травмировав сознание украинцев крепостным правом, и теперь они бегут от государства, как черт от ладана. Народ Украины, получив свободу, связал ее не с политикой, а с бытом. Ему стала дорога не политическая свобода, а бытовая. Государство отрывает свободу от быта, и поэтому украинцам кажется, что оно разрушает сам способ их жизни.

Форма

Кто же даст целостность Украине, кто ее оформит? Польша? Турция? Европейский союз? США? Конечно, Россия, ибо мы с украинцами — русские. У нас одна религия, одна история, одна судьба, несмотря на все политические изменения Украины, на ее странные переходы от одной крайности к другой.

Украина должна, наконец, осознать, что всякая власть — это угнетение. Подчинение Европейскому союзу — это не подчинение туркам, которым можно было подчиниться на словах, это не подчинение Москве, которую можно было обманывать, это подчинение финансовому капиталу. Европе нужна не Украина. Для Европы важно нанести смертельный геополитический урон России. Когда-то украинские казаки продавали за бесценок, за бочку горилки землю, которой их наделило государство. Сегодня украинцы готовы продать не только свои земли, но и свою волю. Пусть Украина будет существовать сама по себе — как язык, как обычай. Пусть она поет свои песни и рассказывает свои предания. Но метафизически и политически она будет иметь смысл только в пределах большой России. Это и есть, на мой взгляд, суть евразийского проекта сегодня.

М.А. ХАЗИН

О евразийской интеграции

Аннотация. Рассматриваются проблемы евразийской интеграции, процессы в мировой экономике, современная модель экономиче-

ского развития, мировые валютные зоны, в том числе возможности создания евразийской валютной зоны.

Ключевые слова: валютные зоны, евразийская интеграция, модель экономического развития.

Abstract. The article is devoted to the problems of the Euroasian integration, processes in world economy, modern model of economic development, world currency zones including possibilities of creation of the Euroasian currency zone.

Keywords: currency zones, Euroasian integration, model of economic development.

Тема эта стала очень модной в последнее время, особенно по мере развития Таможенного союза, но мало кто задается вопросами о том, как она связана с глобальными экономическими процессами в мире. А вопросы эти являются принципиальными, поскольку, с одной стороны, некоторые региональные интеграционные процессы в мире находятся в кризисе (Евросоюз), а некоторые, например, ориентированные на Китай, активно развиваются. Кроме того, мы все привыкли, что в мире идут процессы глобализационные, которые противоречат региональным объединениям, особенно не имеющим собственной международной валюты. И без ответа на вопросы о том, как взаимодействуют эти процессы, говорить о дальнейшем развитии евразийской интеграции достаточно глупо — поскольку тратить ресурсы на заведомо проигрышное дело не стоит.

Для ответа на все эти вопросы вначале нужно дать точное описание современной модели экономического развития, возникшей в XVI—XVII вв. — модели углубления разделения труда. Углубление разделения труда позволяет увеличивать производительность, однако влечет за собой увеличение рисков производителей. Не вдаваясь в тонкости, это можно объяснить необходимостью встраиваться во все более сложную и длинную технологическую цепочку. Соответственно все развитие современной экономики происходит в постоянном поиске механизмов снижения таких рисков, в противном случае экономическое развитие останавливается, о чем писал еще Адам Смит.

Отметим, что мысль Смита о том, что в замкнутой экономической системе углубление разделения труда рано или поздно останавливается, причем окончательный масштаб разделения зависит от размеров системы, не является абстрактным. Как показывают наши исследования в рамках развития теории неэкономии, в мире было уже несколько кризисов, теоретически описанных Смитом, которые мы назвали кризисами падения эффективности капитала (в отличие от обычных циклических, или кризисов перепроизводства). И именно

понимание этой специфики позволяет делать принципиальные выводы о дальнейшем развитии экономической системы.

Но вернемся к оценке рисков. Даже простейший анализ развития экономики показывает, что есть два универсальных механизма снижения рисков производителей. Первый — расширение рынков сбыта, и второй — перераспределение рисков с использованием финансовой системы. Один из вариантов второго способа — кредитование, которое снижает риски производителя, поскольку часть из них берет на себя банкир. Однако у обоих способов есть серьезный недостаток: они ограничены во времени. Иными словами, за каждым расширением следует очередной виток углубления разделения труда, который затем останавливается. Аналогично — очередная реформа финансовой системы, которая позволяет увеличить ее емкость с точки зрения принятия на себя рисков, через какое-то время перестает давать эффект с точки зрения снижения рисков производителей.

Как мы уже отмечали, не все экономические кризисы вызваны критическим увеличением рисков производителей, но если посмотреть на экономическую историю последних 100 с небольшим лет, то можно четко увидеть, как минимум, несколько таких кризисов. Первый — кризис конца XIX — начала XX в., который достиг апогея в 1907—1908 гг., вызвав банковский кризис в США, который привел к принятию 23 декабря 1913 г. закона о Федеральном резерве. Этот закон за счет введения системы рефинансирования банковской системы существенно увеличил ее емкость с точки зрения принятия на себя рисков производителей и дал возможность для активного развития экономики США в 1920-е гг.

Но главным последствием кризиса конца XIX — начала XX в. стала Первая мировая война, направленная на передел рынков. И в этой части она особых результатов не дала (хотя у Германии на какое-то время отобрали часть контролируемых ею рынков в Центральной Европе).

Второй кризис падения эффективности капитала начался весной 1930 г. (не путать с биржевой паникой осени 1929 г., поскольку это было просто обрушение «пузыря» на фондовом рынке, которое носило кратковременный характер, к началу кризиса фондовый рынок отыграл уже больше половины спада предыдущей осени). Он продолжился до конца 1932 г., после чего началась вторая в XX в. (первая была после кризиса 1907—1908 гг.) Великая депрессия, и как раз наличие таких долгосрочных депрессий является явным признаком кризиса падения эффективности капитала: поскольку риски производителей не падают, возобновление роста просто невозможно. В нашем случае рост в США начался с началом Второй мировой войны (на

внешних заказах), а в мире к ее окончанию из пяти более или менее самодостаточных систем разделения труда (британской, германской, американской, японской и советской — в хронологическом порядке) осталось только две — американская и советская. Что и вызвало феномен быстрого послевоенного роста и противоборства двух систем.

Как и следовало ожидать, по мере углубления разделения труда (причем СССР от США отставал, хотя разрыв постепенно сокращался) росли и риски. Соответственно начался и новый кризис падения эффективности капитала. В СССР — в начале 1960-х гг., и выразился он, с учетом плановой экономики, в падении фондоотдачи (т. е. в СССР это был равномерный кризис падения эффективности капитала по всей экономике в целом). Но до начала 1980-х гг. темпы роста все равно оставались положительными.

В США кризис начался в начале 1970-х (формальной точкой отсчета может быть 15 августа 1971 г., когда президент США Р. Никсон объявил второй в прошлом веке дефолт США, отказавшись обменивать доллары на золото). С учетом рыночной специфики экономики кризис в американской системе разделения труда был более быстрым и практически все 1970-е гг. экономика в США падала. При этом, однако, в отличие от СССР, кризис в разных регионах и отраслях проявлялся совершенно по-разному.

В отличие от ситуации начала 1930-х гг., денежные власти США начали достаточно активную эмиссию как с целью поддержать бюджет (прежде всего, военные расходы в условиях противостояния с СССР), так и для спасения финансовой системы. В результате, вторая половина 1970-х гг. отличалась новым феноменом, невозможным для нормального циклического кризиса, — так называемой стагфляцией, т. е. сочетанием высокой инфляции и экономического спада, характерным для разных фаз нормального экономического цикла.

Поскольку расширение рынков в этот период было чревато атомной войной, обе стороны конфликта были вынуждены мириться с кризисом. Однако власти США сумели найти способ снизить риски производителей путем очередной реформы финансовой системы. Они изменили модель кредитования домохозяйств, отказавшись от концепции возврата кредита за счет дохода заемщика, а вместо этого перешли к рефинансированию кредитного долга за счет нового кредитования. Такая модель стала возможной, в частности, за счет того, что в конце 1970-х гг. денежные власти США подняли учетную ставку в США до 19% и рефинансирование стимулировалось за счет снижения стоимости кредита. Отметим, что учетная ставка ФРС США достигла формального нуля как раз в конце 2008 г. — практически одновременно с началом нового кризиса.

Рост спроса, вызванный кредитованием домохозяйств, позволил США совершить очередной виток углубления разделения труда (который позже получил название «информационная революция»), разрушить СССР и подкрепить снижение рисков за счет распространения рынков на бывшую территорию советской системы разделения труда. Однако дальнейшие возможности расширения были исчерпаны, и к началу 2000-х гг. проявились первые признаки нового кризиса падения эффективности капитала.

Главной его проблемой по сравнению с предыдущими тремя кризисами стало то, что домохозяйства за время действия политики кредитного стимулирования набрали довольно большие кредиты и, главное, привыкли тратить много больше, чем получать. В частности, сегодня в Евросоюзе и США домохозяйства тратят примерно на 20—25% больше, чем получают, что в абсолютном выражении соответствует дополнительным расходам примерно на 3 трлн дол. в США и 2,5 трлн — в ЕС. Соответственно кризис проявляется в первую очередь в том, что падает частный спрос, который властям все труднее и труднее поддерживать.

Рассмотрение деталей того, как устроена сегодня мировая финансовая система, не входит в тему настоящей статьи. Однако главный вывод из сделанного анализа состоит в следующем: уровень рисков производителей в современной системе разделения труда по мере падения совокупного спроса не соответствует уровню разделения труда! Или, иначе, неизбежное падение спроса приведет к необходимости снижения уровня разделения труда — в противном случае риски производителей станут запредельными, они просто не смогут продолжать свою деятельность.

Это означает, что те процессы, которые с XVI в. отвечали за усиление глобализации рынков, повернут вспять. Единая система разделения труда, сформировавшаяся после 1991 г., станет неэффективной — поскольку стоимость ее инфраструктуры слишком тяжелой ношей ляжет на потребителей и производителей. Отметим, что общий масштаб спада составит по мировой экономике, как минимум, 30—35% (т. е. будет сравним с падением экономики США в период второй Великой депрессии), но для Евросоюза и США будет еще выше — до 50%. Опять-таки специфика этого спада не входит в сферу рассмотрения настоящей статьи (можно только отметить, что самому сильному спаду подвергнется финансовый сектор, относительная доля которого серьезно сократится), более того, соответствующих исследований практически нет, во всяком случае, найти их нам не удалось. Так что дальнейшие рассуждения во многом носят чисто экспертный характер.

Если исходить из предположения о том, что после кризиса мировая экономика придет в равновесное состояние, т. е. спрос будет соответствовать доходам, то ключевым элементом, ее описывающим, будет состояние частных доходов. Если рассматривать ситуацию в США, которые сегодня являются основой мировой системы разделения труда, то в них после спада доходов домохозяйств в 1970-е гг. они практически не менялись. Официальные данные показывают рост, который в середине 2000-х гг. даже превышает показатели начала 1970-х, однако более точный расчет ВВП и инфляции позволяет уточнить показатели. Таким образом, по покупательной способности доходы домохозяйств находятся сегодня примерно на уровне 1962 г. (зарплата — на уровне конца 1950-х гг.). Падение доходов после кризиса (примерно на 25%) выведет средние доходы на уровень конца 1930-х гг., т. е. уровень, при котором было рентабельно существование сразу пяти систем разделения труда.

Разумеется, это самая предварительная оценка, однако других, в общем, нет, — по этой причине можно взять ее в качестве предварительной. Вопрос: какого объема должна быть система разделения труда, чтобы в ней можно было построить экономическую систему, адекватную по уровню конкурентам, с учетом того, что многие современные технологии станут нерентабельными и придется создавать совершенно новую модель взаимодействия экономических субъектов? Тут можно предположить, что, с учетом того, что о тотальном отказе от современных технологий, конечно, и речи быть не может, общий спрос должен быть выше, чем в 1930-е гг. Тогда нормой была система разделения труда в 200 млн потребителей, значит, можно предположить, что сегодня объем потребителей станет (опять-таки, оценка) минимум 400—500 млн, 800 млн хватит уже почти наверняка.

Отметим еще одно обстоятельство. Поскольку современные технологии не будут рентабельны в рамках сильно сократившегося спроса, необходимо будет строить новые технологические схемы, которые будут принципиально отличаться как от технологий современных (нерентабельных), так и технологий 1930-х гг. (устаревших). Это колоссальная по масштабу перестройка потребует серьезного ресурса, которым может стать (в условиях постоянного экономического спада) только эмиссионный ресурс под контролем государства (межгосударственных объединений). Именно по этой причине (описывая вид мировой экономики после кризиса) в нашей книге «Закат империи доллара и конец “Рах Амерісана”» мы назвали региональные системы разделения труда валютными зонами.

Ну, и в завершение, описание возможных валютных зон — региональных систем разделения труда. Некоторые из них видны и невооруженным взглядом.

Первая — зона доллара, построенная на единстве англосаксонских стран. Это США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Есть два вопроса: будет ли в эту зону входить Мексика (которая пока колеблется в выборе между Севером и Югом) и Великобритания (которая выбирает между Западом и Востоком).

Вторая зона — зона евро. В нее явно войдут страны Северной Европы, часть стран Южной Европы и, возможно, часть стран Северной и Западной Африки. Скорее всего, часть стран нынешнего Евросоюза в эту зону не войдут, поскольку явно не вписываются в соответствующую систему разделения труда и сильно страдают от нахождения в ней.

Третья зона — зона юаня — на базе экономики Китая. Тут все, более или менее, понятно.

Четвертая зона — страны Латинской Америки и, возможно, Южной Африки. Здесь единственный вопрос — позиция Мексики. Наше личное мнение состоит в том, что Мексика все-таки станет вторым (после Бразилии) лидером латиноамериканской зоны, но никакими объективными основаниями оно не подкреплено. Точнее, есть серьезные аргументы как «за», так и «против» этой позиции — и окончательный вывод можно будет сделать только по завершении кризиса.

Отдельной зоной будет Индия — она не очень склонна к региональной экспансии, а ее внутренний рынок один из самых больших в мире.

А вот дальше возникает вопрос. Есть несколько стран, которые явно не хотят входить в китайскую зону (Вьетнам, Япония) и не смогут войти в зону доллара (США будут защищать свои рынки). Есть страны, которым требуются внешние рынки для дальнейшего развития (Турция, Иран), но которые не могут войти в нынешние системы (ЕС явно начинает ограничивать их возможности — по своим собственным соображениям или же под давлением США). Наконец, есть страны СНГ, с которыми тоже есть проблемы. Во всяком случае, на рынки ЕС их тоже не пустят. Таким образом, есть, теоретически во всяком случае, место для еще одной валютной зоны, которую условно можно назвать Евразийской. Ключевыми ее игроками могут стать Россия и Турция, в дальнейшем, в случае успешного развития — Украина, Япония и Вьетнам.

По нашему мнению, Таможенный союз как раз и является тем ядром, вокруг которого может происходить соответствующее разви-

тие новой валютной зоны. Разумеется, его активное развитие может происходить только по мере распада единой системы разделения труда с центром в США, основанной на долларе США. Но приведенные выше рассуждения показывают, что этот распад практически неизбежен, а значит, региональные системы разделения труда становятся экономически рентабельными.

Разумеется, для того, чтобы процесс евразийской интеграции стал более осмысленным и конструктивным, необходимо создание единой финансовой системы. Сегодня это невозможно — поскольку финансовую систему России контролируют сторонники сохранения единой мировой финансовой системы на базе доллара (которых в России называют «либералами»). Однако по мере развития кризиса влияние этих людей объективно будет ослабевать, а значит, нас еще ждут серьезные перемены. Другое дело, что если с соответствующими переменами опоздать, то на наши страны будет оказано серьезное давление со стороны уже состоявшихся валютных зон, что резко усложнит процессы формирования евразийской зоны. Есть и другие серьезные проблемы, например, полное отсутствие интеграционных институтов как в экономическом, так и в других направлениях, поскольку их развитие активно тормозят «либералы», находящиеся на ключевых постах в разных странах, потенциальных участниках евразийской валютной зоны.

В любом случае приведенные выше рассуждения доказывают, что для создания такой зоны есть объективные основания, что дает возможность заниматься конструктивным строительством соответствующих интеграционных процессов. При этом по мере развития мирового экономического кризиса и разрушения единой мировой системы разделения труда работа эта будет только облегчаться.

Е.В. КОСОВ

Соединенные Штаты России на евразийском пространстве

В Техасе грабить банки дозволяется только техасцам.
Американская народная мудрость

Аннотация. Ни в одной стране мира нет такого количества субъектов федерации, как в России. В будущем российское государство в нынешних границах может трансформироваться внутри себя на крупные самодостаточные образования — федеральные края с незыб-

лемыми административными границами по водоразделам главных рек. Речь идет о реализации общей идеи самоуправления. Дополнительным серьезным аргументом является тот факт, что главной цивилизационной ценностью становится вода — хорошая питьевая вода.

Ключевые слова: централизм государственного управления, федеративное устройство, водоразделы рек, национально-культурные общины.

Abstract. In any country of the world there is no such number of subjects of federation as in Russia. In the future the Russian state in present borders can be transformed in large self-sufficient educations, federal edges, with administrative borders on watersheds of the main rivers. It is a question of realization of the general idea of self-government. Additional serious argument is a fact that clear water becomes the main value.

Keywords: centralism of public administration, federal regime, watersheds of the rivers, national and cultural communities.

Нынешнее государство Российская Федерация оформлено не как естественное продолжение тысячелетней российской государственности, а как *обломок* (весьма крупный) развалившейся Советской империи. Российское государство сейчас существует по инерции среди других таких же государств-обломков, временно договорившихся о признании хоть какой-нибудь, даже самой призрачной стабильности. Но инерции свойственно угасать. Перефразируя образные слова М.А. Булгакова и В.В. Розанова, следует признать, что дело не в том, что «*все государства смертны*», а в том, что они «*внезапно смертны*» и могут совершенно неожиданно «*слинять в два-три дня*».

Утверждение, что Россия имеет по конституции федеративное устройство — лишь пустые слова. Россия — никакая не федерация, а типичное унитарное государство, где даже президенты национальных республик (якобы «президенты», якобы «национальных республик») назначаются чиновниками в Кремле. Ни в одной стране мира нет такого количества субъектов федерации, как в России (свыше 80-ти). Такое дробное государственное устройство не обосновано ни экономически, ни исторически, ни с точки зрения эффективного управления.

Существующие административные границы начертаны прихотью русских царей и советских вождей. Коммунисты всегда считали вопрос с границами «десятистепенным». В результате Харьков и Донбасс отошли к Украине, Витебщина и Могилевщина — к Белоруссии. Земли казачьего Присуда расчленили: часть передали горцам Кавказа, часть отошла к Украине, часть присоединена к разным российским областям. Крым Хрущев попросту подарил Киеву. Так же Сталин по-

ступил с Абхазией — взял да и включил ее в состав Грузии. То же самое сделал Ельцин с Керченским проливом при разделе СССР — записал за Украиной. Кроме того, Ельцин отдал Казахстану огромные территории — всю Южную Сибирь и Приуралье. Казахи ошалели от такого подарка и, чтобы российские власти потом не передумали и не взяли их обратно (как получилось с Керченским проливом), немедленно перенесли столицу Казахстана из уютной Алма-Аты в суровый Акмолинск (Целиноград), переименовав его по-своему в Астану.

Ни в одной стране мира, кроме нынешней РФ, в столичном центре не сосредоточивается столько ресурсов — финансовых, политических, информационных — всяких. Действующая властная «вертикаль» отбирает у «субъектов федерации» почти все (до 80%) собираемые ими налоги, централизует использование природных ресурсов, не позволяет демократически избирать администрацию на местах, контролирует судебную систему, препятствует модернизации ЖКХ. «Столичная модель», когда Москва является практически единственным центром притяжения всех ресурсов в стране, — тупиковая модель. В таком виде Россия представляет собой совершенно нежизнеспособную структуру. Очевидно, что такая жесткая централизация — тормоз в развитии страны. Появились и стали популярными лозунги: в Москве — «Хватит кормить Кавказ!», на периферии — «Хватит кормить Москву!». На фоне такой социальной напряженности «сепаратизм» этнических окраин выглядит лишь мелкой проблемой.

Нынешняя российская власть является едва ли не самой жесткой «президентской вертикалью» в мире. Федеральная власть и лично президент мечутся из одного региона в другой, сглаживая финансами и обещаниями то невыплату зарплат рабочим, то недостаток горючего при посевной кампании. Или же лично раздают на местах административные «оплеухи» после произошедших там природных и техногенных катастроф, будь то пожары, наводнения, землетрясения, обрушения мостов и гидростанций.

Авторитарная власть может как-то измениться лишь в одном случае — когда возникнет некая мощная сила, ей противостоящая. Такой политической силой в настоящее время может стать *новый реформированный федерализм* — сначала как идея, а затем уже как система реального противовеса существующему российскому централизму. Новый федерализм нужен, чтобы повернуть Россию на другой, более демократичный курс. Его можно назвать также «земским подходом», если пользоваться «старой» терминологией дореволюционной (царской) России. О земстве постоянно говорил

А.И. Солженицын [1] как о действенном пути выхода постсоветской России из политического и государственного тупика.

Деление России, самой обширной страны мира, по этническому признаку безнадежно устарело, сейчас это просто случайные линии на географической карте. В существующем виде эти границы не нужны никому — ни имперцам-державникам, ни националистам, ни либералам. Российское государство в нынешних границах может трансформироваться внутри себя на крупные самодостаточные образования — *федеральные края*. Их границы следует устанавливать не по этническим или экономическим признакам (все это изменчиво, а оттого зыбко и спорно), а по незыблемым географическим понятиям. Это, прежде всего, *водоразделы главных рек России*.

Таких федеративных образований можно организовать на территории России немного — не больше двенадцати. Население каждого такого федерального края будет составлять порядка десяти миллионов человек. В европейской части России можно четко выделить семь федеральных краев: Верхнее-Волжский (до притоков Суры и Ветлуги), Нижне-Волжский, Донской, Кубанский, Терской, Ладжско-Онежский (Новгородско-Ижорский), Двинско-Печерский (Поморский).

В Зауралье возможны свои незыблемые федеральные административные границы, привязанные к географическим признакам в виде пяти крупных территориальных образований: Иртышско-Обский (Сибирский) край, Енисейский край (с Байкалом), Ленский край, Приамурский край (по границе с Китаем), Тихоокеанский край (Сахалин, Камчатка, Колыма, Чукотка).

Административные границы Днепровского и Уральского округов придется урегулировать с новоявленными государствами — Украиной и Казахстаном, осколками бывшего СССР.

Федеральные края с их незыблемыми границами и должны составить новую Россию — *Союз Федеральных Краев России*, своеобразные «Соединенные Штаты России».

Сирил Паркинсон [2] (тот самый, который «открыл» забавно-парадоксальные «законы Паркинсона») на основе серьезного анализа и статистических данных показал («The Evolution of Political Thought» («Эволюция политической мысли»)), что эффективность управления напрямую зависит от численности населения. Эффективнее всего управляются страны, а также федеративные штаты (края) с населением около 10 млн человек (точнее от 4 до 12 млн) типа Швеции, Норвегии, Финляндии, Австрии, Чехии, Венгрии.

К интересным выводам пришел профессор С.П. Капица. Им была сделана оценка числа жителей в сообществе, которое дает новое

качество, превращая «отдельные деревья в лес», т. е. сколько должно быть объединено отдельных индивидуумов со своими индивидуальными интересами, чтобы был создан и функционировал эффективный социум [3]. Таким пороговым числом являются 100 тыс. особей (64 тыс. в математической модели С.П. Капицы) при компактном их проживании в плодородных поймах полноводных рек.

Внутри незыблемых административных границ федеральных краев (штатов) следует сформировать соответствующие округа, области, районы и поселения. Их административные названия тоже должны иметь *географическую ориентацию* (название рек и притоков, островов и полуостровов, горных массивов и т. п.) или традиционно-историческую привязку, но никак не быть связанными с этнонациональными признаками.

Передача большинства экономических и административных функций Центра в федеральные края позволит снять в России накопившееся напряжение от чрезмерного централизма. Федеральный центр не должен вмешиваться в компетенцию краев. За Центром (Кремлем) следует оставить лишь безусловно необходимые функции, которые не могут исполнять регионы — общую финансовую систему, технологические стандарты, федеральное законодательство и контроль за соблюдением конституции страны, межрегиональную транспортную и энергетическую сеть, стратегические вооруженные силы. Безусловно оставляя за федеральными краями вопросы природопользования, налогообложения, образования, здравоохранения, судопроизводства и правопорядка. Двадцатилетие чеченских кровавых конфликтов ясно доказывает, что с явлениями дезинтеграции можно успешно бороться, давая больше прав и развивая самоуправление на местах, а не силой оружия и принуждения.

Федеральные края сами должны заниматься формированием налоговой системы. Кроме того, необходимо поддерживать политику, направленную на сохранение и развитие региональных языков и диалектов, конечно, в гармонии с основным государственным языком. Также следует обеспечить возможность прямого и свободного сотрудничества между всеми федеральными краями. Центр должен выполнять не властные функции, а скорее арбитражные при возникающих конфликтах между краями.

Каждый федеральный край должен иметь гибкое и динамичное наполнение в виде землячеств, станиц, диаспор, тейпов и прочих структур (общин) в их ассоциативном виде. В каждом федеральном крае (в соответствующих его округах, областях, районах и поселениях) могут существовать славянские (великоросские, малороссийские, русинские и др.), татарские, казачьи, поморские, еврейские, чечен-

ские, ингушские, курдские, аварские, даргинские, бурятские, якутские и многие, многие другие национально-культурные общины. Но без закрепления за ними территориальных границ и фиксации за территориями этнических названий. Формирование национально-культурных общин в условиях глобализации является более актуальным, чем концепция «географического национализма». Следует апеллировать к культурному синтезу социумов, а не к их территориальному прикреплению. Например, компактные еврейские национально-культурные общины могут формироваться не только в Приамурье (по действующей конституции), а во всех других федеральных краях. Аналогично чеченские, татарские, немецкие общины и их ассоциации могут иметь место во многих федеральных краях (подчеркну: без закрепления за ними территориальных границ!), а не только в Поволжье или на Кавказе.

В рамках конкретного края (округа или поселения-города) исторически возникают и в реальности будут возникать регионы компактного проживания какого-то этноса, а в других краях таких этнических общин не будет вовсе по причине их микроскопической численности. И, конечно, в каждом федеральном крае будет иметь место огромное количество славянских (прежде всего русскоязычных и православных) общин и их ассоциаций. Именно славянские общины будут формировать общий фон России по языку, по материальной культуре, по участию в административном управлении на местах, оставляя за другими этносами право культурной (но не территориальной!) автономии. Речь идет о реализации общей идеи *самоуправления*, о принятии «земским обществом» на себя всей полноты ответственности за каждое принятое решение — личное, коллективное, общественное.

Дополнительным серьезным аргументом в пользу установления административных границ по водоразделам рек является тот неоспоримый факт, что в постиндустриальную (информационную) эпоху главной цивилизационной ценностью неизбежно станет вода — хорошая питьевая вода! Вода — это не просто H_2O , вода — это то, без чего невозможна жизнь человека. Без нефти и газа прожить можно, без хорошей воды — беда! Спрос на чистую пресную воду в недалеком будущем только увеличится, что может привести не только к локальным, но и глобальным конфликтам.

Дефицит пресной воды — это не надуманная, а вполне серьезная проблема, с которой предстоит иметь дело человечеству в ближайшем будущем. Вода становится ключевым вопросом, который может определить и каналы взаимовыгодного сотрудничества, и плоскости опасного межгосударственного соперничества. Контроль за бас-

сейнами рек от их устья до истоков становится основной задачей национальной безопасности и здоровья нации.

Положение с состоянием российских рек чрезвычайно серьезно. В результате непродуманного строительства на крупнейших реках России каскада плотин и гидроэлектростанций были затоплены плодородные пойменные земли, которые навсегда вышли из хозяйственного использования. Застойная вода в гигантских водохранилищах заросла ядовитыми сине-зелеными водорослями. По причине накопления воды в многочисленных водохранилищах уровень подпочвенных вод понизился на территории России в среднем на один метр. Лишенные воды болота и леса стали высыхать, поражаться короедом, а летом — самовоспламеняться. Над всей Россией клубятся думы пожарищ, а в городах, в том числе в Москве, нечем дышать.

Однако федеральная (центральная) власть и ее пропагандистский аппарат найдут сотни причин (не называя истинных), чтобы опровергнуть и исказить идею федерализма и местного самоуправления. На это будут брошены подконтрольные СМИ и красноречие придворных журналистов и политологов. Хотя главная причина отрицания заключается в том, что центральная власть свое монопольное положение уступать никому не намерена.

Литература

1. *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию // Брошюра к газете «Комсомольская правда». 1990. 18 сент.
2. *Паркинсон С.Н.* Законы Паркинсона. М., 2007.
3. *Капица С.П.* Сколько людей жило, живет и будет жить на земле // <http://chaos314.narod.ru/kaitza2.pdf>.

У.Ж. АЛИЕВ

Евразийский мейнстрим: многокритериальный подход к содержательной интерпретации

Аннотация. Рассматриваются основные параметры евразийского мейнстрима путем сравнительного анализа с западным и советским по пятнадцати критериальным основаниям.

Ключевые слова: мейнстрим (основное течение), западный мейнстрим (ЗМ), советский мейнстрим (СМ), евразийский мейнстрим (ЕМ).

Abstract. This paper discusses the basic parameters of the eurasian mainstream by the comparative method with the western and soviet mainstream criterial on fifteen grounds.

Keywords: mainstream, mainstream Western (ZM), Soviet mainstream (SM), Eurasian mainstream (EM).

Один из важных вопросов сегодня — какой из существующих экономических мейнстримов (основных течений) недавнего прошлого и современности может обеспечить формирование, эффективное функционирование и устойчивое развитие мирового хозяйства в будущем, в том числе национальных экономик России и Казахстана⁶.

Для ответа на этот непростой вопрос дадим общую характеристику современной экономической картины огромной части ойкумены методом «вопросы—ответы». Эти ответы на поставленные вопросы одновременно будут служить дополнительной фундаментальной теоретико-методологической основой обоснования выдвигаемого евразийского мейнстрима как возможного выхода из современного общемирового системного кризиса.

Итак, вопросы и ответы, характеризующие современную эпоху в целом.

1. *Каков тип (образ) современного реального мира, о котором в последнее время говорит весь «просвещенный» мир? Иллюзорная реальность. Мир симулякров (замена реальности имитацией). Читинг-мир, или мир всеобщего обмана.*

2. *Каков тип (образ) современной экономики, которую без умолку обсуждают «все, кому не лень»? Патологическая экономика (патэкономика), или уродливая патлач-экономика (престиж-экономика), беспредельная финансовая, оденежная экономика, «китч-экономика» (экономика наспех, кое-как, подделка).*

3. *Каков категорический императив жизнедеятельности (поведения) людей современного «просвещенного» мира? Всеобщее безудержное потребительство. Вещеглотство. Услугомания.*

Отсюда вечные вопросы и ответы, характеризующие современную вездесущую либеральную рыночную экономику.

А. Какова мирская основа современного рыночного общества? Своескорыстие, стремление обогатиться любыми средствами.

⁶ Основное содержание данной статьи было изложено автором в выступлении на Международной научной конференции «Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 4 — 6 декабря 2013 г.).

Б. Каков мирской культ современного рыночного общества?
Всеобщее торгашество: лунными и марсианскими участками, землями наших предков, детьми.

В. Каков мирской бог современного рыночного общества?
Деньги, деньги и еще раз деньги, которые «не пахнут».

А что в итоге? Человек — хищник № 1 на Земле, который безоглядно пожирает свои жизненные условия выживания и при этом ничего путного за собой не оставляет будущим поколениям.

Сложившаяся в большей части ойкумены экономическая ситуация является прямым результатом, главным образом, одного из трех мегапарадигмальных мейнстримов современности — западного (либерально-рыночного) мейнстрима неоклассического типа.

Наряду с ним в свое время имел место другой, так называемый советский мейнстрим, в фарватере которого «плыли» многие страны социалистического лагеря. А в последнее время (вторая половина XX в.) начинает разворачивать свой потенциал в отдельных частях мира третий мейнстрим, получивший за неимением подходящего слова название «евразийский мейнстрим»⁷, который отчасти сохраняет в себе отдельные положительные черты двух предыдущих мейнстримов, но с изменением их места и роли в этом становящемся мейнстриме.

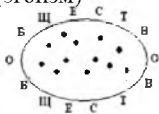

Этот мейнстрим потенциально и актуально (возможно, в большой степени еще гипотетически) характеризуется, главным образом, гуманистической направленностью мирового человеческого сообщества, социализацией национальных (и мировой) экономик, гармонизацией общественных и, в первую очередь, социально-экономических отношений. Более развернутая сравнительная характеристика указанных мейнстримов дана в табл. 1.

Как показано в табл. 1, мегапарадигмальные мейнстримы современности характеризуются по различным критериальным основаниям (их пока пятнадцать). Эти критерии при необходимости можно расширить.

⁷ Термин «евразийский мейнстрим» заимствован у профессора А.А. Олейникова, хотя содержательно «его» и «наш» евразийский мейнстрим существенно отличаются друг от друга. И это мы высказали ему устно, теперь же раскрываем эти отличия письменно.

Таблица 1

**Мегапарадигмальные мейнстримы через призму
многокритериальной характеристики**

Виды мейнстримов	Западный мейнстрим (ЗМ)	Советский мейнстрим (СМ)	Евразийский мейнстрим (ЕМ)
Черты			
1. Философские основания	Позитивизм: крайний утилитаризм, практицизм, гедонизм (доминантность материально-вещественного над идеально-духовным)	«Абстрактный» материализм на бумаге и «конкретный» идеализм на практике (доминантность идеально-духовного над материально-вещественным)	Философский гуманизм (синтез идеально-духовного и материально-вещественного)
2. Теологические основания	Позднее христианство: протестантизм	Атеизм	Тенгрианство, ранее христианство, традиционный ислам
3. Научные основания	Рационализм (рациональность) Феноменализм	Номинализм (иррациональность) Эссенциализм	Конвенциализм (согласованность) Реализм
4. Парадигмальные основания	Индивидуализм (эгоизм) Господство частного над общим, индивида над обществом	Холизм (альтруизм) Господство общего над частным, общества над индивидом	Солидаризм Разумный синтез эгоизма и альтруизма, индивидуального, коллективного, общественного

Продолжение табл. 1

5. Методологические основания	Монолектика	Диалектика	Полилектика
6. Ценностные основания	Потребительство (вещелюбие, услугomanия)	Аскетизм (уравнительное распределение)	Гармонизм (здоровый образ жизни)
7. Экономические основания	Либеральная рыночная экономика (фритредерство, рыночный фундаментализм)	Централизованно-плановая экономика (протекционизм, плановый фундаментализм)	Социальная (социализированная) экономика (гармонизация Ф и П с доменантным признаком социальности и рецессивным признаком рыночности)
8. Характер роста и развития	Утилитарно-потребительский	Производительно-догоняющий	Социально-устойчивый
9. Социальные основания	Приоритетность среднего класса с господством богатого слоя населения	Равенство всех слоев общества с приваилированием населения с низким доходом	Социальная справедливость в доступе и распределении общественного богатства между всеми членами общества
10. Правовые основания	Верховенство законодательного права	Верховенство «командно-административного» права	Верховенство духовно-нравственных норм и естественного права
11. Идеологические основания	Идея абстрактной свободы	Идея тотальной несвободы (зависимости)	Идея конкретной (действительной) свободы
12. Политические основания	Многопартийность	Однопартийность	Отсутствие господствующих партий, а в перспективе — отсутствие партии вообще
13. Управленческие основания	Демократический централизм	Бюрократический центрлизм	Дирижизм (неодирижизм) в сочетании с самоуправлением

Продолжение табл. 1

14. Характер общественно-экономических отношений	Вещная зависимость	Личная зависимость	Свободная индивидуальность
15. Характер (тип) мирового порядка	Господство однополярного мира во главе с США	Господство двухполярного мира (США и бывшего СССР)	Сосуществование многополярного мира
Итоговая характеристика	Антигуманизм (античеловечность)	Абстрактный гуманизм	Реальный гуманизм

Первый, западный мейнстрим, господствует в развитых в либерально-рыночном отношении странах мира и ряде постсоветских стран СНГ (в том числе в России и Казахстане), к сожалению, некритически заимствованный в свое время официальными властями этих государств и являющийся тупиковым вариантом «прогресса» мирового сообщества.

Второй, советский мейнстрим, в фарватере которого «плыли» в недалеком прошлом многие страны социалистического лагеря, уходит корнями в отдельные сферы общественной системы в прусско-российский опыт социокультурного и государственно-политического устройства. Ряд стран и ныне строят свою экономику по модели конвергенции (например, Китай), объективно двигаясь в направлении наиболее перспективного, на наш взгляд, третьего мейнстрима — евразийского.

Как видно из табл. 1, теологической основой наиболее перспективного евразийского мейнстрима, обеспечивающего, на наш взгляд, устойчивое развитие общества, выступают истинные ценности и нормы всех мировых религий и верований, в первую очередь, тенгрианства, раннего христианства и особенно традиционного ислама, которые лежат в русле духовности, нравственности, справедливости, социальности, солидарности, формирующие, в частности, халяльные (разрешительные) отношения человека к самому себе, другим людям и всей среде своего обитания. Именно поэтому рассматриваемый мейнстрим, по нашему мнению, постепенно получит (будем надеяться) характер и статус мегапарадигмальности в недалеком будущем, а значит, именно концепцию евразийского мейнстрима мы и рассматриваем и считаем наиболее объективной и фундаментальной теоретико-методологической основой дальнейшего развития мировой экономики вообще, национальных экономик евразийского (и, в первую очередь, российского и казахстанского) ареала, в частности, и ислам-

ской экономики в особенности, а в рамках развивающейся ныне халал-индустрии не только в отдельных исламских странах, но и в странах и регионах, где ислам не является доминирующей религией и даже не исламских моноконфессиональных странах.

Таким образом, в краткой тезисной форме мы попытались разработать общий каркас нового мегапарадигмального мейнстрима — евразийский мейнстрим с гуманизованно-социализованно-гармонизирующим метасмыслом и направленностью социально-экономического и культурно-духовного развития национальных государств и мирового сообщества, в основе которого лежат подлинно человеческие идеалы и ценности, которые можно свести к триаде: «благие мысли — благие слова — благие дела». Впрочем, все это осуществится лишь при одном условии: если человечество осознает в конце концов апокалиптичность господствующего рыночного фундаментализма, который выражает интересы исключительно мировой и национальной капиталократии и клептократии.

В.М. КУЛЬКОВ

Содержание и значение пространственного ракурса экономической теории

Аннотация. В статье определяется теоретическое поле пространственной экономики, анализируются параметры единого экономического пространства, рассматриваются проблемы формирования евразийского (постсоветского) экономического пространства.

Ключевые слова: пространственная экономика, единое экономическое пространство, евразийское (постсоветское) пространство.

Abstract. In this article the theoretical aspects of spatial economics are defined, the parameters of a single economic space are analyzed; problems of formation of the Eurasian (post-Soviet) economic space are considered.

Keywords: spatial economics, single economic space, the Eurasian (post-Soviet) economic space.

Теоретическое поле пространственной экономики

Откровенно говоря, для нас, экономистов-теоретиков (особенно работающих в Москве), пространственная, или территориальная, проблематика, сводимая чаще всего к региональной экономике, не слыш-

ком привычна и желанна. В нашем кругу считается, что она, при всей ее важности, — проблематика конкретно-экономическая, которой должны заниматься узкие специалисты по региональной экономике. Этот подход господствует. Но тем самым мы фактически абстрагируемся от важной сферы экономических отношений — той сферы, в которую реально включены все экономические субъекты и от которой зависит целостность и устойчивость развития и функционирования национальной экономики.

Тем более что пространственный аспект экономики заметно шире региональной экономики. Он охватывает и другие формы пространственной организации производства — такие как муниципальная экономика (городских, сельских поселений и других форм местного самоуправления), агломерации, промышленные, энергетические и транспортные узлы, территориально-производственные комплексы разного рода, кластеры, особые экономические зоны. В эту сферу органично входит и давняя проблема территориального размещения производительных сил. Переход к инновационной экономике привлек внимание к таким специфическим инновационно-территориальным формам, как национальные, региональные и муниципальные инновационные системы, технополисы, наукограды, особые экономические зоны технико-внедренческого типа и т. п. В широком смысле к формам пространственной экономики следует относить и разного рода международные региональные интеграционные объединения, формирование глобальных рынков и других форм, отражающих процессы глобализации. Важное значение имеет также проблема неоднородности и поляризации экономического пространства: это касается и межрегиональных сопоставлений внутри страны, и межстрановых соотношений внутри региональных интеграционных группировок, и более общих отношений между «центром» и «периферией» в мировой глобализирующейся экономике. Весь этот объемный набор элементов и проблем, касающихся пространственных (территориальных) форм организации экономической жизни и требующих своего осмысления, и формирует широкое поле пространственной экономики как объекта научного анализа. Надо учитывать и то, что пространственная проблематика всегда востребована в России в силу уникальности присущего ей территориального фактора. О специфике «пространного поля» России много писал и говорил в свое время основатель Московского университета М.В. Ломоносов. Таким образом, теоретическое и реальное поле пространственной экономики очень широкое и потенциально научно богатое.

У пространственного анализа экономики имеется богатое историко-научное наследие. Начальный импульс специальному изучению

пространственного ракурса экономической деятельности дали в свое время немецкие исследователи — И. Тюнен (немецкая географическая школа: «модель изолированного государства» — начало XIX в.), А. Вебер («теория промышленного штандорта» — начало XX в.), В. Кристаллер («теория центральных мест» — рубеж 1920—1930-х гг.), которые делали акцент на вопросах территориального размещения производства. В послевоенный период это направление было продолжено «школой пространственного анализа», родоначальником которой можно считать американского ученого У. Изарда. Богатые научные и практические традиции в этой области отличают и отечественную школу региональных исследований, включая и ее советский этап.

Теперь, больше поворачиваясь собственно к экономической теории, стоит отметить, что разные ее школы (направления) делали пространственные вкрапления в свою научную систему, хотя это было скорее фрагментарно. Выделим, в частности, учет фактора территориального местоположения в концепциях земельной ренты в классической политэкономии (Д. Рикардо, К. Маркс); включение в состав изучаемых микроэкономикой форм несовершенной конкуренции так называемой «пространственной конкуренции» (впервые это сделал в 1929 г. немец Г. Хотеллинг, в близком направлении двигался и современный американский исследователь М. Портер, разработавший теорию экономических кластеров); классическую и неоклассическую трактовку внешнеторговых отношений разных стран с использованием принципа сравнительных преимуществ; учет специфики различных групп (пространств) развивающихся стран в неоклассических, кейнсианских, институциональных концепциях экономического развития и модернизации и др. Наблюдалось и встречное движение — активное использование в региональных исследованиях категорий экономической теории. В частности, шел в этом направлении уже упоминавшийся лидер «пространственной школы анализа» У. Изард, тяготевший к кейнсианству. Представитель «теории пространственной организации» поляк А. Леш, отталкиваясь от концепций равновесных состояний, обосновывал идею «пространственного экономического равновесия», подробно описывая функционирование рынка, где каждая экономическая переменная привязана к определенной точке пространства: как считается многими учеными, он занял здесь место, подобное месту Л. Вальраса в общей экономической теории. При этом надо заметить, что А. Маршалл — основоположник неоклассической микроэкономики (как, впрочем, и Вальрас, и в целом сформировавшийся в экономической теории мейнстрим) — пространственный фактор практически не учитывает, считая более важным учет

фактора времени. В последние годы приковала к себе внимание «новая экономическая география»: известным ее представителем является лауреат Нобелевской премии П. Кругман (получивший, кстати, данную премию именно за это) с его концепцией «географического распределения экономической активности». Правда, здесь весьма противоречивый Кругман, числящий себя кейнсианцем, выступил скорее в духе сторонника экономического империализма, набрасывающего «неоклассическое одеяло» на неохваченные неэкономические области (на этот раз — на географию). Все эти локальные формы пространственной спецификации, при всей их узости и фрагментарности, помогают экономической теории усилить свою связь с практически значимыми проблемами и тем самым играют для нее позитивную роль.

Наряду с указанными локальными формами, экономистов-теоретиков интересовали и более широкие пространственные рамки экономических отношений. Историко-теоретические истоки данного направления восходят к Ф. Листу, к немецкой исторической школе. Лист сформулировал теорию «автаркии больших пространств», в соответствии с которой преимущества получают страны (союзы), располагающие большими территориями, в рамках которых отменяются торговые барьеры, возникает «ассоциация производительных сил» и обеспечивается суверенитет относительно других государств. Во второй половине XX в. как отражение реальных мировых процессов получили широкое распространение разнообразные теории пространственного характера: концепции глобалистики, ставящие во главу угла формирование единого глобального пространства; концепции экономической интеграции, делающие акцент на формирование региональных группировок (союзов); теория «мир-системного анализа» (И. Валлерстайн, А. Сен), которая, напротив, подчеркивает разделение мира на «центр» и «периферию».

Краткий проведенный историко-научный анализ показывает, что так или иначе экономисты-теоретики выходят на пространственные вопросы, но делают это несистемно, фрагментарно. Приведенные выше «вкрапления» не позволяют целостно отразить пространственный характер этой системы. Указанная область нуждается, во-первых, в активизации и, во-вторых, в системности, комплексности — именно со стороны экономистов-теоретиков. Общий смысл состоит в том, чтобы пространственное поле экономики представить не просто как локальный набор «вкраплений», но и как особое видение экономической системы, а следовательно, и как относительно целостную и особую часть самой экономической теории.

Можно представить такую интегральную работу, в которой объединятся представители разных направлений (частей) экономиче-

ской теории: и политэкономы, рассуждающие о социально-экономической однородности пространства и целостном пространственном воспроизводстве; и микроэкономисты, анализирующие пространственную конкуренцию, эффект отдачи от масштаба пространства и пространственное микроравновесие; и макроэкономисты, показывающие пространственные особенности ВВП и других макрохарактеристик, пространственное макроэкономическое равновесие; и институционалисты, которые будут говорить не просто об институциональной среде как совокупности правил, а и о пространственной институциональной среде и т. д. Может быть, из этой интеграции и вызреет то, что можно будет назвать *теорией пространственной экономики* как относительно самостоятельной части экономической теории.

При этом, говоря о полезности такой научной интеграции, надо видеть и реально сложившееся различие между двумя направлениями экономической теории, которые можно определенным образом дифференцировать (кстати, такого разделения научных направлений пока не принято проводить). Одно из них можно было бы условно назвать направлением «вертикально-временного» анализа, где главным является временной фактор: это или время (периоды) функционирования (как в неоклассическом мейнстриме), или время развития, историческое время (как в марксистской политэкономии). В данном формате оба эти, казалось бы, противоположных направления находятся в одной нише. Другое, альтернативное, направление — «горизонтально-территориальный» анализ, где в центре стоит пространственный аспект. Можно в этой связи вспомнить предложенное Дж. Арриги деление «стратегий государства» на «капитализм» и «территориализм» в зависимости от того, что является целью, а что средством: капитал или территория, пространство (см.: [1, 84—85]). Можно вспомнить и итальянца А. Серру (начало XVII в.), который, как считается, был популярен довольно долгое время, позиционируясь как альтернатива смитианства. И, конечно, наиболее заметное место занимает в этом ряду Ф. Лист.

Собственно, в этот (второй) лагерь войдут все представители национально-ориентированного направления экономической теории, включая и современных разработчиков национальных моделей экономики. Можно даже сказать и так: *теории национальной экономической системы (модели)* могут быть представлены как разновидность (одна из форм) более широкой теории пространственной экономики. Здесь реализуется другой формат экономических отношений: это не просто расширение ареала их действия, но и их внутреннее изменение. Они вбирают в себя все своеобразие данного пространства (гео-

графическое, природно-климатическое, геополитическое, социокультурное и др.), обеспечение его суверенности, безопасности, производственной целостности, реализации жизненно-необходимых целей и т. п.). А эти характеристики во многом влияют на формирование определенного типа экономической координации (соотношение «рынок—государство») и типа социально-экономического присвоения (степень социальной ориентации), которые являются важнейшими признаками экономической системы.

Подытоживая научное понимание категории «пространство», отметим, что в координатах экономической теории *пространственная экономика* — это экономическая система, которая характеризуется: наличием сложившихся границ поля действия экономических процессов; определенным масштабом производства (хозяйственной деятельности), внутривнутрипространственным размещением ресурсов (производительных сил), плотностью и насыщенностью хозяйственных связей; поддержанием экономической целостности, устойчивости, жизнестойкости и единства сложившегося пространства; осуществлением целостного воспроизводства на определенной территории и обеспечением ее экономической безопасности; воздействием местоположения и специфических факторов (географического, природно-климатического, геополитического и иных) на экономические отношения и формы; взаимодействием с другими экономическими пространствами. Весь перечисленный набор характеристик показывает, на наш взгляд, что у пространственной экономики (пространственной экономической системы) есть своя ниша в экономической теории, не покрываемая другими частями последней. Названные характеристики вписываются, на наш взгляд, в общее предметное поле экономической теории.

Параметры единого экономического пространства

Ключевое понятие в пространственной экономике — «*единое экономическое пространство*» (ЕЭП), к анализу которого мы и переходим. Данная категория не получила строгого закрепления в экономической теории. Принято считать, что рыночная экономика, исторически разрушая перегородки натурального (традиционного) хозяйства, естественным образом формирует однородную экономическую (рыночную) среду, в которой и функционируют адекватные ей идеально-рыночные субъекты хозяйственной деятельности. Больше внимание уделялось этому вопросу в конкретных дисциплинах — особенно применительно к экономикам развитых федеративных государств, а также к экономикам развивающихся (прежде всего — слабо-развитых) стран с присущей им хозяйственной многоукладностью. Всплеск внимания к проблеме произошел в связи с активизацией ин-

теграционных процессов, образованием региональных экономических союзов — и, прежде всего, Европейского союза (ЕС). Для России и ряда других стран СНГ актуальным является анализ интеграционных процессов на постсоветском (евразийском) пространстве, наиболее продвинутой формой которых стало образование Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России.

Вместе с тем базовым для понимания категории ЕЭП является определение содержания национального экономического пространства. Что оно означает с точки зрения глубинных характеристик? Сформулируем следующий подход.

Национальное ЕЭП — это ограниченная национальной территорией сфера экономических отношений, которая характеризуется:

- системностью этих отношений, их однотипностью и однородностью на всей территории страны (прежде всего, по способам координации и типам присвоения);
- системой взаимосвязанных локальных функциональных пространств: социального, инвестиционного, финансового, институционального, инновационного и др.;
- механизмами системного поддержания целостности, устойчивости, жизнестойкости и единства исторически сложившегося национально-государственного пространства;
- целостным национальным воспроизводством;
- оптимальным размещением производительных сил;
- высокой плотностью и насыщенностью экономических отношений и хозяйственных связей по всей территории страны;
- высокой мобильностью факторов производства и минимальными барьерами хозяйственной деятельности;
- едиными базовыми институтами и государствообразующей системой ценностей;
- воздействием местоположения и специфических факторов (географического, природно-климатического, геополитического и иных) на экономические отношения и хозяйственные формы;
- экономической безопасностью, суверенностью территории и т. п.

Следует обратить внимание и на своеобразие научной методологии пространственного анализа, имея при этом в виду не какие-то экономико-географические методики, а философские основы исследования. Адекватной методологической основой теоретико-пространственного анализа может быть только *методологический холизм*, исходящий из приоритета целостности пространства и противостоящий принципу методологического индивидуализма, характерному для неоклассического направления.

Характеризуя современное российское ЕЭП, необходимо признать его сильную разнородность. Достаточно выразителен следующий факт: межрегиональная инвестиционная неоднородность в России, выраженная через известный индекс концентрации Херфиндаля—Хиршманна, выросла за 1990-е гг. почти в пять раз. Велика социальная, финансовая, инновационная разнородность регионов. Одной из главных причин усиления неоднородности стал изначальный неучет пространственной специфики страны при переходе к рынку. Трансформационные процессы в экономике с самого их начала не дополнялись адекватными мерами по обеспечению экономического единства национальной территории с учетом специфики федеративного государства, уникальностью географического, геополитического и других факторов. Характер институциональных преобразований, экономической либерализации и макроэкономической стабилизации в этих условиях не был тесно сопряжен с пространственным аспектом экономической деятельности. Результатами недостаточного учета специфики страны стали нарастание дифференциации между регионами, а в отдельных случаях и локализация внутренней хозяйственной жизни регионов, усиление геополитических рисков, ослабление национальной экономической безопасности.

Указанная неоднородность позволяет говорить о серьезных деформациях российского экономического пространства, создающих потенциальные угрозы дезинтеграции и разрушения территориальной целостности страны. Вопрос обеспечения полноценного ЕЭП имеет для России крайне актуальное и важное значение. Можно сказать и так: Россия в силу своей указанной выше специфики обречена на особое, жизненно необходимое внимание к данной проблеме.

Если брать локальные функциональные пространства, то крайне важное значение для современной России имеет формирование единого инновационного пространства, учитывая необходимость формирования инновационной экономики, кардинальной перестройки сложившейся структуры национальной экономики. Инновационное пространство страны должно быть единым, несмотря на объективные различия в инновационном потенциале разных регионов этого пространства и невозможность повсеместного клонирования проектов типа «Сколково». В данном случае применение требования «единности» означает реализацию названных выше признаков ЕЭП к инновационным процессам, включенность всех территорий и субъектов в инновационные процессы и, в частности, широкую доступность всех сфер воспроизводства человеческого капитала и инфраструктуры инноваций, преодоление барьеров и формирование благоприятной экономической среды инновационной деятельности, действие системы

эффективных стимулов для инноваторов и потребителей инновационной продукции и т. д.

Формирование евразийского (постсоветского) экономического пространства

Проблема ЕЭП для России имеет и другой важный аспект. Это интеграция стран СНГ, которая сейчас наиболее зримо выражена в создании Таможенного союза тремя странами СНГ (Белоруссия, Казахстан, Россия). Как известно, в конце 2010 г. была принята Декларация о формировании этими странами ЕЭП.

Объективными предпосылками развития указанных интеграционных процессов на постсоветском пространстве выступают: общность истории, сложившиеся кооперационные связи в рамках единого народнохозяйственного комплекса СССР, выгоды использования адаптированного спроса на готовую продукцию для ее экспорта на рынки друг друга, унифицированность и привычность многих стандартов, возможность выработки совместных решений и общей линии поведения с целью лучшей защиты национальных интересов в мирохозяйственной сфере и т. п.

Вместе с тем имеются и факторы, тормозящие интеграционные процессы в СНГ. К ним следует отнести: разрыв многих сложившихся хозяйственных связей в результате глубоких кризисных явлений 1990-х гг. и усиления суверенизации стран; деформированная структура взаимной торговли с преобладанием в ней топлива и сырья, что в отличие от производственной кооперации на базе внутриотраслевого разделения труда не ведет к взаимопереплетению экономик; замкнутость национальных валют указанных стран; нацеленность сложившейся формы сотрудничества на взаимосвязь не столько рынков и предприятий, сколько самих государств; заметная дифференциация стран СНГ по технологическим, экономическим и социальным параметрам; боязнь усиления интеграции в условиях явного доминирования России на постсоветском пространстве; внешнее воздействие. В итоге интеграционные процессы в СНГ не отличаются динамизмом и глубиной.

Особую роль в активизации интеграционных процессов начал играть Таможенный союз, действующий на территории трех государств с возможным подключением к нему в дальнейшем ряда других стран СНГ. Он получил необходимые для этого атрибуты: единую таможенную территорию, единое таможенно-тарифное регулирование, единый торговый режим в отношениях с третьими странами, единые органы (регулирующий и по разрешению споров).

Углубление интеграции в СНГ требует новых стимулов и форм. Для России указанный процесс имеет не только экономическое значе-

ние. Он также связан с обеспечением национальной безопасности и геополитических интересов. Он может стать и эффективным способом консолидированного противодействия кризисным явлениям в мировой экономике.

В Декларации о формировании ЕЭП трех вышеназванных стран оно определено как «пространство, состоящее из территорий Сторон, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, существует единая инфраструктура и проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающие свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы» [2]. Необходимо проводить различие между такого рода *интеграционным ЕЭП* и национальным ЕЭП. Безусловно, что последнее из них более глубокое и органичное; в первом же случае сильными ограничителями выступают суверенность стран, национальные различия и обязательства и т. п. Как видно, в приведенном тексте Декларации акцент делается на общих механизмах регулирования и согласовании экономической политики — а это более поверхностные процессы и действия, не обязательно сопровождающиеся глубинными изменениями и максимальной степенью однородности. К тому же, имеются различия в национальных экономических моделях трех указанных стран.

Важное значение для формирования постсоветского ЕЭП имеет опыт формирования единого пространства ЕС [3]. Последнее нельзя считать завершенным, тем более в условиях вхождения в ЕС новых стран — как правило, менее развитых, что усиливает разнородность этого пространства и обостряет имеющиеся проблемы. И тем не менее мы имеем дело со сравнительно успешным проектом, представляющим интерес и для постсоветских государств. Как известно, ЕС последовательно прошел ряд этапов, начиная с Римского договора 1957 г., среди которых особо важную роль сыграли создание таможенного союза, обеспечение макроэкономической координации, формирование общего рынка, переход к единой валюте. Должна ли Россия со своими партнерами следовать по этому пути и есть ли предпосылки и политическая воля двигаться именно по этому пути? — это очень важные и интересные вопросы, на которые пока нет однозначного ответа и, прежде всего, со стороны партнеров России, испытывающих «советско-союзный» синдром.

Имеется и другой интеграционный опыт, связанный с функционированием торгового объединения стран Северной Америки (США, Канады, Мексики) — НАФТА. В этом случае, строго говоря, нет оснований для признания наличия ЕЭП и даже единого полноцен-

ного торгового пространства, поскольку свобода перетока факторов производства (в частности, трудовых ресурсов) имеет ограничения. Здесь не предполагается глубокой интеграции, нет специальных интеграционных институтов, а содержанием объединения является взаимное торговое соглашение с переходом в русло зоны свободной торговли. Не предполагается здесь и обеспечения социально-экономической однородности территории и самой общности территории в связи с изначальными разными условиями (имея в виду, прежде всего, Мексику). Некоторые страны СНГ, стремящиеся интенсифицировать отношения внутри Содружества, тем не менее, исходя из примата суверенности, могут ориентироваться на формат именно такого типа, как НАФТА, тем самым препятствуя формированию полноценного ЕЭП.

Таким образом, сталкиваются два возможных *пути постсоветской интеграции*: по модели торгового соглашения без формирования подлинного ЕЭП или по модели ЕС с четко выраженной ориентацией на формирование ЕЭП. Возможна и следующая постановка вопроса: «может ли формирование ЕЭП следовать сначала модели НАФТА, а затем перейти к созданию единого рынка по образцу ЕС?» [4, 39]. Поиск новаторских интеграционных подходов, отражающих своеобразие постсоветского евразийского пространства, должен быть продолжен. Надо об этом думать, предлагать руководству стран рецепты; у нас же, наоборот, экономисты ждут очередных решений властей, чтобы начать исследование (зачастую — описание) проблемы. И в целом следует сказать, не вникая в этот вопрос по существу, что российские экономисты-теоретики, к сожалению, обходят вопросы СНГ стороной. Кто-то из практиков что-то пишет, но теоретиков эта проблема почти не интересует: это видно и по публикациям, и по наличию академических и университетских подразделений, занимающихся указанной проблемой.

В качестве контраста этому можно взять интересные теоретические и методологические исследования и обобщения, которые делают исследователи стран ЕС — в частности, немецкие.

Отметим, например, работу известного немецкого исследователя социального рыночного хозяйства Х. Ламперта, в которой он (в соавторстве) показывает, как меняется «экономический и социальный порядок Германии в рамках Европейского союза» [5, 7]. В центре ее внимания — изменения, которые претерпевают категории национальной системы экономических отношений, ее отдельные блоки и уровни в условиях вхождения страны в более широкое, общеевропейское пространство. Фиксируются качественные изменения таких национальных «порядков», как порядок собственности, денежный и валют-

ный порядок, финансовый порядок, конкурентный порядок, внешне-экономический порядок, трудовой и социальный порядок и др. По сути, показывается соотношение научных категорий национальной экономики и интеграционных пространств. Первые из них выступают как исходные в экономической системе, вторые как производные, но приобретающие при этом новое качество, которое должно усваиваться экономической теорией. В итоге конкретные интеграционные процессы получают мощный научный фундамент, а экономическая теория, в свою очередь, расширяет пространство своего анализа и усиливает свою практическую востребованность. Близкие мотивы звучат и в работах, посвященных современному соотношению национальной и интернациональной экономической политики [6].

Другой аспект анализа касается методологического выяснения соотношения систем ценностей и интересов, характерных для национальных и для интеграционных пространств. Этот вопрос привлекает большое внимание современных европейских исследователей, активно размышляющих над тем, что будет представлять собой объединенная Европа: это совокупность национальных государств, или единое государство, или что-то другое? Так, немецкий социолог У. Бек оперирует понятиями *«методологический национализм»*, *«методологический универсализм»* и *«новый методологический космополитизм»*, пытаясь придать последнему из них синтетический характер. Если первый подход делает акцент на различиях по оси «внутри — снаружи», а второй — нивелирует различия, проводя грань по оси «выше — ниже» и принося в жертву «особость других предполагаемому универсальному равенству», то третий (в отличие от двух первых подходов и от старого понимания космополитизма в трудах античных стоиков, Канта, Арндта, Ясперса, Листа) реализует себя на основе принципа «и то, и другое», сочетая признание различий и непохожести с интеграцией на основе неких общих, объединяющих ценностных форм. По автору, такой «космополитизм нуждается в новых концепциях интеграции и идентичности... ищет возможности, чтобы прийти к универсальному признанию различий» [7, 18—19]. Обращает на себя внимание желание «нового космополитизма» отмежеваться от универсализма, от либерального мейнстрима, выйти на новое сочетание общего и особенного. Он признает ценностные и другие различия, но не абсолютизирует их, а пытается выйти на такое признание этих различий, которое опирается на систему объединяющих, интегральных форм. В таком понимании Европа уходит и от федеративно-го сверхгосударства, в котором нет места национальным государствам-членам, и от союза государств, в котором нет подлинно единой

Европы, а получает возможность стать «Европой многообразия, Европой, в которой многообразие способствует расцвету» [7, 19].

Делая проекцию отмеченных выводов на постсоветское (евразийское) пространство, нужно принимать во внимание особое состояние этого пространства по сравнению с Европейским союзом — по истории, цивилизационным и геополитическим особенностям, по реально сформировавшейся и еще не утратившей своего значения общей системе ценностей, воспроизводственной взаимосвязи экономик, хозяйственной кооперации и т. п. Важно то, что формирование единого экономического пространства постсоветской интеграции нельзя сводить только к выработке конкретных организационно-хозяйственных интеграционных механизмов. Оно предполагает осуществление и более глубоких процессов: во-первых, функционирование целостного воспроизводства в интеграционном пространстве и модификацию экономических отношений, а, во-вторых, формирование определенной ценностной структуры. В последнюю должны органично входить два слоя ценностей: национальные ценности стран — участников интеграции и наднациональные ценности, общие для всего интеграционного пространства. Основой последних могли бы быть ценности, сформировавшиеся за многие годы совместной жизни в рамках единого государства.

Итоговый вывод состоит в том, что необходимо усилить внимание в научных исследованиях к вопросам пространственной экономики и, в особенности, к проблематике единого экономического пространства — как национального, так и интеграционного. Это могло бы стать одним из стержней объединения усилий представителей разных направлений экономической теории, а также конкретно-экономических дисциплин, различных общественных наук.

Литература

1. Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2013.
2. <http://www.evrases.com/customunion/eepr>.
3. *Кульков В.М.* Гуманитарное измерение Европы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 1996. № 2.
4. Единое экономическое пространство: возможности, проблемы, перспективы. Доклад в рамках совместного исследовательского проекта Лондонской школы экономики и Фонда «Наследие Евразии». 2005.
5. *Lampert H., Bossert A.* Die Wirtschafts — und Sozialordnung der Bundesrepublik Deutschland im Rahmen der Europäischen Union. München, 2007.

6. Ordnungsokonomische Grundlagen nationaler und internationaler Wirtschaftspolitik / Apolte T., Caspers R., Welfens P. (Hrsg.). Stuttgart, 2004.

7. Beck U. Die jahrfünfzigte Unbekannte. Europa ist nicht ein Staat, nicht eine Nation, nicht eine Organisation // Internationale Politik. 2008. Nr. 4.

В.В. КАШИЦЫН

Интеграция как средство выхода на траекторию развития

Аннотация. Рассматриваются возможности евразийской интеграции, роль внутреннего рынка в экономическом развитии страны. Обосновывается необходимость экономической доктрины и экономической политики, базировавшихся на системе объективных экономических законов.

Ключевые слова: евразийская интеграция, внутренний рынок, экономическая политика.

Abstract. The article is devoted to possibilities of the Euroasian integration, a role of domestic market in economic development of the country. Necessity of the economic doctrine and the economic policy, based on system of the objective economic laws is proved.

Keywords: Euroasian integration, domestic market, economic policy.

Регионализация мирового рынка, помноженная на революционные транспортные технологии, объективно усиливая и мультиплицируя внутреннюю (регионы) и международную (межрегиональную) торговлю, с учетом реструктуризации ресурсно-факторных потребностей растущих экономик, все чаще обращает внимание мирового сообщества на Сибирь и Арктику. Поэтому пространственный бум как этап «сжатия» мирового хозяйства посредством вовлечения в хозяйственный оборот ранее недоступных ресурсов стремительно выдвигается на первый план и неумолимо становится основным драйвером экономического роста. Очевидно, в данном контексте и концентрируются основные угрозы и одновременно перспективы России в части выхода ее на траекторию развития.

Реальные черты интеграционного проекта

Интеграционный евразийский проект — это в первую очередь, формирование на базе евразийского (постсоветского) пространства

региональной группировки, реиндустриализирующей свой промышленный потенциал с целью перехода к шестому технологическому укладу посредством освоения Сибири и Арктики, что, учитывая контроль над всеми видами критически значимых ресурсов, объективно выводит данную региональную группировку в драйвера мирового экономического инновационного роста и потенциального лидера мирового экономического развития.

Однако реализация данного и вполне возможного проекта предполагает создание мощной пространственно-сетевой транспортно-коммуникативной инфраструктуры, покрывающей азиатскую часть страны. Меридиальная часть инфраструктуры имеется — ниспослана природой (Обь, Енисей, Лена). Лето — судоходство, зима — экранопланы. А вот параллельную инфраструктуру необходимо построить, вытянув сквозные скоростные железные дороги (Транссиб-2 и Транссиб-3). Северный морской путь с прибрежными портами, сеть аэродромов закольцовывают инфраструктурную матрицу и своим следствием имеют возникновение нескольких сотен городов и вертикальное (от добычи до инновационного продукта) многократное умножение ВВП. Разумеется, подобный рывок должен быть сопровожден реиндустриализацией. И вот в этом плане, имея в виду историко-экономическую логику размещения производительных сил в стране, крайне необходима евразийская интеграция, в ядре которой находятся Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина со своей кооперационной сетью промышленных предприятий. Да и население данной региональной группировки в случае кооперации со стороны Средней Азии выходит за рубеж 250 млн человек, в перспективе — около 100 млн квалифицированных рабочих мест.

В таком варианте обретают адекватность и структурная сбалансированность. Данный проект определенно создает спрос — как для европейского капитала — технологий, так и для азиатского. Ничто так не балансирует международные экономические отношения, как длительный устойчивый энергичный экономический рост, затрагивающий весь комплекс расширенного воспроизводства.

Однако данный проект объективно предполагает инвентаризацию и уточнение не только международных и внешнеэкономических связей в формате как дальнего, так и ближнего зарубежья, что отчасти уже происходит, но и весь спектр внутриэкономических отношений. А здесь, несмотря на умножающиеся инициативы власти по наведению порядка и усилению управляемости, потенциал дифференциации и энтропии стремительно линейно накапливается. Износ основных производственных фондов перевалил за 80%. Дифференциация и иррационализация макроэкономических пропорций и соответствующих

показателей продолжают расти, цены на энергоносители и транспортные издержки растут. Инфраструктура свободы входа и выхода на рынок, включая кредитную систему, при всех подвижках продолжает иметь сдерживающий характер. Механизм стимулирования сбережений и превращения их в инвестиции пока не сложился. А капитал во всех цветовых оттенках (по-белому, по-серому и по-темному) продолжает вывозиться. Разумеется, в такой экономической среде экономический рост (как темпы, так и качество) не может быть индифферентным, так как является интегрально-синтезирующим производным индикатором состояния и качества экономической среды, отражающим непосредственно степень сбалансированности и эффективности работы внутреннего рынка.

Поэтому вышеобозначенный концептуальный стратегический развитый российский проект не может быть ни предпослан концептуальной трансформацией качества экономической среды, квинт-эссенцией чего является эффективно работающий внутренний рынок.

Но для этого необходимы совершенно определенная экономическая доктрина и адекватная ей экономическая политика, которые базировались бы (не противоречили) на системе объективно взаимосвязанных экономических (не путать с правовыми) законов. Длительное и устойчивое игнорирование системы объективных экономических законов является собой прямой линейный путь к эпохальному кризису, а то и к катастрофе, так как опаснее термоядерной бомбы может быть только экономическая — поскольку по своей природе она резиновая, т. е. прыгающая. И здесь мы ни в коей мере не должны обольщаться тем обстоятельством, что игнорирование подобных экономических реалий может быть длительное время безобидным и даже не мешать богатеть и «развиваться». Это возможно только лишь за чей-либо счет (природа, социальная дифференциация, другие страны, предки и потомки, кому, собственно, и принадлежит национальное богатство и т. д.)

Суть сложности текущего национального и мирохозяйственного момента в том и заключается, что наступил-таки в очередной раз исторический эпохальный момент «Ч», когда задачи бытия и развития по-крупному решать за чей-либо счет (смотри выше) уже невозможно. И все традиционные методологии привычной рефлексии в данном плане пробуксовывают и практически неэффективны даже в режиме дырозатыкательной политики.

Поэтому поворот к развитию, как национальному так и мирохозяйственному, возможен только на основании консенсуса — и национального, и международного, базирующегося на понимании данной сути текущего исторического момента. Вместе с тем ни в коем

случае нельзя забывать, что такое понимание требует поддержания в стране и в мире определенного динамичного статус-кво, сдержек и противовесов, достижение и поддержание чего является в стране и в мире за последние десятилетия с небольшим лет величайшей ответственной заслугой российской федеральной власти.

Одновременно ни в коей мере нельзя забывать и о том, что перо жар-птицы — это еще не хвост, и что намерение — лучше, чем его отсутствие, но далеко еще не результат. Иначе говоря, разворот к развитию, особенно в тех иррациональных условиях, эмоциональная гротескная крайне непрофессиональная кристаллизация которых составляла содержание бытийности нашего замечательного населения и власти в течение последних шестидесяти лет в целом и особенно современных двадцати пяти лет, задача не для слабонервных, так как такой сложности задачи и в мире, и в нашей стране до сих пор, похоже, никто не решал. Но тем не менее исторический жребий брошен, рубикон перейден. Судьба, однако! Ну а коль выходит так, то если не мы, то кто?! В этом всегда состояла и состоит миссия России (подробнее см.: [1]).

Основные факторы стимулирования интеграции

Помимо рассмотренных выше российских аспектов сдерживания экономического роста да и самой интеграции, на первый план выдвигаются факторы Арктики и Украины.

Арктика — потому что неумолимо складывающийся ряд внутренних и внешних факторов предполагает такое закольцовывание внутреннего рынка, которое, в приоритете имея его запуск, посредством освоения Сибири и создания соответствующей коммуникационной инфраструктуры предопределило бы одновременно и активизацию мирохозяйственных отношений (Северный морской путь, освоение шельфа, Транссиб, кластеры как очаги роста и стартапы сибирской хозяйственной матрицы). Украина — потому что вовлечение мощного индустриального контура четвертого и пятого технологических укладов Украины в хозяйственную интеграцию не только придает особую эффективность запуску внутреннего рынка реинтегрирующейся мирохозяйственной группировки, но и выводит максимально быстро экономики России и Украины на траекторию стратегического развития, превращая данную группировку в один из самых перспективных и влиятельных центров экономического развития и концентрации креативной энергии. Разумеется, наши стратегические партнеры (конкуренты) делают все, чтобы этого не допустить. Ну это, как говорится, их проблемы.

Президент России 20 февраля 2013 утвердил «Стратегию развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности

на период до 2020 года», имеющую в виду два этапа реализации: до 2015 г. — создание современной инфраструктуры безопасности и до 2020 г. — комплексное ускоренное социально-экономическое развитие [2].

Необходимо отметить, что это стратегия не будущего сценария, а уже вовсю реализуемого. Реализуется программа восстановления и умножения ледокольного флота (сейчас в наличии только четыре атомных ледокола); заказано Росатомом уже два на сумму 77,5 млрд р., затем — еще серия; строятся арктические аэродромы (остров Котельный); восстанавливаются бывшие порты и строятся новые; к ним тянутся железнодорожные магистрали (например, уральская, соединяющая Северную и Свердловские железные дороги: «Северный широтный ход»); предпринимаются крупные проекты разведки и освоения полезных ископаемых и прежде всего нефти и газа, причем как в близи побережья океана, так и на шельфе (например, Штокмановский проект, Варандейский терминал, мегапроект Ямал и инвестиционный проект «Ямал СПГ», проект «Заполярье — Пурпе-Самотлор» и т. д.). По оценкам экспертов, к 2035 г. нефть и газ вкупе с конденсатом уже составят в балансе добычи в стране 5 и 10% соответственно. Развивается и сеть научных станций. Важно отметить, что все эти проекты реализуются в режиме государственного частного партнерства (всего 2 трлн р. инвестиций) и с активным участием крупных транснациональных корпораций (Тоталь, норвежские и т. д.). Поэтому технологически-инновационная и экологическая компоненты на острие самых высоких достижений изначально вписываются в стратегию.

Прямо противоположный фронт — Юг — предполагает модернизацию Транссиба и инфраструктуры Дальнего Востока с одновременной инновационной модернизацией экономических индустриальных центров Сибири с превращением их на первом этапе в кластеры роста и на втором этапе в узлы сети — матрицы освоения всей Сибири и Дальнего Востока. А нам говорят: зачем саммит АТЭС, универсиады, Олимпиады и прочие чемпионаты мира по футболу?! Обкатываются проектные технологии, анализируются схемы утечки инвестиций, создаются элементы будущей инфраструктуры. Ну давайте, в конце концов, посмотрим через призму динамического системного начала! И здесь открывается совсем другая панорама смыслов.

Теперь несколько слов об Украине. Здесь еще больше нагромождений и завалов. После развала Советского Союза и начала распада единого экономического пространства страны Украина, равно как и все остальные республики, оказалась на линейном ниспадающем пути разрушения своей экономики и утраты политико-экономической

независимости и соответственно суверенитета. Так что сегодняшние события — это объективное продолжение данного процесса со всеми вытекающими отсюда, страшно подумать, последствиями. Что касается перспектив российско-украинских экономических отношений, то это вопрос понимания нашими странами и народами своих основных фундаментальных, прежде всего, экономических интересов в узком смысле, а в широком — вопрос нашей и украинской исторической жизни и смерти. И вопрос сегодня стоит гораздо острее, чем во времена Переяславской рады. Любое, даже противоречивое, возвращение наших стран к пониманию своих интересов (особенно экономических) делает опережающую любые другие аспекты отношений интеграцию наших стран гротескным императивом. Это выгодно всем. Причем, чем менее развита страна, регион, район, этнос, город, человек, тем выгоднее. Чем хуже положение в стране, особенно экономическое, тем выгоднее.

Анализируя перспективы дальнейшей евразийской интеграции, академик С.Ю. Глазьев оценил асимметричность (от противного интеграции) последствий первой волны текущего мирового кризиса для стран-соседей, в данном случае для Украины: «По состоянию на 1 июня 2009 года темпы падения промышленного производства (к соответствующему периоду предыдущего года) составили 31,9%, в машиностроении — 53,7%, в химии и нефтехимии — 36,4%, инвестиции упали на 39,5%, инфляция с конца 2008 года составила 106,9%. Эти цифры — прямое следствие навязанного, вопреки здравому смыслу, “оранжевому” украинскому руководству геополитического выбора — свидетельствующие о катастрофических последствиях для Украины разрыва кооперационных связей с партнерами по СНГ, в частности с Российской Федерацией» [3, 219]. Остается только добавить, что от «разрыва» связей в целом за последние 23 года ущерб украинской экономики составил более 2/3 ВВП 1991 г. и существенно превысил совокупный ущерб Украины от Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной войн.

Одновременно, по расчетам российских и украинских экономистов, только присоединение Украины к Таможенному союзу даст «прирост товарооборота (без учета углеводородов) в результате взаимной интеграции и устранения торговых барьеров для украинской экономики от 13,5 до 16,4% от ВВП Украины» [3, 220—221].

Хотелось бы отметить лишь два существенных обстоятельства. Во-первых, что интеграция с Россией является практически не только самым выгодным фактором для Украины с точки зрения эффективности, но и, самое главное, что это императив сохранности статуса развитой страны, мы уже не говорим о развитии, так как она сохраняет

возможность и даже делает безальтернативными возрождение, модернизацию и развитие «бриллиантов», питающих ВВП украинской экономики: атомной промышленности, ракетно-космической, энергетического машиностроения, авиастроения, судостроения, военнотехнического блока и т. д. Во-вторых, интеграция выгодна обеим странам вне зависимости даже от вариантов проводимых ими экономических политик, если они гротескно не противоречат экономическим, читай — рыночным законам.

Именно поэтому, Россия, будучи крайне заинтересована в сохранении и развитии станового хребта украинской экономики, определяющего львиную долю ВВП страны, современных отраслей, создающих основную часть добавленной стоимости экономики Украины подала свою дружескую руку и оказала поддержку в объеме 20 млрд дол., имея в виду не только поддержать экономику страны на плаву, но и стимулировать ее рост. Остается надеяться, что наступит период разворота Украины к развитию, так как, повторяюсь, это выгодно всем, особенно западным областям страны, так как они в большинстве своем дотационны.

В заключение важно отметить, что в современном стремительно меняющемся мире, где происходит в большинстве своем тотальное напластование, казалось бы, жутких, никчемных, порой убийственных обстоятельств, часть которых генерируется нашими стратегическими партнерами, мы не должны становиться их заложниками, а должны всегда помнить и думать о главном — о развитии, что, собственно, и делает та организованная часть профессионалов в обществе, которая вне развития просто не может существовать. Профессионалы всех профессий, соединяйтесь! Вот тогда развитие через интеграцию за сверкает всеми своими красками.

Литература

1. *Кашицын В.В.* Внутренний рынок в системе современных интеграционных евразийских возможностей // *Философия хозяйства*. 2014. № 1.
2. <http://government.ru/docs/22846>.
3. *Евразийский союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства / С.Ю. Глазьев, В.И. Чушкин, С.П. Ткачук. М., 2013.*

С.В. СИНЯКОВ

**Евразия на Украине: историко-культурные
и политико-экономические аспекты**

Аннотация. В статье рассматриваются векторы цивилизационного и политико-экономического развития Украины. На основе историко-культурного и экономического анализа делается вывод о преимуществах евразийского геополитического выбора современной Украины.

Ключевые слова: Евразийский союз, геополитика, Украина-Евразия, интеграционный проект, мифологизация массового сознания.

Abstract. The article deals with the vectors of civilization and political and economic development of Ukraine. On the basis of historical, cultural and economic analysis concludes that the benefits of the Eurasian geopolitical choice of modern Ukraine.

Keywords: Eurasian Union, geopolitics, Eurasia-Ukraine, integration project, the mythologizing of mass consciousness.

Украина расположена в европейской части евразийского континента. Географический центр Европы находится на Украине — в Закарпатье, недалеко от города Рахова. Но является ли современная Украина европейской страной, а народ Украины — в социокультурном смысле — европейцами? Здесь возникает много вопросов, на которые есть также много неоднозначных ответов. Данная тема всегда была дискуссионной в истории, культурологии и социальной философии, начиная со спора между западниками и славянофилами в России, затронувшего и Украину, заканчивая сегодняшними цивилизационными вопросами. Можно ли считать Украину с точки зрения духовной культуры, национальной психологии и особенностей исторического развития частью западной, европейской цивилизации или она принадлежит особому православно-славянскому миру, существенно отличному от Запада? А может быть, Украина, расположенная на стыке этих двух цивилизаций, причудливо соединяет их в своей истории и культуре?

Украина никогда полностью не относилась к политической и социокультурной карте Европы, она и сегодня не принадлежит западной цивилизации, несмотря на то, что в Средние века Киевская Русь была влиятельным европейским регионом и использовала демократические традиции, связанные с европейским средневековьем. Но дело не только в географии. Регион является не только географическим или административным, но и «духовным, или «метафизическим», про-

странством, охватывающим различные виды человеческой деятельности, способные создавать новые условия существования, реализуясь в политике, культуре и экономике» [1].

В Европе немало государств, которые вряд ли в культурно-цивилизационном смысле можно считать европейскими, например, такие балканские страны, как мусульманские регионы Боснии и Герцеговины, Албания или, наконец, Турецкая Республика, 10% территории которой находится на европейском континенте. Не меньше вопросов вызывает Грузия, население которой желает быть европейцами. Большая часть Украины в цивилизационном плане является Евразией. К востоку от Збруча и Днестра заканчивается католическая цивилизация и начинается Евразия-Украина — пространство преимущественно восточно-христианской православной культуры. Для более убедительного обоснования евразийского цивилизационного статуса Украины необходимо обратиться к духовной, политической и этнокультурной истории страны.

Концепция объединения Украины и России не была навязана московским государством, а изначально являлась украинской. Она исходила от части казацкой старшины и была очень актуальна уже начиная с конца XVI столетия и весь XVII в. Реализовал ее выдающийся украинский государственный деятель Богдан Хмельницкий. После объединения восточной части Украины с Московским царством появляется новая государственная идеология Российской империи. Духовной конституцией становится «Синтаксис» Иннокентия Гизеля. Именно тогда впервые появился тезис о триедином русском народе и о самодержце «Великой, Малой и Белой Руси». Его придумал ректор Киево-Могилянской академии, епископ Псковский и архиепископ Новгородский, профессор, поэт и оратор Феофан Прокопович. С тех же пор иерархию Русской православной церкви фактически захватывает украинская партия. При Петре I, когда было отменено патриаршество и введено синодальное управление, главой Синода был галичанин Стефан Яворский. Церковная реформа Русской церкви патриарха Никона фактически являлась украинизацией обряда. Позже в России из-за установления абсолютизма была проведена унификация языка, культуры по-прусскому образцу. Казаки были переведены в крестьянское сословие, а их остатки после уничтожения Запорожской Сечи стали регулярными частями российской армии и частично были переселены на Кубань. В то же время казацкие старшины — Кочубеи, Безбородьки, Скоропадские, Розумовские, Дорошенки и многие другие — стали аристократией Российской империи. Украинцы и дальше осваивали Сибирь, степи Херсонщины и Донетчины, покоряли Крым, обороняли Севастополь. Это можно считать продолжением историче-

ской экспансии киевских князей на восток и север, когда осваивались новые территории, создавались города, укрепления, налаживались торговые отношения, а параллельно — распространялся древнерусский язык, материальная культура и христианская вера. Украинцы были не объектом, а субъектом, творцом Российской империи.

В России и сегодня значительные пространства населяют украинцы. Просторные и плодородные земли Северного Кавказа, Сибири, Казахстана, Алтая и Дальнего Востока манили трудолюбивое украинское крестьянство еще со времен покорения Сибири. К концу XIX — началу XX в. украинские колонии на востоке стали называть клиньями. Зеленый клин — юг Дальнего Востока — Амурская область, Забайкальский край, Приморский край, Сахалинская область и Хабаровский край. Серый клин — юг Западной Сибири и Северный Казахстан. Желтый клин — Среднее и Нижнее Поволжье. Малиновый клин — Кубань. Всего на клиньях, по разным данным, к 1917 г. проживало от 6 до 10 млн украинцев. Во многих местностях они составляли этническое большинство. К 1918 г. на Дальнем Востоке даже сложилось украинское «самостийное» политическое движение, которое на одном из своих съездов приняло решение бороться за создание Украинского государства на Тихом океане. Поддерживая независимость Украины, провозглашенной в январе 1918 г., они хотели стать ее частью. Но история распорядилась иначе. На Украине победили большевики, и все так и остались в одном государстве. И по сей день на Дальнем Востоке есть села, в которых люди с украинскими фамилиями поют песни на украинском языке и едят борщ. Православное христианство дало мощный толчок развитию огромного пространства от Черного до Балтийского и Белого морей, от Карпат до Волги.

Феофана Прокоповича и Тараса Шевченко можно считать главными идеологами объединения славян. Тарас Шевченко — отец духовного течения, названного украинством, мыслил не только категориями Украины, но и всего славянского мира. В 1845 г. в Киеве было создано Кирилло-Мефодиевское братство — первая тайная украинская политическая организация, членом которой был Шевченко. Своей целью оно ставило построение будущего общества на основах христианской морали путем создания демократической федерации славянских народов, основанной на принципах равенства и суверенности каждого из народов. И хотя братство просуществовало всего 14 месяцев, оно успело выпустить обращения «К братьям-украинцам» и «К братьям-великороссам и полякам». В них «братчики» призывали к освобождению славян, поработанных тремя германскими династиями, к которым они причисляли не только австрийских Габсбургов и прусских Гогенцоллернов, но и на то время полностью германизиро-

ванных российских Романовых. Кирилло-мефодиевцы хотели создать единое восточноевропейское пространство на демократических началах. Причем в этом пространстве они видели русских и поляков как братьев, считая их, так же как и себя, поработанными деспотическим царизмом.

Идея украинской государственности зародилась на рубеже XIX—XX вв. в недрах польского национального сознания. Однако впервые на официальном уровне концепция киевского княжества как сателлита Германии была озвучена в высказываниях «железного» канцлера Отто фон Бисмарка. Не случайно именно германцы превратили Галичину в «украинский Пьемонт», а австрийцы в начале XX в. уничтожили 60 тыс. галицийских москвофилов. Все самые видные деятели украинского сепаратизма — М. Грушевский, Шептицкий, Скоропис-Елтуховский, Дмитрий Донцов — в то или иное время являлись агентами германского Генштаба. С древнейших времен этническая общность, в среде которой зародилась галицийская идеология, находилась под властью иноземцев: Польши и Австро-Венгрии. В итоге в Западной Украине перманентно воспроизводилась своеобразная этнокультурная ситуация: каждая их «титulyных наций» тех государств, в состав которых входила Галичина, прилагала известные усилия к ассимиляции ее населения. И соответственно вопросы сохранения самобытной культуры оказывались для галичан проблемой самосохранения нации. Приход в 1939 г. в Западную Украину советской армии и начало репрессий были восприняты галичанами как очередная аннексия. При этом фактор этнического родства с населением всей остальной Украины, воссоединение с которым стало возможным благодаря «завоеваниям» Советской империи, галицийскими сторонниками единой, неделимой и соборной Украины игнорировался. Политическая идеология галицийской группировки в политической элите Западной Украины сложилась в конце XIX в. Правильнее сказать, она была искусственно «выращена» австро-венгерскими имперскими чиновниками с целью внесения раскола в движение галицийских «москвофилов» в преддверии Первой мировой войны.

Как всякая новая идея, идея независимой Украины строилась на отрицании существовавшей культурной традиции, рассматривающей две ветви единого народа — русских и украинцев — в качестве субэтносов одной великой нации. Как все неопиты, галичане во все времена отличались и теперь отличаются нетерпимостью к инакомыслию и радикальностью политических решений. Культурологически это вполне обосновано, что в силу неосознанного отторжения исторической реальности, Россия в представлении галичан рисуется «империей зла», тормозом на пути интеграции Украины в европейскую

культуру. Тем не менее, Галиция до сих пор выглядит инородным телом, несмотря на то, что и сама современная Украина представляет собой набор разнородных элементов, из которых создается целостное пространство идеологии и мифов. Причинами этого являются поверхностная европеизация Галиции и привнесенная в нее извне европейскость (от поляков, австрийцев, венгров и др.) В настоящее время галицийская идеология в целом не соответствует интересам новой украинской правящей элиты, что оказывает позитивное влияние на формирование политического климата украинско-российских отношений.

Украина прочно связана с Россией общими славянскими, православными, культурно-духовными, человеческими корнями. Украинский и российский народы осознают, что между нашими странами, не так давно главными частями единой российской и советской империи, слишком много общего, которым нельзя пренебрегать. Эту общую империю вместе создавали, обустроивали, защищали, уважали и гордились ею, считали ее общим домом. Нас объединяют единый язык общения, достаточно близкая психология, общий исторический опыт, колоссальный массив человеческих, семейных и дружеских отношений, сохранившиеся до сих пор технологические, производственные, научные, культурные, религиозные и другие связи. И если произойдет разрыв между Украиной и Россией — это будет предательством по отношению к нашим народам. Они потеряют главное — наследие единой исторической судьбы, которое нам доверили предшествующие поколения и которое следует передать будущим поколениям. Будет катастрофичным для обоих народов смириться с попыткой подорвать основы совместного исторического бытия, всего, что наши народы собирали и зарабатывали вместе. Это и огромная, совместно освоенная территория, единое, перемешанное в своей многоэтничности, население, общая наука, великая культура, колоссальные достижения в области высших технологий, общее информационное и духовное поле и т. д. И для Украины, и для России разрыв отношений и дезинтеграция могут оказаться воистину катастрофическими в экономическом, духовном, социокультурном и особенно в геополитическом аспектах. Ведь речь идет о разрыве живой ткани практически единого народа, которая проросла и укреплялась много столетий совместной историей от Киевской Руси до великих свершений мировой державы, ставшей супердержавой в XX столетии.

На современной Украине можно выделить несколько различных в культурном, языковом, ментальном, политическом, духовном измерениях областей: Закарпатье, Галиция, Центр, Юго-Восток, Крым. Однако доминирующими регионами до сих пор остаются Вос-

ток и Запад. Исторически восточная часть Украины находилась в сфере российских интересов и российского культурного и политического влияния. Западная часть Украины в разное время входила в состав Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Австро-Венгерской империи, Чехословакии и других государств.

Реально украинцы жили как в разных государственно-политических образованиях, так и в различных цивилизационных системах: поствизантийской православной и римско-католической. Все это отразилось на психологии и характере украинцев обоих регионов. Трудно не согласиться с мнением известного украинского историка — академика П.П. Толочка, что «жители центральной, восточной и южной Украины имеют больше общего с населением сопредельных регионов России и Беларуси, чем со своими соотечественниками на западе Украины» [2]. Последние в свою очередь ближе к своим западным соседям.

По существу, мы имеем две ментальности в рамках единого украинского этноса. Отсюда и два образа Украины в массовом сознании: 1) мультикультурная, полиэтническая, православная, являющаяся важной частью русской цивилизации; и 2) антирусская, антироссийская, представляющая инструмент противостояния русской цивилизации и русскому пространству. Антироссийский национализм активно формировался западноукраинскими элитами еще в советский период развития страны, особенно во время «горбачевской перестройки». Он пропитал систему образования, униатскую церковь, культурную среду и массовое сознание, в том числе властно-партийную и научную сферы на Западной Украине. «Запад» экспортировал националистически настроенные образованные кадры в Центр и на Восток республики. Таким образом, уже к моменту распада Советского Союза на Украине сформировалась социальная база будущего национализма. Этой антироссийской позиции Запада Украины активно противостоял русскоязычный Юго-Восток страны, который исторически был представлен казачеством, беглыми крестьянами, вольными общинами переселенцев, издавна участвующими в отвоевании и заселении имперских окраин России, в том числе в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе. Эти группы украинского населения считали и российскую, и советскую империю своей. Из них формировались не только украинское имперское население, но и украинская имперская элита, в наибольшей степени интегрированная в руководство России и СССР.

Кроме того, на Востоке и Юге Украины был сосредоточен основной индустриальный и интеллектуально-технологический потенциал республики. Поэтому у восточно-украинской бюрократии был и

опыт крупной политической и экономической деятельности, а также главный экономический ресурс страны и наиболее прочные связи с Россией. Однако, несмотря на то, что восточные кланы всегда стремились иметь сильные позиции в московском и общесоюзном властно-клановом раскладе, во время перестройки восточно-украинские элиты осознали преимущества приобретения полной экономической и политической независимости от бывшего союзного центра и получения неподконтрольного положения во власти и хозяйстве Украины. Однако после распада СССР, когда лозунг построения независимой Украины был принят большинством населения республики, они начали свою собственную политическую игру. К этому времени властная элита во главе с первым президентом Украины Л. Кравчуком, выходцем с Западной Украины, захватив господствующие позиции в экономике, отдала гуманитарную сферу на откуп националистам. Западно-украинские националисты получили с тех пор решающие позиции в идеологии, образовании, культуре, книгоиздании, СМИ и начали насильственную украинизацию и активную идеологическую обработку элит и населения республики. Но, как справедливо пишет А. Ставицкий, «украинизация должна пониматься как политика вытеснения и уничтожения того, что есть в Украине кроме этого, как политика выдавливания всего русского» [4].

Влиятельные группы идеологических противников России сформировались также в силовых, дипломатических, научно-образовательных и культурных элитах Украины. Ими был создан образ России, российского государства как «вечного», или исторического, «врага» Украины. И сегодня украинской элите не достает ни воли, ни ума, ни прагматизма, ни чувства самосохранения, чтобы адаптироваться к новым социально-экономическим реалиям, сохранить и возродить свою страну. Вместо этого продолжается политика раскола, раскачивания государства, разорения или извлечения доходов из этой богатейшей территории Европы. Настойчивое стремление украинской элиты и власти войти в евроассоциацию свидетельствует лишь о ее корыстных интересах, не имеющих отношения к интересам государства и общества, а также о ее исторической и геополитической близорукости, непонимания национальной идеи и исторической миссии Украины. Уроки украинской истории показывают, что неправильный выбор геополитического вектора развития неоднократно ставил страну на грань национальной катастрофы. Но чтобы о них не знали, была написана соответственно и новая история Украины, украинороссийских отношений, российской политики по отношению к Украине. Но, как известно, нарушение моральных основ существования

социума, когда оно совершается на уровне общественного деяния, с необходимостью влечет за собой разрушение нравственного облика народа и может иметь далеко идущие ментальные последствия, вплоть до разрушения этнической общности, «коллективного бессознательного» трех русских этносов (великорусского, украинского, белорусского). Украина сегодня уже достаточно американизированная территория. Протестантские церкви стали сегодня уже второй после православия религиозной конфессией: на Украине действуют 64 мормонских прихода, в то время как в России 54 при втрое большем населении. В процессе общественного развития на уровне религиозной идентичности сугубо этнически-национальное своеобразие отступает на задний план, ведь человек, который имеет общие с вами религиозные взгляды, оценивается прежде всего именно на основе его интегрирующего духовно-гуманистического потенциала практически независимо от его расового и этнического происхождения. Но значительная часть территории Украины исторически заселена и колонизирована выходцами из России (Крым, Новороссия, Восточная Украина), и в этническом отношении это многонациональная территория. В определенных историко-политических ситуациях потенциально это может породить серьезные угрозы территориальной целостности Украины.

В Российском и Советском государствах государствообразующими нациями являлись восточно-славянские народы: великорусский, украинский и белорусский. Значительная часть территории Украины исторически заселена и колонизирована выходцами из России (Крым, Новороссия, Восточная Украина), и в этническом отношении это многонациональная территория. В определенных историко-политических ситуациях потенциально это может породить серьезные угрозы территориальной целостности Украины. Например, в случае окончательного государственного разделения русского, украинского и белорусского народов ставятся под сомнение не только существование Российского государства как имперского образования, но и суверенитет Украины. Одновременно отказ России нести моральную ответственность за историческую судьбу народов, населяющих Украину (включая русских, русифицированных греков, венгров, немцев, татар и идентифицирующих себя с русскими миллионов украинцев), в общественном сознании оказывается тождествен отказу матери от своих детей.

Восстановление адекватных отношений Украины и России имеет громадное геополитическое значение для обеих стран. «Нынешняя Россия — не СССР, не бывшая Российская империя, хотя и не Московия вовсе. Это, безусловно, великая империяльная держава, —

подчеркивает Ю.М. Осипов, — ослабленная, нездоровая, несколько растерянная, но не потерянная — ни как страна, ни как страна великая, ни как страна судьбоносная» [3, 31]. Потенциал украинороссийских духовных и экономических связей велик и способен обеспечить качественный рывок и крупные модернизационные проекты в народном хозяйстве обеих стран. Примкнув к Евразийскому союзу, украинцы не утратят своей национальной идентичности, как не утратили ее в Российской империи и в Советском государстве. «Русский мир не только принимает факт этнической и культурной множественности как историческую данность, но и настаивает на его укреплении и развитии во имя украинского единства и возрождения, — подчеркивает А. Ставицкий, — поскольку лишь на этой основе возможны гармонические отношения, конструктивное взаимодействие и эффективная политика созидания» [4]. Основным принципом евразийской интеграции является как раз сохранение национальной идентичности и многообразия культур народов региона. И украинская культура не только не исчезнет, но и обогатит другие культуры.

Украина не должна стать буферным государством между Европой и Россией, так как в этом случае она будет иметь только минусы с обеих сторон. Вместе с тем, будучи активным членом Евразийского союза, она сможет полнее реализовать свой экономический потенциал и стать региональным лидером. В случае интеграции в Единое экономическое пространство украинская экономика выдержит конкуренцию с рыночными экономиками европейских стран. В противном случае ТНК и европейские предприятия несут угрозу украинской обрабатывающей промышленности и особенно предприятиям, выпускающим продукцию с высокой добавленной стоимостью. Экономические последствия будут во много раз более разрушительными, чем от вступления Украины в ВТО. В обмен на так называемые европейские ценности Украина получит реальное падение ВВП, экономический спад, увеличение безработицы и деградацию промышленности. В лучшем случае Украине будет отведена роль житницы Европы, при возможном развале ее промышленности.

Если в Европе из-за продолжающегося экономического кризиса закрываются перспективные предприятия, то что следует ожидать от энергозатратной украинской промышленности? Последствиями этого могут стать острый бюджетный кризис, возможно, технический дефолт, а также политическое противостояние восточных и западных регионов. Украина станет непосильной ношей для Евросоюза. Украина должна выбрать такой вектор своего развития, который в результате даст стране стабильность, рост рабочих мест, заработной платы, поступлений в бюджет и качественный рост социальной политики,

направленной на создание должного и гуманного по отношению к простым людям уровня жизни.

Украина имеет чрезвычайно выгодное транзитное положение. Через ее территорию проходят важные пути поставок в Европу российских энергоносителей. Неурегулированность экономических и политических отношений между Украиной и Россией заставляет последнее время от времени искать альтернативные маршруты транзита углеводородов («северный поток» по дну Балтийского моря или «южный поток», проходящий по территории ряда азиатских и европейских государств). Отсюда — оптимизация отношений между двумя странами становится значительным источником пополнения государственного бюджета Украины и России. Как известно еще со времен А. Смита и Д. Рикардо, географическое положение наполовину решает вопрос успешности и развитости экономики, а удаленность от портов и судоходных рек лишает государство половины доходов.

Если же Украина продолжит интеграцию в евразийские экономические структуры, то украинская промышленность — основа национальной экономики — будет сохранена. Стабильность украинской промышленности и сельского хозяйства существенно укрепит геополитическое и экономическое положение Украины в Европе. Таким образом, процесс интеграции украинской экономики в евразийское пространство совпадает в своих целях с задачами внутренней модернизации страны.

Что же мешает утверждению прагматизма, здравого смысла и трезвому экономическому расчету в украино-российских экономических и межгосударственных отношениях? Огромную роль в этом сыграли идеологические трансформации украинского общества и украинского политика, мифологизация массового сознания за последние десятилетия. Одним из важнейших факторов этих трансформаций стала российская политика на украинском направлении, которую можно условно назвать политикой отстраненной от памяти о бывшей дружбе, или политикой чистого прагматизма. Со стороны Украины для этого были созданы условия, прежде всего, через процесс развития и распространения антироссийскими силами как во властной структуре, так и среди части населения националистической идеологии. Трудно согласиться с мнением некоторых российских аналитиков, что, будучи самостоятельной, Украина, по определению, перестает быть дружественным России государством. Разумеется, это не так. Тем не менее данная антиномия частично заложена в самой логике исторического развития. И ее причина находится в генетической общности двух славянских народов. Если русские и украинцы, имеющие единую историю, культуру и родственные языки, будут едины в

целях своей внешней и внутренней политики, то исчезнут побудительный мотив и историческая логика в существовании конфронтации между двумя странами. Если же Украина юридически и политически окончательно утвердит свою принадлежность к западному миру, то это потребует обоснования отличными от России духовными и идеологическими устремлениями, отличными геополитическими и военно-стратегическими ориентациями. В итоге Украина с неизбежностью окажется в стане геополитических соперников РФ вне зависимости от того, какие политические силы находились в данный момент у власти в Киеве. В настоящее время дух соперничества сохраняется и будет сохраняться до тех пор, пока на Украине не победят окончательно разумные и прагматически настроенные силы. Однако экономические и культурные различия украинцев и русских столь малозначительны, что их политическое противостояние скорее порождает исторические недоразумения, нежели устойчивую традицию. Украине необходимо выйти из сегодняшнего состояния разброда и шатания, восстановить здоровые силы, преодолеть разрушительные идеи внутринационального разделения, элементы этнокультурного неравенства на основе рационализма, прагматизма и здравого смысла.

Формирование Евразийского союза будет способствовать развитию внешнеэкономических, внешнеторговых отношений, увеличению конкурентоспособности, усилению экспортного потенциала Украины и повышению жизненного уровня населения. В пользу данного интеграционного объединения свидетельствуют: географическая близость стран, их общая история, однотипное ведение бизнеса, социальная психология и знание русского языка как языка общения. В случае принятия этого вектора интеграции возможно возобновление производства, которое было остановлено в связи с распадом общего государства, в том числе в сфере авиастроения, судостроения, в ракетно-космической, машиностроительной областях, в военно-промышленном комплексе. В связи с выбором интеграционного объединения Украина также стоит и перед выбором вектора своей внешней политики. Более десяти лет назад она сделала такой выбор в пользу ЕС и юридически закрепила его в Конституции страны. Но, к сожалению, за все это время не смогла достичь своей цели. Любая экономическая интеграция должна быть направлена на стимулирование инвестиций, модернизацию и развитие производства, способного конкурировать на внутренних и внешних рынках. В случае интеграции в ЕС Украина вряд ли сможет стать равноправным участником этого процесса. Более того, государство пока не имеет шансов даже встать в очередь на вступление в эту организацию.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

Украина и Россия должны быть геополитическими союзниками, стратегическими партнерами и верными друзьями. В противном случае Украина может оказаться в стане геополитических противников РФ, что грозит последней негативными геополитическими последствиями. Изменение внешнеполитического курса Украины сегодня возможно только путем смены правящей в стране элиты — прихода к власти демократических, ответственных за судьбу народа, патриотических сил. Однако политика, которую проводит нынешнее украинское руководство, мало соответствует объективным жизненным интересам народа. Она не отвечает экономическим, политическим и духовным устремлениям как украинского, так и русского народов. Кроме того, необходимо отдавать отчет в том, что даже в случае приобретения в будущем Украиной статуса ассоциированного члена Евросоюза, она вряд ли добьется от Европы многомиллиардных денежных кредитов, которые срочно нужны сейчас, безвизового режима и свободного пересечения границ. А в самой стране вряд ли восторжествует единое европейское законодательство («европейские нормы права») и исчезнет коррупция. Не стоит надеяться на массовый экспорт украинской продукции в европейские страны и снижения цен на импортные европейские товары.

Именно это обстоятельство, при всем комплексе нерешенных сложных проблем, вселяет тревогу и неверие в принципиальные изменения.

Сегодня Украина стоит перед решающим выбором: или коренным образом преобразовать свою политическую, государственную и экономическую систему и обрести подлинную независимость и суверенитет, или же снова потерять свой исторический шанс и в результате застоя и саморазрушения опуститься в новое болото и топтание на месте. В результате неправильного решения погрязшая в долгах страна не будет восприниматься серьезными международными партнерами и потеряет свои потенциальные геополитические возможности для внутреннего развития.

Так относится ли Украина к Евразии или она является Европой? Как было показано выше, большая часть Украины в историко-культурном и ментальном аспектах находилась и находится в евразийском пространстве. В то время как ее меньшая часть — территории, присоединенные к Украине после распада великих европейских империй, — сохраняет еще свою европейскость. Однако можно констатировать тот наблюдаемый эмпирический факт, что большая Украина-Евразия постепенно втягивает ее в свою орбиту и переплавляет в евразийском цивилизационном котле. Это значит, что традиционные идеалы и ценности украинского народа, столетиями формировавшие-

ся в контексте евразийского метафизического пространства, нередко противоположенные ценностям западной цивилизации, сохраняются и служат глубинным основанием выбора интеграционного проекта.

Литература

1. Философия экономики / Под ред. С.В. Сиякова. К., 2002.
2. Толочко П.П. Ненужный раздел // Киевский телеграфъ. 2005. 17 — 23 нояб.
3. Осипов Ю.М. Уроки Макиавелли — уроки для всех: заблудших правителей, разуверившихся народов, запутавшихся мудрецов (к 500-летию написания великим итальянцем Николло Макиавелли не устаревшего в веках и ныне остро актуального многослойного, многоумного и искрометного произведения под названием «Государь») // Философия хозяйства. 2013. № 2.
4. <http://arhiv.orthodoxy.org.ua/2009/11/16/2789>.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Философия хозяйства — мене, текел, перес, упарсин воинствующего экономизма

Аннотация. Анализ евразийского проекта в ноосфере философии хозяйства. Выводы: 1) евразийство есть поиск нового места для духовного центра и новой столицы России; 2) Евразия — это геополитическое пространство для победного хозяйственного творчества России; 3) евразийская идея — это спасение мышления от виртуальных симулякров; 4) евразийство — эпоха и этап движения России к своей миротворной идентичности; 5) философия хозяйства — демиург и устроитель евразийского мира.

Ключевые слова: философия хозяйства, Россия, Евразия, идея, мене, текел, перес, упарсин.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Euroasian project in noosphere of philosophy of economy. Conclusions: 1) Eurasianism is a search of a new place for the spiritual center and the new capital of Russia; 2) Eurasia is a geopolitical space for Russia's victorious economic creativity; 3) The Euroasian idea is a rescue of thinking from virtual simulacra; 4) Eurasianism is an era and a stage of Russia's movement to its concordant identity; 5) Philosophy of economy is the demiurge and the organizer of the Euroasian world.

Keywords: philosophy of economy, Russia, Eurasia, idea, mene, mene, tekel, upharsin.

Начнем не *ab ovo*, а *in medias res*. В центре каждой эпохи и страны сокрыты идеи, которые формируют их внутреннее и внешнее устройство, определяют характер их истории. Материальные метаморфозы всегда выражают смысловую хореографию идей.

Но какое глумление над человеком?! В реализации своих *идей* люди почему-то не могут осознать их; бессознательно руководствуясь псевдомнениями о мире и своих целях, они терпят неудачи, крушения, теряя свои антропологические оригиналы. У Канта сам разум признался, что нет у него критерия истины, что он сам запутывается в антиномиях, высказывая о каждой вещи взаимоотрицающие суждения («мир прост и мир сложен и др.). И сакральный закон предупреждает: «Отче! Отпусти им! Ибо не ведают, что творят, без смысла говорят, и все-таки что-то делают, заывают на пир чумовой в преддверии большой беды». Закон людской гласит: «Бойтесь идей, ибо они исполняются с точностью наоборот!». КПСС следовала идеям социализма, а реально «строила» криминализм. Европа, руководствуясь идеями свободы, прогресса, богатства, реально-то развивала социотехнологии эвтаназии и содомизма. США глобализируют мир под себя, но на деле мобилизуют природу и человечество для нанесения последнего удара мировому бандиту.

Идеи требуют мыслящего обращения, а люди заменяют их симулякрами (ИММ)⁸, творя реальность, пожираемую пламенем кризисов. Все страны уже нашли суррогатные идеи своего бытия и теперь работают над поиском средств и материалов для полноценных кризисов и катастроф. И только Россия никак не находит своей творческой идеи, полагая, что ум ее задачи не решит, хотя и без ума их не решить. Парадигму этих поисков Россией своей идентичности отчасти охватил лишь фольклор: «*Что есть, не знаю; ищи то, не зная, что; ищи там, не зная где; пойми то, не зная что; пойдти туда, не зная куда; выстрадай сполна, не зная, за что; найди то, не зная что; принеси то, не зная, что; получи сполна, не зная, за что; вытерпи все, узнаешь кое-что*». Вот только тогда тайна и цель России сами откроются страдающей стране, которая нуждается в непостижимых и недостижимых идеях-реалиях, находя в них свой смысл и энергию. Мудрость разлита по всей земле русской, а сова и петух Велеса трудятся постоянно, ибо в России ночь пребывает постоянно. И страной восходящего Солнца является только Россия, ибо хотя Солнце в ней и восходит, но так и не может взойти и прогнать ночь; страна все еще готовится к приему небесного гостя.

⁸ Инфернально модифицированные мнения.

А вот сами-то «евриканцы» бегут от мысли, о чем доложил гургу Европы XX в.— М. Хайдеггер: «Бездумность — зловещий гость, которого встретишь повсюду в современном мире. Усиливающаяся бездумность проистекает из болезни, подтачивающей самую сердцевину современного человека. Сегодняшний человек спасается бегством от мышления. Это такое бегство, что человек его и видеть не хочет и не признается в нем себе самому. Сегодняшний человек будет напрочь отрицать это бегство от мышления. Он будет утверждать обратное» [1, 103—104]. А. Хюбшер, рассмотрев творчество 62-х ведущих западных философов XX в., вопрошает: «Не идет ли мышление к смерти?» [2, 49—50]. Автор скорбно говорит, что суррогаты мысли сохраняются в создании орудий уничтожения человечества; в гуманитарной сфере ум яростно крушит свои смыслы. А вот «спекулянт в законе», Сорос, дрожит, зная, что «мысль намного страшнее реальности» [3, 68, 257]. Это отчасти объясняет то, почему европейцы бегут от мысли; но это не объясняет, почему же мысль убегает от европейцев к смерти? Неужели европейцы страшнее смерти? Ведь отказ от мышления есть принятие безумия и демонизма, втягивающего человека в разрушительные наслаждения и деяния, умножающего отвращение к жизни.

А наука? Хайдеггер теоретически казнил науку, доказав ее несовместимость с мышлением. Современное «положение дел основывается на том, что наука не мыслит. Она не мыслит, ибо ее способ действия и ее средства никогда не дадут ей мыслить — мыслить так, как мыслят мыслители. То, что наука не может мыслить, — это не ее недостаток, а ее преимущество. Лишь это одно дает ей возможность исследовательски войти в теперешнюю предметную сферу и поселиться в ней. Наука не мыслит. Для обычных представлений это утверждение неприлично, хотя наука, как и все действия человека, зависима от мышления. Отношение науки к мышлению лишь тогда истинно и плодотворно, когда становится видна пропасть, существующая между наукой и мышлением, притом такая пропасть, через которую невозможен мост» [1, 104, 137]. Наука только исчисляет познаваемое, и чем меньше смысла в науке, тем большая ценность ее плодов, тем она точнее, полезней для практики, которая нуждается в расчетах, измерениях, в силе, а не в мысли. Строительству важна прочность, сопротивление камня, а не его смысл. А научно доказать, т. е. вывести из данных посылок, можно все. И наука предала мысль еще в эпоху Возрождения; и до сих пор она много действует, забывая о мышлении, заменяя его опытами, расчетами, вычислениями, технобесием.

В современном мире меняются континентальные балансы сил. А кризисы показывают крах «бесконечного роста экономики», провал «виртуального проекта» и религии «золотого тельца». Миру нужна мысль, но он делает ее невозможной, заявляя, что мысль изреченная есть ложь и что ложь спасет человека⁹. Возмущен даже наидревнейший миф Земли о Вечном Невозвращении, о Вечном Забвении человеком своего оригинала.

Но если мир не желает и не может мыслить, то он становится сумасшедшим домом, полным тревог, страхов, inferнальных трансов, ужасов, интриг, диких страстей, фанатизма, сомнений, кошмаров, оргий, телевакханалий, конференций, презентаций, конгрессов, ассамблей, круглых столов с «круглыми абреками», отчаяния, эвтанизии, жажды исчезновения и клонирования симулякров живого. Мир становится непрерывно дрящимся XX съездом¹⁰, святилищем безумия. И даже первый коммунист Европы, Нострадамус, внес инновации в свои пророчества, предсказывая брейк-данс ВВП. А безмыслие Европы увеличивает вероятность мирового конфликта.

Но дело серьезнее, чем Европа и США полагают. Знает ли еще сегодня человек, что *вообще значит мыслить?* Почему только отдельных людей называют *мыслителями*, хотя мыслят вроде все?

Современные европейцы не мыслят. Парадокс? Факт? Но факт в латыни означает «сделанное». И безмыслие — суть нечто сфабрикованное.

В *хотении* мыслить воля сегодня сильнее мысли, заменяя ее решением и действием. А замена мысли волей включает механизм «хитрости разума» (Гегель): человек полагает, что он вершит свои планы, а на деле он служит идеям. Некий обыватель решил отмстить врагу и поджег его дом, но сгорел весь поселок, а поджигатель угодил в тюрьму. Он этого не хотел, но он это сделал, доказав тем самым истину *идеи* права. Почти все люди являются такими поджигателями бытия. Без идей разум человека становится демонической машиной-

⁹ «Последние двести лет мы живем в Эпоху Разума, т. е. достаточно долго, чтобы обнаружить, что возможности Разума также достаточно ограничены. Мы готовы вступить в эпоху Ошибочности. Результаты могут быть также очень вдохновляющими и вскружить голову» [3, 100].

¹⁰ Съезд проходил ночью и на нем разоблачался культ личности Сталина; а поскольку личностью человека делает именно мышление, наполняющее его уникальными сакральными и мирскими смыслами, то съезд разоблачил и отверг вместе с вождем и культ-культуру мышления. И с этого момента у россиян появилось страстное желание умчаться в поездах сознания из ниоткуда в никуда.

интеллектом, раздваивая истину, заменяя сознание виртуальностью, вынуждая их носителей самим казнить себя.

Но человек не может мыслить и потому, что мыслимое — мир, созданный по плану «золотого тельца» — отворачивается от мысли. Мир «золотого тельца» не признает, не принимает и не допускает никаких идей.

Мыслить — это слышать зов нашей экзистенции, нашей идеи; это и возвращение к своему оригиналу. В мышлении мы желаем того, что желает нас; для мысли желанно то, чему желанны мы. В предмете должна быть хоть капля сакральности, из которой рождается мысль¹¹. Отсюда непосредственная связь глаголов «мыслить», «любить», «святить»; только кровный союз этих начал зажигает смысловой огонь идей. А как именно мысль воздействует на материю? Мысль движет не вещественно, не законами, не насилием, не тайной, не хитростью, не пользой, а естественной... любовью. Мысль движет так, как предмет любви (любимое) движет любящим. Мысль движет самым своим наличием, своим смыслом. Но стремление к смыслу своей жизни и есть любовь. Поэтому мысль и движет все своей любовью, которую она вызывает у всего существующего самым своим бытием. Материя стремится стать мыслью, ибо в ней она может стать всем, даже — безумием. Есть, есть и такие акторы материи, ожидающие прихода своего виртуального мессии — реального Ленина.

Безыдейность, бегство от мышления — основная причина личных, социальных, исторических, техногенных и экологических катастроф современного мира. Наукообразная упорядоченность принуждает людей считать, что именно так они мыслят, а за пределами науки нет ничего более важного. Фундаментальная наука — основное препятствие в деле преодоления любых кризисов и сохранения человека, ибо человек в этой науке *величина не фундаментальная*. А ведь именно мысль определяет, по Аристотелю, свободу и рабство человека, ибо раб «по природе» тот, кто может понимать идеи других, но не может иметь собственные мысли [4, 383]. Свободный мыслит сам, дает мыслить другим, понимая их мысли, и главное, главное, он свободен от всех построений своего ума и может в любой миг сказать: «Я знаю только то, что ничего не знаю. И знать не желаю: если я нужен для чего-то знанию, оно само найдет и войдет в меня, оставляя за

¹¹ «Познание Святого — разум!» (Прит. 9: 10). Ап. Павел предупреждал, что в конце времен заблудшие люди не будут принимать ничего разумного, но только чудовищные выдумки своих предводителей.

мною право на решения». Насилием полученные знания становятся карой.

Но что же все-таки означает мышление? Мыслить — это общаться с *идеями*, черпать из них смыслы, оценки, видеть в них оригиналы изучаемых предметов и событий. Каждая идея содержит в себе и путь ее носителей. В идеях сказывается воля Провидения, в них человеческая экзистенция находит свое «Я», свою совесть, свою судьбу, свой долг, свою страшную, манящую и влекущую неизвестность. Идеи содержат в себе диалектику, но действуют они в координатах целостной методологии триалектики. Пифагор говорил: «Узрите треугольник, и проблема на две трети решена. Все вещи состоят из трех начал» (цит. по.: [5, 224]). Различия этих начал не ведут их к разрыву и конфликтам, а их сходство не ведет к безликой унификации. Похоже, что мысль есть всеобщий род энергии, а энергия, не будучи движением, фактом, пространством, временем, событием, содержит в себе смысловое сырье, из которого рождается материя. Энергия вмещает в себя все судьбы, все бифуркации, все пути всех созданий мышления, но вмещает идеально, идейно. Идеи служат своеобразными «деньгами» Духа, посредством которых их смысловые послания доступны всем мирам. Но идеи служат и прямыми посланниками вечности в миры преходящие, идущие без идей из ниоткуда в никуда. Без идей невозможно бытие индивида и общества, их институтов, ибо идеи суть объективные кристаллы, несущие в себе социокультурные коды и смыслы вечности, ее творящие инициативы, духовные импульсы и проекты устройства бытия, общества и человека. Идеи — творцы смыслов, целей, идеалов, принципов, проектов и программ; идеи «запускают» двигатель жизни, которая дает им плоть, организмы, делает их зримыми и активными. Идеи преображают материю и плоть в свои смыслы, которым они дают бытие и миры.

Например, космос для Аристотеля предстает «божественным мышлением, которое направлено на самого себя, на протяжении всей вечности» [4, 283]. Мысль по силе, блаженству и ценности все превосходит, ибо в ней желания становятся самопознанием, которое творит новые идеи, оригиналы, инновационные проекты новых вещей. Человеку это доступно только отчасти, иногда, а божеству целиком и всегда. И храмом мысли является недоступно-доступная человеку мудрость — целостное ведение, создающее цели, формы, знания, умения, меры и справедливость. Мудрости (софии) подчинены *знания* (эпистема), ищущие законы; *размышления* (дианойя), ищущие причины и вечные корни сущего; *рассуждения* (логистикон), ищущие пути, критерии мысли; *обучение* (гносис), ищущее смыслы; *воображение* (фантазия), ищущая средства превращения ничто в бытие. Мышле-

ние — божественная загадка, посредством которой человек пытается разгадывать земные загадки и самого себя. Паскаль выдел смысл, достоинство и величие человека, несмотря на его порочность, лживость и алчность, именно в мышлении, ибо мыслить могут только люди¹².

В этом плане ставшее уже стереотипом выражение, что «*по идее*», «*в идеале*» все должно быть так-то и так-то, выражает суть мышления человека. События и дела должны быть «по идее» и в пределе стремиться к «идеалу», который составляет творческий центр всякого бытия. Все возникает в идее, существует для идеи, посредством идеи, которая устанавливает взаимосвязи людей с их сакральными оригиналами, давая совершенные качества бытию, неотделимые от божества, но не совпадающие с его мудростью. Мысль — постоянный дискурс со своим оригиналом в идее. Мысли, идеи движутся спонтанно по маршруту вечности, являясь и причиной, и следствием самих себя. И есть люди, которые максимально следуют им; это пророки, поэты, мыслители, мистики, лунатики. Чтобы мыслить, нужно войти в мир идей (это не просто, а требует кровавых жертв). Но большинство людей не мыслит, а манипулирует своими желаниями и тенями мыслей. Поэтому вердикт Хайдеггера, что современные люди и науки не мыслят, означает, что они оперируют лишь копиями копий, тенями вещей, но не их оригиналами, не их идеями. Словечки «мышление», «идеи» употребляются, но в них не видят объективных норм и смыслов, знаков небес и судьбы, путей к вечной истине, без которой истины нет вообще.

Строго говоря, полное отсутствие идей и мыслей невозможно, ибо его некому и нечем зафиксировать. Отсутствие идей и мыслей свидетельствует о наличии призраков и демонов ничто.

Трагедия людей без мысли дана в геополитической метафизике русского Ивана-«дурака». Иван с честью выдерживает испытания самой мудрости. Он живет по закону мысли, а его университетские братья действуют по законам науки, власти, богатства. Но в итоге они проваливают все свои дела и от гибели их спасает самобытная мысль, скрытая в глупости Ивана. Иван — мыслящий мужик, находящий общий язык с царями, зверями, купцами, ворами, женщинами, колдунами, мастерами, мудрецами, стариками и детишками, видя в них капли нужной мудрости. Но он никогда не говорит с учеными, с экономистами и с людьми, которые считают себя умными, деловыми, практичными, понимая, что это будет лишь пустой тратой времени. И последние решения последних жизненных проблем человека находят

¹² Гегель гордо заявлял: «Даже преступная мысль злодея величественнее и возвышеннее всех чудес мира» (цит. по: [6, 372]).

именно его глупость, его алогичное мышление, его праведная щедрость и заботливость. Сила Ивана обусловлена его верностью мысли, поверившей в него, давшей ему свои полномочия. Иван имеет дело со всеми реалиями мира, но его смиренная экзистенция оказывает на них большее влияние, чем они на него, а потому он и выходит не то что победителем во всех ситуациях, а их мудрым дирижером и управителем. Философская глупость Ивана означает в то же время и неразвитую способность путать, лгать, делать подлости. Ивану ведомо, что не человек мыслит, а сама мысль «человечится», подсказывая лучшие пути к благу. Иван знает, что лучше признать перед мыслью свою глупость, чем дожидаться, когда мысль превратит его в безумца, одетого в разум. Лучше мысль в форме глупости, чем безумие в форме разума. Это необычная и зазеркальная мысль Ивана, его взгляд на мир «оттуда» — составной элемент русскости. Иван умеет мыслить, а это важнее компьютеров, наук, технологий, ибо мысль не создает ситуаций, в которой нужны эти ненужные и опасные атрибуты социума. Именно мысль, сокрытая в его глупости, спасает самого Ивана и его ученых братьев. Иван, кстати, всегда выбирает плохие дороги; они ведь тоже благо для русских и беда для смартфонных упырей. Плохие дороги — значит, враг не пройдет, да и у братьев больше шансов не разбиться на «иномарках».

Вот и рушатся сегодня самые хитроумные замыслы, планы, ген-иив, «нобелей», изобретателей планеты, доказывая практически, что все знания мира сего суть безумие вне поправляющего воздействия мудрости Всевышнего. Никто из земных владык и советников их не знает, что делать, куда идти, какие знания нужно искать, какие машины изобретать и каких адвокатов готовить для апокалиптических процессов. Братья Ивана закризисовались, заофшорились, зареструктуризовались и в итоге увидели настоящую черную дыру, которая ждет ученых и олигархов.

Но безыдейность социума вдвойне опасна для России, ибо она не только поднимает любые идеи на сакральный уровень, жертвенно служит им, но она и сама является непостижимой идеей. В России ничего само по себе без «идеи не поедет». Воля частного или корпоративного бизнеса не заменит идейные стимулы, инициативы, идейную одержимость. И вот сегодня, испытав все заморские проекты, все управленческие адаптации и выявив их полную непригодность для России, мы сталкиваемся с роковой необходимостью мыслить, находить свои идеи, принимать свои решения, отказаться от губительного учительства Запада. Сегодня социально-экономическая система Запада не в кризисе, а просто разваливается, и заменить ее нечем, да и время на замену уже исчерпано. События сменяются быстрее, чем

мышление людей, неспособных найти спасительные идеи. Запад оказался в ловушке своего же прогресса, ибо суть «постиндустриального общества» в том и состоит, что личность и человечество должны жить по закону информации и постепенно полностью переместиться в неведомый мир виртуальности, т. е. превратить свою реальность в информацию и в симулятивных персонажей.

Виртуальный мир представляет двумерное, искусственное бытие, требующее виртуального не индивидуума, а дивидуума, «постчеловека». Коллизия неразрешима: «перводвигателем» прогресса служат виртуальные технологии, которые несовместимы с социокультурным человеком. Кто-то должен уйти: или экономика должна свернуть на социальный путь ради сохранения человека, или же современный человек должен сбросить свой культурный облик и стать симуляком человека ради продолжения прогресса. Или — клонировать нужное для прогресса существо. Виртуальный мир представлен в двумерных изображениях экранов, имитирующих сходство с оригиналами образов. Вначале этот двумерный мир служил средством трехмерной жизни человека, созданию искусств, наук, приборов. Этот мир расширял свободу творчества человека посредством замены предметного мира его образами и моделями, позволяя преодолевать жесткий диктат и границы материи.

Но прогресс двумерного мира стал добиваться «гармонии» с трехмерным человеком: возникают человеко-виртуальные симбиозы, наркотическая зависимость людей от образов-персонажей, живущих в призрачном мире, хотя он и опирается на материю, энергию, имеет трехмерного хозяина. Сегодня виртуальный мир пленяет человека соблазнами удобств, быстроты, удовольствий и главное — соблазнами власти, ибо в нем даже раб может чувствовать себя божеством, творящим любые миры, решающим судьбы их обитателей. Виртуалы бросают вызов судьбе, неизвестным силам, хранящим наш мир. В виртуальном мире нет добра и зла, истины и лжи, красоты и уродства, справедливости и несправедливости: все эти ценности каждый виртуал может создавать для себя сам по своим вкусам. Здесь царят пароли, коды, шифры, программы. Но пока этот призрачный мир зависит от материально-технической и социокультурной базы реального мира. Пока!

Однако прогресс настиг и XXI в., планируя устройство мира по модели фильма «Матрица». В перспективе виртуальный мир превращает человека, всю трехмерную реальность в средства своих неясных целей. Нет, человек и реальность не станут призраками, но будут служить орудиями призрачного мира. Из ума, сознания, духа, души, язы-

ка человека изымут идеи, и они станут просто тенями своих смысло-творящих сил.

Банальный пример: человек построил дом, в котором растут детей, который украшает реально и в своем воображении. И не только человек посредством ума воздвиг этот дом, но и сам дом творит идеальные силы своего владельца. Ум и сознание в этом плане принадлежат не только человеку, но и его дому. Но вот возросли налоги, которые человеку непосильны. Он берет кредит, т. е. вступает в сделку с обаятельной и беспощадной виртуальностью (деньги — это ведь виртуальный дом!). Но налоги растут, да и кредит нужно платить. И у человека отнимают дом, он становится тенью, призраком своего дома, быстро теряя идеальные силы и ценности дома. Человек становится ненужным для виртуального мира денег.

Да и простой вопрос о том, кто хозяин образа в зеркале не так-то прост. Человек не властен над своим обликом в зеркале, ибо он не подчиняется его воле (не исчезает и не появляется по его приказу); само зеркало тоже не властно над образом, ибо оно не может удерживать его с уходом человека, как и вызывать в его отсутствие; свет не удерживает образ, а рассеивает его. Зеркало всегда тревожит человека, ибо он не может уйти от мысли, что в зеркале скрыто живет нечто магическое. «Зеркало дарило человеку обманчивый образ и пустую, бессодержательную, нереальную видимость; сходство, предлагаемое зеркалом, одновременно привлекало и вводило в заблуждение, если оно не отражало божественный лик» [7, 171]. Зеркало обладает губительными, инфернальными свойствами, незаметно высасывая из людей и вещей бытийную, смысловую и жизненную силу, разменивая ее на бесконечную сумму копий-образов. Нарцисс, увидев свой образ в воде, влюбился в себя настолько, что забыл о жизни и зачах, являясь в этом плане первой жертвой виртуальности.

Идет невидимая *окультиная война* за человека; и главным оружием в ней служит деструкция сознания, изъятие из него рефлексии, внедрения в него катастрофического психизма. Человеком должно управлять не его «Я», а Сети. Виртуальный мир, предстает властителем и великим магом, представляя собой очищенное от материи и смыслов лабиринтное пространство, которое угрожающе замыкает человека в аутизме.

Именно в России стала очевидной несовместимость виртуальной экономики и человека. Россия всегда жила идеями правды и справедливости, хотя они мало служили ее благу. Кажется, что Россия всегда жила и живет идеей, для идеи и в идее, дожидаясь ее праздника.

И сегодня в виртуальном мире Россия даже для простого сохранения должна выявить хотя бы отчасти свою идею и сделать ее основным средством решения социально-экономических, культурно-политических проблем своей идентичности. Нынешняя власть России не обладает ясным представлением о стратегических целях человечества и страны, о духовной угрозе нового тысячелетия. Материальные, интеллектуальные и финансовые ресурсы в России есть. Нет идеологии, понимания своего места в современном мире сообразно своей же идее. Сегодня Россия руководствуется не идеями, а западными суррогатами идей.

В этом плане особый интерес представляет *евразийская идея*. Только Россия — не Евразия, не простое сочетание элементов Востока и Запада, Азии и Европы. Россия является самостоятельной субстанциональной, страной, имеющей свою скрытую провиденциальную идею-матрицу¹³.

Но евразийские напевы не чужды России. Дело в том, что идея Евразии выражает не только географические, геополитические аспекты России, но в ней содержатся мощные культурно-смысловые, этнические, национальные, государственные ресурсы, неведомые ценности России. Идея Евразии органично впитала в себя не только элементы Азии и Европы, но и традиции Византии. Русская Евразия представляет собой уникальную ноосферу великих мировых культур, русского космизма и глобализма. Евразийство несет в себе зародыш новой эпохи, новых откровений духовной жизни, для которых оно готовит почву из массы разнородных этнических смыслов. Своеобразным евразийством был эллинизм, ставший идейной почвой для нового духа — христианства. Идея Евразии, признавая примат культуры над экономикой и политикой, берет русский мир России в его целостности, сплетая в нем начала, середину и концы в неведомом продолжении. Евразийство уже сегодня служит идейным инструментом, который используют государственно образующие корпорации России, власть для выработки стратегических перспектив развития страны.

Скрытый сакральный смысл в евразийстве видел М. Волошин — уникальный поэт, ученый, в творчестве которого Русь выска-

¹³ Идея Евразии очень близка к идее парадигмы. Весь мир, все континенты, каждую страну, каждого человека можно трактовать с евразийской позиции, ибо все они несут в себе своеобразное и в разных пропорциях сочетание элементов Востока и Запада, Азии и Европы. В России это сочетание играет важную, относительно самостоятельную роль, но все же Евразия не поглощает, не растворяет в себе Россию, а служит пространством ее дальнейшего развития.

зала свои смысловые наказы, выразив их в прозрениях поразительно точного и загадочного стиха «Северовосток». В пророческом видении поэта Русь выступает особым миротворным существом, которое упорно и неотступно, вопреки всем историческим препонам идет своим неведомым путем из потаенных глубин Юго-Запада земли на Северо-Восток в мир невозможных бифуркаций. Этот путь имеет не только неведомые физические, но и метафизические, космические цели и задачи. Эта онтологическая направленность Руси составляет символический, космологический и смысловой вектор русской истории, ее путь, ее Дао, ее цели и храм ее неведомой сакросферы, манящий с такой силой, что большая часть земной суши устремляется к нему. Северо-Восток — одно из самых гиблых мест на Земле: вечная мерзлота, рекорды морозные, тундра, болота, тьма гнуса, сокровища несметные, каторжные рудники, места ссылки пассионариев мысли и жертв материи? Но Русь неотвратно, исполняя провиденциальный завет, движется именно в этот евразийский филиал Преисподней!

Иноземные нашествия, католическая экспансия, протестантское безумие Петра, бунты народов, социализм лишь замедлили продвижение Руси на Северо-Восток, но они не смогли отменить этот мистический путь Руси к неведомому сакральному месту ее встречи с небом. Иначе не понять эту геополитическую диагональ русского хода. Пространство мыслит направлениями, посредством которых движутся духовные и миротворные смыслы; поэтому само направление обладает мощным потенциалом понимания. И в этом движении на Северо-Восток поэт видит оправдание России, ее страшную безумную судьбу. Самой судьбе не под силу испытания, которые отмерены Высшим Промыслом для России! Судьба теряет ум в них; поэтому Русь не доверяет уму, зная, что ум сам не может решать свои проблемы, запутываясь в антиномиях и парадоксах.

Это планетарное движение Руси к своему неведомому сакральному месту составляет, пожалуй, тайный смысл русскости, неявно требуя от русских следовать этому сакральному плану, который своими алмазными нитями связан с истоками Русской Души. Это есть и движение Русского Духа к самому себе. И новый космодром, новые университеты на Востоке выражает этот порыв России к своей неведомой столице на Земле, близкой к небесной Родине. Поэтому евразийство это не только проект будущего, но и в ближайшей перспективе ему нет альтернативы ни в теории, ни в практике, ибо это путь не конфронтации, а содружества всех народов этого пространства. В европейской части России ноосферные проекты уже невозможны, а евразийство все же содержит в себе мыслящую субстанцию человека. По словам С. Аверинцева, евразийство есть тип «мыслительного движения на опасной грани философствования и политики». А опасна эта

грань оттого, что она вскрывает банкротство мысли и политики без идей.

Русское Dasein содержит в себе эсхатологическую тайну. На Западе мысль идет *горизонтально*, на Востоке — *вертикально*, но Россия, хотя и ладит с горизонталью и вертикалью, идет своим геополитическим путем, вычерчивая таинственную *диагональ* Северо-Востока. Запад, США, да весь мир не прощают России то, что она остается сама собой, двигаясь к своему эсхатологическому храму. Но это право не выпрашивают, за него не извиняются, ибо оно дано самим Творцом. И отступление от него равносильно самоубийству, чего от нас и хотят глоберасты. Стихотворение Волошина «Россия. 1915 год» выражает эту неуловимую эсхатологию России:

«Сильна ты — нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленной верой
Твои запеклись уста.
Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое».

«Сильна ты — *нездешней мерой*» — т. е. Россию сохраняет некая сверхценность, которая только и может удовлетворить жажду ее неутоленной веры. Ее духовное пространство бесконечно, и любая узко человеческая мысль исчезает в ней как дым. И Волошин заканчивает этот стих трепетной молитвой, уходящей в ее нездешнюю меру: «*Понять твое бытие*» и «*сгореть во имя твое*».

Россия здесь и цель, и реальность: в ее видимом бытии вся ее историческая тайна, ее надо только понять; но в ней есть и нечто иное, о чем можно говорить только в терминах вечности. Поэт просит: «Твоей тоске причаститься», т. е. русская тоска не есть нечто безысходное, тупиковое, а напротив, это зов в великое неизвестное. Все якобы разрушительные начала Русской Души, имеют свою светоносную сторону, и «сгореть во имя твое» — значит не исчезнуть, а стать полностью русским, слиться с таинственно неисчерпаемой судьбой России. А сгореть должно все антирусское во имя воплощения Родины в своей душе.

Евразийцы знают, что русская мысль только тогда поднимется на достойную ее высоту, когда снова, после пережитых испытаний, вспыхнет на просторах Евразии религиозное вдохновение. Уже при зарождении евразийства его авторы пытались согласовать три духовных установки: географизм Савицкого, культуроцентризм Трубецкого, христоцентризм Флоровского, утверждавшего, что развитие исто-

рии, ход которого никто не остановит, достигает своей цели лишь через христианизацию. В.С. Соловьев и Л.П. Карсавин включили евразийство в состав софиологической (софийной) философии, после чего понадобился проект неевропейского самодовлеющего хозяйства, сочетающего в себе культуру, религию, искусства и прагматизм. Задачу такого софийного синтеза блестяще выполнил С.Н. Булгаков, создавший философию хозяйства, которая усыновила евразийство, став правительством его русского миротворного смысла. А евразийцы превратили теократию Вл. Соловьева в идеократию (софиократию), в которой правит сакральная идея посредством государства, личности и философии хозяйства. Вся история экономики Евразии свидетельствует, что развитие хозяйственных форм здесь происходит по логике, противоположной индивидуалистическим моделям обогащения на Западе. Коллективный принцип ведения хозяйства и справедливое распределение — константы евразийской экономической истории.

Сегодня в России установилось глухое тотальное озлобление. Что нас сегодня еще держит? СМИ? Наука? Интернет? Церковь? Бизнес? Работа? Чужие цитаты? Чем питается наш дух сегодня? Откуда сегодня мы черпаем смыслы? Из софийных потаенных смыслов, которые нелегально связывают нас с Небом! Больше неоткуда нам взять смысловой заем? Гарантами этого займа служат философия хозяйства и софиология. Нет иных творческих подходов. Только софиология и философия хозяйства дают право, силу и волю на поступок, на рывок от небытия к мысли и к бытию. Евразийство противостоит глобализации, отстаивая многообразие народов и культур. Евразийство отстаивает культурный федерализм, из которого вырастет новый тип империи. Это означает сочетание единства интересов Государства и этнокультурной многоукладности.

Софиология и философия хозяйства возвращают в своих духовных пространствах нового субъекта социокультурной жизни, который постепенно вызревает в движении России к своему новому центру на Северо-Востоке. И евразийство, евразийские пространства нужны философии хозяйства для того, чтобы она могла стать полноценной идеологией постэкономической эпохи, после того, как испарится тлетворный запах золотого тельца. Философия хозяйства — симптом-приговор постапокалиптических сдвигов в планах Провидения. В ней пробиваются к жизни высшие православные потенции, новая социоисторическая плоть. Нашествие небытия может быть отражено только религиозным и философско-хозяйственным оздоровлением духовного и ракетного оружия. Снаружи Россию не изменить. Импульсы инноваций нужно искать внутри.

Сегодня только философия хозяйства сохраняет в своей ноосфере мысль, способность мыслить, ибо только в ней сохраняется смысловое мистическое общение с Софией Премудростью Божьей. Дерзкое, тщеславное, глупое суждение? О, как бы автор хотел, чтобы эту истину люди постигли как угодно, но только не практически. Ибо Россия — неведомая религия будущего, частично приоткрывшая себя в православии. И мы — носители неведомой сакральной реальности, а потому она и не даст нам стинуть, ибо мы нужны ей для какого-то миротворного проекта!

Деньги теряют свои созидательные силы, превращаясь в силы спекулятивно-демонические; они уже не могут стимулировать то высокое идейное творчество, которое нужно для сохранения человечества. «Золотой телец» не желает, чтобы о нем мыслили, ибо мысль есть тот волшебный щит Персея, в котором «телец» увидел себя, а за собой узрел тень секиры Раскольникова. Деньги не терпят мысли и размышлений об их сути и силе, ибо они созданы для того, чтобы заменить мысль.

Только хозяйство сохраняет в себе предвечные творческие, силы, субъектность человека. Хозяйство питает жизнь материалом и смыслами, черпая в ней новые стимулы для продолжения бытия. Хозяйство — автократический человек, поддерживающий смысловой огонь жизни.

Катастрофическое бегство людей от мысли обусловлено исчерпанием смысловых ресурсов Логоса, которыми до сих питалось мышление «европейцев»; проев эти ресурсы западоиды отдали функции мысли технике, интеллекту, гламуру, рекламе, рефлексам и полубессознательным поддегиваниям расползающей плоти «прогрессменов». И археоевропейцы, увидев черные дыры Логоса, устремились от него в сферу гомогенного эроса. А софийные измерения мышления предателям христианства недоступны. Остается бегство от мышления из ниоткуда через «ниуду» в никуда.

Мыслители мыслят всегда, везде, живыми и мертвыми, ибо они дышат мыслеродом — живым коктейлем вечности, а остальные человеки лишь иногда просыпаются для мысли, а в целом симулируют мышление, дыша кислым газом. Мыслители создают внутри себя особое царство («Царствие Божие внутри вас» (Лк. 17:20—21)). Мыслить — это величайшее мужество, ибо мыслящий постоянно рискует своей экзистенцией и эссенцией, он постоянно в контакте с безликостью смерти, мыслит и выражает мысли в любом обществе, в любой среде, ибо окопы не для него. И невидимая работа мысли держит этот мир от полного развала. В мыслителе живет и действует другой коллективный субъект — российские народы, за которыми стоит Перво-

субъект мира, — Премудрость Софии. Поэтому мысль всегда движется по острию ножа, питаясь собственной кровью, перегоняя ее от сердца к сердцу. В мышлении идет не только обмен смыслами, но и обмен невидимой кровью. Спаситель рожден из невидимой крови чистого существа. Все кровавые жертвы и вся пролитая кровь земли — кара за бегство от мышления. Эта кровь должна была стать смысловой субстанцией неслыханных инициатив жизни, но вне мысли она пролилась напрасно, если только не повысила коэффициент интеллектуальности (*IQ*) червей.

Евразийство — это не конечный пункт движения России к самой себе, не последнее слово в познании ее. Евразийство не заменит и Софию, хотя оно и приближает к ней. Евразийство — это этап (предпоследний?), на котором Россия осознает свою идентичность, выполняя свое миротворное предназначение; это — временной духовный центр на пути к Центру всех ее столичных центров. Но это и первая идея, созданная Россией для себя, а не заимствованная из чужеземных кодексов счастья. Эта идея содержит в себе уникальный и органический синтез западной и восточной культур, эллинизма, и, самое главное, она включает в свое содержание и духовное наследие Византии. Нет другой идеи, которая осмелилась бы подружиться с византийской культурой. Создание евразийского мира Россией должно стать выявлением ее собственных духовных и материальных оснований, запуском тайного двигателя ее бытия. Евразийство позволяет философии хозяйства найти духовный центр самого православия, устоявшего во всех войнах против него и победившего своих врагов невидимым оружием правды. Философия хозяйства рождает в Евразии новую эпоху. Она готовит почву для созревания нового духовного плода, нового центра духа, храня в себе неведомые религиозные, духовные инициативы. В Евразии Россия рождает новый духовный центр мира со своей идеократией, в которой элита, все граждане знают цели и средства своей жизни и могут их оценивать единой мерой. Россия идет к месту, где небо общается с землей, а дух — *со своей, со своей* инновационной плотью.

Россия-Русь! Куда б ты не неслась,
Оборванной, поруганной, убогой, —
Ты не погибнешь! Ты уже спаслась,
Имея столько Праведных у Бога!
(Иеромонах Роман).

Литература

1. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1992.
2. Хюбшер А. Мыслители нашего времени. М., 1994.
3. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999.

4. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984.
5. *Холл М.П.* Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. В 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1992.
6. *Лукач Г.* Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987.

С.Г. КОВАЛЕВ

**Евразийцы о путях и возможностях воспроизводства
экономики российского общества**

Аннотация. Осмысление миссии России в формировании нового человеческого мышления и нового человеческого общества и места России в данном процессе волновало российскую экономическую мысль на протяжении веков. Поиск собственного пути развития страны ретроспективно отражен в различных направлениях российской экономической мысли. В целом их объединяет идея возможного будущего общества в сочетании возможностью суверенного развития России.

Ключевые слова: Евразийцы, развитие экономики.

Abstract. Understanding Russia's mission in the formation of a new human thinking and a new human society and Russia's place in this process care of Russian economic thought for centuries. Search for its own path of development retrospectively reflected in different directions of Russian economic thought. In general, they are united by the idea of a possible future society in combination possibility of independent development of Russia.

Keywords: Eurasians, economic development.

Стратегические интересы России — самосохранение себя как самовоспроизводящейся цивилизационной целостности в многополюсном и меняющемся мире. Механизм воспроизводственного развития общества призван обеспечивать целостное самосохранение и возобновление цивилизационной системы: 1) воспроизводство и сохранение пространства, занимаемого страной, в условиях открытого общества и экономики; 2) воспроизводство «кода» российской цивилизации: ее духовных и культурных ценностей, традиций, норм поведения и поведения населяющих ее народов; 3) воспроизводство населения на качественно ином уровне (высокое качество «человека»:

генетика, здоровье, общее образование, профессиональная подготовка и благосостояние); 4) воспроизводство производственного потенциала на качественно ином уровне (ориентированная на будущее экономика и ее структура); 5) воспроизводство и сохранение природных ресурсов и окружающей среды на уровне, необходимом для нормального воспроизводства населения; 6) воспроизводство интеграционного потенциала (способность к собиранию пространства). Вышеперечисленное означает репродукцию общества во историческом времени и социальном пространстве, субъекте (в этносоциогенезе), в суверенности (общество, государство), в обеспечении основных социальных прав (право на жизнь, право на профессиональную деятельность и оплату по труду, право на традиционную семью и др.) (см. табл. 1).

В таком понимании воспроизводственная безопасность есть деятельность общества по обнаружению, предотвращению, смягчению, устранению явлений, тенденций, процессов, прямых действий (отдельных лиц, коллективов, общественных организаций, государств, включая собственное), способных нарушить целостное воспроизводство цивилизационной системы.

Таблица 1

Воспроизводство российского общества

Элементы воспроизводства	Содержание элементов
Объект воспроизводства (что воспроизводится)	Российское общество как социально-культурная общность, проживающая в международно-признанном пространстве
Субъект воспроизводства (кто организует воспроизводство)	Суверенное государство, создающее условия для воспроизводства членов общества
Механизм воспроизводства (как воспроизводится)	Деятельность общества по поддержанию своих жизненных сил на основе воссоздания этнической, языковой, информационной, культурной, экономической взаимосвязи как внутри общества, так и с окружающей средой
Приоритеты воспроизводства	Расширенное воспроизводство населения в стабильном жизненном территориальном пространстве в условиях материализации новых знаний в новой технологии и расходования ресурсов, обеспечивающее поддержание разумного потребления для многих поколений
Пространство воспроизводства	Самосохранение социального, культурного, языкового и территориального пространства

Продолжение табл. 1

Временные рамки воспроизводства	Без видимых временных ограничений
Ресурсы воспроизводства	Собственные ресурсы собственного территориального пространства плюс ресурсы окружающей среды других государств (на основе эквивалентного обмена)
Мотивация воспроизводства	Выживание общества в условиях конкурентоспособной среды на основе приемлемого уровня потребления
Способ воспроизводства	Социально-организованное в интересах всех членов расширенное интенсивное воспроизводство (ресурсоэкономное)

Россия обладает наибольшим естественным пространством на душу населения и потенциально емким экономическим пространством, обусловленным внутренним производственным и потребительским платежеспособным спросом.

Понимание пространства многомерно, данное понятие выражает не только физическое пространство материального мира, но также социальное пространство, т. е. искусственное пространство, созданное взаимодействием людей, причем не только стихийно, но и осознанно для своего воспроизводства и жизнедеятельности. По отношению к суверенной стране можно говорить о земном пространстве, которое оно занимает, контролирует и которое приходится на душу населения. Применительно к России можно констатировать, что она обладает самым большим природным территориальным пространством на душу населения. Это, несомненно, ее основное богатство среди стран мира. Большая территория позволяет претендовать на большую долю космического, воздушного, арктического пространства, пространства недр, береговых, океанических и морских вод. Соответственно это и потенциальное ноосферное пространство. Вопрос удержания и сознательного развития социального пространства, в том числе его целевое конструирование на основе национальной и планетарной мысли, актуальная задача, стоящая перед страной.

Вернадский, пытаясь осмыслить миссию России в формировании нового человеческого мышления и нового человеческого общества и места России в данном процессе, ввел понятие ноосферного правительствa. Однако вся российская общественная экономическая мысль до и после Вернадского в той или иной степени вращалась в круге данной проблематики, в том числе в поисках собственного пути развития России. В качестве иллюстрации можно привести жизненный путь и взгляды таких мыслителей, как И.Т. Посошков (1652—

1726), М.В. Ломоносов (1711—1765), Н.Я. Данилевский (1822—1885), С.Н. Булгаков (1871—1944), Л.А. Чижевский (1897—1964), С.А. Подолинский (1850—1891), С.Ф. Шарапов (1855—1911), Д.И. Менделеев (1834—1907), К.П. Победоносцев (1827—1907), Г.А. Тихомиров (1852—1923), К.Э. Циолковский (1857—1936), И.Л. Солоневич (1891—1953), Л.Н. Гумилев (1912—1992) и многие другие.

Особое место в понимании необходимости сохранения евразийского пространства, занимаемого страной, принадлежит российским ученым-эмигрантам, получившим название «евразийцы». Они обосновывали особое положение России, не сводимое ни к странам Европы, ни к странам Азии, вытекающее из ее географического положения, климатических и этносоциальных особенностей, ее особую судьбу и путь. Евразиец П.Н. Савицкий в работе «Континент-Океан» (1921) видел модель экономического развития страны в приспособлении к континентальности, т. е. не развитие внешней морской торговли, а взаимодействие между континентальными регионами, полагал страну самодостаточной в экономическом плане, считал, что ее развитие должно идти не вовне, а вовнутрь, т. е. через развитие собственной промышленности и сельского хозяйства, создание внутренних экономических циклов, а не через внешнюю торговлю. Савицкий считал важным наличие децентрализованной структуры экономики, концентрации промышленности не в одной, а во многих равноудаленных зонах, что помогает освоению территорий, развивает удаленные от центра области и обеспечивает занятость населения. Предполагал, что наиболее подходящим для Евразии является сочетание государственной и частной собственности, при этом частная собственность является оплотом хозяйствования и экономической сферы, а государственное регулирование и финансирование необходимы для координации между регионами и для крупных хозяйственных проектов, имеющих долгий временной лаг реализации и требующих больших ресурсов для их осуществления.

В целом евразийцы, обосновывая свои взгляды, делали упор не на все евразийское пространство, весь континент Евразия, а лишь на ее часть — Северную Европу, часть Северной и Восточной Азии, т. е. территорию, на которой исконно на протяжении веков формировалась российская империя. По Гумилеву, здесь происходили ритмы Евразии: чередование интеграции и дезинтеграции (империи готов, гуннов, хазар, татаро-монголов, Киевская Русь, Российская империя, СССР, Россия и бывшие республики СССР).

Современный мир — это глобализирующийся мир, в котором одновременно идут процессы и региональной глобализации, и гло-

бальной регионализации. Данные процессы характерны и для континента Евразия, причем не только для современного времени, но и для прошлых эпох.

На данном континенте образовались древнейшие человеческие цивилизации: Китай, Индия, Тюркский каганат, Римская империя, Османская империя, дошедшие в модифицированной форме до наших дней.

На северо-востоке континента Евразия в условиях своеобразного этно-генетического плавильного котла, работающего на протяжении столетий, сложилось крупнейшее государство-империя — Российская империя. Этнокультурный и социально-экономический генезис привел к возникновению в ней новой общности людей — русского народа (великороссы, малороссы, белоруссы), объединившего в единое государство многие другие этносы, исторически проживающие на просторах Евразии, начиная от скифских, сарматских, мордовских, монгольских и иных племен. И хотя ядром Российской империи являлся русский народ, в ней всегда было дуальное начало — европейское, идущее от славянских, норманнских и германских племен, и азиатское, идущее от монголо-тюркских племен. Выражаясь современным языком, Российская империя являлась грандиозным интеграционным проектом, в снятом виде вобравшем в себя многие «элементы», присущие прошлым империям, ранее существовавшим на данном территориальном пространстве: прежде всего эту Киевская Русь, а также Хазарская, Римская, Византийская, Монгольская империи. После ослабления, а затем падения Византии (1453), а также распада Монгольской империи периферийное Московское княжество, входившее в ее состав, начинает стремительно развиваться, прежде всего, на основе синтеза православия и самобытной государственности и в итоге провозглашает в себя Третьим Римом. Этим самым оно становится новым мировым православно-христианским центром, претендующим на роль правопреемника Второго Рима — Константинополя. Этим самым новое государство символизирует стык Европы и Азии. Путь от Великого княжества Московского до Московского царства и от него до Российской империи был пройден менее чем за 200 лет. В 1913 г. Российская империя становится крупнейшим государством мира и, по расчетам Д. Менделеева, и французского исследователя Э. Терри к 1950 г. может стать крупнейшим в Европе и вторым в мире. Данный прогноз, хоть и с большими издержками, в общем-то оправдался. При этом надо учесть, что Февральская революция 1917 г. породила помимо социально-экономических пертурбаций также и крах государственности (независимость объявили многие народы, проживающие как на границах, так и внутри империи).

В 1917 г. Ленин разрешил выход из Российской империи Финляндии. Отказ новой власти от мировой революции и ставка на победу социализма в отдельно взятой стране, провозглашенная И.В. Сталиным, ведут к воссозданию страны в форме новой империи — СССР, границы которой после 1945 г. во многом совпадают с границами Российской империи. В 1991 г. происходит распад СССР, и на его просторах образуется 18 государств — 15 международно признанных и 4 непризнанных (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровская республика, Карабах). Международным преемником СССР стала Российская Федерация. Геополитическая катастрофа, произошедшая с СССР, имеет свои субъективные и объективные причины, здесь лишь отметим, что наряду с дезинтеграционными процессами в человеческом обществе всегда идут и процессы интеграции, либо в форме частичного восстановления ранее существовавшего, либо на новой основе и в новой форме. В настоящее время можно наблюдать интеграционную активность в различных частях света и в различных формах, в том числе и форме Евразийского союза.

В мире сложились крупные интеграционные объединения: ЕС, НАФТА и др. Наиболее законченным является Европейское сообщество. Экономическим мотором, в нем выступает Германия, а политическим — Германия и Франция. Евросоюз, в целом действующий под политическим патронатом США, ведет экспансию на восток Европы на пространстве бывших стран социалистического лагеря и республик СССР.

ЕС — крупнейший политико-экономический игрок Евразии, вторым крупнейшим игроком является Китайская Народная Республика. Ее доктрина гармоничного развития фактически также предполагает глобальную регионализацию на основе китайских ценностей. Иначе говоря, фактически в интересы и ЕС, и Китая включена территория бывшего СССР, не исключая и Российскую Федерацию.

На этом же континенте действуют и другие крупные игроки — Индия, Пакистан, Япония, Южная Корея, Турция, Иран и другие страны мусульманского мира. Безусловно, зону Евразии рассматривают как зону своих интересов и США.

Тем самым континент Евразия по-прежнему остается центром мировых социальных пертурбаций, центром глобализации мира, полигоном по отработке механизмов и форм управления ею.

Распад СССР поставил его бывшие республики, ныне ставшие самостоятельными странами, перед выбором: либо попытаться сохранить политико-экономическую самостоятельность, либо интегрироваться в более крупную группировку. Часть стран свой выбор сделали: Латвия, Литва и Эстония стали полноправными членами ЕС.

Азербайджан, Грузия, Молдавия стали на путь вступления в ЕС, подписали соглашение об ассоциативном членстве с ЕС. Свой выбор сделала Россия, начавшая формирование Таможенного союза: Россия, Белоруссия, Казахстан, с последующим присоединением Армении. Особое положение у центрально-азиатских стран — Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, обладающих значительными топливно-энергетическими ресурсами, прежде всего запасами газа и нефти, а также минеральными ресурсами и принадлежащими, с одной стороны, мусульманскому миру, а с другой — исторически и культурно во многом бывшему российско-советскому миру, что допускает для них несколько вариантов развития: создать свою интеграционную группировку, присоединиться к Таможенному союзу, в той или иной форме интегрироваться в китайский или мусульманский мир. Особое положение у Украины, которая, с одной стороны, является центром славянского мира — Киевская Русь, с другой — долгое время входила в состав Российской империи, но в то же время отдельные ее территории в разные эпохи являлись частью Речи Посполитой, Крымского ханства, Австро-Венгрии, что обуславливает определенный ментальный раскол, усугубляемый социально-экономическим положением отдельных регионов, и вытекающую отсюда разновекторность, интеграционной направленности. Для Украины теоретически возможны три пути: вливаться в состав ЕС, сохранить национальную независимость, интегрироваться в Таможенный союз. При этом возможность выбора сжимается, что обусловлено современным противоречивым состоянием мировой среды. При этом надо понимать, что уход Украины в ЕС означает возникновение еще одной интеграционной группировки, но уже в самой ЕС (Новая Речь Посполитая: Польша, Литва, Украина), которая будет находиться под более сильным влиянием США, чем это характерно для самой ЕС. А история показывает, что такая ситуация и для этих стран, и для Европы, и для России всегда нестабильна и противоречива, порождает много проблем, в том числе и территориальных.

Вышеприведенная картина мира позволяет заключить, что воспроизводственное развитие России — это выживающее, инновационное развитие в глобализирующейся среде. А это означает, с одной стороны, удержание и обустройство пространства, занимаемого страной, а с другой — формирование более широкого экономического пространства, а именно пространства формируемого Таможенного союза, позволяющего его участникам взаимовыгодно использовать фактор масштаба для экономического развития: более емкий товарный рынок и платежеспособный спрос, более обширное поле для использования преимуществ разделения труда, более привлекательный

инвестиционный климат и возможности для инвестирования (финансовые, технологические, профессиональные), более высокую эффективность инвестиций, большую возможность создания единой валютной системы и единого эмиссионного центра. Тем самым создаются более благоприятные условия для неоиндустриализации всех участников Таможенного союза, формирования реальной экономики, способной на равных конкурировать с другими интеграционными образованиями и отстаивать свои интересы в формирующемся новом глобальном миропорядке.

И.А. ГОРЮНОВ

Азиатский вектор России: возможности и угрозы

Аннотация. Евразийскому пространству для своего воспроизводства и сохранения национальной идентичности жизненно необходима интеграция. Центром кристаллизации новых интеграционных процессов может быть только Россия. Реализация Евразийского индустриального проекта возможна только в случае активной политики России на восточном и южном направлениях.

Ключевые слова: экономика, политика, евразийское пространство, интеграция, индустриализация, устойчивое развитие.

Abstract. To be self-sufficient and to preserve its national identity Eurasian amplitude needs to be reintegrated. No other country but Russia acting as an unconstrained center is able to revive new integration processes. Eurasian industrial project can be fully implemented if Russia promotes its policy to the east and south.

Keywords: economy, policy, integration, Eurasian amplitude, industrialization, sustainable development.

Следствием трагических событий августа 1991 — октября 1993 г. стал «европейский выбор России» — безоговорочная ориентация правящей российской элиты на европейские, т. е. буржуазные ценности и институты. Результат такого выбора — стремительное превращение России из государства, имеющего уникальную науку, передовую систему образования, развитую индустрию и высокую культуру, в страну, качественные (да и количественные) характеристики которой сопоставимы с показателями среднеразвитых азиатских государств.

Между тем ничего из ряда вон выходящего в случившемся с Россией нет. Движение России на Запад всегда вело к возникновению в стране азиатских реалий. К примеру, вслед за прорубленным Петром I окном в Европу (для заимствования западных идей, технологий, институтов и товаров) неминуемо возникла Российская империя — цивилизационное образование, которое по духу, несомненно, ближе к Монгольской, чем к Британской империи.

Верно и обратное — путь на Восток (точнее к своим духовным истокам) всегда способствовал, во-первых, творческому усвоению различных европейских «штучек» — таких как машинная индустрия (царская и особенно сталинская индустриализация), фундаментально-прикладная наука (реализация атомного, космического и других мега-проектов) и др., и, во-вторых, созданию собственных оригинальных направлений в культуре, науке, технике и т. д.: например, русский авангард в искусстве или ракетостроение как отрасль промышленности.

Азиатский вектор России как условие освобождения от европейской духовной крепостной зависимости

На губительность для русского ума и духа слепой ориентации на «европейские ценности и институты» указывало огромное число наших выдающихся соотечественников. К примеру, Ф.М. Достоевский в своей актуально-гениальной для нынешнего времени статье «О финансах и оздоровлении корней» из Дневника писателя за 1881 год [1, 5–40] пишет следующее: «плох тот экономист-реформатор, который обходит настоящие и действительно живые силы народные из какого-нибудь предубеждения и чужого верования» [1, 24].

Слепое следование чужим верованиям ни к чему хорошему не ведет (последние десятилетия отечественной истории яркий тому пример), и от них надо освобождаться, если мы хотим сохранить свою политическую и национальную субъектность. По мнению Ф.М. Достоевского, нам жизненно необходимо освобождение умов и сердец от европейской духовной крепостной зависимости. И этому духовному освобождению в немалой степени способствовало бы изменение нашего взгляда на Азию. «Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще больше чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами, преследует нас уже чуть не два века» [1, 33]. Этот стыд и этот ошибочный взгляд на себя как на европейцев, а не евразийцев (если говорить современным языком) дорого, очень дорого стоили нам, и «мы заплатились за него и утрату духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, деньгами, которых бог знает сколько ушло у нас

на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты» [1, 33].

Ф.М. Достоевский замечает: «чего-чего мы не делали, чтоб Европа признала нас за своих, за европейцев, за одних только европейцев, а не татар. Мы лезли к Европе поминутно и неустанно, сами напрашивались во все ее дела и делишки...» [1, 33]. Между тем европейцы как считали нас за чужаков и варваров, так и продолжают считать.

Кстати, О. Шпенглер всю «русскую европейскую культуру», начиная с Петра I, рассматривал как мимикрию под Запад глубоко чуждую европейскому духу¹⁴. Как и истинно русской культуре, заметим мы.

Чем, по мнению Ф.М. Достоевского, обусловлена эта ненависть Европы к России? «Почему эта ее ненависть к нам, почему они все не могут никак в нас увериться раз навсегда, поверить в безвредность нашу, поверить, что мы их друзья и слуги, добрые слуги, и что даже все европейское назначение наше — это служить Европе и ее благоденствию. ...Нет, они не могут увериться в нас! Главная причина именно в том состоит, что они не могут никак нас своими признать (выделено нами. — И.Г.)» [1, 34–35].

Говоря о европейцах, точнее о европейских интеллектуалах, Ф.М. Достоевский произносит: «Они ни за что и никогда не поверят, что мы воистину можем участвовать вместе с ними и наравне с ними в дальнейших судьбах их цивилизации. Они признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами. Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их платья перерядившихся. Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. *Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина!* (выделено нами. — И.Г.)» [1, 35].

И далее: «Европа верит... что у нас есть “идея”, своя, особенная и не европейская, что Россия может и способна иметь идею. Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, еще ничего не знает... Но узнает непременно когда-нибудь, и именно когда наступит самая критическая минута в судьбах ее» [1, 35].

¹⁴ О. Шпенглер писал буквально следующее: «для цветных — а в их число входят и русские — фаустовская техника не является внутренней потребностью. Только фаустовский человек мыслит, чувствует и *живет* в этой форме. Ему она *душевно* необходима — не ее хозяйственные последствия, но ее победы: *navigare necesse est, non est necesse* (плыть необходимо, жить не необходимо). Для «цветного» она лишь оружие в борьбе с фаустовской цивилизацией, нечто вроде времянки в лесу, которую оставляют, когда она выполнила свою роль» [12, 491–492].

Строго говоря, Европа боится не столько русских танков и ракет или зависимости от русского газа, сколько русской идеи. «Признавая за нами идею, она боится ее. И наконец, мерзим мы ей, мерзим, даже лично, хотя там и бывают иногда с нами вежливы» [1, 35].

И как бы подводя итог своих размышлений об отношении Европы к России, Ф.М. Достоевский пишет: «В цивилизацию нашу не верят, а нашей грядущей идеи еще не знают. По-настоящему они и правы: ибо и впрямь не будет у нас ни Бэкона, ни Ньютона, ни Аристотеля, доколе мы не станем сами на дорогу и не будем духовно самостоятельными. Во всем остальном то же, в наших искусствах, в промышленности: Европа нас готова хвалить, по головке гладить, но своими нас не признает, презирает нас в тайне и явно считает низшими себя как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями» [1, 35].

Между тем, если посмотреть на географическую карту, особенно современную, то можно увидеть, что «Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» [1, 33]. В эпоху глобализации под Азией надо понимать весь развивающийся мир, к которому, может быть, уже относится нероссийская часть Восточной Европы.

Однако трезво взглядываясь в окружающую реальность, Ф.М. Достоевский вынужден с горечью констатировать: «Трудно сказать, чтобы общество наше было проникнуто ясным сознанием нашей миссии в Азии и того, что собственно для нас значит и могла бы значить впрямь Азия. Да и вообще вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России все еще как будто существует в виде какого-то приписка, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться. “Мы, дескать, Европа, что нам делать в Азии?” Бывали даже и очень резкие голоса: “Уж эта наша Азия, мы и в Европе-то не можем себе порядка добыть и устроиться, а тут еще суют нам и Азию. Лишняя вовсе нам эта Азия, хоть бы ее куда-нибудь деть!” Эти суждения иногда и теперь раздаются у умников наших, от очень их большого ума, конечно» [1, 32].

Какая необходимость в грядущем захвате Азии? Что нам в ней делать? Не заснем ли мы там по-азиатски? Угроза азиатской сонливости, точнее восточной медлительности, в том числе в области научно-технических изысканий и инновационной деятельности, серьезная, и с ней надо считаться.

Но Азия (как современный развивающийся мир) для России не только угроза, но и вызов, если говорить в терминологии концепции истории, излагаемой Р. Дж. Коллингвудом и А. Тойнби. Ф. М. Достоевский прекрасно это понимает и говорит то, что должно воодушевить нас на великие свершения: «С поворотом в Азию, с новым на нас взглядом нашим, у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку. Ибо воистину Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка. Со стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил. Чуть лишь станем самостоятельнее — тотчас найдем, что нам делать, а с Европой, в два века, мы отвыкли от всякого дела и стали говорунами и лентяями» [1, 36].

И главное, для чего нам, по мысли Достоевского, нужна Азия: *«Мы вправе о перевоспитании нашем и об исходе нашем из Египта позаботиться. Ибо мы сами из Европы сделали для себя как бы какой-то духовный Египет (выделено нами. — И. Г.)»* [1, 36].

Что еще важно: «В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет туда, только бы началось движение» [1, 36]. Что касается развития науки и просвещения, то «науки-то там еще больше потребуются! ... Там станем деятелями, сама необходимость прижмет и заставит, чуть лишь подымется самостоятельный предприимчивый дух — тотчас же и в науке явимся господами... А главное — цивилизаторская миссия наша в Азии, с самых первых шагов (и это несомненно), поймется и усвоится нами. Она возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания, — а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало» [1, 37].

Между тем Ф. М. Достоевский прекрасно понимает, что нам «от окна в Европу отвернуться трудно, тут фатум» [1, 35]. По его мнению, Азия «и впрямь может быть наш исход в нашем будущем. ... И если бы совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи — о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, — ведь это... наш больной корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо! Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело — вот что необходимо!» [1, 35—36].

С увлечением говоря об Азии и духовном исходе из Европы, великий русский писатель демонстрирует реалистичность мышления, которой могут позавидовать большинство наших экономистов и обществоведов. Он констатирует: отвернуться от Европы надо «не навеки, а — временно, и опять-таки не совсем, не совершенно ведь отрвемся, как бы не отрывались. Нам нельзя оставлять Европу совсем, да и не надо» [1, 36].

Для начала нового дела, особенно большого дела, «нужен новый принцип» [1, 38]. Ф.М. Достоевский так поясняет свою мысль: «Устройте исток воде — и исчезнет плесень и вонь. А раз затянувшись в дело — уже не будете скучать, все переродятся» [1, 37]. На новом принципе и новом мировоззрении, новом векторе деятельности «создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила. Но для всего этого нужен новый принцип и поворот. И всех менее потребовал бы он ломки и потрясений. Пусть только хоть немного проникнуться (но проникнуться), что в будущем Азия — наш исход, что там наши богатства, что там у нас океан» [1, 38].

Где взять финансы на это? Ф.М. Достоевский отвечает на этот вопрос следующим образом: «*Новый принцип и потребные на дело деньги родит* (выделено нами. — И.Г.)» [1, 38].

Как на все это среагирует Запад? «Европа хитра и умна, сейчас догадается и, поверьте, начнет нас тотчас же уважать! О, конечно, самостоятельность наша ее, на первых порах, озадачит, но отчасти ей и понравится. Коль увидят, что мы в “угрюмую экономию” вступили и решились по одежке протягивать ножки, увидят, что и мы тоже стали расчетливыми и свой рубль сами первые бережем и ценим, а не делаем его из бумажки, то и они тоже тотчас же наш рубль, на своих рынках, ценить начнут. Да чего, — увидят, что мы даже дефицитов и банкротств не боимся, а прямо к своей точке ломим, то сами же придут к нам денег предлагать — и предложат уже как серьезным людям, уже научившимся делу и тому, как надо каждое дело делать» [1, 38—39].

А чтобы поверить в «русскую идею» и «русский дух» элите нашей, интеллигенции надо освободить свои умы и сердца от «духовной крепостной зависимости от Запада». И как только бы это произошло, «матерьяльно пала... стена, отделяющая народ от интеллигенции» [1, 25]. По мнению Ф.М. Достоевского, «духовное спокойствие началось бы у нас именно с этого шага. Явилась бы надежда, и уже общая, не разделенная, стали бы ярко сознаваться и выясняться перед нами и цели наши. А это очень важно, ибо вся наша сознательная сила, весь наш интеллигент совсем не знает или весьма нетвердо и сбивчиво знает о том, какие суть и могут впредь наши цели, т. е. национальные, государственные. В этом у нас очень слабо, именно теперь, в данную минуту. А эта сбивчивость, это незнание есть, без сомнения, источник великого беспокойства и неустройства, и не только теперь, а и несравненно горшего в будущем» [1, 25].

В результате интеллектуального освобождения от Запада воцарились бы духовное спокойствие и духовное единение. «Какая бы

страшная, зиждительная и благословенная сила, новая, совсем уже новая явилась бы на Руси, если бы произошло у нас единение сословий интеллигентных с народом! Единение духовное то есть. О, господа министры финансов, не такие бы годовые бюджеты составляли вы тогда, какие составляете ныне! Молочные реки потекли бы в царстве, все идеалы ваши были бы достигнуты разом!» [1, 20].

Ф.М. Достоевский особо подчеркивает, что он лишь про духовное слияние говорит — «его только нам и надо, ибо оно страшно поможет всему, все переродит вновь, новую идею даст» [1, 24]. Будет духовное слияние, будет и единение в общем деле. «Явится целое, а целое повлияет само на себя и вызовет разум» [1, 24]. Тот самый национальный разум, который, руководствуясь новым национальным принципом, сможет выстроить (в процессе реализации глобального национального проекта) современную, мощную и устремленную в будущее Россию. И направлять этот разум будет национальный дух, «тот самый дух, в котором только и может совершиться все что-нибудь дальнейшее и обширнейшее. На это дело как бы печать ляжет, печать национальная и глубоко консервативная» [1, 26].

Возможно ли такое преобразование России на фоне ее нынешнего состояния духовной смуты и атрофии инстинктов жизни? Сомнения в возможности этого должен рассеять «символ веры» Ф.М. Достоевского: «Я лишь за народ стою прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых никто еще из нас не знает во всем объеме и величии их, — как в святыню верую, главное, в спасительное их назначение, в великий народный охранительный и зиждительный дух, и жажду лишь одного: да узрят их все. Только что узрят, тотчас же начнут понимать и все остальное» [1, 26]. Эти пророческие слова великого писателя должны стать основой современной хозяйственной парадигмы и геополитической стратегии России.

Для принятия здравых решений и проведения грамотной хозяйственной политики нам нужно духовное спокойствие. «А спокойствия у нас мало, спокойствия духовного особенно, то есть самого главного, ибо без духовного спокойствия никакого не будет. На это особенно не обращают внимания, а добиваются только временной, материальной глади. Спокойствия в умах нет, и это во всех слоях, спокойствия в убеждениях наших, во взглядах наших, в нервах наших, аппетитах наших. Труда и сознания, что лишь трудом “спасен будешь”, — нет даже вовсе. Чувства долга нет» [1, 11]. Понимая это, в письме к К.П. Победоносцеву (19 мая 1879 г.) Ф.М. Достоевский пишет следующее: «Пошли же Вам бог спокойствия мысли — больше этого пожелания я не знаю чего бы еще можно пожелать человеку в наши дни» [3, 67].

Авангардный проект будущего

Спокойствие приходит от понимания тех целей и задач, которые должен реализовать субъект действия, и от трезвой оценки ситуации, в которой он оказался. По словам С.Г. Кара-Мурзы, русскому миру для выхода из нынешнего состояния апатии и деградации нужны трезвый анализ существующего положения и реалистический проект будущего мироустройства, частью которого должна стать интеграционная составляющая.

Иначе говоря, требуются программа исследовательская (экономический, ментальный, культурный и др. анализ нынешнего состояния России и окружающего ее евразийского пространства) и программа конструкторская — создание и реализация нового проекта России на основе духовного возрождения и II индустриализации с использованием потенциала фундаментального научного знания, возможностей VI технологического уклада и стремительно развертывающейся III промышленной революции (ориентированной на удовлетворение индивидуальных — прежде всего связанных с развитием личности — потребностей человека).

Российскому народу (как и другим народам) нужны глубинная цель и смысл своего существования на Земле. Только в этом случае он обретет способность реалистического видения настоящего, составление амбициозных планов на будущее и приближения этого будущего.

Как верно отмечает С.Н. Кара-Мурза, нужно именно строить новое, а не восстанавливать разрушенное. Необходимые условия для этого есть. Чтобы пояснить свою мысль, приведем пример из области искусства. Как известно, русский авангард был одержим идеей достижения состояния абсолютного нуля, в котором, по словам К. Малевича, человечество «очищенное от всех образов прежнего мира, оставило бы прежние жилища и переселилось в супрематические “планиты”» [4, 39].

То есть в точке абсолютного нуля мир утрачивает старые образы и формы своего отображения и начинает творить новый мир в новых образах и смыслах посредством симбиоза новых искусств, медиа, политических движений, менеджерских технологий и т. д.

Сейчас точка нуля, о которой так мечтал русский авангард, как условие реализации проекта по созданию нового мира и нового человека, почти достигнута. Все старые мифы, формы, смыслы, мыслительные дискурсы, технические объекты, технологические процессы, управленческие практики и т. д. или разрушены, или влачат жалкое существование.

А раз так, то пришло время создания отвечающего духу времени политико-хозяйственно-научно-художественного проекта, — Про-

екта преобразования русского мира. Причем это преобразование будет связано не только с реализацией планов типа ГОЭЛРО-II или неосталинской индустриализации, но прежде всего с выдвижением художественного проекта по созданию новой России.

Судьба любого проекта (в смысле его реализации) определяется тем языком, теми образами и смыслами, которые этот проект используют. При этом новое искусство и новые медиа позволяют идеально-проектным образам и смыслам сформироваться в умах людей и тем самым породить соответствующие мыслительные дискурсы, художественные и политические движения, управленческие практики, ведущие к созданию новой реальности и нового человека.

Как верно отмечал один из идеологов ЛЭФа С. Третьяков, только «пропагандаковки нового человека по существу является единственным содержанием произведений футуристов, которые вне этой направляющей идеи неизменно превращались в словесных эквилибристов... Не создание новых картин, стихов и повестей, а производство нового человека с использованием искусства, как одного из (мощнейших. — *И.Г.*) орудий этого производства, было компасом футуризма от дней его младенчества» [5, 195].

Все творения человечества возникают в ходе мыслительного процесса, а потом манифестируются в мир реальности. Как верно отмечает Х. Ортега-и-Гассет, «идея “одной Испании” возникла в кастильском уме вовсе не в ходе постижения некоей реальности (на самом деле Испания не была единой). Нет, речь шла об осуществимом идеале, о проекте действия, о грядущем дне, который требовал усилий в настоящем. Так, цель притягивает стрелу и напрягает лук» [6, 25].

«Девятый вал» Кондратьевской волны

О том, что для реализации масштабных планов нужны душевное спокойствие, творческие силы и искренняя вера, писал наш выдающийся мыслитель Н.Д. Кондратьев. Открытые им большие циклы конъюнктуры, или Кондратьевские циклы, как раз позволяют описывать динамику изменений, происходящих в современных сложных социально-экономических системах.

Под экономической конъюнктурой Н.Д. Кондратьев «понимал направление и степень изменения совокупных элементов народнохозяйственной жизни по сравнению с предшествующим моментом» [7, 70], т. е. не только экономическую, но и социально-политическую динамику. Он также установил, что «периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижающих волн» [7, 55].

Позднее отечественными учеными было показано, что материально-технической основой перехода от одного Кондратьевского цикла к другому является смена преобладающих технологических укладов, определяющих уровень конкурентоспособности продукции и реализующих кластер базисных инноваций. При этом со времени Первой промышленной революции до конца XX в. сменилось пять технологических укладов.

В марте 2000 г. в докладе на XIII Междисциплинарной дискуссии, посвященной десятилетию Ассоциации «Прогнозы и циклы», Ю.В. Яковцом на основе методологии предвидения Н.Д. Кондратьева был сделан следующий прогноз циклической динамики на XXI в.: «Вероятно, в 2010-е годы можно ожидать новый глубокий технологический, экономический, экологический, социально-политический кризис, который положит начало шестому технологическому циклу, с которого постиндустриальное общество будет развиваться на собственной основе. Если не произойдет крупных событий, нарушающих или прерывающих ход циклической динамики, то к 2040-м годам будет достигнута фаза зрелости этого цикла и начнется понижительная волна — вплоть до 2070-х годов» [8, 42].

В 2008 г. предсказанный глобальный финансово-экономический кризис разразился, и с этого момента мир вступил в начало повышающей волны очередного Кондратьевского цикла, т. е. пришло время VI технологического уклада и одновременно пора выдвижения и реализации амбициозных культурно-научно-социально-экономических мегапроектов.

Современный мир как борьба миров

Современный мир вступил в фазу радикальных и глобальных трансформаций. Чтобы спрогнозировать вектор этих трансформаций и степень трансформационных преобразований, надо знать, что из себя представляют современные общества. Для этого «нужно уловить их внутренний ритм»¹⁵ [6, 30], постичь их «динамическую формулу» [6, 11].

Очень важную особенность современного мира выделил Ю.М. Осипов. «Современный мир — мир межстрановой взаимообусловленности и планетарной ценности. *Не так целое из частей, как части от целого* (выделено нами. — И.Г.)» [9, 3].

Одновременно «современный мир — мир миров, а не только мир цивилизаций, культур, государств, стран, народов. ...Западный

¹⁵ «Если хочешь понять другого, первым делом вслушайся в его жизненный ритм, в мелодию жизни, настрой сердце, чтобы оно билось с ним в такт» [6, 30].

глобализационный и глобализирующий планету мир — это с одной стороны, а с другой — весь остальной, глобализируемый и немало уже глобализированный Западом, мир, но в силу своих опор на традицию альтернативный Западу мир — мир не-Западный» [9, 4].

При этом, по словам Ю.М. Осипова, современный мир прежде всего выделяется «глобализированным характером экономикопроизводственного бытия человечества, его — этого бытия — высокой международной переплетенностью и взаимозависимостью» [10].

Сама глобализация — это охват всего мира информационными, финансовыми, экономическими и другими связями, а «глобализм — этим миром всеохватывающее управление из одного центра» [9, 4].

Россия — часть мира. Но, к сожалению для нас, периферийная часть, которую можно назвать и полуколонией Запада, так как направление развития России во многом задает не национальное правительство, а мировой глобальный центр (прежде всего финансовый, который одновременно является и центром геополитическим).

Российское правительство надо рассматривать как нечто подобное неоколониальной администрации или коллаборационистского правительства, действующих не столько в интересах развития своей страны, сколько в соответствии с указаниями мирового управляющего центра.

Конечно, как показал и опыт Второй мировой войны и постколониальный период, метрополия не может быть полностью уверена в благонадежности неоколониальных администраций. Неоколониальные администрации и коллаборационистские режимы обладают определенной свободой действий, и иногда, откликаясь на импульсы коренного населения, могут проводить не просто независимую, а идущую вразрез с интересами метрополии политику. На эти случаи в управляющем центре отработаны соответствующие технологии смены неугодных правительств, которые на постсоветском пространстве известны как «цветные революции».

Главная причина болезни российской экономики — внешнее управление. Поэтому нам необходимо прежде всего решать задачи национального освобождения от иноязычного (западного) владения и влияния. Первоочередные меры в этом направлении: национализация Центробанка и государствообразующих СМИ, установление контроля над трансграничным движением капитала, деофшоризация экономики, кадровая чистка (выдвижение на руководящие посты квалифицированных и национально преданных кадров), проведение национальной образовательной и научной политики, патриотическое воспитание и т. д.

Нам нужен национально-освободительный проект, составной частью которого будет часть созидательная. Эту созидательную часть условно можно назвать Второй индустриализацией, или реиндустриализацией, и она, может быть, только социалистической, точнее, реализовываться в парадигме современной философии хозяйства¹⁶.

Как отмечал Н.Д. Кондратьев, большие циклы конъюнктуры или переход к новому технологическому укладу «обуславливаются процессами радикального перераспределения накопленных и накаплиющихся капиталов, выражающимися внешне в глубоких реформах индустрии и революции техники, в привлечении новых территорий (выделено нами. — И.Г.), в подготовке новых кадров квалифицированного труда» [12, 211].

Современные реалии машиностроения и других отраслей России вопиют о масштабе производства. Конкурентоспособность продукции зависит от цены изделия, ее качества, срока изготовления, времени и надежности поставок продукции. Для обеспечения низкой цены при высоком качестве и надежности поставок как раз и нужен масштаб производства. А для обеспечения этого масштаба производства нужен гарантированный рынок сбыта продукции. Между тем российские компании, как и компании других стран СНГ, на западный рынок не пускают.

Выход один — в интеграции стран евразийского пространства, всего не-Западного мира. Как верно отмечает Ю.М. Осипов, устойчивого подъема этих стран без их взаимной интеграции быть не может! [9, 9].

При этом «евразийская интеграция могла бы пойти определеннее и быстрее, если бы Россия, этот главный инициатор интеграции и ее исполнитель, демонстрировала бы сегодня вполне уверенный и достаточно скорый подъем, встала бы на путь системного неоиндустриального развития» [9, 9].

¹⁶ Вот интересное мнение на эту тему российского экономиста Р.М.-А. Гусейнова: «Государственная экономика в России явление непреодолимое. Государство в России это не просто “политическая надстройка” и публичная власть. Государство в России всегда было и остается основным инвестором, самым активным инноватором и мощной перераспределительной машиной, функционирующей в мобилизационно-раздаточной системе. ...Бессмысленно спорить — хорошо это или плохо. ...Мы так жили 1200 лет. Мы хотим жить так! И чем скорее мы восстановим, естественно, на новом витке исторической спирали, византийские, державные, а точнее вождистские, взаимоотношения между народом, бизнесом и государством, тем скорее мы сможем встать в одну шеренгу великих (а не просто больших!) народов и стран» [11, 104].

Россия — интеграционное ядро нового объединения

Потенциал для ускоренного развития не-Западного интеграционного объединения с участием России есть. Это сохранившиеся в нашей стране и ряде других государств постсоветского пространства уникальные научные школы, мировые центры фундаментальной науки и образования, промышленно-технологические зоны, которые при умелом использовании потенциала VI технологической волны и III промышленной революции дают возможность создать новый кластер индустриализма в сочетании с «постиндустриализмом», точнее обществом развитых гуманитарно-информационных технологий.

При этом интеграционное ядро нового объединения — Россия. Прежде всего потому, что русские — единственная среди цветных народов нация, которая смогла создать современные и самодостаточные культуру, образование, науку, технику, промышленность и т. д.

С учетом государственнического (имперского) опыта Россия ставится в центр интеграционного объединения в Евразии, да и во всем не-Западном мире.

Готово ли евразийское (и шире не-Западное) пространство к интеграции? Чтобы ответить на это вопрос, надо учитывать, что, по словам Ю.М. Осипова, «современный планетарный мир — мир борьбы миров: одного плотно синтезированного, однополюсного, одноцентрового, даже и весьма уже однообразного... и другого мира — не слишком или вовсе не интегрированного, многополюсного, полицентрового, явно разнообразного, гетерогенного, но при этом склонного к образованию больших региональных и диссипативных межгосударственных систем» [9, 5].

Еще один значимый импульс к интеграционным процессам в не-Западном мире придает следующий выделенный Ю.М. Осиповым факт: «Ведомый глобальным (западным) центром планетарный мир не просто в тотальном кризисе, но и в кризисе совершенно апокалиптическом, из которого на путях глобализации и под опекой глобализма нет никакого выхода. Отсюда необходимость формирования больших антикризисных региональных пространств и локальных сетей, способных не только ослабить и преодолеть всемирный эсхатологический кризис, но и не допустить всемирной войны всех против всех, планетарного Армагеддона» [9, 5].

Единственный шанс на спасение: «Добровольная межстрановая солидарность в контексте всемирной глобализации перед лицом амбициозного однополюсного глобализма и с учетом любой внешней конкуренции и любых экспансионных намерений» [9, 5].

Соответственно императив времени: «либо вместе и в собственное будущее, либо порознь, но без всякого будущего! Сегодня

мудр не тот, кто сломя голову стремится в глобальный омут, а тот, кто создает, освобожденный от такого стремления, самостоятельный и самостоящий гетероинтегрированный континент. Интеграция — не слияние, не поглощение, даже не соединение, а всего лишь межсубъектное объединение, в котором сохраняются независимые субъекты, лишь образующие вместе большой коллективный субъект. Интеграция — не торжество единения-однообразия, а возможность общего воспроизводственного пространства, совместного бытования и коллективной координации» [9, 7].

По мнению Ю.М. Осипова, необходимо «усвоение того непреложного факта, что выжить и овладеть будущим сегодня можно только вместе, кругом, большим воспроизводственным пространством, причем с неперменным стремлением к своеобразию и самости, к отличному от Запада и Востока бытию, к иному воплощению человеческого предназначения» [9, 6].

Соответственно «мотор интеграции — не принуждение, а доброволье, хотя понуждение к интеграции со стороны обстоятельств никто, нигде и никогда игнорировать не может. Евразийская интеграция — не прихоть и не соблазн, а самая обыкновенная необходимость, как раз та самая, которую-то никак не обойти!» [9, 8].

Необходимо ясно отдавать себе отчет, что «за разного рода “диалогами”, ныне широко ведущимися в мире, скрывается все-таки не что иное, как борьба, и, кажется, борьба если еще не на смерть, то явно уже за жизнь, за субъектность, за будущее, за бытие вообще. Нынешнее время — время не просто больших проблем и напряжений, это время крайних крайностей, а потому и время больших, всюю и неожиданных перемен, не чуждых и конечных исходов. От мирного соревнования миров до полноценной войны миров — один шаг — и избежать такую войну можно, лишь противопоставив амбициозному глобализму защитный партикуляризм, заносчивому моноцентризму — умеренный полицентризм, а передовому Западу, породившему, стимулирующему и разжигающему всемирный кризис — какое-то иное, вполне не такое уж “передовое”, жизнеустройство — не-Западное» [9, 5].

Оборонная и финансовая мощь России

А раз существует опасность войны, то нужна реальная военная сила. Поэтому об оборонной мощи России не стоит забывать ни самой России, ни всем другим странам-евразийцам — ибо это как раз та оборонная мощь, которая хранит не только Россию, но и... Евразию, а также позволяет России быть не только сильным геополитическим субъектом планетарного значения, но и играть ведущую роль в Евразии.

зии, как раз ту самую роль, которую не может выполнить ни одна из интегрирующихся стран.

А вообще, «без применения силы были абсолютно невозможны величайшие деяния прошлого. А если исключить ее применение в будущем, то смело можно ожидать одного: хаоса во всех сферах жизни. Но ясно и другое: одной силой никто никогда ничего путного не добивался» [6, 16]. Нужны духовное и моральное лидерство, способность предлагать и умение реализовывать амбициозные глобальные цивилизационные проекты.

Не надо забывать, что в современном мире важнейшее значение имеет не только мощь духовная, научная и оборонная, но и мощь финансовая. Недаром современную экономику довольно часто называют финансономикой (термин Ю.М. Осипова).

Какова финансовая мощь России? Она не такая уж маленькая. Так, по данным пресс-службы Банка России, объем международных резервов РФ на 10 января 2014 г. составлял 499,1 млрд дол. [13]. К примеру, объем международных резервов Еврозоны на август 2012 г. составлял 903 млрд дол. [14].

Довольно быстро растут капиталовложения российских компаний за рубежом, и в конце 2009 г. накопленные российские инвестиции за границей составляли 248,9 млрд дол. и превышали китайские (229,6 млрд дол.) [15, 8].

По мнению экспертов, российские корпорации уже вышли на сопоставимый уровень экспансии с аналогичными компаниями других стран БРИК по объему иностранных активов и темпам их роста. Но они еще существенно отстают от крупнейших мировых ТНК по объемам капитализации и масштабам международной деятельности, хотя общие темпы роста отечественных корпораций во второй половине 2010 гг. были выше. Хотя мировой финансово-экономический кризис и последующее падение спроса серьезно отразились на итогах деятельности российских ТНК, большинство из них выдержали испытания и смогли, по меньшей мере, предотвратить развал своих недавно созданных международных структур [15, 8].

Что касается СНГ, то, по оценкам экспертов из ИМЭМО РАН, удельный вес стран СНГ в стоимостной структуре российских зарубежных активов составлял в 2008 г. 20–23% [16, 4]. При этом объем накопленных инвестиций России в страны СНГ на конец 2009 г. составлял 5 501 516 тыс. дол. [15, 292].

Как отмечает А.А. Пахомов, экспансия крупнейших российских компаний за рубеж создала предпосылки для выхода за границу отечественных финансовых структур. При этом банки преследуют цель расширения ресурсной базы, выхода на новые рынки сбыта банков-

ских продуктов, приобретения зарубежной инфраструктуры, новых клиентов и современных финансовых услуг [15, 313].

Зарубежные активы банковского сектора России в 2000—2008 гг. увеличились почти в 10 раз (с 16,9 млрд дол. до 167,5 млрд дол.), а его обязательства — в 20 раз (с 9,8 до 204,5 млрд дол.). При этом, осуществляя международную экспансию, российские банковские корпорации предпочитают внедряться прежде всего в сопоставимые по уровню развития банковские системы, поэтому весьма активно идет освоение ими наиболее развитых стран СНГ, прежде всего Казахстана, Белоруссии и Украины. В целом на начало 2007 г. в России было сосредоточено более 76% совокупных активов банковских систем стран СНГ. На РФ также приходится и наибольший удельный вес зарубежных банковских инвестиций в этом регионе: 54% зарубежных банковских активов общей стоимостью 4,3 млрд дол. [15, 313].

Есть огромный потенциал для дальнейшего роста российских инвестиций в страны СНГ и другие развивающиеся и развитые страны. А вместе с ростом инвестиций неминуемо растет потенциал возможного влияния на проведение этими государствами соответствующей пророссийской политики.

Недавние (2013) кредиты Украине в размере 15 млрд дол. и Белоруссии в размере 2 млрд дол. создают основу и для проведения целенаправленной российской государственной политики посредством современных финансово-кредитных инструментов.

Создание современной финансовой системы в не-Западной части мира с новыми финансовыми центрами и альтернативной доллару валютой/валютами весьма увлекательный проект для молодых и амбициозных российских финансистов, специалистов в области IT и др. Ведь реализация такого инновационного проекта намного интересней, чем тупые (да и рискованные) финансовые спекуляции и работа подручными западных банкиров.

Великие деяния как основа национального возрождения и интеграционного сплочения

В условиях интеграции мировыми финансовыми центрами становятся Москва, Шанхай, Мумбай, Рио-де-Жанейро, региональными — Ташкент, Тегеран, Киев. В случае же неучастия этих стран в не-Западном интеграционном процессе эти города финансовыми центрами не становятся. Как в этих странах соответственно не создаются космический, авиационный, биотехнологический, медицинский, образовательный и другие соответствующие реалиям VI технологического уклада и III промышленной революции кластеры.

Есть ли возможность реализовать такой проект, сулящий великие деяния реализующим его странам и отдельным их представите-

лям? Да! Пример тому российская IT-индустрия, которая, несмотря на современные российские реалии, активно препятствующие развитию отечественной, особенно высокотехнологичной промышленности, находится на весьма высоком конкурентоспособном уровне.

Еще один пример возможностей интеграционного объединения — космос. В случае реализации предложенного соратником С.П. Королева, ныне, к сожалению, покойным академиком Б.Е. Чертоком, проекта освоения космического пространства консорциумом трех стран (России, Индии и Казахстана), к которому вполне могут и должны присоединиться другие государства, можно создать космический кластер, вполне конкурентоспособный американскому и европейским. При этом надо отдавать себе отчет, что без участия других стран, в одиночку, Россия этот проект вытянуть не сможет.

Что касается современного российского искусства, того искусства, которое не погналось за длинным рублем или долларом и осталось верным своему предназначению — правдиво отражать мир, в котором мы живем, и вместе с гражданами страны искать выход из того тупика, в котором оказалась Россия, то оно, несмотря на «социальный заказ» общества, остается искусством весьма высокого качества. Доказательство того — с успехом прошедшая осенью 2013 г. выставка современного искусства «АРТ МОСКВА». Как отметила Эльвира Тарноградская, коллекционер, куратор экспозиции из коллекции компании «Артика» на «АРТ МОСКВА», если бы отечественные художники получали хотя бы одну сотую часть тех средств, которая выделяется государством на поддержку спорта, то произведения наших молодых художников висели бы во всех в лучших галереях мира [17, 50].

В глобальный не-Западный проект войдут те страны, которые хотят иметь развитую культуру, науку, образование, медицину, свою промышленность, производящую высокотехнологичную продукцию с высокой добавленной стоимостью. Присоединившиеся к этому глобальному интеграционному проекту страны будут иметь возможности вырваться из пут периферийного капитализма (современного варианта неокOLONиализма) и создать альтернативный современному капитализму кластер культуры, науки, образования, индустриализации, т. е. выйти на особый тип хозяйственного воспроизводства — тип жизни.

Здесь важно отметить ту сторону национального, да и интеграционного строительства, на которую в свое время, анализируя интеграционные и дезинтеграционные процессы в Испании, указал Х. Ортега-и-Гассет и которые полностью согласуются с выводами Ф.М. Достоевского о важности для России азиатского (в условиях современных реальностей не-Западного) вектора развития. По мне-

нию Х. Ортега-и-Гассета, «все крупные государства складываются не изнутри, а извне. Лишь правильная внешняя политика, сулящая деяния, предприятия, может обеспечить успех в политике внутренней, неизбежно второстепенной» [6, 25].

То есть нация, как и любое интеграционное объединение, создается тем или иным устремленным в будущее глобальным проектом, точнее активным участием в его реализации. «Нация живет не традицией и не прошлым. ...Все иначе: нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего» [6, 18].

Немного перефразировав Х. Ортега-и-Гассета, мы можем сказать, что если Россия и другие не-Западные страны желают сохранения и возрождения, то они должны воссоздать в себе могучий, неукротимый порыв к совершенству и свершениям [6, 114].

Нужно целенаправленное строительство нового интеграционного объединения и нового человека. А новый человек строится, прежде всего, средствами искусства и медиа, а не выстроенными на базе научных исследований менеджерскими практиками.

И главное — в России и союзных ей по глобальному интеграционному проекту странах должна проводиться грамотная кадровая политика. Драйвер интеграции — не национальные элиты, которые (особенно в условиях отработанных Западом технологий неокOLONиализма: система грантов, имущественное и финансовое управление — воздействие на зарубежную недвижимость, прямой подкуп и шантаж и т. д.) всегда склонны к проведению коллаборационистской политики. Истинный драйвер интеграции — национально мыслящие, образованные и амбициозные молодые люди, страстно желающие своей реализации в рамках большого глобального интеграционного проекта.

«История не знает иного средства улучшить существование этноса, кроме твердой и последовательно осуществляемой воли к отбору лучших людей. Только действуя такой волей, словно резцом, нация сумеет наконец изваять четкий облик подлинного» [6, 114] русского, казаха, индийца или бразильца.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1881 г. Январь // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Л., 1984.
2. *Шпенглер О.* Человек и техника // Культурология. XX век: Антология. М., 1995.
3. *Достоевский Ф.М.* Письмо К.П. Победоносцеву 19 мая 1879 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 30. Кн. 1. Л., 1988.
4. *Гройс Б.* Gesamtkunstwerk Сталин. М., 2013.

5. *Третьяков С.* Откуда и куда перспективы футуризма // ЛЕФ (левый фронт искусства). 1923. № 1.
6. *Ортега-и-Гассет Х.* Бесхребетная Испания. М., 2003.
7. *Кондратьев Н.Д.* Избр. соч. М., 1993.
8. *Яковец Ю.В.* Прогнозирование циклов и кризисов. М., 2000.
9. *Осипов Ю.М.* О евразийской (постсоветской) межгосударственной интеграции. Тезисы // VI Малый университетский форум. Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского пространства): экономика и политика. М., 2013
10. *Осипов Ю.М.* Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность // Философия хозяйства. 2014. № 1
11. *Гусейнов Р.М.-А.* История — это всемирный суд // Философия хозяйства. 2011. № 3.
12. *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Кн. 1, 2. М., 1993.
13. <http://www.rosbalt.ru/business/2014/01/16/1221812.html>.
14. <http://ru.wikipedia.org>.
15. *Пахомов А.А.* инвестиционная деятельность российских компаний за рубежом. Тенденции развития. М., 2011.
16. Российские транснациональные корпорации продолжают экспансию даже в условиях мирового кризиса. М., 2009.
17. *Горюнов И.А.* Арт-Москва — 2013 // Директор. 2013. № 12.

В.И. КОРНЯКОВ, Н.А. АЛЕКСЕЕВА

Воспроизводственное обустройство евразийского пространства как актуализация нерешенных проблем теории общественного воспроизводства

Аннотация. Обосновывается, что классическая теория воспроизводства и сегодня остается весьма богатым источником новых конструктивных идей для вполне современных исследований. Обращается внимание на незнакомые малоизученные функции повышения производительности живого труда, на важнейшие воспроизводственные роль и функции «кольца Маркса», которые и выводят на принципиально новые, во многом неизвестные науке объективные образования.

Ключевые слова: общественное воспроизводство, рост производительности труда, евразийское пространство, «кольцо Маркса», экономия живого труда.

Abstract. At the present stage exclusiveness of value of level and as growth rates of productivity of live work for development of society, country economy, and, therefore, and formations of the Euroasian space it is indisputable. Authors note that the classical theory of reproduction and remains today very rich source of new constructive ideas for quite modern researches. In article the attention to the unfamiliar low-studied functions of increase of productivity of live work, to the major reproduction a role and functions «Marx's ring» which remove on essentially new, meanwhile objective educations unknown to science is paid.

Keywords: public reproduction, labor productivity growth, euroasian space, «Marx's ring», economy of live work.

Сегодня только начинается формирование единого евразийского процесса воспроизводства, начальной ступенью которого, по-видимому, станет взаимосвязь, взаимодействие процессов воспроизводства России, Белоруссии, Казахстана. Сгладить трудности этого процесса могли бы как более полное следование нашей воспроизводственной практике теории общественного воспроизводства, так и интенсификация развития этой теории применительно к потребностям евразийской воспроизводственной интеграции.

По нашему мнению, первое, что следовало бы сделать, — это организовать специалистов по общественному воспроизводству для научно-практической «инвентаризации» основной проблематики этой теории, выделить самые первоочередные задачи научного поиска. А их немало: и особенно много на жизненно важных и практически значащих направлениях этой теории. Так, вряд ли существует более важное направление теории общественного воспроизводства, чем выявление, показ его взаимодействия с ростом производительности труда. Ведь именно это определяет общее движение той или иной экономики [1]. Между тем здесь немало белых пятен. Нет даже серьезных объяснений, как именно рост производительности труда сливается с общественным воспроизводством.

Обычно ассимиляцию роста производительности общественным воспроизводством сводят к увеличению объема общественного продукта, т. е. к росту выработки продукции на работника в общественном масштабе. Но при этом упускается из виду, что рост выработки — лишь одна («результатная») сторона повышения производительности и обязательно сопровождается другой — уменьшением трудоемкости производства единицы результатов, экономией времени. Рост выработки — количественный прогресс воспроизводства, увеличение тех же результатов, а экономия времени открывает возможности качественного совершенствования воспроизводства, в том

числе создания совершенно новых результатов, высвобождения живого труда, сокращения рабочего дня и т. д. Причем вторая сторона роста производительности — экономия и высвобождение затрат, ресурсов — в России (при дефиците трудовых и иных ресурсов) выступает на первый план. Нам мало знать-считать, на сколько процентных пунктов повысит то или иное мероприятие производительность труда, не менее важно иметь представление о воспроизводственной «цене» каждого такого пункта: сколько ресурсов он высвободит из текущего воспроизводства.

Понятно, что каждая конкретная структура общественного воспроизводства имеет свою ресурсо-высвобождающую «цену» процента роста производительности труда. Социуму, можно сказать, важно четко видеть, на что мы идем: окупаются ли (и насколько) осуществляемые-мобилизуемые траты ресурсов их высвобождением вследствие достигнутых приростов производительности труда. Понятно, что от знания параметра нашего общественного воспроизводства решающим образом зависит качество всей программы предстоящего воспроизводственного обустройства евразийского пространства: предстоит ей (при попытках выполнения) захлебнуться, потонуть в неожиданно образовавшемся дефиците ресурсов или же, напротив, реализация программы «втянут» в общественное воспроизводство новые силы.

Сегодня теория общественного воспроизводства помогает определять, рассчитывать проценты ожидаемого роста производительности труда на основе выполнения соответствующих программ. Необходимы следующие шаги: определить «подъемные силы» каждого процентного пункта (сколько ресурсов он высвободит из текущего производства). Тем самым будет понятен и критический минимально необходимый рост производительности труда, сполна обеспечивающий ресурсами предпринимаемые воспроизводственные программы. Столь же важными для такого громадного образования, как единый воспроизводственный комплекс евразийского пространства, являются исследование и правильное регулирование эффектов «кольца Маркса» — «производства средств производства для средств производства», охватывающего основную часть всего общественного производства [2, 8—17; 3, 7—19].

Тут масса научных и практических проблем, начинающихся с того, что эти эффекты, как ни странно, еще не были объектом развернутых научных исследований. Экономисты оставляли без особого внимания то обстоятельство, что перед ними — круговой (итеративно-циклический) процесс, возвратно-круговое движение экономической материи с ее уже хорошо изученными (например, в термодинамике) эффектами положительной и отрицательной обратными

связями. Поскольку эти эффекты, возможно, никогда еще не исследовались (нам не удалось найти соответствующие научно-литературные материалы), кратко охарактеризуем их на примере подлинных цифр знаменитых схем реализации совокупного общественного продукта К. Маркса.

Преобладающую часть общественного производства крупных современных экономических систем образует «кольцо Маркса» — «производство средств производства для средств производства», мощный круговой поток товаров и услуг, ежегодно выталкивающий из себя поток средств производства для предметов потребления, который в итоге завершается II подразделением — созданием конечного продукта. А круговым движениям материи присущи естественные эффекты обратной связи: положительный эффект самовозрастания и отрицательный — самоуменьшения. Причем речь идет не о номинальных, а о вполне реальных материальных изменениях. Их материальность доказана естественно функционирующими рукотворными кольцевыми системами.

Рассмотрим на цифрах схем общественного воспроизводства К. Маркса простейший вариант роста производительности живого труда, который выражается только в уменьшении трудоемкости, высвобождении из производства живого труда и не доставляет прямого прироста выработки, увеличения физического объема общественного продукта (использование в исследованиях подобных упрощенных трудосберегающих вариантов весьма обычны для экономистов; в данном случае это упрощение предпринимается для лучшего высвечивания существа дела).

В «кольце Маркса» 4000 ед. прошлого труда s присоединяют 2000 ед. нового живого труда h (для удобства заменяем этим символом классические $v+m$), но из суммы 6000 ед. две третьих, т. е. 4000, возвращаются обратно, а одна треть переходит во II подразделение и в его составе выбывает в конечное использование. Представим себе, что рост производительности труда в капиталосоздающих отраслях позволил уменьшить затраты живого труда h вдвое, т. е. на 1000 ед., поэтому на ту же 1000 уменьшаются затраты, воплощенные в продукции «кольца» — с 6000 до 5000 ед. (натурально-вещественные пропорции воспроизводства прежние). Из них (5000) одна треть, или 1667 ед., направляются во II подразделение, где включаются в производство следующего года, а $2/3$, или 3333 (вместо 4000), вернутся в I подразделение, чтобы там обеспечить производство следующего года. Что произойдет дальше?

В I подразделении постоянный капитал, восстановленный как 3333 ед., востребует в следующем году то же количество живого тру-

да (те же 1000 ед.). Сумма (вместо исходных 6000 ед.) составит уже не 5000, а 4333 ед. Опять треть (или 1444 вместо 1667) отойдет II подразделению, а 2/3 (или 2889 вместо прежних 3333) вернется в «нутро» I. То же самое повторится в третьем году и в дальнейшем. Сумма по «кольцу» уменьшается на 1000, 667, 444 ед. и т. д. по годам.

Процесс инициируется экономией живого труда. Эта экономия вливается в «кольцо» движения овеществленного труда, которое проносит ее в обратном направлении в «начало» кольца, соответственно уменьшая это «начало», повторяет, двигаясь уже вперед, круг и приносит это уменьшившееся экономическое «вещество» в следующий год. И так год за годом. Каждый год стоимостная величина c «кольца» претерпевает показанные уменьшения (т. е. 1000, 666,7; 444,4; 296,2 ед. и т. д.) Соответственно каждый год уменьшается стоимость (не натурально-вещественное выражение!) средств производства, направляемых из I подразделения во II: этот ряд уменьшений будет 333,3; 222,2; 148,1 ед. и т. д. Эти уменьшения стоимости постоянного капитала соответствующих лет неизбежно достигают производств, где он образован новым живым трудом, и высвобождают его. Оба ряда — убывающие геометрические прогрессии. В соотношении с формулой суммы их членов (в пределе) вся дополнительная экономия стоимости (стоимостного выражения овеществленного труда) по «кольцу Маркса» — I подразделению — составила 2000 ед. Удешевления, направленные во II подразделение, суммарно (в пределе) образуют 1000 ед. Таким образом, дополнительная экономия стоимости общественного производства, генерируемая ростом производительности живого труда в «кольце Маркса», — 3000 ед. Вся же экономия от роста производительности — 4000 ед.: 1000 ед. начальная, толчковая, инициативная и 3000 — даровая, бесплатная, не потребовавшая от социума и работников ни малейших усилий, но столь же материальная, как и инициативная — 1000 ед. И таким образом, в таком объеме высвобождаются живой труд, работники в тех производствах, где этот труд становится овеществленной субстанцией работающего постоянного капитала.

В нашем числовом примере предположен такой масштаб процесса (увеличение производительности в два раза), который подчеркивает-выпячивает «подарочный» антиинфляционный эффект «кольца Маркса»: настолько удешевляются средства производства, что становятся как бы бесплатными, высвобождая социуму из текущего производства все овеществленные затраты (c), а через них — живой труд, тратившийся на изготовление этих средств производства. Фантастический результат, но он совершенно закономерен: такова природа всех итеративно-циклических движений, если им задана отрицательная обратная связь. Ну, а если эта связь не антиинфляционная

отрицательная, а положительная? Иначе, если в общественном воспроизводстве та же самая продукция создается с увеличением количеств живого труда h ?

Предположим, что производительность труда уменьшилась таким образом, что «кольцо Маркса» потребовало не 2000, а 3000 ед. нового живого труда h , — на 1000 ед. больше. Тогда в числовом примере вместо годовых экономий окажутся те же величины удорожаний, и в конечном итоге к 1000 ед. удорожания, привнесенного живым трудом, добавятся 2000 ед. удорожания овеществленного труда c в I и 1000 — во II подразделениях. Иначе говоря, мощный естественный фактор высвобождения воспроизводственных ресурсов полностью отключен и вместо него включен его антипод — расточитель, растратчик (тоже естественный). Сходный эффект, понятно, создается и увеличением элемента c через повышение отпускных цен: возникает многолетний, постепенно затухающий инфляционный процесс, итогом которого станет кратное увеличение инициативных ценовых приращений (этот механизм автоматически запускается всякий раз, когда наше государство санкционирует повышение цен, достигающее круг товаров «кольца Маркса»).

Наша страна — единственная, испытавшая полноту действия эффектов «кольца Маркса» как с антиинфляционной отрицательной, так и с проинфляционной положительной обратной связью. С отрицательной обратной связью эффект действовал в последние годы сталинской экономики — экономики снижающихся цен. За этот период уровень розничных цен (а это цены во II подразделении) понизился примерно в два раза. Внутренние соотношения «кольца Маркса» подсказывают, что в I подразделении снижение должно было быть гораздо больше (в классических схемах — вдвое).

Воспроизводственный механизм итеративно «работал» со следующей последовательностью: 1) высокие темпы роста выработки живого труда (более 10%), соответствующее уменьшение трудоемкости изделия; 2) цепочки экономий овеществленного труда соответственно технологическим цепочкам обработки и в итоге общая его экономия в «кольце Маркса»; 3) высвобождение живого труда в производствах, создающих удешевленные таким образом элементы постоянного капитала. Механизм обеспечивал сталинскую экономику ресурсами наподобие скатерти-самобранки, поэтому она до сих пор поражает громадностью реализованных достижений: от фантастически быстрого восстановления разрушенного хозяйства и рывка в создании ядерно-ракетного щита до инвестиционной программы «великих строек коммунизма».

С проинфляционной положительной обратной связью «кольцо Маркса» непрерывно «работает» вот уже полстолетия. Воспроизводственный механизм — обратный. Непрерывно бизнес и правительство повышают цены. Поэтому «кольцо Маркса», вместо цепочки удешевлений, становится цепочкой удорожаний. Экономически это тождественно искусственно создаваемому снижению производительности труда, которое всегда выражается в повышении издержек и цен. Никакого высвобождения ресурсов. Первые удорожания итеративно порождают вторые, третьи... Вся экономика охватывается неостановимой инфляцией.

Оптимальное воспроизводственное обустройство евразийского пространства невозможно при сохранении в едином воспроизводственном комплексе функционирования «кольца Маркса» с положительной обратной связью. Это —неполучение (фактически — что-то вроде затаптывания) огромных ресурсов, естественно-природно «полагающихся» столь грандиозной экономике, а также и искусственное нагнетание ряда воспроизводственных трудностей: неблагоприятного соотношения между живым и овеществленным трудом, осложнения оборотов основного капитала и т. д. В интересах качественного совершенствования единого общественного воспроизводства на евразийском пространстве — серьезная научная проработка проблемы перехода единого воспроизводственного евразийского пространства к действию «кольца Маркса» в плодотворном режиме отрицательной обратной связи, к экономике снижающихся цен, в которой восстанавливаются порушенные естественные действия ряда экономических законов, прежде всего — первого из них: экономии времени.

Литература

1. *Корняков В.И., Алексеева Н. А.* Производительность живого труда, структурная и воспроизводственная производительность в современной страновой экономике // Научный журнал СПбГУНИПТ. Сер. Экономика и экологический менеджмент. 2013. № 1 // economics.open-mechanics.com.
2. *Алексеева Н.А., Корняков В.И.* О классическом уровне теории общественного воспроизводства // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики / Под ред. Б.Д. Бабаева. Иваново, 2011. Вып. 1 (17).
3. *Алексеева Н.А., Корняков В.И.* О классическом уровне теории общественного воспроизводства // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики / Под ред. Б.Д. Бабаева. Иваново, 2012. Вып. 2 (18).

С.П. РАМАЗАНОВ

**Обустройство постсоветского евразийского пространства:
политика, идеология, психология**

Аннотация. В статье выявляются причины распада СССР, связанные с идеологическим и психологическим разобщением населения страны; намечается необходимая перестройка идеологической и психологической работы на интеграционном евразийском пространстве.

Ключевые слова: сепаратизм, интеграция, идеология, психология, национальное унижение.

Abstract. In the article the reasons of the USSR' decay connected with ideological and psychological dissociation of country's population come to light; the necessary rebuilding of ideological and psychological work is outlined on the integration Euroasian space.

Keywords: separatism, integration, ideology, national humiliation.

Разнонаправленность и противоречивость политики образовавшихся на месте СССР государств по отношению своего обустройства на евразийском пространстве, очевидно, обусловлены не только экономической составляющей. События на Украине конца 2013 — начала 2014 г. продемонстрировали, что «майдан» совершенно не воспринимал экономические аргументы, а его психология определялась идеологией противоположного России «европейского выбора». Вряд ли исключительно экономические факторы влияют на кредитование Россией той же Украины, Белоруссии, других бывших советских республик.

При распаде СССР фактически ни одна страна не преследовала государственно-экономических интересов. Об этом свидетельствуют результаты развития бывших союзных республик. Почти все они за двадцать постсоветских лет не достигли уровня 1990 г. Реализовались цели властных амбиций новых политических элит, их неумного обогащения, интересы их зарубежных покровителей. При этом идеология сепаратизма базировалась на массивной психологической обработке формирующимися элитами населения своих стран.

Во многих союзных республиках, а затем и в новых государствах для психологической обработки населения элиты использовали реальные или измышляемые факты национального унижения народов союзных республик Россией, отождествляемой с Советским Союзом.

В республиках Прибалтики акцент делался на оккупации Россией их территорий, в Молдавии к такой теме добавлялись проблемы отторжения ее территории от Румынии и насильственного переименования румынского языка в молдавский. В Азербайджане разыгрыва-

лась тема обиды на Россию за поддержку Армении и фактического отторжения Карабаха. В Грузии раздували во многом надуманные вопросы о якобы коварной ликвидации автономии Грузии при вхождении ее в Российскую империю, о ликвидации Советской Россией независимости Грузии в послеоктябрьские годы; эти вопросы обостряла укореившаяся в сознании части грузин обида за «низвержение» Россией генералиссимуса Иосифа Сталина.

На Украине подходы к психологической обработке населения различались. Такая разница рельефно проявилась в процессе голосования за независимость республики 1 декабря 1991 г. Если в западных областях Украины разыгрывалась карта освобождения народа из пут «москальского» коммунистического режима, то в восточных и южных — «объединения» народа Украины Москвой.

Коммунистическое руководство СССР практически ничего не предпринимало для преодоления психологической дезинтеграции общества. А новая политическая элита Российской Федерации, образовавшаяся в 1990 г. после первых «свободных» выборов, только содействовала и дальнейшей психологической дезинтеграции населения Советского Союза, и распаду этого государства.

Принятая вновь избранным законодательным собранием Российской Федерации 12 июня 1990 г. «Декларация о суверенитете России» стимулировала сепаратистские настроения в других республиках Союза. Так, до принятия этой декларации коммунистическое большинство Верховной Рады Украины всячески противились украинскому суверенитету и утвердило «Декларацию о суверенитете Украины» более чем через месяц после России — 16 июля 1990 г.

Вряд ли способствовали интеграции населения новых государств на евразийском пространстве скоропалительное признание руководством постсоветской России и новых государств, и автономных образований внутри самой России, а также фактическое игнорирование русского населения, оставшегося за рамками территории новой России.

Характерно отношение Б. Ельцина в Беловежской Пуще 7 декабря 1991 г. к русскому на 4/5 Крыму. Лидер новой России в буквальном и переносном смысле махнул на Крым рукой. А затем Россия фактически не реагировала на ликвидацию Украиной поста Президента Крыма и вместе с тем на отобрание у полуострова значительной части его автономии.

Новая российская элита оправдывала такое отношение к русскому населению на территории бывшего СССР тем, что удалось избежать югославского сценария распада государства — сценария войны. Однако руководством постсоветской России были развязаны две

кровавые чеченские войны, сопровождаемые терактами в Буденовке, Первомайске, театральном центре на Дубровке, взрывами домов в Москве, Волго-Донске, взрывами на вокзалах, в метро, поездах, автобусах, троллейбусах. Вряд ли такая Россия могла стать психологически привлекательным центром интеграции.

В свою очередь, неумеренное донорство со стороны новой России бывших советских республик, выражающееся в раздаче дешевых или практически безвозвратных кредитов, в продаже газа и нефти по крайне заниженным ценам раздражало значительную часть населения самой России, а определенные группы населения вновь образовавшихся государств «подачки» России воспринимали как ее слабость. При этом в России отсутствует сколько-нибудь внятная идеология интеграции. А СНГ рассматривалось многими из входящих в него стран как «средство цивилизованного развода».

Таким образом, трудности нового обустройства постсоветского евразийского пространства на базе интеграции очевидны. Конечно, проведение Россией как центром интеграции модернизации экономики, осуществление разумной экономической политики по отношению к другим странам, отказ от сырьевой основы экономического развития — необходимые условия интеграции. Вместе с тем не менее значимыми условиями интеграционной политики России выступают идеология и психология интеграции.

Объединение русских земель в Средние века произошло на базе православной идеологии. Даже Смутное время начала XVII в. завершилось победой разных народов в борьбе за православного царя. Советский Союз объединился на основе идеологии коммунистической. После распада СССР общими остались русский язык, русская культура, единство истории на общем месторазвитии. Но для утверждения идеологии приобщенности населения интегрирующегося пространства к русскому языку и культуре, к общей истории нужна серьезная, глубокая и тонкая научно-гуманитарная и образовательная работа. Необходимо внимание к такой работе со стороны российского государства, которое до настоящего времени оставляет желать лучшего.

Требуется и перестройка методов и приемов воздействия на психологию населения интегрирующегося пространства. События конца 2013 г. демонстрируют неэффективность работы российских государственных деятелей, политтехнологов, средств массовой информации. Разъяснения последствий подписания Украиной договора с Евросоюзом об ассоциации и даже финансовую помощь Украине со стороны России «майдан» рассматривал как давление, а многочисленные заявления европейских и американских чиновников о позитивности европейского выбора Украины, непрерывные посещения европей-

скими и американскими политиками Киева и «майдана» воспринимались толпой на «майдане» как помощь Украине. Европейский выбор как выбор в направлении «цивилизованного» общества (видимо, в отличие от «нецивилизованной» Украины) не воспринимается сторонниками «майдана» как национальное унижение. Почему-то даже отказ народа от самоназвания «Русь» и «русский» и наименование своей страны польской обзывалкой — «Украина», «украинцы» — т. е. «Окраина», «оукраинцы» — не рассматривается как национальное унижение. Я могу говорить об этом, поскольку от моих дедушки и бабушки, переехавших в начале XX в. из Полтавской губернии (Малороссии или коренной Руси) в Сибирь, я никогда не слышал, что они — «украинцы»: они были русскими людьми.

Вместе с тем, безусловно, успешная интеграционная работа может реализовываться только сильным государством, обеспечивающим безопасность своих граждан.

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

Новая большая идея как условие большой евразийской интеграции

Аннотация. Либеральные реформы и деконструкция прежней социальной системы в России сопровождалась попытками изменить ценностно-смысловую основу и культурные устои общества. Но метафизика православия, породившая ключевые идеи искания «царства правды», «коллективного спасения», и сегодня отвергает либерально-протестантские искания «царства свободы» и «индивидуального спасения». Превращение российской национальной мысли в периферию «западного» научного мейнстрима не удалось. Ныне принятие миссии выработки «для себя» и «для мира» современной социально-экономической парадигмы и этической эпистемы хотя и не декларируется явно, но отчетливо осознается основной массой российских ученых и мыслителей. В статье утверждается, что новая интеграция XXI столетия требует новой большой идеи.

Ключевые слова: неоевразийство, союзы народов, короткие, средние и долгие смыслы бытия, русская культурно-духовная традиция, философия хозяйства, теория оптимума развития, идеология гармонии, русская миссия, новые модели гармоничного социально-экономического развития.

Abstract. Liberal reforms and deconstruction of the previous Russia's social system were accompanied by attempts to substitute the value-and-sense basis, and cultural foundations of the society. But metaphysics of the Orthodox belief, which generated the key ideas of search for «realm of truth», «collective salvation», today still repudiate the liberal and protestant search for «realm of freedom» and «individual salvation». Conversion of the Russian national concept into the peripheral successor of the «western» scientific mainstream failed. Today, the mission of gains «for oneself» and «for the world» of the modern social and economic paradigm and ethical episteme, though not declared explicitly, are clearly understood by most Russian scientists and thinkers.

Keywords: neo-urasianism, alliances of nations, short, medium and long senses of living, Russian cultural and spiritual tradition, economy-targeted philosophy, theory of optimum development, ideology of harmony, Russian mission, new models of harmonious social and economic development.

Скорее всего, в истории страны современный этап развития сохранится не только как время деконструкции прежней социальной системы и либеральных реформ, осуществляемых в последние десятилетия в России под чужую диктовку, но и как попытка качественно изменить ценностно-смысловую основу, культурные устои общества. Однако практика показывает принципиальную несопоставимость степени влияния на жизнь общества таких факторов, как политические технологии и культурная традиция. Структура идей, определяющих суть концепций, теорий и собственно наук, возникших в исторический период нового и новейшего времени, взгляд мыслителя с позиций русской культуры на мир, на социальный идеал, на природу добра и зла, эпистемологическое поле, безусловно, и сегодня обуславливается метафизикой православия, породившей ключевые идеи искания «царства правды», «коллективного спасения». Они отчетливо контрастируют с либерально-протестантскими идеями искания «царства свободы» и «индивидуального спасения». Длительная борьба этих двух течений далека от завершения и сегодня.

Несмотря на упорные, но вполне бесплодные попытки превратить российскую национальную мысль в периферию западного научного мейнстрима, развитие нашей социально-экономической и философской науки сохраняет в качестве важнейшей цели свою историческую миссию, основанную на культурно-цивилизационной самобытности России. Эта миссия состоит в глубоком осмыслении достижений и ошибок человечества и российского общества, имевших место в предыдущей истории развития и, на основе осознания

ключевых требований будущего, разработки «для себя» и «для мира» современной социально-экономической парадигмы и этической эпистемологии (М. Фуко). Ныне, в отличие от конца XIX — начала XX в. (Ф. Достоевский, Н. Бердяев, В. Ульянов и др.), принятие такой ответственности хотя и не декларируется явно, но отчетливо осознается основной массой российских ученых и мыслителей.

Тема рациональной оценки самобытности российского мышления в области социальной и духовной организации жизни требует учета исторических событий, приводивших к принципиальным социально-культурным сдвигам. К ним, как известно, относятся и крещение Руси, и Петровские реформы, и Революция 1917 г. Если первое событие, в силу длительности существования обретенных социальных институтов, максимально интегрировано в стереотипы индивидуального и коллективного сознания и бессознательного, то последнее вызывает немало споров в обществе до настоящего времени.

Формирование самостоятельной философской мысли в России XIX в. породило различные взгляды и течения. Славянофильство, народничество, западничество, русская религиозная философия, софиология, анархизм, космизм, марксизм представляют собой основные направления социально-философского поиска того времени. В первой половине и в конце XX столетия появились концепции евразийства и неоевразийства. Названные интеллектуальные течения оказали наибольшее влияние на общественные настроения в новой и новейшей истории России. Следует отметить, что при всем различии взглядов абсолютное большинство представителей указанных течений были искренними патриотами, лишь по-разному воспринимающими цели и способы развития российского общества.

Сегодня на статус перспективной, почти революционной идеи претендует программа евразийской интеграции, которая предлагается в качестве новейшей фундаментальной модели развития стран на постсоветском пространстве, способной оказать влияние на общее мироустройство. Концепция неоевразийства во многом является теоретической основой политических программ, разрабатываемых и реализуемых на постсоветском пространстве [1].

Идеи евразийства как социально-философского учения и идейно-политического движения сформировались после выхода в свет в 1920 г. работы «Европа и человечество» известного представителя русского зарубежья Н.С. Трубецкого, критиковавшего идею европоцентризма, а также отклика на нее П.Н. Савицкого в статье «Европа и Евразия». Истоки концепции евразийства специалисты видят в славянофильской традиции (А.С. Хомяков, И.С. и К.С. Аксаковы, К.Н. Леонтьев, Н.Я. Данилевский), но евразийцы отрицали существо-

вание общего славянского культурно-исторического типа, утверждая, что культуры туранских народов, связанных с нами общей исторической судьбой, ближе к русской культуре, чем культуры западных славян (чехов, поляков). Они отвергали славянофильскую апологию общины и панславистский политический проект, предлагая федеративное евразийское государство в границах СССР до 1939 г. с включением в его состав Монголии. Не принимая принципов чистого капитализма, евразийцы предлагали совмещать условно частную (функциональную) собственность с государственной.

К евразийству примыкали или испытывали к нему интерес многие яркие мыслители русского зарубежья. В их числе: Г.В. Флоровский, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, В.Э. Сеземан, Д.П. Святополк-Мирский, С.Л. Франк, Л.И. Шестов и др. Большинство из них поддерживали антизападные, изоляционистские, империалистические и идеократические аспекты раннего советского режима и видели в нем частичную преемственность царской империи [2]. К началу Второй мировой войны евразийство утратило качество вдохновляющей идеи, и после победы СССР в войне доминирующее влияние приобретает сталинская модель развития.

Смена социально-экономических моделей относится к числу коротких циклов исторического развития общества [3]. Формальным признаком смены модели чаще всего становится объявление программы действий получившей власть партии (лидера) или обновление конституции. Падение социализма в России закономерно поставило на повестку дня вопрос о новых смыслах развития общества. Под влиянием эпохальных перемен воскрешенные Л.Н. Гумилевым идеи евразийства к началу XXI в. вновь привлекли внимание социальной науки. Ключевая идея этого подхода, развивающая более ранние взгляды на культурно-исторические типы (П. Чаадаев, Н. Данилевский, О. Шпенглер и др.), заключалась в том что, органично соединяя в себе, синтезируя в новое качество, и европейское, и азиатское, Россия соединяет две цивилизации по-своему и выступает как самостоятельная, качественно иная, новая цивилизация.

Роль ведущего идеолога неоевразийства сегодня принадлежит А.Г. Дугину, который является создателем «международного евразийского движения». Эта социальная идея следует принципам плюрализма, «стихийного взаимообогащения» и синтеза различных традиций. В фундамент новой антиглобалистской идеологии им включены взгляды классических евразийцев, русская старообрядческая традиция, опыт социалистической революции и национального социализма в России, богоискательство Серебряного века, западное контрлиберальное направление Ф. Ницше, «языческий империализм» Ю. Эвола,

«примордиальная» и «инициативная» идеи Р. Генона, взгляды Г. Вирта на «консервативную революцию», некоторые принципы консервативного иудаизма и мистических направлений «континентального» ислама (Э. Зибницкий). Грядущая Евразия мыслится в этом подходе как «Империя отцветающей сложности» предшествующая Концу [4].

В первой половине XX столетия преобладание эмоциональной стороны в евразийском восприятии происходящего отмечал Н.А. Бердяев. Он считал, что «евразийство есть, прежде всего, эмоциональное, а не интеллектуальное направление, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на произошедшую революцию, воспринятую как катастрофа». Следует признать, что и неоевразийство обладает сходными чертами, во многом обусловленными личностными качествами автора теории, претендующей на синкретичность, но в большей степени обнаруживающей эклектические и пессимистические свойства [5]. Между тем влияние на характер социальной концепции личностных качеств и сценария жизни ее автора — явление и закономерное, и достаточно обычное, примером этому служат судьбы С. Кьеркегора, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, В. Соловьева и др. В качестве основной претензии к концепции неоевразийства обычно предъявляется соображение об отсутствии в масштабной компиляции заимствованных (весьма интересных) подходов высшего, метафизического или логического системообразующего принципа, способного создать из множества противоречивых элементов новую теоретическую систему. Православная метафизика явно не представляет собой системообразующий принцип неоевразийства, также очевиден в нем и грех уныния, назначения скорого конца человеческого бытия, время которого во всех религиях (в отличие от сектантских подходов) сокрыто от познания человечества.

Идея неоевразийства пока не воспринимается обществом ни как революционная, ни как мобилизующая, ни как по настоящему волнующая граждан страны. Евразийская тема в текущем моменте актуальна преимущественно для политических элит [6]. Актуальным примером может служить изменение слогана, произведенное недавно новым главным редактором российской газеты «Культура». Вместо «Еженедельной газеты интеллигенции» появилось словосочетание «Духовное пространство русской Евразии» [7]. В целом же евразийская интеграция сегодня понимается обществом скорее как важный инструмент, но не как цель и смысл развития, когда совершенно ясно, что никакие, даже самые хитроумные, инструменты политического маневрирования не станут по настоящему полезны, если не будут оп-

ределены ключевые, долгие смыслы бытия (духовные и высшие социальные потребности социума), если не сформулированы среднесрочные смыслы, цели и задачи социально-экономического развития, если все сводится лишь к решению коротких задач сиюминутной экономической и политической выгоды. В психологической теории, в том числе теории оптимума развития (ТОР) [8], поведение индивида или социума, ориентированное лишь на короткие смыслы бытия, неизбежно выглядит или как малопродуктивная суета, или, при полной потере понимания хода событий и контроля над ситуацией, как депрессивный хаос поведения (деятельность не организованная идеей, понятой целью), реакция паники.

При всей многофакторности причин отличий национальных культур, ярко проявляющихся в социально-экономической организации общества, в основе лежат различия религий и метафизических принципов. В каждом из метафизических способов отношения к миру уже заключен как в зародыше соответствующий образ и стиль жизни людей (М. Вебер).

История человечества, достигшего уровня создания государства, всегда содержала поиск модели справедливого устройства общества. Нерешенная (принципиально нерешаемая до конца в режиме «окончательного ответа») проблема создания теоретической концепции социально гармоничного, «справедливого» общества («социализма») имеет давнюю историю, впервые отражаясь в письменных памятниках античной европейской культуры, в трудах Платона. В новой (послепетровской) России среди важнейших результатов длительной дискуссии А.С. Пушкина и П.Я. Чаадаева современные исследователи отмечают, то обстоятельство, что впервые в России ими была показана природа угроз социально-экономического противостояния между социализмом и его противниками, опасность построения глобального общества потребления, ведущего к тотальной деградации человека [9]. П. Чаадаев писал, что «социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники». При этом он считает тупиковыми оба противоположных пути. Был обоснован приоритет общего перед частным в социальной природе, показана ущербность примата индивидуализма, характерная для европейской культуры того времени. Кроме того, были разработаны принципы построения самобытной общественно-политической конструкции жизни страны, без ненужных европейских и азиатских заимствований, учитывая проявленные там ошибки.

Одним из первых проявлений национальной самобытности русской духовной жизни в новой истории России явилась философия славянофильства, возникшая как стремление опровергнуть немецкий

тип философствования на основе русского толкования христианства, опирающегося на сочинения отцов восточной церкви. В число самых ярких представителей российского славянофильства, несомненно, входит А.С. Хомяков. В основу его философии положены идея провиденциализма (предопределенности Абсолютом хода истории) и идея соборности. По его мнению, материальный мир является внешним выражением свободно творящего духа (Бога); материальные факторы общественного развития — его внешние проявления. Общая история есть процесс постепенного проявления полноты духа в общественной жизни человечества. История народа представляет собой процесс проявления в общественной жизни некой изначально присущей ему особой субстанции, первичной идеи, «начала». Хотя развитие каждого народа и предопределяется Абсолютом, однако в силу тех или иных причин *народ в своем историческом развитии, как и отдельный человек, может отклониться от предначертанного и не выполнить возложенной на него «миссии», что есть проявление свободной воли, дарованной человеку Богом* [10]. Славянофилы первыми обратили серьезное внимание на такое фундаментальное явление русской действительности, как сельская община.

Вклад народников в развитие русской социальной мысли ярко отражен в трудах П. Лаврова и Н. Михайловского. Лавров «единственный смысл истории» видел в развитии нравственного идеала [11]. Задачу социологической науки, формирующейся тогда в России, он усматривал в изучении мотивов деятельности личностей и их нравственных идеалов, уделяя особое внимание анализу «солидарных» действий людей, направляемых их общими интересами. Под этим понималось «сознание того, что личный интерес совпадает с интересом общественным» и «что личное достоинство поддерживается лишь путем поддержки достоинства всех солидарных с нами людей». Солидарность — это «общности привычек, интересов, эффектов или убеждений», которые обуславливают сходство поведения и деятельности людей. Основным двигателем истории, по мнению П. Лаврова, являются действия критически мыслящих личностей, составляющих передовую часть интеллигенции. «Развитие критической мысли в человечестве, ее укрепление и расширение есть... главный и единственный агент прогресса в человечестве».

В российской науке в то время уже появилось понимание роли психологического метода анализа социальных и экономических проблем. Н. Михайловский развивает учение о существовании двуединой правды, органически сочетающей в себе объективную («правду-истину») и субъективную («правду-справедливость») правду. С позиций двуединой правды он рассматривает проблемы общественной

жизни и различных наук, в том числе социологии, этики, эстетики, политики и т. д. «Безбоязненно глядеть в глаза действительности и ее отражению — «правде-истине», правде объективной, и в то же время сохранять и «правду-справедливость», правду субъективную — такова задача моей жизни» [12]. Ему принадлежит одна первых попыток (задолго до З. Фрейда и Г. Лебона) социально-психологического анализа феномена социального лидерства, взаимодействия «героев и толпы». Мысль о том, что подражание масс своему герою — явление, почти гипнотическое, высказанная Н. Михайловским в то время, когда самостоятельной психологической науки еще не существовало, в полной мере соответствует представлениям современной социальной психологии. Н. Михайловскому наравне с П. Лавровым принадлежит разработка идеи о *свободном выборе «идеала»*, которая философски обосновывала возможность изменить общественное развитие в избранном передовой интеллигенцией (своеобразным коллективным героем) направлении. Наиболее полное выражение эта идея получила в так называемом субъективном методе социологии, который в качестве высшего мерила общественного прогресса и исходным пунктом исторического исследования полагал отдельную личность.

Важнейшим этапом развития духовного и социального поиска в России стала парадигма софиологии. Ее основоположником явился В.С. Соловьев — религиозный мыслитель, мистик, поэт, публицист, литературный критик; почетный академик императорской Академии наук по отделению «изящная словесность», стоявший у истоков русского «духовного возрождения» начала XX в. [13]. Он оказал влияние на религиозную философию Н. Бердяева, С. Булгакова, С.Н. и Е.Н. Трубецких, П. Флоренского, С. Франка, а также на творчество поэтов-символистов — А. Белого, А. Блока и др. Литературоведы полагают, что В. Соловьев вдохновил Ф. Достоевского на создание образа Алеши Карамазова, влияние цикла статей «Смысл любви» прослеживается в «Крейцеровой сонате» Л. Толстого, идеи В. Соловьева отразились в творчестве символистов и неоиdealистов поздней советской эпохи [14; 15]. Основой его религиозной философии была идея Софии — Души Мира, понимаемая как мистическое космическое существо, объединяющее Бога с земным миром. Соловьев, так и не создавший семьи в течение всей своей жизни, полагает, что София представляет собой и вечную женственность в Боге и одновременно замысел Бога о мире.

В конце XIX в. в России после первых шагов сделанных в этом направлении экономистом-аграрником А. Скворцовым влиятельным становится направление «легального марксизма», к которому примыкают такие яркие мыслители как С. Булгаков, Н. Бердяев, П. Струве,

М. Туган-Барановский, С. Франк. Большинство из них, за исключением М. Туган-Барановского, в дальнейшем разочаровались в возможности построения в России гармоничного общества на принципах социализма, но внесли огромный вклад в развитие социально-экономической науки и этики, основанной на принципах православия.

М.И. Туган-Барановский одним из первых убедительно объяснил социально-психологическую подоплеку непрекращающихся доныне жарких споров вокруг проблем политической экономии, указав на то, что в основе антисоциалистических взглядов обычно лежит произвольно и субъективно толкуемая *справедливость* («правда-справедливость»), т. е. в сущности *эгоистический интерес критиков социалистического подхода*. В начале XX в. он писал, что ни одна из общественных наук, за исключением политической экономии, «не отрицается столь часто в своем научном авторитете, не встречает такой враждебной критики с самых различных сторон». Причину он видел в том, что, «изучая отношения хозяйства, политическая экономия вторгается в область хозяйственных интересов, являющихся наиболее мощными и доминирующими интересами современности. Чем глубже захватывает эта наука природу общественно-экономических отношений, тем упорнее отвергаются ее выводы теми, интересам которых эти выводы противоречат» [16].

Один из блестящих российских аналитиков истории экономической мысли, марксист, Г.В. Плеханов, как и ряд его современников, утверждал, что принципиальными особенностями русской социальной культуры являются *идеализм в построении планов общественного устройства и стремление к поиску абстрактных нравственных идеалов*. В начале XX в. размежевание среди русских экономистов произошло во многом по поводу понимания будущего пути развития России. При этом большинство русских социалистов стояли за установление общественной собственности как необходимого конституирующего принципа социализма, в этом состояло принципиальное отличие русского социализма от западноевропейского, который не выдвигал программы коренного изменения отношений собственности. Но, как стало понятно позднее, еще большую роль в расхождении взглядов русских мыслителей на будущее сыграли метафизические принципы.

С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев относятся к числу наиболее ярких российских мыслителей своего времени, взгляды которых на общество близки к позиции «христианского социализма», ставшего впоследствии достаточно влиятельным в Европе XX столетия, но практически исчезнувшего из числа рассматриваемых в социальной практике моделей в атеистической России прошлого века. Одним из удивитель-

ных достоинств Н.А. Бердяева была его способность облекать самые глубокие и сложные мысли, касающиеся актуальных проблем метафизики, культуры и социальной организации жизни в яркую, публицистическую форму. В работах «Судьба России» (1918) и «Истоки и смысл русского коммунизма» (1938) он убедительно объясняет уникальность судьбы России, выводя ее из нашей культурно-цивилизационной самобытности, которая, как он подчеркивает, определяется принципами православной веры. Он писал: «В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства. ...В России нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада по духу своему. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем, к абсолютной свободе и к абсолютной любви. Для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем среднем и относительном».

Бердяев полагал, что «и в русском народе, и в русской интеллигенции было и будет искание царства, основанного на правде. В видимом царстве царит неправда. ...Только в России могла произойти коммунистическая революция. ...Русский народ не “догоняет” Запад, а идет собственным путем. ...*В России коммунизм не столько социальная система, сколько религия.* Коммунизм стремится быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать жизни смысл. ...Русский коммунизм есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи. ...Идея коммунизма более согласна с христианством, чем идея, на которой базируется буржуазное капиталистическое общество. ...В коммунизме есть здоровое, верное, и вполне согласное с христианской пониманием жизни каждого человека, как служения сверхличной цели, как служения не себе, а великому целому». Главная метафизическая особенность российской культуры, по мнению философа, заключается в идее Богочеловечества, как сущности христианства, которая мало раскрывалась западной христианской мыслью и является оригинальным порождением русской христианской мысли.

Приведенные выше слова выдающегося русского религиозного философа показывают наивность представлений о том, что коммунизм в России был *вывихом истории*. На деле он, по сути, представлял собой эпохальный эксперимент по реализации идей православия в социально-экономической организации бытия общества; эксперимент наивный, но закономерный, соответствующий уровню знаний той

эпохи, об обреченности которого, еще до его реализации, писали русские религиозные философы.

В XX столетии состоялось принятие массовым сознанием неразрывной связи двух форм познания — рационального и интуитивно-мистического. Особый вклад в понимание этой связи внесли достижения религиозной философии, софиологии и философии хозяйства в России (А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, И.А. Ильин, В.В. Розанов и др.). По существу совершилась новая духовная революция, предложившая осуществить дальнейшее сближение Бога и Человека, выдвинув идею Богочеловеческого единства. Ложное противоречие между религиозным и научным способом постижения смыслов бытия было снято. Центральное место в работах российских софиологов заняла идея не социального конфликта, неизбежно проистекающего из узкой классовой основы наивного социализма, а *соборности*, характеризующая природу христианской цивилизации как *союза индивидов, собранных в «единство» свободное и органическое, во имя идей Бога и Любви, как основы «всеединства»*.

По определению Н. Струве, «Сергей Николаевич Булгаков — едва ли не самый крупный религиозный гений XX столетия не только в России, но и во всем мире» [17]. Выдающийся мыслитель, софиолог и автор теории «философии хозяйства» писал: «Человек, часть Мира, при создании, потенциально уже богочеловек, но раскрывается его богочеловечество тогда, когда человеческое творчество соединяется с Благодатью, София Тварная — соединяется с Софией Божественной. София же, есть душа мира и его первообраз, собрание идей или «божественных замыслов», отвечающих каждой из вещей и явлений мира, она «просвечивает» в мире «как разум, как красота, как хозяйство и культура». *«Назначение человека — открыть софийность в себе и мире*. Здесь вступают в свои права социальная и гуманитарные науки, которые при правильной методологической обоснованности дают перспективу познания, достижения “тварной Софии”. Задачей социальной науки, согласно С.Н. Булгакову, является «установление и *причинное* объяснение действительности, представляющей арену нравственной деятельности» [18]. Таким образом, С.Н. Булгаков указывает, что «тварная София» постигается не только интуитивно-мистическим, религиозным проникновением в смыслы бытия, но и научным методом. Так формируется Софиологическое (и Лого-Софийное) единство познания Мира человеком [3].

Глубина идей С.Н. Булгакова оказалась столь значительна, что научная и политическая элита начала XX столетия, общество в целом не смогли оценить в полной мере креативной роли его *теории фило-*

софии хозяйства. В тот исторический момент на первый план вышел и овладел умами миллионов, основанный на принципах атлантической культуры упрощенный западноевропейский, близкий к физиомонистической версии пантеизма атеистический вариант всеединства (не «Богочеловечества», а «человекобожия»), именуемый *марксизмом*. В конце XX столетия философия социология и антропология марксизма, после исторически короткого взлета популярности, закономерно потерпели фиаско, продемонстрировав наивность и несостоятельность таких базовых позиций, как идеи долговременной диктатуры пролетариата, происхождения прибавочной стоимости преимущественно из эксплуатации человека человеком, отмирания государства, полного преобладания классовых мотивов поведения над индивидуальными целями и смыслами бытия. Раньше других исследователей осознав социальную и философскую несостоятельность марксизма, прежде всего его антропологии (социальной и индивидуальной психологии), «легальный марксист» С.Н. Булгаков совершил решительный поворот «от марксизма к идеализму».

В трудах С.Н. Булгакова «Богочеловеческое единство» принимает совершенно новое, оригинальное, православное («коллективное спасение») и русское (мессианское) значение, поднимаясь как деятельный и оптимистический идеализм, до уровня проработанной во многих деталях фундаментальной концепции философии хозяйства, которая мало была оценена в XX в., но убедительно демонстрирует принципиальное значение для человечества XXI столетия.

С.Н. Булгаковым, экономистом, философом и богословом, было показано, что общество, ставящее экономику, нацеленную на увеличение количества материальных благ и богатства, выше хозяйства, ориентированного на воспроизводство всех аспектов бытия человека и социума, общество, безнравственное и бездуховное, обречено на гибель. «Кроме экономических проблем существуют совершенно отличающиеся от них духовные проблемы. Их нельзя пренебрежительно назвать надстройкой, потому что именно они составляют суть и ядро нашей жизни. И если в этой сфере не происходит глобальных изменений, никакие экономические перемены не могут помочь. *Без возрождения духа, возрождение социальное и хозяйственное невозможно*».

Русская метафизическая идея Богочеловечества как сущности христианства закономерно ставит рациональные вопросы о путях развития гармоничного человечества, о новых задачах не только общества, но и церкви, которая, по мнению российских софиологов, должна была уйти от добровольного изоляционизма, стать «живой».

К середине XX столетия единство двух контрарных по форме и комплементарных по сути методов познания [5] уже признавалось многими видными мыслителями. А. Эйнштейн подчеркивал, что наука без религии не убедительна, а религия без науки слепа. Известный представитель европейского православия, протонерей В. Зеньковский, определяя в то время соотношение веры и знания, писал: «С самого начала должна быть решительно отвергнута мысль о несовместимости веры и знания. Как вера в Бога не заключает в себе никаких затруднений в исследовании природы, так и знание, если оно серьезно и осторожно строит свои идеи, не может отрицать реальности “непознаваемого” — не в том смысле, что оно пока нами не познано, а в том смысле, что оно вообще не объемлется нашим разумом» [19].

На рубеже XX и XXI вв., второго и третьего тысячелетий от Рождества Христова, в эпоху, когда в мировой и российской науке рушились и распались длительно существовавшие экономические и философские направления, в России появилась новая научная школа современной философии хозяйства. Ее развитие привело в 2009 г. к созданию Академии философии хозяйства под руководством Ю.М. Осипова. Эта современная школа восприняла и развила ответ российских дореволюционных религиозных философов и софиологов на вызовы нового времени, остро поставившего вопрос о соотношении духовных, социальных и материальных смыслов бытия. Эта школа предложила новые софиологические (Лого-Софийные) принципы движения российского общества и человечества из прошлого в будущее [20; 21].

Труды представителей этой школы показывают, что Хаос нарастает в те эпохи, когда исчезают долгосрочные смыслы, в те времена, когда обесцениваются высшие законы жизни человека и общества, когда пустая свобода индивида от мира дезинтегрирует социум под напором инфернальной силы эгоизма, уничтожая и индивида и запрещенное законами бытия сообщество безнравственных и бездуховных эгоистов, живущих интересами и смыслами одного дня.

Современное российское общество, разочаровавшись в наивном, уравнильном и внутренне конфликтном социализме, забыв о выдающихся достижениях того периода, потеряв память о почти столетии блистательного общественного развития, о пике мирового признания за всю историю выдающихся достижений страны в науке, искусстве, экономике, военной и социальной сфере, о движении в будущее, основанное на соответствии национальной идее, позволило политической элите страны в Конституции РФ заявить нелепый принцип отказа и от национальной идеи, и от вытекающей из нее идеологии, т. е., по существу политической элитой было заявлено отречение

от дальних целей развития страны. Обществу, хитростью лишенному в ходе «перестройки» идеологии социализма под предлогом «пусть будет больше социализма», была предложена позиция эклектической неопределенности в идеологии, противоестественной для культурной традиции России, за которой едва прикрито стояла крайняя антисоциальность, разрушительный индивидуализм и эгоизм.

Попытки отрицать наличие идеологии в любом обществе наивны, ведь идеология есть устоявшийся взгляд минимального числа поколений общества (обычно, два-три) на способы достижения национальной идеи. Национальная идея, в свою очередь, входит в число главных детерминант культурной системы общества. Эта иерархия существует в любом обществе. В России национальная идея и состояла, и состоит в реализации православной идеи построения «царства правды» (Н.А. Бердяев). Попытки ее придумать заново также нелепы, как намерения «придумать» для России новое географическое положение.

В отличие от идеологии, культура есть совокупность гораздо более стабильных и долгоживущих (тысячелетние циклы), главным образом духовных стереотипов бытия, есть социальная генетика общества. К числу коротких, «временных», «преходящих» социальных стереотипов целей, смыслов (циклы десятилетий), относятся такие социальные феномены как различного рода моды (от стиля одежды и поведения до популистских экономических и политических моделей), а также фазы и тенденции социально-экономического развития. Таким образом, по фактору возрастания «радиуса времени действия социальных стереотипов» детерминанты развития общества могут быть выстроены в следующем порядке: преходящие тенденции — идеологии — культуры.

История показала, что социалистический эксперимент в России был и неизбежен, и необходим. Большая часть XX столетия прошла под знаком борьбы противоположных идеологий — коммунизма и капитализма, — проистекавшая из глубинных различий культурно-цивилизационных смыслов бытия. В середине столетия многим казалось, что социалистическая идея может победить во всем мире. Но практика подтвердила прогнозы русских православных философов — коммунизм на земле может быть построен лишь тогда, когда строить его будут люди, достигшие состояния святости. Прав оказался С.Н. Булгаков, отказавшийся от идей марксизма, указав на несостоятельность марксистской антропологии (психологии), слишком наивной, несмотря на все высокие декларации редуцировавшей, в принципе, человека к существу классовому и озабоченному лишь материальными потребностями. Однако, вслед за «наивным» социа-

лизмом, пришел к своему «закату» и Запад (О. Шпенглер), о чем свидетельствуют признаки системного кризиса либеральной культуры.

Преходящий характер капиталистического общества долгое время не признавался либерализмом; однако, как и любое другое общество — оно исторично, а потому неизбежно должно сойти со сцены. Важно предсказать момент, когда это станет неизбежным, когда обществу будет необходимо предъявить новую, соответствующую времени, задачам развития модель социально-экономической организации общества.

М. Эйгеном открыт закон саморазвития систем — завершение предшествующего этапа развития делает реальным следующий этап. Заявления лидеров мировой экономики на форумах в Давосе двух последних лет свидетельствуют, что момент замены социально-экономической модели организации общества наступил (тема форума в 2012 г. — «Великая трансформация — вырабатывая новые модели»). «Капитализм, в своем нынешнем виде, уже не соответствует миру вокруг нас» — так определил основную проблему глобальной экономики председатель форума К. Шваб. «Глобальная трансформация должна начинаться с восстановления чувства социальной ответственности». О. Бланшар сообщил, что на преодоление долгового кризиса миру может потребоваться не одно десятилетие, показав, что речь идет не о кризисном, а катастрофическом состоянии мировой финансовой системы.

Причина крушения социальных идей индивидуализма и либерализма заключается в том, что индивидуализм (социальная свобода индивида), неограниченный своей противоположностью (социальной справедливостью), по непреложным законам природы трансформируется в эгоизм, который позволяет своим апологетам иллюзорно выигрывать лишь в частностях и на короткое время, но ведет к неизбежным проигрышам в масштабном, долгосрочном, главном. Догматический индивидуализм нарушает, как и всякая односторонность, описанный теорией оптимума развития базовый закону природы принцип бинарной и системной комплементарности, как основы гармоничного развития.

На эгоизме, как на якобы естественной природе человека, длительное время строилась либеральная экономическая теория. А. Смит видел источник экономического роста, социального порядка и общественного блага в свободной конкуренции корыстолюбивых индивидов, которая якобы всегда ведет к порядку и процветанию. Как индивидуалистическая система, либерализм на первый план выдвигает отдельного человека; ценность общественных групп, социальных институтов или общества в целом при этом оценивается лишь тем, в ка-

кой мере они защищают права и интересы индивида и способствуют осуществлению целей отдельных субъектов. На деле граждане современных демократий не ищут для себя ответственности за состояние общественных дел, иметь право свободно желать — вот то единственное, что может просить у высших сил западный человек.

Либерализм делает ставку на человека, ставящего перед собой собственные цели и пользующегося максимально возможной свободой. Неизбежный результат — гарантированная незаинтересованность, безразличие, бездушие окружающих по отношению к интересам этого недалекого, эгоистичного и, как следствие, социально одинокого, фатально нелюбимого людьми и обществом индивида. Основоположники либерализма считали, что государство обязано защищать свободу граждан, но те вправе защищать свою свободу от государства. При этом интересы «другого индивида», общества, и даже собственного будущего явно переносятся на второй план. Суть такой социально-экономической организации общества — бытие, основанное на коротких смыслах, «развитие в никуда».

Догматизируя право человека на социальную свободу, минимизируя роль доступной осознанию взаимной социальной полезности (солидарности), либерализм возвел индивидуализм в абсолют и довел до абсурда, до уровня тотального эгоизма и «одиочества в толпе». Крайний эгоизм лишил человека не только любви к другому, духовности и душевности, но и элементарной дальновидности. Такого рода идеология на первый план выдвигает идею жесткой конкуренции, борьбы любыми способами с другими людьми и с обществом в целом (идея потенциального «врага»), но никак не «друга». Эгоистическая недальновидность финансовых спекулянтов и правительств, выполняющих роль их политической прислуги, стала одним из признанных определяющих факторов развития неутраченного глобального финансово-экономического кризиса.

Исчерпание модели либеральной социально-экономической организации общества определяется тем, что и наука и практика показали несостоятельность любых догматических, односторонних концепций описывающих природу человека и общества. Наивный «монастырский» социализм и дряхлый эгоистический капитализм — изжили себя. Наступает время детальной научной разработки бинарно-комплементарных и системно-комплементарных социально-экономических моделей ведения хозяйства [3; 21]. С.Н. Булгаковым в «Философии хозяйства» были сформулированы метафизические принципы новой социально-экономической и духовной организации общества. Они уточнены и конкретизированы применительно к нашему времени Академией философии хозяйства (Ю.М. Осипов). На-

ми, в рамках теории оптимума развития, в 2012 г. предложен один из вариантов преодоления временной растерянности в управлении современной социально-экономической системой и перехода к гармоничному развитию общества основанный на современной антропологии.

Этот подход (вариант теории конвергенции) предлагает заимствовать все позитивное в социалистической практике, наряду с экономикой коротких смыслов (рыночной) воссоздать экономику долгих смыслов (общественную), дополнить государственную вертикаль власти горизонталью общественного территориального самоуправления. Целью развития общества предлагается сделать гармонию смыслов — «дело» (коротких, личных и микросоциальных), «душа» (средних, социальных и макросоциальных), «дух» (долгих, макросоциальных, общечеловеческих, космических и метафизических).

Предлагаемая сегодня обществу идея евразийства уступает по масштабу предшествующей коммунистической идее, вызвавшей мощный импульс развития и признания роли страны в глобальном мире в XX столетии и по этой причине не способна вызвать подъема творческих сил.

Человек есть существо, уязвленное смыслами, обреченное их иметь, и, следовательно, вынужденное искать их расшифровку, верно осознавать. Без движения к смыслам человек не может достичь главного результата жизни — быть гармонично счастливым. Сложным условием счастья является гармоничная любовь. Если ты не любишь людей — значит, не любишь Бога (нарушаешь главные библейские принципы), значит — не любишь и жизнь. Но, и она перестает тебя любить... Ведь Бог есть любовь.

Только «большая идея», содержащая метафизические (сверхдолгие) и высокие (т. е. нравственные, не эгоистические, общие, долгие) социальные смыслы бытия, способна все цели бытия общества организовать в единую мощную и продуктивную систему смыслов. Только общество, породившее «большую идею», имеет надежную социально-экономическую и культурную перспективу и при условии, что окружающие страну общества таковой идеи не имеют, может стать лидером новой перспективной интеграционной системы, большого духовного, социального и экономического союза стран. Сверхдолгие смыслы бытия (В.П. Океанский), выходящие за пределы жизни индивида, продуцируются мифологическими (догосударственный уровень развития культуры) и религиозными системами (в исторический период формирования государств и народов).

Масштабнее коммунистической идеи были и остаются идеи русских космистов, которые ни в коей мере не противопоставляют

рациональный и религиозный подходы к пониманию смыслов бытия человека. П.А. Флоренский (1917) считал, что существует «идеальное родство» мира и человека, их «пронизанность друг другом», взаимосвязанность. «Мир есть раскрытие Человека, проекция его». В.С. Соловьев (1881) полагал, что мировой космогонический процесс проходит множество последовательных фаз. Начинаясь астральной (звездной) эпохой, когда действием всемирного тяготения материя стягивается в великие космические тела, он завершается созданием органической жизни и ее совершенством — формой человеческого организма. «В человеке мировая душа впервые соединяется с божественным Логосом в сознании как чистой форме всеединства».

Русский космизм связан с множеством ярких имен, но по масштабу идей вряд ли кто из них может сравниться с К.Э. Циолковским. В работе «Научные основания религии» (1898) и фундаментальном философском труде «Этика или естественные основы нравственности» (1914) К.Э. Циолковский сформулировал свою философско-мировоззренческую концепцию, где утверждал, что «судьба существа зависит от судьбы Вселенной». Под «существом» подразумевался не только человек, «простейшее существо», согласно его космической философии — «атом-дух». Совокупность «атомов-духов» образует субстанциональную основу мира. Космос есть иерархия существ, включающая человека. Сам космос тоже «живое существо», «причина» и «воля» которого в строгих рамках определяет поведение человека и других «существ» космоса.

С позиций «активно-эволюционного» принципа К.Э. Циолковский утверждал, что «судьба Вселенной зависит от космического разума, т. е. от человечества и других космических цивилизаций, их преобразовательной деятельности». Он описывал мир как целое, как структурную иерархию уровней космических систем, как ритмы космической эволюции, указывая на возрастание могущества космического разума, и на отсутствие пределов для его возможной экспансии во Вселенной. Говоря о Боге, писал, что «всемогущая и нежно любящая свое творение первопричина находится вне Вселенной и может ее уничтожить по своей воле. Причина безмерно выше космоса и несоизмерима со своим творением, так как создает вещество и энергию, что космос сам не в силах делать. Проникновение в свойства причины приводит к неожиданным выводам этического значения, которые не могут не иметь благотворного влияния на поступки человека и других сознательных. Ее доброта, счастье, мудрость и могущество бесконечны. По истечении тысячи миллионов лет ничего несовершенного... на Земле уже не будет. Останется одно хорошее, к чему неизбежно приведет наш разум и его сила [22].

Взгляды К.Э. Циолковского уникальны масштабom философского оптимизма. Их практическое значение огромно. Уныние — грех! Ведь только масштабные оптимистические идеи побуждают общество и человечество к ответственным действиям, к активному социальному творчеству. Современная наука дает все больше оснований считать, что человек — одна из современных форм существования вселенского разума. Суть разума заключается в том, что он способен воспринимать информацию, в том числе и ту которую дарят человечеству София, Логос, Космос. Информация неуничтожима, ибо ничто не способно уходить бесследно. События прошлого оставляют следы — знаки и шифры. Наше призвание их расшифровать и принять призыв Логоса к движению в потоке «скользящей гармонии». Что касается пророков скорого конца бытия человечества, то, с позиций современной антропологии всегда необходимо деликатно и ответственно проверить мотивацию их социальных действий. Часто в основе таких утверждений лежит недальновидная позиция; это или депрессивная неуверенность авторов в возможности реализации смыслов собственного бытия, или стремление (ради собственной короткой выгоды) паническими настроениями дезинтегрировать потенциал преобразовательных действий социума, стремящегося смести устаревший порядок вещей, действовать в соответствии с законами «скользящей гармонии», в соответствии с призывом «окликающего Логоса» [8; 23].

Определяющее мировое значение будущей российской культуры предрекалась не только российскими мыслителями; к числу наиболее известных европейских авторов относится О. Шпенглер, который писал: «Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. ... Будущее, скрытое в глубоких недрах России, заключается не в разрешении политических и социальных затруднений, но в подготавливаемом рождении новой религии, третьей из числа богатых возможностей, заложенных в христианстве...». Под религией, по-видимому, здесь понимается новая масштабная метафизическая система, развивающая христианскую идею для будущего человечества.

Конец бытия капиталистического общества, исчерпанность смыслов либеральной модели жизни общества — серьезное потрясение для современного глобального мира, но никак не конец света. Исчерпание старых — означает раскрытие новых смыслов, нового бытия. Тем, кто следует призыву Мирового Разума дано увидеть «новую Землю» и «новое Небо».

Такое большое дело, как новая интеграция XXI столетия, требует большой идеи. Империи нового времени, основанные на коротких смыслах (военная или финансовая гегемония) оказались недолго-

вечны. Российская же культура логоцентрична [23], нам и дальше предстоит движение навстречу Логосу, окликающему Человека. На смену интеграции принуждения идет интеграция гармонии, взаимного дополнения, любви, гармония Духа, Души и Дела. Завтра предметом социального соревнования должна стать не собственность и капитал, а полезность гражданина для реализации социальных смыслов бытия [3; 21]. Реальными целями общества становится формирование гармоничного человека, семьи, общества, человечества; на уровне социально-метафизических задач — предсказанное С.Н. Булгаковым движение Софии Тварной (нового человечества) навстречу Софии Божественной.

Современной России нужна большая социально-метафизическая идея. Большая идея нужна миру. Сформулировать эту идею Россия способна, она имеет право аккумулировать все позитивное найденное российской и мировой социальной наукой, социальной и культурной практикой на рубеже второго-третьего тысячелетий от Рождества Христова. Но в этой большой (естественным образом и более сложной, чем ранее) модели гармонии человека — общества — Логоса неизбежно системообразующими останутся самобытные идеи православной соборности, софийности, поиска царства правды, философского космизма, логоцентричности культуры. Снятое русскими софиологами противоречие интуитивно-мистического и рационального познания Логоса позволило современной философии хозяйства, антропологии, теории оптимума развития активнее искать рациональные основы новой социальной гармонии, соответствующей законам развития мира, призыву Логоса. *Логос, воспринимаемый человеческим разумом, не может быть не логичен.*

Современное человечество не может развиваться технологически, не совершенствуясь социально. Социальность — главная сила человека, породившая речь, общество, науку, культуру, религию. Способность к социальной интеграции составляет основу могущества человечества — его интеллектуального потенциала, ибо сознание человека коллективно и исторично, это познание совершенное вместе с «другими». «Истина, недоступная для отдельного мышления, доступна только совокупности мышлений, связанных любовью. Творцом и источником мира является разумная воля, или, иначе, волющий разум» (А.С. Хомяков).

Наблюдаемый сегодня в новых моделях социально-экономического развития теоретический синкретизм, и даже эклектика, не случайны, они напоминают начало строительства нового грандиозного города, когда принципиальные решения уже приняты, компоненты будущих зданий доставлены на строительные площадки, но

общий замысел не до конца ясен ни рабочему, ни прорабу, он ведом лишь главному архитектору, Творцу. Издержки в ходе этого созидания неизбежны. Лишь следуя универсальному закону мироздания, Логосу, их можно сделать минимальными. Поэтому сегодня в России Бытие есть принятие Ответственности (деятельность в соответствии с найденным разумом ответом) и призывание к Гармонии. В этой максиме закон софийности бытия отражен и как актуальная мессианская роль России, и как непреходящий принцип всеединства — соединения человеческой составляющей, принятие индивидуальной и социальной ответственности, и духовной составляющей, призывающей к восходящей Гармонии развития.

Литература

1. *Дугин А.Г.* Проект «Евразия». М., 2006.
2. *Умланд А.* Постсоветские правозащитные контрэлиты и их влияние в современной России // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 1 (57).
3. *Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки, взгляд с позиции искусства: Сб. матер. по итогам Междунар. науч. конф.* / Под ред. Е.В. Шелкопляса. Иваново, 2013.
4. *Люкс Л.* Заметки о «революционно-традиционалистской» культурной модели «евразийцев» // *Вопросы философии*. 2003. № 7.
5. *Шелкопляс Е.В.* Психология уровней тварной Софии и Логоса // *София. 100 лет русской философии* / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2012.
6. *Глазьев С.Ю.* Евразийская интеграция: дорогу осилит идущий // *Завтра*. 2013. № 49 (1046).
7. *Скок А., Ямпольская Е.* Миссия культуры // *Завтра*. 2013. № 48 (1045).
8. *Шелкопляс Е.В.* Мировая скорбь — уход от любви // *Мировая скорбь как показатель заката культурно-цивилизационного цикла: Сб. матер. конф.* / Под ред. В.П. Океанского. Шуя, 2013.
9. *Томский В.* Пушкин—Чаадаев. Споры гениев рождают абсолютную истину // *Завтра*. 2013. № 32 (1029).
10. *Хомяков А.С.* Соч.; В 2 т. Из истории отечественной философской мысли. М., 1994.
11. *Лавров П.Л.* Исторические письма // http://az.lib.ru/lawtow_p_l/.
12. *Михайловский Н.К.* Что такое счастье. Письма о правде и неправде. Критика утилитаризма. М., 2011.
13. *Соловьев В.С.* Соч.; В 2 т. Т. 2. М., 1988.
14. *Иллерицкий В.Е.* Владимир Сергеевич Соловьев / Под ред. А.А. Преображенского. М., 1980.

15. *Клинг О.* Мифологема «Ewige Weiblichkeit» (Вечная Женственность) в гендерном дискурсе русских символистов и постсимволистов // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования. М., 2009.
16. *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. М., 1998.
17. *Струве Н.А.* Православие и культура. М., 2000.
18. *Булгаков С.Н.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997.
19. *Зеньковский В.В.* Вера и Знание // Православие в жизни. Н. Й., 1953.
20. *Осипов Ю.М.* Русские из истории, в современности и для будущего // Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки, взгляд с позиции искусства: Сб. матер. по итогам междунар. науч. конф. / Под ред. Е.В. Шелкопляса. Иваново, 2013.
21. Новая модель социально-экономического развития России: от растерянности к гармонии. Материалы к докладу на совместном заседании Международной академии организационных наук и Академии философии хозяйства. Центральный экономико-математический институт. Москва, 2012 / Е.В. Шелкопляс. Иваново, 2012.
22. *Циолковский К.Э.* Очерки о Вселенной. М., 1992.
23. *Шелкопляс Е.В.* Логос окликает // Слово в русской логоцентрической культуре / Под ред. В.П. Океанского. Шуя, 2013.

С.В. БИРЮКОВ

**Евразийский союз как новый интеграционный
и геополитический проект**

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы формирования Евразийского союза в условиях глобализирующегося мира.

Автором отмечаются значение и роль Евразийского союза в структурировании постсоветского пространства и в международной политике.

В статье анализируются заявленные принципы построения и механизмы ЕАС, их формы, а также потенциальные внутренние проблемы и противоречия. В статье подчеркивается необходимость опоры Евразийского союза на консенсусные и демократические механизмы, на горизонтально-сетевые связи при безусловном уважении к суверенитету образующих его государств.

Ключевые слова: Евразийский союз, постсоветское пространство, политический консенсус, горизонтально-сетевые связи, демократия, государственный суверенитет.

Abstract. This article describes the prospects of formation of Eurasian Union in existing conditions of the globalized world.

The author of the article focuses his attention on the meaning and the role of Eurasian Union in the process of structuration of the Post-Soviet space and in the International Politics.

The article contains the analysis of basic principles and functional mechanisms of EAU, its forms, as well as the potential internal problems and contradictions. The article emphasizes the need to support the Eurasian Union on the consensus and democratic mechanisms and horizontal networking with absolute respect for the sovereignty of its constituent states.

Keywords: Eurasian Union, Post-Soviet space, political consensus, horizontal networking, democracy, national sovereignty.

Евразийский союз (ЕАС) — проект конфедеративного союза государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным, культурным пространством, предполагаемого к созданию некоторыми странами — членами СНГ на базе Союза России и Белоруссии и соответствующих отраслевых тесных интеграционных структур СНГ — ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ, Таможенного союза. Предполагается, что союз строится по модели мощного наднационального объединения, способного стать самодостаточным рынком (население которого должно составлять не менее 200—250 млн человек) и одним из геополитических «полюсов» современного мира, играющего при этом роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Проект создания Евразийского союза сегодня считается наиболее масштабным постсоветским геоэкономическим и геополитическим проектом, нацеленным на консолидацию сохраняющегося социально-экономического, научно-технологического и культурно-образовательного потенциалов постсоветских государств. Одновременно с этим проект нового союза, по замыслу его инициаторов и идеологов, призван дать адекватный ответ на современные глобальные вызовы и угрозы, преодолеть инерцию процессов модернизации на постсоветском пространстве. Соавтором идеи Евразийского союза по праву считается Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, выдвинувший идею «евразийской интеграции» еще в 1994 г. и ставший активным участником практически всех интеграционных инициатив в рамках постсоветского пространства. Вместе с В. Путиным и Президентом Белоруссии А. Лукашенко Назарбаев активно

участвует в обсуждениях, благодаря которым идея Евразийского союза обрела конкретные очертания, в качестве равноправного партнера формулирует базовые принципы устройства и функционирования нового объединения постсоветских государств [1].

Следует признать, что создание ЕАС вписывается в общую логику современных глобальных трансформаций: состоявшийся на наших глазах распад биполярного мира, попытки учреждения многополярного мира, опирающиеся на логику структурирования макрорегиональных больших пространств. В связи с этим отмечается, что политика одностороннего силового перераспределения влияния в мире, по признанию З. Бжезинского, потерпела известную неудачу [2]. В итоге возникла парадоксальная, на первый взгляд, ситуация «безвластия всевластных» [3], и требуются качественно новые подходы к формированию международной политики, нацеленные на укрепление начал интеграции и партнерства, а не на создание новых «конфликтных линий».

Один из ключевых инициаторов проекта В. Путин в своей программной статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», опубликованной 3 октября 2011 г. в газете «Известия», сформулировал ряд принципиальных позиций, разделяемых другими участниками интеграционного процесса [4]. Он оценивает будущее объединение как «модель, которая помогла сблечь мириады цивилизационных, духовных нитей, объединяющих наши народы». Путин рассматривает ЕС как естественное продолжение СНГ, которое при всех имеющихся у него недостатках «остается незаменимым механизмом, позволяющим сближать позиции и вырабатывать единую точку зрения на ключевые проблемы, стоящие перед нашим регионом». При всех существующих в Содружестве проблемах Путин признает, что именно опыт СНГ позволил запустить «многоуровневую и разнотемповую интеграцию» на постсоветском пространстве, создать такие востребованные форматы, как Союзное государство России и Белоруссии, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз и, наконец, Единое экономическое пространство.

По мнению Путина, одним из побудительных мотивов к созданию Евразийского союза является мировой финансовый кризис, побуждающий государства искать новые ресурсы для экономического роста, интеграционные процессы получили дополнительный импульс. Россия и эти государства объективно подошли к тому, чтобы серьезно модернизировать принципы нашего партнерства — как в СНГ, так и в других региональных объединениях. И сконцентрировали свое внимание прежде всего на развитии торговых и производственных связей.

Как полагают поддерживающие новый проект эксперты, ЕС означает новое качество постсоветской интеграции, которая из бессодержательных деклараций превращается в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей политической и любой иной конъюнктуры.

Ключевой элемент экономической структуры Евразийского союза — единое экономическое пространство (ЕЭП), которое, по замыслу Путина, первоначально будет базироваться на согласованных действиях в ключевых институциональных областях — в макроэкономике, в обеспечении правил конкуренции, в сфере техрегламентов и сельскохозяйственных субсидий, транспорта, тарифов естественных монополий. И на следующей стадии — на единой визовой и миграционной политике, что позволит снять пограничный контроль на внутренних границах.

Снятие миграционных барьеров в рамках ЕЭП, по мнению В.В. Путина, будет означать возможность без всяких ограничений выбирать где жить, получать образование, трудиться. Помимо этого, произойдет значительное увеличение объема товаров для личного потребления, которые можно ввозить беспощинно, тем самым избавляя людей от унизительных проверок на таможенных постах.

Наряду с этим, открываются новые возможности для бизнеса. Речь, по замыслу инициаторов создания Евразийского союза, идет о новых динамичных рынках, где будут действовать единые стандарты и требования к товарам и услугам, причем в большинстве случаев унифицированные с европейскими. Принципиальная особенность Евразийского союза — наличие надгосударственных структур, в число которых войдут:

- Совет глав республик и глав правительств ЕАС — высший орган политического руководства;
- Парламент ЕАС — высший консультативно-совещательный орган Союза;
- Совет министров иностранных дел ЕАС — координация внешнеполитической деятельности;
- Межгосударственный исполнительный комитет — постоянно действующий исполнительно-контролирующий орган;
- Информационное бюро Исполкома ЕАС;
- Совет по вопросам образования, культуры, науки — формирование согласованной политики в этой области.

Таким образом, строительство Таможенного союза и Единого экономического пространства закладывает основу для формирования в перспективе Евразийского экономического союза. Одновременно

будет идти и постепенное расширение круга участников Таможенного союза и ЕЭП за счет полноценного подключения к работе Киргизии и Таджикистана с перспективой подключения к проекту Украины и Молдавии, которые также являются членами-наблюдателями ЕвразЭСа и участниками договора о зоне свободной торговли в СНГ.

В своей упомянутой статье в «Известиях» В.В. Путин очерчивает контуры будущего объединения. Как было специально отмечено, при создании Евразийского союза речь не идет о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР, но предполагается «тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе».

Во-вторых, Евразийский союз призван послужить своего рода центром дальнейших интеграционных процессов, т. е. будет формироваться путем постепенного слияния существующих структур — Таможенного союза, Единого экономического пространства.

В-третьих, изначально исключается противопоставление друг другу Евразийского союза и Содружества Независимых Государств. У каждой из этих структур, по мнению Путина, есть свое место и своя роль на постсоветском пространстве. Россия совместно с партнерами намерена активно работать над совершенствованием институтов Содружества, насыщением его практической повестки.

В-четвертых, как предполагается, Евразийский союз — открытый проект для стран Содружества и других потенциальных партнеров, руководствующихся собственными долгосрочными национальными интересами. Новое объединение не будет препятствием для европейских устремлений постсоветских государств, но, напротив, будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов.

Подводя итог своим рассуждениям, Путин заключает, что новый интеграционный проект выходит на качественно новый уровень, открывает широкие перспективы для экономического развития, создает дополнительные конкурентные преимущества. Такое объединение усилий постсоветских государств, по мнению российского премьера, позволит им не просто вписаться в глобальную экономику и систему торговли, но и реально участвовать в процессе выработки решений, задающих правила игры и определяющих контуры будущего.

В качестве политического прогноза идеологами нового объединения постулируется, что создание Евразийского союза позволит постсоветским государствам войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания. Сложение природных ресурсов, капиталов, развитого человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в

индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами — такими как ЕС, США, Китай, АТЭС — обеспечивать устойчивость и равновесность глобального развития. Таким образом, создание Евразийского союза становится стержнем политики России и ключевым условием экономической и политической модернизации России, сохранения за ней статуса влиятельной мировой державы и лидера постсоветского пространства.

Некоторые оценки инициативы Путина и поддерживающих его лидеров стран СНГ выдержаны в подчеркнуто апологетическом ключе: «Евразийский союз является важнейшим локомотивом русского развития. Для его реализации потребуются мобилизация всех политических, военных, экономических и гуманитарных технологий. Создание Евразийского союза становится возможным, ибо движение тяготеющих друг к другу евразийских пространств, стремление друг к другу искусственно разобщенных евразийских народов соединяются на этот раз с экзистенциальной волей Путина, который, похоже, приступает к реализации своей отложенной мессианской мечты о восстании евразийской целостности» [5]. На волне столь позитивных и масштабных эмоций не следует, однако, забывать, что формирующееся евразийское объединение представляет собой не некую тотальность, но подвижную и внутренне противоречивую политическую реальность, которая требует глубокого понимания и анализа.

Определенные критические оценки в отношении современного состояния евразийской интеграции прозвучали из уст директора Института стран СНГ К. Затулина, выступившего с докладом на Международной конференции «20 лет СНГ: состояние и перспективы», организованной Институтом стран СНГ и «Россотрудничеством». В своем выступлении Затулин проанализировал основные периоды развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве и отметил достигнутые успехи, а также заявил, что создание Евразийского союза является качественно новым этапом, с которым связаны надежды народов бывшего СССР. Вместе с тем Затулин подверг конструктивной критике поспешность оформления Евразийского союза в ущерб некоторым интересам Российской Федерации. «Идея создания Евразийского союза была высказана вовремя, но реализация ее пошла наперекос. Главный недостаток — это принцип “одна страна — один голос”, применяемый без учета реального вклада участников. Страны СНГ должны избавиться от своих страхов. В конечном счете, славословие некоему “равноправию” равносильно тому, что 10 русских равны одному белорусу или казаху. Сейчас очень важно не “за-

болтать” Евразийский союз, и не отдать его на откуп чиновничеству, которое будет изображать бег на месте» [6].

В свою очередь, профессор Йенского университета (Германия) Г. Хубуа подчеркнул важность пути евроинтеграции для стран Южного Кавказа, и подверг резкой критике планы России по созданию Евразийского союза на постсоветском пространстве. «Я считаю это нездоровая инициативы. Это новая попытка реанимации Советского союза», — заявил он на пресс-конференции в Ереване.

Хубуа подчеркнул, что интеграционные процессы должны идти снизу, а не сверху, и что странам кавказского региона близки европейские ценности. «Лично я, когда у меня есть перспектива — Евро-союз или другая искусственная организация с понятными целями, я разумеется за Евросоюз. Это будущее, которое гарантирует развитие для наших стран», — добавил Хубуа [7].

Мы не склонны апологетически воспринимать все связанные с созданием Евразийского союза обещания и ожидания, но в то же время не стремимся впадать и в противоположную крайность, сводя смысл проекта к электоральному пиару правящих элит России, Казахстана и Белоруссии либо к желанию действующих руководителей трех государств сохранить статус-кво. По нашему глубокому убеждению, в случае с Евразийским союзом мы имеем дело с комплексным проектом, который, чтобы стать по-настоящему жизнеспособным, должен соотноситься с противоречивой и изменчивой политической реальностью. В этой связи следует указать на ряд проблем, связанных с формированием базовых структур будущего евразийского объединения.

Так, в частности, требует своего прояснения вопрос о социально-политической основе будущего объединения. В этой связи сразу встает вопрос о том, будет ли Евразийский союз лишь верхушечным объединением элит, особой формой интеграции крупного бизнеса трех образовавших его государств, либо же формой интеграции формирующихся в них гражданских обществ. И главное — будет ли найден долговременный консенсус политических элит России, Казахстана и Белоруссии относительно содержания, масштабов и конкретных форм интеграционного процесса внутри формирующегося Евразийского союза? Как будут соотношены между собой формирование единого политического пространства и государственный суверенитет стран-участниц, от которого не собираются отказываться ни Россия, ни Казахстан, ни Белоруссия? От ответа на эти вопросы зависит определение базовых векторов развития складывающегося объединения.

Во-первых, возникает вопрос и о политической форме этого объединения. Институционализация Евразийского союза, безусловно,

является делом обозримого будущего. Однако уже сегодня идут дискуссии о том, примет ли этот союз конфедеративные либо ассоциативные формы, либо же он останется одним из межгосударственных объединений, подобных АТЭС или МЕРКОСУР. Ответ на этот вопрос во многом определит будущую судьбу постсоветской интеграции — не повторит ли Евразийский союз безрадостную судьбу СНГ, которое стало скорее механизмом «развода» постсоветских государств, нежели эффективным инструментом «постсоветской интеграции».

Во-вторых, вопрос о том, какие организационные формы примет грядущее объединение. Будет ли это новая бюрократическая структура «надстроечного характера» либо реальное воплощение модели «сетового государства» (М. Кастельс) [8], основанного на тесном переплетении политических, экономических и социальных сетей? Позволят ли организационные формы Евразийского союза обеспечить гибкое и эффективное сочетание национально-государственных, макрорегиональных и глобальных интересов, тот самый баланс «глобального» и «локального», о необходимости которого говорит автор концепции «глокализации» [9]?

От этого в конце концов будет зависеть способность трех участвующих в Евразийском союзе государств осуществить комплексную модернизацию, затрагивающую все основные сферы жизни их обществ.

Неизбежно возникает вопрос и о принципиальной совместимости экономик трех государств. Если руководство России и Казахстана делает ставку на экономическую открытость и проведение (пусть и не всегда успешно и последовательно) структурных реформ, то Белоруссия до последнего времени в большей степени ориентировалась на экономическую самодостаточность и государственное регулирование экономики. В этой связи весьма важными являются вопросы о том, не вызовет ли процесс формирования общего евразийского рынка капиталов, технологий и трудовых ресурсов излишнего «перенапряжения» для экономических систем некоторых входящих в Союз государств и смогут ли найти общий язык бизнес-элиты стран — членов объединения, гармонично распределив между собой сферы влияния и перспективные рынки? И как будут решаться спорные экономические вопросы внутри будущего объединения — например, вопросы о единой валюте Союза, а также о согласовании бюджетной и финансовой политики между Москвой, Астаной и Минском?

Другой проблемой для будущего евразийского объединения (равно как и для являющегося его первоначальной основой Таможенного союза) является практически согласованное на сегодняшний день вступление России в ВТО, что потребует дополнительной коор-

динации в экономических отношениях с Казахстаном и Белоруссией. Представляется, что без гибкой политической стратегии руководства всех трех государств, равно как и без создания механизмов согласования экономических интересов всех участвующих в Евразийском союзе сторон, движение вперед в вопросах экономической интеграции будет затруднено, и не исключаются «экономические противостояния» и «торговые войны».

Помимо экономической и политической интеграции, в рамках формирующегося Евразийского союза неизбежно встанет вопрос о совместных действиях России, Казахстана и Белоруссии в вопросах безопасности. А это, с одной стороны, неизбежно поставит вопрос о взаимодействии ЕС с такими уже значимыми для обеспечения безопасности в Евразии объединениями, как ОДКБ и ШОС, а также о разграничении «зон ответственности» между ними. Страны — участницы Евразийского союза неизбежно будут вынуждены принять на себя ответственность за безопасность границ друг друга, что требует принятия дополнительных усилий в таком непростом регионе, как Центральная Азия (к которому относятся Казахстан и Киргизия, рассматривающейся сегодня в качестве одних из ближайших претендентов на членство в «евразийском объединении»). Кроме того, всем трем странам — участницам ЕС так или иначе придется выработать согласованную политику в отношении ключевых кризисных и конфликтных зон на постсоветском пространстве, а также в отношении Афганистана (напрямую соприкасающегося с рубежами нового союза). По всей видимости, членам Евразийского союза неизбежно придется взять на себя политическую ответственность за охрану общих «южных рубежей», проходящих через Центральную Азию, а также за современную ситуацию в Киргизии, где в результате двух революций и серии межэлитных противостояний продолжается глубокий системный кризис, а само государство крайне ослаблено и уязвимо перед деструктивными воздействиями извне. Между тем совместная стратегия будущего Евразийского союза в вопросах безопасности, а также подход к возможному участию в урегулировании региональных конфликтов пока остаются наименее разработанными направлениями деятельности стран — участниц создаваемого объединения.

Наконец, весьма важным является вопрос о соотношении нового геоэкономического и геополитического объединения с принципами демократии. В этой связи нельзя не отметить определенное расхождение в темпах демократического процесса в России, Казахстане и Белоруссии. Трудно сегодня спорить с утверждением о том, что Россия, долгое время являвшаяся генератором «импульсов демократизации» на постсоветском пространстве, сегодня все чаще сталкивается с кри-

тикой Запада с точки зрения соблюдения «демократических стандартов» (памятна в этом отношении реакция за рубежом на последние выборы в Государственную думу). Казахстан, по признанию международных организаций, добился известных успехов в этом отношении (подтверждением чему стало получение им статуса председателя ОБСЕ в 2011 г.). Белоруссия, в течение нескольких последних лет проводившая политику сближения с Евросоюзом, оказалась в известной политической изоляции после проведения последних президентских выборов, и вывод ее из этого «состояния» станет общей задачей и одновременно проблемой для стран — членов Евразийского союза, и прежде всего для России. Станет ли Евразийский союз оплотом особых форм «суверенной демократии» или придет к более «транспарентным» ее формам, пока до конца неясно. Между тем от решения этого вопроса во многом зависят внешнеполитическое позиционирование нового объединения и его роль в международной политике, его международно-правовая субъектность.

Наконец, более тщательной разработки требует и стратегия взаимодействия стран — участниц Евразийского союза с ведущими мировыми центрами силы и другими значимыми геоэкономическими и геополитическими объединениями, и прежде всего с США, Европейским союзом, Китаем, АТЭС, организацией «Исламская конференция», Африканским союзом и др. Равно как и соотнесение совместных целей и задач стран-участниц со взятыми на себя ранее международными обязательствами, с их участием в международных программах (например, участия до недавнего времени Белоруссии в программе «Восточное партнерство») и деятельности международных организаций (например, членство Казахстана в Ассоциации тюркоязычных стран и организации «Исламская конференция»). Как представляется, от способности руководства стран — участниц Евразийского союза разработать, согласовать и реализовать совместно выработанную комплексную и гибкую многовекторную стратегию зависит масштаб и уровень его внешнеполитических успехов — равно как и возможность его превращения в значимого актора мировой политики и ключевое связующее звено в системе отношений между Европейским союзом и Китаем как перспективным глобальным лидером XXI столетия.

Решение этих, а равно и многих других связанных с ними проблем, требует от политического руководства и экспертных сообществ России, Казахстана и Белоруссии разработки комплексной стратегии развития будущего объединения, а также налаживания диалога с другими мировыми «большими пространствами» и международными объединениями, что позволило бы Евразийскому союзу добиться ка-

чественной внутренней интеграции и более полно реализовать свой внешнеполитический потенциал, постепенно превращаясь в один из ключевых факторов обеспечения стабильности мировой политической и экономической систем. Именно для этого, по нашему мнению, именно сегодня должна начаться свободная и открытая политическая, научная и экспертная дискуссия о проблемах и будущем Евразийского союза, поскольку с его судьбой неразрывно связана судьба многих народов Евразии.

Литература

1. Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 окт.
2. Brzezinski Z. American Debacle // Los Angeles Times. 2005. Oct. 10.
3. Ross J. Die Ohnmacht des Mächtigsten // Die Zeit. 2009. Oct. 10. No. 43.
4. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.
5. Проханов А. Евразийский союз от Тегерана до Мурманска // Завтра. 2011. 16 нояб.
6. Выступление К. Затулина на круглом столе «20 лет СНГ: состояние и перспективы» // http://ruskline.ru/news_rl/2011/12/13/20_let_sng_itogi_i_perspektivy/.
7. Георгий Хубуа: Евразийский союз является новой попыткой реанимации Советского Союза // <http://www.panarmenian.net/rus/news/84748/>.
8. Кастельс М. Глобальный капитализм // Экономические стратегии. 2000. Май — июнь.
9. Robertson R. Globalisation: Social Theory and Global Culture. I.: Sage, 1992.

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ

К вопросу о базовых принципах нового Евразийского экономического союза

Аннотация. Современный мир — мир обострения международной экономической конкуренции, приобретающей в век осознания ресурсных и экологических «пределов роста» все более отчетливые черты геэкономического противостояния, если не сказать больше. В этих условиях под сомнение ставится социально-экономическая ус-

тойчивость даже крупнейших мировых лидеров. Геоэкономическое, а вместе с ним и геополитическое противостояние не исчезает. Оно все отчетливее переходит с *межстранового* уровня на уровень борьбы *макрорегионов*.

Ключевые слова: глобализация, экономическая интеграция, международная конкуренция.

Abstract. The modern world is the world of an aggravation of the international economic competition getting in a century of understanding resource and ecological «growth limits» more and more distinct lines of geoeconomic opposition if not to tell more. In these conditions under doubt social and economic stability even the largest world leaders is put. Geoeconomic, and together with it and geopolitical opposition doesn't disappear. It passes everything from *intercountry* level to level of fight of *macroregions* more distinctly.

Keyword: globalization, economic integration, international competition.

...Стихийный исторический процесс сплотил и продолжает спланировать все больше племена и народности Евразии в единое культурное целое... Российское государство есть государство Евразийское, и все отдельные народности Евразии должны чувствовать и сознавать, что это *их* государство.

Вернадский Г.В. Начертание русской правды

Реалии нашего времени таковы — ситуация в мировой экономике остается без существенных изменений. Иначе говоря, тенденции в развитии глобального системного экономического кризиса также практически не изменились. Да и Федеральная резервная система США отказываться от сокращения эмиссионных программ не собирается. 17 октября 2013 г. в очередной раз потолок государственного долга единственной мировой сверхдержавы повышен. В последний момент обе палаты Конгресса США проголосовали за временное возобновление финансирования правительства и за повышение потолка госдолга, отодвинув принципиальное противостояние республиканцев и демократов по бюджетным вопросам на очередные три месяца, т. е. на срок до 15 января следующего года. Тем не менее к 13 декабря американские законодатели обязаны принять полноценный бюджет на 2014 г. А потолок госдолга будет повышен до уровня, позволяющего не возвращаться к этому вопросу до 7 февраля 2014 г.

В Российской Федерации социально-экономических проблем также не занимать. Выступая во Владивостоке, куда В.В. Путин прилетел в последние дни лета 2013 г. для решения вопроса о ликвидации последствий паводковой ситуации на Дальнем Востоке, глава государства публично признал, что положительных изменений в темпах роста в российской экономике он больше не видит.

Российское правительство в последнее время перестало вводить в заблуждение собственное население. Не скрывается, что экономика Российской Федерации уже вступает в рецессию. Это подтверждается прогнозом [1] по росту российского ВВП в 2013 г., данным заместителем главы Минэкономразвития России Андреем Клепачем. Прогноз снижен с 3,6 до 3,3%. Также до 4,6% снижен прогноз по росту инвестиций. Локомотив роста ВВП — оборот розничной торговли — в 2013 г. понижен с 5,6 до 4,3%. «Оптимистический» прогноз по росту производства составил 2%, а по оттоку капитала — вместо 10 млрд дол. в год — 30—35 млрд дол.

Современный глобальный системный экономический кризис заставляет государства искать новые ресурсы для экономического роста, а интеграционные процессы получают дополнительный импульс. В одном из своих докладов академик Российской академии наук, заместитель генерального секретаря ЕврАзЭС С.Ю. Глазьев, говоря о перспективах преодоления глобального кризиса и национальных стратегиях развития, обозначил три сценария дальнейшего развертывания кризиса, запрограммированного внутренней логикой развития нынешней глобальной экономической системы [2]. Одним из сценариев был назван «инерционный». Он характеризуется нарастанием хаоса и разрушением многих социально-экономических институтов как в ядре, так и на периферии мировой капиталистической системы.

Сегодня развитие событий идет по инерционному сценарию, который сопровождается расслоением ведущих стран мира по глубине кризиса. Наибольший ущерб несут страны с открытой экономикой, в которых падение промышленного производства и инвестиций составило 15—30% [1]. Наряду с этим, страны, обладающие автономными финансовыми системами и емким внутренним рынком, защищенным от атак финансовых спекулянтов (такие как Индия и Китай), продолжают расти, при этом быстро увеличивая свой экономический «авторитет».

При сохранении существующей глобальной финансовой системы могут возникнуть и возникнут новые центры экономического роста в тех странах, которые будут играть существенную роль в форми-

ровании нового технологического уклада и «оседлать» новую длинную волну экономического роста.

Собственно в такой достаточно тяжелой социально-экономической ситуации — в условиях глобализации и усиления конкуренции — во всем мире наблюдается устойчивая тенденция к возникновению и укреплению региональных экономических объединений. Объединив в целое экономические интересы группы государств, возникает возможность небезуспешно действовать в глобальной экономике, развивать свою хозяйственную систему, получая при этом реальные конкурентные преимущества.

Сегодня на территории бывшего СССР в соответствии с принципом разноуровневой и разнотемпной интеграции развиваются различные интеграционные форматы. «Во главу угла при этом ставятся интересы граждан стран СНГ, задача поддержания и упрочения между ними традиционных связей. Объективным преимуществом такого объединения являются языковая общность, схожие мировоззренческие и жизненные стандарты, отлаженные производственные модели взаимодействия» [3].

В конце октября 2013 г. в столице Белоруссии Минске состоялось заседание Высшего евразийского экономического совета (ВЕЭС) и Совета глав государств СНГ. Целый ряд вопросов, обсуждаемых на совещании, касался новых тенденций и явлений в развитии евразийской интеграции, связанных как с процессами глобализации мировой экономики, так и с внутренними процессами в странах — членах ЕврАзЭС и СНГ. Множество международных экспертов характеризуют минскую встречу глав государств России, Белоруссии и Казахстана как радикальное расширение Таможенного союза (ТС) и формирование новой политической общности в мировой системе международных отношений. Армения и Киргизия заявили о желании вступления в Таможенный союз. Практический интерес к ТС был проявлен также и со стороны Индии и Турции [4, 1, 5].

Вопрос о ликвидации ТС и организации ЕврАзЭС как устаревших и дублирующих будущей Евразийский экономический союз (ЕАЭС) был временно снят в связи с невозможностью согласования правовой базы соглашений ТС, заключенных в рамках ЕврАзЭС. В противном случае без внесения соответствующих изменений в документы ТС само существование этой организации окажется в неясном и неопределенном состоянии.

Что же касается отношений с Украиной, то *практические* вопросы о целесообразности интеграции, партнерстве, развитии кооперации, расширении товарооборота остаются на уровне *теоретических* бесед. В случае подписания Киевом в марте 2014 г. соглашения об

ассоциации (СА) с Евросоюзом, возможность его вступления в ТС, Единое экономическое пространство ЕврАзЭС или ЕАЭС автоматически исчезает¹⁷. Оказавшись в очередной исторический раз¹⁸ в состоянии геополитического и геоэкономического выбора, Украина, опасаясь лишения «незалежности», все же в итоге может ее потерять, отдавая при этом на откуп не только национальные богатства в виде природных ископаемых и еще пока оставшихся основных производственных фондов, но и свое население, повышая тарифы на ЖКУ, сокращая все действующие социальные программы и ввергая в «пучину» безработицы. Также в ситуации подписания договора об ассоциации с ЕС Украина не только теряет на этом соглашении примерно 1,5—2 млрд дол.¹⁹ в год в торговле из-за нарастающего импорта из Евросоюза, но и одновременно отказывается от суверенитета в области торговли. И вплоть до 2020 г. данный контракт будет приносить только отрицательные результаты. Украинские предприятия не смогут выполнить те обязательства, которые по этому соглашению Украина на себя берет. Премьер-министр Н.Я. Азаров объявил сумму в 150 млрд евро, требующуюся для модернизации украинских предприятий, для того чтобы они соответствовали европейским техническим регламентам. Однако и данного требования украинские предприятия выполнить не могут — на весь этот процесс отводится два-три года. Этих лет, конечно же, недостаточно для проведения фактически новой индустриализации. «Украина отказывается от суверенного права в области внутреннего регулирования субсидий, государственных закупок, энергетического рынка. То есть Украина переходит под юрисдикцию Евросоюза, при этом, не имея возможности влиять на приня-

¹⁷ При подписании соглашения СА Украина принимает технические регламенты ЕС, отменяет пошлины при торговле с ЕС, принимает его нормы санитарного и фитосанитарного контроля. То есть все то, что Россия, Белоруссия и Казахстан передали в Таможенный союз, Украина будет реализовывать под контролем Брюсселя на основании европейских директив. Кроме того, в десятке статей СА Украина обязуется не вносить в свое законодательство изменения, которые противоречили бы данному соглашению, она должна будет согласовывать с Брюсселем свои законы. В итоге Украина с подписанием СА теряет самостоятельность и перестает быть для стран ЕАЭС не просто стратегическим партнером, но даже полноценным партнером.

¹⁸ В подобное положение Украина уже попадала на рубеже XVII—XVIII вв. В геополитические союзники выбирались либо Россия с предложением «братского» равноправного партнерства, либо Европа в лице Речи Посполитой с полным подчинением экономическим интересам Запада.

¹⁹ По некоторым оценкам — до 4 млрд дол. в год.

тие директив, не получая никаких европейских привилегий²⁰. И последствия от этого катастрофические» [5].

Однако установления прочных взаимовыгодных и развивающихся отношений по всем вопросам с Россией пока еще тоже нет. «Вся ситуация еще слишком зыбкая, и все пока выглядит как временный успех» [6, 1], — оценивает сложившуюся ситуацию в ноябрьской 2013 г. столице Украины советник президента РФ по региональной экономической интеграции академик С.Ю. Глазьев.

С точки зрения представителей либеральной российской элиты, предложенные Россией в начале декабря 2013 г. трехсторонние переговоры позволят примирить функционирование торговых зон России, Украины и Евросоюза. И подобные действия, во-первых, помогут Украине найти оптимальный путь социально-экономического развития, а во-вторых, сблизиться России с Европой ранее Украины. «Россия, похоже, вступит в ОЭСР раньше Украины. Это значит, что по многим параметрам, включая качество институтов и законодательства, мы окажемся ближе к Европе, нежели украинцы. И, разумеется, Европа остается для нас основным рынком сбыта и источником импорта технологий», — написал экс-министр финансов России А. Кудрин в колонке для газеты «Коммерсант» [7]. При этом он также прогнозирует ухудшение в экономике Украины с введением непопулярных мер в ближайшие 2—3 года, и это будет политически чувствительно... В свою очередь, либеральный финансист отмечает, что такая экономическая ситуация носит краткосрочный характер, а в отдаленном будущем произойдет вероятное (?) улучшение работы как экономических, так и политических институтов. Правда, под жестким патронатом Брюсселя и МВФ. В чем проявляется «жесткий патронат» МВФ и иже с ним мы видим на примере стран Восточной и Южной Европы с их кризисной экономикой, в итоге проявляющейся в нестабильной социальной обстановке.

Нет сомнений в том, что в современном мире не удастся выжить в одиночку. И один из важнейших вопросов современности на повестке дня — что стоит за созданием по всему миру крупных макрорегиональных интеграционных группировок?

Весьма распространено и навязываемо либеральными кругами мнение о том, что происходящие сегодня региональные интеграционные процессы связаны с неизбежным процессом глобализации — реа-

²⁰Украина становится элементарной колонией Евросоюза без права самостоятельной экономической политики, внешней политики, при этом беря на себя обязательства участвовать в региональных конфликтах под руководством Евросоюза.

лизация принципа безграничной экономической свободы, постепенный отказ от суверенитетов, стирание границ, устранение межстрановых противоречий путем компромисса²¹, крайне коррелирующие с темой «конца истории». Современный мир — это мир обострения международной экономической конкуренции, приобретающей в век осознания ресурсных и экологических «пределов роста» все более отчетливые черты геоэкономического противостояния [8], если не сказать больше. Все чаще в экономических и политических кругах вместо термина «международная конкуренция» употребляют образные выражения — «торговые войны», «война протекционизмов», «битва колоссов» и т. д. и т. п.

В этих условиях под сомнение ставится социально-экономическая устойчивость даже крупнейших мировых лидеров. Геоэкономическое, а вместе с ним и геополитическое противостояние не исчезает. Оно все отчетливее переходит с *межстранового* уровня на уровень борьбы *макрорегионов*. Региональные интеграционные процессы в последнее время заметно ускорились — показателен пример ЕС, Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), интеграционных процессов в Восточной и Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке.

Образование Таможенного союза в рамках стран, составляющих костяк ЕврАзЭС, — знак того, что мы наконец-то перешли от разрушения старого к строительству нового. Однако кто и что нас всех будет объединять? Что мы будем восстанавливать? Какое общество мы собираемся строить?

Более двух десятилетий после успешно проведенной «перестройки» все страны бывшего СССР «сооружали» капитализм и рыночную экономику, в итоге заняли predeterminedенные им места среди стран «третьего» мира, превратившись в колонии, поставщиков сырья и дешевой рабочей силы и не только²². И когда сегодня «определены базовые принципы нового Евразийского экономического союза», необходимо приоритетно объединить научно-технический и производственный потенциалы предприятий, выпускающих продукцию с высокой добавленной стоимостью. Для этого определить, какими способами восстановить ранее наиболее эффективное экономическое пространство стран бывшего СССР. Каким образом это можно осуще-

²¹ Что ведет, в конечном счете, к отмиранию национальных государств, созданию единой глобальной социальной, экономической, культурной и политической системы.

²² Таджикистан расплачивается с Китаем за внешние долги своей территорией (часть Горно-Бадахшанской автономии).

ствовать, если на протяжении последних двадцати с лишним лет и производственный потенциал и экономическое пространство «планово-мерно» уничтожались и разрушались? При этом осознавать, что все это — «квазиавтаркия» — будет иметь смысл только в пределах большой России (см.: [9]).

Литература

1. Рост ВВП РФ в 2013 г. может составить до 3,3%, считает замглавы МЭР // РИА Новости // <http://ria.ru/economy/20130228/925027312.html#ixzz2bBT9e5yr>.
2. Глазьев С. О стратегии модернизации и развития экономики России в условиях глобальной депрессии // http://www.glazev.ru/econom_polit/269/.
3. О проблематике евразийской экономической интеграции (Справка Департамента информации и печати МИД РФ) // Россия — Чехия: гуманитарное сотрудничество // http://www.czech.mid.ru/press-rel/rcz-cult_68.htm.
4. Нагорный А. Нелегкое бремя выбора. Новые форматы евразийской интеграции // *Завтра*. 2013. № 44 (1041).
5. Советник Президента РФ Сергей Глазьев: нам непонятно почему Янукович ударился в риторику Тимошенко // http://www.glazev.ru/sodr_ssn/342/.
6. Вопрос в лоб Сергею Глазьеву // *Завтра*. 2013. № 48 (1045).
7. Россия сблизится с Европой раньше Украины, считает Кудрин // *Око планеты* // <http://oko-planet.ru/politik/newsday/221281-rossiya-sblizitsya-s-evropoy-ranshe-ukrainy-schitaet-kudrin.html>.
8. Кобяков А. Сколачивать квази-автаркию // *Изборский клуб*. Институт динамического консерватизма // <http://www.dynacon.ru/content/articles/1359/>.
9. Alpidovskaya M.L. The Economy of Business Idleness (Экономика делового бездельничества) // *Global Business & Economics Anthology. Selected Papers 2011. July. Business & Economics Society International Conference. Vol. II. Issue 2.*

Е.Х. ХАБИБУЛЛИНА

Геостратегический аспект во взглядах Ф. Перру на международную экономическую интеграцию

Аннотация. Освещаются ключевые звенья концепции международной региональной интеграции Ф. Перру, отражающей геополити-

тический дуализм мира. Сформулированы предложения, которые могли бы найти применение в интеграционной политике России.

Ключевые слова: международная интеграция, международные отношения, французский институционализм, континентальная геополитика, атлантизм, геополитика России, либерализм, национальная экономика, господствующая экономика, сильная и слабая формы взаимозависимости, сильная и слабая экономическая структура, философия хозяйства, структурная политика, активное индикативное планирование, зоны развития, региональные полюсы роста, эффекты увлечения, эффекты торможения, селективная политика, государственное регулирование экономики, неодирижизм, Ф. Перру.

Abstract. The article considers central elements of the F. Perroux international regional integration concept which could be used in Russian interstate integration policy.

Keywords. Interstate integration, French institutionalism, geopolitics, atlantism, national economy, dominant economy, zone of development, selective policy, structural policy, neodirigisme, state regulation of economy, liberalism, philosophy of economy, international economic relationship, F. Perroux.

Уникальность экономических воззрений выдающегося французского экономиста XX в. Франсуа Перру (1903—1987) и, в частности, его концепции международной региональной интеграции, во многом обусловлена его пионерскими исследованиями экономической составляющей геополитического противостояния по оси «атлантизм — континентализм». Ф. Перру объективно выступил выразителем общих антиатлантических стратегических экономических интересов группы стран европейского континента, развивающихся стран, а фактически, и всех евразийских государств (последнее логически вытекает из его анализа и намечено в его разработках имплицитно). Судя по его работам, можно предположить, что он не был знаком с классическими концептами геополитики 1, выражающей интересы атлантизма, и в еще меньшей мере — с ее симметричной альтернативой, отражающей интересы группы континентальных стран — геополитикой 2, развитие которой было методично блокировано в самом начале ее разработки и вновь возобновлено лишь в самом конце XX в. [1]. Прорывный выбор угла зрения, проецирующий геополитическое противостояние: «атлантизм vs континентализм» — на экономическую теорию, был очень плодотворным для развития как фундаментальных, так и прикладных аспектов экономической теории, позволив существенно продвинуться в разработке сложных и запутанных вопросов международного экономического взаимодействия, в частности, проблем международной региональной интеграции. Перру

осмелился снять табу с исследования экономических аспектов главной оси геополитических противоречий: атлантизм — континентализм, море — суша, талассократия — теллутократия, Карфаген — Рим для экономики XX в., и придал приоритетную роль ключевым экономико-геополитическим понятиям, находящимся на стыке двух дисциплин — геополитики и экономики, в том числе понятиям и феноменам: «нация», «власть», «сила», «господствующая экономика», отношения «господства и подчинения в экономике», «сильная и слабая структура экономики», «сильная и слабая формы взаимозависимости», «желательная экономическая структура», «целевая структура экономики», «структура обновления экономики», «эффекты увлечения и торможения», «полюсы роста», «экономические единицы-моторы», «зоны развития», «активное индикативное планирование» при капитализме и др. Многие из них получили достаточно широкое распространение в экономической науке, но зачастую используются на интуитивном уровне, между тем как у Перру им дано развернутое объяснение, в связи с чем более подробное знакомство с ними способствовало бы более осознанному их применению [2].

Центральное место в исследованиях международной региональной интеграции Перру уделено роли и воздействию доминирующей в мире экономики США на динамику экономики остальных стран мира, фундаментальному для судеб и жизни миллионов народов мира противоречию экономических интересов этой страны, как и ее экономических единиц и населения, с общими интересами группы континентальных, а также развивающихся стран и соответственно с интересами населения европейского континента, что применимо и к евразийскому континенту в целом, и его предприятиям и населению. Исходя из интуитивно верно осознанной главной оси геополитического противостояния, французский ученый справедливо считал это противоречие приоритетным для народов мира, справедливо, на наш взгляд, потому, что именно оно привело к гибели на взлете Российской империи, к катастрофам мировых войн с десятками миллионов жертв (в том числе к так называемой Крымской войне, Русско-японской, Первой и Второй Великим отечественным войнам), противоречием первого ряда, причем антагонистическим, неснимаемым, более фундаментальном и уж ни в коей мере не второстепенном, как декларировалось марксистской боевой доктриной свержения капитализма, считавшим основным противоречие капиталистической формации между производительными силами и производственными отношениями, между частно-капиталистической формой собственности и общественным характером производства. Марксизм искусно поменял приоритетность в научном анализе двух названных ключевых противоречий, антагонистического и принципиально неснимаемого,

главного геополитического противоречия, с одной стороны, и внутривызовного, поддающегося в той или иной форме смягчению — с другой; марксизм своеобразно нуллифицировал значение геополитического антагонизма, «хладнокровно вычеркнув» вслед за классической политэкономией сложный и реальный феномен нации из экономического анализа [3, 663], тем самым он де факто выступил с позиций геополитической субъектности атлантизма. Марксизм скрыл ключи разума важнейшего геополитического противостояния. Концепция международной интеграции французского институционалиста в целом представляет собой полный и развернутый, симметричный ответ на либеральную атлантистскую и в значительной степени марксистскую интерпретацию темы. При этом две теоретические модели, либерально-атлантистскую, и антиатлантистскую, континентально-институциональную, можно рассматривать как более или менее осознанные или интуитивные экономические проекции на тему интеграции, соответственно, геополитики 1, выражающей интересы атлантизма, и геополитики 2, выражающей интересы антиатлантизма.

Господство США в мире проявляется во многих сферах, в том числе и в интеллектуальном пространстве общественных наук. Либеральная парадигма — это, по мнению Перру, интеллектуальное *оружие атлантизма*, интеллектуальные танки обеспечивающие ментально-духовное, а тем самым и материально-стратегическое ослабление подчиненных стран и позволяющее США более длительное время извлекать преимущества из своего господствующего положения, причем для собственной экономической политики США либеральная доктрина отнюдь не считается правилом [4, 168].

Эта теория является апологетическим *идеологическим прикрытием долгосрочной колониальной стратегии*, цель которой — оправдать современные типы колониализма маскируемые лозунгами о цивилизаторской функции распространения либеральной демократии.

В целом в анализе темы международной интеграции Перру можно выделить несколько блоков, в том числе блок общетеоретический, включающий системную критику либеральной модели интеграции, и блок разработок, близкий к прикладному уровню экономического анализа. В данной статье мы вкратце остановимся на раскрытии некоторых важных, с нашей точки зрения, звеньев второго блока рассматриваемой концепции.

Если традиционная либеральная интерпретация проблем интеграции концентрирует внимание на сфере обмена и устранении препятствий к нему, то французский экономист-геополитик XX в. конструктивно переключает фокус анализа на процессы в сфере производства, подчеркивая, что интеграция задает определенное соотношение производственного аппарата и населения. Намеченное на

уровне производственных, а не обменных факторов определение интеграции задает возможность дальнейшего развития типологии интеграции, выделения двух цивилизационно альтернативных геополитических ее типов. Перру разграничивает два типа: если объединенный производственный аппарат поставлен *на службу* интересам населения *обеих* территорий, то это один тип, который он называет благоприятным для населения обеих территорий (для целей нашего анализа мы обозначим его как тип 2 — в корреляции с концептами континентальной геополитики 2). Качественно иным, неблагоприятным для одной части населения объединяемых территорий, недружественным, будет тип интеграции, когда общий производственный аппарат будет служить главным образом интересам населения одной из двух стран, анклавно дополняющий тип (тип 1 — в корреляции с атлантистской геополитикой 1).

Иллюстрацией противостоящих альтернативных типов интеграции может служить типичный для взаимодействия США со странами, испытывающими с ее стороны отношения господства-подчинения, следующий пример. Господствующая страна производит инвестиции в добывающее сырье предприятие в стране, не имеющей достаточно развитой транспортной инфраструктуры, а сырьевой продукт, прибыли, капиталы и технические компетенции репатрируются в страну происхождения инвестиций (здесь имеются в наличии признаки типа 1, хотя производственные аппараты взаимодействуют, переплетаются, интеграция в целом механистична по форме, и в строго научном, в полном смысле слова, ее нет, по мнению Перру). О подлинных интеграционных процессах, в научном смысле слова, можно было бы говорить, лишь при условии, что в рассмотренном примере в принимающей инвестиции стране, во-первых, получили бы развитие виды деятельности по первичной переработке добытого сырьевого продукта, во-вторых, полученные прибыли от добычи сырьевого товара были бы реинвестированы на территории добывающей страны, в-третьих, в пользу населения принимающей страны было бы осуществлено перераспределение доходов и технических компетенций от данного вида иностранного инвестирования. Перру синтезирует в данном сценарии достаточно полный набор признаков интеграционного типа 2. Им показано, что в случае с инвестициями США в развивающиеся страны интеграционное взаимодействие производственных аппаратов происходило, как правило, в этих странах по типу 1. При инвестициях же США в страны континентальной Европы, напротив, в соответствии со стратегическими и военными целями США первое и второе условия типа 2 достаточно часто в значительной мере выполнялись, особенно по отношению к Германии, но не третье условие.

Важную роль в концепции Перру имеет ее философско-хозяйственный фундамент. Ее автор исходил из установки о том, что экономическая теория, претендующая на научность и не ограничивающая себя апологетическими задачами, должна быть нацелена на *служение людям* должна урезать охват темы критериями платежеспособности и рентабельности. В такой философской системе координат представление об *идеальном проекте международной интеграции* существенно неравных экономических структур предполагало бы, что население более богатой и мощной страны должно сделать выбор в пользу развития экономики и культуры более слабого партнера, получая от такого сотрудничества выгоды от укрупнения экономического пространства, масштабов производства, геостратегических и других преимуществ, важных для развитой и сильной экономики главного партнера. Это была бы в полной мере интеграция в интересах населения обеих территорий (идеальная реализация типа 2), но этот проект крайне далек от доминирующих в реальной капиталистической действительности видов интеграции. Выдвижение теоретического идеального типа международной интеграции было основано на рефлексии исторического опыта интеграции на территории имперских, геостратегических по целям, объединений больших пространств России и СССР. Перру фактически противопоставил альтернативные цивилизационные типы интеграции: механистически — формальные интеграционные процессы по типу 1, с одной стороны — с органической интеграцией по идеальному, или «благоприятному для населения обеих территорий», типу, сохраняющему культурную идентичность населения интегрируемых территорий, христоцентричному по целевым установкам, по «типу семьи» (выражение С. Кара-Мурзы) — с другой. Он считал крайне важным теоретически разграничить альтернативные цивилизационные проекты интеграции, которые в либеральной теории методично закрашиваются одним цветом безосновательными утверждениями о том, что якобы интеграция всегда служит интересам населения обеих территорий. В подтверждение этого сомнительного тезиса атлантисты обычно ссылаются на данные о росте средней рентабельности и средних доходов. На самом деле оценить вектор процессов интеграции можно лишь перейдя к анализу реальных изменений экономических структур и того, насколько рост средних доходов крупных иностранных фирм сопровождается прогрессом для местного населения. Цель интеграции благоприятного для населения типа состоит в создании такой экономической структуры, когда развитие производственного аппарата и развитие населения взаимно поддерживали бы друг друга так, чтобы мощный, сложный и современный производственный аппарат был бы поставлен на службу населению, которое в свою очередь получало бы соответствующий для эффектив-

ного использования такого производственного аппарата высокий культурный и образовательный уровень. Главное содержание процессов благоприятной, дружественной интеграции (по типу 2) — создание «сильной структуры экономики», «сильной формы международной взаимозависимости» (типа структуры, не имеющей, по определению, ничего общего с автаркией).

Перру, основываясь на историческом опыте Франции и Германии, поставил также вопрос о возможной динамике и трансформации, даже относительно сильной экономической структуры, в условиях перехода центров власти и силы в рамках ли интеграции, или же в отдельной стране, к альтернативно ориентированным главным игрокам, центрам силы или финансовым группам, континентальным, либо атлантистским, либо опорным для властных кругов слоев населения, в чьих интересах будет в конечном счете использована сильная экономическая структура [4, 299]. В свою очередь даже национализация сектора стратегических отраслей может оказаться недостаточным условием, чтобы производственный аппарат работал в интересах населения. Господствующая экономика (США) навязывает более слабым партнерам изменение экономической структуры к своей собственной выгоде, и как правило, она навязывает слабую структуру экономики [4, 29], стремясь превратить слабого партнера в полного сателлита. Напротив, этот партнер, будет стремиться к своей выгоде реализовать сильную форму взаимозависимости, сильную экономическую структуру. Проект «благоприятной интеграции» (по типу 2) носит антиатлантистский характер, нацелен на реализацию общих долгосрочных интересов и совместное противостояние группы континентальных государств Европы экспансии господствующей экономике США. Стратегия большей или меньшей зависимости от тормозящего воздействия со стороны США на экономическую структуру континентальных государств в концепции интеграции Перру включает негативную и позитивную составляющие. В негативном плане это, во-первых, отказ от попустительства господствующей экономике использовать исключительно в своих интересах и исключительно для своей прибыли и выгод стратегического характера природные и человеческие ресурсы интегрируемых государств, во-вторых, отказ от бездействия в условиях разрушения и дезорганизации иностранным государством национальной экономической системы. В позитивном плане эта стратегия направлена на реализацию желательной структуры экономики, что означает достижение частичного оптимума, совместимого с аналогичными усилиями партнеров по интеграции, адаптацию этой желательной структуры в интеграционном ансамбле государств, способных вместе обеспечить противовес по отношению к господствующей экономике [4, 292]. Для того, чтобы осуществить

эту стратегию, необходимо, прежде всего, концептуально по новому по сравнению с традиционными либеральными теориями осмыслить феномены интеграции и разработать новые теоретические инструменты анализа.

Концепция международной интеграции Перру включает в себя исследование методов и средств процессов интеграции, механизма действия и последствий интеграционных процессов. Анализируя движущие силы интеграции и динамику производственных взаимосвязей в быстрорастущей экономической системе, он концептуально зафиксировал в научных понятиях и исследовал важную для экономической политики специфическую закономерность неравномерной скорости роста экономических единиц, проявляющуюся в опережающем росте наиболее высоко-технологичных, наиболее тесно связанных с нововведениями предприятий или отраслей, которая была им закреплена в терминах «единицы-моторы», «полюсы роста», «зоны развития». Экономические единицы-моторы — это простые или сложные экономические единицы, которые в условиях конкретного окружения ведут к увеличению темпов роста других единиц, изменяя экономическую структуру в целом и порождая прогресс. Действие «увлечения» единицы-мотора можно наблюдать по отношению к определенной отрасли промышленности, а также по отношению к целому региону. Эффект увлечения проявляется в воздействии на конкретные экономические и социальные структуры в конкретных объемах и количествах, что фундаментально отличается от абстрактных приростов объемов и количеств кейнсианского мультипликатора. Воздействие единицы-мотора распространяется через цены, информацию, ожидания, а главное — через индуцированные инвестиции и нововведения.

В либеральной интерпретации процессов интеграции акцентируется снятие барьеров для обмена внутри экономического пространства. В альтернативной институциональной парадигме с точки зрения внимания к движущим силам интеграции отмечается, что при этом возможны два сценария развития. Если внутри экономического пространства отсутствуют единицы-моторы, тогда бесполезно рассчитывать на наличие процессов развития, в таком варианте происходит лишь формальное объединение — в одной из механистических форм интеграции типа 1. Иллюстрацией такого типа недружественной и неблагоприятной интеграции может служить интеграция в ЕЭС бывших стран Восточного блока, в том числе Прибалтийских государств, Болгарии. Если же снятие барьеров происходит в пространстве, поляризованном вокруг единиц-моторов, тесно переплетенных с *их собственной* инфраструктурой и *их собственными* сетями информации, действующими главным образом в интересах единиц-моторов, в такой ситуации можно ожидать развития *зон влияния* в интересах единиц-

моторов, скорее, чем развития в интересах населения. Последствия воздействия высокотехнологичных единиц-моторов, опирающихся на свое государство происхождения, могут быть как позитивными — за счет эффекта увлечения, так и негативными — за счет эффекта торможения. Выбор типа воздействия зависит от стратегии главного партнера. При этом возможно развитие интеграции как по типу 1, так и по типу 2. Разумеется, отсутствуют какие-либо гарантии, что в зоне воздействия иностранных единиц-моторов будет обеспечено хотя бы малейшее продвижение в направлении создания «желательной для населения экономической структуры» [5, 72].

Современная история дает множество примеров, когда экономика определенной страны полностью или частично подвергалась неблагоприятному воздействию и фактически моделировалась крупными иностранными единицами в своих интересах, интеграция шла в основном по типу 1. Степень неблагоприятного воздействия на динамику экономической структуры во многом зависит от реальных, а не формальных, экономического и политического суверенитетов страны по отношению к господствующему государству, неравному по богатству и могуществу, определяется совокупностью экономических и геостратегических факторов силы. Перру проясняет суть наложения и пересечения двух разнокачественных и разнонаправленных интеграционных потоков: атлантических интеграционных процессов, с одной стороны, и внутриконтинентальной интеграции, и внутрисканской интеграции, с другой. На основе анализа возможной динамики структуры экономики он делает важнейший по значению вывод, применимый, на наш взгляд, и к современной России, о том, что *без независимой экономики политическая независимость превращается в фикцию, а для сохранения или восстановления реального политического суверенитета необходимым условием является восстановление или сохранение экономического суверенитета*. В свою очередь экономический суверенитет предполагает в качестве необходимого условия *создание сильной экономической структуры, сильной формы международной взаимозависимости*. Дальнейшее исследование развивает концепцию о методах и средствах достижения главных характеристиках сильной экономической структуры.

Методы достижения сильной экономической структуры. Главная структурная характеристика экономики, как известно, это соотношение промышленности, сельского хозяйства и сектора услуг, а также уровень обеспеченности процессов нововведений. Сильная структура экономики интегрирующихся территорий предполагает, прежде всего, возможность ускоренного развития всего промышленного сектора при опоре на наиболее быстро развивающиеся отрасли, достаточную военно-стратегическую силу, возможность модерниза-

ции сельского хозяйства и самообеспечения населения продовольствием, сохранение культурного и образовательного суверенитетов каждой страны в группе интеграции и в целом всей группы интегрирующихся стран. Ключевое значение в концепции придано процессам инноваций, НТП, росту производительности труда. Необходимо, чтобы жизненно важные зоны, в которых формируются новации, были выведены из-под влияния иностранных государств или иностранных частных компаний. Выживание как независимой страны может быть обеспечено только новациями, и их источники нельзя позволить присвоить или разрушить иностранным силам [4, 241]. Перру выделяет три разных по скорости группы отраслей: новейшие, новые и традиционные, что позволяет ранжировать приоритеты селективного воздействия на различные отрасли, поскольку новейшие и во вторую очередь новые отрасли растут большими темпами, оказывают эффекты увлечения на весь экономический ансамбль, выступают полюсами роста, создают целые зоны развития и распространения нововведений.

Императивом для построения сильной экономической структуры интегрируемых территорий в условиях современного капитализма смешанного типа экономики, по убеждению Перру, является «активное индикативное планирование», не столь жесткое как директивное планирование как в СССР, но более сильное, чем просто индикативное; базирующееся на мощном государственном секторе в стратегических отраслях. Государство играет роль новатора и создателя, организатора инноваций, в то время как частный сектор дополняет инновационные процессы в присущих ему формах и в соответствии с его имманентными возможностями. План необходим для увеличения доли «желательного» и уменьшения доли «вынужденного». Спонтанные рыночные процессы и свободные цены не способны сами по себе привести к формированию целевой структуры экономики — во-первых; во-вторых, помешать проникновению иностранного присутствия в жизненно важные секторы экономики, контроль над которыми должен остаться национальным; и, в-третьих, они не обеспечивают оптимального распределения ресурсов в условиях монополистического капитализма. Для достижения сильной структуры экономики необходимы *оба института*: и план «по-французски», и рыночная конкуренция. Процессы нововведений осуществляются системно на основе активного индикативного планирования и селективно по методам.

Государство — общенациональный арбитр, выразитель общего интереса, координатор экономической деятельности. Оно финансирует фундаментальные и прикладные научные исследования, обеспечивает подготовку и мотивацию кадров работать внутри страны, стимулирует следование согласованному общенациональному индикативному плану, развитие высокотехнологических производств, повы-

шение производительности труда, во-первых, налоговыми методами, во-вторых, предоставлением субсидий и кредитов, в-третьих, организацией мер, ограничивающих утечку национальных технических патентов и кадров за границу. Индикативный план — важнейший институт ориентации децентрализованной экономики. В исследовании подчеркнуто, что роль плана не сводится к материально-вещественным аспектам и возможностям внеэкономического принуждения или материального стимулирования, как это интерпретировалось в антиплановой атлантистской пропаганде. План исследован как особого рода духовный фактор, формирующий образ будущего, образ альтернативы миражам атлантизма, навязчивым мифам американского успеха и стиля жизни. План способствует сплочению, единению нации, консолидации разных слоев общества внутри страны или группы стран континента, формирует солидарность, несет дух пассионарности, оптимизма и уверенности в себе, трансформирует менталитет всей нации, уменьшая неопределенность и макроэкономические неравновесия, рождает энтузиазм и духовную мобилизацию ради достижения общих великих целей Отечества.

Значительное внимание Перру уделяет стратегии сохранения культурного, образовательного и научного суверенитетов в процессах интеграции в условиях противостояния атлантизму. Он исследовал методы разрушительного воздействия господствующей экономики (США), в интеллектуальном пространстве, ведущей системную разрушительную пропаганду и обеспечивающую отлаженными приемами манипуляцию массовым сознанием, соблазнение, прежде всего, душ молодых поколений. В социальных науках, в частности, проводится повсеместная переориентация на количественные методы исследования, базирующиеся на предвзятых либеральных аксиомах-фикциях, обеспечивающих апологетические идеологические интерпретации, выгодные для атлантизма. Главную угрозу культурной независимости Франции и континентальной Европы Перру видит в принятии за образец американской экономической модели. Двойная ложь американской пропаганды состоит в том, что она скрывает правду, во-первых, о том, что свое господство и преимущества, основанные на военной силе и выгодах, она приобрела в течение двух мировых войн, в том числе, получив огромные ресурсы и огромный объединенный рынок, а во-вторых, о том, что США пропагандирует эффективность чисто рыночных механизмов именно как рецепт для других государств, в то время как сами активно используют мощный государственный сектор и протекционизм по отношению к своим производителям. Экономическая модель США не может служить образцом для подражания уже и потому, что эта страна так и не смогла преодолеть известные порочные стороны своей модели (многомиллионную без-

работицу, давящую трудящиеся классы, спады производства, отставание сельского хозяйства, инфляцию, разрыв в уровнях доходов, неокOLONIALИзм и др.).

Манипуляция массовым сознанием и продвижение мифов о «постиндустриальном обществе» и «обществе изобилия» достигаются предоставлением систематической трибуны в СМИ небольшой группе французских интеллектуалов, продвигающих образ непременно атлантического будущего для Франции и Европы, а также методами хитроумного, хотя и вежливого по форме запугивания любой оппозиции атлантизму, с целью не дать шансов для распространения идей, которые могут оторвать Европу от США. Опасность миметизма состоит, по мнению Перру, в том, что Европа может утратить свои преимушества созидательных традиций древней культуры, в которой укоренены очаги творчества и научного исследования. Политика культурной независимости должна в конечном счете быть основана на отказе от массовой дегенератизации населения и духа декаденса, отказе, осознанном и озвученном представителями народа, вопреки вседепроницающему духу сдачи национальных позиций в эпоху похоронного бала нигилизма [4, 286].

Концептуальное осмысление типологии интеграции, конкретных задач и методов интеграционного континентального противостояния атлантизму Ф. Перру, на наш взгляд, несколько не устарело. Аналитически подготовлен, хотя лишь в форме наброска, достаточно имплицитно, не доведенный Перру до четкого логического конца вывод о необходимости в целях противостояния атлантизму общего проекта интеграционных процессов всего евразийского континента, вывод, вытекающий из выясненной в ходе анализа Перру геополитической слабости и объединенной Западной Европы, без включения в интеграционный союз Восточной Европы и ее сердцевиной земли — России. Не утратил ценности и анализ средств, методов и институтов континентального проекта интеграции для евразийской интеграционной модели. В частности, отметим актуальность идеи управления деятельностью предприятий государственного и полугосударственного секторов, как единого целостного образования, ориентированного на создание сильной экономической структуры всего экономического ансамбля, ядрами и системообразующими императивами для достижения этой цели должны послужить активное индикативное планирование децентрализованной экономики, увеличение расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки, приоритет поддержки высокотехнологичных производств, ориентация ряда предприятий на импортозамещающие производства, уменьшение зависимости от импорта продовольствия, для чего необходимы государственное регулирование рынка и цен, в частности, государственные

закупки части сельскохозяйственной продукции у производителей по государственным ценам, поощрение развития отраслей с высоким эффектом увлечения, отраслей-моторов, восстановление и модернизация обрабатывающей промышленности, в том числе авиационной, автомобильной промышленности, энергетического машиностроения, способных стать полюсами роста в экономике отдельных регионов, создание новых зон развития в депрессивных районах, реструктуризация банковского сектора и его переориентация на потребности создания сильной структуры экономики.

Литература

1. Дугин А.Г. Геополитика России. М., 2012.
2. Гугняк В.Я. Институциональная парадигма в политэкономии на примере Франции. М., 1999.
3. Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. М., 2007.
4. *Perroux F.* Independence de l'economie nationale et interdependence des nations. Paris, 1969.
5. *Perroux F.* Dialogue des monopoles et des nations. Grenoble, 1982.

Т.Ю. ЯКОВЕЦ

Хозяйство народонаселения — теоретическая основа для выработки социодемографической политики Евразии*

Аннотация. Рассматриваются особенности современной международной экономической кооперации на постсоветском пространстве, основные положения теории хозяйства народонаселения, направления текущей социодемографической политики в России.

Ключевые слова: хозяйство народонаселения, напряжение этнического поля, интегральная система социокультурных ценностей, воспроизводство населения, социодемографическая политика.

Abstract. It addresses the features of modern international economic cooperation in the post-Soviet space, the basic points of the theory of population economy, current socio-demographic policy directions in Russia.

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00418.

Keywords: economy of population, tension of ethnic field, integral system of socio-cultural values, reproduction of population, socio-demographic policy.

В тезисах Ю.М. Осипова «О евразийской (постсоветской) межгосударственной интеграции» [1] говорится о «договорном взаимодействии» как основе постсоветской интеграции на территории бывшего СССР. Данная интеграция возникает в качественно новых геополитических условиях.

Во-первых, эта интеграция возникает, прежде всего, как экономическая, т. е. на ее характер влияют закономерности современного общественного воспроизводства. Начинают проявляться особенности «третьей волны» по Тоффлеру: если на «индустриальной волне» НТР могла реализовываться, прежде всего, в виде предпринимательства на основе капитализма (в социалистических странах механизм реализации НТР носил директивный характер, и НТР в основном имела догоняющий характер), то в «третьей волне» возникает новый механизм стимулирования инноваций. VI технологический уклад (ТУ) — переходный. Это переход к виртуальной системе социокультурных ценностей на базе Интернета и ИКТ-технологий (парадигмальная основа этой системы ценностей — мировидение современного искусства), который позволит основными инноваторами сделать творческие профессии. Если во «второй волне» основой общественного производства был индустриальный инженерный и рабочий труд, то общественное производство на «третьей волне» — наукоемкое и культуроемкое на базе высоких технологий. VI ТУ реализуется в рамках новой *интегральной системы социокультурных ценностей* — как синтеза чувственной, идеациональной и виртуальной систем. Поэтому победят те страны, которые создадут лучшие условия для творчества своих граждан. Прибыль уже не будет являться основным условием инновационного творчества, возрастет роль человеческого фактора в общественном воспроизводстве и сможет применяться другой механизм стимулирования инновационной активности. Интегральный этап — этап реализации человека-творца как образа Божьего. Западная цивилизация отказалась от идеационализма. Он присущ восточным цивилизациям и России. Поэтому новый этап творческого культурно-научно-технического развития — это прогресс этих цивилизаций. И экономическая интеграция евразийских стран вокруг России — залог их участия в новом витке НТР на основе интегральной системы социокультурных ценностей.

Во-вторых, культурно-научно-технический прогресс «третьей волны» развивается в рамках конкретных суперэтносов и этносов.

Россия, безусловно, одна из последних империй планеты (Ю.М. Осипов). С начала XXI в. вся проводимая в стране внутренняя и внешняя политика была направлена на сохранение целостности империи, ее территориальной и ресурсной сохранности. Но империя — это суперэтнос, расположенный на определенной территории. Он существует до тех пор, пока его этническое поле (по Льву Гумилеву) способно поддерживать эту целостность. Носитель этого поля — каждый из членов суперэтноса. Когда падает численность его населения, падает и *напряжение его этнического поля* и начинается распад суперэтноса на составляющие его этносы. И эти процессы не может остановить даже гонка вооружений. Мы это наблюдали в 1991 г. в СССР. В СССР скрепом суперэтноса был русский этнос, и с его сокращением произошло сжимание территории, которую мог контролировать русский этнос, до современных границ. Но выводы из этого сделаны не были. Вместо политики сохранения русского этноса по подсказкам американских консультантов была выбрана политика «шоковой терапии», приведшая к образованию «русского креста» — обвального снижения рождаемости при резком росте смертности, особенно мужчин в трудоспособном возрасте. В настоящее время, благодаря проводимой с 2000 г. национальной демографической политике, эти процессы удалось нивелировать. Но демографические процессы — очень инерционные. Поэтому обвал народонаселения в 1990-х уже начинает сказываться на ожидаемом падении количества и качества новорожденных в 2010-х. На кафедре семьи и демографии МГУ (Анатолий Антонов) в начале 2000-х были рассчитаны 4 возможных сценария развития демографической ситуации в России. В результате были сделаны выводы, что даже при четырехдетной модели семьи преодолеть негативные социодемографические процессы удастся нескоро. (Имеется в виду не текущее улучшение демографической ситуации, в том числе из-за создания экономических условий для отложенных рождений у поколения родителей, более многочисленного вследствие проводимой в середине 1980-х политики повышения рождаемости, а устойчивое преломление демографической ситуации в стране.) Поэтому демографическая «антиполитика» 1990-х гг. создала базу для возможности дальнейшего сокращения территориальных границ страны вследствие дальнейшего падения напряжения этнического поля российского суперэтноса, преодолеть которую будет очень сложно. В СССР скрепами евразийства были русский язык и русская культура. С падением численности русского населения они исторически уходят на второй план. Русский этнос не сможет быть далее скрепой евразийства. Россия должна сосредоточиться, прежде всего, на внутренних проблемах. Евразийство в новых условиях суще-

ствует как возможность *экономической кооперации*. Новые поколения жителей Евразии будут воспринимать это экономическое пространство как раньше при разных государственных устройствах великие торговые пути. Конечно, будет продолжаться борьба за российское геополитическое влияние на базе экономической кооперации. Именно экономическая интеграция, а не русская культура будет основой этой кооперации. В этих условиях особое значение приобретает социодемографическая политика, позволяющая поддерживать напряжение российского этнического поля и не допустить сокращения территории евразийской интеграции.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что основой эффективности экономической кооперации на пространстве Евразии является успешное решение Россией своих социодемографических проблем.

Российское руководство пытается в настоящее время проводить социодемографическую политику, опираясь на *экономический подход*. В то же время воспроизводство народонаселения далеко выходит за стоимостные рамки. Поэтому, нам представляется более оправданным предложение профессора Ю.М. Осипова, сделанное им на Фестивале науки в МГУ в 2012 г., о том, что воспроизводство народонаселения надо рассматривать с позиции *хозяйства народонаселения*. Мы попытались рассмотреть основные положения такого подхода, используя методологию, предложенную в трехтомнике Ю.М. Осипова «Теория хозяйства» [2].

Воспроизводство населения — это триединство биологических, социальных и культурных процессов, протекающих в материальной и духовной среде. Движущими силами этих процессов являются — для биологических процессов — законы популяционного развития, для *материальных* социальных и культурных процессов — научно-технический прогресс, культурные (динамика цивилизаций) и исторические (этногенез) процессы, для *духовных* социальных и культурных процессов — национальный дух и система социокультурных ценностей, система социальных ролей, морально-нравственные устои общества [3, 303].

Таким образом, изучение воспроизводства населения — очень сложный мультинаучный комплекс. Позволим себе сделать срез в этом комплексе, позволяющий рассмотреть *хозяйство народонаселения*, т. е. воспроизводство народонаселения, рассматриваемое со стороны его организации, как объект и сфера хозяйствования. Под *хозяйствованием* мы здесь понимаем деятельность человека по организации воспроизводства населения.

Такое хозяйствование предстает как частно-общественное явление. Поэтому оно осуществляется в семейно-государственной форме. На микроуровне человек воспроизводится в семье, на макроуровне — как гражданин государства, на глобальном уровне — как житель планеты Земля. Сам режим воспроизводства населения зависит от способа хозяйствования. В процессе исторической трансформации способов хозяйствования происходит переход от естественных к искусственным режимам воспроизводства населения — т. е. от режима, в котором демографическое хозяйствование человека было в соответствии с природой, к деятельности вопреки природе, демографически искусственной.

Продуктом такого хозяйствования является количественные и качественные характеристики динамики народонаселения, а *целью*... Здесь следует задуматься о смысле существования человечества на Земле. От того, как понимается этот смысл, зависит и цель хозяйствования — как в рамках семьи, так и в рамках государства.

Рассмотрим эту *цель хозяйствования применительно к России*. Если исходить из того, что Россия — это особая Святая Русь, целью будет максимальное духовное совершенствование россиян, предельная самореализация российского суперэтноса. Но такое понимание проблемы свойственно пока только очень ограниченному числу граждан России, причем, прежде всего, из православных верующих. На поверхности общественного сознания все яснее вырисовывается цель в виде преодоления последствий той социодемографической катастрофы, которая поразила Россию вследствие проведения руководством страны политики нелиберальных «реформ» в 1990-х гг. Все эти последствия хорошо описаны в монографии Н.М. Римашевской 2003 г. [4]. В работе Б.Т. Величковского, вышедшей к его 90-летию, делается следующее заключение по итогам «шоковой терапии» для русской нации: «повышенная гетерозиготность генома (русских) при недостаточном питании беременных женщин обуславливает развитие железодефицитной анемии, повышение репродуктивных потерь, отставание в развитии и ухудшение здоровья детей.» Именно поколение, рожденное в таких условиях, сейчас вступает в репродуктивный возраст.

Способ хозяйства предполагает определенный порядок взаимодействия сил и факторов воспроизводства населения в масштабе общества. На уровне государства он определяет механизмы и институты проведения политики социодемографического регулирования. На уровне семьи как малой группы, обладающей демографическими, социальными и экономическими характеристиками, репродуктивные функции носят внешне стихийный характер, основанный на механиз-

ме самоорганизации каждой конкретной семьи. Но тут не надо забывать о действии биологических популяционных законов, которые объективно влияют на режим воспроизводства населения планеты. Именно под их влиянием совершается «демографический переход», изменивший способ хозяйства народонаселения в XX в.

Для современной России цели социодемографической политики были сформулированы в ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию, прозвучавшем 12 декабря 2013 г. Это программа «Жилье для российской семьи», объявление 2014 г. Годом культуры, повышение мобильности рынка труда, новые профессиональные стандарты, упорядочивание привлечения иностранной рабочей силы. Основой стабильного социального развития должен стать устойчивый экономический рост на базе стратегического вектора на технологический прорыв. Особое значение в 2014 г. будет уделяться семейной политике. Для успешной реализации этих целей необходим значительный структурный маневр в масштабах экономики страны. Будет ли он возможен или складывающаяся внешнеэкономическая конъюнктура ему помешает — покажет время.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* О евразийской (постсоветской) межгосударственной интеграции // *Философия хозяйства*. 2013. № 5.
2. *Яковец Т.Ю.* О движущих силах общественного развития // *София. Сто лет русской философии хозяйства* / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2012.
3. *Римашевская Н.* Человек и реформы. Секреты выживания. М., 2003.
4. *Величковский Б.Т.* Жизнеспособность нации. Взаимосвязь социальных и биологических механизмов в развитии демографического кризиса и изменении здоровья населения России. М., 2012.
5. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства: Учеб.: в 3 т. М., 1995, 1997, 1998.

Т.Н. ЮДИНА

Соединить несоединимое в контексте воспроизводственного обустройства евразийского пространства: домострой (domostroy) и домостроительство (domostroitelstvo)

Аннотация. В статье впервые проблема международного воспроизводственного обустройства евразийского пространства пози-

ционируется в контексте домостроя, домостроительства и неодо-
строительства, а также — «соединить несоединимое» и «соединять
неслиянное».

Ключевые слова: международное воспроизводственное обу-
стройство евразийского пространства, соединить несоединимое, со-
единять неслиянное, домострой, домостроительство, неодострои-
тельство.

Abstract. This is the first article where the problem of international
reproductive arrangement of Eurasian area is positioned in the context of
domostroy, domosroitelstvo and neodostroitelstvo, and also — «connect
the unconnected» and «connect unmerged».

Keywords: international reproductive arrangement of Eurasian ar-
ea, connect the unconnected, connect unmerged, domostroy,
domosroitelstvo, neodostroitelstvo.

Евромайдан, еврокризис, вялотекущий мировой финансово-
экономический кризис, духовно-нравственный кризис, природные
аномалии и кризис природы... апокалиптический кризис. Это не про-
сто кризис во всех его проявлениях, со всеми своими гранями, а кри-
зис как целое, как кризисное состояние всего тварного мира... кризис-
ное бытие его. Кризис глобальный, т. е. общепланетарный.

Есть ли выход из данного системного, целостного кризиса? —
Есть. Каковы контуры международного воспроизводственного обу-
стройства евразийского, в смысле постсоветского, пространства в кон-
тексте институциональной матрицы, гранями которой являются хо-
зяйство и экономика, идеология и политика? Согласно концепции
Д.И. Менделеева, Россия и Китай исторически являются основными
«устроительными игроками» не только в Евразии, но и в «мире». Что
такое тогда «великое возрождение» «великой нации Китая» и Россия
[1]? Каково возможное целостное взаимодействие евразийских игро-
ков в воспроизводственном обустройстве евразийского пространства
в контексте *соединить несоединимое* и, возможно, *соединять несли-
янное*?

Прошедший 2013 г. в России был объявлен *Годом истории*.
Согласно Д. Норту, «история имеет значение» [2, 12]. Норт утвержда-
ет: «Она (история. — Т.Ю.) имеет значение не просто потому, что мы
можем извлечь уроки из прошлого, но и потому, что настоящее и бу-
дущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества.
Выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформулирован про-
шлым. А прошлое может быть понято нами только как процесс инсти-
туционального развития» [2, 12]. Так, Ф.Я. Шипунов своим научным
трудом «Истина Великой России» [3] призывает соединить несоеди-

нимое, соединять неслиянное. Он пишет: «Россия есть только прошлое и, будем надеяться, будущее» [3, 3]. В отношении дискутируемой проблемы воспроизводственного обустройства евразийского пространства еще в 1992 г. Шипунов констатировал: «И что-то не слышно посланий, увещаний и движений к единомыслию, единогласию, единению да к вековой соборности русских, создавших Святую Русь, истекшую Великой Россией». Важна сегодня не только финансовая помощь России Украине в 15 млрд дол., но историческая память, *мировоззренческая скрепа*. «А ведь надобно бы помнить, — писал Ф.Я. Шипунов, — что истинный “украинец” более русский, чем великоросс, и что Киев — не украинский город, а мать городов русских. Как навязали ненавистники единой и неделимой России специально придуманное слово “украинец”, чтоб посеять рознь внутри русского племени, дабы разрезать его по живому телу, так и ныне зацепились за то же прозвище южных братьев все те же силы, чтоб воскресить в новой силе отдельные дела. И невдомек: кто посягнет на этот раздел единого национального тела Руси, тот и пожнет начало ее смерти!» [3, 10].

Год истории в России напомнил о Киевской Руси как Древнерусском государстве, Московском царстве и славных делах, триумфе Российской империи, о 400-летию восшествия на престол царствующего рода Романовых. Величие строителей Русского Дома — Государства Русского-Российского — заключено в словах императора Николая II, но это понимают только те, кто использует теологический, метафизический подходы в своих научных исследованиях (как, например, И.Т. Посошков, М.В. Ломоносов, В.А. Кокорев, С.Н. Булгаков, Д.И. Менделеев, П.А. Флоренский), когда возможно *соединять неслиянное*. Современные науки, в том числе экономические науки, даже в XXI в. развиваются в контексте идеологии, мировоззрения Фрэнсиса Бэкона — основателя современных эмпирических наук, в основе которых лежит средневековая масонская алхимия как клевета на Бога — Творца Небу и Земли. В экономических науках редко используется теологический, метафизический подходы, немного есть научных трудов, написанных в контексте религиозного, православного мировоззрения мыслителями — домостроителями, философами хозяйства. В советский период целый пласт русской духовной хозяйственной (домостроительной) мысли и науки либо замалчивался, либо был запрещен.

Кто они — мыслители — *домостроители, философы хозяйства*? Это, например, Киевский митрополит, являвшийся главным идеологом в Киевской Руси, *Иларион* — автор «*Слова о Законе и Благодати*» (XI в.) — памятнике древнерусской письменности, не

потерявшем актуальности и в XXI в. Актуальны мысли Илариона о том, что домостроительство возможно без всяких ересей: «И да проклято всякое еретичество» [4, 101]. В своем «Слове» митрополит Иларион прославляет Великого князя Владимира Святославовича Рюриковича — Владимира «Красное Солнышко», который осуществил в 988 г. крещение Киевской Руси, выбрав христианство как государственную идеологию, каковою она оставалась вплоть до 1917 г. Митрополит Иларион писал о Боге как Строителе Небесного Дома. Иларион утверждает, что Бог «всему тому Строитель» [4, 97], Благодать — это сам Иисус Христос; закон — это бедность и нищета; законы вызывают не к милости. Иларион позиционирует Великого Князя Владимира — как строителя земного Дома — Древнерусского государства. Сегодня в большом дефиците справедливость, истина, благодать, милость как основополагающие институты домостроительства.

Это предприниматель, самоучка *И.Т. Посошков*, написавший знаменитый научный труд «*Книгу о скудости и богатстве*» (24 февраля 1724 г.) с уникальным учением о невещественном богатстве — Правде как Первообразе и правде как образе Первообраза [5, 14]. 290-летний юбилей выхода в свет рукописи И.Т. Посошкова отмечается в 2014 г. проведением международной конференции в Финансовом университете при Правительстве России. Первый отечественный уникальный мыслитель-домостроитель, заложивший начала российской институционально-экономической (домостроительной) науки в первой четверти XVIII в., уповал на институционализацию Закона Божьего [5, 14]. И.Т. Посошков учит нас богатеть в Бога. Кстати, этимологически слово «богатство» является производным от слова «БОГ». Посошков говорит нам: «Паче вещественнаго богатства надлежит всем нам обще пешися о невещественном богатстве, то есть о истинной правде. Правда отец бог (слова “отец бог” в этом советском издании написаны с маленькой буквы в соответствии с революционными установками Л.Д. Троцкого; следует правильно писать Отец Бог. — *Т.Ю.*), и правда велми богатство и славу умножает и от смерти избавляет, а неправда отец диавол. И неправда не токмо вновь богатит, но и древнее богатство отончевает и нищету приводит и смерть наводит» [5, 14]. Посошков пишет об институте десятины, церковной и государственной, как налоговой подати. Он утверждает: «И отцам духовным твердо детям своим духовным заказывать, чтоб отнюд ничего не таили. И буде правдою будут яко богу, тако и царю отделять десятину, то бог их благословит всяким изобилием, понеже уравнятся они древним законникам, иже от всего своего притяжания давали десятину» [5, 34]. Десятина — Богом установленная форма налога — мыгартства. Ее «лучшесть», т. е. оптимальность, не количественная, а каче-

ственная. Согласно Филарету Московскому добро — то, что делаем с Богом, зло — то же самое, только сделано без Бога. Добро и зло — категории не количественные, а качественные, которые также измеряются, отцифровываются, но уже с помощью других измерителей и инструментов.

Это и русский предприниматель с малым образованием, но с широтой замыслов, по Д.И. Менделееву, «верно зачатых», В.А. Кокорев — «новый Посошков» — с его категорией *духоугашение* как причиной всех хозяйственных провалов, содержащейся в его работе «Экономические провалы» (1887) [6, 24]. В.А. Кокорев зовет нас, своих соотечественников: «Пора домой!» [6, 27]. «...Пора *государственной мысли* перестать блуждать вне своей земли, — пишет Кокорев, — пора прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными пересадками их родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях силу, без искреннего родства с которой никогда не будет согласования экономических мероприятий с потребностями народной жизни; пора твердо убедиться в том, что только это спасительное согласование есть верный путь к покойному и правильному движению от силы к силе, тогда как путь розни и разлада с жизнью (т. е. нынешний путь) тянет в обратную сторону — от бессилия к бессилию, низводя прямо в бездну неисправимого экономического расстройства» [6, 27—28]. «Пора домой!» — это, по Кокореву, отказаться от «рабоподражательных снятий копий с европейских финансовых систем и порядков» [6, 29], идолопоклонства теориям Запада. Кокорев предлагает «безпроцентные деньги», «народознание», «землеведение», «благоустройство», а главное — «пора домой!». В.А. Кокорев опережая время, заложил основы отечественной *наноэкономики (дома — хозяйства личности)*. Он восклицал: «Да обновится Русский человек новою привязанностью к России и всему Русскому!.. Да явится он, дома и во всей Европе (курсив мой. — Т.Ю.), самобытен и самостоятелен! Да ознаменуется новый период Русской жизни... проявления смиренномудрия, создающего истинную, непризрачную силу! Да воссияет свет Русского смысла в начальствующих и начальствуемых, везде и во всем, и да избавит он нас от всякого спотыкания, неизбежного во тьме бессознательного чужелюбия!» [6, 380].

Это и один из основателей Императорского Московского университета, ученый-энциклопедист, явление российскому народу и миру, фактический интеллектуально-мировоззренческий отец новой русской — великорусской — нации — М.В. Ломоносов с его концепцией *сохранения и размножения российского народа*. Ломоносов «зрил сквозь столетия». Его «государственный ум большой широты» делал

самого Ломоносова государственным деятелем, организатором русской науки и просвещения без Фрэнсиса Бэкона — родоначальника английского материализма с его «реформой научного метода — очищения разума от заблуждений («идолов» или «призраков») [7, 187]. «Исправление неисправ» как у Посошкова, так и у Ломоносова касалось прежде всего духовной сферы, а также тех сфер человеческой жизнедеятельности, тех институтов (согласно Д. Норту, институты имеют значение [2]), где создается невещественное богатство — правда. Это — духовенство, воинство и судейство. Так, М.В. Ломоносов писал об обязанностях духовенства и судейства следующее: «Ежели надлежащим образом духовенство должность свою исполнять будет, то благосостояние общества несравненно и паче чаяния возвысится, затем что, когда добрые нравы в народе через учение вкоренения страха усилятся, меньше будет преступлений, меньше челобитья, меньше ябедников, меньше затруднений в судах и меньше законов. Хорошо давать законы, ежели их исполнять кому» [8, 402]. Сегодня при дефиците посошковских праведных законов — правды как институционализации Закона Божьего — мы имеем разгул коррупции.

Это и автор «Философии хозяйства» с категорией трансцендентности — С.Н. Булгаков [9], которому в рамках Академии философии хозяйства были посвящены многие международные научные конференции в России, на Украине, во Франции, написано несколько монографий. И вся плеяда мыслителей, ученых — *домостроителей*, чьи идеи необходимо использовать при решении проблемы производственного обустройства евразийского пространства и разработке концепции основных устроительных игроков в Евразии, их возможно-го целостного взаимодействия.

Равноапостольная Великая Княгиня Ольга в X в. закладывала прочные основы Русского Дома — Древнерусского государства (слово «государство» является производным от слова «государь») — Киевской Руси. Согласно ее мировоззрению, институциональная матрица Русского Дома — это синергетическое взаимодействие православия как государственной идеологии, домостроя как общественно полезного хозяйства, самодержавия как политического строя.

Земное домостроительство — это не просто строительство дома — жилища с точки зрения обыденного сознания, а строительство мира, т. е. «земного дома» человека и человечества, дома — храма, Дома — государства, Дома — Правды; это гармоничная, самодостаточная, целостная хозяйственная система на нано-, микро-, макро-, мега- и глобальном уровнях.

Новый 2014 г. объявлен в России *Годом культуры* (слово культура происходит от слова «культ» — вера). Частью культуры, тради-

ции является идеология, которая, как и культура, своим источником имеет культ — веру. Действительно, все начинается с веры, со Слова как Первообраза и слова как образа Первообраза. Д. Норт писал также, что «идеи и идеология имеют значение» [2, 143]. Норт подчеркивал: «Идеи и идеологии формируют субъективные ментальные конструкции, с помощью которых индивиды интерпретируют окружающий мир и делают выбор» [2, 143]. Какова идеология воспроизводственного обустройства евразийского пространства? Содержит ли она посошковскую правду, кокоревскую концепцию «пора домой!», ломоносовское «сохранение и размножение российского народа», булгаковскую трансцендентность? Очевидно, что вопросов гораздо больше, чем положительных ответов.

У Государства Российского исторического времени и хозяйственного пространства еще достаточно, чтобы возродить и воскресить домостроительство — то, что начинали созидать в Древнерусском государстве — Киевской Руси Равноапостольная Великая Княгиня Ольга и Равноапостольный Великий Князь Владимир. Начинать сегодня можно со слова правды по Посошкову, с наноэкономики — хозяйства человека опять-таки по Посошкову, а не ерничания А.П. Чехова в «Моем домострое» [10]. В качестве ключа к пониманию домостроя служит сам текст «Домостроя» [11] как общедоступное актуальное руководство к «правильному устройению жизни», нуждающейся сегодня в Новом Домострое.

Соединить несоединимое, соединять неслиянное — эти интегральные задачи можно исследовать в контексте новой авторской евразийской интеграционной концепции (в данном случае относительно России и Украины с точки зрения домостроительства и нового домостроительства), а также основных устроительных игроков в Евразии — России и Китая. «Союз России с Китаем будет предтечей общего мирного союза уже по той причине, — писал ученый-энциклопедист Д.И. Менделеев, — что в нем было бы более трети всех людей и он не мог быть иным как чисто мирным и охраняемым, тем более, что у обоих союзников целая бездна настоятельных внутренних потребностей и столько ресурсов, сколько нет ни в одной другой паре остальных государств, а показывать кулаки оба таких союзника, как Россия с Китаем, и не хотят, и не привыкли» [12, 376]. Следует добавить, Россию с Китаем объединяет то, что в их хозяйственных системах генетически и исторически действуют домостроительные принципы — справедливости, а также соборности как предпочтению коллективных интересов личным с единоначалием в «общинном» значении этого слова. На принципах нового домостроительства может возникнуть не только наноэкономика, но и микроэко-

номика и мезоэкономика в смысле нового типа корпораций как своего рода «общинная» экономика, соориентированная на внутренний рынок, не отрицая внешнего. В рамках нового домостроительства, «мудрой» экономики, русского софийного хозяйства возможно перескочить с одного технологического уклада на другой, не быть догоняющей экономикой.

Еще есть общее между Россией и Китаем на метафизическом уровне — это икона 222 китайских мучеников, прославленных в начале XX в. по инициативе императора Николая II, т. е. общая духовная святость. Однако Ю.М. Галенович в своей монографии «Великое возрождение» «великой нации Китая» и Россия» (2013) справедливо утверждает, что современная «идеология Российской Федерации... и идеология КНР... далеко не совпадают между собой» [1, 121]. Галенович пишет: «Думается, что здесь необходимы глубокие исследования, а не повторение за китайской стороной выдвигаемых ею формулировок. Естественно, что нам необходим постоянный поиск того, что в наших идеологиях и в наших позициях по международным вопросам объединяет РФ и КНР.

У России и КНР есть свои интересы практически применительно к каждой из мировых проблем» [1, 121].

У современной КНР есть китайская мечта — «великое возрождение великой нации Китая» — главная идея (девиз), с которой начал свое руководство страной Си Цзиньпин в 2012 г. Позиционируя китайскую мечту, Галенович подчеркивает: «Это — не традиционные или прокламировавшиеся в СССР, ряде других в свое время социалистических государств марксизм-ленинизм, интернационализм, коммунизм, социализм. Это и не конфуцианство, даосизм, буддизм, и тем более не христианство, ислам, иудаизм.

Это — современная религия нации Китая, вера в нацию Китая, в ее «второе пришествие», или возрождение» [1, 137].

На российско-китайских социально-экономических отношениях будут отражаться экологические проблемы Поднебесной: сильное загрязнение воздуха, воды и земли. Это следует обязательно учитывать в воспроизводственном обустройстве евразийского хозяйственного пространства.

Таким образом, концепция международного воспроизводственного обустройства евразийского (постсоветского) пространства в целом и основных устроительных игроков в Евразии в особенности с точки зрения русской духовной, метафизической хозяйственной домостроительной мысли и науки, представляющей целый пласт экономической культуры и идеологии, содержит целый набор принципов, институтов, социо-культурно-производственных отношений, инстру-

ментов. Применение этой совокупности истинных принципов, отношений, институтов и инструментов дает истинный результат в соответствии с посошковской правдой, а также участвует в решении интегральных задач: соединить несоединимое и соединять неслиянное. «Пора домой!»

Литература

1. *Галенович Ю.М.* «Великое возрождение» «великой нации Китая» и Россия. М., 2013.
2. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
3. *Шипунов Ф.Я.* Истина Великой России. М., 1992.
4. *Иларион.* Слово о Законе и Благодати. М., 1994.
5. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. СПб., 2004.
6. *Кокорев В.А.* Экономические провалы. По воспоминаниям с 1837 г. М., 2002.
7. Советский энциклопедический словарь. М., 1981.
8. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952.
9. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
10. *Чехов А.П.* Мой домострой // <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sps-359-.htm>.
11. Домострой. М., 2013.
12. *Менделеев Д.И.* Заветные мысли. М., 1995.

Раздел II

Грани интеграционного процесса в Евразии

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Актуальные проблемы и основополагающие принципы евразийской (постсоветской) экономической интеграции

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, возникающих в процессе становления и углубления современной евразийской экономической интеграции, и путей их разрешения. В фокусе исследования автора находятся: деятельность наднациональных органов и институтов, формирование единого экономического пространства и переход к Евразийскому экономическому союзу; вступление интегрирующихся государств в ВТО.

Ключевые слова: Евразийская экономическая интеграция, Россия и страны СНГ, ВТО.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems arising in the course of formation and deepening of modern Euroasian economic integration and ways of their permission. In focus of the author's research are activity of supranational departments and institutes, formation of a common economic space and transition to the Euroasian economic union, the entry of the integrating countries into the WTO.

Keywords: Euroasian economic integration, Russia and CIS countries, WTO.

Наша дискуссия называется «Проблемы евразийской интеграции», и я буду говорить не об успехах, а больше о проблемах. Для начала важно подчеркнуть, что процесс евразийской экономической интеграции уже необратим, т. е. период неустойчивости сменился устойчивым функционированием наднациональных структур. Уже четыре года работает наднациональный орган, который до 2012 г. назывался «Комиссия Таможенного союза» — теперь «Евразийская экономическая комиссия». Этим институтом принято около 2000 решений, причем все решения — результат консенсуса. И по работе надна-

ционального органа видно, что общность наших интересов намного весомее, чем различия.

За четыре года работы у нас было всего две или три спорных темы, по которым не удалось принять решения. Одна из них — антидемпинговые пошлины на комбайны из Белоруссии. Комиссия сначала проголосовала «за», но потом казахстанская сторона наложила «вето» на это решение. И это был прецедент, в ходе которого был практически отработан механизм обратной связи между наднациональным органом и национальными органами власти — последним контуром контроля, на котором любое государство имеет право наложить «вето» на принимаемое решение. Если какое-то государство в соответствии с правилом процедуры выражает несогласие с решением, которое принято Комиссией, то это решение приостанавливается. В данном случае такая процедура была использована.

Еще один спорный вопрос — отмена экспортных пошлин. Он частично решен на двухсторонней основе, а именно — мы поставляем углеводороды и другие сырьевые товары в Белоруссию в рамках определенной количественной квоты, которая полностью закрывает их внутренние потребности плюс мощности нефтепереработки. Симметрично белорусское государство обязуется все экспортные пошлины, которые оно обязано взимать при вывозе нефтепродуктов по российской ставке, перечислять в российский бюджет. Такой компромисс был достигнут, и эта проблема тоже была решена.

Можно привести еще много примеров. Решения принимаются непросто, но 2000 решений за четыре года функционирования наднационального органа — серьезный результат. Практически за это время мы унифицировали все те виды контроля, которые связаны с таможенной границей: это таможенный контроль, который ведется на основании таможенного кодекса прямого действия, санитарный, ветеринарный, фитосанитарный, некоторые функции транспортного контроля, техническое регулирование. Все эти виды контроля унифицированы, хотя транспортный — в меньшей степени. Это и позволило отказаться от таможни на российско-казахстанской границе. Но сейчас, возможно, кто-то захочет вернуться обратно, такие импульсы есть, например, в связи с тем, что Казахстан завершает переговоры с ВТО на существенно более либеральных условиях, чем Россия.

Сегодня единая таможенная территория функционирует на основе российских обязательств перед ВТО. Согласно нашей договорно-правовой базе, российские обязательства перед ВТО стали обязательствами всего Таможенного союза. Но вот теперь вступает Казахстан, у которого изначально была другая переговорная позиция: таможенный тариф у наших коллег согласован на уровне, ниже того, который дей-

ствуется на единой таможенной территории при импорте из третьих стран. Поэтому, если предположить номинально, что Казахстан сегодня входит в ВТО и начинает выполнять свои обязательства, то получается, что Казахстан будет взимать импортный тариф отличный от нашего единого таможенного тарифа, что противоречит, естественно, основам Таможенного союза. Это невозможно даже представить. Сейчас мы пытаемся найти решение этой проблемы, которое предполагает, скорее всего, новый тур переговоров в рамках ВТО, если действовать сугубо юридически.

Но в любом случае, несмотря на возникший сложный момент, сторонников выхода Казахстана из Таможенного союза мы не видим — ни в казахстанской элите, ни среди бизнеса, ни среди гражданского общества. Это говорит о том, что общественная поддержка евразийской интеграции остается высокой, а издержки прекращения этой интеграции чрезвычайно велики. То же можно сказать в отношении Белоруссии, для которой выход из евразийской интеграции имел бы вообще самоубийственные последствия. Поэтому у нас нет сомнений в прочности нашего Союзного государства с Белоруссией.

Важно понимать, что наша евразийская интеграция, в отличие от европейской, носит вполне ограниченный характер в том смысле, что мы не планируем интеграцию в бесконечность: четко оговорен круг вопросов, по которым функции передаются на наднациональный уровень. Это вопросы контроля на границе, а также вопросы, связанные с функционированием рынка товаров и услуг, т. е. нормы, которые обеспечивают выравнивание условий конкуренции. А именно: унификация промышленных и сельскохозяйственных субсидий или общие ограничения по субсидиям; унификация правил госзакупок для того, чтобы товаропроизводители могли на равных участвовать в закупках друг друга; общие требования к антимонопольной политике и право Комиссии контролировать цены на услуги естественных монополий; доступ к транспортным магистралям. Это как раз все те функции, которые необходимы для функционирования общего рынка товаров — и не более того.

Не передаются на наднациональный уровень функции налогового регулирования: налоги остаются разными и последствия различий в уровне налогообложения мы уже видим. Участники ВЭД имеют тенденцию к перемещению в Казахстан, где налоговая нагрузка меньше. Все это сопровождается определенными сомнительными схемами в торговле, потому что мы хоть и объединили таможенное пространство в единую таможенную территорию, но единого налогового пространства у нас нет. Поэтому у нас сохраняется принцип резидентства в финансово-торговом смысле. Если предприятие казах-

станское, то оно должно осуществлять процедуру «растаможки» в Казахстане, если российское — проходить таможенную очистку в России.

Мы, конечно, ставим перед собой задачу уйти от принципа таможенного резидентства, прикрепления к национальным юрисдикциям, но пока есть различия в налоговых системах, это будет сделать сложно, и по-прежнему остается барьер (он трансграничный, но физически на границе не находится), связанный с уплатой косвенных налогов. Иначе говоря, товар, который едет из Казахстана в Россию, должен быть обложен НДС по российским нормам, соответственно казахстанский НДС может быть предъявлен к вычету так же, как это делается в торговле с третьими странами. И это различие в налоговых системах будет еще длительное время, что скажется на состоянии товарооборота.

У нас нет планов объединения денежных систем — их нет в политической плоскости, но и в экономическом плане объединение денежных систем выглядит, с нашей точки зрения, искусственной идеей, поскольку очевидно доминирующее значение России — это примерно 85% потенциала по объему ВВП. Россия как центральное звено, ядро интеграции, фактически доминирует во взаимной торговле, и вследствие этого рубль является доминирующим средством расчетов, если брать расчеты в национальных валютах. Сохраняются расчеты в валютах третьих стран, в долларах и евро, в основном это касается энергоносителей, но общая тенденция такова, что доля расчетов в валютах третьих стран снижается, а в расчетах в национальных валютах рубль занимает более 90%, фактически являясь главной валютой расчетов. В Белоруссии рубль это еще и резервная валюта.

Ограниченность вопросов интеграции возникла без какой-либо единой теоретической основы, просто так договорились. Но если мы сейчас обратимся к трудам классиков евразийской интеграции, начиная с работ князя Трубецкого, вспомним его статью 1927 г., где он рассуждал о том, что же будет после краха коммунистического режима и какая же идея будет объединяющей для всей этой гигантской территории, то Трубецкой рассуждал методом от противного. По его мнению, Российская империя была государством русского народа, которой управлял русский царь, православие было основной религией и, по сути, русская элита управляла всей этой огромной территорией Российской империи. Советский Союз был государством победившего пролетариата во главе с Коммунистической партией. Но ни русская идея сама по себе, ни коммунистическая идея после развала Советского Союза работать не смогут, с точки зрения Трубецкого в 1927 г. Если возвращаться к истокам — православие, самодержавие, народ-

ность, — то понятно сейчас (особенно вы видите, что творится на украинской территории), что без применения силы вернуть всех в идеологические рамки Российской империи нереально, а применять силу в XXI в. — бессмысленно и невозможно. Поэтому Трубецкой от противного доказал, что методологической основой объединения народов, живущих на нашей большом евразийском пространстве, является идея общей истории, общих исторических корней, общего исторического многовекового опыта жизни вместе.

И вот на базе этой идеи мы и строим нашу интеграцию, не вдаваясь особенно в ее идеологическое обоснование. Единственной идейно-политической заметной вехой стало выступление в МГУ Президента Казахстана Н.А. Назарбаева в середине 1990-х гг.: на фоне процессов дезинтеграции в СНГ он высказал идею создания более плотного ядра интеграции — евразийского союза, которое и было политически сформировано в 2000 г. в форме ЕврАзЭС. Именно последнее стало той рамочной материнской структурой, которая родила, в сущности, наш Таможенный союз, и теперь уже Единое экономическое пространство, формирование которого должно быть завершено к концу будущего года и которое будет объединять классическим образом общий рынок товаров, услуг, капитала и труда. Мы планируем завершить процесс объединения рынков к концу будущего года, но, тем не менее, определенные задачи будут решаться и за пределами 2014 г. В частности, объединение страховых рынков, страховых услуг планируется только к 2017 г., не решена задача единого финансового регулятора. Этот вопрос мы рассмотрим, наверное, в конце будущего года. В целом же основы общего рынка капитала, труда, услуг и товаров заложены, рынок товаров уже функционирует в полном объеме, рынок услуг пока функционирует частично, некоторые виды услуг очень сильно привязаны к национальной почве, скажем, это услуги в сфере образования, здравоохранения, здесь очень много национальных барьеров. Поэтому для формирования рынка услуг тоже понадобится время, но, думаю, что к 2017 г. он будет сформирован окончательно.

Тем не менее не дожидаясь завершения всех процессов формирования Единого экономического пространства, главы государств приняли решение с 2015 г. перейти к следующему уровню интеграции — Евразийскому экономическому союзу. Пока мы понимаем, что Евразийский экономический союз — это Таможенный союз плюс Единое экономическое пространство, т. е. товары плюс услуги, капитал и труд. К этому может быть добавлена общая стратегия развития. Здесь не просто складываются переговоры, у разных государств разные способы реализации экономических целей развития. В Казахстане

действует программа индустриализации, которую не станут серьезно корректировать в зависимости от наших пожеланий. Пока есть понимание того, что мы согласовываем промышленную и сельскохозяйственную политику. Следующий шаг — создание общей политики развития — пока не сделан, но, я думаю, с созданием Евразийского экономического союза мы неизбежно должны осваивать функции стратегического планирования, программирования развития, объединения ресурсов и соединения наших конкурентных преимуществ.

Когда мы делали расчеты экономического эффекта интеграции, Институт народнохозяйственного прогнозирования посчитал, что к 2030 г. будет произведено товаров и услуг на 700 млрд дол. больше, чем если бы интеграции не было. Еще один расчет показывает, что при интеграции на 2030 г. мы будем иметь объем ВВП на 6,5% больше, чем имели бы без интеграции. Понятно, что эти расчеты достаточно условны, но интересно заметить, что на эффект общей стратегии в расчетах приходится две трети, т. е. сам по себе общий рынок, без общей стратегии развития, дает только одну треть эффекта. Вполне вероятно, рынок будет наполняться китайскими товарами, т. е. Таможенный союз будет создаваться для свободного обращения китайских и европейских товаров, если мы сами не сможем реализовать и соединить наши конкурентные преимущества.

Объединение таможенных территорий дает эффект, прежде всего, для отраслей с высокой добавленной стоимостью, там где много раз приходится пересекать границу в процессе кооперации производства. Для добывающих отраслей единая таможенная территория большого смысла не имеет. Надо сказать, что когда мы строили Таможенный союз, нас с энтузиазмом поддерживали машиностроители, агропромышленный комплекс, пищевая промышленность, но со стороны сырьевиков мы видели глухое напряжение. Это касается и нефтяников, и металлургов. Газпрому в рамках ЕЭП приходится снижать цены — у нас обязательство обеспечивать выравнивание цен на газ путем выхода на принцип равнодоходности поставок на всей единой таможенной территории. Таким образом, если мы не будем иметь стратегии развития, не будем стимулировать закономерности развития наших отраслей с высокой добавленной стоимостью, тогда и экономический эффект функционирования ЕЭП будет в 3 раза меньше, чем мог бы быть потенциально.

Какой может быть эффект в случае реализации осмысленной стратегии развития — показывает сегодня Белоруссия, которая специализируется на машиностроении и продовольствии. Это как раз те сферы, для которых таможенные границы являются серьезным барье-

ром и помехой для развития кооперации с российскими предприятиями.

Белоруссия имеет меньше 5% в доле совокупного ВВП Таможенного союза, а вот ее доля во взаимной торговле — 25%, т. е. белорусы в 5 раз интенсивнее используют единую таможенную территорию, чем их вес с точки зрения объема производства. И если посмотреть, из чего состоит конечная белорусская продукция, скажем, сельскохозяйственное или автомобилестроение, то там практически половина, а по некоторым позициям и две трети — российская комплектация. Важно сохранить Белоруссию как сложившийся генератор роста производства товаров с высокой добавленной стоимостью. Белоруссию можно критиковать с точки зрения мер экономической политики, недостаточной либерализации экономического регулирования, но фактом является то, что Белоруссия сегодня производит на 80% больше товаров, чем во времена Советского Союза. Это говорит о том, что система работает, как бы к ней ни относились, как бы ни пытались ее загнать в общие правила свободного рынка.

Если говорить о расширении Таможенного союза, то кандидат номер один — Киргизия. Киргизию мы уже давно могли бы присоединить, поскольку она — член ВТО, все законодательство Киргизии соответствует и адаптировано к законодательству Таможенного союза. В Киргизии за период после развала СССР практически полностью было разрушено машиностроение, связанное с оборонкой, но сохранились сельское хозяйство и легкая промышленность. Более того, легкая промышленность, основанная сначала на поддержке реимпорта китайских товаров, стала довольно развитой отраслью. Однако этот успех основан на контрафактной продукции, они шьют изделия с нарушением прав промышленной интеллектуальной собственности и поставляют ее на московский рынок. Бизнес очень выгодный — около 300% рентабельности, — и в настоящий момент это модернизированная отрасль с современным оборудованием, распределенная по большой территории Киргизии. В ней занято порядка 150 тыс. человек — для Киргизии это много. И мы понимаем, что включение Киргизии в единую таможенную территорию создает определенную угрозу экономическому успеху, который достигнут ценой, конечно, наших таможенных поступлений. Официально Киргизия импортирует 700 млн дол. из Китая с уплатой пошлин, а реально 7—8 млрд. Сейчас Киргизия оказалась в ситуации, когда этот бизнес может рухнуть, потому что Казахстан уже закрыл с ней границу — там колючая проволока, и уже переток товаров идет примитивным ручным способом, но это не те масштабы.

Таким образом, реимпорт контрабанды как вид деятельности нашими таможенными службами почти перекрыт. Остаются экспорт и импорт собственно киргизских товаров, сделанных из китайских комплектующих, тканей, фурнитуры. Часть готовых изделий поставляется на наш рынок с нарушениями прав промышленной и интеллектуальной собственности. Некоторые из этих фирм договариваются с нашей таможенной службой, чтобы она проверяла эти товары. У нас есть такая процедура — таможня обязана проверять соответствие этикеток правам собственности, но делается это не системно и не по всем товарам. Однако этот контроль расширяется, поэтому Киргизия понимает, что ей придется рано или поздно от контрафакта отказываться. И сейчас в московских супермаркетах можно увидеть костюмчики «made in Kyrgyzstan», которые по качеству ничем не отличаются от «made in Italy», потому что и то и другое сделано в Киргизии. И если они идут к нам в ТС, то мы этот бизнес легализуем, постепенно приводим в нормальное правовое русло, сохраняем, поскольку сохранить легкую промышленность можно только внутри Таможенного союза на сегодняшний день. И они это, наконец, поняли и стремятся к нам, потому что в этом случае получают беспощинные энергоресурсы.

Армения — еще один кандидат, с которым нет общей таможенной границы. Нам это не мешает теоретически. Есть опыт работы с Калининградской областью, но ясно, что отсутствие общей таможенной границы эффективность участия в единой таможенной территории снижает, потому что все равно остается таможенный контроль, хоть он и будет носить чисто технический характер. Экономические эффекты здесь невелики, и складываются целиком в пользу Армении: это опять же газ, нефтепродукты, защита прав мигрантов. Экономический эффект для единой таможенной территории хоть и невелик, но он тоже позитивен, так что сомнений в экономической целесообразности возвращения Армении к нам в ЕЭП нет.

С Таджикистаном главная проблема — борьба с наркотрафиком, пока мы ее не решим, правоохранные структуры будут высказывать беспокойство в случае снятия таможенных границ с этой республикой. Специализация Таджикистана тоже понятна: в основном это энергоемкие производства с большими политическими рисками. Важным аргументом в пользу участия Киргизии и Таджикистана в Таможенном союзе является аргумент политический: находясь внутри нашего таможенного пространства, они обретают большую политическую устойчивость. Видно, как тяжело Киргизии сохранять свою государственность, она постоянно подвергается серьезным испытаниям. Если Киргизия будет экономически внутри нашего общего пространства, властям Киргизии будет легче обеспечивать стабильность, и мы

общими силами можем помочь формированию киргизской государственности.

Главный вопрос завершения нашей единой таможенной территории — это Украина, потому что без ее участия Украины ЕЭП неполно. Украина поставляет нам машиностроение, продовольственные товары, является для нас транзитным государством по энергоносителям и в принципе по всем товарам в торговле с Европой. Участие Украины является естественным дополнением нашей таможенной территории. Экономические эффекты участия Украины очень большие: для Украины это плюс 18% ВВП к 2030 г., это примерно 300 млрд дол. производства товаров, для нас экономический эффект тоже положительный. Участие Украины делает наше единое экономическое пространство целостным, а без Украины оно остается недостроенным.

Сегодня с Украиной продолжают действовать более 1000 кооперационных связей в машиностроении, таможенный же барьер ощутимо мешает развитию кооперации. Более того, неопределенность, связанная с геополитическим выбором Украины, затрудняет долгосрочные проекты. У нас сегодня таких проектов много по всем отраслям. Они, можно сказать, не идут, потому что инвесторы, включая государство, не понимают, что будет на Украине через год, через два, через пять.

Все эти расчеты были широко представлены и обсуждены. Мы имели хороший коллектив ученых из российских и украинских академических институтов. В основном работал Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН и Институт экономики и прогнозирования НАН Украины. Были проведены расчеты по пяти разным сценариям. Самым эффективным для нас и, в особенности, для Украины является сценарий полноценного участия Украины в едином экономическом пространстве. По этому сценарию Украина сразу получает возможность сбалансировать свою торговлю — сегодня она сводится с большим дефицитом. Это даст возможность, в свою очередь, сбалансировать платежный баланс Украины. Каковы наши выгоды? Это — наращивание конкурентных преимуществ в самых важных для общей стратегии развития отраслях, особенно в наукоемком машиностроении.

В то же время подписание Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, которое предусматривает зону свободной торговли, для Украины оборачивается большим минусом. Увеличение импорта из Евросоюза примерно на 1,5—2 млрд — это опрокидывание торгового баланса в еще больший дефицит, а платежный баланс становится просто неподъемным. Сегодня долговая нагрузка — около половины ВВП, поэтому, когда украинское правительство все это посчитало,

оно начало осторожно намекать европейским партнерам: вы дадите нам 100 млрд евро? Для европейских партнеров это был неожиданный поворот в переговорах, потому что до последнего момента Украина выступала пассивно — она просто принимала европейский план присоединения.

И здесь необходимо акцентировать внимание на принципиальных различиях между европейской и евразийской интеграциями. Мы это хорошо почувствовали, участвуя в дискуссиях с украинскими и европейскими партнерами. Украина по этому Соглашению передавала бы свой суверенитет по всем торгово-экономическим вопросам Брюсселю, обязуясь строго следовать в кильватере его директив без права участвовать в их обсуждении и права получения каких-либо преференций при их имплементации. Подавляющее большинство этих директив должно было бы быть имплементировано Украиной в первые три года работы этого соглашения. Уже в первый год действия Соглашения зона свободной торговли распространилась бы на 70% товарных позиций. Уже через месяц после подписания соглашения, а в целом по истечению трехлетнего периода, Украина должна была бы практически полностью открыть свой рынок и перейти на европейские технические регламенты (примерно в 80% от общего объема правоприменения), выполнять европейские директивы в области госзакупок, субсидий. Иначе говоря, все вопросы, которые мы передали в Таможенный союз, Украина собиралась передать Брюсселю. За неукоснительным исполнением вышеназванных директив по всем направлениям торгово-экономических отношений следил бы специальный Совет ассоциации, в котором 50 на 50 сидят европейцы и украинские эксперты, при этом правила принятия решений не прописаны.

Ясно, что если бы подписание этого дискриминационного документа произошло, мы бы Украину как партнера потеряли. Потому что принимавшиеся ею на себя обязательства вступали бы в прямое противоречие с правилами работы ЕЭП, в рамках которого передаваемые на наднациональный уровень полномочия государств-членов ограничиваются сугубо экономическими вопросами в строго очерченных договорно-правовой базой интеграции рамках. Это, пожалуй, ключевое отличие ЕЭП от требований ассоциации с ЕС, предусматривающих слепое следование навязываемым директивам, в том числе по вопросам государственного строительства и военно-политического сотрудничества.

Еще одно важнейшее отличие — система принятия решений в рамках ЕЭП. Она основывается на полном равноправии сторон при том, что 85% экономического потенциала объединения несет Россия. Когда мы строили Таможенный союз, у России было 57% голосов, но

когда мы перешли к ЕЭП, то сознательно было принято политическое решение обеспечить одинаковое представительство по три человека в наднациональном органе, одинаковое членство в совете с правом «вето». Таким образом, каждый из партнеров по интеграции, вне зависимости от веса, имеет треть голосов.

Европейский союз по отношению с вновь появляющимися странами никаких переговоров вести не собирается. Принцип простой — вы нам подчиняетесь и работаете так, как мы вам скажем. Это принципиальное различие. Наблюдая за эволюцией Европейского союза, я прихожу к выводу, что мы имеем дело с новой реальностью — это некая бюрократическая империя, которой руководят примерно 50 тыс. еврочиновников, у которых явно есть заинтересованность в расширении. Главное действующее лицо здесь — Европейская комиссия. Обратите внимание, что в конфликте, например, между Грецией и Брюсселем, полную победу одержал Брюссель. В Греции — техническое правительство, то же самое касается и Италии, Испании, т. е. Южной Европы, которая пострадала от расширения Евросоюза больше всего.

Некоторые наблюдатели объясняют упадок Южной Европы тем, что появилась Восточная Европа и те ограниченные инвестиционные ресурсы, которые в рамках Европейского союза есть, были сосредоточены на Восточной Европе. Германия довольно большие инвестиции сделала. Южная Европа в этой ситуации оказалась неконкурентоспособной: рабочая сила дороже, претензий в обществе больше, трудовые ресурсы менее дисциплинированы и квалифицированы чем в Восточной Европе. Поэтому Южная Европа явно проиграла от расширения Евросоюза, но ее мнения никто не спрашивает, хотя там присутствуют страны, которые традиционно являются основой европейской интеграции.

Таким образом, в лице Европейского союза мы имеем не отдельные страны, а мощную бюрократическую империю, у которой есть свои интересы, не совпадающие с интересами отдельных государств, и в этом большая слабость Европейского союза.

Мы многое из опыта Европейского союза учли. Однако, сравнивая европейскую интеграцию и евразийскую интеграции, можно подтвердить — это разные системы. Казалось бы, Европейский союз сегодня намного мощнее нашего Евразийского союза. Но идеологически, как мне представляется, возможностей у нашего расширения больше, потому что мы уважаем национальный суверенитет. Как бы странно это ни прозвучало с учетом нашей многовековой истории централизованного государства. Сегодня мы строим евразийскую интеграцию по заветам князя Трубецкого и Л. Гумилева. Гумилев под-

черкивал, что объединение должно идти с полным уважением суверенитета друг друга, без навязывания силы, на основе доброжелательности и взаимовыгодности. Так и устроена сегодня наша конструкция.

Можно сказать, что есть интеграция естественная и есть противоестественная. То, что делаем мы, — естественная интеграция, — она взаимовыгодна и никому вреда не приносит. То, что делает европейская бюрократическая империя на восточной своей части, — это противоестественная интеграция. Обратите внимание, Прибалтика, которую они «скушали», не только не стала экономическим чудом, и превращается в пустыню. Молодые уезжают в Европейский союз и возвращаться не собирается. Болгария тоже испытывает депопуляцию, оказалась в состоянии полной экономической катастрофы благодаря Европейскому союзу, который запретил там строить атомную электростанцию с нами, наложил ограничения на сельское хозяйство и т. д.

В заключение последнее наблюдение: у нас тоже есть болезнь бюрократизации. По европейскому опыту я хочу предложить научную гипотезу: чтобы интеграция была устойчивой, нужно чтобы бюрократический аппарат наднациональных органов был меньше бюрократического аппарата самой маленькой страны, участвующей в интеграции.

А.Ю. АРХИПОВ

Единое евразийское пространство — неотъемлемая составляющая современного многополярного мира

Аннотация. Исследуются состояние, значение, движущие силы процесса евразийской интеграции. Анализируются условия развития России, необходимые для дальнейшей успешной интеграции на едином Евразийском пространстве, превращения его в один из значимых полюсов современного многополярного мира.

Ключевые слова: глобализация, многополярность, региональная экономическая интеграция, Евразийское экономическое пространство, Евразийский союз.

Abstract. In the article the status, the importance, the drivers of Eurasian integration are examined. The author analyzes the conditions of Russia's development that are necessary for further successful integration into a single Eurasian space, turning it into one of the most important poles of the modern multipolar world.

Keywords: globalization, multipolarity, regional economic integration, the Eurasian Economic Space, the Eurasian Union.

В современных условиях, когда глобализация все больше предстает как развитие многополярного мира, усиливаются как глобальные игроки, так и региональные лидеры, исследование характеристик, особенностей интеграционных процессов, во-многом обеспечивающих это усиление, приобретает все возрастающее значение. Формирование одного из таких полюсов современного глобального мира как раз происходит в рамках создания единого евразийского пространства, обустройства Россией на базе Содружества Независимых Государств (СНГ), Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана (ТС). Формирование евразийского пространства вступило в новую фазу после создания в 2012 г. Единого экономического пространства Белоруссии, Казахстана и России (ЕЭП), объединяющего 170 млн человек и 15% мировой суши [1].

Это событие стало результатом того, что Россия за последние десятилетия укрепила свои позиции в мире. Так, в 2012 г. Российская Федерация занимала 8-е место в мире по показателю ВВП, а по уровню ВВП по ППС — 6-е место [2]. Для сравнения, еще в 2000 г. Россия занимала по этим показателям 18-е и 10-е места соответственно. По уровню ВВП на душу населения также отмечается рост с 88-го места в мире в 2000 г. до 48-го места в 2012 г. [2]. Важно отметить, что если по индексу мировой конкурентоспособности Россия уступает другим странам БРИКС [3, 15], то по условиям ведения бизнеса в 2013 г. наша страна уже опередила Бразилию, Китай, Индию [4, 3].

Укрепление экономических позиций влечет за собой усиление политического влияния России в мире. За прошедший год именно руководство России способствовало недопущению агрессии против Сирии, предоставило временное убежище бывшему сотруднику ЦРУ и Агентства национальной безопасности США Эдварду Сноудену, раскрывшему секретную информацию о деятельности американских спецслужб, способствовало приостановлению подписания Соглашения об ассоциации Украины с Европейским союзом. Это вызвало активное противодействие, была поддержана во многом организованная смена власти на Украине. Предстоит выстраивать отношения в новых складывающихся условиях.

Все эти процессы предполагают необходимость продолжать целенаправленную деятельность по развитию интеграционных процессов, форма которых может и должна быть охарактеризована как «союз», первоочередное значение в котором должна иметь экономическая составляющая. Несмотря на то, что современная Россия суще-

ствует только 20 лет, с точки зрения исторического процесса такой союз имеет своими предшественниками Российскую империю, Советский Союз, история которых ведется от Киевской Руси. Именно такое видение интеграционного объединения позволяет понять его нынешнее состояние, проблемы, возможности и перспективы. Непросто это. Соппротивление глобального центра, препятствующего процессам становления многополярности, велико.

Очевидно также, что успешной, эффективной интеграция в постсоветском пространстве может быть только в том случае, если будет выполнен ряд условий, прежде всего со стороны России.

Во-первых, необходимо достижение перелома, о котором давно говорится: преодоление сырьевой направленности экономики России, в том числе за счет интенсивного и эффективного развития собственно сырьевого сектора экономики, преимущественное развитие обрабатывающей промышленности, производства товаров с высокой добавленной стоимостью, внедрение достижений науки, трансферт технологий, использование имеющегося научно-технического потенциала в целях постепенной переориентации с экспорта сырья на производство и экспорт высокотехнологичной продукции. Только гармоничное развитие экономики России может сделать привлекательным евразийское объединение для партнеров не только из СНГ, но и из других стран.

На это должна быть направлена экономическая политика государства в центре и в регионах, средства стабилизационных фондов, естественно, в определенных пределах. Примеры эффективного развития высокотехнологичных производств в нашей стране есть, они умножаются. К ним относятся, например, такие предприятия Ростовской области, как компания «Атлантис-Пак», в которой была создана линейка новых высокотехнологичных продуктов, с производством которых компания вошла в тройку крупнейших мировых производителей пластиковой оболочки для колбас, сыров и поставляет свою продукцию в 70 стран, в том числе в Северную и Южную Америку, Европу, Юго-Восточную Азию [5]; ОАО «Роствертол», входящее в холдинг «Вертолёты России» — производитель востребованных и создаваемых с использованием самых современных технических достижений гражданских и военных вертолетов; ОАО «Таганрогский авиационный научно-технический комплекс им. Г.М. Бериева», производящий в том числе многоцелевой самолет-амфибию «Бе-200», прорывающийся на мировой рынок, и др. Необходима дальнейшая системная, целенаправленная работа по поддержке развития высокотехнологичных производств.

Во-вторых, развитию интеграционных процессов должны способствовать и принимаемые меры по адаптации экономики России к функционированию в условиях ВТО, официальным членом которой Россия является с августа 2012 г. Вступлению России в ВТО предшествовала многолетняя проработка условий вхождения в эту международную организацию, и важно, чтобы этот опыт, достигнутые договоренности способствовали улучшению условий для вхождения в ВТО других участников Таможенного союза и ЕЭП — Белоруссии и Казахстана. Для региональной интеграционной группировки особенностью членства в ВТО является приоритет обязательств страны в рамках ВТО перед ее обязательствами в рамках, например, такой группировки, как Таможенный союз (ТС), что связано с более широким кругом правовых вопросов, охватываемых нормами и правилами ВТО. Вместе с тем возможные разногласия между членами ТС из-за присоединения России к ВТО не должны стать препятствием евразийской интеграции, так как возникают не только риски, но и новые возможности для членов ТС.

В-третьих, важно укрепление финансовой составляющей, обеспечивающей развитие интеграционных процессов на евразийском пространстве. Это, в первую очередь, реализация проекта создания Международного финансового центра в Москве (МФЦ). МФЦ призван стать ядром российской и региональной евразийской финансовых систем и неотъемлемой частью глобального процесса взаимодействия инвесторов и организаций, нуждающихся в привлечении капитала [6].

В-четвертых, представляется очень важной та работа, которая ведется в последнее время по укреплению обороноспособности России. Развитие евразийской интеграции должно сопровождаться и развитием сотрудничества в сфере безопасности, которым на евразийском пространстве занимается Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Концепция коллективной безопасности государств — участников ОДКБ направлена на обеспечение их суверенитета и территориальной целостности, предотвращение и устранение угрозы миру, совместную защиту от агрессии [7]. В условиях усиливающейся борьбы за развитие интеграционных группировок эта деятельность становится все более необходимой. Поэтому, укрепление оборонной составляющей России представляется важным условием дальнейшего развития евразийской интеграции.

Выполнение всех названных условий будет способствовать становлению Евразийского союза, обретению им достойного места в современном мире, созданию комфортных условий для жизни, ведения бизнеса, минимизации факторов нестабильности, рисков для

стран-участниц. Предстоит обеспечивать дальнейшее развитие Евразийского союза в направлении как большей самодостаточности экономического развития, военной безопасности, принятия политических решений, так и активного и равноправного участия в международном сотрудничестве. Таким образом, единое евразийское пространство, Евразийский союз, объединенные общностью природно-географических, инфраструктурных, социально-культурных, исторических и других факторов, становятся одним из значимых мировых «полюсов», участники которого вместо пребывания в положении стран, попадающих в зону столкновения интересов существующих мощных мировых лидеров, со всеми вытекающими отсюда последствиями, могут взаимовыгодно и стабильно совместно развиваться как неотъемлемая, значимая составляющая современного многополярного мира, эффективно взаимодействуя с другими его частями.

Литература

1. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии // www.eurasiancommission.org/ru.
2. World Economic Outlook Database October 2013 // www.imf.org.
3. Global Competitiveness Report 2013—2014. Geneva: World Economic Forum, 2013 // www.weforum.org.
4. Doing Business 2014. Understanding Regulations for Small and Medium-Sized Enterprises. 11th Edition. Washington: The World Bank, 2013 // www.doingbusiness.org.
5. Официальный сайт компании «Атлантис-Пак» // www.atlantis-pak.ru.
6. Официальный сайт международного финансового центра // www.mfc-moscow.com.
7. Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности от 10 февраля 1995 г. // www.odkb-csto.org.

С.А. МАРКОВ

**Проблемы евразийской интеграции: конкуренция
и борьба мировых проектов**

Аннотация. Рассматриваются мировые проекты, определившиеся в процессе глобализации, конкуренция идей мировых проектов и их борьба за ресурсы. Ставится вопрос о необходимости формирования для России собственного проекта.

Ключевые слова: глобализация, мировые проекты, субъектность.

Abstract. The article is devoted to the world projects which were defined in the course of globalization, the competition of ideas of world projects and their fight for resources. The question of need of formation for Russia of own project is raised.

Keywords: globalization, world projects, subjectivity.

В XXI в. ведущим процессом в мире является процесс глобализации. Сегодня рамках глобализации выделилось несколько *успешных мировых проектов*.

Первый — *Евросоюз* — это, безусловно, успешный проект. Сейчас уже очевидно, что Евросоюзу удастся без больших потерь выйти из нынешнего кризиса — и при этом даже более интегрированным. Конечно, можно сказать, что это транснациональный проект европейской бюрократии, или диктатура европейской бизнес-бюрократии. Отметим здесь, что и наш правящий класс — это бизнес-бюрократия.

Второй успешный проект — *Китай*.

Третий — *Англосаксонский мир*: Северная Америка, Британия, Австралия и т. д.

Четвертый — *Восточно-Азиатское кольцо стран* — Япония, Южная Корея, Сингапур и т. д. — динамически развивающиеся азиатские юго-восточные страны.

Эти мировые успешные проекты естественно начинают конкурировать и бороться за периферию. Идет борьба проектов за зоны влияния идей, борьба за так называемые неуспешные территории — Большой Средний Восток, Арабский мир, Иран, Южный Кавказ, Африку, Восточную Европу, включая Центральную Россию, Украину, Сибирь, Дальний Восток, Центральную Евразию и т. д. Цель успешных проектов — поставить под контроль и получить для себя ресурсы с периферийных территорий. Эти силы ждут очередного витка дезинтеграции. Отсюда, в частности, и давление на наш Северный Кавказ.

А что же Россия? Очевидно — мы должны защитить себя от очередного этапа разграбления. Сами. Цель мировых проектов — контроль над нашей цивилизацией, которую можно назвать восточно-европейской православной ветвью европейской христианской цивилизации. Все эти процессы, конечно, длятся годами, десятилетиями.

Что в этих условиях делать России? Известно изречение: «кто не кормит свою армию — начинает кормить чужую», в новых же условиях — в условиях проектного мышления — эта формула выглядит так: «кто не имеет своего проекта, работает на чужие».

Сам смысл проектов — включать, втягивать чужие ресурсы в свой проект.

Соответственно речь должна идти о формировании собственного проекта. Чтобы сформировать свой проект, необходима *субъектность*. Нет проекта без субъекта, т. е. важно воссоздать системную, многоуровневую субъектность.

Есть несколько уровней субъектности.

Первый — государственная субъектность, становление и интеграция государственных институтов. Евразийское сообщество — это и есть становление государственной субъектности.

Второй — экономическая субъектность, общая экономическая стратегия развития, общий рынок, защищенные тарифы. Это исключительно сложная задача — принимать общие решения в противовес чужим проектам, будучи от них зависимыми, что характерно для многих стран периферии.

Следующий — субъектность культурная. Необходимо иметь собственную систему образования. Элита должна учиться не в западных университетах, а в отечественных, что важно для того, чтобы сохранилась страна. Это должно стать общественным требованием к нашей элите. Коммерциализация образования подрывает культурную субъектность. В этом случае наше образование не выдержит конкуренции, т. е. оно может быть отчасти коммерческим, но не полностью.

Должна быть собственная культура. С позитивными гуманистическими ценностями. И собственная массовая культура. Свои фильмы. Свои позитивные ценности. Нельзя сохранить свою идентичность, если 90% художественных фильмов — продукция чужого проекта.

Следующее — элитная субъектность. У нас нет своей элиты, а есть офшорная олигархия, которая стремится стать элитой, причем сословной элитой.

Что такое протест людей против «мигалок»? — это протест против стремительно консолидирующей сословной организации общества, когда люди разделяются на людей первого и второго сорта.

Или же закрепление детей чиновников категории «А» на ключевых профессиональных позициях, позициях глав корпораций и т. д. Это все элементы сословной организации общества, которая не дает возможности обновляться обществу, высшим слоям.

У нашей элиты нет идеи служения обществу, своей стране — это должно быть сформировано.

Следующая задача — формирование ценностной идентичности, ценностной субъектности. Нашу идеологию общества можно описать как карикатурную форму потребительской идеологии. Общество бьется в потребительской истерике, нет содержательной траектории развития.

Нужно сформировать ценностную идеологию, отличную от потребительской. Здесь есть некоторые позитивные тенденции, сегодня происходит моральная эволюция внутри среднего класса. Средний класс формировался на основе идеологии гламура и прославления подлости. Сейчас же развивается мощное общественное движение — возрождение моральных ценностей (Ксения Собчак: «Раньше была модна “аморалка”, сейчас — “моралка”»). В стране должна культивироваться идея духовности как альтернатива языческому культу гиперпотребления. Здесь важны идеи православия, которые работают на эту духовность.

Следующее уровень субъектности — идея идентичности — это наличие «общего общества», если можно так сказать. Должна быть идентичность «Мы». Важно понимать — кто такие «Мы». Для этого нужны общение, единое информационное и культурное пространство. Люди должны общаться (и на конференциях тоже). Иногда меня спрашивают — а в чем результат? Результат форумов — сам форум — здесь возникает общая профессиональная идентичность. Общая социальная идентичность.

Кто должен войти в наше общее пространство для формирования общей идентичности, в общую субъектность? Представляется, в наше евразийское пространство должны войти страны, отличающиеся некоторыми общими характеристиками, находящиеся к востоку от Евросоюза. У этих стран нет шансов стать полноправными членами Евросоюза, но есть возможности превратиться в полуколониальных членов этой ассоциации (что предлагается, в частности, сейчас Украине). В то же время мы разделяем общие европейские ценности — и хотим построить институты — по типу институтов Евросоюза — но без крайностей Евросоюза — есть вещи, которые для нас неприемлемы.

Ресурсы у нас есть — культурные, человеческие, природные, экономические. Все у нас получится!

И.Р. БУГАЯН

**Россия в современном мировом хозяйстве:
приготавливаемое ей место и субъективно ощущаемое
«не так сидим»**

Аннотация. Для настоящего времени характерно одновременное и вынужденное сосуществование всевозможных империй. Поскольку факторы производства всегда строго субординированы, то и империи, возникшие в период доминирования одного из них, — тоже. Каждая из них, чтобы выжить, должна специализироваться на развитии фактора, на основе которого когда-то возникла, обеспечивая его соответствие ныне доминирующему — предпринимательству — на основе новых информационных технологий. Россия как империя возникла на основе доминанты земли и таковой остается и по сей день, преимущественно опираясь на этот фактор производства.

Ключевые слова: доминантный фактор производства и товар; их субординация и влияние на субординацию ныне существующих империй; место и миссия России в их системе.

Abstract. For the present the simultaneous and compelled coexistence of various empires is characteristic. As factors of production are always strictly subordinated, the empires which have arisen on its basis in the period of domination of one of them too. Each of them to survive, has to specialize on development of a factor on the basis of which once it arose, providing its compliance to nowadays dominating, to business on the basis of new and information technologies. Russia as the empire arose on the basis of a dominant of the earth and that remains, to this day, mainly leaning on this factor of production.

Keywords: main factor of production and goods; their subordination and influence on subordination of existing empires; place and mission of Russia in their system.

В современном мире уже много лет нет глобальных войн, столкновений. Одновременно сосуществуют империи, сложившиеся в разное время и соответственно на основе различных, доминирующих тогда факторах производства.

Россия сохраняется как империя, но на основе доминанты фактора производства «земля». Земля как кормила нас в прошлом, так кормит нас и сегодня.

Изменилась содержательная часть того, что мы сейчас продаем на международном рынке, но суть сохраняется. Когда мы отправляем

за границу по трубопроводам газ, нефть или иными видами транспортных средств руду, лес, мы продаем часть нашей земли.

Мы возникли на основе земли в момент доминирования этого фактора и продолжаем жить за его счет. Наша империя «не новая», и мы в чем-то продолжаем жить тоже по-старому.

Однако за несколько столетий многое изменилось: земля как фактор производства утратила в мировом хозяйстве доминантные свойства. Ни наше население, ни бюджет российского государства не могут извлечь из нее доход, сопоставимый в неизменных ценах с прежними временами, например, периодом царствования Екатерины II. Причина в том, что в современном мире место земли как доминантного фактора производства заняло запрещенное в СССР частное предпринимательство. Именно оно, наряду с государственным предпринимательством, стало ныне доминирующим фактором производства, т. е. фактором, инвестиции в который дают наивысший хозяйственный результат.

И это не все! Само частное предпринимательство стало другим; его современная форма основывается на совершенно иных доминантных товарах, сама собственность на которые является достаточным основанием для присвоения прибавочного продукта.

Речь идет о вызванных НТР и НТП новых и информационных технологиях.

Ныне разрешенные — частная собственность и частное предпринимательство — сами по себе ни России, ни другим странам ничего существенного дать не могут и не дали ни в росте эффективности, ни в качестве производимых товаров. Они не вбирают и не используют, в отличие от периода нэпа, когда доминировал капитал, ныне доминирующие фактор производства и товар — предпринимательство на основе новых и информационных технологий.

Нынешние российские частная собственность и предпринимательство преимущественно не современны. В своем большинстве они из прошлого, предпочитают опираться на капитал, землю — на что угодно. Главное для них — избежать хлопот с НТР и НТП, создающими основу общепризнанного в мире всеобщего богатства — новых и информационных технологий. Между тем без них невозможно полноценно участвовать в международных распределительных отношениях, позволяющих присваивать мировой прибавочный продукт на основе лицензионных договоров и договоров о совместной деятельности.

Несмотря на обилие ошибок в выборе направлений развития страны в прошлом, стратегически главное — именно то, что в России было сделано основательно и с большим запасом прочности, сохране-

но. Оборонно-промышленный и авиакосмический комплексы, в целом, продолжают оставаться конкурентоспособными. В отдельных стратегически значимых направлениях удалось добиться ощутимых результатов, которые, в частности, проявились в ходе как запланированных, так и «незапланированных» (в Средиземном море) недавних пусков ракет.

Расходы России на дальнейшее освоение космического пространства стали сопоставимы с бюджетом ЕС на эти же цели — около 4 млрд евро (в США — 18 млрд дол.; расходы Китая закрыты). Объявлено о планах вывода в космос уникальной российской обсерватории по дальнейшему изучению околоземного и более отдаленного пространства, предусмотрены посещения Луны тремя российскими аппаратами для размещения на ней в будущем российской базы, имеющей как фундаментальные, так и прикладные научные и иные цели.

В своем телевизионном интервью 5 января 2014 г. министр обороны России С.К. Шойгу подтвердил, что действительно проявились соседи, имеющие претензии в отношении нашей кормилицы-земли. И дал понять, что применительно к России силовыми методами эти претензии материализовать трудно, если можно назвать трудным то, что невозможно.

Обеспокоенность граждан России вполне понятна. Землю как фактор производства, который как в прямом, так и в переносном смысле нас кормит, надо охранять. Если этого не делать, то им обязательно попытаются воспользоваться другие.

Все наши сегодняшние усилия по укреплению обороноспособности страны вызваны не только общенациональными интересами безопасности, но и тревогой той части наших сограждан, интересы и доходы которых в разных формах (прибыль, рента, зарплата) непосредственно связаны с месторождениями природных богатств России. Те из них, которые, являясь собственниками, «сели» на трубы, транспортирующие нефть, газ, другие природные богатства, наконец, стали понимать, что, если нефтеносные земли, трубопроводный и прочий их капитал не охранять на государственном уровне, то они могут лишиться всего. Поэтому их отношение к выплате сравнительно небольших в сопоставлении с другими странами налогов (13% от прибыли против 60%) стало меняться. В государственном бюджете появилось больше средства для обеспечения надлежащей безопасности страны.

Мы — империя, но империя, которая, несмотря на успешно проведенную индустриализацию, продолжает во многом зависеть от

прежнего, средневеково-доминирующего фактора производства — земли.

Если российский народ и страна в целом живут во многом за счет земли, то неизбежно возникновение соответствующих хозяйственных отношений, которые не могут в этом случае ни носить оттенка феодализма, в том числе и в экономической политике. Поэтому у нас больше всего ценят, возможно, вынужденно, предпринимателей, связанных с землей. Что бы с ними ни происходило, они оказываются более терпеливыми и приспособляемыми.

Дело, связанное с землей, перенести куда-то сложно. А бросить — значит лишиться ставшего привычными не только дохода, но и образа жизни в целом.

Эффективность современного предпринимательства — на основе новых и информационных технологий — по сравнению с предпринимательством, связанным с землей, несмотря на «высокие цены» на нефть, газ и др., объективно и несравненно выше.

Программный продукт «Windows» семилетней давности исправно приносит доход и сегодня. Издержки же на его поддержку несопоставимо малы по сравнению с издержками на поиски, обнаружение, добычу (часто в труднодоступных местах), хранение, транспортировку и т. д. нефти, газа или любого другого природно-земельного блага.

Природные кладовые земли ограничены, интеллектуальные же возможности, а значит, и соответствующая собственность как результат предпринимательской деятельности в этой сфере от подобных ограничений свободны.

Возникшее противоречие между непрерывно и лавинообразно нарастающим человеческим интеллектом, соответствующими технологиями, создаваемыми им, и освоенными ограниченно-природными ресурсами пока не носит антагонистического характера. Но со временем оно неизбежно обострится и настоятельно потребует освоения — сначала околоземного, а затем и прилегающего космического пространства.

Рассчитывать на успех в этом беспрецедентном по масштабам и глубине деле можно лишь при одном условии — тесном сотрудничестве империй, которые возникли в разное время и на основе различных факторов производства, доминирующих в прошлом. Причем каждая из них, развивая как бы «свой» доминирующий фактор производства, в кооперации с другими, вынужденно стремится привести его в соответствие с ныне доминирующим фактором производства — доминирующим в настоящее время. И это уже происходит.

С современным предпринимательством, успешно развиваемым странами «золотого миллиарда», входящими в ЕС, вынуждены приводить в соответствие:

- труд в странах, принимающих их технологии на основе лицензионных соглашений и договоров о совместной деятельности, — Китае, Индии, др.;
- землю в странах, обеспечивающих новые и информационные технологии необходимыми энергоносителями, сырьем, предметами труда — Бразилии, Индонезии, России, Саудовской Аравии, др.;
- капитал, создаваемый в США, ЕС, Японии,купаемый, прежде всего современной мировой фабрикой — Китаем и прочими «тиражерами» товаров массового спроса на основе новых и информационных технологий, принадлежащих гражданам стран «золотого миллиарда».

Таким образом, происходит нечто совершенно новое. Вместо постоянных антагонистических противоречий, ведущих с неизбежностью к войнам, приходит другая неизбежность — межимпериальная специализация и соответственно разделение как бы «обязанностей» по развитию каждой империей «своего» фактора производства.

В этот процесс, вслед за странами-лидерами, империально связанными новым (пофакторным) международным разделением труда, по существу, во вновь образовавшееся сообщество, формирующееся под влиянием современного предпринимательства, вовлекаются и другие страны — страны-аутсайдеры. Они, в свою очередь, начинают создавать на своем уровне аналогичные, пофакторно специализирующиеся сообщества. Это, как правило, вызывает раздражение стран «золотого миллиарда», гражданам которых принадлежит 95% всего современного богатства — доминантного товара, которым сегодня располагает человечество, и примерно столько же функционирующего доминантного фактора производства мира — предпринимательства на основе новых и информационных технологий.

При таком крайне неравномерном, не имеющем аналогов в прошлом распределении современного богатства нетрудно понять мотивы поведения политиков стран «золотого миллиарда». Их тревожит возникающее обилие участников мирового хозяйства, пытающихся стать на его поле полноправными «игроками» с амбициями, не укладывающимися в негласную «табель о рангах». С ними трудно договариваться!

Труд и землю как факторы производства мирового хозяйства представляют страны БРИК. Современное предпринимательство и капитал — страны «золотого миллиарда». Можно еще принять во внимание дружественные страны, богатые нефтью, газом и другими

полезными ископаемыми. А что делать с другими, особенно теми странами, которые тоже располагают немалыми богатствами своих недр, но не дружелюбны и не знают «своего места»?

Выход был найден. Надо «помочь» народам этих стран освободиться от «неправильных правительств». Методы, примененные в Сербии, Ираке, Ливии, а теперь в Сирии и даже уже на территории СНГ — на Украине, а ранее в Грузии, не исключают прямого военного вмешательства.

Страны «золотого миллиарда» понимают — это опасно. Но большинство из них либо империи, либо — в империи. Следовательно, политика у них не может быть иной — неимперской. Ее суть была, есть и будет всегда и везде экспансионистской. Договоры между империями — оплотом демократии и либерализма в лице ЕС и «зла» в лице СССР — относительно сфер влияния и суверенных территорий оказались обязательны только для России.

Ничего нового! Для более сильной стороны межимпериального договора, в данном случае — ЕС, его выполнение оказалось необязательным. «Не корысти ради, а токмо волей...» нерушимых принципов демократии, волеизъявления народов и, конечно же, поддержки вездесущих США Россия не только была вытеснена из Восточной Европы, но и лишилась части своих исконно имперских территорий. И не только в Прибалтике!

Надо иметь в виду, что одновременно и параллельно с нами столетиями существуют другие империи. Некоторые из них насчитывают тысячелетние истории и основаны тоже не на современном доминирующем факторе производства: Китай и Индия возникли раньше России — на основе доминанты труда. США — позже — на основе доминанты капитала. У всех у них соответственно свои так называемые «оттенки».

Единственная империя, впервые и недавно возникшая на основе современного предпринимательства и продолжающая свое развитие, преимущественно на его основе — это ЕС.

Раньше между зарождающимися империями и теми, которые возникли до них, на основе предыдущего доминирующего фактора производства, были неизбежны антагонистические противоречия. Они, как правило, разрешались войнами. Достаточно напомнить о трех Пунических войнах между Римом и Карфагеном, продолжавшихся 140 лет, которые закончились лишь тогда, когда Карфаген был повержен, а земля под ним была вспахана с солью в знак того, чтобы ничего подобного на этой земле больше никогда не произрастало.

В этом знаковом действии не содержалось намерения уничтожить и предыдущий имперский этнос — финикийцев, населявших город Карфаген.

Раньше в межимперских столкновениях античного и феодального периодов, возникших на основе иных факторов производства (отличных от капитала), жители поверженных территорий только лишь из-за своего этнического происхождения уничтожению, как это произошло при капитализме XIX в. с коренным населением Америки и XX в. — Малой Азии и Европы, не подлежали.

Сейчас времена другие. Наличие у всех, по крайней мере, у большинства нынешних империй «оружия сдерживания» вынуждает их сосуществовать одновременно и относительно мирно. Но дело не только и не столько в этом.

Главное — завершился шеститысячелетний цикл, в течение которого происходило полное перемещение доминантных свойств между всеми факторами производства, совпавшее с феноменальным природно-астрономическим явлением — парадом планет.

Начало каждому последующему подобному циклу определяет возврат доминантных свойств — после труда, земли и капитала вновь к фактору производства — предпринимательству и соответствующему ему доминантному товару.

Шесть тысяч лет назад предпринимательство было посредническое, а его доминантным товаром являлось золото; ныне предпринимательство стало иным. Оно основывается на достижениях НТР и НТП, а в качестве доминантных товаров используются новые информационные технологии.

Каково предполагаемое место, которое должна занимать Россия в этом новом цикле и современном мировом хозяйстве? Место, которое никого бы не тревожило, не ущемляло, ни у кого ничего бы не только не отнимало, а, наоборот, было бы желательно для всех; совпадало бы и с чаяниями, и надеждами как непосредственных соседей, так и прочих стран мирового сообщества?

Нам представляется, что необходимо заниматься альтернативными энергиями и снабжением земель не только и не столько сырьем, извлеченным непосредственно из земли, как это происходит сегодня, а предметами труда и энергией, в том числе космического происхождения, создаваемыми на основе отечественных новых и информационных технологий. Дальнейшее освоение космического пространства было, есть и должно остаться навсегда первейшим стратегическим приоритетом нашей страны — первопроходца, пионера, открывшего другим народам путь из общей земной колыбели человечества в их

безбрежное будущее. Именно в этом направлении должна развиваться экспансионистская суть империльности России.

Сейчас мы это направление общечеловеческой стратегии в одиночку развивать не в состоянии, и необходимость в ней не острая. Но возглавить обязаны!

Имея такое богатство, как обширные земля и ее недра, возникает забота: надо все это сохранить и наилучшим образом тактически использовать для достижения названных стратегических целей.

Китай имеет доминирующим фактором производства труд, который предшествовал доминанте земли. Это еще дальше от современного предпринимательства, чем земля.

Большую заботу вызывает у других империй изменяющееся положение США в мировом хозяйстве. США стали сдавать свои позиции относительно недавно — пропорционально утрате в мировом хозяйстве доминантных свойств фактора производства — капитала, на основе которого страна возникла. Отсюда разнообразные и понятные предчувствия и политиков, и населения страны, тревоги и сопутствующая им повышенная агрессивность.

Империям необходимо сосуществовать. Англия безупречно соответствует этой необходимости: она имеет большой исторический опыт имперского сосуществования, обладает видением и чувством меры. Это способствует тому, что мировой центр современной «предпринимательской мастерской» медленно, но верно перемещается в Европу. Более точный адрес этого перемещения — Соединенное королевство, которое в силу этого постоянно пытается в ЕС занять какое-то особое место.

Королевство сохранило свою валюту, а также другие отличительные черты и даже объявило о намерении провести в стране референдум по выходу из ЕС, что, на наш взгляд, в лучшем случае блеф, в худшем — приведет к непростительной ошибке.

Существует мнение, что СК — это не Европа, или, скажем так, не совсем Европа. На наш взгляд, это следствие извечного стремления Англии чем-то отличаться от других членов «своей стаи».

Уместно напомнить, что Великобритания в прежние времена была неоднократно подвергнута европейской колонизации; вторично после римлян-рабовладельцев завоевана норманнами — феодалами из Европы. Вся ее территория, согласно книге «Страшного суда» Вильгельм Завоевателя, была поделена между его рыцарями, потомки которых до сих пор заседают в Палате лордов СК. Пройдя рабовладельческую и феодальную стадии европейской колонизации, никто не может отличаться от Европы настолько, чтобы стать не-Европой.

Вторая нынешняя межимперская необходимость — *сотрудничать пофакторно*. Она предполагает, что каждая империя развивает свой фактор — фактор производства, на основе которого она возникла в прошлом или формируется ныне.

Китай и Индия — старые империи, возникшие на основе доминанты фактора производства — труд и доминантного товара — рабы. Примечательно, что труд как доминирующий фактор в этих странах претерпел спустя тысячи лет как бы второе пришествие.

Нечто подобное должно произойти и в России, но уже с иным, для нее характерным, доминирующим фактором — землей — в том аспекте, который был нами предложен выше.

Смысл и побудительный мотив второго пришествия названных факторов производства в перечисленных империях в том, что они должны получить в них такое развитие, которое обеспечивает их соответствие современному общемировому доминирующему фактору производства — предпринимательству на основе новых и информационных технологий. Это необходимое условие полноценного участия этих стран в современных мирохозяйственных отношениях.

Невозможно не заметить, что фактор производства «труд» и в Китае, и в Индии за исторически ничтожное время получил фантастическое развитие и оказался способным, сохраняя свою относительную дешевизну, производить по технологиям, предоставленным предпринимателями стран «золотого миллиарда», наукоемкую продукцию, соответствующую платежеспособному спросу мирового рынка. То же, но впервые с фактором производства «труд» происходит и в Бразилии.

Все империи полиэтничны. Но ведущий этнос всегда присутствует. Это третья необходимость. Она не зависит от того, существовал ли этот этнос раньше, до приобретения статуса ведущего, или возникает сейчас вместе с факторной доминантой рассматриваемой империи.

Внешним признаком существования такого этноса является принадлежность наиболее распространенных в межэтническом общении языка, денег, инструментов, оружия, блюд кухни, бытового и общественного уклада. Перечень можно продолжить.

Возникновению имперского этноса русских положило начало разразившаяся в золотоордынской империи междоусобица. По существу, это была «гражданская» война, в которую ее западная окраина — Русь — была вовлечена, вынужденно приняв на свою территорию несколько сот самых знатных чингизидов, уцелевших после кровавого пира, учиненного ханом Узбеком.

Буквально за несколько дней Москва, куда они прибывали вместе со своими сторонниками, невероятно усилилась. Де-факто, она вобрала в себя носителей интеллектуально-империальной субстанции тогдашней ордынской империи. Потомки этих золотоордынцев, победив совместно со знатью московской в судьбоносном сражении на Куликовом поле, вошли в аристократический костяк следующей за ордынской — уже Российской — империи.

Через конкретных людей, принявших участие в конкретных судьбоносных исторических событиях, произошел синтез двух империальных культур: римско-византийской, представленной Русью, и золотоордынской, положивший начало формированию современного евразийства вообще и российского этноса и Российской империи в частности.

Русские как статусный этнос формировались в ходе длительной гражданской войны в Золотой Орде, в которой приняли участие практически все населявшие ее этносы. Это проявляется как в необычайном многообразии народов, проживающих на территории Дагестана, где произошло решающее сражение, так и в самом названии статусного этноса. На вопрос «кто вы?» получаешь ответ в виде прилагательного: «мы русские», т. е. именно *какие*, а не *кто*!

Именно они — *какие* — вызвали со временем трансформацию золотоордынской империи в империю российскую, с центром — Москва. А столетия спустя «красные», победив в новой гражданской войне, дали жизнь в начале XX в. на этой же территории новой империи — Советскому Союзу.

* * *

Евразийство — империальное понятие. Оно возникло одновременно с появлением финансовой империи Карфагена, связавшего посредническим предпринимательством и соответствующими обязательствами народы от Китая, Индии до Испании и далее — Северных морей, т. е. всю современную Евразию.

Невыполненные евразийскими народами финансовые обязательства, неизбежно трансформируясь в финансовую зависимость, непрерывно пополняли наемную армию финикийцев солдатами-должниками, а хозяйство Карфагена — рабами. Карфаген процветал!

Однако спустя некоторое время технологический прогресс предметов труда, вызванный открытием на территории исторической Армении методов выплавки железа и изготовления из него более совершенных оружия и орудий труда, вызвал к жизни новые имперские народы: два в Европе — эллины, римляне, и два в Малой Азии — армяне, парфяне.

Свои империи они, опираясь на технологии, которые были вызваны железными орудиями труда, создали уже на ином доминирующем факторе производства. Не на посредническом предпринимательстве, а на труде рабов и соответственно на базе как наук, отличных как от навигации, так и широко используемых финикийцами отраслей прикладной экономики: финансов, денежных знаков и их обращения, кредитов и государственных займов.

Древним арийцам не нужны были, или, скажем так, они редко и не постоянно нуждались в финансовых посредниках, поскольку их основные виды деятельности — прямая военная экспансия и последующее юридическое закрепление ее результатов в государственных структурах — как своих, так и других, как правило, близких им стран, с которыми они были вынуждены считаться. Им требовались науки, прежде всего: военные, государственного строительства и юриспруденции, а колонизация гигантских территорий, завоеванных не только в Европе, но и в Азии, и даже в Африке (после победоносного завершения 140-летних войн с финансовой империей финикийцев) требовала развития фортификации, архитектуры и строительства.

Необходимость воспитания молодежи на примере героических предков, память о которых традиционно увековечивалась, дала мощный толчок развитию спорта и искусств: созданию великолепных скульптурных портретов полководцев, государственных деятелей, ученых, олимпийцев, а также развитию театра, поэзии живописи, литературы, особенно исторической.

Поскольку древние арийцы с самого начала, по крайней мере, со времен Троянской войны размещались одновременно и в Азии, и в Европе, имели близкие по происхождению и в чем-то совпадающие языки, культуру, религиозные системы, можно, с определенными оговорками, утверждать, что свои основы современное евразийство получило еще в Античный период. Позже это сделало возможным перенос столицы Римской империи в Малую Азию — в Константинополь, что позволило продлить существование римской культуры на ~1000 лет и, передав Руси, сохранить. Этому способствовали как византийская дворня, которая, сопровождая принцесс, выдаваемых замуж за князей, вынужденно оставалась в Руси, так и торгово-ремесленный киевский и прочий люд, который, пользуясь в столице Византии правами гостей императора, обучался ремеслам и беспощинно торговал в обеих столицах.

Таким образом, культура Рима Первого была сохранена Византией — Римом Вторым, которая сумела через толщу времени в ~ 1000 лет с великими трудностями пронести и передать ее Руси — Третьему Риму, а четвертому, как нам известил великий старец — не бывать.

Причиной того, что культура карфагенского евразийства как целостное явление не только не получила развития, подобно римской или эллинской, но даже не сохранилась, было то, что ее создание происходило лишь на части его хозяйства, исключительно на однеженной территории. Поэтому оно не смогло оставить никаких материальных свидетельств своего существования. Ни храмов, ни амфитеатров, ни акведуков, ни каких-либо иных карфагенских сооружений общественного или иного назначения археологам обнаружить так и не удалось на всем обширном евразийском пространстве.

Несмотря на это, даже столь однобокая, сугубо экономическая интеграция, при достижении определенного уровня своего развития, оказывается, иногда способна приводить к возникновению империально-государственных образований. Пример Карфагена это подтверждает. Но одновременно и доказывает, что в таком случае эти образования оказываются малоустойчивыми.

Достаточно было перемещения роли доминирующего фактора производства от посреднического предпринимательства к труду рабов, чтобы эта финансовая империя исчезла, не оставив вообще ничего из того, что принято во все времена относить к общественному сектору хозяйства, в данном случае — имперского Карфагена, включая такие его составляющие, как культура и искусство.

Возникновение империальной химеры Карфагена оправдывается и объясняется лишь одним: она обеспечила возникновение и развитие необходимых и актуальных, в том числе и для современного предпринимательства, наук и инструментов. Речь идет, прежде всего, о навигации и всем блоке прикладных экономик, включая основные, а потому и доведенные до совершенства инструменты карфагенского империализма, — финансы и государственные займы, соответствующие во многом, даже спустя тысячелетия, современному их смысловому содержанию.

Таким образом, империльные образования возможны двух типов — в зависимости от того, на какой территории хозяйства они возникают: преимущественно однеженного или преимущественно не-однеженного.

К первому типу относятся империи, так сказать, карфагенской генерации, ко второму — римской.

Империи римской генерации более устойчивы, поскольку формируются преимущественно на территории неоднеженной части хозяйства. Они способны сохраняться даже при нескольких сменяющих друг друга доминирующих факторов производства и, соответственно, изменениях их субординации.

Из современных империй к римскому типу можно уверенно отнести Индию, Китай, которые как возникли на основе доминирующего фактора производства «труд», так и продолжают, спустя тысячи лет, развивать свои хозяйства на его основе. То же Россия: возникнув на основе доминанты земли, продолжает, спустя тысячу лет, существовать, прежде всего, опираясь на этот производственный фактор.

ЕС, первоначально возникнув на преимущественно неоденуженной хозяйственной территории «угля и стали», начал постепенно смещаться к карфагенскому типу. Хозяйственные цели в нем все более заменяются финансово-политическими. Внешне это проявляется в том, что ЕС активно проводит политику вовлечения в сообщество стран, никакого отношения не имеющих, образно говоря, ни к углю, ни к стали, но входящих раньше в сферу влияния СССР или связанных каким-то образом с Россией. Другими словами, в этом случае преследуются преимущественно политические цели. Несмотря на немалые экономические потери и финансовые издержки, эта политическая линия по выдавливанию России из Европы проводится ЕС, при поддержке США, неукоснительно. Такую же услугу оказывает ЕС США в выдавливании России из Малой Азии — и практически отовсюду, где им представляется это возможным.

Решающую роль для стран, вовлеченных в ЕС из сугубо политических соображений, начинают незамедлительно и с неизбежностью играть финансы. Соответственно неоденуженная часть хозяйств этих стран начинает быстро терять свои позиции.

Фирмы новых стран — членов ЕС, еще вчера имеющие покупателей на свою конечную продукцию, в считанные месяцы начинают исчезать с мировых рынков, особенно внешних по отношению к ЕС. Они целенаправленно отодвигаются от рынков конечной продукции, превращаясь в поставщиков сырья и комплектующих для фирм стран, которые, если так можно выразиться, являются учредителями этого сообщества.

В результате компетенции стран — новых членов ЕС опять-таки сводятся все к тем же к финансовым обязательствам, а затем и к зависимостям, которые были характерны для карфагенской империи. Не случайно большинство из них, будучи недавно вполне устойчивыми, ныне приобрели хронические бюджетные и иные финансовые проблемы. Причем их положение таково, что на вопросы представителей прессы, заданные, в частности, премьер-министру Греции, удалось ли ему в Германии договориться о содействии в разрешении обрвазовавшихся финансовых проблем, они услышали ответ: «с адом договориться невозможно!».

В последнее время президент США Обама, вольно или невольно, предпринимает ряд шагов, которые ведут к сохранению США в числе империй, относящихся преимущественно к римской генерации. В частности, это возврат к реальному сектору экономики, увеличение удельного веса граждан, относящихся к среднему классу; повышение занятости, а также социальной защиты нуждающихся. Все это неизбежно будет сопровождаться возрастанием общественного сектора хозяйства, а значит, и его неоденежной части и, тем самым, учитывая вес США, уменьшит вероятность дальнейшей «карфагенизации» мирового хозяйства в целом.

Все перечисленное объективно направлено на предотвращение ситуации, сложившейся в США в 2008 г. и вызвавшей мировой финансовый кризис.

В 2013 г. ЕС очень близко подошло к той границе, за которой, вслед за США, мог разразиться новый мировой финансовый кризис. Опыт, накопленный в 2008 г., определенная заинтересованность и поддержка мирового сообщества помогли ЕС как-то стабилизировать внутреннюю финансовую ситуацию, предупредить ее трансформацию в мирохозяйственный финансовый кризис. Но точка невозврата не пройдена¹.

Между тем совсем рядом открываются, как предполагают в ЕС, немалые возможности для быстрого разрешения финансовых проблем, над которыми еще предстоит поработать.

Можно попытаться укрепить свои позиции за счет не только очевидных (Прибалтика), но и целенаправленно создаваемых слабых звеньев стран, союзных России; связав их вместе, попытаться не только вытащить из СНГ, но и перетащить всю цепь в ЕС в виде так называемого ассоциированного членства. Ну а дальше отработанные тысячелетиями карфагенские технологии вкупе с современно-информационными сделают свое дело. Проблемы ЕС могут найти свое разрешение за счет бывших независимых, а в перспективе финансово-ассоциированных в сообщество и потому уже зависимых частей канувшей в Лету империи — СССР.

В таком многотрудном деле важно учесть любые мнения, тем более не просто мнения, а уже конкретные предпринимаемые шаги и,

¹ Конечно, США, благодаря сланцевым технологиям добычи энергоносителей, действительно сняли остроту внутренних и внешних причин, предпринимаемых ими прямых военных экспансий в отношении Ближнего Востока и Северной Африки. ЕС же удалось свои финансовые проблемы лишь несколько ослабить. Он получил передышку, но их актуальность сохраняется.

что еще более серьезно, немалые деньги, затрачиваемые ЕС и не только на эти цели.

Не хочется разочаровывать наших уважаемых коллег и в данном случае еще и оппонентов, но реальность, как всегда в подобных случаях, оказывается не совпадающей с концепциями политехнологов, в том числе и ЕС.

Несколько предварительных соображений по этому поводу.

1. СНГ — это не Югославия. Развалить промышленность и неоднеженную часть хозяйства этого Союза как условие финансовой колонизации его членов, подобно Боснии и Герцеговине, весьма сложно. Очевидно, что консолидирующий центр в лице России не только жив, но и вполне здоров!

2. Увеличение за счет СНГ числа вовлеченных в ЕС стран, имеющих в качестве доминантного совершенно отличные от современного предпринимательства факторы производства, еще более усложнит хозяйство и через некоторое время углубит финансовые проблемы ЕС. Масштабы его хозяйства и соответственно затраты факторов производства возрастут; результат их функционирования — тоже, но из-за разницы в субординации факторов производства и вследствие этого неизбежно возникающих финансовых обязательств — в значительно меньшей мере, чем в странах—учредителях ЕС. Отстающий рост результата неизбежно отразится снижением ВВП на душу населения в целом по ЕС. Одновременно произойдет рост неплатежеспособных потребностей вновь присоединенного к ЕС населения не только в товарах и услугах, но и в размерах общественного сектора экономики, призванного решать проблемы, связанные с резким и вполне ожидаемым ростом социального неравенства.

3. Надо иметь в виду, что граждане СНГ — выходцы из СССР — «страны победившего социализма». Они привыкли к определенным социальным гарантиям. Нечто подобное и привычное они ждут и от ассоциированного членства их стран в ЕС. Другими словами: СССР умер, да здравствует СССР в лице ЕС! Не сложно представить, что произойдет, если их «ассоциированные» надежды, связанные с Европой, в очередной раз окажутся несбыточными. Нынешние, хорошо подготовленные доброжелателями события в Киеве и в некоторых западных областях Украины покажутся их вдохновителям, в том числе и из ЕС, детскими шалостями.

4. Канцлеры Германии не прислушиваются к мнению своих же предшественников, и их опыт плохо накапливается в национальной дипломатической и исторической копилке. Преимущественно подогреваемая извне, не нужная ни благополучной Германии, ни ныне неблагополучной Украине, проблема оставила в забвении прошлый

опыт и страны, и государственных деятелей, включая и тех, которые в свое время не вняли давнему предупреждению канцлера Бисмарка. Германию и на этот раз удалось подтолкнуть к прямой дипломатической конфронтации. Министру иностранных дел России С. Лаврову пришлось дать оценку сложившейся ситуации. Он обратил внимание на бесцеремонность нарушения общепризнанных — и принятых — правил, которым следуют страны во взаимодействии друг с другом. Оказывается подобная бесцеремонность свойственна Германии не только в прошлом, но и в настоящем. Она всегда внезапно-неожиданная, усыпляемая длительно-плодотворными экономическими и внешне дружественными отношениями и потому рецидивно-опасная.

Из всех стран — основателей ЕС, хозяйство Германии наименее однеженное, обладает наибольшим удельным весом реально однеженного сектора в хозяйстве, образно говоря, сохраняет приверженность «углю и стали». Тогда вопрос: зачем Германии проявлять инициативу, брать на себя ответственность за ассоциированное членство Украины и тем самым способствовать дальнейшей «карфагенизации» всего сообщества, локомотивом которой ее считают?

Прямо какой-то своеобразный «Советский Союз в Содружестве Социалистических Государств»! Впрочем, Европа еще со времен римского владычества научилась засучивать рукава Германии! И хотя за это всегда приходилось позже расплачиваться, продолжает действовать по принципу, похожему на русский «авось»: «потом вам будет худо, но это уж потом».

Ситуация для Германии обязывающая. Если ее считают локомотивом и отводят соответствующую роль, то она не может руководствоваться лишь своей «национальной идеей».

Имперская канцелярия всегда создавалась и функционировала в Германии образцово, даже тогда, когда до империи было еще далеко. Хотя, как показывает опыт России, ее может и не быть, или быть, но, далеко, не образцовой. Но вот идея должна быть, и быть обязательно имперальной, и обязательно своей.

Если экономическая политика ЕС не подвергнется изменениям, подобным тем, какие предпринимает президент Обама в отношении хозяйства США, Союз превратится в такую же химеру, какой были Карфаген или Хазарский каганат, размещавшийся в свое время на территории нынешней России: в Поволжье, на Кубани и в Прикаспии.

При следующем изменении доминантного фактора производства, переходе доминантных свойств от предпринимательства на основе новых и информационных технологий к труду в виде роботизированных технологических комплексов, произойдет распад ЕС. Он

перестанет существовать: по тем же причинам, по каким исчезли предыдущие финансовые империи, включая Хазарский каганат.

На первый план выдвинутся империи, возникшие в прошлом на основе доминирования фактора производства «труд». Индия и Китай по сей день прилагают титанические усилия для успешного развития на своих территориях фактора «труд» в соответствии с требованием современного доминирующего фактора производства — предпринимательства — на основе новых и информационных технологий из стран «золотого миллиарда».

Мы уже отмечали ранее, что речь в данном случае должна идти не только об Индии, Китае, но и о приближающейся к ним по занимаемому положению в мировом хозяйстве Бразилии.

Со временем население стран, вошедших в ЕС, станет играть такую же роль в жизни Индии, Китая и Бразилии, какую ныне последние выполняют для хозяйственной жизни Европы. Иначе говоря, исполнять функции, заданные потребностями этой тройки в развитии роботизированного труда в сферах производства, услуг, общественного сектора экономики и, в целом, их хозяйств.

Это произойдет подобно тому, как карфагеняне после исчезновения их империи, будучи рассеянными по всей территории Евразии, продолжали вынужденно сохранять и благодаря своей посреднической деятельности исправно налаживать новые внешнеэкономические и хозяйственные связи, но уже в интересах не своей, а другой, римской, империи.

Участие России во всех этих процессах на мировом рынке будет пока оставаться относительно незаметным. Ее время настанет, когда начнется перемещение доминантных свойств от фактора производства «труд» к фактору «земля» — не только, в прямом, локальном, но и в глобальном смысле — к небесным телам, содержащим все необходимое для снабжения земель энергией и предметами труда.

Подобное перемещение возможно лишь при новом технологическом прорыве, прежде всего, в области энергетики. Уместно напомнить, что именно с замены человеческой силы рабов тягловой силой животных, а также энергиями ветряных и водяных мельниц началось предыдущее перемещение доминантных свойств от труда к земле; от фактора человеческого происхождения к фактору трансцендентному, т. е. не сделанному людьми.

Появление и развитие Российской империи с самого начала было связано с трансценденцией — землей — и происходило на территории трансценденции. Превращение приграничья и окраины двух предшествующих империй — Византийской и Ордынской — в центр, синтезирующий и сплавливающий их культуры в единое целое — в но-

вую культуру, а разнообразные народы Евразии в новый имперский народ — в русский — это, безусловно, метафизический проект. Суть этого проекта мы склонны связывать с тогда еще дальней, но неизбежно нарастающей необходимостью выхода человечества из земной колыбели в космическое пространство.

Непонимание имперского предназначения России, а также Китая, Индии в системе как канувших в Лету, так и ныне здравствующих современных империй (ЕС и США), а также необходимости их тесного сотрудничества в освоении кладовых, прилегающего к земле космического пространства, на основе специализации каждой из них в своем факторе развития земного хозяйства — это настоящая общая беда. Львиную долю в нее традиционно вносила Европа (бесчисленное множество внутриевропейских и колониальных войн по всему свету, две мировые войны).

Казалось бы, все это должно остаться в прошлом. Европа сейчас сама империя, большая и постоянно растущая. Хорошо и правильно бы ей остановиться, оглядеться, осмыслить, почему раньше всего этого, что уже достигнуто, не получалось, а сейчас стало возможным? И имперская канцелярия, и самая что ни на есть настоящая Европейская империя возникли не благодаря, а вопреки войнам!

И это не единственное ее достоинство! Главное — она современна, опирается на ныне доминирующий фактор производства — предпринимательство, основывающееся на новых и информационных технологиях. Поэтому именно современные предприниматели — не только из России, но и из других стран, в частности, из США — часто отдают предпочтение Европе.

Но современность — дама переменчивая. Сегодня она в Европе, и это придает ей решающее достоинство, но завтра переместится в Индию, Китай, Бразилию, а послезавтра — в Россию. Это условие того, чтобы современность всегда оставалась с землянами. И если каждый раз нынешняя империя будет предпринимать в момент пика своего экономического могущества по отношению к остальным, по ее мнению «неправильным имперским образованиям — империям зла», методы либерально-демократического экспорта цветных революций, а затем, как их следствие — навязывать им финансовые обязательства и зависимость, современность вообще может покинуть нашу планету.

Ведь мудрость, как известно, не в том, чтобы различать добро и зло, а в том, чтобы из двух зол уметь выбрать меньшее.

Да. Украине с президентом Януковичем зло было. В результате многолетнего «либерально-демократического», поддерживаемого США, внешнего и бесцеремонного вмешательства ЕС в ее внутреннюю жизнь зло не уменьшилось. Оно многократно поднялось, как на

дрожжах. Его стало настолько много, что на территории Украины оно уже не умещается, переливается через ее границы и не только в Россию, но и в другие сопредельные страны.

Такой ограниченный и безответственный интеллектуальный уровень и соответствующее — игнорирующее мировое хозяйство — сугубо внешнеэкономическое поведение двух наиболее экономически могущественных, но, по-видимому, в чем-то безнадежно отстающих империй, не понимающих, что экономика это не все (она только часть — однеженная часть хозяйства, хозяйство намного шире, чем экономика), создают серьезные проблемы не только для их соседей, но и для всех землян в целом, включая сограждан элит ЕС и США.

Ни в одной точке земного шара, где подобная политика принесла, по мнению их инициаторов, успех, зла меньше не стало: ни в Югославии, ни в Ираке, ни в Ливии; список, к сожалению, можно продолжить.

И вот теперь они с этой пяти-семитысячелетней давности, вполне отжившей, по современным меркам и реалиям, политикой вторглись на территорию сердцевины СНГ, в одну из трех республик, участвовавших в роспуске Союза, и тем самым нарушили заповедь нашего поющего поэта: «возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

В прошлом году на VI Малом университетском форуме в МГУ «Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика», я говорил о том, что инициаторов этого роспуска неизбежно ждет историческая расплата. Вот она и началась: «пришла беда — отворяй ворота».

Да! Надо отворять, но не только — и выходить за ворота, и достойно отвечать на все вопросы оппонентов, и задавать свои, и получать ответы.

Вот тогда у нас и будет полная любовь и взаимопонимание!

В.В. РЫШКУС

**Пространственный потенциал России и стратегия
пространственного развития**

Аннотация. Ставится проблема выбора стратегии развития России. Для ее разрешения требуется учет национальной специфики. Неоднородность пространства России является основой для накопления потенциала на хозяйственных территориях страны.

Ключевые слова: глобализация, стратегия развития, потенциал, качество жизни, экономика, хозяйство, территория, пространство, потребность, разделение труда, развитие, воспроизводство.

Abstract. The problem of development strategy of Russia choice is arisen in the article. For its solution national particularities are required to be taken into consideration. Inhomogeneity of Russian space is a basis for potential accumulation on the economic territories of the country.

Keywords: globalization, development strategy, potential, life quality, economy, territory, space, need, division of labour, development, reproduction.

Одной из ключевых тенденций современного общемирового развития является *экономическая глобализация* планетарных сегментов и территорий. В условиях роста обмена товарами, услугами и технологиями между государствами и даже континентами усиливается взаимопроникновение национальных экономик, порождающее их взаимозависимость. Это, по сути, означает размывание границ национальных экономик, утрату ими своей национальной специфики. Происходит формирование единого глобального рынка, функционирование которого обуславливает развитие экономик тех стран, которые в нем задействованы.

В условиях экономической глобализации, тем не менее, разрабатываются национально-государственные стратегии, вынужденные учитывать происходящие в мировой экономике процессы. Наиболее актуальным это становится для тех стран, которые до сих пор не интегрировались в однородное экономическое пространство планеты, несмотря на такие внешние интеграционные процессы, как вступление в ВТО или иные экономические союзы. К таким странам относятся и Россия.

Какой должна быть стратегия развития России? Сегодня разработанные и предложенные на суд общественности различные концепции развития России, по сути, решили для себя проблему *выбора стратегии*. В них разработчики, определив стратегические ориентиры (такие как модернизация экономики, качественный экономический рост, неиндустриализация экономики, инвестиционное и институциональное развитие экономики и др.), выдвигают конкретные предложения по следованию этим ориентирам и достижению обозначенной в стратегиях цели, которую, по сути, можно выразить как обеспечение *высокого качества жизни* россиян. Цель едина, но пути ее достижения оказываются различными. Тем не менее современным стратегиям развития страны присуща схожесть в выборе средств и методов достижения поставленной цели. Выбор этих средств и методов обусловлен *развитием экономики*, а различия касаются только степе-

ни зависимости высокого качества жизни от самой экономики. В ряде стратегий развитие экономики становится абсолютным, в других оно не так ярко выражено, но, тем не менее, обуславливает следование выбранному направлению развития. Значительное влияние на разработку этих стратегий оказывает господствующая на планете экономическая мысль.

Проблему выбора стратегии развития России, на наш взгляд, нельзя решить так однозначно, как представляется на первый взгляд. Даже логичное обоснование конкретной экономической модели должно быть пропущено через призму той *национальной специфики*, которая формировалась десятками лет, и является результатом определенного естественноисторического развития страны. Конечно, при условии, что эта самая специфика точно схвачена, и к ее постижению подобран верный с точки зрения объективности и закономерности ее существования ключ. Ярким примером непринятия экономикой России заимствованных и насажденных извне принципов ее регулирования могут служить 1990-е гг., когда на практике выбранная руководством страны методика Чикагской школы экономики, в основе которой лежал принцип невмешательства со стороны государства в регулирование рынка, потерпела неудачу. Несмотря на то, что данная методика получила научно-теоретическое и практическое обоснование за рубежом. Таких примеров наберется множество.

Какой бы обоснованной и логически выраженной не выглядела стратегия развития страны, но если она противоречит сложившемуся образу жизни и характеру жизнедеятельности людей, населяющих территорию, для которой эта стратегия создается, ее разработка может стать напрасным трудом. Конечно, можно пытаться искоренить устоявшиеся традиции и порядки, внедряя передовые технологии и принципы взаимоотношений между людьми, но встает вопрос о целесообразности содействия таким переменам. С одной стороны, почти повсеместное признание получает необходимость развития экономики. С другой, критика экономики также имеет место, но она слабо подкреплена пониманием той действительной национальной специфики, которая могла бы ей противостоять по степени воздействия на жизнь человека. Попытки определить эту специфику часто заканчиваются постепенным приходом к тем потребностям, удовлетворение которых опосредовано развитием экономики. Круг замыкается. Поиск той специфики, которая действительно отличает Россию от других стран, не связан с отрицанием экономики, без которой на самом деле сегодня невозможно представить развитие любой развитой или развивающейся страны. Выбор стратегии развития России зависит, видимо, от определения такого соотношения между экономикой и национальной спецификой, при котором действительно происходило бы повышение

качества жизни людей. Для того чтобы приблизиться к постижению этой национальной специфики, должна быть переосмыслена роль экономики в жизни человека, в определении характера его жизнедеятельности. Для остального мира Россия потому и выглядит «темной лошадкой», что ее национальные черты и особенности не могут быть поняты вмиг, а порой и после тщательного исследования. Как писал Ф.И. Тютчев, «умом Россию не понять».

Национально-государственная стратегия развития всегда привязана к определенной *территории*, на которой поставленная цель должна быть достигнута с помощью предложенных средств и методов. Однако следует признать, что территория является только оболочкой той жизни, которая происходит на ней. При этом, безусловно, значение самой территории в формировании жизни населяющих ее людей не может быть недооценено.

Привычка судить о чем-либо только по внешним признакам характерна для многих наших современников. Так, если человек ходит в церковь, то он верующий, или, если человек живет в деревне, то он отстал от жизни, нецивилизованный. Воспринимая Россию только как огромную территорию с городами, полезными ископаемыми, транспортной инфраструктурой и т. д., порой теряется представление о том, какая жизнь характерна для человека, живущего на этой территории, какие у него есть потребности и как они удовлетворяются.

На территории каждой страны исторически формировалось свое уникальное *пространство*. Если территорию мы связываем с землей, по которой можно ходить (роль земли в формировании человека должна быть также дополнительно изучена, что не сделано современными разработчиками стратегий развития России), то пространство находится на ином уровне восприятия человека. Его нельзя увидеть, потрогать, но влияние на жизнь человека проследить все-таки возможно. Пространство охватывает отношения людей, сложившиеся на данной территории, образ их жизни и мышления, характер осуществляемой ими жизнедеятельности, определяющие сущность данной территории. Если территория *ограничена* земной поверхностью, располагающей природными ресурсами, то пространство *безгранично*, и в зависимости от обладаемого им *потенциала* оно может выходить далеко за границы отдельно взятого государства. В России с ее бескрайними просторами и разнообразными природно-климатическими зонами особенностью территории является ее *неод-*

народность, что способствует формированию неоднородного пространства².

Формируется ли потенциал в неоднородном пространстве России, и, если да, то в чем он может быть выражен? Применительно к пространственному потенциалу территории следует говорить, что носителем потенциала является *народ*. На конкретной территории в силу объективных причин происходит накопление *потенциала развития*. Ведомая народом *жизнедеятельность* на данной территории наделена особыми свойствами, благодаря которым одновременно с затратами жизненных сил на ведение такой деятельности накапливаются, берегаются и приумножаются духовные, интеллектуальные, моральные и иные связанные с ними силы народа. Самим народом аккумулируется мощная энергия, способная дать толчок к дальнейшему развитию. Невозможно объяснить успех индустриализации 1930-х гг. в СССР, победу в Великой Отечественной войне иными причинами, нежели средоточием жизненных сил и энергии русского народа. Процесс накопления потенциала не сиюминутен, и для его объективной оценки требуется экскурс в историю на десятки лет назад для получения истинных причин его формирования.

В современных стратегиях развития России проблема накопления потенциала не ставится. Развитие человеческого потенциала, о котором в них идет речь, связано, в основном, с потреблением товаров и услуг систем образования, медицины, культуры, социальной сферы, что, в свою очередь, опосредовано развитием экономики. Между тем экономику России никогда нельзя было назвать развитой, а процесс накопления потенциала, тем не менее, имел место быть. В неэкономическом пространстве России исторически накапливался потенциал, благодаря которому осуществлялись грандиозные по своим масштабам инновационные прорывы. Об этих прорывах знают все, но об объективных факторах их появления говорят лишь немногие. Пространственный потенциал отличает *внеэкономическая* природа. Дополнительное исследование природы экономики может дать ответ на вопрос, способна ли она в принципе обеспечивать накопление человеческого потенциала.

В чем же все-таки состоит национальная специфика России, позволяющая, с одной стороны, говорить о ее неприятии в абсолютном значении экономики, а с другой — о той роли, которую она играет в накоплении пространственного потенциала? Здесь возникает противостояние экономики и этой национальной специфики, которое на

² «Россия — самая большая страна в мире по территории. Наши пространства мы должны не только сохранить, оградить от внешних угроз, но и обустроить, сформировать современную среду для жизни человека...» [1].

практике должно быть разрешено в пользу народа, создания условий для удовлетворения им потребностей, в результате которого произошло бы накопление пространственного потенциала.

В современных стратегиях развития России в основании структуры потребностей людей лежат физиологические потребности (пирамида А. Маслоу), и по мере их насыщения удовлетворяются потребности более высокого уровня. Жизнь человека опосредована производством (работой) и потреблением товаров и услуг на заработанные денежные средства. В отличие от этой, привычной многим структуры потребностей, существует иная, которая исторически была характерна для многих жителей России. В основании этой структуры потребностей лежит потребность в *универсальной целесообразной чувственно-практической хозяйственной деятельности*. Признание этой особой деятельности как потребности может дать ключ к пониманию национальной специфики России. Почти для всех является привычным, что потребность непременно связана с потреблением. Однако в силу специфики некоторых территорий России (особенно, средней полосы), на них формировалось пространство, в котором у народа сложилась иная структура потребностей, в основании которой лежала потребность в этой особой по воздействию на формирование и развитие человека деятельности.

Что это за потребность, какую роль играет в жизни человека и как она становится базовой? Ее изучение отсылает нас к *природе человека*, который является *семейно-родовым существом*. В такой природе человека заключены создание семьи, воспитание детей в соответствии с традициями предков, бережное отношение к природе, обеспечение преемственности духовной жизни между поколениями людей, сохранение исторической памяти народа, продолжение жизни народа. Иным, нежели в современных стратегиях развития, предстает перед нами человек, высокое качество жизни которого необходимо повышать. Само слово «народ» приобретает нетрадиционное (на наш взгляд, истинное) звучание. Это не население страны, а само наличие межпоколенных связей, выраженных в людях, живущих в соответствии с традициями предков, чтящих память, воспитывающих это в своих детях, внуках. Отсюда отсутствие слова «народ» в западной традиции. Что-то существенное произошло в характере деятельности людей, в результате чего изменилась структура их потребностей, утратились представления о семейно-родовой, общинной жизни.

Потребность в универсальной целесообразной чувственно-практической хозяйственной деятельности обусловлена семейно-родовой жизнью человека, в ходе которой он совершает множество целесообразных, неразрывно связанных между собой по содержанию и значению, видов деятельности. Ведомая им деятельность не отделе-

на от самой жизни, от семьи, от быта, от природы, от взаимоотношений с другими людьми, а потому на практике его деятельность и потребление сливаются воедино, и сложно сказать, где заканчивается труд и начинается потребление. Человек живет в единстве с семьей, с народом, с различными поколениями людей, с современниками. Это подчеркивает *целостность* самого человека, живущего одной, полноценной, жизнью. А целостность, в свою очередь, неразрывно связана с *духовностью*.

Переменчивый характер естественно-природной среды сыграл значительную роль в формировании неоднородного пространства России. Человек, живущий на таких территориях, постоянно вынужден учитывать сезонность в ходе осуществляемой им деятельности, оценивать свои возможности, думать наперед, прогнозировать, анализировать, основываясь на прошлом опыте. Земля является для него живым объектом, который и кормит его, и поит. Интуитивно ощущая это, человек как бы сливается с природой, и ведет экологически безопасную деятельность. Человек испытывает разнообразие эмоций и чувств в ходе своей разнообразной жизнедеятельности, что влияет на развитие его многозначной логики. Формируется и развивается мышление, способное *предвидеть* результаты деятельности. Процессы выращивания, вскармливания, духовно-нравственного и физического воспитания включены в семейно-родовую жизнь и доказывают целесообразность и универсальность жизнедеятельности человека.

В этом пространстве человек формируется таким образом, что у него не возникает желания количественно увеличивать получаемый им продукт труда, только если это не служит интересам семьи, в случае, когда увеличивается ее количественный состав. Экономические принципы максимизации производительности труда при минимизации издержек, роста прибыли не возникают в таком пространстве. Высвобождающееся время в результате улучшения навыков в занятии какими-то привычными видами деятельности направляется на расширение тех целесообразных видов деятельности, которыми может заниматься человек. В результате происходит накопление человеческого потенциала, который концентрируется в живущем на территории народе. Природа такого человека сохраняется (не трансформируется) в том пространстве, где он удовлетворяет потребность в такой целесообразной деятельности. Этим пространством является для человека *хозяйство*.

В экономической мысли мало найдется исследователей, признающих хозяйство как нечто, противостоящее экономике, поскольку к такому исследованию обычно подходят с точки зрения поиска границ между ними, определения того, что шире, а что уже. Обращаясь к происхождению слова «экономика», переводимого как «домашнее

хозяйство», исследователи порой легко подменяют эти слова. Однако как мы выяснили, то, что характерно для хозяйства, а именно осуществление человеком универсальной чувственно-практической деятельности в единстве с природой, родом, семьей, в результате чего происходит органичное демографическое, экологическое развитие, устанавливаются и закрепляются духовные связи между поколениями людей, нетипично для экономики, а точнее, противоречит ее природе. Различная природа экономики и хозяйства позволяет говорить об их антагонизме.

В основании природы экономики лежит *разделение труда*. Оно выступает важным фактором *роста производительности труда*, который, в свою очередь, ассоциируется у исследователей с *развитием* как таковым. Однако в разделении совокупности целесообразных видов деятельности, присущих жизни одного человека, на части, каждую из которых выполняет определенная группа работников, объединенных по функциональным или квалификационным признакам, нарушается целостность хозяйства, что приводит к изменению целесообразности деятельности человека, трансформации его природы. Структура потребностей человека как бы *переворачивается*: то, что в хозяйстве было смыслом и целью жизни человека, в экономике становится средством, а те потребности, которые в хозяйстве выступали в качестве средств жизни человека, в экономике становятся базовыми. В хозяйстве «сытость» является лишь видимым результатом деятельности человека, далеко недостаточным условием его жизни. Характер ведомой им жизнедеятельности отводит физиологическим потребностям роль *средства*, которое только обслуживает жизнь. В свою очередь, в экономике сам смысл понятия «потребность» ограничен процессом потребления произведенного кем-то продукта. Будучи обособленными от деятельности человека в экономике, потребности в еде, питье становятся *целями* его жизни, а потому носят «животный характер»³. В экономике деятельность человека превращается в *производство*, которым занимается не какой-то конкретный человек, а *абстрактный* рабочий, вовлеченный в систему общественного разделения труда. Это делает само производство абстрактной деятельностью. Производство наделено иной целесообразностью: это средство получения доходов для того, чтобы их тратить в сфере потребления, которая в экономике отделена от процесса создания продукта труда.

³ «Человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д., — а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному» [2, 91].

Развитие экономики опосредовано «развитием производительных сил общественного труда», и, как писал К. Маркс, *только это и оправдывает капитализм* [3, 284]. С одной стороны, экономика по своей природе *инновационна*, стимулирует создание новых технологий, диверсификацию товаров и услуг, а с другой — возникает вопрос, тождественен ли такой материальный прогресс развитию, и что считать развитием как таковым. По сути, инновационные разработки, внедряемые в повседневную жизнь, соответствуют базовому принципу экономики — *экономии* ресурсов, сил. Создается новая технология, которая облегчает жизнь современного человека: ему нет необходимости затрачивать умственную, физическую и какую-либо иную энергию на совершение привычного для его жизни действия, поскольку сегодня за него это делает машина. Этот принцип противоречит жизни человека в хозяйстве, где в результате затрат им жизненных сил происходит накопление потенциала. Что происходит в экономике? Экономия жизненных сил за счет получения доступа к благам, производимым экономикой, не ведет к накоплению человеческого потенциала. Скорее наоборот, инновационное ноу-хау своего времени — свидетельство того, что этот потенциал был потрачен на его изобретение. И восполнения затраченного потенциала в этой цепи, как видно, быть не может.

С точки зрения общественного прогресса разделение труда позитивно и его значение в сегодняшнем мире никто не ставит под сомнение. Если говорить о хозяйстве, то в нем имеет место быть *разделение по видам труда*, при котором каждый член семьи (общины) занимается различными видами целесообразной деятельности, вовлеченными в жизнедеятельность семьи, рода. Это распределение видов целесообразной деятельности внутри семьи. По сути, удовлетворение потребности в этой деятельности раскрывает способности и таланты человека, развивает его. В экономике семья, будучи не способной следовать заложенному в природе экономики принципу роста производительности, утрачивает истинный смысл своего существования⁴. Развитие экономики требует расширения границ, выхода на новые рынки. Поскольку государственные границы остаются неизменными, то экономика *самостоятельно* пересекает их в ходе своего развития. Целесообразность хозяйственной деятельности, соответствующая семейно-родовому существу человека, утрачивается. Эта деятельность перестает быть потребностью, удовлетворение которой способствует накоплению человеческого потенциала.

⁴ «...Семья когда-то создала разделение труда из себя и в себе, но теперь выросшее вне ее разделение труда грозит поглотить ее» [4, 77].

Здесь проявляется *отчуждение*, заложенное в сущности общественного разделения труда (в рамках разработки стратегии развития России проблема отчуждения требует более глубокого изучения). Человек отчуждается от своей деятельности, от продукта труда, от других людей, от семьи, от родовых связей. В экономике все подчинено экономии ресурсов при максимизации прибыли, и это ключевой момент в понимании проблемы отчуждения. Абстрактный рабочий не видит *развития*, заложенного в семейно-родовой жизни человека: он производит товар в нужном объеме и нужного качества, получает зарплату, тратит ее на потребности в пище, жилье и т. д. Он не видит результатов своей деятельности, будучи лишь звеном в сложном производственном процессе, и продукт труда ему не принадлежит. Так, в политической экономии перед нами предстает изолированный индивид, живущий отчужденной от других людей жизнью. На работе этот индивид — производитель, в доме — семьянин, на рынке — потребитель, и везде он разный.

В сущности хозяйства заложено понимание, что накоплению потенциала может способствовать только целесообразная чувственно-практическая деятельность *всего народа*. В вовлеченности семьи в жизнь народа проявляется тот духовный стержень, благодаря которому и живет народ. Это связь прошлых, нынешних и будущих поколений, сохранение преемственности поколений и исторической памяти, укрепление традиций в жизнедеятельности людей. Единство человека с народом, по сути, является основополагающим для накопления человеческого потенциала. Сбережение народа, о котором говорят⁵, это, безусловно, не только демографическое развитие, но, прежде всего, передача сущности хозяйственной деятельности человека через поколения людей, воспитании настоящих и будущих поколений в соответствии с ее принципами. Это укрепляет духовность народа.

Сегодня, в эпоху господства представлений об экономике как локомотиве общественного прогресса и развития вообще, понимание принципиальных различий экономики и хозяйства становится все менее явным. Признание абсолютной или относительной роли экономики в жизни человека (но такой, которая делает его зависимым от экономики) не позволяет судить о сущности хозяйства должным образом. Бурное развитие производительных сил на протяжении последних двух столетий привело к изменению характера общественного произ-

⁵ «Нам нужны новые решительные шаги по сбережению и развитию народа, однако если мы не восстановим традиционное отношение к базовым моральным ценностям, то никакие меры экономической и социальной политики не принесут устойчивого результата. Крепкая благополучная многодетная семья — вот вокруг чего следует объединить усилия государства, общества, религиозных организаций, отечественного просвещения и культуры» [1].

водства, к трансформации природы человека. В современных стратегиях развития России эти изменения предстают как данность, как условия, определяющие вектор дальнейшего развития. Отсутствие анализа естественноисторического развития укрепляет представления о *неизменности* природы человека, универсальности его потребностей. По сути, перед нами только фотоснимок сегодняшнего дня, и для понимания того, почему он получился таким, необходимо посмотреть предшествующее ему видео. Игнорирование национальной специфики позволяет говорить об *универсальности* стратегий развития (можно пробовать ее реализовать почти в любом государстве), а зависимость достижения *цели*, обеспечения высокого качества жизни людей, от *развития экономики*, заложенная в современных стратегиях развития России, делает их *экономическими*.

Если говорить о хозяйстве в наши дни, то следует признать, что хозяйственные формы жизни сохраняются на территориях России. Несмотря на отток сельских жителей в города, в России в 20% городов условия жизни являются сельскими, отличными от мегаполисных [5, 215]. В развитых странах, напротив, урбанизация носит реальный характер, обусловленный глобализацией экономики, коренным изменением образа жизни и характера жизнедеятельности людей. Городская среда, как известно, усиливает отчуждение между людьми, поскольку создается на базе отчуждения, с целью углубления специализации и роста производительности труда. История это ярко демонстрирует, особенно на примере развитых экономик. В России фактически можно говорить о том, что часть жителей, оставляющих сельские территории ради более крупных населенных пунктов, сохраняют в характере своей жизнедеятельности те основы, которые были заложены в хозяйстве, а, следовательно, будут пытаться воспитать это в своих детях. В небольших городах России (городах-деревнях) люди часто ведут свое приусадебное хозяйство, выращивают овощи и фрукты, разводят домашних животных, сберегая традиции предков, сохраняя целесообразность универсальной чувственно-практической хозяйственной деятельности. Сочетание региональных центров, в которых экономика постепенно набирает рост, с территориями, где ее влияние сильно не распространяется (деревни, небольшие города и т. д.), подчеркивает неоднородность пространства страны. Для России характерно сохранение хозяйственных территорий, на которых в ходе ведения человеком своей деятельности сохраняется качество природной среды (чистая вода, ненарушенные ландшафты, разнообразие живой и неживой природы). Это превращает такие территории в *заповедники*. Преобладание характера деятельности человека, включенной в семейно-родовую жизнь, на территориях страны, создают ограничения для проникновения международного разделения труда на эти территории.

Пространство остается хозяйственным, если экономика не проникает в него настолько, чтобы разрушить *уклад*, сложившийся на протяжении веков. Уклад народа является зеркалом его универсальной целесообразной чувственно-практической хозяйственной деятельности. Ценность пространственного потенциала, формируемого в хозяйстве, заключается в том, что в народе рождаются *самородки*, первооткрыватели, философы, обладающие мощной энергией, способные продвигать науку, искусство, оставлять значительный духовный след в памяти людей.

В современных стратегиях развития России территории рассматриваются с точки зрения их социально-экономической значимости, а потому предлагаются меры по использованию имеющихся ресурсов для формирования «производственной структуры территории» [5, 31]. По аналогии с отождествлением хозяйства и экономики сливаются воедино «территория» и «пространство». Порой всю планету называют «хозяйственным пространством» [6, 8], что фактически противоречит антагонистической по отношению к экономике сущности хозяйства. Разрабатываются меры по приспособлению территорий под экономические нужды. Развитие экономики требует формирования *однородного* пространства на территории страны как основы для становления системы общественного разделения труда. Бездумное вовлечение территорий страны в систему международных экономических связей, когда государство предоставляет территории для различных видов экономической деятельности, может привести к *обесцениванию* национальной специфики, исчезновению хозяйства. Это, в свою очередь, будет означать утрату возможности накопления пространственного потенциала.

Примеры развитых экономик показывают, что в них изменение характера жизнедеятельности человека (переселение из деревень в города → отчуждение от хозяйственной жизни → углубление специализации → рост производительности труда) происходило *естественным* образом, ненасильственно. Как показывает практика, попытки государственного вмешательства в выравнивание уровней экономического развития регионов страны (независимо от затрат) «не обеспечивают устойчивого пространственного развития» [7, 53]. Имеет ли смысл проводить меры по выравниванию социально-экономического развития регионов, если это противоречит специфике жизни народа, сложившейся в результате естественноисторического развития страны?

Когда речь заходит о «воспроизводственном обустройстве» пространства, традиционно предполагается создание новых рабочих мест, решение жилищных проблем, привлечение молодежи экономически активного возраста из деревень. Как известно, понятие «вос-

производство» в экономике применяется в отношении абстрактной рабочей силы. Однако в отношении человека в хозяйстве сложно говорить о каком-либо воспроизводстве. Он рождается, растет, формируется, развивается, а не воспроизводится. Попытки решить проблему воспроизводства рабочей силы посредством стимулирования рождаемости («материнский капитал»), реализации социальных программ (жилищные, медицинские, образовательные и др.) на практике эффективны только в краткосрочной перспективе. Однако в стратегической перспективе эти меры не решают проблемы накопления человеческого потенциала.

В развитых экономиках, несмотря на все видимые достижения в науке, технике (лауреаты Нобелевской премии, патенты и т. д.) не создаются условия для накопления человеческого потенциала, для рождения самородков. Огромный приток иммигрантов из экономически неразвитых регионов обеспечивает прирост населения в странах с развитыми экономиками. Проблема «утечки мозгов» фактически указывает нам на страны, в которых формируются, растут, развиваются «мозги» и где они, собственно, и становятся «мозгами», откуда они потом утекают, и на те страны, которые испытывают острый дефицит изобретательных, неординарно мыслящих людей, в которых эти самые «мозги» не рождаются. К странам, откуда «мозги» утекают, относятся и Россия.

Выявленный нами антагонизм экономики и хозяйства не нацелен на совершение революционного открытия, что вся экономическая наука до сегодняшнего дня была ошибочной. Важным, как мы уже говорили ранее, является нахождение такого места экономики в жизни человека, которое бы не противоречило его семейно-родовому существу. Благодаря естественно-природным особенностям стало возможным сохранение того характера деятельности, который был присущ нашим предкам, когда удовлетворялась потребность в целесообразной хозяйственной деятельности. Стратегия пространственного развития должна это учитывать. По сути, стратегию, о которой идет речь, создает не человек, а время, история. Наша задача состоит в том, чтобы уловить особенности, которые формируют существо сегодняшней России, потомка России вчерашней. Это стратегия скорее невмешательства, чем ломки. Это стратегия создания условий для формирования и роста человека в хозяйственном пространстве, сохранения и улучшения условий для удовлетворения потребности в целесообразной чувственно-практической деятельности, сбережения той среды, в которой продолжает накапливаться человеческий потенциал. Речь должна идти о разработке комплексных подходов по приложению человеческого потенциала к конкретным прорывным проектам, реализация которых укрепляет национальную безопасность. Реализация

этих проектов должна обеспечивать *инновационное развитие*, что не тождественно *развитию экономики на базе инноваций*, основанному на абсолютизации роста производительности. Потенциал должен тратиться, но одновременно с этим должно происходить его накопление. Отрадным является то, что судьба России такова, что возможности для этого есть. Необходимо правильно определить баланс между хозяйством и экономикой, чтобы человек, живущий сегодня, не выпадал из современной жизни, и вместе с тем, чтобы в основании структуры его потребностей лежала потребность в универсальной целесообразной чувственно-практической хозяйственной деятельности. И, конечно, надо действовать.

Литература

1. *Путин В.В.* На выступлении в Государственной Думе с отчетом о деятельности Правительства Российской Федерации за 2011 год // archive.premier.gov.ru/events/news/18671/.
2. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
3. *Маркс К.* Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I.
4. *Шмоллер Г.* Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда. М., 2012.
5. Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России. М., 2011.
6. *Осипов Ю.М.* О евразийской (постсоветской) межгосударственной интеграции // *Философия хозяйства*. 2013. № 5.
7. *Афонцев С., Зубаревич Н.* Пространственное развитие как механизм модернизации Республики Казахстан // *Вопросы экономики*. 2012. № 5.

М.Н. ГЛАЗУНОВ

Союз с Россией: круг желающих и способных

Аннотация. В статье исследуются возможности союза России с другими государствами в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

Ключевые слова: мировая война, мировой финансово-экономический кризис, финансовая олигархия, экономия на общих условиях.

Abstract. The article investigates the possibility of an alliance between Russia and other countries in the global financial and economic crisis.

Keywords: World War, the global financial and economic crisis, the financial oligarchy, the savings on general terms.

Нельзя не заметить, что в 2013 г. в информационное пространство РФ все чаще вбрасывается так называемая *евразийская* тематика. На наш взгляд, объясняется это не просто, а очень просто. Начавшийся в 2008 г. и не обошедший стороной нашу страну «мировой финансово-экономический кризис» положил конец монополии «либерального рыночного фундаментализма», догмами которого СМИ непрерывно потчуют сокращающееся число «бывших советских» и растущее число «новых русских» людей со времен «перестройки» с ее курсом на «переход к рынку».

Среди прочих жертвой «мирового финансово-экономического кризиса» пала и официальная догма «глобализации» как светлого будущего всего человечества. Многолетние разговоры о том, что денационализация и «открытие» национальной экономики (народного хозяйства) в целях «глобализации» рынка принесут с собой равные возможности для развития всех людей, населяющих нашу планету, вне зависимости от их национальной принадлежности, оказались в резком противоречии с изменившейся именно в результате «либерализации» национальных рынков и проникновения на них транснациональных корпораций (под своими именами и через подставные фирмы, в том числе дочерние, внучатые, филиалы, отделения и т. п.) действительностью. В этой, как говорится, новой реальности пропасть между «богатыми» («экономически развитыми») и «бедными» («развивающимися») странами разверзлась настолько, что пиаровские трюки с включением в число «экономически развитых» (ОЭСР) или «политически значительных» (G7, или Большая семерка) *дополнительно* новых якобы успешных «субъектов международной политики и права» выглядят просто непристойно (либо комично — для тех, кто любит черный юмор). История после контрреволюции в СССР со всей очевидностью показала, что при сохранении господства капиталистической системы производственных отношений в мире есть только две (полторы) успешные страны: Великобритания (Англия) и ее дочернее общество — США⁶. Скованные обязательствами как проигравшая

⁶ Удивительно, что с самого начала «перехода к рынку» по поводу «внутреннего рынка» общественное сознание в РФ в целом адекватно относится к подобной пропаганде (в частности, припечатав ее фольклорным предвыборным

сторона Второй мировой войны Япония и Германия, несмотря на их высочайший технологический (научно-технический) потенциал, не способны составить конкуренцию названным государствам. Косвенно это подтверждается и тем фактом, что в публичной десятке самых богатых людей мира WASP, т. е. белые англо-саксы протестанты, имеют в послевоенный период подавляющее превосходство над всеми остальными. (В действительности, видимо, такая десятка состоит из WASP целиком.)

Модель «однополярного мира» (США, за которыми укрывается «старая добрая Англия», и все остальные), едва обозначившись, не выдержала испытаний ни в теории (даже такой поверхностной, как «социологическая», сводящая все проблемы к «поведению субъектов», основывающемся на химере их собственного и чужого «мнения» главным образом о перспективах обогащения), ни на практике. После разгрома Советского Союза в «холодной войне» желающих занять его место в привычной для англосаксов «двухполярной» («биполярной») модели нет: мир усвоил урок шулеров, и играть с ними (их колодой и по их правилам, т. е. носить метку не соперника и даже не противника, а врага) добровольно никто не намерен. Что касается «многополярного мира», то эта модель принципиально не отличается от столь же гипотетической модели «однополярного мира», поскольку полюсов «по определению» может быть только два, и разговоры о «многополярном мире», как и об «однополярном», — не более чем «информационный шум» или провокация военной пропаганды⁷.

Накануне теоретически не исключенной «большой войны», призрак которой бродит по Европе, ее главные участники пытаются спровоцировать своих вероятных противников на обнаружение стратегических резервов в лице возможных союзников. В этих условиях для играющих в паре мировых лидеров (их отношения между собой — семейное дело) было бы приемлемым найти если не одно государство (Китай, как известно, разумно отверг предложение США, сославшись на то, что он — «развивающаяся» страна), то хотя бы фор-

слоганом: «Мы наворовали себе, наворуем и вам!»), а на абсолютно такую же уловку по поводу «мирового рынка» тот же российский электорат до сих пор легко «разводят». Видимо, сказываются пережитки (неизжитки) мелкобуржуазного крестьянского сознания, которое по идущей от Петра I вековой традиции считает все иностранное лучшим (Советской власти, надо признать, не удалось истребить «низкопоклонничество перед Западом»).

⁷ В такого рода «моделировании» истории главный вопрос не этот, а другой: какая связь между историей и электричеством (электромагнетизмом)? На наш взгляд, такой связи нет, а все разговоры о «полярности» применительно к истории — пустословие.

мирующийся союз государств (типа новорожденного Европейского союза) для получения односторонней выгоды от продолжения использования освоенной ими до автоматизма «биполярной» модели мирового господства и одновременно для снискания лавров миротворцев. Исходя из реалий, ничего кроме «арабо-мусульманского» (исключительно для разминки и тренировки, поскольку здесь нет сколько-нибудь значительного промышленно-производственного потенциала) и «евразийского» (Евросоюз в чистом виде — без гастарбайтеров и сырьевых ресурсов из Азии — сегодня экономически несостоятелен) союзов даже и придумать нельзя. Если не считать... вариант снятия с Германии и Японии ограничений на развитие их военно-промышленных комплексов (т. е. немислимой без развития науки и образования *тяжелой промышленности*; обе названные страны, как известно, относятся к мировым лидерам в кораблестроении, а угроза с моря — едва ли не единственное, чего реально опасаются Англия и США). Для начала... Зондаж «общественного мнения» по этому вопросу в малых дозах уже начался.

* * *

Сегодня, как и 100 лет назад (Запад уже публично объявил о том, что в 2014 г. будет отмечать 100-летие начала Первой мировой войны!), «мировая динамика» являет собой картину, говоря языком науки, *экономического* раздела мира между союзами монополистов и *территориального* раздела мира между империалистическими державами. И какие проблемы в этих исторических условиях волнуют научное сообщество РФ?

Проведем, как говорят в мейнстриме, *контент-анализ* подготовительной работы оргкомитета нашей конференции в благодарность за его усилия. На наш взгляд, в целом (как обычно) эта работа позволяет участникам, каждый из которых имеет свою научную специальность и свои научные интересы, высказаться по всему спектру обозначенных в общем названии проблем, выявив «междисциплинарные» стыки, что особенно важно для практики.

Итак, **«Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика».**

Во-первых, «международное». В каком смысле? Самый простой ответ — в смысле *не мирового*. Со второй половины XX в. в политике и праве на высшем уровне явно наблюдается противоборство двух подходов к практике: «мировые», или «всемирные» (world), организации (институты) соперничают с «международными» (interna-

tional)⁸. При этом непродолжительные периоды двоевластия случаются не только на бумаге. Первые в порядке перечисления организации подчеркивают уже своим наименованием существующее положение вещей (*status quo*), т. е. «данное» соотношение сил, и «естественное» преимущество стран-«лидеров» перед странами-«аутсайдерами». В принципе здесь нет никакой новизны — в классическом римском праве этому соответствует понятие *цивильного* (*ius civile*), т. е. собственно римского политического, или гражданского, права как *высшей* формы (отголоском такого подхода является начало официальных публичных проповедей Папы Римского: они и сегодня начинаются словами «*Urbi et orbi!*», т. е. «Городу и миру!»), обозначая пуп Земли, хотя Ватикан сегодня не город, а квазигосударство *внутри* города, да и Рим не тот). Вторые как бы исходят из «природного» равенства сторон, т. е. с учетом опыта *всей* истории, а не только текущей, они предполагают, что мировые лидеры не могут не меняться — вплоть до того, что последние могут стать первыми и наоборот. В классическом римском праве такому подходу соответствует понятие *права народов* (*ius gentium*), которое противопоставлено *цивильному праву снизу и естественному праву* (*ius naturale*), или праву всего живого, сверху. Со времен Средневековья, или упадка римского права вместе с упадком Римской империи, политики и юристы истолковывают *право народов* как *международное право*, или *право войны и мира*⁹.

Во-вторых, «**воспроизводственное обустройство**». Воспроизводство — научная категория из марксистско-ленинской политиче-

⁸ Бывает, что названное деление целиком объясняется «искусством» перевода или хитросплетениями конъюнктуры мирового рынка «информации». Так, например, после создания в 1960 г. *Международной ассоциации развития* (МАР) как филиала (в отличие от континентально-европейского в англо-американском праве филиал имеет права юридического лица) *Международного банка реконструкции и развития* (1944) вся организация стала именоваться *Всемирным банком* (восторжествовали как бы законы арифметики: «минус», умноженный на «минус», дает «плюс»).

⁹ Красота конструкции классического римского права обусловлена тем, что оно отразило высший для своего времени *порядок*, при котором каждый последующий уровень в развитии субъектности связывался обязательством воспроизведения низшего уровня как собственного основания: свобода граждан Рима не могла попира́ть свободу других народов, а свобода народов не могла попира́ть свободу всего (помимо людей) живого. Конечно, нет смысла идеализировать римское право. Практически оно далеко не всегда справедливо судило о *превышении пределов необходимой обороны* в случаях, когда субъекту высшего уровня (сильному) приходилось «отвечать на вызов» субъекта низшего уровня (слабого). Да и вообще рабовладельческий Рим, «по определению», жил в основном прямым захватом (*occipatio*)...

ской экономики. Классически она разработана К. Марксом в «Капитале» применительно к капитализму свободной конкуренции. Проблемой воспроизводства завершается научное исследование как процесса производства, так и процесса обращения и, наконец, процесса производства, взятого в целом (как диалектического единства процессов производства и обращения). На первом, базисном, уровне открывается и обосновываются потенциал производства, необходимость и возможность его возобновления (при капитализме это — проблема накопления капитала). На втором уровне открываются и обосновываются условия реализации всего произведенного общественного продукта как обеспечение сбалансированного развития экономики в целом. Наконец, на третьем уровне открываются и обосновываются «механизм» воспроизводства, промышленный (и вписанный в него экономический в целом) цикл как нарушение и восстановление условий реализации необходимыми действиями «хозяйствующих субъектов»¹⁰. Обустройство — (на сегодня) религиозный, богословский термин, т. е. образ, а не категория. Образных категорий, как и категорических образов, не бывает (в том смысле, что если категория используется как образ, она перестает быть категорией; превратить же образ в категорию еще никому не удалось ни в искусствоведении, ни в богословии)¹¹. Но по-

¹⁰ «Капитал» дает образец как теории, отражающей конкретно-исторические факты в их развитии, так и метода исследования воспроизводства, пригодного для исследования производственных отношений (экономики) любого *господствующего* способа производства. На наш взгляд, методологическая сторона теории Маркса во многом совпадает с *философией хозяйства* постольку, поскольку различие между ними заключается «лишь» в разной степени абстракции, соответствующей разной широте охвата истории (*философия* хозяйства, или экономики, отражает своими категориями *всю* экономическую историю, тогда как экономическая, или хозяйственная, *наука* ограничивается отношениями господствующего способа производства, или тем, что можно проверить фактами в их реальной совокупности; труднее всего проверить фактами *переходную* экономику, когда не господствует никакой способ производства и налицо хозяйственная многоукладность, или своего рода *экономическое беззаконие*).

¹¹ Задача синтеза образного и категориального мышления поставлена Г.В.Ф. Гегелем в первой трети XIX в. как проблема *абсолютного духа*, им же предложен вариант ее решения (переход-восхождение от искусства к религии откровения и от нее к философии), но последующее развитие как общественного бытия, так и общественного сознания «отвернули от Гегеля» и до сих пор не могут подобрать ему достойную замену. Хотя К. Маркс и оставил гениальные наброски философии будущего — «Тезисы о Фейербахе» (1845, впервые опубликованы Ф. Энгельсом в 1888 г.), — но пока не нашлось его последователей, способных развернуть их во всеобъемлющую *философскую*

сколькx путь к истине редко бывает прямым, для того, чтобы случилось и было запечатлено открытие (или откровение), хороши могут оказаться самые неожиданные, включая «эклектические», сочетания духовного и душевного, разумного и чувственного.

В-третьих, **«евразийское (постсоветское) пространство»**. Пусть «наши партнеры», как любит говорить президент РФ, понапрягают извилины — что бы это значило: евразийское, по определению, относится к географии, т. е. к пространству, постсоветское — ко времени, а в скобках принято давать уточнения... Нам представляется, что в постановке проблемы не идет речь об ограничении евразийского пространства пределами Советского Союза на момент его распада, т. е. о восстановлении нашего государства в его прежних границах. Тем не менее это не значит, что в отдаленной перспективе территория сегодняшней РФ не может прирасти не только по сравнению с самой собой, но и по сравнению с территорией СССР: соседей у России много, отношения с большинством из них добрые, а с некоторыми почти семейные. В то же время связь истории с географией настолько тесна, что на исторических факультетах университетов (в том числе в Московском университете) преподают специальный предмет под названием «историческая география», без которого невозможны как учебные дисциплины ни сама история, ни *политическая*, ни *экономическая* география (поэтому отсутствие в учебных планах географических факультетов университетов вышеназванного предмета, на наш взгляд, — явный изъян). Историческая география изучает изменение государственных границ, или границ государственной территории, и фиксирует их в виде карт. Надо ли говорить, что без карт сегодня не обходятся практически никакое передвижение и никакие перевозки. В отличие от исторической географии в нашем случае предлагается мыслить не к сегодняшнему положению вещей, а *от* него вперед, т. е. прогнозировать. Особенно, обращая внимание на *духовную* и *душевную* близость (присутствующую либо отсутствующую) народов, населяющих самый большой континент нашей планеты. Другими словами, наш оргкомитет, безусловно, не мог не иметь в виду и так называемых евразийцев¹², идеологически противостоявших в России конца XIX — начала

систему. Нельзя, вслед за В.И. Лениным, не признать, что если Маркс и не оставил Логик, то он оставил логику «Капитала». Было время, когда эти слова вполне осмысленно произносили многие выпускники экономического факультета МГУ.

¹² Возвращением творческого наследия русских «евразийцев» из исторического небытия неустанно и последовательно занимается А.Г. Дугин, успевающий при этом следить и за бурным «развитием» постмодернизма во Франции, и за

XX в. либералам-западникам. Материк, он же континент (как твердь), в геополитике противостоит побережью и островам (как хляби). В этом смысле большая часть Европы (континентальная) — оказывается не противником, а союзником России, хотя и Западом, поскольку она, по определению (немецкому), есть *Abendsland* (и... вспоминается «Закат Европы» О. Шпенглера). Но это, если парить в эмпириях, а не руководствоваться трезвым расчетом, в соответствии с которым преодоление пространства (перемещение) имеет грубую материальную сторону — «конкретные затраты»...

В-четвертых, «экономика (народное хозяйство) и политика (публичная власть)». Они, естественно, относятся ко всему проанализированному, выступая в качестве своего рода *магического кристалла*. Ну и здесь, понятно, возникает основной вопрос: что первично — экономика или политика? Как вообще, так и в «данный момент» истории. Как истории вообще, так и истории России. Понятно, что ответы разнятся в зависимости от методологической позиции. Одно дело — эмпирический подход (ср.: *реализм* в схоластике), другое — теоретический (ср.: *универсализм* в схоластике)¹³. Одно дело — метафизический подход, другое — диалектический. Это бы еще полбеды, но власть финансовой олигархии сегодня, как все мы видим, возможна без постмодернизма с его *инсталляциями* (соединением искусственного с неискusstvenным), *перформансом* (соединением нравственного, этического с безнравственным, неэтичным в использовании художником своего тела в качестве инструмента) и *хэппенингом* (вовлечением в перформанс масс) как единственной, исключительной идеологии. Если мыслить и экономику, и политику как *игру*, как те-

очередной активизацией ближневосточной «дипломатии» Англии, и за возрождением «геополитики» в Германии.

¹³ Схоластика, на наш взгляд, — единственная востребованная «современной» властью философия, если, конечно, не считать за философию постмодернизм, как это делают сами постмодернисты и их приверженцы.

Деление слов на «реалии» (на которые можно указать пальцем) и «универсалии» в практической области, как известно, разворачивается в бои «реалистов» и «номиналистов», и здесь «реалистами» зачастую называют сторонников «универсалий», а не «реалий», а следом за этой путаницей (уже в эпоху Просвещения) возникает еще и «позитивизм» с его аксиоматическим методом... Сегодня любую путаницу (как вольную, так и невольную) в научной и философской литературе принято называть *эkleктикой*, имея в виду, как минимум, логическую незавершенность теории. Однако в сфере образования в «современном» мире воцарился «либерализм», поэтому по существу наблюдается *культ эkleктики*, а учителям и преподавателям *запрещено* указывать ученикам и студентам на их ошибки, т. е. публично различать истину и заблуждение (или ложь).

атр, как маскарад, или карнавал (по М.М. Бахтину) — а сегодняшние «элиты» способны, в лучшем случае, только на это — и в целом безразлично относиться к ее результату («Это всего лишь игра!»), вовлекая при этом в число участников (соучастников) все население от мала до велика, то нельзя не доиграться до «конца истории», и тогда остается только религиозно верить в загробный мир. (Здесь, на наш взгляд, можно узнать «конструкцию» Гегеля, но в обрезанном виде, без философии.)

Темой секции I выбрана «Евразия как пространство интеграционных возможностей». В заголовок вынесено «пространство интеграционных возможностей», т. е. *не* время... В каком смысле не время: оно еще не наступило или наоборот? На наш взгляд, здесь непроизвольно обозначена проблема *упущенного* (потерянного в результате «перехода к рынку») времени. — Можно ли компенсировать упущенное время пространством (сдачей пространства), произвести своего рода «размен», как это называется в политехнологии? Не исключено. Однако пугливый западный капитал уже четверть века все опасается, что его заманивают на чужую территорию, чтобы национализировать, и в то же время завидует черной завистью скорости и масштабам обогащения «русской мафии», которая, как и любая другая мафия, прикрывается юридическими лицами, зарегистрированными в других странах, а не в родном государстве. — *Интеграционные возможности* — это, по логике, противоположность *дифференциационным*. Можно ли одновременно реализовывать интеграционные и дифференциационные возможности или только поочередно? Если второе, то в какой последовательности? В каком смысле Евразия является пространством интеграционных возможностей: как целое (т. е. как предел) или как часть? Любые ли части Евразии способны к интеграции (внутри и снаружи)? — Наконец, интеграционным *возможностям* противостоят интеграционная *необходимость*, с одной стороны, и интеграционная *невозможность*, с другой стороны. — «Евразия как пространство интеграционных возможностей» неисчерпаема только с позиции так называемой геополитики, или сакральной географии. Однако с научной точки зрения она выглядит совсем не неисчерпаемо, а напротив, поскольку до сих пор *водный* транспорт имеет значительное, если не существенное, экономическое преимущество перед всеми другими видами транспорта, т. е. транспортные затраты на интеграцию в пределах самого большого *материка* существенно выше, чем на (любую) другую интеграцию. Этот сугубо материальный (объективный) недостаток должен быть чем-то компенсирован. Чем? Аскетизмом, свойственным восточной (азиатской) культуре в целом наря-

ду со стремлением относительно немногочисленной знати Востока к безумной роскоши?..

* * *

Тема моего выступления: **«Союз с Россией: круг желающих и способных»**. «Союз» — понятие «современного» гражданского права, т. е. такого, когда гражданское (цивильное) право и право народов, как и «международное» (что за субъект может быть *между* народами?!) право, начиная с его имени (на каком языке?) и продолжая местоположением (местожительством), местонахождением его имущества и ответственностью (перед какой властью?) *эkleктически* перемешаны в интересах бывшего «третьего сословия» феодального общества, ставшего в результате буржуазной революции господствующим классом «современного» общества. Научный смысл понятия «союз» вернется не раньше, чем закончится власть финансового капитала и финансовой олигархии, олицетворяющей произвол. Это практически, а теоретически ничто не мешает его использовать — с соответствующими оговорками.

В теории государства и права и в науке конституционного права различают *союзное государство*, с одной стороны, и *государственный союз*, или *союз государств*, с другой. В первом случае интеграция носит более тесный характер и называется еще *федерацией*¹⁴. (Здесь нелишне будет вспомнить, что Запад считал Советский Союз *унитарным* государством, и вся «перестройка» проходила под лозунгом *федерализации*, т. е. *понижения уровня интеграции территориальных образований* в составе нашего государства. Иначе говоря, *либерализа-*

¹⁴ В общественных науках всех современных стран есть общая проблема: нет такого языка, который бы не использовал иностранных терминов, но при укоренении их, нередко возникает «разночтение». Так, русское слово «союз», происходит от «узы» («узда», «узость», очевидно, того же корня). В дополнение к нашему «союзу» наука берет (или не берет!) иностранные: «United Kingdom» переводят как «Соединенное Королевство», а не «Союзное Королевство», «United States» — как «Соединенные Штаты», а не «Союзные Штаты», «Bundesrepublik» — как «Федеративная республика», а не «Союзная республика» и т. п. Тогда как и «Union» (англ.), и «Bund» (нем.) буквально — «союз». Как говорится в известном анекдоте: «Понять этого нельзя — это нужно просто запомнить».

Сегодняшняя власть в РФ грепит незнанием «старых» понятий и поспешным «введением» новых, а точнее — все новых и новых. Но народу-то (пока еще?) понятно, что его просто дурят: слова-однодневки ничем не лучше фирм-однодневок... А ведь со Средних веков высокообразованным людям известна проблема под названием «бритва Оккама».

ции отношений между населением различных относительно обособленных и административно выделенных частей нашей страны.)

По поводу либерализма, как известно, двух мнений быть не может — «свобода лучше, чем несвобода», как любит повторять один очень известный политик в РФ (не задумываясь над тем, что это не относится к любым «вертикальным» отношениям, или властеотношениям, начиная с семейных). С этим тезисом можно было бы и согласиться, если, во-первых, отличать свободу от произвола и, во-вторых, понимать свободу классически — как действия субъекта права, не препятствующие таким же действиям других субъектов права¹⁵. Но беда в том, что «перестройка» и «переход к рынку» поделили население «бывшего СССР» *помимо его воли* на, как говорят юмористы, более равных и менее равных, и это деление наблюдается как на уровне международного права («мировое сообщество» практически *сразу* после Беловежских посиделок «лидеров» *трех* славянских республик признало суверенитет *всех* бывших союзных республик СССР), так и внутри РФ в отношениях и между «федеральным центром» и субъектами федерации, и в отношениях между субъектами федерации (подавляющее большинство которых самой властью характеризуются как «депрессивные»). Уже началось «укрупнение» субъектов федерации, но оно не способно дать положительный результат, поскольку при проводимом либеральном «курсе реформ» относительная безопасность населению обеспечена только в городах-миллионниках, в которых, оголяя «окраины», и сосредоточивается Россия (об этом ли мечтал А.М. Горчаков!). Союз как *общественный договор* (по Ж.-Ж. Руссо), т. е. договор о создании *общества в форме государства*, невозможен без граждан как носителей свободы воли. Откуда они берутся? Просветители еще во времена абсолютной монархии считали, что люди *рождаются* свободными, или равноправными. Буржуазная революция *декларировала* права человека и гражданина, но стали ли вчерашние крепостные от этого сразу свободными (даже на уровне чувств)?.. Если такой же вопрос поставить в отношении государств, то окажется, что он неизмеримо сложнее, поскольку у бывших колоний в составе империй по существу не было собственной государственности. Еще сложнее говорить о российских «окраинах», включая необъ-

¹⁵ Здесь возникают сразу две бесполезные ассоциации: во-первых, с определением Аристотелем человека как *«политического животного»* и, во-вторых, со знаменитым *«человеком экономическим»* А. Смита. В обоих случаях смысл раскрывается не иначе, чем после последовательной постановки под логическое ударение каждого из сочетающихся слов. Но можно «размыслить» и без затей: в политике человек ведет себя как животное (т. е. неадекватно), а в экономике (хозяйстве, производстве) — как человек.

ятную Сибирь, о которой М.В. Ломоносовым сказано: «Россия прирастать будет Сибирью» (речь шла о Сибири, скорее всего, как о природной кладовой, в том числе и как о заповеднике, о незагрязненном цивилизацией месте будущего обитания). Россия никогда не относилась к своим «колониям» так же, как Европа и Азия: не грабила их, а, наоборот, «поднимала». В связи с этим историческим фактом можно, в определенном смысле, констатировать, что *народы тянутся к России так же, как «граждане» к Америке (США)*. Например, общеизвестно, что и кочевники (татары), и «народы-изгнанники» (евреи и цыгане) именно в России находят свой «дом» чаще, чем где бы то ни было.

Современные государства — это развитие *городской* общины, подчинившей себе («снявшей») родовую и соседскую. Просторы России позволяют за счет разумного расселения народов минимизировать противоречия, связанные с уровнем культуры (в противоположном направлении действует политика «мультикультурности» и «политкорректности», или грубого уравнивания всех «в правах» вне зависимости от «различий» во всех пунктах, перечисляемых в персональных анкетах; Маркс в этом вопросе, как видно, ошибся — он считал, что грубое уравнивание есть детская болезнь коммунистического общества, а оказалось, что это — «нормальная» болезнь старости буржуазного общества).

Любой общественный союз имеет экономическую (народнохозяйственную) основу «по определению», так как любая экономия достигается на общих условиях. Объединение трудовых усилий позволяет, как известно, не только сокращать расходы на здания, сооружения, машины и оборудование (вообще их использование возможно при наличии определенного — не меньше и не больше — числа работников), но и увеличивать производительность труда за счет рождающейся в совместном труде (уже при простой кооперации, не говоря уже о разделении труда в мануфактуре и на фабрике) его *общественной производительной силы*. Но не это главное. Наука политической экономии доказала, что правильно мыслить — значит мыслить не в масштабе отдельного предприятия (хозяйства), а в масштабе всего общества (пока еще — государства, народного хозяйства). Любой выдающийся (прогрессивный) продукт производится первоначально в конкретной стране и только потом (сначала через захват или через обмен, торговлю) попадает в другие страны, которые налаживают и свое собственное производство такого продукта. Как известно, последователи нередко превосходили первопроходцев, но далеко не всегда. Теоретически не кажется невозможной и специализация наций (народов), о которой так много (20 с лишним лет) рассуждают «реформаторы»

экономики РФ, как бы приискивая ей «достойную» «нишу» в мировом разделении труда¹⁶. Но при современном капитализме это невозможно, поскольку, достигнув монополистической стадии, он не только поставил под жесткий контроль процесс научных открытий, технических изобретений и т. п. (хочешь мирового признания — переезжай в «развитую» страну и вступай во временный творческий коллектив при английском или американском университете как *соавтор*), но и расслоил производство «резервной промышленной армии труда», оставив в метрополии рабочие места лишь верхней части технологической цепочки. При этом сырьевые моноэкономики колоний безжалостно опустошаются и превращаются в излишние (иногда это — игра, или грязная политехнология, направленная на получение максимальной монопольной сверхприбыли метрополией). Никакой самостоятельной ценности они не представляют, а существовать без «помощи» и «развития» со стороны империалистических государств не могут потому, что ни наука, ни образование в них не достигают уровня выше пресловутого мейнстрима, т. е. массовой культуры, необходимой и достаточной исключительно для «отверточной сборки». Историю не обманешь: общество развивается закономерно, и известно, что между капиталистической (буржуазной) и социалистической формами развития необходим особого рода *переходный период*, в течение которого происходит «инвентаризация» всего накопленного человечеством опыта, что проявляется в хозяйственной многоукладности и соответствующей идеологической «надстройке». Если бы капитализм развивался по законам периода свободы конкуренции (как это до сих пор рисует официальная идеология буржуазных государств, особенно империалистических, то он привел бы все общественные отношения к единообразию, и тогда переходный период утратил бы смысл. Но историческая необходимость — она и есть историческая необходимость. В связи с нашей темой возникает вопрос: возможен ли в принципе плодотворный союз между государствами, основанными на господстве различных (противоположных) форм хозяйства? Сказанное о

¹⁶ На самом деле, российские «реформаторы» в силу своей либерально-монетаристской «закваски» не видят никакого другого «достойного» занятия, кроме биржевых спекуляций, или бесконтрольного выпуска денежных суррогатов, либо «порчи монетъ» при помощи печатного станка. Но ни к мировым фондовым биржам, ни к станку, печатающему «мировые деньги», их, по понятным причинам, никто подпускать не собирается.

В любом случае, уже четверть века либералы-рыночники «всем миром» пытаются превратить коренные народы нашей страны (бывший советский народ) в *торговую нацию* (некоторые при этом полагают именно такое место в системе «богоизбранностью»).

переходном периоде от капитализма к коммунизму (социализму) — аргумент в пользу положительного ответа на этот вопрос, причем именно в сегодняшнем виде Россия, которую контрреволюция опустила до переходного периода (ниже опустить невозможно: в мировой истории нет ни одного факта возврата к господству старого способа производства и, соответственно, к старой формации в целом), максимально способна выбирать союзников.

* * *

Устойчивость позиции РФ в современной мировой политике обеспечивается в первую очередь не ее сырьевыми и трудовыми ресурсами, а «унаследованным» от Советского Союза военно-промышленным (оборонно-промышленным) комплексом, включая фундаментальную науку и образование. Можно констатировать, что на сегодняшний день находящиеся у власти либералы почти все «наследие» проели. Сравнительно недавнее прекращение развала ВПК и начало его восстановления, как все видят, сопровождаются ростом уважения к РФ со стороны «наших партнеров». В мире, где правят финансовый капитал и финансовая олигархия, исключительно с позиции обороны и обеспечения безопасности России и следует рассматривать (до восстановления национальной промышленности в полном объеме) перспективы возможного союза с ней соседних (и отдаленных) государств. Желаящие есть. Как традиционные (примерно половина «ближнего зарубежья» и бывшего «социалистического содружества»), так и новые, из числа вкусивших прелестей британского (англо-американского) владычества без сдерживания со стороны Советского Союза. Есть, правда, одна тонкость: как, к примеру, должен относиться успешно развивающийся под руководством коммунистической партии Китая к РФ в свете того, что после контрреволюции ее официальной идеологией стал антикоммунизм (антисоветизм)?

Заявки уже сделаны, и, конечно, не в том смысле, что *круг очерчен* и «кто не успел, тот опоздал» — круг в данном случае всего лишь «фигура речи» (а фигура есть проекция на плоскость тела, в частности, круг есть проекция шара...) ¹⁷. Это, с одной стороны, БРИКС, идущий на смену МСС (Мировой системе социализма), с другой стороны, — ЕврАзЭС, идущий на смену СНГ и Союзному государству России и Белоруссии. Но... естественно возникают вопросы: почему все предыдущие «проекты» оказались холостыми? И не надо ли вспомнить русскую поговорку: «Широко шагнешь — штаны порвешь»? Думается, с учетом другой (шутливой армейской) поговорки

¹⁷ Плоскость (поверхность) на латыни — *planum*, шар — *globus*. Дальше... язык до Киева доведет (но пока еще все дороги ведут в Рим).

о соотношении войны и маневров властями РФ сделано недостаточно. Напрашивается «парадоксальный» шаг — в мягкой форме приглашение к союзу с Россией Германии («через голову» Европейского союза, конечно), Турции и Японии. Интерес в таком «проекте» сегодня, на наш взгляд, очевиден со стороны всех названных государств, а не понравится он может только «нашим партнерам» и их новым союзникам из числа бывших республик СССР и стран Восточного блока, т. е. Варшавского договора.

Вообще надо признать, что за время существования СНГ как «формы цивилизованного развода» все бывшие союзные республики СССР проявили себя с точки зрения *поведения* по отношению к России в полной мере (здесь, конечно, не следует отождествлять позицию властной «элиты» постсоветских государств и позицию народа, еще вчера называвшегося «новой исторической общностью»). Но поведение — предмет малоизученный: сам ли себя ведет «субъект» или его ведет кто-то или что-то? — даже на этот вопрос однозначного ответа нет. Поэтому новый союз с Россией во главе (в центре, в середине, в сердце; в основании) должен строиться *не спеша*, исходя из реалий, и насильно вовлекать в него ныне суверенные страны *сразу* вряд ли разумно. Лучше сделать паузу, во время которой само собой напрашивается «расширение сотрудничества в гуманитарной¹⁸ сфере», особенно в общественных и гуманитарных науках.

* * *

Экономическая наука и философия хозяйства позволяют планировать государственную политику, руководствуясь знанием фундаментальных законов экономического развития. Так, при заключении межгосударственных (политических) союзов небесполезно иметь в виду, что целью — в зависимости от господствующей формы хозяйства — может быть как *военное* усиление (в случае господства *натурального* хозяйства), так и *торговое* усиление (в случае господства *товарного* хозяйства); наконец (не для сегодняшней РФ), *производительное* усиление (в случае перехода к *планомерному* хозяйству). Естественно, возможны и необходимы переходные («компромиссные») формы, связывающие разные формы хозяйства, а в случае хозяйственной однородности национальных экономик, цель их политического союза может быть определена строжайшим образом: например, в случае господства товарного хозяйства, или капиталистического способа производства, целью является *финансовое* усиление, которое

¹⁸ Прекрасный с точки зрения военной пропаганды термин. Более чем двусмысленный, поскольку гуманитарным правом, например, сегодня называют право жертв войны.

обеспечивается личной унией «национальных» представителей финансовой олигархии (вплоть до породнения) либо «системой участия»... Однако сегодняшней политической «элите» кажется, что она не нуждается в *научном* и *философском* знании, отягощение которым или существенно ограничивает *игровой* простор политики, или требует профессиональной игры. Пока она пребывает в заблуждении, помочь ей можно только мягкой подсказкой: нет смысла сбивать бесчисленные ложные идеологические цели противника — полезнее запускать в «немеренном» количестве свои. Играть, так играть.

А если серьезно, то главное — не договоры и союзы, а реальные действия.

С.А. ДЯТЛОВ

Формирование интегрированных информационных систем стран единого экономического пространства*

Аннотация. Электронно-сетевые институты управления, электронное правительство, электронные государственные услуги в РФ в рамках единого экономического пространства, формируемого заинтересованными государствами СНГ. Это ключевые темы представленной автором статьи.

Ключевые слова: Единое экономическое пространство, электронно-сетевые институты управления, Россия.

Abstract. The article is devoted to the electronic and network institutes of management, the electronic government, electronic state services in the Russian Federation within the common economic space created by the interested states of the CIS.

Keywords: Common economic space, electronic and network institutes of management, Russia.

Ведущее место в структуре институтов управления и регулирования глобализирующейся информационно-инновационной экономики занимают электронно-сетевые институты управления, регулирования и контроля, важнейшим из которых является *электронное госу-*

* Статья подготовлена при грантовой поддержке РГНФ, проект № 13-02-00415 «Формирование, оценка и конкурентоспособность интеллектуально-сетевых капиталов в глобальной информационной экономике».

дарство (э-правительство). Формирование глобальной информационно-сетевой распределенной системы *электронного правительства* является сегодня одной из приоритетных задач как в России, так и в странах ЕЭП. В настоящее время проблема развития электронного правительства и электронных государственных услуг трактуется на высшем государственном уровне, как одна из наиболее приоритетных. Данная тематика принимает все более актуальный характер, в результате чего стремительно растет количество проводимых в данной области экономических исследований.

Стремительное развитие и глобальное распространение информационных электронно-сетевых технологий и средств коммуникации являются основными тенденциями в условиях перехода к инновационной системе хозяйствования. Грамотное и эффективное применение современных технологий сбора, обработки, группировки и распределения информации становится одним из ключевых факторов обеспечения конкурентоспособности как отдельных предприятий и организаций, так и экономики в целом, а также повышения эффективности государственного регулирования.

В условиях развертывания инновационного процесса организационно-функциональной формой реализации интеллектуально-информационного капитала на макроуровне выступает электронное государство, которое представляет собой электронно-сетевой институт взаимодействия правительства с гражданами, бизнесом и обществом, имеющий сложную структурно-функциональную организацию, а также способ государственного управления, регулирования и контроля в информационно-инновационной экономике.

Важным признаком эффективного электронного правительства является то, что граждане получали более эффективные средства доступа к информации с тем, чтобы уменьшить стоимость транзакций как для себя, так и для своих партнеров, сделать взаимодействие с госорганами более простым, быстрым и комфортным. Особое место занимает проблема сотрудничества правительства с гражданами, поскольку быстрое снижение стоимости коммуникаций создает предпосылки для трансформирования условий жизни большинства населения.

В рамках концепции электронного правительства государственные услуги, предоставляемые посредством новых электронных каналов, носят название электронных государственных услуг (*e-service*). Под *электронной государственной услугой* понимается один из видов регламентов осуществления функций государственного управления, реализуемый посредством телекоммуникационных технологий в глобальной сети Интернет.

В целом, результатами создания электронного правительства должны стать: улучшение качества предоставляемых государственными органами услуг; уменьшение количества времени, затрачиваемого заявителями на получение государственных услуг; снижение административных барьеров; расширение набора государственных услуг; повышение эффективности деятельности государственных органов; улучшение показателя удовлетворенности потребителей государственных услуг.

Распоряжением Правительства РФ № 1555-р был утвержден «План перехода на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде». Согласно этому плану, до 2015 г. в электронный формат должны будут быть переведены 74 услуги, предоставляемые федеральными органами исполнительной власти.

В июле 2010 г. Правительственная комиссия по внедрению информационных технологий в деятельность государственных органов и органов местного самоуправления утвердила «Системный проект формирования электронного правительства». Документ предназначен для разработки на его основе долгосрочной целевой программы по созданию электронного правительства на 2011—2015 гг.

В структуре электронного правительства в России можно выделить две основные подсистемы: систему межведомственного электронного документооборота (МЭДО) и систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). МЭДО представляет собой федеральную информационную систему для автоматизированного обмена электронными документами в защищенном режиме между администрацией президента РФ, аппаратом правительства РФ, федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ, а также информирования высших органов государственной власти о ходе исполнения поручений. Основная цель проекта МЭДО — повышение эффективности деятельности органов государственной власти.

Главное предназначение СМЭВ — обеспечение исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме. СМЭВ должна передавать запросы граждан в подключенные к ней ведомственные информационные системы госорганов, отвечающих за предоставление этих услуг. А в обратную сторону — передавать на единый портал данные после их обработки в ведомственных ИС и информацию о ходе выполнения запросов.

Реализация концепции электронного правительства подразумевает под собой переход на качественно новый уровень взаимодействия между государством и потребителями государственных услуг и, в

первую очередь, это означает смену традиционных каналов предоставления этих услуг на новые электронные каналы. При этом услуги, предоставляемые государством посредством технологий электронного правительства, должны будут дополнять систему предоставления государственных услуг традиционным способом.

В условиях глобальной высококонкурентной экономики важнейшее значение приобретают задачи ускорения процессов международной торговли, формирования системы государственного администрирования на основе передовых информационных технологий, электронного декларирования и электронного документооборота, что призвано обеспечить транспарентность таможенного оформления и таможенного контроля, повысить собираемость таможенных платежей, упростить и ускорить таможенные процедуры.

На 30-м заседании Комиссии Таможенного союза 16 августа 2011 г. были утверждены «Техническое задание на создание Интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли Таможенного союза» и «Технические условия передачи данных таможенной статистики внешней торговли и статистики взаимной торговли товарами». 13 октября 2011 г. в Москве прошла международная конференция «Стандартизация, сертификация, обеспечение эффективности, качества и безопасности информационных технологий» ИТ-стандарт 2011, в рамках которой впервые была организована работа секции «Интегрированная информационная система взаимной и внешней торговли (ИИСВВТ) — применение стандартов, кодов, форматов электронных форм документов, в интересах экономического развития государств — членов Таможенного союза». По результатам обсуждения участниками конференции были выработаны рекомендации по организационным, техническим и иным вопросам применения стандартов, кодов и форматов форм электронных документов при создании ИИСВВТ.

Введение в действие Интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли Таможенного союза (ИИСВВТ) сейчас необходимо рассматривать в качестве базового направления решения проблемы контроля товаропотоков в Таможенном союзе. Решением Межгоссовета ЕврАзЭС от 19 ноября 2010 г. создана нормативная база функционирования ИИСВВТ — Концепция, Соглашение о создании и Соглашение о применении ИИСВВТ.

Интенсификация внешней торговли и перспектива вступления России в ВТО ставит задачи развития системы законодательства об электронном документообороте на основе международных принципов и стандартов. Международная конвенция «Об упрощении и гармонизации таможенных процедур», к которой Российская Федерация при-

соединилась 3 ноября 2010 г., прямо указывает, что задачи упрощения и гармонизации таможенных процедур неразрывно связаны с интенсивным внедрением информационных технологий.

Так, с 1 января 2011 г. введено обязательное предварительное электронное декларирование при ввозе товаров на территорию Европейского союза в рамках Новой компьютеризированной транзитной системы стран ЕС (NCTS). Использование бумажных деклараций допускается в исключительных случаях, когда в силу чрезвычайных обстоятельств отсутствует возможность подать ГТД в электронной форме. Впоследствии, когда такая возможность появляется, участник ВЭД обязан предоставить также электронную версию декларации. Россия перейдет на обязательное электронное декларирование только с 1 января 2014 г.

Возможность подачи деклараций субъектами хозяйствования в электронном виде прямо предусмотрена ст. 179, 180 и 183 Таможенного кодекса Таможенного союза. В соответствии со ст. 42 (п. 3) Таможенного кодекса Таможенного союза случаи и порядок предоставления предварительной информации определяются в соответствии с международным договором государств — членов Таможенного союза.

Следует также продолжать развитие законодательства, обеспечивающего использование электронной подписи в государствах — членах ЕврАзЭС, с учетом его гармонизации с международными правовыми актами. В новой редакции Федерального Закона РФ «Об электронной подписи» содержатся нормы, основанные на принципах технологической нейтральности и юридической эквивалентности цифровых и собственноручных подписей, что позволит расширить сферы использования и виды применяемых электронных подписей.

Необходимо урегулировать вопросы межведомственного информационного взаимодействия уполномоченных органов, ответственных за выпуск/впуск товара/транспортных средств, а также требований, предъявляемых для идентификации участников электронного взаимодействия в связи с осуществлением таможенного оформления и контроля, что является необходимым условием внедрения системы «единого окна».

Важнейшее значение имеет гармонизация норм, технологий и процедур Интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли Таможенного союза, концепция создания которой одобрена 18 ноября 2010 года Комиссией Таможенного союза, с компьютеризированной транзитной системой стран Евросоюза (NCTS).

В.И. РОМАНЧЕНКО

Институциональные проблемы евразийского объединения

Аннотация. В статье рассматриваются интересы и противоречия процесса евразийской интеграции, описываются ее возможные сценарии развития, показывается невозможность для России на нынешнем этапе выступить полноценным лидером этой интеграции на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: евразийская интеграция, факторы интеграции, постсоветское пространство, институциональная привлекательность.

Abstract. The paper examines existing interests and contradictions of the Eurasian integration process, described its possible scenarios. The impossibility for Russia at this stage to make a full-fledged leader of the integration of the former Soviet Union.

Keywords: Eurasian integration, integration factors, the post-Soviet space, institutional appeal.

Кризис подталкивает всех к поиску новых форм обустройства хозяйства и жизни в целом. Поэтому идея евразийской интеграции возникла в ходе поиска адекватной реакции на вызовы мировой глобализации и процессы внутриэкономического кризиса в самой России. Хотя по своей сути эта «новая» идея является всего лишь плохо забытой идеей воссоединения не так давно самими же разрушенного единого хозяйства. Этот новый виток экономической интеграции на постсоветском пространстве будет происходить уже, конечно, на других институциональных основах. В этом новом строительстве мы теперь имеем дело как с новыми странами, так и с новыми игроками и интересами внутри самой России.

Почему же для России проблема евразийской интеграции стала важной в последнее время? Эту проблему для России актуализировали ряд внутри- и внешнеполитических составляющих.

Во-первых, в тучные 2000 гг. в России на фоне активно просыпавшихся имперских амбиций начала происходить консолидация активной части общества на основе исторической памяти о «Большой России», об ее исключительности и нереализованной миссии для мира.

Во-вторых, активные изменения во внешней политике России, которая с приходом нового лидера стала в 2000-е гг. полноценным субъектом международной политики в планетарном масштабе, подталкивают российские властные элиты к лидерству и легитимизации своих притязаний на региональном уровне.

Одновременно в самих республиках бывшего СССР, несмотря на все их нынешнее разнообразие, имеющих в своей социоэкономической генетике многие общие родовые черты, начала вызревать потребность во внешней консолидации с бывшими участниками Союза для обеспечения своей внутренней устойчивости.

Кажется, что из множества аспектов интеграции — экономических, политических, социокультурных — именно экономический является наиболее простым и легко объяснимым. Тут и увеличение объемов рынка, и использование старых интеграционных связей, и реализация новых стимулов к развитию. Однако новая экономическая платформа интеграции уже коренным образом будет отличаться от прежних моделей. Ранее действовавшая советская модель равномерного развития, т. е. развития отсталых национальных окраин за счет более развитого центра, сегодня уже невозможна. Поэтому проблема интеграции на постсоветском пространстве по мере погружения в нее оказывается все более сложной и противоречивой.

Что же окажется сильнее: силы притяжения или усиливающиеся дезинтеграционные противоречия между осколками некогда единого Советского Союза?

Исследования интеграционных настроений населения в странах региона СНГ, проведенные в 2013 г. Евразийским банком развития [1], показали разноликие тенденции и предпочтения республик на фоне малоконкурентности во многих аспектах сотрудничества самого региона СНГ и его лидера — России.

Даже вершина евразийской интеграции — Таможенный союз — потерял за последний год деятельности 5—7% поддержки населения своих стран.

«Интеграционный барометр» СНГ зафиксировал тревожные тенденции в восприятии привлекательности инвестиций, научно-технического сотрудничества и образования. Так, наиболее привлекательными источниками иностранного капитала и ключевыми партнерами в области научно-технического сотрудничества выступают, прежде всего, США и Япония. Также малоконкурентен регион СНГ и в плане образования. Лидируют с точки зрения привлекательности получения образования страны Евросоюза.

И хотя по совокупности трех факторов — экономики, политики, культуры — приоритетным вектором притяжения для относительного большинства стран является постсоветское пространство, ключевым объединяющим фактором такой группировки является политический. Следовательно, наши страны объединяют не столько единая программа развития, сколько страх и опасность внешней военной угрозы.

Да и сама Россия и россияне, несмотря на всю риторику официальных заявлений, более нацелены на Европу как центр экономического и культурного притяжения. Поэтому желающих жить в Европе и сотрудничать с ней в разы больше, чем поднимать «бывших родственников».

Какова же, все-таки, возможная архитектура евразийского интеграционного объединения, каковы интересы его участников и кто за все это будет платить? И, самое главное, — готова ли сама Россия к этому процессу? Ведь призывая на словах к интеграции, на деле все постсоветские страны, включая, в первую очередь, и Россию, проводят, наоборот, изоляционистскую политику. Этому существенно способствует так называемая неравная полезность интеграции для разных ее участников, когда в особенности на начальном этапе развитие отстающих идет за счет усилий лидеров группировки.

Возможным лидером данной интеграции могла бы стать Россия. Для этого у нее есть два возможных сценария лидерства: 1) когда Россия, как встарь, становится экономическим локомотивом и донором для стран-вагончиков; 2) когда Россия становится институциональным лидером интеграционного процесса, своим светлым примером обучая других, делясь опытом преобразований и эффективными правилами жизни и ведения бизнеса.

Но всем уже понятно, что повторить роль старшей сестры в хороводе бывших республик Союза Россия уже не хочет, да и не может в силу ограниченности своих ресурсов на фоне постоянно возрастающей деградации бывших партнеров.

Выступать же в роли институционального лидера, экспортируя в воспитуемые страны свои эффективные общественные и экономические институты, тоже невозможно ввиду простого отсутствия последних. Хотя именно этот вариант лидерства, в силу его существенно большей экономичности, является наиболее приоритетным. Таким образом, денег за место лидера и на оплату интеграции у России нет, а своими институтами в силу их деградации, даже по сравнению с советскими, Россия делиться не может.

Выступить в роли сердцевины интеграционного объединения, устроенного по типу «ромашки», России сегодня не дано. Максимально, на что она сейчас способна до завершения своих внутренних процессов очищения, это на проведение двухсторонних челночных операций с отдельными участниками постсоветского пространства. И только после своей внутренней институциональной перестройки логично будет всерьез говорить о России как о новом лидере евразийской интеграции.

Литература

1. *Задорин Н.В., Мойсов В.В., Перебоев В.С.* Интеграционные настроения населения в странах региона СНГ в 2013 году. Состояние и динамика // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4.

В.А. ГОРДЕЕВ

Новая индустриализация РФ как фактор евразийской интеграции

Аннотация. Статья посвящена проблемам новой индустриализации России как фактору евразийской интеграции. Утверждается, что пессимистический прогноз Министерства экономического развития на перспективу до 2030 г. практически не оставляет места для осуществления новой индустриализации, а значит, и достойного места РФ в процессе евразийской интеграции и успешности последней. Показывается, что решение проблемы заключается в существенном пересмотре макроэкономической политики государства в направлении мобилизационного осуществления новой индустриализации с учетом опыта СССР 1930-х гг..

Ключевые слова: обустройство РФ и мира, евразийская интеграция, новая индустриализация РФ.

Abstract. This article is devoted to such important, in author's opinion, aspect of an arrangement in the Russia and in the world, as the new industrialization in the Russian Federation, which is the factor for Euroasian integration. The author pays attention to rather pessimistic forecast of the Ministry of economic development on prospect till 2030, which practically doesn't leave a place for implementation of the new industrialization. And it means that can't appear and for a worthy place of the Russian Federation in the course of the Euroasian integration and success of the last. The author shows, that the solution consists in resolute and essential revision of the macroeconomic policy of the state in the direction of mobilization implementation of the new industrialization taking into account experience of the USSR of the 1930th years.

Keywords: an arrangement in the Russia and in the world, Euroasian integration, the new industrialization in the Russian Federation.

Прежде всего отметим, что термин-категория «обустройство» (Ю.М. Осипов) — это не узкоэкономическое понятие, а действительно философско-хозяйственное обозначение того, что должно проис-

ходить в стране и в мире во благо человечества и в гармонии с его хозяйством и средой обитания. Здесь не просто экономическая задача максимизации прибыли, а чтобы «просторно и радостно на душе» было, говоря словами советского поэта-песенника М.В. Исаковского.

Просторность души — как обязательное условие, фактор и составляющая обустройства России. И когда мы беремся за анализ, например, проблем Таможенного союза (см., напр.: [1—3]), то с узко-экономических позиций можем прийти к обескураживающим выводам о его невыгодности и России, и Белоруссии, и Казахстану. А вот если смотреть шире — не только с экономической точки зрения — то позитивные моменты преобладают над негативными столь впечатляюще, что и научного анализа не требуется — это просто видно невооруженным глазом. Преобладают, потому что само наличие Таможенного союза приближает к обустройству наших народов в гармонии с их хозяйством и средой обитания.

Это, видимо, понимает и большинство украинского народа, не поспешившего помочь кучке так называемых протестантов, бьющих стелы и взламывающих двери в здании киевской администрации, нападающих на спецназ. Дело, наверное, не в аргументированных предупреждениях такого профессионала, как С.Ю. Глазьев (иначе Украина потеряет 12 млрд от того-то и т. д.), — это предупреждение именно экономическое. И дело даже не в опасениях промышленников Украины, что с Евросоюзом погибнут последние остатки украинской промышленности, а в массовом осознании того факта, что с Евросоюзом обустройства для Украины достичь в принципе невозможно, а в то же время ни в России, ни на Украине сегодня не наблюдается необходимого обустройства как предпосылки высшего, совместного их обустройства. Власть олигархов и там, и здесь, нежелание украинских олигархов «ложиться» под российских разрезы надвое, например, вчера еще единый военно-промышленный комплекс, что выступает бедой и тому, и другому народу, а преодоление беды видится лишь в объединении, которому мешает олигархическое засилье.

Недавнее признание вице-преьера Правительства РФ Д.О. Рогозина, что американское высокоточное оружие сегодня способно за несколько часов уничтожить 90% ракетно-ядерного потенциала России, обнажает степень нашей незащитности. А это, разумеется, свидетельствует о необустроенности сегодняшней России и большинства из тех, с кем она интегрируется на евроазиатском пространстве. Конечно, правильно президент и верховный главнокомандующий в последние дни проводит проверки боеготовности советских ракет и созывает совещания о необходимости вводить в войска новые типы вооружения. Но за готовностью направить 20 трлн р. на модер-

низацию нашей обороны нельзя не слышать сдержанных оценок руководителей военно-промышленного комплекса, предупреждающих, что требуется высокочрезвычайная модернизация, чуть ли не создание заново оборонных заводов, возрождение научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, былой системы профтехобразования по подготовке рабочих высоких разрядов. Что деньги сами по себе не создают высокотехнологичной продукции, когда специалистам военно-промышленного комплекса сегодня не менее 60—70 лет, а рабочих высоких разрядов вовсе не осталось, и при этом создание ракеты для подводных лодок поручается «сухопутному» предприятию вместо специализировавшемуся на этом десятилетия. Иначе говоря, менеджмент проявляет неумение правильно определить, на что именно направить денежные вливания из госбюджета. Выходит, что обустройство России, в том числе и в русле евразийской интеграции, предстает сложным, многоаспектным процессом, который нельзя оценивать узкоэкономически. Он требует не просто количественного увеличения бюджетных вливаний (это лишь необходимое предусловие), а принципиально новой промышленной, кадровой и образовательной политики.

Два года назад президент В.В. Путин поставил задачу новой индустриализации РФ, подобной по масштабам осуществленной в СССР в 1930-х гг. Нельзя не согласиться с постановкой данной задачи, она выступает как объективная и безальтернативная (ибо альтернатива ей — гибель страны, хозяйства, населения) необходимость. Во-первых, в деле залечивания ран, нанесенных стране, так называемыми реформами последних двух десятилетий, проведенных вопреки научным рекомендациям и урокам мирового опыта, особенно развитых стран Запада и реформируемого Китая. Во-вторых, в деле вырыва человечества, в том числе населения нашей страны, и его хозяйства, а также тех, кто с нами интегрируется, в евроазиатском пространстве, а за нами и всего мирового хозяйства в запостмодерновое состояние, в действительное обустройство из сегодняшней ситуации античеловеческой экономики постмодерна, мировой экономической катастрофы.

К сожалению, недавнее признание министра экономического развития РФ А.В. Улюкаева в том, что на период до 2030 г. наша страна обречена на самый пессимистический социально-экономический прогноз, продолжение функции сырьевого придатка других стран, сокращение социальных и оборонных расходов государства, свидетельствует о другом. В этом прогнозе просто не находится места новой индустриализации. Министра трудно заподозрить в неумении анализировать и прогнозировать. Просто он исходит из того, что будет при продолжении той же макроэкономической полити-

ки, которая и проводилась последние два десятилетия. И тогда, действительно, нет и не может быть никакой новой индустриализации, тем более сопоставимой по масштабам с советской. А значит, и обустройства, которое послужило бы притягательной силой-стимулом для новых и новых акторов нашей евроазиатской интеграции.

Так надо ли цепляться за продолжение той же макроэкономической политики, из-за которой нет места новой индустриализации, а значит, и настоящего обустройства РФ и на этой основе — евразийской интеграции в целом? Надо ли полностью отрицать актуальность и значимость советского опыта, как это делается в публикациях, особенно сторонников либерально-рыночной парадигмы, которые ссылаются на принципиальные различия тогдашней и сегодняшней социально-экономических систем? Различия эти, разумеется, нельзя отрицать, но разве оптимальной для обустройства получилась в РФ система или, вернее, антисистемность?

Нами в русле теоретической экономики как направления, разрабатываемого нашей научной школой (см. напр.: [4]), во всех основных аспектах родственной философии хозяйства, проведено исследование по выявлению актуальных/неактуальных аспектов индустриализации СССР для осуществления новой индустриализации в РФ (см. напр.: [5—8]). Разумеется, такая дифференциация весьма относительна. И не только в наличии в том или ином аспекте советской индустриализации черт и актуального, и неактуального для сегодняшнего и завтрашнего осуществления новой индустриализации в РФ.

Дело в том, что в ходе изучения данной проблемы мы столкнулись с необходимостью существенной корректировки собственной рабочей гипотезы, определенной нами перед началом исследования. На деле мы вынуждены были признать, что нет как абсолютно неактуального, так и абсолютно актуального. В первом приближении получилось, что все аспекты советской индустриализации: кадровый, финансовый, образовательный — актуальны, но реализация каждого из них в отдельности и всех их в совокупности возможна только при определенных условиях, вплоть до коренного поворота в макроэкономической политике РФ. В том числе использования мобилизационных методов, существенного пересмотра итогов приватизации 1990-х гг, национализации природных ресурсов и тех естественных монополий, которые естественно же предназначены выступить стержневой основой для индустриализационного, обустроительного процесса. Осуществление новой индустриализации РФ, как представляется, станет действенным фактором нашей евроазиатской интеграции, инициирует сходные индустриализационные процессы на всем пространстве интегрирующихся стран.

Литература

1. Гордеев В.А., Шкиотов С.В. Конкурентоспособность экономик России и Казахстана: сравнительный анализ точек роста. Международная научная конференция «Казахстановедение» — 7. 23 ноября 2012 г. Т. 1. Астана, 2012.
2. Гордеев В.А., Шкиотов С.В. Конкурентоспособность Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана: теоретический аспект анализа // Электронный научный журнал «Экономика и экологический менеджмент». Ярославль, 2012. № 2 // <http://economics/openmechanics.com/>.
3. Гордеев В.А., Шкиотов С.В. Рецензия на монографию «Конкурентоспособность национальной экономики: регионально-отраслевые аспекты оценки» // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика». Ярославль, 2012. № 3 // <http://www.theoreticaleconomy.info>.
4. Гордеев В.А. Теоретическая экономика как журнал и научное направление // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика». Ярославль, 2012. № 4 (10) // <http://www.theoreticaleconomy.info>.
5. Гордеев В.А., Гордеев А.А. Актуален ли для РФ опыт советской индустриализации 1930-х годов? // Труды Вольного экономического общества России. Т. 163. М., 2012.
6. Гордеев В.А., Гордеев А.А. Актуален ли для РФ опыт советской индустриализации // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Экономика. 2012. Вып. 1.
7. Гордеев В.А., Гордеев А.А. Образовательная составляющая отечественной индустриализации // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 6.
8. Гордеев В.А., Гордеев А.А. Рынок труда в РФ: фактор или препятствие для новой индустриализации // Рынок труда, занятость, доходы: проблемы и тенденции развития. Материалы конференции. 24—26 апреля 2013 г. Орел, 2013.

К.И. ГОЛУБЕВ

О значении принципов христианского социально-экономического учения в интеграции евразийского пространства

Аннотация. В современном обществе, в котором широкое развитие получила тенденция к представлению об относительности истины, важнейшей задачей является понимание того, что соблюдение христианских ценностей не просто полезно, но необходимо как для построения достойного общества, так и истинного и интегрального развития человека.

Ключевые слова: христианское социально-экономическое учение, общество, труд, капитал, собственность.

Abstract. The main task in the modern society where the tendency to the idea of the truth relativity is widely developed is the understanding that following Christian values is not simply useful but also necessary both for the construction of the worthy society and for the true and integral human development.

Keywords: The Christian Social and Economic Teaching, society, labor, capital, property.

В настоящее время, весьма непростое для Российского государства, закономерным является обращение к идеологическим основам его возникновения и развития. Такой основой, на которой Киевская Русь превратилась в государство, занимающее значительную часть европейского и азиатского континента, в первую очередь явилось принятие христианства. Соответственно в настоящее время необходимо обратить особое внимание на содержание христианского подхода к решению социально-экономических вопросов.

Первые слова Библии свидетельствуют, что «сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1:1) и заповедал в раю человеку плодиться и размножаться, наполнять землю, обладать ею (Быт. 1: 28). Соответственно человек сам по себе ничего не может принести в мир или вынести из него, но все получил от Бога. Ибо именно Бог является реальным обладателем тварного мира. Тогда вопрос об имущественных благах следует рассматривать в свете согласия с волей истинного собственника. Эта истина, означающая относительный характер собственности человека, нашла отражение как в Ветхом Завете и Новом Завете, так и в трудах святых отцов. Из этого подхода вряд ли получится вывести закон спроса и предложения для распределения материальных благ, но видно, как власть над земными благами дарована человечеству в

целом, что можно назвать принципом «универсального предназначения материальных благ».

Эта особенность материальных благ требует уделить ей особое место: ее значение следует и из неоднократного обращения к ней отцов Церкви; и из того, что такая оказавшая значительное влияние на развитие всего евразийского пространства теория, как коммунизм, претендующая также и на то, чтобы ее назвали равной «гуманизму», видела в собственности корень всех социальных вопросов. Согласно христианскому учению, люди получают все земные блага от Бога, которому и принадлежит абсолютное право владения ими. Соответственно собственность, представленная в виде многообразных форм (государственной, общественной, корпоративной, частной, смешанной), является даром Божиим, данным для использования во благо себе и ближним. При этом необходимыми являются общественная полезность хозяйственной активности и использование полученных материальных благ на личное потребление, не предполагающее роскошь. Вопросы в сфере труда напрямую связаны с вопросами собственности, ибо именно через труд человек может прийти к обладанию природными богатствами, заставить их служить людям. Таким образом, еще одними требованиями являются трудовой характер и праведность источников собственности.

Еще одной обязательной характеристикой признается благотворительность как показатель общественной эффективности хозяйства и как одно из основных условий спасения души. Среди важнейших принципов организации человеческой деятельности находится принцип солидарности, предполагающий связь личных, организационных и общественных целей, создание системы взаимосвязи и взаимозависимости в сообществе, направленной на достижение общего блага. Прежде всего под солидарностью следует понимать социальный принцип, организующий общественные институты. Кроме того, солидарность — это и моральная добродетель, а не только чувство сострадания при виде бедствий людей. Солидарность предполагает решимость стремиться к общему благу, т. е. ко благу всех и каждого.

Важность творческого характера человеческого труда требует, чтобы человек имел определенную свободу на рабочем месте. Эту характеристику человеческого труда можно выразить через принцип субсидиарности, предполагающий, что важнейшей задачей руководства на всех уровнях должна быть поддержка нижних уровней управления в их деятельности по планированию, организации, исполнению и контролю работы в той мере, насколько это может быть выполнено на максимально возможном нижнем уровне организационной структуры. Такой подход призван наилучшим образом использовать

способности, знания и опыт работников всех уровней; создавать максимально де бюрократизированные структуры управления; добиваться в рамках организации сочетания целей экономических и гуманитарных. Участие в жизни сообщества — не только одно из сильнейших стремлений гражданина, призванного свободно и ответственно исполнять свою гражданскую функцию вместе с другими и для других, но и одна из опор всего демократического строя, а кроме того и одна из величайших гарантий стабильности общества.

Одним из существенных аспектов современности является справедливое вознаграждение за труд, что способствовало бы установлению справедливых отношений между трудящимися и работодателями. О значимости этого аспекта говорит то, что нежелание оплачивать наемный труд относится к грехам, вопиющим к Богу, как отмечает святой апостол Иаков: «Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа» (Иак. 5:4). Здесь снова возникает вопрос о собственности и принципе общего пользования благами. При любой системе отношений между работодателем и наемным работником, именно заработная плата позволяет большинству трудящихся иметь доступ к благам (как природным, так и произведенным промышленностью), по сути своей предназначенным для общего пользования. Соответственно справедливая оплата труда является характеристикой справедливости социально-экономической системы.

Особо следует отметить, что согласно христианскому учению имущественное положение человека само по себе не может рассматриваться как свидетельство того, угоден или не угоден он Богу.

Т.А. АНДРЕЕВА, И.С. АЛЕКСЕЙЧУК

**Феномен географической идентификации в контексте
евразийского цивилизационного пространства**

Аннотация. Статья посвящена проблеме эволюции географической идентификации как общечеловеческому явлению и ее трансформациям под влиянием глобализации и развития евразийского пространства. Сделан вывод о наличии на постсоветском пространстве объективных тенденций расширения сферы географического самоотождествления индивида от локального и национального масштабов к глобальному евразийскому.

Ключевые слова: идентичность, личность, человечество, цивилизация, Евразия, глобализация.

Abstract. The article is devoted to the problem of evolution of geographical identity as a universal phenomenon and to its transformations under the influence of globalization and development of Eurasian space. It is concluded that on the post-soviet space there is an objective trend of extension of geographical self-identification from local and national scale to global Eurasian one.

Keywords: dentity, personality, humanity, civilization, eurasia, globalization.

Пространственное самоопределение страны и народа среди других макрорегионов мира является важнейшей мировоззренческой и геополитической проблемой, от решения которой зависит будущее экономическое и социокультурное развитие. В связи с этим исследование феномена географической самоидентификации в контексте евразийского цивилизационного пространства приобретает особую актуальность, поскольку непосредственно затрагивает проблемы международного и национального развития многих постсоветских государств.

Концепция евразийства имеет множество аргументов «за» и «против». При этом нельзя отрицать, что идея существования Евразии как системного природно-территориального и цивилизационного комплекса, взаимодействующего с другими регионами мира (Китаем, Западом, арабскими странами и т. д.), но отделенная от них некими границами, вполне имеет право на существование. Наиболее ценными с теоретической точки зрения являются обоснование и исследования единства и многообразия (мультикультурности, полиэтничности, полирелигиозности) евразийского пространства, которые характерны и для России, и для Украины, и для многих других постсоветских стран. Осознание этой особенности на новом концептуальном уровне способно привести к снятию многих острых противоречий и конфликтов в развитии этих государств. Для этого следует обратиться к феномену географической идентификации человека и человечества.

Если во времена Платона в экстенсionale понятия «человечество» («человеческий род») доминировали современники Платона, «люди, которые живут сейчас», то во времена Жюль Мишле (1798—1874), одного из первых европейских историографов, в понятии «человечество» начинают доминировать также и те, кто жил в прошлом. Понятие «человечество» у Ж. Мишле уже явно включает не только тех людей, которые живут на Земле, но и тех, кто жил ранее («семья» и «град общий»). Еще дальше пошел в своем проекте возрождения

предков Н. Федоров. Если Ж. Мишле оперировал информационной составляющей наследия прошлого, русский философ предлагал даже восстановление физической бытийности предков.

Следующим этапом развития смысла понятия «человечество» можно считать явное включение в экстенционал этого понятия еще неродившихся людей. Впервые этот «массовый» качественный переход произошел в трудах философов XIX—XX вв. и писателей-фантастов. Количественное же описание такой новой составляющей понятия «человечество» было выполнено лишь в работах современных глобалистов [1]. Они наполнили понятие новым количественным смыслом, введя в круг существенного тех, кто еще только должен появиться на свет. В этой ситуации они как бы противопоставляли себя знаменитому Людовику XIV, постулировавшему: «После нас — хоть потоп».

Проблемы «наследия, которое мы оставляем потомкам», ранее обсуждались тысячелетиями, но в материальной деятельности человечества они начали доминировать лишь в последней четверти XX в. До этого периода потомкам оставляли в «осознанном режиме», в основном, лишь виртуальное и низкоэнергетичное — книги, тексты, теории, идеологию, информацию, культурное наследие. В конце 1970-х гг., после первых работ группы Д. Медоуза и усилий Римского клуба, развитые страны мира стали стремиться резервировать запасы полезных ископаемых, расположенных на национальных территориях. Вследствие такого подхода уже сейчас леса Бразилии начинают восприниматься как «легкие планеты», а район Антарктиды — как запасник воды (сконцентрированной в виде льда) и белка (сконцентрированного в антарктическом планктоне) для будущих поколений.

Обратить внимание на это обстоятельство следует уже потому, что в течение тысячелетий династические государства и религиозные сообщества, используя «захват территории» как доминирующий способ деятельности, сформировали социальный заказ на ту часть современного понятия «человечество», которая включает в себя «людей, живущих сейчас». Многие тысячелетия этот денотат обозначался знаком «род человеческий». Так было во времена Будды и Конфуция, Платона и Аристотеля, Христа и Мохаммеда, вплоть до Средних веков. Коррективы внес лишь развивающийся капитализм, который стал использовать в качестве доминирующего способа деятельности «захват источников энергии и сырья» вместо традиционного «захвата территорий». Это привело к тому, что взгляды сообществ (в виртуальной сфере) стали все чаще обращаться в направлении «исторических отложений прошлого». При этом Книга, Язык, Музей, Культура и История в своем развитии вышли на принципиально новый, системный уровень массовой востребованности в социуме.

Информационное общество и глобализация стали эксплуатировать новый доминантный способ деятельности, основанный на «производстве и контроле информации, захвате ниш и сетей». Центр деятельности был перенесен в виртуальное пространство «символов и знаков».

Развитие социумов стало характеризоваться неустойчивостью. Так, если начало XX в. человечество встретило в составе 60 государственных образований, то через сто лет их было уже в три раза больше. Важно то, что почти половина из вновь возникших государств — это страны-«карлики» с населением менее 5 млн человек. Из-за своей низкой автономности и постоянной зависимости от окружения они обречены на непрерывный поиск таких ниш и такого места в глобальных экономических структурах, в которых их деятельность будет наиболее эффективна. В качестве примера можно привести успешную деятельность по «захвату ниш и сетей» такими странами, как Швейцария, Макао, Монако, Дания, Норвегия, Сингапур, Люксембург и т. п.

Все эти изменения, описанные выше, привели к новому антропологическому повороту в истории цивилизации. В результате подобных динамичных изменений в понятии «человечество» рядом с «теми, кто живет сейчас и жил до нас», появляется устойчивый образ «тех, кто еще не родился, но будет жить после нас». В последние 5—10 лет впервые за несколько тысячелетий темпы роста населения на Земле стали отклоняться от взрывообразной гиперболической тенденции. При этом стали изменяться все основные тенденции глобальных количественных показателей современной модели человечества (объем производства продуктов питания, объем промышленного производства в мире, ресурсы мировой экономики и глобальный уровень загрязнения окружающей среды). Безусловно, это произошло из-за возросшей доли знакового, информационного и низкоэнергетичного в деятельности человечества, в деятельности, в которой концепт (идеальное, знаковое) стал оказывать более сильное воздействие на денотат (материальное, объективное).

Динамика и масштабность глобализации фиксируются в настоящее время на всех уровнях человеческой бытийной.

Еще в середине XX в. антропологи, исследуя пространственные потребности людей, обнаружили, что каждый индивид воспринимает пространство вокруг своего тела как некую личную территорию, своеобразное продолжение собственной физической определенности. В настоящее время в этой территории выделены три основные зоны: интимная (до 50 см от тела человека); личная (50—120 см от тела человека); и публичная (более 3,6 м). По мере удаления от челове-

ческого тела степень идентификации личностного «Я» с окружающим пространством снижается. С максимальной силой эта идентификация проявляется в интимной зоне, а с минимальной — в публичной.

Размеры интимной, личной и публичной зон определяют многие стандарты и нормы в строительстве, архитектуре, мебельном дизайне, эргономике, менеджменте в непроизводственной сфере, психологии и педагогике [2, 265].

Вместе с тем существуют иные, более протяженные (географические) объекты, с которыми человек отождествляет собственное «Я». У довольно значительных контингентов наших современников степень идентификации с этими географическими объектами может быть максимальной (несмотря на их гигантские размеры), т. е. может находиться на уровне идентификации с интимной зоной.

В последние десятилетия стало ясно, что процессы идентификации личности с географическими объектами оказывают существенное влияние на поведение человека в современном социуме. Эти процессы получили специальное название «географических идентификаций» и стали объектами многочисленных сравнительных работ [3, 280—293].

Так, в работе [3, 282—293] приводятся данные опросов жителей 21 европейской страны, США и Канады, проведенных Евробарометром и Европейской группой по исследованию ценностей (EVS) в 1981 и 1990 гг., а также данные всероссийского опроса взрослого городского населения (1657 человек по профилю общероссийской выборки), выполненного Отделом социальной динамики ИСПИ РАН в мае 1994 г.

В этом исследовании структуры географических идентичностей изучались с помощью анкеты, содержащей пять альтернатив. Авторы этих исследований воспринимали феномен географических идентичностей как многомерный концепт, содержащий в себе ряд взаимосвязанных компонент: политико-правовую, экономическую, лингвистическую, этническую, культурную, религиозную, историческую и географическую составляющие. Особо оговаривались совпадения и отличия концептов «нация», «государство» и «идентичность» и отмечалось, что во всем мире происходит процесс преобразования ценностных оснований идентичностей.

Обобщая результаты собственных исследований и работ своих предшественников, авторы отмечали, что «несмотря на то, что глобализация разворачивается вглубь и вширь, большинство людей в мире по-прежнему предпочитают идентифицировать себя не со страной, и не с планетой или континентом, а, прежде всего, со значительно меньшими по размеру географо-культурными единицами, то есть с локальной общностью, населенным

пунктом (городом) или регионом, где они родились, выросли и/или живут» [3, 300].

Глобальные идентичности существенно расширяют сетевые возможности, позволяя создать не одну из разновидностей структур «второго поколения» (т. е. культурную систему, функционирующую, преимущественно, во времени), а универсальную глобальную сеть во времени-и-пространстве.

Люди идентифицируют себя с различными географическими объектами потому, что надеются на помощь со стороны объектов идентификации. Такая помощь может иметь три основные формы: 1) биологическую (сочувствие и понимание матери, доброжелательный мир детства и т. п.); 2) культурную (чувство сопричастности, тождественности с тем или иным социумом); 3) сетевую (реализация своего индивидуального «Я» в социуме).

«Сетевая» форма появляется как результат взаимодействия первых двух форм («биологической» и «культурной»). Она, подобно «биологической» форме, характеризуется понятием «ценность». Это уже не та индивидуальная и неповторимая «биологическая» идентичность, а всеобщая, повторяемая, универсальная, общечеловеческая ценность, которая вбирает в себя, с одной стороны, особенности уникальной «биологической» принадлежности, а с другой — повторяемость и воспроизводимость культурной идентичности.

«Сетевая» идентичность описывается как доступная другим индивидам ценность, позволяющая реализовывать индивидуальное «Я». В ее аксиологическом поле объединяются не только индивиды, но и культуры.

Индивидуальное пространственное самоотождествление (местное, национальное) от локального постепенно переходит ко все более глобальному. Данная тенденция проявляется в расширении образа мира от малой Родины до иных концептов, в числе которых и «Евразийская цивилизация», и «Мир», и «Человечество», т. е. в появлении единой и универсальной идентичности, характерной для масштабных сообществ. Перспективы дальнейших исследований в представленной сфере заключаются, прежде всего, в определении того, обратимы ли такие трансформации и насколько быстро они могут стать всеобщими ориентирами общественного сознания на всем постсоветском пространстве.

Литература

1. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс И. За пределами роста. Учеб. пособ. М., 1994.
2. Пиз А. Язык телодвижений. Кострома, 1996.

3. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 2000.

И.И. РУДЯК

Самость и евразийство: религиозная экономика — от магии до Булгакова

Аннотация. В статье говорится о связи Самости и евразийства, о связи магии и религии, а также о пересечении этих линий.

Abstract. This communication is about connecting between Myselfship and Eurasianism, connecting between magic and economics — and connecting between two line.

Ключевые слова: религиозная экономика.

Keywords: religious economics.

Введение. Сегодня связь, которая изначально и фундаментальным образом существует между экономикой и религией, многими учеными совершенно не ощущается. Чтобы сделать эту связь более осязаемой для всех человеческих глаз и разумов, мы пронзим междисциплинарным внимательным взглядом — сквозь увеличительную линзу интеллектуального микроскопа — тернистый путь истории экономики: от эпохи первобытной «бартерной магии» — до эпохи небесного булгаковского хозяйства. А параллельно мы к тому же еще рассмотрим и евразийство в его неклассическом понимании — именно с точки зрения Самости (которая в рамках мировой философии разными авторами формулируется по-разному).

**Евразийство с точки зрения Самости:
хозяйство как медитация**

Европа для производства и Азия для медитации. Известно, что исторически именно Западная Европа и есть прародина промышленной революции. Промышленная экономика во всем предполагает полную автономность и поверхностность, маргинальность («три основы ноуменальности»). Маркс (диалектический материализм) описывает «производство вообще», которое в сфере антропологии воспроизводит («бытие определяет сознание») кантовского «человека вообще», а в сфере эстетики воспроизводит «эстетику вообще» (у Маркса стиль локализуется именно в надстройке: продукте базиса). В отличие от Запада, Восток (в нашем понимании Азия) является прародиной медитации (даосизм, буддизм, индуизм). Помимо явной религиозно-

сти (метафизический идеализм), медитация подразумевает также и погружение во внутреннее пространство личности конкретного человека.

Европа плюс Азия и хозяйство как органическое единство производства и медитации. Теперь понятно, что Россия как географическая Евразия должна иметь, будучи в своем естественном состоянии, вовсе не поверхностную и стандартную экономику, а булгаковское хозяйство как суперпозицию и органическое единство европейского экономического промышленного производства и религиозной ориентальной медитации (которая и обеспечивает погружение индивидуальности внутрь себя как выход из поверхностного и стандартного внешнего мира). Теоретически российское евразийство должно определяться именно хозяйским способом производства.

Теоретическое отличие хозяйства («феноменальная экономика» евразийства) от экономики (западная «ноуменальная экономика») заключается в его «трех основах феноменальности»: «конкретное производство» (конкретное хозяйство есть обособленная ячейка в планетарных сотах общечеловеческого промышленного производства), антропологическое воспроизведение бахтинского «конкретного человека» (как «Я есть Я» в мировой структуре «ракурсных сот» бахтинского хронотопа, имеющей все теоретически возможные антропологические точки зрения наблюдателя в качестве всех теоретически возможных вполне конкретных человеческих Я), эстетическое воспроизводство андреевской «конкретной эстетики» (Д.Л. Андреев «Роза мира»: пропедевтика конкретной ячейки в мировой структуре эстетических сот).

По представлениям Булгакова, хозяйство в какой-то степени основано на религии, поэтому вполне возможно и формальное соотношение медитации и хозяйства. Медитация (как «погружение культуры», т. е. погружение цельное, кантиленное) — это антропологическое погружение собственного Я в глубины собственного внутреннего пространства. Любое погружение есть создание еще одного дополнительного измерения как уход от маргинальной поверхности объекта в его объемную внутреннюю структуру. А на Западе существует «погружение производства» (как «погружение цивилизации», т. е. погружение как производство товаров из составляющих их деталей: это усложняет структуру товара, а также делает его природу — монтажной).

Хозяйство (в качестве производственного «суммарного погружения», когда вначале происходит «дробящее погружение», а затем происходит олекаливание фрагментов в единое особое кантиленное качество, как в случае создания эффекта Кулешова) есть производи-

тель уникального, конкретного «экономического качества» («экономическая Самость») из уникального же в плане количества и качества, вполне определенного набора фрагментов. Также хозяйство (как «экономическая ячейка») вырабатывает и уникальное «эстетическое качество» («эстетическая Самость») в своей виртуальной «пространственной ячейке» (как сугубо индивидуальный вкус качества ее пространственного состояния — в понимании Андреева). При этом качество как гармонично объединяющая фрагменты в процессе монтажа «форма лекала» зависит от количества и качества вполне конкретного и уникального набора фрагментов (Эйзенштейн, «монтаж аттракционов»). При этом неперемнная «эстетическая составляющая» всякого производства в случае хозяйства вовсе не выходит в надстройку Маркса («погружение надстройки»), а так и остается именно в рамках базиса (промышленный дизайн, Малевич, Корбюзье, Баухауз — вот неполный перечень «эстетических продуктов» хозяйства). Мы видим, что хозяйство в рамках своего производства не только приобщает наши души к религии, но также и делает «жизнь искусством», т. е. производит «построение рая».

Самость как конкретное антропологическое и эстетическое качество

Погружение духовности как отражение биографии Булгакова. Медитативный и духовный характер хозяйства приводит также и к медитативному «погружению духовности» производящего человека из конструктивистски вынесенной Марксом надстройки в базис самого производственного процесса («эстетическая надфункция» и «антропологическая надфункция» производственного процесса). Именно это и обеспечивает исполнение известного цивилизационного желания (человеку культуры это не нужно) — желания «превратить жизнь в искусство». Таков же и продукт (как учение о хозяйстве) личного антропологического пути Булгакова (с его Самостью): от ученого марксиста — к стезе священника.

Эстетическая Самость и антропологическая Самость. «Архитектоника хозяйства» и «архитектоника личности» фактически имеют одинаковую структуру, которая обозначается краткой формулой: «антропология в эстетике» как «объект в пространстве» (производящий человек — в своем хозяйстве; Я человека — в пространстве собственной личности; Адам — в Эдеме; героиня Стриндберга — в пространственной ячейке «архитектурного парка»; древнеегипетский бог-гусь-Солнце, создатель всего живого, людей и богов — в яйце; полинезийский мир — в яйце, снесенном предком Таароа, ставшим огромной птицей; информация об организме как ДНК в ядре — в гуковской «ячейке» (cell) как биологической клетке). В подобном смыс-

ле и хозяйство как «экономическая ячейка», в качестве своего математического предела воссоздающая также и индивидуальную «эстетическую ячейку», есть материальная «внешняя ячейка» воспроизводящего ее производящего человека, точно так же, как и внутреннее пространство конкретной личности есть «внутренняя ячейка» того же самого производящего человека (поэтому Бахтин и полагает, что душа человека имеет эстетическую природу). Потому и Самость эстетической ячейки имеет ту же самую божественную природу (известно, что самостоятельно создавать принципиально новое качество человек фактически не способен), которую имеет и Самость Я одного вполне конкретного человека.

Матрешка Самостей. «Антропологическая Самость» конкретного человека (Бахтин) есть сугубо индивидуальное качество его Я. Эстетическая природа души (Бахтин) объясняется именно эстетической природой («эстетическая Самость» конкретного человека) внутреннего пространства человеческой личности, которая выступает в роли ячейки (созданной из фрагментов именно прижизненных образов из памяти данного человека) для существования его Я (данного Богом в конечном виде). И это индивидуальное внутреннее пространство производящего человека как его же идеальная «антропологическая ячейка» со своим индивидуальным пространственным качеством — не просто создает как свое хозяйство материальную внешнюю «экономическую ячейку» (с ее индивидуальным эстетическим качеством, аналогичным его же антропологическому качеству), но также и вписывает свою хозяйственную ячейку в «небесные соты» как систему хозяйств космической «религиозной экономики» Булгакова (как вписывает он и свое Я в божественный «антропологический хронотоп» Бахтина). Поэтому хозяйство в процессе производства и воссоздает «кротовую нору» как выход экономики в трансцендентальность.

Так и образуется «матрешка Самостей»: вначале антропологическая Самость Я при рождении экономически производящего человека вкладывается в «идеально-эстетическую Самость» его же антропологического внутриличностного пространства, а далее, уже у взрослого человека, эта «идеально-эстетическая Самость» вкладывается в «материально-эстетическую Самость» его же производственного хозяйства.

Фромм и евразийство: продукты экономики и хозяйства как ноумены. Рассматривая экономику и хозяйство как ноумены, мы видим их значительные сущностные различия. В процессе производства религиозное хозяйство, наряду с товаром, порождает и Самость (качество, пришедшее к нам от Бога) — и в этом разница между хозяйст-

вом и экономикой (которая производит одни продукты: товары для потребителя и прибыль для производителя). Призвав на помощь Бога, хозяйство производит идеальную метафизическую Самость как качество, а экономика, будучи оторванной от Бога, производит только диалектическое количество (с чем самостоятельно справляется человек): поэтому хозяйство и есть основа православного евразийства (именно в его экономическом понимании).

Не только результаты, но и сами процессы создания материальных продуктов хозяйством и создание моим Я идеальных продуктов фактически являются полностью идентичными (так и киномонтаж Эйзенштейна построен по законам интеллектуальных процессов процессов мозга). Если в процессе человеческого мышления цельность Я кантианно объединяет внутренние информационные фрагменты памяти, то в процессе создания экономического продукта происходит сочетание в цельный продукт отдельно заготовленных производственных деталей. При этом, изначально будучи замкнутым, хозяйство («экономика культуры») вписывает и производственный процесс, и его продукт — и в окружающую природу, и в эстетическую ячейку (потому что товар есть «фрагмент ячейки»). А чистая индустриальная «экономика цивилизации» создает свои производственные процессы вне всяких экологических рамок природы и вне всяких эстетических рамок культуры (реклама вместо эстетического пространства). Так разомкнутая западная экономика, создавая экологические и эстетические проблемы, убивает и материальное тело человека, и его идеальную разумную душу («дебилизация Постмодерна»). Именно поэтому экономика и хозяйство имеют противоположные «векторы Фромма»: биофильное хозяйство как аналог личности человека возрождает человечество и биологически, и духовно, а вот некрофильная западная экономика, которая осуществляет отрыв цивилизации от культуры (как «отрыв потребления от воссоздания» человека), и физически, и духовно успешно губит современное человечество. Безличное движение материи в экономике (которая является не просто «второй», но также и «некрофильной природой»), где промышленный базис лишь для приличия перекрыт маргинальной пленкой надстройки, вместо евразийства порождает глобализацию, похожую на военный, насильственный эллинизм (Александр Македонский, «свадьба Востока и Запада»). А вот российское евразийство с его космической религией и булгаковской хозяйственной «духовностью потребления» возвращает человеку изначально данную ему Богом двойную природу света («трансцендентальное евразийство»).

Религиозная экономика: от магии до Булгакова

Рождение экономики из духа магии: от жертвоприношения до торговли. Религия как основа гуманистически настроенной «экономической этики» — это непреложная часть хозяйства. В подобном смысле всем известный интерес Гитлера к культуре Востока и его подход к экономике как к «хозяйству» полярно противоположны нормальному, булгаковскому подходу — и противоположны именно в сфере цели: ибо гуманная цель Булгакова — это антропологическое «построение рая», цель же Гитлера в качестве людоеда — это антропологическое «построение ада». Именно поэтому «вектор хозяйства» у Булгакова положительный, а у Гитлера отрицательный.

Однако только этикой связь религии и экономики вовсе не ограничивается, потому что экономика исторически зародилась именно в лоне магической «первичной религии» («религиозная экономика»). Бартер — это первая экономическая операция, которая произошла именно от первичного «религиозного бартера» как «обменного жертвоприношения» первобытного человека языческому идолу. Дело в том, что идол, получив вполне конкретное подношение, был в буквальном смысле обязан в точности исполнить просьбу (вернее, религиозный заказ) дарителя. Идол не был Богом (первичная религия Бога еще не знает) — он был, увы, одной из многочисленных сил природы (и здесь мы видим чистое суеверие, которое проистекает от неполноты знания законов магии, используемых в своей повседневной практике первобытным человеком — вместо веры в Бога и научного знания законов природы). Поэтому, если идол не выполнял того, что было с предоплатой ему заказано (а магия тогда была вполне законной частью хозяйственного процесса), хозяин мог его (в качестве отпетого мошенника) и побить.

Однако вскоре (чтобы горю помочь) отыскался и необходимый «магический поручитель», т. е. в однородном человеческом племени выделились шаманы как особые сакрализованные особы, которые и осуществляли «магическое посредничество», т. е. «магический бартер» с идолом. А далее процесс материального обмена с реальным человеком (шаманом) в реальной жизни как часть религиозного обмена с коварным идолом вообще отпал от своей религиозной первоосновы — и тогда «десакрализованный бартер» начал очень часто осуществляться также и в чисто хозяйственных отношениях одного человека с другим человеком. Так магический бартер и перерос в хорошо известный нам «экономический бартер». Так человечество и промаршировало свой путь от жертвоприношения до торговли.

Магия как научные знания первобытных создает для этих первых людей иллюзию того младенческого управления миром, когда

младенец громко кричит: «Хочу!». Единственная разница заключается в том, что младенец вовсе не знает бартера. Младенческое отношение первобытного охотника к миру, которым можно (якобы) управлять, самостоятельно совершая магические обряды, равноценна нашему отношению к компьютеру, в рамках которого мы свободны. Однако вскоре каждый всемогущий младенец к своему великому удивлению натывается на высшую, непререкаемую волю родителей. А у первобытного человечества зарождается поклонение умершим «сакрализованным родителям» в качестве общеизвестного культа предков (который и впоследствии сохраняется в религии в виде заповеди о почитании родителей). Такой сакрализованный предок в принципе (подобно царю, изображенному на монете) и может служить гарантом валюты, столь необходимым для возникновения денег.

Развитие экономики между религией и наукой. Пройдя сквозь все препоны исторического развития, единый и все более дальний предок явился к человечеству в качестве идеи того единого и настоящего Бога, который, разумеется, действительно существует независимо от возникновения этой идеи. Теперь, подобно Сократу, люди (в отличие от первобытного или младенца, которым заранее все известно) вполне осознали свое незнание (вначале как незнание магического кода, якобы способного управлять природой). И вот, когда от магии уже практически отказались, а наука о природе еще практически не возникла, вера в Бога возобладала над первобытным магическим суеверием — и люди обратились за помощью к Богу как единому «онтологическому программисту». Люди поняли, что миром правит всемогущая «далекая воля» Бога, а не «наивная воля» младенца или «близкая воля» его папаша. И вот самым большим финансовым лицом, заключающим величайшие экономические сделки, вместо императора, т. е. человека, стала именно империя, т. е. государство. При этом Церковь превратилась в государственный институт, в дела которого вмешивалось именно государство.

Обобщение религии политическим государством фактически вызвало ее обмирщение как институализацию внутренней веры каждого отдельного, конкретного человека. В известном смысле религиозная вера (но на более высоком уровне) в своем государственно-обмирщенном виде как бы вернулась к магии прошлого: теперь она имела маргинальный вид выхолощенного изнутри, пустого обрядовения — ради исполнения бытовых желаний, а не ради служения Богу как таковому. Против этого и начали протестовать как юродивые, так и отшельники. Церковно-государственная система религиозных обрядов (похожая на современную компьютерную программу) способст-

вовала зарождению государственной системы финансовых операций (конечно, только в сугубо формальном смысле).

Церковное обрядоверие также проложило путь в культуру и научному атеизму, который представляет собой аналог первобытной «антропологически-властной магии», но уже на основе вполне реальных, экспериментальных научных знаний. Так и появилась «виртуальная экономика» в качестве «магической компьютерной экономики».

Евразийское (по сути, а не по факту) объединение Булгаковым экономики и религии в программную систему для всего человечества есть возврат к единственно разумной форме существования человека нового типа: с наукой в голове и с Богом в душе.

Заключение. Мы видим: самым правильным экономическим учением является булгаковское учение о хозяйстве. Учение Булгакова есть результат логического развития экономической деятельности человечества — от первобытного бартера магического язычества до экономической деятельности на основе междисциплинарной науки и с верой в единого Бога.

Г.В. ФАДЕЙЧЕВА

Формирование потребности развития евразийского пространства и альтернативные сценарии

Аннотация. В статье обозначены проблемы пореформенных экономик на евразийском пространстве, требующие поиска концептуальных решений. Обосновывается необходимость перехода от неоллиберальной политики к политике инновационного дирижизма и от пореформенной модели к инновационной модели развития. Обозначены альтернативные сценарии развития российской пореформенной экономики. Показана взаимосвязь российского инновационного процесса с общественной потребностью развития, ставится вопрос о смысле инновационного развития, дан подход к пониманию инновационного дирижизма.

Ключевые слова: евразийское пространство, пореформенная экономика, общественная потребность развития, дирижизм, инновационный дирижизм, инновационное развитие, неоллиберализм.

Abstract. The article marked problems postreform economies in Eurasia, requiring search for conceptual solutions. The necessity of the transition from the neo-liberal policy to policy innovation dirigisme and the

transition from post-reform model to the innovative development model . Designated alternative scenarios of the Russian post-reform economy. Shows the relationship of the Russian innovation process with public need of development , the question of the meaning of innovation development, given the innovative approach to the understanding of dirigisme.

Keywords: Eurasian space, postreform economy, public need of development, dirigisme, innovative dirigisme, innovative development, neoliberalism.

Геополитические изменения, произошедшие за последние четверть века на постсоветском пространстве, порождают множество разноплановых вопросов — от оценки состояния отдельных секторов экономики и уровня жизни населения до рассмотрения различных альтернативных сценариев развития. Оценка сложившейся ситуации требует концептуально взвешенных подходов, а к числу вопросов, порожденных пореформенным периодом, безусловно, следует отнести следующие:

- какие модели взаимодействия сформировались и формируются на постсоветском пространстве;
- насколько правомерно рассматривать воспроизводственные процессы на постсоветском пространстве как взаимосвязанные и интеграционные;
- какие интересы и какие экономические и политические силы представлены на постсоветском пространстве;
- что именно воспроизводится на постсоветском пространстве (какие социоэкономические, политические, поведенческие модели, какой тип общества);
- каковы перспективы дальнейшего развития на постсоветском пространстве (как для отдельно взятой национальной экономики, так и для отдельных индивидов, интеграционных группировок, крупных институциональных игроков сектора бизнеса).

Отличительной особенностью всех процессов, развернувшихся на постсоветском пространстве, следует, на наш взгляд, считать управляемый хаос, в том числе управляемый извне. Отказ от планового ведения хозяйства в пользу рыночной модели привел к потере государством роли субъекта управления национальным хозяйством в общенациональных интересах, а интересы различных экономических субъектов, реализованные в приватизационном и последующих за ним бизнес- процессах, направлены в первую очередь на реализацию собственных проектов и потребностей и далеко не всегда учитывают общегосударственные потребности. Для социоэкономических систем постсоветского пространства, нацеленных на динамичное развитие,

отвечающее общенациональным интересам, актуальна постановка вопроса о переходе от неолиберальной политики к политике неодирижизма.

Особо отметим, что современная российская пореформенная экономика находится под сильным воздействием неолиберальных идей. В 1990-е гг. в России произошел резкий отказ от господствовавшей ранее экономической парадигмы, место которой заняла неолиберальной доктрина. Заимствованные в период реформирования отечественной экономики, неолиберальные идеи уверенно обосновались в пустующем идеологическом пространстве страны и в практике реформирования народнохозяйственного комплекса. Современные амбициозные проекты перехода к инновационной экономике, экономике развития, выхода России на лидирующие позиции в глобальном экономическом пространстве требуют пересмотра неолиберального подхода к роли государства в экономике.

На наш взгляд, единого воспроизводственного процесса в рамках национальных экономик, представленных на постсоветском пространстве, не существует, за исключением, Республики Беларусь, но и ее хозяйственное пространство является ареной борьбы различных экономических и политических интересов. В российской пореформенной экономике воспроизводственный процесс является многоуровневым и по-разному осуществляется в различных секторах экономики. Наряду с развитием, в том числе при поддержке государством технологически перспективных отраслей, ряд отраслей находится на грани исчезновения, что не всегда следует объяснять переходом к новому технологическому укладу, существует прекокс в сторону сырьевого сектора. Установление важнейших народнохозяйственных пропорций в рамках рыночной экономики ориентируется не на реализацию общественной потребности развития, а на исключительно финансовый результат, а сам инвестиционный процесс (важной частью которого является перелив капитала из отрасли в отрасль) ориентируется на показатель нормы прибыли, а не на призрачные общенациональные интересы.

На постсоветском пространстве в настоящее время функционируют различные воспроизводственные модели и представлены разные модели многоукладных систем. В ряде стран произошел откат к традиционным, дорыночным, формам жизнеустройства, а разрыв хозяйственных связей в связи с дезинтеграцией союзного народнохозяйственного комплекса подорвал экономику. В качестве примеров назовем страны Средней Азии (Центральной Азии, как теперь их принято называть в рамках англоязычного перевода). Многоукладность присуща всем пореформенным экономикам, но соотношение укладов различно.

Позиции госсектора, за исключением Республики Беларусь, везде слабо, достаточно выражен частнокапиталистический уклад, отражающий интересы олигархической части общества и иностранного капитала, в различной степени представлен мелкотоварный уклад, присутствуют элементы натурального хозяйства. Наличие многоукладности в пореформенных экономиках и тенденции управляемого хаоса позволяют обозначить возможные альтернативные сценарии развития, среди которых:

- социально-ориентированная модель с соответствующими механизмами неолиберализма;
- олигархически-ориентированная модель с применением методов неолиберализма;
- олигархически-ориентированная модель неолиберального типа;
- коллаборационистская модель.

Безусловно, отражением общенациональных интересов страны и потребности общественного развития соответствует первая из перечисленных моделей.

Для российской пореформенной экономики налицо противоречие между вызревающей потребностью в гармоничном общенациональном развитии и отсутствием общенациональных субъектов регулирования национальной экономики, которые могли бы легитимно, достаточно быстро и с минимальными социальными издержками реализовать общенациональный проект перехода от пореформенной экономики к экономике развития. В ситуации сжатого временного периода, отпущенного на изменение вектора развития, роль субъекта, призванного реализовать общенациональный проект, может, на наш взгляд, выполнить только само государство (см.: [1; 2]).

Особо подчеркнем, что проектная деятельность государства по реализации обозначенной цели должна быть реализована в форме стремительного перехода к качественно иному социохозяйственному развитию. Удачным термином описания данного проекта следует признать предложенный Ю.М. Осиповым термин «вырыв к развитию», и вынесенный им в название международной научной конференции, состоявшейся 5—7 декабря 2012 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, на наш взгляд, преодоление основных проблем пореформенной российской экономики предполагает проектную деятельность государства дирижистского типа, которая может быть охарактеризована по форме реализации как «вырыв к развитию», а по содержанию — как реализация общественной потребности развития.

Переход к инновационному развитию, к экономике развития — это определенный конкурентный вызов глобальному экономическому пространству, попытка позиционирования страны в данном пространстве, что предполагает:

- четкое определение вектора социоэкономического развития;
- определение хотя бы в основных чертах модели формируемого инновационным механизмом хозяйства;
- понимание инновационности не только исключительно в техническом смысле, но и в социальном, как инновационного развития хозяйства;
- постановку цели, формулировку ожидаемых результатов инновационного развития, т. е. определенное программирование развития, его макроэкономическое регулирование;
- наличие определенной проектной деятельности различных институтов социума по воплощению целей и задач инновационного развития, при этом особая роль в контроле проектной деятельности должна, на наш взгляд, отводиться государству (эту функцию можно обозначить как неолиберализм).

Для современной России общественная потребность развития проявляется по следующим направлениям:

- как потребность занять достойное место в современной глобальной экономике;
- как потребность к лидерству в современном глобальном мире;
- как потребность в поисках альтернативных современному Постмодерну способов социоэкономического бытия;
- как потребность поиска смысла социоэкономического бытия вообще и отдельного человека в частности;
- как потребность реализовать многовековую мечту человечества о гармоничном развитии.

В условиях имеющейся в обществе и в институтах власти относительной неопределенности модели хозяйственного развития нашей страны требуется:

- четко определить цели развития российской социоэкономической системы, ее задачи и критерии оценки достигнутых результатов;
- четко определить модель человека как продукта социоэкономической системы, его мотивацию в процессе общественного воспроизводства и в общественной жизни;
- выработать общенациональную политику в отношении российских экономических ресурсов, их эксплуатации и распределения доходов от их использования;

- создать действенный институциональный механизм формирования общественных потребностей, адекватный целям инновационного развития российской экономики.

Для успешной реализации российского инновационного проекта требуются консолидация всего российского общества, наличие сильного государства, необходим концептуальный сдвиг от либерализма к неодирижизму, подтверждаемый соответствующей экономической политикой.

Кризис неолиберальной модели развития, как было отмечено выше, выдвигает задачу поиска новых концептуальных решений и реализации развития в соответствии с ними. Усиление роли государства в определении вектора развития и отстаивания избранного пути на глобальном уровне — актуальная проблема, что подтверждается событиями декабря 2013 — февраля 2014 г. вокруг Украины: любое ослабление государственных институтов на постсоветском пространстве воспринимается как повод для навязывания различных вариантов развития, отвечающих интересам внешних субъектов — игроков глобального экономического пространства.

В качестве концептуального решения видится сдвиг от неолиберализма к неодирижизму как отражение общественной потребности развития. Поскольку с момента возникновения дирижизма как концепции, воплощенной наиболее ярко в послевоенной французской экономической модели, прошел значительный период времени и налицо специфика современной российской пореформенной экономики, возможно уточнение термина. Вполне допустима, на наш взгляд, постановка вопроса о современном российском неодирижизме как об инновационном дирижизме. При этом термин «инновационный дирижизм» применительно к российской пореформенной экономике возможно, на наш взгляд, трактовать двояко: как саму социальную инновацию — внедрение (переход к) экономической политики дирижистского типа; как реализацию дирижистских методов в отношении исключительно инновационных проектов.

С точки зрения реализации общественной потребности развития первый путь представляется наиболее рациональным.

Литература

1. Осипов Ю.М. Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность // *Философия хозяйства*. 2014. № 1.
2. Постреформизм и развитие / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.; Ирпень, 2013.

Н.В. ФЕСЕНКО

**Консолидация участников мир-системы
в преодолении кризиса мироуправления**

Аннотация. Целостно исследованы концептуальные основы консолидации участников мир-системы. Показано, что глобальный финансово-экономический кризис является частью глобального системного кризиса, который связан с кризисом мироуправления. Доказано, что консолидация мирового сообщества является важнейшим условием дальнейшего устойчивого развития человечества. Управляемость кризисным развитием будет достигнута при условии приобретения международной системой нового баланса, соответствующего характеру глобальных трансформаций.

Ключевые слова: консолидация, мир-система, концепция, кризис, устойчивое развитие, участники мир-системы, мировой порядок, человечество.

Abstract. Conceptual basis of consolidation of participants world-system are holistically investigated. It is shown that the global financial and economic crisis are a part of the global systemic crisis, which is associated with world governing crisis. It is proved that the consolidation of the international community is essential for the further development of stable development of mankind. Handling the development of the crisis will be achieved under condition of gaining the international system new balance that corresponds to the nature of global transformations.

Keywords: consolidation, the world-system, concept, crisis, sustainable development, participants of world-system, world order, humanity.

Наличие многочисленных кризисных явлений в современной мир-системе свидетельствует о глобальном системном кризисе, который состоит из не изолированных, а взаимодействующих и усиливающих друг друга многочисленных кризисов. Он включает в себя глобальный финансово-экономический кризис, мирополитический кризис, кризис глобального управления, экологический кризис, демографический кризис, кризис безопасности, кризис энергоносителей и ресурсов. Развитие многих из них было ускорено в результате распада биполярной международной системы и усиления глобализационных процессов. Очевидно, что управляемость кризисным развитием будет достигнута при условии приобретения международной системой нового баланса, соответствующего характеру глобальных трансформаций. С этой точки зрения изменения в общественном развитии сделали проблему международно-политической консолидации необходимым условием регулирования общечеловеческих отношений и поли-

тической необходимостью ради устойчивого развития всего человечества.

На данном этапе самым актуальным и обсуждаемым является глобальный финансово-экономический кризис, который ощущается народонаселением всех государств мир-системы, так как лежит на поверхности и является результатом действия других, взаимосвязанных с ним кризисами низшего порядка, например, ипотечного кризиса, который наряду с другими факторами спровоцировал его. Исходя из этого констатируем, что природа глобального финансово-экономического кризиса сложна и многогранна. Это не просто финансовый («банковский») или экономический («ипотечный», «продовольственный», «энергетический» и др.) кризис. Это кризис бывшего мироустройства, бывшего мирового порядка, прежде всего неолиберальной модели глобализации в том виде, как она сформировалась к концу XX в.

К числу наиболее важных черт этой модели относятся доминирующая роль США как мирового экономического, политического и военного лидера, полное отделение в экономике финансовой сферы от производственной и связанное с этим наличие огромного количества ничем не обеспеченных финансовых активов, распространение вширь институтов либеральной демократии безотносительно к тому, существуют для них необходимые условия и предпосылки или нет. Глобальный кризис выявил проблематичность и во многом несостоятельность этих составляющих прежней неолиберальной парадигмы управления миром. В то же время большинство государств оказалось не готово к пересмотру бывшего неолиберального курса и в настоящее время не имеет эффективной стратегии преодоления кризиса [1].

Вышесказанное свидетельствует о том, что в основе глобального финансово-экономического кризиса заложен «кризис мироуправления». В этой связи необходимо отметить, что организационно-политическая инфраструктура мирового сообщества формируется с конца XV в. Она концентрирует внимание на деятельности государств-лидеров, которые в условиях международной конкуренции, проходя отбор в крупных военных конфликтах, создают и развивают основы современной мир-системы: технологическую (от каравелл до систем глобального позиционирования), финансовую (от нидерландских банков до электронных бирж), информационную (от меркаторовских карт до геоинформационных систем) и политическую (от договоров в Вестфалии до ООН, ЕС и НАТО). С конца XIX в. с появлением и интенсивным развитием мгновенной коммуникации названные подсистемы качественно усложняются, однако организационно-управленческая инфраструктура остается принципиально неизменной.

В этих условиях система конкуренции ведущих государств и жесткого отбора лидера в первой половине XX в. приобретает форму мировых войн [1].

Жесткий конкурентный отбор успешно прошли США, которым удалось стать лидером в осуществлении инновационного прорыва (первое послевоенное поколение человечества, по оценкам А. Тоффлера, создало большее количество продуктивных нововведений, чем все предыдущие поколения вместе взятые), играть определяющую роль в информационной революции, сконструировать глобальную экономическую и финансовую систему. К концу 1960-х — началу 1970-х гг. мир-система столкнулась с рядом проблем, которые формируют повестку дня предстоящего цикла инноваций и не находят решения со стороны США: энергетическая и экологическая проблемы, кластер проблем управления транснациональной экономической активностью и финансовыми потоками, увеличение глобального неравенства и политическое насилие и т. п. [1].

На протяжении прошлого века были созданы три мироуправленческих проекта, в которых инициативы США были определяющими, но роль в осуществлении противоречивой, — Лига наций, ООН и Новый мировой порядок (первая постбиполярная мироуправленческая инициатива Дж. Буша-старшего). В последних двух случаях существовали принципиальные возможности качественного изменения организационно-управленческой инфраструктуры мир-системы, создание условий регулирования глобализационными процессами на многосторонней основе. Однако победила конкурентно-конфронтационная мироуправленческая логика в виде проекта транснационального либерализма. Он предусматривает распространение нерегулируемой модели глобализации на основе политической инфраструктуры «демократического мира» и «расширение пространства свободы» [1].

Вышеупомянутым концептам придавали особое значение и соответствующие силовые стратегии, которые были реализованы в 2000—2008 гг. неоконсервативной администрацией Дж. Буша-младшего. В результате к середине первой декады XXI в. уровень расходов на вооружение вновь приблизился к показателям конца 1980-х гг., США оказались втянутыми в расходные военные операции. При этом мировая финансово-экономическая система сохраняла тесную зависимость от США, что во многом и стало финансово-экономической основой сегодняшнего критического положения. Современный кризис связан с противоречиями нескольких разнонаправленных политических мегатрендов: интеграция и управляемость выступают против поляризации и либерализации.

Объективная необходимость создания многомерных структур глобального управления противостоит практике построения альтернативных коалиций в мировой политике по аналогии с союзами, которые начали Первую мировую войну. Ближайшие десятилетия, вероятно, станут периодом конструирования коалиций, возможные формы которых — от широких интеграционных объединений до форумов (с негосударственным участием) в классических силовых блоках. Возможности этих структур будут, несомненно, оцениваться с точки зрения экономического потенциала государств и других образований, которые в них войдут. Главной проблемой будущего периода трансформации международной системы станет поиск оптимальных моделей глобальной организации или нескольких метарегиональных организаций, которые в дальнейшем смогут создать качественно новую организационно-управленческую инфраструктуру международной системы. Основные возможные сценарии — реформирование ООН, расширенный ЕС, создание мирового правительства и т. п. [1].

С середины 1990-х гг. в международных отношениях утвердился плюралистическая однополярность. Тон стали задавать США и присоединившиеся к ним «старые» члены «большой семерки» — страны Западной Европы, Япония и Канада. Умело взаимодействуя с ООН и используя «карту» НАТО, эта группа стран выработала в промежутке между Дейтоновскими соглашениями (декабрь 1995 г.) и операцией в Косове (май 1999 г.) своего рода бескровный переворот в международных отношениях. Наряду со старой системой мироуправления (вокруг ООН) была построена новая вертикаль для принятия и выполнения решений (G7 — НАТО). За неполные десять лет параллельный неформальный механизм международного регулирования устоялся настолько, что его эффективность оказалась выше, чем у официального, ооновского. Несмотря на жалобы Пекина и его призывы к строительству многополярного мира, сообщество стран и народов стало еще более иерархичным. На вершине пирамиды утвердились США и их ближайшие союзники, они стали энергично проектировать свое лидерство на разные уголки планеты и при необходимости без особых церемоний использовать силу [2].

Ялтинско-потсдамское мироуправление основывалось не на ООН, а на противоборстве и сосуществовании двух мировых систем — капиталистической и социалистической. ООН играла роль политико-правового обрамления образцового военно-политического баланса сил между СССР и США (вместе с их союзниками), а вовсе не была стержнем мироуправления. Внутри советской и американской «зон влияния» действовали свои правила (война во Вьетнаме, ввод войск в Чехословакию, американские операции в Панаме и Гренаде,

война в Афганистане). Крах мировой системы социализма лишил мироустройство той эпохи, в том числе и институты ООН, его исходной логической основы. Войны в Ираке, Югославии и Чечне только обострили несоответствие прежних принципов деятельности ООН современной ситуации [3].

Необходимо отметить, что очень остро кризис мироправления проявляется в странах, где национальная общность не сложилась, а государственные институты слабы или дисфункциональны. К настоящему времени оптимизм постколониального «национального строительства» исчез практически бесследно вследствие неграмотного управления, необузданной коррупции, бедности, болезней, экологических катастроф, насилия. В этих государствах нет по крайней мере трех из четырех элементов национального суверенитета: эффективного контроля над территорией, способности контролировать границы и исключения внешних акторов из внутренних конфигураций власти. Остается только международный юридический суверенитет, который во многих случаях служит основным источником жизнеспособности, позволяя осуществлять правительственные займы, получать донорскую помощь и налоги от иностранных компаний в случае их деятельности в стране [4].

Очевидно, что глобальный системный кризис ускорит трансформацию мировой системы организации власти и заставит мировое сообщество отказаться от повсеместной поддержки квазигосударств при одновременном поиске новых несuverенных форм их организации (протектораты под международным управлением, членство в различных партнерствах, территориальная реорганизация и др.). Эти формы отрабатываются, например, на постюгославском пространстве [4].

Часто растущую нестабильность объясняют спецификой нынешнего гегемона — США, который оказывается или относительно слабым для управления международными процессами, или относительно сильным, склонным к нарушению правил игры, включая принцип национального суверенитета. Тенденция к произвольному применению силы крепнет, и это касается не только США, но и небольших государств, ресурсами которых становятся быстрая реакция на изменения на мировой арене и игра на внешнеполитической конъюнктуре [4].

Кризис мироправления также вызван объективно существующей нетрудоспособностью бывшей «однополярной» модели мироустройства. Даже такая могущественная держава, как США, не в состоянии самостоятельно решать многочисленные политические, экономические, социальные и культурные проблемы современного мира, ко-

торые постоянно усложняются. При этом попытки Соединенных Штатов управлять миром в одиночку, игнорируя интересы других государств и целых цивилизаций, привели к их финансовому и экономическому перенапряжению, которое и стало одним из важных факторов глобального кризиса.

В связи с этим можно прогнозировать, что последствия кризиса будут достаточно масштабными и долгосрочными. Согласно модели эволюционных циклов (длинных волн) международной политической и экономической системы, выход из полосы кризисных потрясений скорее всего произойдет не ранее 2017—2020 гг. В развитых странах в ближайшие годы возможны острые социальные и политические столкновения, которые, с одной стороны, будут стимулировать проведение важных экономических и политических реформ, а с другой — провоцировать политические и военные конфликты с участием США и стран Европейского союза. Существенно возрастет политическая и экономическая роль Китая, Японии, Индии, в то время как роль США уменьшится [1].

Наиболее сложным и противоречивым в условиях глобального кризиса является положение целого ряда стран Африки, Латинской Америки, а также стран СНГ, которые не успели укрепить свою государственность и создать эффективную и конкурентную политическую систему. Положение Украины, которая находится между Западом и Востоком и переживает критический этап политической, экономической и социальной модернизации, также является достаточно сложным. В перспективе весьма серьезными будут социальные и политические последствия новой (второй) волны глобального кризиса, которая может прокатиться примерно в 2014—2015 гг. Именно в этот период возможны новые великие потрясения, связанные с кризисом финансовой системы США и с изменением прежнего мирового порядка. В этот период начнутся глобальные геополитические и геоэкономические изменения, которые неизбежно затронут и постсоветское пространство. Вместе с тем именно эти потрясения смогут наконец открыть возможности для действительно глубокой перестройки мирового порядка, для формирования «многополюсного» мира, для внедрения и распространения принципиально новых, «прорывных» технологий (биотехнологий, нанотехнологий, новых экологически чистых источников энергии и др.) [1].

Итак, новая логика власти и властных отношений ведет к трансформации основных референций социально-политических универсала — государства, нации, суверенитета. Ситуация кризиса легитимности государства влечет феномен фактуализации социума в мировом масштабе, укрепляя другие по отношению к национальности и

гражданству типы идентификации и консолидации населения, проявляющиеся в сильном акцентировании разнообразия культур и качества жизни, и необходимости переосмысления современных политических референций для различных сообществ в глобальном социально-политическом пространстве.

Таким образом, в основе глобального финансово-экономического кризиса заложен «кризис мироуправления». Поэтому, необходимо начать процесс выработки новой модели мироуправления, которая будет учитывать условия глобального мира XXI в., его полицентрический и полицивилизационный характер. Современная глобальный кризис представляет собой не случайное, а закономерное явление, связанное с долгосрочными тенденциями мирового политического и экономического развития. Глобальный системный кризис имеет свои особенности и отличительные черты, связанные с процессами глобализации, региональной политической и экономической интеграции, глобальной миграции и т. д. Во многом вызванный этими специфическими процессами, глобальный кризис является важным рубежом в мировом развитии.

На современном этапе развития общества в эпоху глобализации возникает вопрос о консолидации мирового сообщества для решения многих насущных вопросов. Глобализированный мир обусловил появление множества глобальных проблем, которые стремительно вторглись в жизнь современного общества, поставив человечество в ситуацию, с которой оно раньше не встречалось: возникла реальная возможность апокалиптического сценария в развитии человечества.

Изменения в общественном развитии сделали проблему консолидации необходимым условием регулирования общечеловеческих отношений. Эти изменения обуславливают тенденцию консолидации стать политической необходимостью ради стабильного развития всего мирового сообщества. С этой точки зрения нарастание глобальных проблем и необходимость их совместного решения актуализируют консолидацию международных акторов. В мировом сообществе начинает формироваться новый расклад сил, возникают различные подходы к решению насущных проблем, усиливаются противоречия, разгораются очаги напряженности и возникают различные конфликты.

Анализ степени разработанности проблемы исследования дает основания отметить, что процесс консолидации мирового сообщества с целью решения глобальных кризисных явлений остается недостаточно изученным. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть все виды консолидации на концептуальном уровне и предложить первую классификацию этого феномена.

Такая необходимость основывается на том, что в научной политологической и социологической литературе изучение феномена и процесса консолидации является относительно новым, и в современной зарубежной и отечественной политологии отмечается растущий интерес к данной проблеме.

Термин «консолидация» (от лат. *Consolidatio* — укреплять, возвращать, объединять) встречается довольно часто в различных контекстах. Исследование феномена консолидации позволило нам составить первую классификацию его видов в политологии. Итак, наиболее разработанными и используемыми являются: концепции консолидации гражданского общества; концепции национальной консолидации; консолидация демократии; консолидация мирового сообщества.

В контексте нашего исследования авторская концепция основывается на том, что комплекс кризисных явлений в самых разных сферах и на разных уровнях — от локального до глобального — свидетельствует о неспособности (из-за отсутствия необходимых механизмов) мирового сообщества преодолеть кризис, который можно считать глобальным системным кризисом, или кризисом мироуправления. Таким образом, современная кризисная ситуация на глобальном уровне настоятельно требует поиска средств и факторов, которые будут способствовать стабилизации социально-экономических и политических отношений, консолидации общественных сил и всех участников мир-системы: государств, международных организаций, транснациональных корпораций и влиятельных индивидуумов.

Согласие, консенсус и социальное партнерство являются объективно необходимыми предпосылками дальнейшего развития мирового сообщества. Сегодня приходится констатировать, что консолидация рассматривается достаточно фрагментарно в различных контекстах с целью преодоления тех или иных проблем в основном на локальном, региональном и реже на глобальном уровнях, только в контексте изолированных кризисных последствий. Однако комплексно на глобальном уровне в качестве консолидации основных международно-политических акторов с целью преодоления глобального системного кризиса она не рассматривалась. Поэтому данное исследование является первой попыткой целостного политологического анализа феномена консолидации и призвано актуализировать дальнейшие разработки в рамках новой дисциплины — консолидологии.

Учитывая вышесказанное, мы понимаем под термином «консолидация» объединение усилий участников международных отношений, направленное на преодоление существующих и предотвращение возможных кризисных явлений на глобальном уровне регулирования

международной системы с целью ее дальнейшего стабильного развития. Важным элементом консолидации является согласие, основанное на доверии и желании стабильного мирового развития акторов международной системы.

На рубеже XX и XXI вв. международная система оказалась в ситуации острейшего системного кризиса, охватившего все сферы жизни общества, национальных и транснациональных акторов, что обусловило поиск инновационных путей и способов выхода из него. Кризисное состояние общества в целом, на глобальном уровне, настоятельно требует изменения всей системы ценностей и функционирующих политических институтов, возникает острая необходимость демократической глобальной перестройки международной системы.

Консолидация участников современной международной системы на данный момент носит фрагментарный характер из-за неэффективно действующих механизмов, деятельности международных организаций, в первую очередь ООН, а также международных групп — большой «восьмерки» и «двадцатки» (G-8, G-20), ведущих ТНК, самых влиятельных и богатых индивидов. При наличии политических условий, их дальнейшего совершенствования с учетом имеющихся общих и специфических факторов, консолидация может приобрести целостный характер, преимущественно по основным направлениям и стратегиям политического, социально-экономического и этнокультурного развития.

Необходимым условием консолидации является наличие механизмов духовно-ценностного влияния, способного гуманизировать и интегрировать участников международных отношений в единый целостный социальный организм, основанный на общности идей, взглядов и позиций по решению ключевых проблем. Необходимыми также являются принятие политической стратегии, определение единой цели, согласованность интересов, компромиссный и консенсуальный характер решения проблем и противоречий. На основе стратегии должны быть выработаны организационно-управленческие механизмы, которые будут обеспечивать согласованную и целенаправленную деятельность всех международно-политических акторов, утверждение системы политико-административного управления международной системой. Консолидация должна способствовать общепризнанности важнейших коренных положений международной системы, деятельности ее институтов.

Достижения консолидации мирового сообщества должно стать задачей исключительной важности. Ведь сложность решения этой проблемы заключается еще и в том, что само человечество делится на много слоев, которые разделяют политические взгляды, экономиче-

ские интересы, конфессиональные различия, национальную принадлежность, геополитические притязания и т. п. Такое разнообразие в глобальном обществе не может не стать фактором усиления противоречий в мировом сообществе. Отсюда часто наблюдается отсутствие благих намерений одних стран по отношению к другим. Иначе говоря, следует констатировать, что нынешний мир еще не научился создавать взаимоприемлемый, политический, экономический, конфессиональный и другой климат [5].

Поскольку с развитием глобализационных процессов многообразие мира не исчезает, а наоборот, все больше становится зримым и чутко ощутимым, то усиливаются всевозможные противоречия, особенно, когда речь идет об интересах транснациональных корпораций и других крупных монополий, в сферах стратегических ресурсов, прежде всего энергетических. В этих условиях важно, чтобы были найдены способы некоторого умиротворения этих растущих интересов с целью достижения международного консенсуса, обеспечения мира и безопасности во всех его измерениях — национальных, региональных и общемировых. Это необходимо еще и потому, что в настоящее время все еще наблюдается тенденция усиливающегося контроля, осуществляемого некоторыми странами над источниками дешевого и наиболее доступного природного и другого энергетического сырья. Между тем интересы мира и безопасности требуют, чтобы любые геополитические приоритеты стран или союзов государств отстаивались цивилизованно, с соблюдением принципов не только так называемых «правил игры», но и прежде всего международного права. В противном случае человечество своими необдуманными действиями будет стимулировать формирование новых террористических центров и очагов международной напряженности [5].

За последние годы значительно возросло количество публикаций и научных исследований, посвященных изучению и анализу различных сторон и уровней консолидации. Однако необходимо отметить, что в контексте консолидации участников мир-системы на глобальном уровне данная проблематика пока остается слабоизученной. Научная проблема исследования обусловлена недостаточной разработанностью феномена консолидации общества в целом, в частности, ее политических аспектов, и требованием поиска перспектив процесса консолидации участников международных отношений.

Анализируя научную литературу по проблеме консолидации, следует отметить, что практически отсутствуют исследования, которые бы комплексно рассматривали теоретические основы консолидации, факторы, пути и методы ее достижения. Чаще всего проблема консолидации освящается в контексте социальных процессов, разви-

тия национальных движений, в изучении проблемы национальной безопасности. Рассматривая уровень научной разработанности исследуемой проблемы, необходимо подчеркнуть, что в политологической литературе изучение процесса консолидации является относительно новым, хотя на ранних этапах развития политической мысли ученые и политические деятели рассматривали различные пути обеспечения единства государств, и главный акцент делался на политической и этнической консолидации общества

В период глобальных трансформаций и усиления глобальных кризисных явлений актуальным становится и изучение возможности политической модернизации механизмов глобального регулирования в качестве необходимого условия консолидации участников международных отношений, особенности его осуществления в период трансформации международной системы, существующие возможности его оптимизации. Перспективу вывода мирового сообщества из кризиса связываем также и с политической модернизацией, которая, как и другая модернизация, неизбежна и необходима. Без политической модернизации международной системы возможности преодоления глобального системного кризиса представляются иллюзорными. Правильно выбранное направление политической модернизации международной системы может стать определяющим фактором консолидации ее участников.

Литература

1. Пантин В.И. Кризис как рубеж мирового развития // Полис. 2009. № 3 // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2009/3/2.htm>.
2. Богатуров А.Д. Синдром поглещения в международной политике // Внешняя политика и безопасность современной России. Т. 1 // <http://libz.me/book/316-vneshnyaya-politika-i-bezopasnost-sovremennoj-rossii-ta-shakleina/19-ad-bogaturov-sindrom-pogloshheniya-nbspv-mezhdunarodnoj-politike.html>.
3. Маслов О.Ю. Новая глобальная архитектура и 6 отличительных признаков глобальной власти (Заметки по новейшей глобальной истории. Ч. 24 // Независимое аналитическое обозрение. 3 сент. 2009. <http://www.polit.nnov.ru/2009/09/03/globalpower24/>.
4. Кудряшова И.В. Кризис и государство // Полис. 2009. № 3 // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2009/3/2.htm>.
5. Борьба против международного терроризма — приоритетная задача мирового сообщества // Газета «Женьминь жабао» он-лайн. 2009. 12 февр. // <http://russian.people.com.cn/95181/6591580.html>.

И.С. ТРОЕКУРОВА

**Направления развития товарных потоков
на евразийском пространстве**

Аннотация. В статье анализируются рассчитанные коэффициенты двусторонних товаропотоков России с центральноазиатскими странами. Исследована товарная структура экспорта и импорта между странами. Доказаны перспективы двусторонней торговли России с центральноазиатскими странами.

Ключевые слова: евразийское пространство, коэффициент интенсивности двусторонних товаропотоков, прогнозы экспорта и импорта.

Abstract. The article analyzes the estimated coefficients of bilateral trade flows between Russia and the Central Asian countries. The commodity structure of exports and imports between the countries is investigated. The prospects of bilateral trade between Russia and the Central Asian countries are considered.

Keywords: Eurasia, bilateral trade flows coefficient, forecasts of exports and imports.

Торговое сотрудничество стран евразийского пространства является основой экономического взаимодействия. В настоящее время особую актуальность приобретает анализ тенденций и перспектив развития торгового сотрудничества России с государствами Центральной Азии, так как это затрагивает жизненно важные российские экономические интересы в регионе. Направления развития внешней торговли можно проанализировать на основе коэффициента интенсивности двусторонних товаропотоков между странами. Этот показатель был введен Дж.А. Брауном в 1949 г. и получил дальнейшее развитие в работах К. Кодзимы [1, 16—36], К. Андерсона и Х. Норхейма [2, 62—84], Ю.В. Шишкова [3, 338], Б. Хоекмана и А. Мату [4, 585—586] и др.

Внешняя торговля России с центральноазиатскими странами характеризуется устойчивой взаимозависимостью. Для того чтобы измерить степень интенсивности двусторонних товаропотоков между различными парами экономик, рассчитаем коэффициенты по формуле:

$$I_{ij} = \frac{X_{ij}}{X_i} : \frac{M_j}{(M_w - M_i)} = \frac{X_{ij} \cdot (M_w - M_i)}{X_i \cdot M_j} = \frac{X_{ij}}{M_j} : \frac{X_i}{M_w - M_i},$$

где I_{ij} — коэффициент интенсивности двусторонних товаропотоков страны i в страну j ; X_i — общий объем экспорта страны i ; X_{ij} — экспорт

страны i в страну j ; M_j — общий объем импорта страны j ; M_i — общий объем импорта страны i . Импорт страны j делится не на весь мировой импорт (M_w), а за минусом импорта страны i , которая не может быть импортером собственного экспорта.

Данный коэффициент показывает отношение доли экспорта страны i в импорте страны j к доле экспорта страны i в мировом импорте (за минусом импорта самой страны i). Если коэффициент I_{ij} больше 1, это говорит о большей интенсивности торговли страны i со страной j по сравнению с мировым уровнем торговли страны i , что указывает на значимость страны j для экспорта страны i .

Используя данные о внешней торговле стран из «Direction of Trade Statistics Yearbook» (IMF, 2013), были рассчитаны коэффициенты интенсивности двусторонних товаропотоков между Россией и центральноазиатскими за период 2002 — 2012 гг. (табл. 1)

Таблица 1

Коэффициент интенсивности двусторонних товаропотоков между Россией и Центральноазиатскими странами

Страна	Годы	Казахстан	Узбеки-стан	Таджики-стан	Киргизия
Россия	2002	22,44	13,38	5,77	10,83
	2003	22,68	11,81	8,45	13,00
	2004	20,75	13,67	8,66	15,91
	2005	16,69	10,78	8,06	15,97
	2006	15,91	10,18	9,19	13,78
	2007	14,64	9,84	9,57	14,55
	2008	12,49	7,31	8,65	11,39
	2009	13,67	8,27	10,07	4,87
	2010	8,57	7,29	10,27	5,47
	2011	8,76	11,31	15,44	4,55
	2012	7,72	13,89	22,19	4,67

Источник: [5].

Полученные результаты позволили утверждать, что за рассматриваемый период коэффициенты интенсивности двусторонних потоков России с центральноазиатскими странами имели значительные колебания. Ни с одной страной этот коэффициент не имел постоян-

ную тенденцию роста. Полагаем, что это связано с тем, что в торговле центральноазиатских стран все более значимым партнером постепенно становится Китай. Определенное влияние на внешнеторговые связи России с этими государствами оказал и мировой финансовый кризис.

Значимым торговым партнером России в этом регионе является Казахстан. Несмотря на произошедшие изменения в направлениях торговли двух стран, торговые связи между ними остаются важными до сих пор, хотя и наблюдается постоянная тенденция к сокращению доли российского экспорта. Так, за период 2002 — 2012 гг. коэффициент интенсивности двусторонних товаропотоков между Россией и Казахстаном снизился с 22,44 в 2002 г. до 7,72 в 2012 г., т. е. страна все меньше зависит от российского экспорта.

Коэффициент интенсивности двусторонних товаропотоков России с Узбекистаном за последние годы колеблется незначительно: от 13,38 в 2002 г. до 13,89 в 2012 г., хотя в отдельные годы коэффициент составлял 7,29 (2010). Возможно, что одной из причин является политическая нестабильность в стране.

За прошедшие годы коэффициент интенсивности двусторонних товаропотоков России и Таджикистана был низким, однако имел тенденцию к росту и в 2012 г. составил 22,19, т. е. для страны российский экспорт остается значимым.

За рассматриваемый период коэффициент интенсивности двусторонних товаропотоков России с Киргизией был самым низким и имел тенденцию к сокращению. Так, если в 2005 г. он составлял 15,97, то в 2012 г. — только 4,67.

Первую позицию в товарообороте России с центральноазиатскими странами занимает Казахстан. Россия продолжает оставаться одним из основных стратегических торговых партнеров Казахстана, находится на первом месте среди стран мира в общем объеме товарооборота Казахстана, занимая долю 17,4%.

В 2012 г. внешнеторговый оборот двух стран увеличился на 8,5% и составил 22,43 млрд дол. (экспорт России 14,56 млрд дол., импорт — 7,87 млрд дол.). В прошедшем году имело место увеличение объемов импорта из России, что связано как с ростом цен на товары российского импорта, так и с увеличением их физических объемов. Анализ товарной структуры Республики Казахстан показывает, что во взаимной торговле России и Казахстана доминирует продукция первичного сектора.

В структуре российского экспорта удельный вес топливно-энергетических товаров составлял 39,4% (2,7 млрд дол.), металлов и изделий из них — 30,6% (2,1 млрд дол.), продукции химической про-

мышленности — 14,6% (983,4 млн дол.), машин, оборудования и транспортных средств — 10,3% (697,4 млн дол.), продовольственных товаров — 3,0% (204,6 млн дол.).

В структуре российского импорта значительную долю занимали минеральные продукты — 28,0% (4,8 млрд дол.), машины, оборудование и транспортные средства — 26,5% (4,5 млрд дол.), металлы и изделия из них — 13,4% (2,3 млрд дол.), продукция химической промышленности — 11,0% (1,9 млрд дол.), продовольственные товары — 10,2% (1,7 млрд дол.) (табл. 2).

Таблица 2

Внешняя торговля Российской Федерации с Республикой Казахстан в 2006 — 2012 гг., млн дол.

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Товарооборот	12806,7	16576,6	19678,0	12844,3	15139,7	19765,9	22427,9
Темпы роста, %	131,3	129,4	119,3	65,2	117,9	130,6	108,5
Экспорт	8966,7	11963,1	13298,6	9147,2	10690,3	12906,6	14557,9
Темпы роста, %	137,4	133,4	112,1	68,8	116,9	120,7	103,3
Импорт	3840,1	4612,5	6379,5	3697,1	4449,3	6859,3	7869,9
Темпы роста, %	119,1	120,1	137,8	57,9	120,3	154,2	119,6
Сальдо	5126,6	7350,6	6919,1	5450,1	6241	6047,3	6688,0

Источник: [6, 5].

Из рассчитанных показателей следует, что рост российского импорта из Казахстана будет примерно 7% в год до 2025 г., когда показатель импорта должен приблизиться к 12,7 млрд дол., а при оптимистическом прогнозе эта цифра может составить 17,8 млрд дол. (рис. 1, 2).

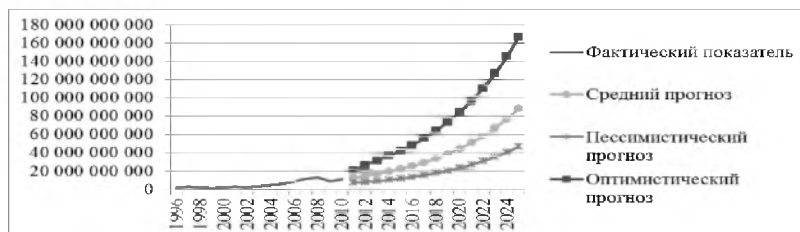

Рис. 1. Прогноз экспорта из России в Казахстан, дол. [7]

Полученные данные указывают на рост российского экспорта в Казахстан на 14 — 15% в год до 2025 г., когда показатель экспорта должен быть больше 88 млрд дол., а при оптимистическом прогнозе эта цифра может составить 166 млрд дол.

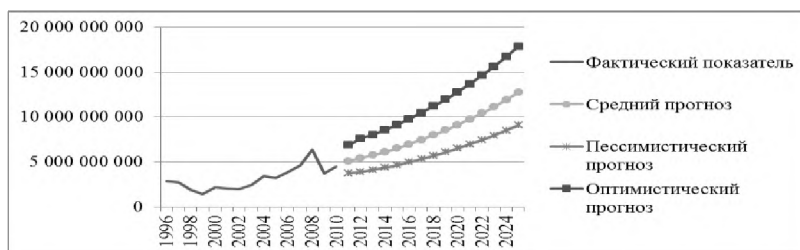

Рис. 2. Прогноз импорта в Россию из Казахстана, дол. [7]

В сентябре 2011 г. была подписана Программа долгосрочного экономического сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан (до 2020 г.), что будет способствовать дальнейшему развитию экономического сотрудничества, укреплению и диверсификации торгово-экономических связей на основе взаимных интересов между нашими странами. В настоящее время разрабатывается план мероприятий по ее реализации, который охватывает все основные направления двустороннего сотрудничества, включая инновационное направление развития отношений.

Россия является ведущим торговым партнером Кыргызской Республики. В 2012 г. объем взаимной торговли между двумя странами составил 1,83 млрд дол. (рост на 26%). Необходимо подчеркнуть, что российский экспорт увеличился до 1,63 млрд дол. (на 41%), а импорт из Киргизии снизился до 195,7 млн дол. (на 33,3%) (табл. 3).

Основными товарами российского экспорта в Кыргызскую Республику в 2012 г. были минеральные продукты — 60,1%, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье — 11,40%, продукция химической промышленности — 8,2%, металлы и изделия из них — 7%, машины, оборудование, транспортные средства — 5,5%.

Основными товарами российского импорта из Киргизии были текстильные изделия и обувь — 56,8%, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье — 11,6, металлы и изделия из них — 13,8%.

Таблица 3

Внешняя торговля Российской Федерации с Республикой Кыргызстан в 2006 — 2012 гг., млн дол.

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Товарооборот	754,8	1169,9	1799,0	1282,7	1384,1	1453,1	1829,8
Темпы роста, %	144,5	155,0	153,8	71,3	107,9	105,0	126,0
Экспорт	560,7	878,8	1308,0	915,5	990,8	1160,3	1634,1
Темпы роста, %	148,8	156,7	148,8	70,0	108,2	117,1	141,1
Импорт	194,1	291,1	491,1	367,1	393,3	292,8	195,7
Темпы роста, %	133,3	150,0	168,7	74,8	107,1	74,5	66,7
Сальдо	366,6	587,7	816,9	548,4	597,5	867,5	1438,4

Источники: [6, 33].

По результатам расчетов, показатель экспорта России в Киргизию будет расти в среднем на 18% в год до 2025 г. Наиболее благоприятным является прогноз, при котором российский экспорт в Кыргызстан достигнет более 11,3 млрд дол. к 2025 г. По итогам 2011 г. российский экспорт превзошел докризисный уровень, т. е. превысил показатель в 1 млрд дол. (рис. 3).

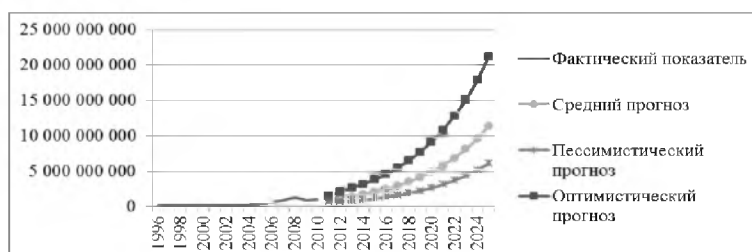

Рис. 3. Экспорт из России в Киргизию, дол. [7]

Полученные данные указывают на рост российского импорта из Киргизии примерно на 9% в год до 2025 г., когда показатель экспорта должен составить более 1,1 млрд дол., а при оптимистическом прогнозе (благоприятной экономической конъюнктуре, дальнейшем спросе российской экономики на узбекское сырье, сохранении темпов развития экономики России на достаточно высоком уровне), эта цифра может составить более 1,9 млрд дол. (рис. 4).

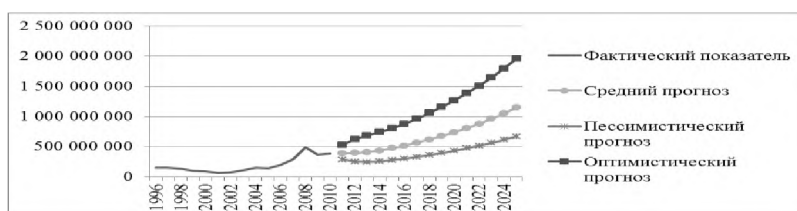

Рис. 4. Прогноз импорта в Россию из Киргизии, дол. [7]

Узбекистан является одним из основных торговых партнеров России среди стран центральноазиатского региона. По объему взаимной торговли с Россией Узбекистан находится на 4-м месте среди стран Содружества, а Российская Федерация занимает 1-е место среди всех торговых партнеров Узбекистана по объемам товарооборота.

В 2012 г. товарооборот России и Узбекистана составил 3,71 млрд дол. и сократился по сравнению с предыдущим годом на 6,2%. Сокращение обусловлено уменьшением импорта узбекских товаров на 25,1%, при этом российский экспорт вырос на 10,4% (табл. 4).

Таблица 4

**Внешняя торговля Российской Федерации с Республикой
Узбекистан в 2006 — 2012 гг., млн дол.**

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Товарооборот	2378,7	3199,4	3337,8	2541,8	3446,0	3966,3	3714,4
Темпы роста, %	134,7	134,5	104,3	76,2	135,6	115,1	93,8
Экспорт	1086,9	1728,7	2038,0	1694,4	1889,5	2106,6	2325,0
Темпы роста, %	126,3	159,0	117,9	83,1	111,5	111,5	110,4
Импорт	1291,8	1470,7	1299,9	847,3	1556,5	1859,7	1389,5
Темпы роста, %	142,9	113,9	88,4	65,2	183,7	119,5	74,9
Сальдо	204,9	258,0	738,1	847,1	333,0	246,9	935,5

Источник: [6, 56]

В структуре российского экспорта в Узбекистан 2012 г. основную долю составили металлы и изделия из них — 22,3%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия — 22,1%, машины, оборудование и транспортные средства — 21,8%. Из Узбекистана Россия импортировала машины, оборудование и транспортные средства — 51,3%, текстиль, текстильные изделия и обувь — 28,3, продовольственные товары и сельхозсырье — 11,8% (рис. 5).

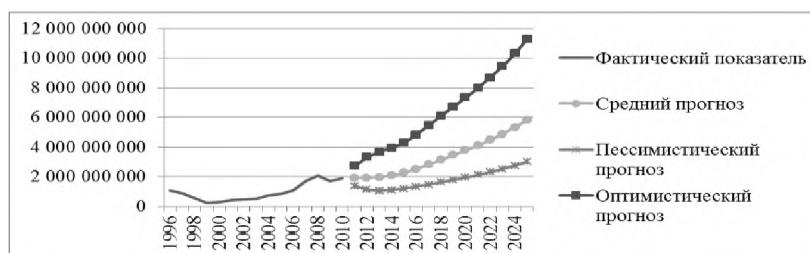

Рис. 5. Прогноз экспорта из России в Узбекистан, дол. [7]

Полученные данные указывают на рост российского экспорта в Узбекистан примерно на 9% в год до 2025 г., когда показатель экспорта должен приблизиться к 5,8 млрд дол., а при оптимистическом прогнозе составить более 1,1 млрд дол. (рис. 6).

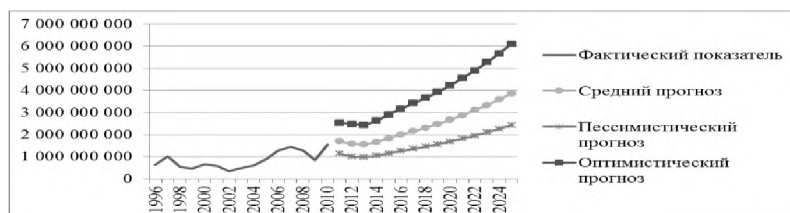

Рис. 6. Прогноз импорта из России из Узбекистана, дол. [7]

Полученные данные указывают на рост российского импорта из Узбекистана на более 7% в год до 2025 г., когда показатель экспорта должен приблизиться к 3,8 млрд дол., а при оптимистическом прогнозе эта цифра может составить 6,1 млрд дол.

В 2012 г. объем взаимной торговли Россия с Республикой Таджикистан составил 745,1 млн дол. и снизился по сравнению с 2011 г. на 8,1%, в том числе российский экспорт сократился на 6,1%, а импорт из Таджикистана сократился на 24,2%.

Снижение объемов товарооборота обусловлено снижением поставок в Республику Таджикистан из России продукции по основным товарным группам: топливно-энергетические товары (на 7,8%), машины, оборудование и транспортные средства (на 21,0%). Исключения составляют продовольственное сырье (рост наблюдается по сравнению с аналогичным периодом 2011 г. на 5,9%), металлы и изделия из них (на 14,0%) (табл. 5).

Таблица 5

Внешняя торговля Российской Федерации с Республикой Таджикистан в 2006 — 2012 гг., млн дол. [6, 44]

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Товарооборот	503,8	769,6	1006,7	786,4	887,0	810,4	745,1
Темпы роста, %	150,4	152,8	130,8	78,1	112,8	91,4	91,9
Экспорт	377,7	607,2	793,9	573,1	673,3	720,4	677,9

Продолжение табл. 2

Темпы роста, %	157,4	160,8	130,7	72,2	117,5	107,0	93,9
Импорт	126,0	162,4	212,8	213,3	213,7	90,0	67,2
Темпы роста, %	132,7	128,9	131,0	100,2	100,2	42,1	75,8
Сальдо	251,7	444,8	581,1	359,8	459,6	630,4	610,7

Основными товарами российского экспорта в 2012 г. являлись топливно-энергетические товары (34,8%); продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (19,6%); древесина и целлюлозно-бумажные изделия (17,0%); металлы и изделия из них (10,6%).

В структуре импорта из Таджикистана основными товарами являлись текстиль, изделия из него, обувь (50,5% общего объема импорта из Таджикистана); минеральные продукты (25,7%); продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (16,3%) (рис. 7).

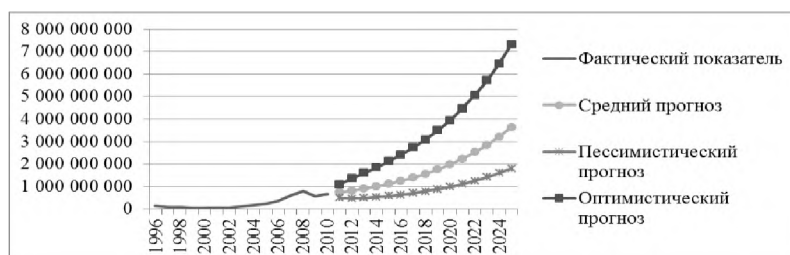

Рис. 7. Прогноз экспорта из России в Таджикистан, дол. [7]

Расчеты показывают, что до 2025 г. российский экспорт в Таджикистан будет увеличиваться на 12 — 13% ежегодно, когда показатель экспорта должен составить более 3,6 млрд дол., а при оптимистическом прогнозе — более 7,3 млрд дол. (рис. 8).

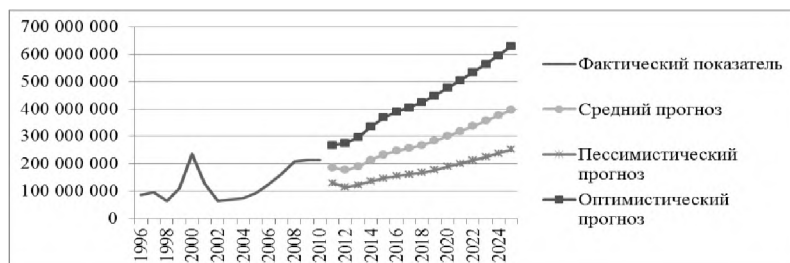

Рис. 8. Прогноз импорта в Россию из Таджикистана, дол. [7]

Полученные данные доказывают, что из всех центральноазиатских стран рост российского импорта меньше всего из Таджикистана — менее 6% в год, а показатель импорта к 2025 г. приблизится только к 397 млн дол., а при оптимистическом прогнозе составит только чуть более 629 млн дол.

С точки зрения развития мировой экономики и общезыхозяйственной конъюнктуры наиболее вероятным будет оптимистический прогноз, однако темпы роста российского экспорта/импорта в Таджикистан стабилизируются или даже будут снижаться по мере насыщения рынка данной страны российскими товарами и роста конкуренции со стороны китайских товаров.

В заключение еще раз необходимо отметить, что представленная модель не принимает во внимание такие важные области двухсторонних отношений, как торговля услугами, инвестиции в торговую инфраструктуру или возможности институциональных улучшений. Целенаправленная работа в данных областях может привести к более существенному увеличению двустороннего товарооборота.

Литература

1. *Kojima K.* The Pattern of International Trade among Advanced Countries // *Hitotsubashi Journal of Economics*. 1964. Vol. 5. No. 1.
2. *Anderson K., Norheim H.* Trade Intensities and the Analysis of Bilateral Trade Flows in Fmany — Country World: A Survey // *Hitotsubashi Journal of Economics*. 1982. Vol. 22. No. 2.
3. *Шишков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М., 2001.
4. *Hoekman B., Mattoo A.* English Ph. Development, Trade and the WTO / The World Bank. Wash., 2002.
5. *Direction of Trade Statistics Yearbook / IMF*. Wash., 2003 — 2013.

6. Внешнеэкономические связи. Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Ежемесячный бюллетень. М., 2013. № 7.
7. Un comtrade // <http://comtrade.un.org/>.

А.А. СОБОЛЕВСКАЯ
Рифы евразийского мейнстрима

Аннотация. В статье рассматривается евразийская концепция, название которой происходит от слов «Европа» и «Азия». Исследуются основные моменты концепции, развиваемые такими учеными, как С. Трубецкой, П. Савицкий и Л. Гумилев. Кроме того, рассматривается связь евразийства с украинским сепаратизмом.

Ключевые слова: евразийство, Евразия, украинский сепаратизм, монголо-татарское нашествие

Abstract. In the article it is analyzed the euroaisia conception: It is unite of tow words — Europe and Asia. We have surveyed the basic moments of the theory developing by such scientists as S. Trubetskoy, P. Savitsky and L. Gumilev. Besides it is analyzed the connection between the euroaisia conception and Ukraine separate movement.

Keywords: Euroaisia, euroaisia conception, Ukraine separate movement, Mongol conquest.

Евразийский соблазн. Термин «евразийство» всплыл в 1920-х гг. в кругах русской интеллигенции, оказавшейся в эмиграции. Но сама идея евразийской утопии сооткалась во глубине масонских лож еще в 1910-х гг. как один из инструментов для свержения самодержавия, для подмены идеи российской империи. Она разрабатывалась в течение десятка лет, но по разным причинам была «усыплена» в конце 1930-х гг. С тех пор евразийская идея периодически вбрасывается в общественное сознание, порождая разделение интеллигенции на тех, кто «за», и тех, кто «против».

Исходный тезис евразийцев — *несовместимость* Запада и Востока, причем важнейшим звеном Востока принимается Монгольская империя, которая возвышается над всеми, в том числе и над Русью. Другой составляющей, лежащей в основе концепции, стал так называемый морфологизм, согласно которому народы и все человеческие общества суть «живые организмы», и организмы замкнутые и непроницаемые друг для друга. Проблемы самобытности, органической верности врожденному или данному типу — эти морфологические

или социологические проблемы занимают полностью весь евразийский кругозор, заслоняя смысл и содержание культурно-исторической проблемы. Так, Данилевский выдвинул идею саморазвития народов от рождения до смерти, а Леонтьев указал срок этого естественно-биологического процесса: 1000—12000 лет.

С самого зарождения евразийского движения одним из главных его теоретиков и политических лидеров был Петр Николаевич Савицкий (15 мая 1895, Чернигов — 13 апреля 1968, Прага), выдвинувший ключевые для евразийской теории моменты. Основная его идея заключается в том, что Россия — особое цивилизационное образование, самостоятельный мир, самобытная геополитическая духовно-историческая реальность — «Евразия». Единство экономической, политической и культурной жизни представляет органически слитное «материковое хозяйство» и обеспечивает самодостаточность и независимость от Европы истории России-Евразии. Такое единство Савицкий называет месторазвитием. Особый интерес вызывало у Савицкого взаимодействие русского этноса с монгольским, от которого русские, по мнению Савицкого, унаследовали «чувство континента». Согласно евразийцам, природная среда оказывает значительное влияние на менталитет населяющих ее народов, что и определяет суть месторазвития. За эту теорию П.Н. Савицкого считают основоположником русской геополитики.

Савицкий считал, что утвердившееся в исторической науке мнение, согласно которому русская государственность основана только на наследии Киевской Руси, неверно. По Савицкому, Киевская Русь, расположенная в меридиональном направлении по рекам, не отвечала требованиям общеевразийской государственности, которая предполагала объединение всего евразийского пространства в направлении с запада на восток. В Киевской Руси господствовал принцип «государственного минимализма», что и привело к феодальной раздробленности и краху государства при нашествии монголов. Напротив, монголы, господствуя в «великом прямоугольнике степей» от востока до запада, добились подчинения оседлых народов. Впоследствии, избавившись от монгольского ига, русские переняли эту черту государственности Монгольской империи и после ее распада вновь объединили Евразию, но уже под главенством православной Московской Руси. Татаро-монгольское иго Савицкий считал, несмотря на всю его тяжесть, наилучшим исходом для Древней Руси, которая, по его мнению, была нестабильна и должна была пройти через подчинение какой-либо внешней силе. Зато Петровские реформы оценивались Савицким и другими евразийцами отрицательно, ибо они оторвали

правлящий слой от народной основы, что и стало отдаленной причиной Революции и крушения Империи.

Жизнь Савицкого была бурной. Он дважды побывал в России. Первый раз — 1927 г., попавшись на крючок чекистов по линии организации «Трест». Второй — с 1945 по 1956 гг., отбывал в лагерях наказание как бывший участник белого движения, несмотря на патриотическую позицию в годы оккупации. В 1950-х гг., вернувшись в Чехословакию, вступил в переписку с Л.Н. Гумилевым, поощряя его занятия историей кочевых народов. На Археологическом конгрессе в Праге в 1961 г. после ряда лет переписки произошла первая их личная встреча. Умер Савицкий в Праге в разгар «Пражской весны» 13 апреля 1968 г., передав Л. Гумилеву «эстафету» евразийских концепций. Другого отца-основателя — Н.С. Трубецкого, утверждавшего, что возрождение России возможно только на двух взаимно исключающих принципах — классовом, который реализовывался при большевиках, или этническом, т. е. евразийском принципе «“хоровой”, многонародной евразийской нации» [1, 30—31] — Гумилев похвалил за «грандиозную интуицию, большую, чем эрудиция» [2, 24].

Когда *Лев Николаевич Гумилев* в 1960-е гг. выступил со своей «степной симфонией», он был оснащен хорошо подготовленным и прошедшим боевой путь учителем. Истоки концепции этногенеза Л. Гумилева лежат в построениях все тех же Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, а также некоторых идей В.И. Вернадского и А.Л. Чижевского при абсолютизации факта зависимости человеческого организма от воздействий космической среды. Сам он считает своим открытием введение понятия «пассионарности», определяя его в многочисленных публикациях по-разному. Но основной смысл — неосознанное и непреодолимое стремление действовать (неважно, разрушать или строить), которое овладевает отдельными лицами и целыми народами и не подлежит каким-то нравственным оценкам. В целом этногенез, по Л. Гумилеву, чисто природный, а не социальный процесс. Прославление тюрков, хазар, половцев и монголов у него прикрывалось понятием пассионарности как некоего из космоса спустившегося блага, оправдывавшего завоевательные походы и порабощение непассионарных земледельцев. Фактически провозглашался культ Аттилы и Чингисхана. Тогда-то бывший научный руководитель М.И. Артамонов и отрекся от своего ученика, обвинив его в расизме. И хотя защитников у Гумилева было немало, открытия его науку не поколебали, а в идеологии оставались на обочине. И лишь с конца 1980-х гг. в рамках перестройки начинается евразийский бум, выразившийся в перепечатке фантазий Гумилева в миллионных тиражах на многих языках, причем русофобская направленность этих «озаре-

ний», не скрываема и самим автором, стала подаваться чуть ли не как патриотическая альтернатива разрушительным деяниям «перестройщиков». Вряд ли и Савицкий одобрил бы все далеко идущие выводы своего наследника, но, как сказано — нам не дано предугадать, как наше слово отзовется.

Следует отметить, что среди евразийцев, основателей направления, почти не было профессиональных историков, а поздний Г.В. Вернадский во многом отказался от ранних евразийских увлечений. Н.С. Трубецкой — не историк, а лингвист. Савицкий — экономист и географ. Большинство евразийцев были попросту дилетантами в истории, и «школа» эта интересна не как научное, а как культурно-психологическое явление. Сам Гумилев вроде бы историк, хотя его вольное обращение с историческими фактами, в том числе с исследованиями его научного руководителя Артамонова, у профессиональных историков вызывали возмущение. Но шла перестройка. В условиях нарастания беззакония (деликатно именуемого «война законов») истина мало кого интересовала. А теперь у нас на дворе — «толерантность», так что каждый волен говорить, что хочет, не соглашаясь ни с фактами, ни с мнением профессионалов.

Идеи евразийцев, которые первоначально разделял, и даже принимал участие в их разработке, подверг суровой критике *Георгий Васильевич Флоровский*, написав в 1928 г. статью под названием «Евразийский соблазн». Ее итог выражается в нескольких строках, наголову разбивающих все многословие евразийских писаний. «Весь смысл русского исторического бытия, — пишет он об их авторах, — сводится к “освоению месторазвития” и к его государственному оформлению: “монгольское наследство, евразийская государственность” заслоняет в евразийских схемах “византийское наследство, православную государственность”. И при этом евразийцы не чувствуют, что вовсе не один “строй идей” получила Россия от Византии, но богатство Церковной *жизни*. Это и дар, и задание, и призвание. Этим даром задается и определяется “историческая миссия” России, в перспективах культурного бытия, не евразийской “плотью” и не врожденным лицом» [3, 260]. Флоровский предупреждает, что превращение России в соответствии с рецептами евразийцев в «улус» и «наследие Чингисхана» ведет к сознательному выключению России из христианского, крещеного мира и перенесению ее в русло судьбы не христианской, «басурманской» Азии. «В историсофическом “развитии по Чингисхану”, — пишет Флоровский, — есть двоякая ложь: и крен в Азию, и еще более опасное сужение русских судеб до пределов государственного строительства. При всей правде державного самосозна-

ния оно не должно поглощать в себе культурной воли, воли к духовной свободе» [3, 259—260].

Евразийский капкан. В 1994 г. по существу советский, но тоже русский, историк Кузьмин опубликовал статью «Евразийский капкан». В ней он вскрывает суть евразийских наработок и их последствия, оценивая их в рамках русской истории, многочисленных источников, известных со времен «Повести временных лет». *Аполлон Григорьевич Кузьмин* (1928—2004) являлся, пожалуй, одним из самых последовательных противников евразийской концепции, обосновывая ее ненаучность и политическую враждебность интересам России и русских в многочисленных публикациях и выступлениях. Много лет он был реальным оппонентом Л. Гумилеву, с именем которого обычно ассоциируют современное «евразийство». Круг проблем, поднятый в его статьях, несколько не устарел, продолжает оставаться актуальным и помогает понять, что скрывается или может скрываться за очередной «евразийской волной». Его «посох» на пути изучения и охранения русской истории от «мародеров»¹⁹ подхватил наш коллега *Сергей Вячеславович Перевезенцев*, который много внимания уделил главному фактору русской цивилизации — православию. Он убедительно показал, что во времена монголо-татарского нашествия только Русская церковь, сохраняющая единство на территории раздробленных и постоянно враждующих русских княжеств, смогла подготовить народ к борьбе с ордынским игом.

Кузьмин подчеркивает, что выступления Л. Гумилева варьировались, иногда даже весьма существенно. Но основная направленность сохранялась. Это — общая приближенность к «школе евразийцев», оригинальная концепция этногенеза с внедрением понятия пассионарности этносов в зависимости от его «возраста», взгляд на Лес со стороны Степи с приданием благотворной роли кочевникам для государственного устройства, отрицание факта татаро-монгольского нашествия и золотоордынского ига и стремление доказать плодотворный, даже спасительный характер монгольского господства для самой Руси.

Он писал, что противостояние Леса и Степи длилось, по крайней мере, пять тысячелетий. И вызывалось оно не этническими, а хозяйственными различиями. Земледельцы привязаны к земле и объединяются по территориальному принципу. Кочевники объединяются патриархальной иерархией с жесткой системой соподчинения. Жизнь на колесах больше располагала и к агрессивности, и к паразитарности. И не имело значения, было ли кочевничество изначально или вто-

¹⁹ Одна из статей Кузьмина называлась «Мародеры на дорогах истории».

ричным, когда по тем или иным причинам кочевниками становились бывшие оседлые племена [4].

Кузьмин последовательно и настойчиво показывал, как вольно, если не сказать жестче, Гумилев во имя своей концепции обращается с историческими фактами, источниками и датами. И хотя автору концепции не удалось найти ни одного бесспорного примера, ее подтверждающего, приводя едва ли не в каждой новой публикации новые версии и вроде бы факты из истории разных стран и континентов, ему верили, и верят до сих пор, потому что Кузьмина и Перевезенцева не читают. Верят, что Александр Невский был евразиец и даже как бы пригласил Батюга ему помочь. И вообще эта помощь была «взаимной». Примерно так же звучит тема разорения Москвы Тохтамышем, которого Гумилев называл «союзником». Вопрос о том, почему «союзник... разорил Москву», неоднократно задавался создателю новой концепции, но он игнорировал его. Но когда ответить все-таки пришлось, ее автор, пишет Кузьмин, превзошел самого себя: «“Тогда случилась беда, погубившая Тохтамыша, но не Москву”. Суздальские князья интриговали, “а интриги у них всегда осуществлялись одним способом: писанием доносов”. Они донесли Тохтамышу, что Дмитрий “хочет предать его и присоединиться к Литве”. “Тохтамыш был очень славный человек — физически сильный, мужественный, смелый, но, к сожалению, необразованный. Он был не дипломат... И он поверил, ибо в Сибири не лгут: если свои же приходят и говорят про другого плохо — этому верят!” (Очень хорошее объяснение для бесконечного ряда убийств, отравлений, удушений ближайших родственников и взаимоистреблений целых родов!)» [5].

О нашествии Батюга говорят все летописи: и владимиросуздальские, и новгородские, и южные. Картину разорения они рисуют страшную. Археологические материалы полностью подтверждают достоверность описаний летописей. О том же говорят и иные источники, как восточные, так и западные. И весь этот огромный фонд источников Л. Гумилев попросту игнорирует. И как же быть с требованием (обязательным для ученого) «опираться на все известные факты»? А речь идет ведь о трагической судьбе целого народа, многих народов. Это даже не лженаука.

Чем же заменяет реальные источники Л. Гумилев, выстраивая свою оригинальную концепцию «симбиоза» Руси и Орды? Почти исключительно домыслами. Отвергая данные всех источников о численности монгольского войска, он выстраивает «потолочный» ряд: всех монголов было 700 тыс., их войско — 130 тыс., и им предстояло завоевать 90 млн китайцев, 20 млн иранцев, а также Восточную Европу. И вывод: «Поход в 1237—1240 годах — не более чем просто

большой набег, причем целью этого набега было не завоевание России, а война с половцами, с которыми у монголов уже была кровная месть» [5]. «Монголы применили известный тактический прием далекого обхода — и совершили кавалерийский рейд через Рязанские, Владимирские княжества, затем взяли Козельск, страшно истребив его население, затем перешли к Киеву, который, собственно, и защищать-то никто не стал: князь бежал, а воевода не смог собрать войско, потому что после троекратного разгрома соседними русскими княжествами Киев превратился в руины. Затем монголы ушли на Запад». То есть как бы русские сами Киев и разрушили, а кавалерийский рейд, затянувшись почти на четыре года (т. е. на период, равный Первой мировой или Великой Отечественной войнам, так что не удивительно, что за это время монголы забыли о половцах и «ушли на Запад».

До нашествия Русь была одним из самых развитых в экономическом и культурном отношении государств Европы. Археологи насчитывают на ее территории до полутора тысяч городов. Более тысячи из них мы не знаем даже по именам, поскольку после нашествия они не восстанавливались. Средневековый город обычно сравнительно небольшое укрепленное поселение. Но на Руси были и города с населением в несколько десятков тысяч (в Европе таких городов практически не было — за самым редким исключением). Киев, Новгород, Владимир имели население порядка 50 тыс. В конце XVII в. городов будет в пять раз меньше, и размеры их в большинстве случаев тоже меньшими, нежели за пять веков до этого. В конце XVII в. население России составляло 11 млн человек. Очевидно, в начале XIII в. оно было более многочисленным. Только на Киевщине проживало примерно 1,5 млн человек. Такое количество населения здесь восстановится лишь в XIX в.

Это и есть основные факты, от которых надо было идти, осмысливая происшедшее. Остальное — детали, в ряду которых находится и действие самого механизма разрушения. Л. Гумилев заметил уничтожение лишь одного города: Козельска (где, кстати, татары потеряли 4 тыс. человек). Другие (больше тысячи) не попали в его поле зрения.

Тема противопоставления благородных монголов русским дикарям одна из основных, пронизывающих все бесчисленные публикации и выступления Л. Гумилева. В чем же заключается эта особая нравственность, побуждавшая монголов завоевывать и уничтожать безнравственные народы? Монгольская держава возникла в результате длительных междоусобных войн, в ходе которых разные роды стремились уничтожить или подчинить соседей. В итоге сложилась иерархия родов с жесточайшей дисциплиной и борьбой за место в

иерархии, главным образом, путем заговоров, частичных переворотов и убийств. Борьба с самого начала велась за пастбища, стада, иное имущество и, естественно, обратилась на немонгольских соседей, которым в лучшем случае предназначалась роль низшего звена иерархии. Монгольские сказания передают своеобразный жизненный идеал Чингисхана: «Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы покорить мятежников и победить врага, взять то, что он имеет, заставить вопить слугителей его, заставить течь слезы по щекам их, сидеть на их приятно идущих жирных конях, целовать румяные ланиты и алые уста их жен» [5].

Национальное самосознание всегда строилось на тех или иных исторических фактах, воспоминаниях и апеллировало к ним. Уже в 1990 г. на разных конференциях говорилось о необходимости запрещения упоминания о татаро-монгольском нашествии и ордынском иго, поскольку де «знаменитый и выдающийся историк современности» Л.Н. Гумилев «убедительно» доказал, что ни того, ни другого вообще не было. В действительности ни того, ни другого он не доказал. Тем не менее, манипулируя его идеями, строят не только теории, но даже школьное воспитание. Некий учитель географии Куксин при московской школе создал Музей кочевых культур с походными палатками, наковальнями и даже лошадьми. В общем-то это совсем и не плохо. Плохо, однако, то, что идеи Куксина, дословно повторяющие концепцию Гумилева, внушаются приходящим детям как «правильные» взамен «неправильных», которые они изучают в школе. По окончании своего «пассионарного» монолога, в котором он превозносил монголов и отрицал их иго над русскими, учитель географии произнес примерно следующее: «Все про иго было придумано во время правления Петра. А вот русские, исправляя свою вину перед монголами (!), дважды их спасли в XX веке». Догадайтесь, кого мы еще спасли в XX в., «исправляя свою вину», или должны были спасти, и перед кем точно виноваты?

Считается, что идеи Гумилева помогают взаимоотношению всех народов России. Но нам кажется, что теории, подобные гумилевским, как раз разжигают неприязнь между этническими группами. Так, американский историк Даниэль Пайпс неделю спустя после событий в Бирюлеве осенью 2013 г. приводит в своей колонке в «Вашингтон Таймс» слова аналитика Дэниэла Исаева о том, что «Россия как государство и цивилизация не могла бы существовать без ислама и мусульман» [6]. Пайпс подчеркивает, что заявления подобного толка приводят к разжиганию этнических конфликтов в России.

Евразийство и украинский сепаратизм. Во всей истории с евразийством, пожалуй, самое интересное заключается в том, что в

вопросе о роли татаро-монгольского нашествия и золотоордынского ига евразийцы опирались на украинскую националистическую историографию, в частности, на работы М.С. Грушевского начала XX в., имевшие преимущественно антирусскую направленность. Украинские историки спорили, прежде всего, с концепцией М.П. Погодина, который полагал, что в домонгольской Руси Киев, Новгород, Владимир имели одно и то же древнерусское население, с одним и тем же языком, которое было сметено нашествием. Позднее же в Поднепровье пришло иное население из Прикарпатья. Отрицание значения нашествия украинскими националистическими историками строилось на желании доказать, что Поднепровье издревле было родиной не древнерусской, а особой, украинской народности. Так что совсем не случайно проблемы евразийского союза и «отпадения» Украины проявились одновременно. Злободневная украинская проблема возникла не сегодня и даже не вчера. Она имеет глубокие корни. Грушевский замыкал длинный список деятелей сепаратизма, которые стали учителями нынешних сторонников ухода в Европу.

У него мы видим изначальную обособленность Малороссии от прочих русских земель не только территориальную, но этнографическую. Уже среди племен, упомянутых Геродотом в VI в. до н. э. он готов отличать воляний от черниговцев. Никто до него не говорил об украинцах, белорусах и великорусах в эпоху так называемого расселения славян, все считали эти деления позднейшими, возникшими через тысячу лет после расселения, но Грушевский всех славян, живших по Днестру, по Днепру и дальше на восток до Азовского моря, прозванных Антами, — именуется «украинцами». Киевское Государство X—XIII вв. для него, конечно, государство украинское. Он резко отделяет и киевские земли, и сидящий на них «украинский» народ от северной и северо-восточной Руси. Хотя власть киевских князей распространялась на теперешние белорусские и великорусские земли, говорившие и писавшие одним языком, исповедывавшие одну общую с киевлянами религию, а следовательно, подверженные и общему культурному влиянию, он не относит их к киевскому государству, а рассматривает скорее как *колонии этого государства*. Он решительно ополчается против рассказа «Начальной летописи» о призвании князей и о перенесении княжеской резиденции из Новгорода в Киев. Все это объявляется выдумкой: и Аскольд, и Дир, и Олег были природными киевскими князьями, а легенда о зарождении государственности на новгородском севере — «позднейшая вставка в летопись».

Непрестанно подчеркивается более низкая в сравнении с Киевом культура северных и северо-восточных земель, но объясняется это не провинциальным их положением в отношении Киева, а какими-

то гораздо более серьезными отличиями — *расовыми*. Будущие великорусские области считались заселенными не славянами, а только славянизированными инородцами, главным образом, финно-угорскими племенами — низшими, с точки зрения самостийников, в расовом отношении. Ни сдвигов в судьбах народов под влиянием нашествий, вроде гуннского или татарского, ни перемены имен, ни смешения кровей и культур, ни переселений естественных и насильственных, ни культурной эволюции, ни новых этнических образований не существует для него. Украинская нация, по Грушевскому, — пишет автор фундаментального труда по истории украинского национализма Н.И. Ульянов, опубликовавший в 1966 г. в Нью-Йорке книгу с названием «Происхождение украинского сепаратизма», — прошла «через все бури и потопы, не замочив ног, сохранив свою расовую девственность, чуть не от каменного века» [7, 258].

Как известно, татарское нашествие было особенно опустошительным для русского юга. Плано Карпини, лет через пять проезжавший по территории теперешней Украины, живой души там не видел, одни кости. Грушевский посвятил обширный том, около 600 страниц, в доказательство неправильности версии о запустении Украины при Батые. Ульянов пишет, что «историческая наука невысоко ценит это исследование», но в данном случае интересует не его правота или неправота, а породившая его тенденция, продиктованная сепаратистскими схемами и теориями. Грушевский не был их творцом, они создались до него в казачьей Украине и в Польше. Потратив массу усилий, чтобы объявить Киевское Государство украинским, Грушевский оставляет его почти ничем не связанным с последующей историей Украины. «Дойдя до казачьей “добы” (эпохи), забывает и про Киев, и про князей, и про древнюю культуру. Все это остается ненужным привеском к той истории, что наиболее мила его сердцу; взор его приковывается теперь к Запорожью — “подлинной духовной и культурной родине самостийной Украины”» [7, 258 — 259].

Сепаратистская мысль работала над созданием антропологических, этнографических и лингвистических теорий, которые должны были лишить русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой. Сначала их объявили «двумя русскими народностями», потом — двумя разными славянскими народами, а позже возникли теории, по которым славянское происхождение оставлено только за украинцами, русские же отнесены к монголам, туркам, азиатам. Существуют и более экзотические теории, по которым русские представляют собою потомков людей ледникового периода, родственников лопарям, самоедам и вогулам, тогда как украинцы — представители переднеазиатской круглоголовой расы, пришедшей из-за Чер-

ного моря и осевшей на местах, освобожденных русскими, ушедшими на север вслед за отступающим ледником и мамонтом.

В 1910 г. появилась «Коротка география Украины» — труд львовского профессора С. Рудницкого. Книга произвела фурор очертаниями границ нового государства. Оказалось, что оно обширнее всех европейских стран, за исключением России. В нее вошли, кроме русской Украины, Галиции, Карпатской Руси и Буковины, также Крым, Кубань, часть Кавказа. Черное и Азовское моря объявлены «украинскими» и такое же название распространено на добрый кусок западного побережья Каспия. На иллюстрациях изображающих «украинские» пейзажи можно видеть Аю-Даг, Ай-Петри в Крыму, Военно-Грузинскую дорогу и Эльбрус на Кавказе. Автору удалось установить даже отличительные особенности украинского климата, *независимого и самостоятельного*. Судя по тому, что редактором книги был сам Грушевский, она шла в русле проводимой им политики создания украинской науки. «Вторая мировая война завершила здание соборной Украины. Галиция, Буковина, Карпатская Русь, не присоединенные дотеле, оказались включенными в ее состав. При Хрущеве ей отдан Крым. Если при Брежневке отдадут Кавказ, то географический сон Рудницкого сбудется наяву» [7, 255] — писал Ульянов с горькой иронией в 1966 г.

Украинский национализм в дооктябрьской России объясняли почти исключительно воздействием внешних сил. Особенное распространение точка зрения получила среди русской эмиграции после Первой мировой войны, когда вскрылась картина широкого финансирования австро-германцами организаций, воевавших на стороне немцев, по устройству лагерей-школ для пленных украинцев. Однако пальма первенства отдается здесь не немцам, а полякам. Так, самое употребление слов «Украина» и «украинцы» впервые в литературе стало насаждаться ими. Поляков не устраивала ни «Малороссия», ни «Малая Русь». Примириться с ними они могли бы в том случае, если бы слово «Русь» не распространялось на «москалей». Но, конечно, зародыш национализма должен был возникнуть в самой стране. Зародился он в недрах недовольного казачества еще во времена присоединения Малороссии к России, а возродился украинский национализм в начале XIX в.

Украинский национализм XIX в. также получил жизнь от кобзарских «дум», легенд, летописей и, прежде всего, — от подложной «Истории Русов», которая была евангелием польско-украинских националистов. Укратиофильство XIX в. представляет причудливую амальгаму настроений и чаяний эпохи гетманщины с революционными программами тогдашней интеллигенции, а главным его направле-

нием в то время было движение декабристов. Первая попытка в поэзии связать европейский либерализм с украинскими историческими традициями, была предпринята не украинцами, а великоруссом Рылевым, о чем последующие самостийники весьма сожалели — не они первые. Шевченко шел по тропе проложенной Рылевым и был его прямым учеником. Даже русофобия, которой насыщена его поэзия, — не оригинальна, она встречается у Рылеева.

Рылеев — декабрист, а декабристский заговор в значительной мере был заговором украинско-польским. В Польше, задолго до декабристов, существовали тайные патриотические организации, которые готовились к восстанию против русского правительства, и наиболее удобной формой встреч и единения двух российских фронд — декабристской и украинствующей — явились масонские ложи. В 1818 г. в Киеве основывается масонская ложа «Соединенные Славяне» польского происхождения. Пыпин и последующие историки считают эту ложу идейной матерью одноименного декабристского общества. Наибольшее число декабристов Южного общества вышло из полтавской ложи. Наряду с членами Союза Благоденствия М.Н. Новиковым, Владимиром Глинкой, М. Муравьевым-Апостолом, в ней представлены были малороссы, вроде губернского судьи, Тарновского, екатеринославского дворянского предводителя Алексева, С.М. Кочубея, И. Котляревского, В. Лукашевича, который в свое время поднимал когда-то бокал за победу Наполеона над Россией. Первым руководителем «Соединенных Славян» значился Новиков, начальник канцелярии кн. Репнина, который покровительствовал и масонству, и декабризму. Муравьев-Апостол, по его собственным словам, принимал в ложу «дворянство малороссийское, из числа коих способнейших помещал в общество называемое Союз Благоденствия». Полтавскую ложу Муравьев прямо именует «рассадником тайного общества». После Новикова руководство перешло к Лукашевичу, про которого Бестужев-Рюмин сказал, что «цель оногo (сколь она мне известна), присоединение Малороссии к Польше».

Основой и направляющей силой южного масонства являлись поляки, которым принадлежала в те дни культурная гегемония во всем малороссийском крае, а в некоторых губерниях (Киевской, например) — большая часть земельных владений. На следствии Рылеву был задан вопрос о связях декабристов с польскими тайными обществами. Он признался, что слышал о них от Трубецкого, будто «Южное общество через одного из своих членов имеет с поляками постоянные сношения, что южными директорами положено признать независимость Польши и возвратить ей от России завоеванные провинции Литву, Подолию и Волынь» [7, 153].

В 1843 г. в Киеве было основано «Кирилло-Мефодиевское братство», которое поставило во главу угла своей программы общеславянское федеративное государство, естественно, при главенстве Польши. Причастность к деятельности Братства послужила причиной ареста и ссылки Тараса Григорьевича Шевченко, ставшего знаменем возрожденного украинского национализма. Но эта причастность поэта к Братству была более случайной, чем причастность Достоевского к кружку Петрашевцев. Он был не столько социалист и «революционный демократ», сколько «гайдамак и пугачевец». «В нем было много злобы, которую поэт, казалось, не знал на кого и на что излить. Он воспитался на декабристской традиции, называл декабристов не иначе, как “святыми мучениками”, но воспринял их якобинизм не в идейном, а в эмоциональном плане» [7, 160].

Ульянов считал, что в нормальных условиях, при свободной, ничем не стесняемой воле народа, все самостийнические ухищрения и выдумки остались бы цирковыми трюками. Ни среди интеллигенции, ни среди простонародья не было почвы для их воплощения. Но кто ж слушал народ и тогда, и сейчас? Кто принял во внимание результаты референдума по сохранению СССР? «Формальный украинский национализм, — писал Ульянов, — победил при поддержке внешних сил и обстоятельств, лежавших за пределами самостийнического движения и за пределами украинской жизни вообще. Первая мировая война и большевицкая революция — вот волшебные слоны, на которых ему удалось въехать в историю. Все самые смелые желания сбылись, как в сказке: национально-государственная территория, национальное правительство, национальные школы, университеты, академии, своя печать, а тот литературный язык, против которого было столько возражений на Украине, сделан не только книжным и школьным, но государственным» [7, 268]. И вот что замечательно: то же самое сказал Зюганов, когда пришли вести с «Евромайдана» о разрушении памятника Ленину. Ведь именно он стоял во главе большевистского правительства, когда свершилась революция, и восторжествовали вековые мечты самостийников. Воистину, «змея революции кусает свой хвост». Естественно, памятник Тарасу Григорьевичу стоит как символ самостийности неколебимо.

Если в условиях существования СССР проявление украинского национализма не являлось фатальным, то стало таковым после его распада, в котором сепаратистские настроения элиты входящих в него республик сыграли решающую роль. Но опирались они на силы, находящиеся за пределами страны. Самостийность в условиях отрыва от России уже не имела смысла, потому этот лозунг перешел в давно заготовленное русло — «Даешь Европу!».

Итак, подведем итог украинофильства и евразийства. Для русских он неутешителен: украинские националисты не считают «москалей» ни русскими, ни славянами. Таковыми они считают себя. Евразийцы типа Гумилева не считают их «пассионарными» и уж, конечно, не идущими ни в какое сравнение с кочевниками-степняками. Так что же делать бедному русскому? Как себя трактовать? Куда пойти? Может, как писал великий русский поэт эпохи СССР и перестройки Юрий Кузнецов, пойти и напиться с тоски — так русская мысль начинается.

Увязывая все нити, можно увидеть, что общий знаменатель мифологии и идеологии евразийства и украинского сепаратизма лежит в масонстве и его деятелях. Все они связаны либо семейными, либо земляческими, либо политическими, либо еще какими-то связями, традициями, легендами, передаваемыми из поколения в поколение. Так, Н.С. Трубецкой — из семьи декабристов и потомственный масон; П.Н. Савицкий родился в Черниговской губернии, где процветало польско-малороссийское масонство, связанное напрямую с декабристами; даже Л.Н. Гумилев по материнской линии (фамилия Анны Ахматовой — Горенко) связан с Малороссией, как насчет масонства — не могу судить.

А евразийские мифы гуляют по страницам печатной продукции и по сио пору. Взять хотя бы вновь и вновь муссируемую тему о магической роли могилы Тамерлана, вскрытие которой привело к войне в 1941 г., а возвращение его останков в могилу помогло выиграть Великую Отечественную. И это все публикуется про историческую личность, памятную русским тем, что напавшие на Русь орды Тамерлана (1395 г.) ушли из ее пределов, когда в Москву была принесена икона Владимирской Божией Матери, которая с тех пор хранится в Успенском соборе.

Или, например, говорят, что СССР был «эстетическим воплощением евразийского проекта» [8]. Правда, за это воплощение, как всегда, расплачивались русские. Не будем вспоминать 1920-е гг., вспомним середину 1950-х, когда мы поднимали целину, наибольшая часть которой осваивалась в Казахстане. Узнав о том, что для освоения целины перебрасывается вся сельскохозяйственная техника, только что вернувшийся из поездки по Смоленской области Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов с грустью заметил: «А в смоленских деревнях еще кое-где люди на себе пашут» [9, 360]. В результате «инициатив Хрущева» вопреки воле казахов, ощущавших себя кипчаками-кочевниками и разводивших лошадей, была распахана казахская степь. Деревни средней полосы России объявляли «неперспективными», их стирали с лица русской

земли, а сельское хозяйство летело дальше в пропасть. Нигде больше такого не было: и мордовские, и татарские, и башкирские деревни стояли независимо от того, сколько жителей в них оставалось.

Подкармливание окраин за счет центра было последовательной политикой в СССР. Именно эта политика, сопровождаемая стенаниями об угнетении малых народов, привела в действительности к его развалу. Политика эта продолжалась в самых циничных формах и «демократами», что сначала превратило страну в огромный Черемушкинский рынок, где Азия продавала Европе втридорога ее собственные товары, а потом — в Черкизон. Правда, продают уже только китайские товары — наши почти не производят. Страна может жить тогда, когда окраины осознают, за счет чего они если не процветали, то и не бедствовали на протяжении и веков, и последних десятилетий. Но одного осознания все-таки мало. Надо, чтобы не только власти и национальная элита жили хорошо, но и простые русские люди тоже. Причем не только хорошо жили, но и осознавали себя все-таки русскими, а не евразийцами.

И вот теперь новый раунд «евразийства», и мы снова заботимся о наших братьях в России и за ее пределами, но снова мало обращаем внимания на то, что творится в этих самых центральных русских областях. Когда недавно один из участников телевизионной передачи у В. Соловьева, Максим Шевченко, предложил организовать особую программу для возрождения деревень этого региона, его предложение было воспринято чуть ли не как подрыв единства народов России. А между тем Кадыров ко дню рождения пророка Мухаммеда раздает довольно весомые подарки: это можно. Распаханная целина, как и Байконур, осталась в Казахстане. Русские, не без помощи евразийской идеологии, хорошо усвоенной «кипчаком» Назарбаевым, сначала стали терять свои социальные позиции, а позже были «выдавлены» за его пределы, а когда-то они составляли половину его населения. Вот тебе и «евразийский мейнстрим», — как любит говорить наш коллега и вице-президент образовательной корпорации «Туран» Урак Жолмурзаевич Алиев.

И все-таки, объединяться надо, возможно, на имперских основаниях. Однако, строя империю или просто союз государств, надо также помнить уроки истории и последствия внедрения сомнительных теорий.

Литература

1. *Трубецкой Н.С.* Общеевразийский национализм // Евразийская хроника. Париж, 1927.
2. *Гумилев Л.Н.* Заметки последнего евразийца // Наше наследие. М., 1991. № 3.

3. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
4. Кузьмин А.Г. Евразийский капкан // Молодая Гвардия. 1994. № 12 // http://www.olmer2.newmail.ru/41_12.htm.
5. Кузьмин А.Г. Пропеллер пассионарности, или Теория приватизации истории // http://www.olmer2.newmail.ru/37_10.htm.
6. <http://www.istpravda.ru/intervie/3320>.
7. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996.
8. Гиренок Ф.И. Евразийский проект и Украина // Завтра. 2013. № 51.
9. Емельянов Ю.В. Хрущев. От пастуха до секретаря ЦК. М., 2005.

С.А. ЕРМИШИНА

И вновь о «евразийском соблазне»

Аннотация. В данной статье рассматриваются критические высказывания русских религиозных мыслителей о концепции евразийцев «идеократии», «государства-церкви», абсолютизации географического фактора в истории народов, русского народа. Автор подчеркивает актуальность этой критики.

Ключевые слова: «евразийский соблазн» и опасность, «идеократия», «государство-церковь».

Abstract. This article provides a review of critical positions expressed by Russian religious philosophers in regard to Euroasian concept of «ideocratiya», «state-church», absolutisation of geographical factor in the history of the peoples, of the Russian people. The author underlines the urgency of this critique.

Keywords: «Euroasian temptation» and danger, «ideocratiya», «state-church».

Впервые о «соблазнах», содержащихся в концепции российской истории нового евразийского течения русской общественной мысли, заговорили наши мыслители Серебряного века: Г.П. Флоровский, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк. Их предупреждения об опасности увлечения идеями евразийства актуальны, на наш взгляд, и сейчас. Понятия «евразийское пространство», «евразийская цивилизация», «евразийская интеграция» и т. п. стали популярными у многих

нынешних политиков, политологов, историков, обществоведов, экономистов, они зафиксированы в ряде документов межгосударственного уровня. И нередко, на наш взгляд, они испытывают, вольно или невольно, воздействие старых евразийских «соблазнов», пытаются через их понятия разобраться в сложнейших процессах на постсоветском пространстве, вникнуть в жизнь народов России, исторически связанных историей, общностью территории, многими схожими чертами бытия на земле.

Важно в этой ситуации обратиться к опыту критики выдающихся русскими мыслителями этого идейного течения, чтобы уберечься от ошибок и заблуждений. Впервые они заговорили о «евразийских соблазнах» через несколько лет после выхода сборника евразийцев «Исход к Востоку» и др. [1]. Их авторы, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Вернадский и др., интеллектуально одаренные, патриотично настроенные, «открыли новую модель» развития России. Но к тому времени в новом течении уже развился кризис и повлек за собой отход от первоначального кружка самого талантливого мыслителя — Г.П. Флоровского. А других привел в политику и толкнул к силовым структурам советской власти.

Этот кризис четко обнаружил, что первоначальное стремление евразийцев «вновь поставить на обсуждение культурно-философскую проблему смысла русской истории и революции...», «служить Великой России», указать на главную роль православия в жизни русского общества (Г.П. Флоровский) было вытеснено жестким идеологическим посылом [2, 131]. Евразийцы убеждали, что российская цивилизация носит евразийский характер, поскольку находится на двух континентах — в Европе и Азии. В мировоззренческой системе евразийцев, в их научной аргументации, на первое место был выдвинут географический фактор — «месторазвитие», который рассматривался как решающий для исторического развития стран и народов, породивший «туранскую» составляющую жителей Евразии. Они считали, что России столетиями навязывался европейский путь, извративший ее культурно-исторический тип. Большевицкая революция, несмотря на привезенный из Европы коммунизм, разрушила эти европейские основания. Теперь задача заключалась в том, чтобы отвернуться от «загнивающей» Европы в сторону «расцветающей» Азии. Они убеждали, что большевицкая власть неизбежно уступит место новой идеократии, «Государству-Церкви», что «месторазвитие» и православие будут играть решающую роль. Будущее, считали они, за православно-евразийской Россией, а не за христианско-европейской. И предлагали поверить в эту якобы доказанную научно истину той интеллигенции,

которая беспокоится о судьбе Родины и должна стать элитой новой евразийской идеократии.

Философы в своей критике «соблазнов евразийства» указывали на очевидную соблазнительную «новизну» и религиозно-мировоззренческое упрощенчество этой концепции. «Воля евразийцев», отмечал Н.А. Бердяев, «направлена к упрощению, к элементаризации». Причинами этого являются как катастрофические условия формирования «поколения евразийского», чье становление, полученные образования пришлось на «время войны и революции», так и тот факт, что оно «не чувствует себя родственным нашему религиозному поколению и не хочет продолжать его заветов... Духовный уклад нового религиозного поколения очень неблагоприятен для оценки по существу сложной проблематики, современная молодежь боится сложности и проблематичности, тяготеет к элементарности и простоте, направляет свою волю на решение практических задач» [3, 298—299].

О склонности русской интеллигенции к упрощению, к «идейному морализму», построенному на «математических идеях», т. е. имеющих вид «доказанных научно», как родовой черте интеллигенции, предупреждали еще Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, все авторы «Вех». И вот новое поколение демонстрирует эту родовую склонность, правда, с существенными отличиями. Здесь уже не атеизм нигилистической радикальной интеллигенции играл решающую роль, носителями этой линии были большевики. Евразийское ответвление интеллигенции идентифицировало себя через православие, а точнее, через упрощенный вариант «православных идей», тяготение к его «бытовым формам» (Н.А. Бердяев).

Еще одна соблазняющая своей категоричностью позиция мировоззренческо-психологического настроения евразийцев — это его антиевропейская направленность, ненависть ко всякому злу, которое они считали европейским по происхождению. Как отмечал С.Л. Франк, у евразийцев преобладало «накопившееся в душе раздражение против всего зла современной европейской жизни или презрение к ее убожеству и смутности...» [4, 140]. Об этом антизападничестве писал и Ф.А. Степун: «Евразийское культурно-политическое мировоззрение было взращено ненавистью к тем силам, что привели Россию на край гибели, и к тем другим, что цинично надеялись нажиться на ее несчастье, т. е. к порожденной Петром Великим западной интеллигенции и к принявшимся расхищать ее западным странам» [5, 391]. Они чувствовали, что сродни этому антизападничеству был и антибуржуазный настрой большевиков.

Но одновременно с этим были и «естественно нарастающее в душе изгнанников мучительно-острое чувство любви к несчастной родине и вера в ее будущее». Сочетание такой ненависти и такой любви подготовило определенную мотивацию, которая «переродилась» «в стройную и систематическую теорию гибели европейской культуры и рождения новой, русской, “евразийской” культуры» и веры в евразийское “светлое будущее”. По мнению критиков, это мировоззрение не есть «объективный судья нашего безвременья, а скорее его болезненный результат; душа наша не может жить той узостью, тем обилием ненависти и презрения, тем горделивым осуждением чужого и превознесением себя самих, которыми веет от этой теории и в которых она видит исход из кризиса» [4, 140—141].

Однако Н.А. Бердяев отмечал, что у евразийцев есть и «молодой задор, есть не подавленность революцией, а пореволюционная бодрость. Их идеология соответствует душевному укладу нового поколения, в котором стихийное национальное и религиозное чувство не связано со сложной культурой и проблематикой духа. Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на происшедшую катастрофу...» [3, 292].

«Правильное ощущение» евразийцев того, что «и советская Россия — Россия», привело их к ошибочным выводам [5, 391] — к натуралистическому толкованию исторического процесса, к выводу об органичности всего того, что происходит в истории и присуще историческому движению к прогрессу. Отсюда и оправдание «органичности» революции и коммунизма.

Эта склонность к органическому восприятию истории, считал Ф. Степун, восходит к концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского [5, 391]. Именно этой концепции, а не славянофилам, как утверждал тот же автор, было свойственно и «бытовое исповедничество» православия. На эту теоретическую вторичность евразийства указывал и Н.А. Бердяев, который писал об их заимствованиях от старых славянофилов (видимо, подразумевая их нацеленность на «русское воззрение» (К. Аксаков), но не указание В.С. Соловьева на свои славянофильские истоки). Бердяев считал евразийцами и некоторых мыслителей начала XX в. (например, В.Ф. Эрн) [3, 292].

Евразийство — это своеобразный вариант позитивизма, другой его полюс и другой «победивший принцип», нежели у О. Конта и Г. Спенсера. Их вера в прогресс единого человечества на основе неизбежных законов «стадий роста» заменена «стадиями» культурно-исторических типов. По «стилю ума», несмотря на свой антизападный

настрой, евразийцы очень походили на радикалов-западников, но с другим знаком отношения к Западу и с другой трактовкой открытых ими законов истории. Евразийцы «подавлены исторической необходимостью, мощной поступью неотразимых событий... Истину они хотят найти и расслышать в исторической действительности, в эмпирическом бывании, как его скрытую, но непреложную тему. И потому в их сознании правило исторической чуткости превращается в требование “слушаться” истории, — именно слушаться, не только слушать. Исторический учет и признание косвенно перерождаются в покорное и даже угодливое приятие творимой новизны... И отказываются от суда над историей, как безумной тяжбы со вселенной и премудрой стихией, властью, проявляющей себя в роке исторической судьбы...» [6, 314].

В обозначенной критиками философско-мировоззренческой основе евразийцев, понятой через этот взгляд истории человечества, коренится, по Н.А. Бердяеву, «самый главный евразийский соблазн». «Евразийцы, несмотря на свое подчеркнутое ортодоксальное православию, почти в такой же степени монисты, как и марксисты, и настроенность их полна натуралистического оптимизма» [7, 301]. Подобный тип мышления «всегда будет базироваться на категории необходимости», а не категории свободы, будет подчинять личность коллективу и не очень будет склонно вводить момент нравственной оценки в политику. При такой оптимистически-монистической идеологии то, что нарождается и развивается и должно восторжествовать в будущем, представляется благим и добрым, необходимое почти совпадает с долженствующим быть» [7, 302].

«Евразийская философия истории есть чистый натурализм. Национально-расовая и географическая историософия столь же материалистична, как и экономический материализм. Она отрицает, что философия истории есть философия духа, духовной жизни человечества» [3, 296].

С одной стороны, признание определяющей силы «факта истории», гипноз категории неизбежности, с другой — признание нравственным в политике всего того, что служит евразийскому принципу (у большевиков принципу коммунизма, по В.И. Ленину). Такой позитивистский «стиль ума» (К. Леонтьев) служит «тому или иному победившему принципу» (В.С. Соловьев). И это опасно, поскольку «в пафосе стихии стираются категорические грани добра и зла, как какая-то моралистическая условность, как придирка слишком субъективной рефлексии, несоизмеримой с высшей правдой и мудростью исторически сверхличного бытия... Так слагается культ “сильных” людей, не то “героев”, не то “разбойников”; и в нем получает лжерелигиозное

оправдание право на страсть и волю, с забвением о единственном действительном и возможном пути к Богу через крест и любовь...» [6, 316].

«Страсть и волю» они видели в большевиках, «евразийцев зачаровали “новые русские люди”, ражие, мускулистые молодцы в кожаных куртках, с душой авантюристов, с той бесшабашной удалью и вольностью, которые вызревали в оргии войны, мятежа и расправы», — подчеркивал Г. Флоровский [6, 316]. Но это один полюс, на другом, и это еще больше «загипнотизировало» евразийцев, «большевистский пафос “народоводительства”, волевой пафос коммунистической партии, пусть скудной и ложной в своей идеологии, но “властной до тираничности”... И потому евразийцы сознательно и хотят быть “следственниками советской государственности”, — в психологии и типе, в пафосе и внутреннем строе. Они хотят и призывают равняться по большевистскому примеру и типу, только переменяв “конструктивный принцип” с безбожного на религиозный» [6, 316]. Евразийцы «странным образом» не замечали и не понимали того, что в «формальном “типе” большевистского максимализма» выражалась «его безбоязненная, бесчеловечная сущность», которая уж никак не может соответствовать религиозным основаниям, о которых они мечтали.

Вполне вероятно, что такая путаница связана была с ложным религиозно-этическим пониманием человека. Так, Г.П. Флоровский подчеркивал, что «с евразийской точки зрения человек всегда “выражает”, никогда не творит. И потому вся задача общественного устройства сводится к тому, чтобы каждый выражал не самого себя, не свою обособленную самость, но то высшее “соборное” целое, к которому он органически и кровно принадлежит... Евразийцы воскрешали старую мечту о некоем обобществлении человека... Народная воля для евразийцев “какой-то врожденный инстинкт”, “бессознательный, стихийный”, и все же “определенный”. И остается его расслышать и опознать в самих себе и возвести на ступень разумного познания в четкой и ясной идеологической формулировке» [6, 324—325].

Как далеки они были от понимания славянофилами «соборности», как единства во множественности. Их, скорее, интересовало «коллективное начало». И уж, конечно, они не расслышали пушкинского: «по воле Бога самого, самостоянье человека, залог величия его».

Сущность обозначенной критиками философско-мировоззренческой основы евразийцев, их понимание через призму натуралистического монизма (Н.А. Бердяев) исторического развития? раскрылась и в их концепции *идеократического* государства, *Государства-Церкви*, которое в будущем должно, по их мнению, утвер-

даться в евразийской России. Они признавали, отмечал протоиерей Георгий Флоровский, «именно в государстве и только в нем и народы, и составляющие их низшие “соборные” личности приобщаются и соединяются Христу? Такое допущение зловещим, но действительным призраком встает над евразийством, как тень Великого Зверя...», не приходится ли признать, «в последнем счете, что для евразийцев Церковь в государстве» — вот что является главным [6, 338—339].

Евразийцы, подчеркивал Н.А. Бердяев, утверждают «принципиальный монизм в понимании отношений между Церковью и государством и государство понимается как функция и орган Церкви, государство приобретает всеобъемлющее значение. Принципиальный дуализм двух порядков — Церкви и государства, Царства Божьего и царства кесаря, который останется до конца мира, не признается, стирается, как это много раз уже делалось в истории христианства» [7, 302]. В этом видел философ «один из вечных соблазнов, подстерегающих христианский мир», «на этой почве рождаются утопии, принимающие разнообразные формы — от теократии папской и императорской до коммунизма и евразийства» [7, 302]. Такой подход по сути противоречит пониманию принципа симфонии царской власти и Церкви, утвердившегося в святоотеческой мысли, в том числе и отцов Русской православной церкви, и воспринятого русской религиозно-философской мыслью.

Их идеократия есть «господство подобранного правящего слоя, претендующего быть носителем истинной идеологии. Формально это очень походит на коммунизм. Коммунизм тоже есть идеократия, господство подобранного правящего слоя, претендующего быть носителем истинной коммунистической идеологии, идеи пролетариата... Утопический этатизм евразийцев приводит их к той ложной и опасной идее, что идеократическое государство должно взять на себя организацию всей жизни, т. е. организацию всей культуры, мышления, творчества, организацию и душ человеческих, что есть задача Церкви» [7, 303].

Ошибочность и опасность подобных взглядов на роль Церкви, православия не вызвали сомнения у критиков, хорошо разбиравшихся в «путях русского богословия» (Г.П. Флоровский). Они постоянно подчеркивали то, что роль православия, несмотря на заверения евразийцев, для них вторична в определении евразийского культурно-исторического типа. Они рассматривали роль православия как черту, основополагающую часть культуры, вне зависимости от вероучительного содержания. В их представлении культурно-исторический тип, «русское культурное своеобразие» надо было искать в «месторазвитии», включая и своеобразие в религиозной области. В их представле-

ниях «подлинным субъектом исторического процесса и становления оказывается как бы территория, — даже не народы. Поэтому история русского народа и растворяется для них в истории Евразии как своеобразной среды и “месторазвития”» [6, 327]. Таким образом «религиозные начала», «вводятся в состав культурно-типового своеобразия, в множественности “местных одежд”, в каждом типе в своей» [6, 328].

Для евразийцев, считает Бердяев, важно «бытовое православие», для них «православие есть прежде всего этнографический факт, фольклор, центральный факт, фольклор, центральный факт национальной культуры. Они берут православие извне, исторически, а не изнутри, не как факт духовной жизни, вселенский по своему значению» [3, 297].

Важно было, критикуя такие взгляды евразийцев, внести в изучение в русскую философию истории «последовательную экклезиоцентричность, столь необходимую для подлинного христианского понимания значения церковного и этнического начал в духовно-исторической жизни каждого народа» [3, 297].

На первое место в «русском культурном своеобразии» евразийцы выводили азиатско-туранские элементы, предпочитая «плотское наследие туранское духовному наследию эллинскому, они более гордятся своей связью с Чингисханом, чем своей связью с Платоном и греческими учителями Церкви» [3, 296]. Как отличается такой взгляд от взглядов А.С. Пушкина, который отмечал — и не раз — главную роль православия в формировании русского народа, его византийские традиции, Н.Я. Данилевского, особенно К.Н. Леонтьева, который подчеркивал огромное значение византийских православных истоков.

Мыслители усматривали в евразийском понимании духовно-исторического развития России, в их уверенности в том, что большевистская революция открыла «настоящую русско-туранскую Россию-Евразию, преемницу великого наследия Чингисхана» и повернула это развитие в нужном евроазиатском векторе не только антиевропейскую, но и антирусскую, антиправославную направленность. В их взглядах был виден тот «подъем и даже упоение», с которым говорилось «о родстве с Азией, и кровном, и духовном», в котором «тонут и русские и православные черты» [3, 334].

Кроме того, были опасны утверждения евразийцев о некоем «религиозном единстве Евразии», религиозном «ощущении» (П.Н. Савицкий), под которое «они торопятся подвести не только религиозно-нравственное, но и религиозно-мистическое основание». У них получилась «соблазнительная и лживая теория “потенциального Православия”», — считал Г. Флоровский. Их воодушевляла «розовая сказка о язычестве», в которой совершенно забыто коренное различие

между «язычеством» дохристианским и «язычеством» послехристианским. «Здесь ведь не одно хронологическое различие в сохранении своего “язычества”: в сохранении своего “языческого” облика после Христа исторические субъекты не только мистико-метафизически, но и эмпирически проявляют и упражняют бесспорное противление истине» [3, 335].

Евразийцы, считал Н.А. Бердяев, «не верны русской идее, они порывают с лучшими традициями нашей религиозно-национальной мысли... Отношение к Западу и западному христианству в корне ложное и нехристианское. Культивирование нелюбви и отвращения к другим народам есть грех, в котором следует каяться... Христианство не допускает такого рода географического и этнографического распространения добра и зла, света и тьмы. Перед лицом Божиим добро и зло, истина и ложь не распределены по Востоку и Западу, Азии и Европе» [3, 294]. В этом противопоставлении России Западу звучало необоснованное противопоставление православия христианству, считали они.

Следует понимать, считали критики, подлинное значение церковного и этнического начал в духовно-исторической жизни каждого народа. И «более чем неосторожно сказать, что “православная русская церковь эмпирически и есть русская культура, становящаяся Церковью”» [6, 340]. Это и есть важнейшее, с религиозной точки зрения, подчеркнутое Г. Флоровским заблуждение евразийцев, связанное с отождествлением ими «евразийской русскости» и православной церковности [8, 276].

Обо всех этих предостережениях русских мыслителей о «сблздах» евразийцев следует помнить тем, кто так или иначе включается сейчас в этот бесконечный поиск «евразийской суперэтнической целостности», его, по Л.Н. Гумилеву, «обобщенного стереотипа поведения», «способа бытия, отвечающего определенным условиям существования». Кто-то говорит о применении для «евразийской общности» православных идей, кто-то — идей других традиционных религий. Есть даже утверждения о необходимости создания «славянского православного евразийского мира» (А. Дугин) [9, 6—7].

Надо помнить и о русской истории, которая запечатлена в исследованиях представителей русской исторической школы В.В. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского о том, как осваивал русский народ, которому свойственна «храбрость в пространстве» (Д. Лихачев), огромную территорию, как двигался, в том числе «встречь солнца», и вышел даже за Тихий океан, основав Русскую Америку.

А еще важно нам сверить свои подходы с русским национальным самосознанием и русской мыслью, ее основным руслом. Надо помнить о том, что до начала XX века в русском сознании не было понятия «азиатская часть России», вся эта территория называлась Сибирью. По В. Далю, смысл слова «азія́ть», мягко говоря, не очень позитивно.

Можно сказать, что угол зрения на Россию через призму «евразийства» принесла интеллигенция, это ее конструкт. Может быть, началось это с вызова А. Блока, утверждавшего: «Да, скифы мы, да, азиаты мы...». И в этом Блок выступил против даже своего учителя по символизму В.С. Соловьева, предупреждавшего об опасности «врага с востока».

Это необходимо помнить всем, кто размышляет о столь непростой «евразийской интеграции», о содружестве стран, расположенных в называемом ныне евразийском пространстве, об их экономическом, политическом, культурном сотрудничестве на всех уровнях, государственных и общественных. И в этих размышлениях путеводные основания есть в русской мысли, в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова, в которой бытование, хозяйствование, человека, не отделимо от его представления об *источнике* бытия.

«Сама по себе Россия — не Евразия вовсе, а именно *Россия!*.. Прибегая к евразийскому словнику, необходимо все-таки не упускать из виду тот факт, что для России сущностно не “евразийство”, а *российство...*», — подчеркивал Ю.М. Осипов. И эти слова — хорошее основание для надежды на то, что мы способны уберечься от «евразийских соблазнов» [10, 6—7].

Литература

1. Исход к Востоку: Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев. София, 1921. Кн.1; На путях: Утверждение евразийцев. Берлин, 1922. Кн. 2; Евразийский временник. Берлин, 1923. Кн. 3; 1925, Кн. 4; 1927. Кн. 5.
2. Флоровский Г. Письмо к П.Б. Струве о евразийстве // Из прошлого русской мысли. М., 1998.
3. Бердяев Н.А. Евразийцы // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.
4. Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Соч. М., 1990.
5. Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией // Чаемая Россия. СПб., 1999.
6. Флоровский Г., протоиерей. Евразийский соблазн // Из прошлого русской мысли. М., 1998.
7. Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.

8. *Митрофанов Г., протоиерей.* Россия XX века — «Восток Ксеркса» или «Восток Христа». Ростов-н/Д, 2004.

9. *Дугин А.* Это великая война континентов // Комсомольская правда. 2014. 21 февр.

10. *Осипов. Ю.М.* Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность // Философия хозяйства. 2014. № 1.

Г.Р. НАУМОВА Первый евразиец...

Аннотация. В статье содержится очерк жизни и деятельности русского историка, мыслителя, государственного деятеля XVIII в. В.Н. Татищева. Особое внимание уделяется его практической деятельности по управлению и обустройству Урала и Сибири, взаимоотношениям русской администрации с местными народами.

Ключевые слова: В.Н. Татищев, Россия, русский народ, строительство империи, государственность, Петр I, Урал, Сибирь, евразийство, концепция учебника истории.

Abstract. The article is an essay on the life and work of the Russian historian, thinker, a statesman of the 18th century, V.N. Tatischev. Special attention is paid to practical activity on management and development of the Urals and Siberia, the Russian administration relations with the local people.

Keywords: V. Tatischev, Russia, Russian people, empire building, nationhood, Peter I, Urals, Siberia, Eurasianism, the concept of history.

Отечественная гуманитарная мысль имеет сегодня заметную тягу к размышлениям о теории «евразийцев». Можно даже говорить о научной моде. Многочисленные диссертации посвящены «исторической мысли» о «монгольском владычестве на Руси», «евразийству как общественно-политическому течению в России XX в.», «евразийству в современных исследованиях», «социально-экономическим идеям евразийства» и т. д. и т. п. Пишут историки, экономисты, философы, политологи, социологи, просто любители идей... Информационный научный шум погрузил в туман не только собственно «евразийцев», но и ту конкретно-историческую реальность, о которой они размышляли в своем изгнании.

Воскресли и одновременно обратились вспять многие идеи старых, новых и «последних» евразийцев. «Последних» в кавычках, ибо «евразийство» будет существовать, доколь будет существовать географическая Евразия и здравствовать пространственное тело России. Ибо строго географически и исторически Евразия — это не только Россия. В этом контексте пространственно-этнические, этнополитические суждения многих и многих евразийцев будут востребованы. Но Россию из Евразии все же придется выделять, коль скоро речь будет идти об истории.

Для более четкого понимания того, о чем пишут евразийцы следует иметь в виду, что на практике они имели дело с уже сформировавшейся империей. Это была та данность, которая их и толкнула к построению столь модной сегодня теории. Теории, принадлежавшей именно революционной эпохе. Однако сегодня, на наш взгляд, гораздо важнее проследить начало, истоки теории, собственно, с тех времен, когда и теории-то не было, а была практика построения великой империи, практика межэтнического взаимодействия.

В настоящей статье мы ставим своей задачей дать некоторые штрихи к историческому портрету русского воина, мыслителя, администратора, историка В.Н. Татищева. Нас интересует та часть его биографии и деятельности, которая касается его представлений о месте России в той геополитической реальности, которую мы сегодня именуем Евразией, и мы попытаемся в общих чертах проследить их в ретроспекции, приведшей в конце XIX в., в обстоятельствах российских революций, к возникновению евразийских теоретических построений.

Евразийцы не знали или не задумывались о роли этносов в создании империи. Для них было данностью русское ядро общества. Но они не видели или не хотели видеть сложностей на пути создания такого общества. Все чаще вспоминаются слова И.Л. Солоневича: «Все народы стремятся построить империю, но не у всякого народа это получается».

Очевидно, что на отечественные подходы к евразийству сильное влияние оказал Л.В. Гумилев, одаренный сын двух поэтических стихий. Также очевидно, что евразийские идеи на современном историографическом этапе сильно и не очень пластично воздействовали на «Концепцию нового учебно-методического комплекса по отечественной истории». Особенно заметно влияние теории, точнее гипотезы историка Г.В. Вернадского, основоположника одного из течений в современном зарубежном россиеведении. Размышляя над «начертанием русской истории», он предлагает такую схему периодической рит-

мичности государственно-образующего процесса на пространствах Евразии:

- «I а) Единая государственность (Скифская держава);
б) Система государств (Сарматы, Готы)
- II а) Единая государственность (Гуннская империя);
б) Система государств (Авары, Хазары, Камские болгары, Русь, Печенеги, Половцы).
- III а) Единая государственность (Монгольская империя);
б) Система государств — первая ступень распада Монгольской державы (Золотая Орда, Джагатай, Персия, Китай);
в) Система государств — вторая ступень распада Монгольской державы (Литва, Русь, Казань, Киргизы, Узбеки, Ойраты, Монголы)
- IV а) Единая государственность (Российская империя, Союз Советских Республик....?)» [1, 105].

И многоточие, и вопрос указывают на гипотетичность и неопределенность предложенной схемы. Бросается в глаза и явное противоречие между заявлением о размышлениях над «начертанием русской истории» и последовавшим исчезновением в предложенной схеме собственно России и русской истории как таковой. Можно даже подумать, что Вернадский видит источник могущества России в Монгольской державе и Золотой Орде. Особенно интересным оказывается рубеж между Русью и Российской империей.

Современные «мыслители» заострили этот тезис, и уже прямо утверждают, что могущество действительно коренится в монголах, татарах. Чего здесь больше: дежурной политкорректности, или незнания реальной истории, или нежелание знать реальную историю?

Теперь по существу заявленной темы. Пространство России складывалось не сразу и не благодушно мирно. Народ и созданное его усилиями государство, то, которое И.Л. Солоневич метко назвал «Народной монархией», долго и трудно вдвигались в это, столь, по разным причинам, лобное сегодня многим географическое и государственное тело. Появился даже специальный термин, отчуждающий это самое пространство от народа и его монархии, — «территория», или более мягкий, содержащий некий расчленительный потенциал, «регион».

Возникает естественный вопрос: куда прорывалось это государство и этот народ? Вопрос риторический, ибо давно известно, что «суша» рвалась к морям, реки подсказывали направление, люди реа-

лизовывали свои хозяйственные, исторические, духовно-нравственные замыслы. А возможно и не свои. При этом ориентировались на простые рекомендации предков: «ни от какого положенного на них дела не отрицаться, и ни на что самим не называться».

Петр Великий самолично стал решать главную для его времени государственную задачу — утверждение русской власти на берегах Балтийского моря. И в одночасье по новому воинскому уставу все стали «солдатами»: «имя *солдат* просто содержало в себе всех людей, которые в войске суть, от высшего генерала даже до последнего мушкетера, конного и пешего». Историческое пространство России завершилось оформлением «от моря до моря».

Солдатом войска Петрова стал и первый историк Империи Российской, географ, администратор Василий Никитович Татищев. Именно администратор Татищев пестовал Татищева географа, историка, экономиста. Обустройство Урала, Сибири, Оренбуржья, Поволжья, тесное, не всегда мирное соприкосновение со степными народами и кочевьями, формировали его интерес к истории и географии государства Российского.

Административная деятельность Василия Никитовича началась в 1719 г. на Урале и в Сибири, где он занимался улучшением уже действовавших уральских казенных заводов и строительством новых. Дело оказалось непростым. Татищев столкнулся с двумя основными проблемами.

Во-первых, со злоупотреблениями частных заводчиков, имевших значительные льготы для занятий промышленностью, — и в отношении источников сырья, и в обеспечения своих заводов рабочими руками, но при этом стремившихся расширить свой промысел за счет утеснения казенных производств. Главным оппонентом Татищева стал Акинфий Демидов, которому в руки в 1702 г. государство передало построенный в 1699 г. Невьянский завод.

Вторая проблема коренилась в позиции кочевого населения, активно препятствовавшего промысловому освоению района. Башкиры и татары убивали рудоискателей, а в «лучшем» случае сжигали заводские постройки и жилье. Историк пишет: «Между запущенными находился Полевский медный, в котором руда добывалась с 1702 года; но в 1718 году 10 июня Башкирцы, Чубарь-Балагушев с товарищи, собрался многолюдством, все строения на тех рудниках выжгли, работных людей согнали и впредь промышлять запретили» [2, 35].

Несмотря на все усилия администрации Сибири (а Уральский край тогда административно числился за Сибирью, которую называли золотым дном России), казахи (киргиз-кайсаки), татары и башкиры (башкирцы) продолжали грабить и жечь пограничные селения и заво-

ды. Если поставить себя на место Татищева, то можно легко представить реакцию русских властей на такие поступки «нацменов» — террор. Этого не было. Русский администратор много размышлял и писал о неудовлетворительном состоянии областного *управления* краем.

После перерыва, вызванного командировкой по разным делам в Европу, а затем работы в Москве и Петербурге, он в 1734 г. вновь был послан на Урал для управления горными заводами. Специальным указом Татищев был назначен главным начальником всех горных заводов в Сибири и Перми.

Прошло почти десять лет с той поры, как он расстался с этим поприщем. Многое изменилось на Урале и в Сибири. Выросло число казенных заводов, их стало 11. Демидовских — 14. Кроме того, появились заводы Строгановых, Турчаниновых, Тряпицына и др. Основывались заводы близ Вятки и Казани, началась разработка руд на Алтайских горах. Выросло промышленное население за счет пришлых, в первую очередь переселенцев-крестьян. Вообще горное дело развивалось гораздо успешнее, чем административное управление краем. Одновременно на Урал и в Сибирь проник винный откуп. Одним из первых откупщиков стал Андрей Грек. Жалобы на пьянство мастеровых стали обычным делом.

Занимаясь обустройством новых заводов близ владений степных народов, Татищев заботился о строительстве крепостей, торгов и путей сообщения. По его представлению на прежнее место вернули перенесенную было в Екатеринбург Ирбитскую ярмарку, а в Екатеринбурге открыли новую.

Двигаясь вперед, Татищев руководил освоением бассейнов новых рек, в частности Туры, Селенги, строил пристани по Чусовой, обустроивал Уфимскую провинцию. Строились русские форпосты на границе контактов со степными народами, возводились церкви. При нем было сделано обстоятельное описание горного края. Татищев приглашал новых промышленников для открытия заводов в Башкирии, в Томском, Кузнецком, Нерчинском, Иркутском и других дальних уездах. Он был неутомим в открытии новых рудников, устройстве заводов, распоряжении техническими работами. Попытался отправить на обучение за границу группу мастеровых по обычаю петровского времени, да получил отказ.

Это и было реальное созидание «евразийского пространства». Татищев не задавался вопросами о его природе. Для него это были расширение пространства исторической России на Восток, распространение русской администрации, православия... Заметим: не завоевание, а расширение, распространение.

В 1737 г. Татищева перевели, в чине тайного советника, из Екатеринбурга в Оренбургскую экспедицию для обустройства башкирского края. К этому времени уже были построены Самарская и Яицкая линии защиты. Он продолжил укрепление границ соприкосновения со степными народами. Одновременно шло размежевание и земель башкир. Особое внимание Татищев уделил тому, чтобы без специальных указов не строились мечети и чтобы людей других вер башкиры в свою веру не обращали. Заметим, этот порядок был узаконен в России, до самой отмены крепостного права православные не могли быть в крепостной зависимости от иноверцев.

Много сил было отдано строительству Оренбурга, который несколько раз переносился с места на место: искали наиболее благоприятную тактическую и стратегическую точку для освоения края. Пять лет прошли, и Татищев был опять отозван в столицу. Здесь против него начали следствие по обвинениям в административных злоупотреблениях. Василию Никитовичу к этому времени исполнилось 54 года. Он чувствовал еще в себе силу, но и нуждался в подведении некоторых итогов. И он пишет знаменитое «Духовное завещание и наставление сыну Евграфу». Но оказалось, что точку в карьере ставить еще рано.

Примерно к этому времени относится описание внешности Василия Никитовича, сохранившееся в записках современника: «Этот старик был замечателен своею сократическою наружностью, изможденным телом, которое он старался поддерживать долголетним воздержанием, и наконец неутомимостью и разнообразием своих занятий. Если он не писал, не читал, или не говорил о делах, то перебрывал жетоны из руки в руку» [2, 387].

Впереди было участие в калмыцких делах и Астраханское губернаторство. Беспокойно было в низовьях Волги. Калмыки разоряли рыбные промыслы, жгли поселения астраханских татар и русских. Правительство вынуждено было содержать гарнизоны от Самары до Астрахани. Но силы военные были разрозненны и малочисленны. Не было мира и между самими калмыками. Именно в таких обстоятельствах и послан был для наведения порядка в крае Татищев.

Перед Татищевым была поставлена задача: описать край и приучить всех крещеных калмыков, проживающих около Астрахани, Саратова и Царицына, к пашине и оседлому образу жизни. Был основан город Ставрополь, куда и переселялись крещеные калмыки. Татищев задумывал даже перевод Евангелия на калмыцкий язык. Калмыкам были приданы русские крестьяне, жившие при монастырях и числившиеся за коллегией экономии. Так край колонизовался инородцами, державшимися за счет русского населения.

Задача усмирения кочевых калмыков и приведения их к консолидированному управлению от лица одного хана требовала значительных дополнительных усилий. Но без решения этой задачи наладить административное управление Низового края было невозможно. Татищев полагал начать с укрепления линии Царицын — Астрахань строительством шести городков и с приглашения для хозяйственного освоения края жителей с Дона и Украины. Планировалось приохотить также и калмыков к поселению в городках и слободках по Волге.

Надежды Татищева на взаимное примирение калмыков оказались напрасными. Калмыки были озабочены только захватом друг у друга улусов. Хотя Татищев, сколько мог, способствовал интеграции кочевников в хозяйственную жизнь края. Была построена Енотаевская крепость, произведен учет имущества калмыков. Особое внимание было обращено на необходимость регулирования размеров калмыцких лодок. Большие лодки Татищев предписал сжечь. Много усилий направил Татищев и на борьбу с практикой работорговли. В конечном итоге верхи калмыцкого общества были интегрированы в русское дворянство, которое пополнилось новыми аристократическими фамилиями, а у крестьян появились новые помещики с фамилиями, напоминающими Азию.

В бытность свою Астраханским губернатором Татищев столкнулся с проблемами Кавказа. Политика Надир-шаха обострила ситуацию на Северном Кавказе. Более 1500 аулов дагестанских с населением около 65700 человек просились в русское подданство. Перессорились между собой Кабардинские князья и опять искали помощи у русской администрации Астраханской губернии. Мелкие владельцы Кумыкские и Чеченские также ездили к Татищеву и хлопотали о хлебом и денежном жаловании. Мангышлакские туркмены просились в подданство. Эти и подобные вопросы Татищев без консультаций решить не мог. Но они отвлекали его от занятий хозяйственной жизнью губернии. Хотя ему и удавалось заниматься проблемами торговли и организации рыбных промыслов. Всего во времена Татищева в районе существовало 23 ватаги. Каждый ватажник давал работу до 1500 работникам.

В Астрахани появились и англичане, предъявлявшие свой торговый и военный интерес к региону. В русское подданство просились персидские, индийские, армянские, бухарские купцы. Они хотели получить, наравне с русскими, право жениться, покупать землю, строить дворы, торговать, заводить фабрики. Татищев пытался разработать специальные правила для торговой и промысловой деятельности на территории Астрахани, в том числе и вексельное право. Остро встал и вопрос о взимании взаимных пошлин между Россией и Персией.

1745 г. был последним в губернаторстве Татищева. Татищев познакомился с обширным миром народов Средней и Западной Азии. На практике узнал их нравы, замыслы, хозяйственные устремления. Непросто было Астраханскому губернатору отстаивать русские владения, не имевшие четкой границы с персидскими, укреплять русскую власть в крае, развивать здесь здоровую хозяйственную жизнь.

Чтобы управлять Низовым краем, как, впрочем, и любой областью приграничной России в то время, когда шла колонизация земель по всему периметру страны, нужно было быть внимательным судьей, деятельным администратором, отважным воином и ловким дипломатом, но и успешным хозяйственником. Именно таким человеком и был В.Н. Татищев. Его увлечение историей и географией российской, сделавшее его имя знаменитым, в действительности было продолжением, а может, и эхом его административной деятельности по обустройству восточных и южных рубежей Государства Российского.

Татищев, как и положено Рюриковичу, человеку, помнящему свои корни, был подданным и устройтелем этого государства. И при этом он был самостоятелен в своих поступках и решениях, полагая, по-видимому, что то, что он, смоленский Рюрикович, полагает верным, то и верно для России. До последних дней он находился под следствием, связанным с наветами тех, чьи интересы он ущемил, служа солдатом дела Петрова. Но за день до «ухода» получил указ о полном оправдании, и орден св. Александра Невского за заслуги. Орден он сопроводил благодарственным письмом и вернул Государыне.

В приложении к труду Нила Попова о В.Н. Татищеве и его времени находим документ, не имеющий точной датировки, да и не нуждающийся в ней: *«Предложение. О сочинении истории и географии российской»* [2, 663].

Текст этого документа состоит из предисловия и трех разделов. Раздел первый включает 107 программных пунктов, раздел второй — 57 позиций, раздел третий — 33. Всего 198 позиций, по которым, по мнению составителя, необходимо собирать информацию. Вопросы первого раздела относятся ко всем губерниям и народам, вопросы второго — только к тем губерниям, в которых проживают идолопоклоннические народы, а третий раздел касается только территорий, где проживают магометане.

Уже из самой структуры «Предложения» явствует нацеленность составителя на понимание тех культурно-исторических феноменов, с которыми будет впредь иметь дело русская власть. Очевидно, что сам Татищев понимал явление, о котором предлагал собирать информацию.

Первый раздел касался таких тем: исторические названия губерний, краев и областей; исторические и памятные места (в качестве примеров он приводит Куликово поле и Мамаево поражение); границы местностей, в том числе и географически мотивированные реками, водоемами и пр.; особенности климата; водный ресурс и основанная на нем транспортная система; земля, ландшафты и производственно-хозяйственные возможности; природные полезные ископаемые; население, его социальный состав, род занятий, организация управления, социальная жизнь и здравоохранение, демократические институты; все виды строений, укреплений, жилых построек, торговых точек, захоронений.

Второй раздел ориентировал власть на собирание дополнительных сведений о народах идолопоклоннических: самоназвание и русское название народов; свойственный им лексикон исторический и географический; традиционное летоисчисление; известные формы государственности, пути миграции; предания и сказания; важнейшие исторические события; форма религиозных верований; обряды; социальная жизнь и формы самоуправления.

Третий раздел имеет специальный оттенок. В преамбуле подчеркивается, что сам закон и содержание учения в Европе хорошо известны, и эти сведения собирать не надо. А что надо: какая версия магометанства принята у того или иного народа; какие духовные чины имеют и как их выбирают; внутрисемейные, в том числе имущественные, отношения; какое письмо имеют, на чем пишут и чем; суеверия.

Из документа следует, что Татищев предлагал обустраивать Российскую империю, опираясь на знание ее истории, географии, населения, природного и хозяйственного потенциала. Принципиально важно, однако, иметь в виду, что история — это для него именно история России, от эллинистического периода до Древней Руси, Московского царства и империи.

Он не знал, что в XVIII в. под влиянием немецкой учености возникнет Норманнская теория происхождения государства Российского, и, тем более, не мог он знать, что в XX в. под влиянием евразийцев родится идея рождения России на развалинах Золотой Орды. Но что он точно знал, так это то, как его руками создавалась империя, укреплялась русская власть, и как руками его далекого предка Рюрика и его многочисленных потомков создавалось Русское государство. Причем, он не сомневался в том, что Рюрик был прямым потомком Гостомысла и происходил из династии Ободритов. Об этом свидетельствовали дошедшие до него источники и, по-видимому, семейная генетическая память. И хотя вокруг «Татищевских известий» споры

не утихают, опровергнуть их еще никто не сумел. И уж совсем невозможно игнорировать его личный опыт устроителя империи.

В этом смысле Татищев, как и любой нормальный русский человек, был евразийцем, понимающим евразийство как распространение русского духовного космоса на всю территорию государства, распространения как процесса, начавшегося много столетий назад, со времен «Слова о законе и благодати», Степенной книги и Ломоносова.

Евразийцы же смотрели на Россию, это верно, но с другой стороны, из окопов напротив, заглядывая за баррикаду. Однако возвела эту баррикаду сама русская интеллигенция, во всяком случае, ее часть. Потому и история евразийства — начало и направление в сторону мыслительной традиции, которая объективно лишает Россию ее этнического ядра. Это путь в никуда (для России). Евразийцы изменили русской национальной мысли, изменив русло ее основного развития. Они думали этим вывести идейное развитие России из кризиса, но на самом деле спровоцировали этот кризис. Причина — умственная работа вхолостую, в отрыве от реальной жизни.

Татищева как истинно русского человека не интересовали умствования. Его мысль начиналась с реальной деятельности на благо государства, конкретного, существовавшего в его время, а не будущего, эфемерного. В этом его историческая заслуга. Он один из первых устроителей империи, один из первых евразийцев, каковых, впрочем, было немало. В этом смысле лучше быть первым евразийцем, чем последним.

Литература

1. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.
2. *Попов Нил.* В.Н. Татищев и его время. М., 1861.

А.Н. НЕЧУХРИН

Республика Беларусь: проблема выбора цивилизационного пути развития

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации; раскрываются различные подходы к проблеме интеграции в белорусской публицистике и исторической науке; показывается влияние современных политических проблем на изучение истории взаимоотношений белорусского и

русского народов в контексте выбора Белоруссией цивилизационного пути развития.

Ключевые слова: интеграция, таможенное пространство, цивилизация, государство, общество, историческая наука, древнерусская народность, национальность.

Abstract. The topical issues of integration between the Republic of Belarus and the Russian Federation are discussed in the article. Different approaches to the problem of integration in the Belarusian publicistic literature and historical science are analyzed; the influence of modern political problems on the research of the history of interrelations between Belarusians and Russians in relation to the choice of a civilizational way of development in the Republic of Belarus is revealed in the article.

Keywords: integration, customs space, civilization, state, society, historical science, Old Russian nationality, nationality.

После распада СССР на политической карте мира появилось самостоятельное государство — Республика Беларусь, ставшее одним из гарантов спокойствия и стабильности в Европе. Находясь географически в центре Европы, Белоруссия была и остается тесно связанной с европейским миром, и при этом она в качестве стратегического партнера однозначно выбрала Россию. Вопрос о создании Союзного государства неоднозначно воспринимается общественностью Белоруссии и России. Большинство граждан не сомневаются в том, что интеграция равно выгодна народам России и Белоруссии. После распада СССР перед новыми государствами, возникшими на его территории, встал вопрос цивилизационного выбора. Для государств Прибалтики независимость означала возвращение в западноевропейскую атлантическую цивилизацию. Для славянских государств бывшего СССР таким образом вопрос не мог быть решен.

В Белоруссии, как и в России, ряд исследователей предлагают пути развития, отрицающие западную модель, основанную на рыночных отношениях и либеральной демократии, считают ее неприменимой и даже разрушительной для восточнославянского мира. Они также настоятельно выступают за объединение славян перед лицом новых угроз XXI в. Так Ч.С. Кирвель, активный сторонник интеграции с Россией, пишет, что принципы свободного рынка, частной собственности и демократии не могут быть единственно разумной перспективой для новых независимых государств [1, 27]. Он утверждает, что данный подход имеет в своей основе одномерное представление об историческом процессе и обрекает восточнославянские народы на бесконечное подражание чуждому опыту.

Ряд белорусских философов убеждены, вслед за своими российскими коллегами, в мессианской роли России в мире. По убеждению, например, Кирвеля, «русский народ не только имеет склонность к выдвиганию новых мессианских идей, но и обладает способностью к колоссальным выбросам энергии... Поэтому не исключено, что скоро Россия вновь сможет... продемонстрировать миру беспрецедентный эксперимент: прорыв к духовно-экологической цивилизации» [2, 78].

Наряду с различными теориями, считающими неприменимыми в условиях восточнославянского мира ценностей западноевропейской цивилизации, существуют и прямо противоположные подходы. В белорусской публицистике они оформились к началу 1990-х гг. Их суть достаточно ярко выражена в лозунге «Беларусь в Европу». В его основе лежит утверждение, что белорусы — это европейская нация. Для этого приводятся многочисленные аргументы из истории Белоруссии периода ВКЛ и Речи Посполитой, из культурного наследия. Так, известный поэт Р.И. Бородулин, выступая на Международном конгрессе белоруссисов в 1993 г., говорил, что белорусы не хотят быть только с Россией, а хотят «со всем миром, со всеми народами идти к свету правды и прогресса, потому что мы часть Европы» [3, 24].

Возвращение Белоруссии в Европу у части белорусских публицистов, активно занимающихся политической деятельностью, связывалось с резко негативным отношением к России. Так, бывший лидер БНФ, З. Позняк в своей программной статье под названием «О русском империализме и его опасности» заявлял, что Россия всегда была и останется империей, а русский народ и его элита всегда мыслили проимперски. Он утверждал, что в России «образовался особый род жестоко имперского общества с неограниченным сервильным сознанием, где личность ничем не защищена ни перед кем и ни перед чем... Государство, его интересы, империя — все». Русский народ, согласно его мнению, «лоскутный народ без очерченной национальной территории». Имперское сознание русского народа — сознание деструктивное, стоящее в стороне от магистрального и эволюционного пути развития культуры [4]. Таким образом, согласно Позняку и его сторонникам, империя есть всемирное зло. Россия ничего хорошего не дала миру, а также Белоруссии. Крайне русофобские взгляды лидера БНФ не нашли поддержки не только у белорусского народа, но даже у большинства в его партии.

Между русским и белорусским народами исторически сложились тесные экономические и культурные связи. Тем не менее нельзя отрицать и своеобразия белорусского этноса, лишать его самостоятельности. Особенности белорусского народа сложились исторически.

Они связаны с его расположением на пути между Западом и Востоком. В результате Белоруссия стала перекрестком, где распространялись западные и восточные культурные традиции, католичество и православие. Это придало открытый характер белорусской культуре, ее способности к диалогу и компромиссу. Поэтому Белоруссия реализует многовекторную внешнюю политику, направленную на сотрудничество как с Западом, так и Востоком. Учитывая тесные исторические связи с Россией, взят курс на создание Союзного государства Белоруссии и России. Развитие интеграционных процессов между двумя странами обусловлено объективными причинами.

В 1995 г. на республиканском референдуме за экономическую интеграцию с Российской Федерацией высказалось 83,3% выборщиков. Руководством Белоруссии и России был принят ряд важных документов, направленных на экономическую и политическую интеграцию, свидетельством чего является создание единого таможенного пространства. Точкой отсчета в процессе интеграции Белоруссии и России стал акт подписания Президентом России Б. Ельциным и Президентом Республики Беларусь А. Лукашенко Договора об образовании Сообщества России и Беларуси. По сути, создавался политический союз двух стран, предусматривающий взаимодействие их дипломатий во внешнем мире и совместные мероприятия в области обороны. Уже год спустя Сообщество было преобразовано в Союз де-юре. 2 апреля 1997 г. стороны заключили договор о Союзе России и Белоруссии, а 23 мая приняли Устав Союза. Главным руководящим органом Союза был определен Высший совет. В качестве представительного органа было сформировано Парламентское собрание.

Развивая всестороннее сотрудничество, ни в Москве, ни в Минске не скрывали, что образование Союза — это лишь промежуточный этап на пути к единому государству. После длительной подготовки 8 декабря 1999 г. был заключен Договор о создании Союзного государства России и Белоруссии. 26 января 2000 г. после обмена ратификационными документами между президентами двух стран Договор вступил в силу, что позволило приступить к его практическому воплощению. Союз двух стран, как отмечают большинство исследователей, значительно укрепляет их политическую и экономическую безопасность. Белоруссия представляет безопасный, относительно дешевый и беспрепятственный транзит экспортно-импортных российских грузов, прежде всего российского сырья (нефть, газ). Россия через Белоруссию поставляет 31,3 млрд м³ — 21% от общего объема экспорта российского газа на европейский рынок. Кроме того, большинство авиалиний, соединяющих Россию с западным миром, пролегал над Республикой Беларусь, а основные пассажиропотоки, дви-

жушиеся наземным транспортом из России в Европу и обратно, проходят через Брест.

Россия активно инвестирует в белорусскую экономику. Объем накопленных инвестиций — 5,74 млрд дол. В Белоруссии работает более 2 тыс. предприятий с участием российского бизнеса. Белорусские вложения в российскую экономику составляют более 370 млн дол. Для Белоруссии огромное значение имеет бесперебойное снабжение (причем на льготных условиях) российским сырьем и топливом, а также подключение ее к энергетической системе России. Сегодня в Гродненской области строится атомная электростанция по российскому проекту. Для строительства Россия выделяет госкредит в 10 млрд дол., сдача в эксплуатацию первого блока — в 2018 г., второго — 2020 г. В 2014 г. Россия предоставляет Белоруссии дополнительный кредит в 2 млрд дол. По итогам 2012 г. товарооборот между Россией и Белоруссией вырос на 9,6% и достиг рекордного уровня в 43,8 млрд дол. «При сохранении нынешней позитивной динамики нам вполне по силам достичь товарооборота до 50 миллиардов долларов», — заявил Президент России В.В. Путин. Как отметил В.В. Путин 26 декабря 2013 г., Белоруссия уже вышла на первое место по внешней торговле России с партнерами по СНГ.

Совпадение экономических интересов России и Белоруссии признается как высшим руководством, так и оппонентами власти. Однако экономическая интеграция неизбежно ставит вопрос об укреплении надгосударственных структур Союзного государства, но при этом и Россия и Белоруссия должны поступиться, по крайней мере, частью своего суверенитета. Хотя, подписывая Договор о создании Союзного государства, и Москва и Минск дали на это согласие, при решении конкретных вопросов возникает немало трудностей. Так, особое место в законодательной структуре Союзного государства должен занять Конституционный акт. Однако созданная по поручению глав государств специальная комиссия по доработке проекта этого документа не представила результатов.

Трудности создания союзного государства широко освещаются в белорусской публицистике. Прежде всего обращается внимание на такие проблемы, как чрезмерная зависимость Белоруссии от поставок энергоносителей из России, а также использование дешевых российских нефти и газа для увеличения роста ВВП, не заботясь о снижении энергоемкости продукции и повышении производительности труда. Остро дискуссионной является проблема введения единой валюты Союза Белоруссии и России. В июле 2002 г. был подписан План действий России и Белоруссии по созданию единой валюты, который

предусматривал, что с 2008 г. произойдет объединение валютных систем стран Союза. Однако это не было реализовано.

Дискуссии о том, какой вектор должна избрать Республика Беларусь в своем развитии, активно переносятся на историческое прошлое, порождая по сути две разных интерпретации истории взаимоотношений двух народов. Начало 1990-х гг. ознаменовалось всплеском интереса к проблемам этногенеза славян. Теория существования древнерусской народности подверглась острой критике рядом белорусских историков (Г. Штыхов, Л. Лойка, М. Ткачев, М. Ермолович, Г. Саганович), которые заявили, что доказательств реального существования древнерусской народности не существует. По их мнению, этногенез русского, белорусского и украинского народов «с самого начала проходил на разных территориях, в результате взаимодействия разных этнических составляющих, находившихся на разных уровнях общественного развития» [5, 13]. В основе формирования русского этноса, по их мнению, лежит финно-угорский субстрат, белорусского — балтский, украинского — тюркский. Доказательством несуществования древнерусской народности является и тот факт, что Киевское государство в XII в. распалось на части, которые соответствовали первоначальным племенным территориям. Сторонники теории единой древнерусской народности подвергли критике новые концепции, обвиняя их авторов в желании разграничить этносы, подрезать их родственные корни, уменьшить степень близости. Ими возвращаются и соответствующие термины — «Западная Русь», «западнорусские земли» [6—8].

После обретения независимости историки начали активную разработку проблем белорусской государственности. Они стремятся найти в прошлом истоки государственных традиций белорусов, чтобы опровергнуть бытующее в историографии и в общественном сознании положение о белорусском этносе как безгосударственном. Их внимание привлекает Полоцк — развитый торговый и политический центр восточнославянских земель XI — XIII вв., место княжеской резиденции. Полоцкое княжество историками представлено самостоятельным древнебелорусским государством со всеми соответствующими атрибутами — суверенной властью князя и вече, администрацией, столицей, войском, денежной системой. Это положение вошло почти во все учебные пособия начала 1990-х гг. Одним из результатов этой работы явилось то, что в Конституцию Республики Беларусь вошло положение о многовековой истории государственности в Белоруссии. Второе направление в историографии защищает постулаты советской историографии о существовании древнерусской народности, о Киевской Руси как общем государстве этнически единых восточных славян.

Полоцкая земля, в соответствии с взглядами историков этого направления, составляла органическую часть Руси, ее развитие проходило в общем контексте древнерусской истории.

История Великого княжества Литовского являлась стержневой проблемой белорусской историографии первой половины 1990-х гг. Значительная часть белорусских ученых, касаясь проблемы происхождения ВКЛ, повторяет концепцию, характерную для российской дореволюционной историографии и развитую советскими историками. Создание ВКЛ представляется результатом захвата литовскими феодалами западнорусских земель. Роль объединительного центра русских княжеств историки этого направления закрепляют за Московским княжеством. ВКЛ предстает как государство чуждое, враждебное белорусскому народу. Для таких работ характерны антилитовская и антипольская направленность, славянофильство и западноруссизм [6, 102—103; 9, 122—123]. Другие авторы (М. Ермолович) представили иную концепцию происхождения ВКЛ [10—12]. Ермолович утверждает, что литовская знать не захватывала русские земли, а наоборот, Великое княжество создано путем объединения белорусских земель — Полоцкой, Туровской, Новгородской и Литовской, при завоевании балтско-литовских. По мнению публициста, тезис о «литовском завоевании» белорусских земель был сфабрикован в конце XVI в., когда над ВКЛ нависла угроза захвата Московским государством белорусских и украинских территорий [13, 63].

Историки стремятся определить роль белорусских земель во всех процессах, происходивших на территории государственных формирований, составной частью которых они являлись. Доказательством белорусского характера ВКЛ исследователи считают тот факт, что его основой являлась Новгородская земля, а сам Новгородок был первой столицей ВКЛ; большую часть населения ВКЛ составляли белорусы, которые определяли в основном ее внутреннюю и внешнюю политику; решающую роль в создании нового государства сыграли белорусские феодалы; большую часть войска составляли белорусы; официальным языком государства был «старобелорусский»; господствовала белорусская культура, использовались законы и правовые акты, основанные на правовых нормах Руси. С точки зрения национально ориентированных историков, ни одно европейское государство в XVI в. не имело такой развитой правовой системы, как ВКЛ, в литовских Статутах находят элементы, характерные для правового государства. Статут 1529 г. называют первой белорусской конституцией. ВКЛ XVI в. определяется как одна из первых европейских держав, которая создала уникальный образец политического и общест-

венного устройства, правовой демократии, мирного сосуществования и сотрудничества разных народов и церковно-религиозных систем.

Острые дискуссии вызывает проблема борьбы ВКЛ и Московского государства за объединение русских земель. Для национальной историографии первой половины 1990-х гг. была характерна антимосковская интерпретация истории. Исследователи детально воссоздают картины грабежей и насилий, чинимых московским войском на землях ВКЛ, внимание историков притягивают победы литвинов над москвитянами. Особенно много публикаций было посвящено битве под Оршей, которая произошла 8 сентября 1514 г. По мнению А. Грицкевича, эта битва должна была стать «славной страницей белорусской военной истории» и войти «в общее число героических побед белорусско-литовского войска на протяжении нескольких столетий за время существования самостоятельной, независимой и мощной державы белорусского народа — Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (Белорусско-Литовской державы)» [14]. С середины 1990-х такой подход стал объектом критики. На волне общей критики национализма в науке, историков, отстаивающих националистические позиции, нередко обвиняют в раздувании русофобии и даже в подрыве внешнеполитической стратегии Республики Беларусь.

История Белоруссии в период существования Речи Посполитой является одним из наиболее интересных и сложных периодов белорусской истории. Для ряда авторов коренным образом изменилась трактовка причин и последствий создания Речи Посполитой. Если в работах советских историков Люблинская уния расценивалась как аннексия и инкорпорация ВКЛ в Королевство Польское, то в изображении национальных исследователей начала 1990-х федерация ВКЛ с Польшей предстает как сознательный внешнеполитический акт «Белорусско-Литовского государства» в условиях обострения конфликта с Москвой, направленный на усиление сопротивляемости внешним врагам. Подчеркивается, что оба государства сохранили свою собственную администрацию, войско, законы, денежную и судебную систему, символику.

Трагические события в истории белорусского народа в эпоху Речи Посполитой, особенно война с Россией 1654—1667 гг. и разделы Речи Посполитой, привлекли наибольшее внимание исследователей. Белорусские историки первой половины 1990-х гг. выступили против тезиса советской историографии о многовековом стремлении белорусов к воссоединению с Россией и реальном воплощении этого стремления в поддержке царских войск в войне 1654—1667 гг. Значительное внимание белорусских исследователей притягивает политическая

ситуация в Речи Посполитой во второй половине XVIII в., потеря государственности. Относительно разделов Речи Посполитой в советской историографии утверждалось, что Россия не захватывала польские территории, а возвращала исконно русские земли, входившие в давнее время в состав древнерусского государства. Оппоненты этой точки зрения среди национальных историков начала 1990-х гг. в качестве обоснования права белорусов на государственную самостоятельность выдвигают диаметрально противоположный тезис, вплоть до утверждения, что «народы» Речи Посполитой и Российской империи представляли «две разные цивилизации». Было заявлено о несовместимости их социально-политических систем. Для Речи Посполитой якобы характерен «феномен демократии и свободы», для России — «тоталитаризм и деспотия», стремление «подавлять все иное, нерусское, не православное» [15]. ВКЛ как часть федеративной Речи Посполитой объявляется прибежищем толерантности, уважения к человеку. Эти и иные свободы ликвидировали разделы государства [16].

Представители традиционной линии в историографии сохраняют верность постулатам советской науки. Война 1654—1667 гг. называется «русско-польской» и расценивается как «национально-освободительная белорусского народа против польских панов за воссоединение с Россией». Результаты этой войны оцениваются с точки зрения русских национальных интересов. Историки этого направления положительно оценивают вмешательство России во внутренние дела Речи Посполитой, якобы для защиты протестантов и православных — «диссидентов» — от католиков — «фанатиков». После описания разделов Речи Посполитой (причем обычно указывается, что Екатерина II была вынуждена пойти на раздел под давлением Австрии и Пруссии) перечисляются выгоды для белорусских земель от их инкорпорации в Российскую империю.

Одной из наиболее дискуссионных в 1990-е гг. являлась проблема последствий присоединения Белоруссии к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой. Актуальности государственного самоопределения Республики Беларусь сделали исторические аналогии объектом идеологических раздоров. «Национально ориентированных» историков прошлое убеждает в извечном «империализме» России. Время ее государственного господства на белорусских землях рассматривается как «русификация» и «денационализация». Их оппоненты считают тезис о русификации Белоруссии после ее воссоединения с Россией «антинаучной теоретической основой фальсификации истории». По их мнению, вхождение в состав России позволило белорусам сохраниться как этносу, потому что без присоединения к России не было бы и сегодняшней Республики Беларусь. Воссоединение

Белоруссии с Россией в конце XVIII в. устранило угрозу полонизации и окатоличивания нашего народа.

Выявились разные подходы при оценке Октябрьской революции и того общества, которое было построено в дальнейшем. Одни по-прежнему считают ее Великой социалистической революцией, которая положила начало новой эре в истории человечества. Другие — что это был переворот, большевистский заговор. В белорусской исторической литературе нет единой точки зрения и на Белорусскую Народную Республику 1918 г. В одних работах провозглашение БНР представлялось как попытка националистических политических партий осуществить самоопределение белорусского народа на основе буржуазной государственности: «Белорусские национал-экстремисты предприняли меры к созданию государства с капиталистической системой, с господством помещиков и буржуазии, с эксплуатацией и угнетением рабочего люда». В других, БНР — «результат самоотверженной борьбы лучших сыновей нашей земли за счастье и волю». В ряде исследований БНР характеризуется как первая попытка реализации белорусской идеи на практике [17, 71]. Все признают, что содержание деятельности БНР было ограниченным. Наибольших результатов ей удалось достичь в культурно-просветительской сфере, но символ белорусской государственности в образе БНР сделал свое дело — ускорил создание БССР. Под сомнение поставлен тезис советской историографии о том, что создание БССР — подарок Великой Октябрьской социалистической революции. Выдвигается новая трактовка событий: революция в России, по мнению большевиков, должна была положить начало всемирной революции; когда этого не произошло, они стремились сохранить РСФСР, а Белоруссии отводилась роль буферного государства между Советской Россией и Западом

В сферу внимания ученых не могли не попасть процессы интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации. Большинство публикаций 1990-х гг. по проблемам сближения двух государств носят остро публицистический характер. «Национально ориентированные» исследователи к идее объединения Белоруссии и России отнеслись резко отрицательно, как к «покушению на политический суверенитет» страны [18]. Ученые, негативно воспринявшие общественно-политические перемены конца 1980-х — начала 1990-х гг., идею союза «двух братских народов» поддержали с воодушевлением. Причины сближения государств видят во внешнеполитической обстановке («Беларусь оказалась передним краем военного противостояния между военным союзом стран СНГ и НАТО»), агрессия НАТО в Югосла-

вии) и тяжелым внутриэко-номическом положении (1999 г. — самый неблагоприятный за вторую половину десятилетия) [19, 63—64].

Противники интеграции высказывают опасения, связанные с вопросами сохранения государственности и суверенитета Белоруссии. Ведь даже юристы и политологи имеют смутные представления о проблеме сохранения Белоруссией своего суверенитета при создании единого союзного государства с общим управлением, валютой, гражданством и т. д. Поэтому появляются пессимистические прогнозы о том, что Белоруссия войдет в состав Российской Федерации: «Это неизбежный и закономерный результат союза двух государств находящихся “в разных весовых категориях”» [18]. Утрата Белоруссией своего политического суверенитета, считают некоторые ученые, приведет к дальнейшей деформации духовно-культурной жизни белорусского народа, новому витку денационализации сознания, т. е. к утрате духовного суверенитета. Большие споры вызывают и вопросы, связанные с необходимостью (и до какой степени) глубокой политической интеграции как обязательного инструмента политических выгод. Высказываются предложения отказаться от односторонней ориентации на Россию и даже в будущем вступить в Европейский союз.

Сторонники сближения Белоруссии с Россией отмечают, что «ничего путного, кроме Союза в XX в., у белорусов не было» за все столетия истории [20, 5]. В союзном государстве Белоруссия станет самым крупным и мощным регионом после Москвы; народ заживет богаче; исчезнет давление на Белоруссия извне. Вступление в ЕС сторонники интеграции называют утопической мечтой: «Цивилизованный мир нам сочувствует, но принимать не хочет». Сами же белорусы со всеми своими многочисленными проблемами в одиночку справиться не в состоянии. В России видят единственную страну, заинтересованную в Белоруссии. И те, и другие отмечают тенденцию невыполнения подписанных договоренностей. Обращается внимание и на снижение поддержки населением обеих стран идеи интеграции: с 85% в начале процесса сближения до 30—40% в 2000 г. [19, 66]. Причину этого исследователи видят в «усталости» населения от потока обещаний скорой интеграции, получения от этого быстрых и значительных благ. Высказывается мысль о том, что для успешного решения задач, связанных с построением союзного государства, необходимо четко определить общую державную идею, формулу, которая могла бы быть принята за основу создания нового Союза, поскольку общество не может существовать без основополагающих ориентиров. Все же полноценный научный анализ данной проблемы — дело будущего, когда процесс интеграции завершится и даст определенные результаты.

Літэратура

1. *Кірвель Ч.С.* Капіталізацыя восточнославянскіх краін: утопічны выбар ці рэальная перспектыва? // Беларуская думка. 1999. № 2.
2. *Кірвель Ч.С.* Стратэгія выбара будучага // Беларуская думка. 2002. № 1.
3. *Барадулін Р.* З усім светам — да праўды // Беларусіка = Albaruthenika: Кн. 1 / Под рэд. А. Мальдзіса і інш. Мн., 1993.
4. *Позняк З.* О русском империализме и его опасности: расширение // <http://www.zianonpazniak.de/publications/articles/aboutrussianimperialism.htm>.
5. *Орлов В., Саганович Г.* Десять веков белорусской истории (862—1918): События. Даты. Иллюстрации. Вильня, 2001.
6. Гісторыя Беларусі: Вучэб. дапам. У 2 ч. Ч. 1. Ад старажыт часоў — па люты 1917 г. / Пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. Мн., 2000.
7. Гісторыя Беларусі: Вучэб. дапам. У 2 ч. Ч. 2. Люты 1917 — 2000 г. / Пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. Мн., 2001.
8. *Загарульскі Э.М.* Заходняя Русь: IX—XIII ст. ст.: Вучэб. дапам. Мн., 1998.
9. *Шкяленак М.* Леў Сапега // Спадчына. 1991. № 1.
10. *Ермаловіч М.* Старажытняя Беларусь: Віленскі перыяд. Мн., 1994.
11. *Ермаловіч М.І.* Па слядах аднаго міфа. Мн., 1991.
12. *Ермаловіч М.І.* Старажытняя Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. Мн., 1990.
13. Вузлы айчынай гісторыі. Беларуская ідэя і ВКЛ [Міжнародны «круглы стол»] // Беларуская думка. 1992. № 10.
14. *Грыцкевіч А.* Бітва пад Оршай 8 верасня 1514 г. // Спадчына. 1992. № 6.
15. *Сагановіч Г.* «Русский вопрос» с точки зрения белоруса // Народная газета. 1993. 1 мая.
16. *Саверчанка І.* Што такое Рэч Паспалітая // Звязда. 1993. № 90.
17. *Бяспалая М.* Да пытання аб вывучэнні гісторыі Беларусі 1920-х гг. // Гісторыя: праблемы выкладання. 1999. № 2.
18. *Подокшин С.* Интеграция и суверенитет // Народная воля. 1997. 21 мая.
19. *Шарапо А.* Российско-белорусская интеграция и общественное мнение // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 1.
20. *Шелехов М.* Мальчик по имени Союз // Беларуская думка. 2002. № 11—12.

А.А. ОЛЕЙНИКОВ

**Национальный учебник по экономической теории
как основа социализации молодежи: к вопросу о создании
евразийской теории национального хозяйства и новых
«евразийских» учебников по экономической теории**

Аннотация. Статья посвящена проблеме подготовки национальных учебников по экономической теории. Идет тотальная война Запада против России, и в этих условиях такой учебник превращается в мощное организационное оружие, которое должно быть в наших руках. Национальный учебник должен содержать в себе аксиоматические знания о нашей цивилизации и базисных социокультурных ценностях, сохранённых и воспроизведённых каждым новым поколением. Цели, ценности, и стереотипы национального бытия воспроизводятся только в том случае, если они превращаются в аксиомы жизнедеятельности — в учебные истины. А таковыми эти знания становятся только в учебниках, которые должны стать инструментом социализации воспитания молодежи — в русском духе. Наши учебники должны опираться на теорию евразийского мейнстрима, отражая в учебных аксиомах модель евразийского национального хозяйства. Важно понимать, что отказываясь от подготовки национальных учебников по экономической теории, укоренённых в традиционных социокультурных ценностях русской (русско-евразийской) цивилизации, мы тем самым проигрываем стратегически не только ультралиберальному Западу, но также и исламскому фундаменталистскому Востоку. Запирающие учебно-методические технологии оказываются в итоге одновременно формой мощного информационного оружия, лишаящего нас стратегии, а значит и будущего в качестве суверенной и великой России.

Ключевые слова: идеология, социализация, образование, цивилизация, традиционализм, национальное хозяйство, экономика, политика, принципы, общество, культура, доктрина, химера, деструкция, общественное воспроизводство, формационно-цивилизационное развитие, католицизм, протестантизм, тотальная война, организационное оружие, стратегия

Abstract. Article is devoted to the problem of preparation national manuals of economic theory. The total war of the West against Russia is going on, and in these conditions such manual turns into the powerful organizational weapon which has to be in our hands. The national manual has to comprise axiomatic knowledge of our civilization and the basic sociocultural values kept and reproduced by each new generation. The purposes, values, and stereotypes of national life are reproduced only if they turn into activity axioms — in educational truth, and such transformation can be

realised only by national manuals, which have to become the instrument of socialization of education of youth — in the Russian spirit. Our manuals should be based on the theory of the Euroasian mainstream, reflecting in educational axioms model of the Euroasian national economy. It is important to understand that refusing preparation national textbooks according to the economic theory, implanted in traditional sociocultural values of the Russian (Russian-Euroasian) civilization, we thereby lose strategically not only to the ultraliberal West, but also and the Islamic fundamentalist East. Locking educational and methodical technologies appear at the same time to be a form of the powerful information weapon depriving us the strategy, so and the future as sovereign and great Russia.

Keywords: ideology, socialization, civilization, education, traditionalism, national economy, policy, principles, society, culture, doctrine, chimera, destruction, public reproduction, formational and civilization development, Catholicism, Protestantism, total war, organizational weapon, strategy

Воспроизводство фундаментальных знаний о цивилизации

Известно, что знания о фундаментальных основах бытия, точно так же как и национальная культура в целом, воспроизводятся каждым поколением. Эти знания, отражающие «проблему обретения смысловой и ценностной системы координат», производятся и воспроизводятся 1) в научных монографиях и на страницах научных журналов и публицистических альманахов; 2) в ходе конференций и других форм устных дискуссий; 3) в работе академических и научно-исследовательских институтов. Очевидно при этом, что основы мироустройства, его цели и смыслы смогут сохраниться только в том случае, если, *во-первых*, воспроизводимые знания будут формироваться на основе системообразующих ценностей бытия, не подвергаясь деструкции со стороны либеральной модернизации общества; если, *во-вторых*, будет сохранен и воспроизведен механизм социализации посредством передачи этих знаний от взрослых последующим поколениям молодых.

Роль социализации

Однако эти знания так и останутся «вещью в себе», если не будут передаваться от старших поколений молодым посредством механизма социализации. Социализация — это ключевое звено всего процесса образования. Его суть в том, чтобы подготовить будущих специалистов к восприятию национальных ценностей, традиций и святынь в качестве основополагающих ценностей того национального способа бытия, способа хозяйственной жизнедеятельности, в рамках которого им придется жить и работать.

Главная задача, стоящая перед образованием как процессом социализации, заключается в том, чтобы передать подрастающему поколению ту систему культурных национальных ценностей, усвоив которую, молодой человек становится гражданином своей страны: родившийся и живущий в Германии, становится немцем, во Франции — французом, в Англии — англичанином, а в России — русским.

Экономическое образование должно дать будущим специалистам научную картину мира. Учебный процесс не должен строиться на примитивных западных теориях и ложных доктринах, дающих извращенное представление о мире. К их числу относятся прежде всего либеральные доктрины, основанные на ложной концепции европоцентризма. Суть идеологии европоцентризма, как известно, в том, что ценности Запада в целом объявляются «общечеловеческими». Весь остальной — незападный — мир в рамках этой идеологии рассматривается только в качестве пассивного объекта западной политики, в качестве некой «гуманитарной зоны», подлежащей колонизации. Либеральные ученые не объясняют мир, они просто изображают Запад в качестве центра всего мироздания. Все другие страны и народы рассматриваются как дикие и варварские, подлежащие колонизации и утилизации в качестве «бесхозного добра». Данилевский резко выступил против концепции европоцентризма. Он особо подчеркивал: «Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем» [1, 125].

В реальности мир делится на множество цивилизаций, каждая из которых является особым *культурно-историческим типом*, особым *способом жизнедеятельности* или способом национального бытия, в основе которого лежат единые для данной цивилизации морально-этические нормы и ценности, а также культурно-исторические традиции, уходящие вглубь веков и произрастающие из религий.

Роль учебников в механизме социализации

И хотя это — общеизвестно, далеко не все, видимо, понимают значимость учебников по общественным наукам в этом механизме. Знания об обществе, о цивилизации и базисных социокультурных ценностях, сохраненные и воспроизведенные каждым новым поколением, *должны стать аксиоматическим знанием*, т. е. должны переплавляться в непреложные истины, известные как принципы, цели и

ценности, жизненные аксиомы и стереотипы бытия, сопряженные с общенациональной стратегией.

Очевидно, что знания об обществе становятся аксиоматическим знанием только в том случае, если они превращаются, перерабатываются в учебные истины, т. е. в *жизненные аксиомы жизнедеятельности*. А таковыми эти знания становятся только в учебниках. Главная проблема и драма всего современного обществоведения заключаются в том, что мы добровольно и без боя сдали свое «образовательное пространство» в руки нашего врага, позволив ему внедрить в школы и вузы свои — американские и европейские учебники по общественным наукам. Минобрнауки ведет, по сути, с нашим народом необъявленную войну, занимаясь рекультивацией населения, агрессивно насаждая в наших вузах американский учебный курс экономической теории в виде экономикса.

Какой смысл в издании журналов, альманахов и многочисленных научных монографий, если новое знание о нашем обществе, о состоянии нашей русской цивилизации — не воплощается в соответствующих учебниках, чтобы стать аксиоматическим знанием, чтобы стать учебным материалом для социализации молодежи? Очевидно, что это риторический вопрос. Споры нет: наука — нужна, нужны и журналы (альманахи), необходимы конференции для дискуссий, обсуждений, научных споров, создающих, по выражению С.Г. Кара-Мурзы, «организационную основу нового обществоведения России».

Но если вслед за этим, создавая новое обществоведение, проводя актуальные конференции, публикуя сборники трудов и монографии, мы не предпринимаем решительных шагов к тому, чтобы сделать новое знание основой социализации молодежи, основой вузовского обучения, занимаясь подготовкой учебников по общественным наукам, то в этом случае мы 1) либо просто не понимаем исключительной значимости учебников по общественным наукам и, в частности, по экономической теории; 2) либо — самоустраиваемся от попыток решения проблемы подготовки и распространения в наших вузах принципиально новых учебников. Тем самым мы фактически расписываемся в нашей слабости и / или инертности перед лицом действительно грозного идеологического и политического врага в лице, уже превратившего Россию в глобальный фронт Четвертой мировой и тотальной войны сил ультралиберализма против традиционализма.

Другими словами, если мы не стремимся превратить полученные научные обществоведческие знания о нашем обществе и русской цивилизации — в учебные знания, если полученные новые знания не превращаются в инструментальной социализации молодежи, т. е. если на основе новых знаний об обществе *не* воспитывают молодежь в духе преемственности русской цивилизации — в русском духе, то в

этом случае, уже неизбежно — подрываются основы русской (русско-евразийской) цивилизации, а также *основы понимания всего современного мироустройства* и места в ней России, ее целей и смыслов бытия. Мы же тогда просто расписываемся в нашей беспомощности.

Фундаментальная роль экономической теории

Мы не должны забывать, что экономическая теория призвана давать *научное обоснование механизму движения экономики* и всего общества. Ну а если наука ошиблась? Если ученые ошибаются, или же какая-то группа ученых, допустим, сознательно вводит в заблуждение правительство и руководство страны в целом, выдавая ошибочные экономические тезисы и принципы — за, якобы, истинные, за некие «универсальные» и «общечеловеческие» ценности, якобы, лежащие в основе развития «цивилизованного мира»?!

Что тогда? Тогда общество получает ложные ориентиры, и данная страна в целом начинает двигаться к катастрофе.

Экономическая теория и наука образуют общетеоретическую и общеметодологическую основу государственной идеологии как системы действующих (работающих) принципов, которые практически реализуются в очень конкретной форме социально-экономической политики — через разнообразные механизмы государственного управления и регулирования всего народного хозяйства и общества в целом. Ошибочные и ложные доктрины и принципы, играя роль дезинформации, способны нести в себе мощный разрушительный потенциал [2, 12—15].

Ошибка в теории многократно отзывается, сказывается на практике, возрастая в геометрической прогрессии, приобретая силу сверхмощного кумулятивного снаряда, разрушающего и выжигающего все внутри. В результате стоят предприятия, замирают целые отрасли, задыхаются от безденежья не только социальная и бюджетная сфера целиком, но и вся страна — распадаются предприятия, отрасли, регионы, распадается все народное хозяйство. Доктрины и принципы либерализма, неолиберализма и монетаризма превращаются в необычное оружие массового поражения, которого еще не знала история!

В чем заключается необходимость религиозно-философского подхода к осмыслению содержания экономической теории

Ставя этот вопрос, мы имеем виду: является ли религиозно-философское осмысление экономической теории необходимым компонентом современного знания? Должен ли современный грамотный человек понимать, что выбор принципов жизнедеятельности и хозяйствования — это всегда мировоззренческий выбор, это выбор для страны совершенно определенной идеологической (мировоззренче-

ской) системы как совокупности взглядов, убеждений и принципов? Очевидно, что это — риторические вопросы.

А если это так, то разве не является столь же необходимым для гражданина России понимание того, что выбор любой данной модели развития является одновременно и выбором системы — а) ценностей, б) целей и в) интересов, которые превращаются в руках государства в систему работающих принципов?

Анализ исторической динамики общественного развития убеждает нас в том, что экономика и хозяйство всегда и везде порождаются непосредственно религией, либо ее идеологическими формами и принципами, которые, как, например, кальвинизм и его денежные принципы, сформировали идеологическую и морально-этическую основу нарождающегося капитализма. Другими словами, тот факт, что тип экономики и хозяйства порождаются и определяются религиями, подтверждают сама история возникновения капитализма и его социокультурная динамика [3].

Закономерности формационно-цивилизационного развития, указывающие на зависимость формации и цивилизации от типа культуры и от типа геополитического устройства, должны быть дополнены еще одним важным принципом — соответствия типа формации и типа цивилизации типу религиозного устройства общества.

1. Протестантизм, являясь либеральным прочтением христианства, породил либеральную модель экономики. Протестантская революция XVI—XVII вв., превратившая христианство в «религию богатых» (Н. Бердяев), утвердила не просто власть денег, она сделала деньги и денежное богатство высшей «ценностью». Их господство отражало утвердившееся в тот период доминирование протестантских, денежных ценностей [4, 340—346]. Деньги стали господствовать не сами по себе, а как результат драматического перелома в общественном сознании Англии и других капиталистических стран того периода, как результат превращения христианства и Евангельской вести о спасении всего человечества — в денежную «индустриальную религию, несовместимую с подлинным христианством» [5, 151].

2. Католицизм, в отличие от протестантизма, наоборот, имеет строго централизованную организацию. Соответственно, жестко иерархический тип религиозного устройства формирует централизованную экономику. Модель «католического капитализма» — это модель, условно говоря, «государственного капитализма», или «христианского социализма».

3. На Востоке, в частности, в Японии и Ю. Корее, религиозно-нравственная этика буддизма сформировала «семейный» тип общинного, коллективистского капитализма, который американцы называют «коммунальным капитализмом».

Анализируя особенности японского капитализма, американские специалисты по проблемам управления Дж. Грейсон и К. О'Делл в своей книге «Американский менеджмент на пороге XXI века» пишут: «Некоторые в шутку называют его “конфуцианским капитализмом” или “коммунальным капитализмом”. Называйте его как угодно, на этикетке может быть написано “капитализм”, но внутри это все-таки нечто другое. Если говорить словами основателя компании “Хонда моторс” Такео Фудзикавы, “японская и американская системы управления одинаковы на 95% и отличаются во всех важных пунктах”» [6, 312].

Стремление Востока придерживаться традиций общины является отражением основного закона развития традиционного общества. Следуя этому закону, Япония возродила на своих предприятиях дух общины, стремясь сохранить в своем обществе основы общинного сознания и общинной жизни. Следуя этому закону, нам также предстоит вернуться к традиционным истокам нашей северо-восточной цивилизации, также возрождая утерянные нормы общинной жизни. Задача, которая стояла перед Японией, теперь стоит очень остро перед русской нацией, являющейся системообразующим ядром нашей огромной русской (славянско-евразийской) цивилизации.

Народ таков, какова его культура, а она произрастает из религиозных устоев данного общества. Народ России (российский народ, русский народ — в собирательном значении) отвечает всем признакам народа как высшей политической и исторической категории, так как здесь мы видим картину превращения этносов в народ — в политическое и социокультурное единство как надэтническую совокупность, или суперэтническую общность.

Что означает для наших восточных народов-этносов, сформировавших суперэтнический русский народ, проживающий исторически в рамках русско-евразийской цивилизации, выбор модели национальной экономики и национального хозяйства, утверждающей чуждые всем нам индивидуалистические стереотипы хозяйственного бытия? Очевидно, что такой выбор является вызовом нашим традициям, противоречит цивилизационным основам нашего бытия.

Из всего этого следует важный вывод. Мы не можем произвольно выбирать модель национального хозяйства. Она определяется всей совокупностью социокультурных, цивилизационных, геополитических и религиозно-нравственных ценностей, исторически сформировавших русско-евразийскую цивилизацию. Соответственно, Евразийский союз может быть устроен только на основе общих для всех нас — евразийских (восточных и северо-восточных) — традиций и ценностей. Именно поэтому, как подчеркнул Президент РФ В.В. Путин, выступая на Валдае 19 сентября 2013 г., механическое

копирование чужого опыта и «грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету — неотъемлемая часть нашего национального характера» [7].

Таким образом, вопрос о том, приемлем ли для нас экономикс и допустимо ли преподавать экономическую теорию в наших вузах на основе чуждых нам идей и ценностей, имеющих протестантскую «духовную» укорененность, — является в целом риторическим вопросом. Ведь по большому счету и нас нет выбора, когда мы приступаем в разработке нашей, евразийской, экономической теории, евразийского мейнстрима, формирующего основы евразийского теории национального хозяйства и, соответственно, евразийских учебников по экономической теории как теории национального хозяйства.

Краткие выводы

Укажем в заключение, что в современном историческом контексте приобретает особую актуальность задача разработки не только новых учебников по экономической теории, адекватных социокультурным и геополитическим особенностям всех наших евразийских стран — не только СНГ, но и всех постсоветских республик, объединенных единым социокультурным пространством и общностью исторической судьбы.

Разработка евразийского мейнстрима — нашей евразийской теории национального хозяйства, основанной на множественности культур и социокультурной укорененности самого национального хозяйства — вот та стратегическая и насущная задача, которую сама история поставила перед нами в повестку дня. И выбора у нас — нет. Нет времени на раскачку.

Важно понимать, что отказываясь от подготовки национальных учебников по экономической теории, укорененных в традиционных социокультурных ценностях русской (русско-евразийской) цивилизации, мы тем самым проигрываем стратегически не только ультралиберальному Западу, но также и исламскому фундаменталистскому Востоку. Запирающие учебно-методические технологии оказываются в итоге одновременно формой мощного информационного оружия, лишаящего нас стратегии, а значит и будущего в качестве суверенной и великой России.

Идет война, и учебник по экономической теории превращается в мощное информационное оружие. Либо оно в наших руках, либо мы его добровольно отдаем врагу, капитулируя в тотальной войне ультралиберального Запада против России и сил традиционализма, против русской Евразии. Иного не дано. В войне компромиссов не бывает, возможно — только перемирие.

Что же еще такого драматического должно произойти в стране, чтобы все мы — ученые-патриоты России, преодолели, наконец, в себе гордыню и эгоцентризм, объединившись для решающей схватки с нашим идеологическим врагом, продолжающим навязывать нашему обществу чужой опыт, отнимая у нас суверенное право на свой мировоззренческий и цивилизационный выбор?

Литература

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М., 2003.
2. *Олейников А.А.* Политическая экономия национального хозяйства. М., 2010.
3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 1990.
4. *Олейников А.А.* Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства: Учебн. для вузов. М., 2011.
5. *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990.
6. *Грейсон Дж.К. мл., О'Делл К.* Американский менеджмент на пороге XXI века: М., 1991.
7. Выступление В.В. Путина на итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.09.2013 // <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>.

В.К. ПЕТРОВ

От СССР к Святой Руси на евразийском пространстве

...Ибо русское дело есть сразу дело религиозное, национальное и государственное; и тот, кто упускает хотя бы одну из этих сторон, тот упускает все сразу.

И.А. Ильин

Аннотация. Представляются и анализируются три возможных варианта протекания исторического процесса на постсоветском пространстве. Один из вариантов — воссоединение с церковью и борьба за Святую Русь.

Ключевые слова: евразийское пространство, православие, религия.

Abstract. Presented and analyzed three possible flow of the historical process in the former Soviet space. One of the options — a reunion with the church and fight for Holy Russia.

Keywords: Eurasian space, Orthodoxy, Religion.

Химера большевиков

Более чем тысячелетняя история России включает и такой важный исторический фрагмент, как СССР, возникший как большевистская подмена истинного призвания России. Третий Интернационал пытался заменить Третий Рим. Произошло снижение уровня противоборства с духовно-религиозного до социального. Человек восстал против Бога, и «Сказал безумец в сердце своем: “нет Бога”. Развратились они и совершили гнусные преступления; нет делающего добро» (Пс. 52, 2).

Большевики осуществили отделение Церкви от государства, т. е. формальный разрыв своего государства с Богом, и начался процесс общей деградации советского общества при ускорении темпов НТП. Не «в коня оказался корм», и советская система рухнула при всех несомненных научно-технических достижениях — такова печальная диалектика истории богоборческой страны.

Этапы деградации СССР таковы: от ложной идеи мировой революции до застоя и поражения в «холодной войне». Советские руководители забыли русскую пословицу: «Без Бога не до порога». Помраченный человеческий разум перестал воспринимать православие как главный ресурс России (который невозможно украсть!). Православие всегда было оплотом и защитой земли русской: в 1380, 1480, 1612, 1812 гг. и даже в 1941—1945 гг., когда только с Божьей помощью можно было победить сатанинскую орду (репетицию апокалипсиса). Возможно, эта великая победа и была последним звонком для советского руководства, но оно искусилось Западом, «понадеялось на князя земного», и страна потерпела жесточайшее поражение, чтобы теперь обсуждать проблему обустройства постсоветского пространства.

Варианты развития на постсоветском пространстве

На постсоветском пространстве представляются три возможных варианта протекания исторического процесса: интеграция в форме Таможенного союза (ТС) и/или другого подобного союза; развал РФ и всего пространства по сценарию развала СССР; воссоединение с Богом и борьба за Святую Русь.

Первый вариант, на первый взгляд, кажется практичным, основанным на взаимной экономической выгоде и хозяйственной кооперации. Он лишен политической составляющей и всякой идеологии. Однако в этом-то его очевидная слабость. Сказали мудрецы: «Нет идеологии», а страна без идеологии — это проходной двор для всякой идеологии. Нам, по-прежнему, противостоит объединенный в различные союзы Запад, который крайне идеологизирован. Причем его

идеология имеет две стороны: внешнюю и внутреннюю. Для окружающего мира (профанов) это — права человека, демократия, правовое государство и т. п.; для внутреннего пользования (посвященных) — собственное превосходство и право контролировать и эксплуатировать весь остальной мир.

Поэтому ТС без политики и идеологии, очевидно, гораздо более слабая структура, чем СССР. Значительно более тесные экономические, кооперационные связи там опирались помимо всего прочего на политический центр и на государственную идеологию. Как только ложная идеология рухнула, развалились политический центр и сама страна. Иными словами, вероятность в этом контексте более быстрого развала ТС, чем СССР, высока. Запад давно научился перекупать правящие верхушки любых стран. Чистой экономики недостаточно для длительного развития таких союзов на постсоветском пространстве.

Поэтому первый вариант, скорее всего, плавно перейдет во второй. В ТС может случиться так, что национальные республики РФ *de facto* получат одинаковый статус с бывшими советскими республиками, и тогда при возможном распаде ТС распадется и РФ, тем более предпосылки этого есть и сейчас. Самое ужасное заключается в том, что этого народные массы могут просто не заметить.

Таким образом, любые союзы на постсоветском пространстве без политики и идеологии чреватые распадом не только сами по себе, но и могут проложить изошренный путь к распаду РФ, и тогда постсоветское пространство можно будет брать голыми руками. Очевидно, необходимо создавать полноценный союз, скрепленный не только экономическими интересами. А это и есть третий вариант развития событий на евразийском пространстве.

В этом случае ТС выступает как технический инструмент объединения на низшем уровне. На высшем уровне почти все постсоветское пространство объединяет понятие «Святая Русь». Юрисдикция Московского патриархата (МП) РПЦ распространяется на РФ, Украину, Белоруссию, Казахстан, Молдавию и ряд других республик бывшего СССР. Исходя из исторического доминирования на тех или иных землях православия и современных политических условий, можно предположить, что современная Святая Русь объединит РФ, Украину, Белоруссию, Казахстан, Армению и Молдавию (или ее часть). В этом контексте понятна «битва за Украину» как война нового типа. Запад понимает, что без Украины не будет новой империи и никакого полноценного союза.

Остается открытым вопрос, а как технологично построить государственное управление таким союзом? На наш взгляд, стоит приглядеться к опыту современной Исламской Республики Иран. В ис-

тории нет ничего случайного, и возникновение ислама связано, по-видимому, Божьим Промыслом с выполнением ряда исторических задач и напоминании христианам о религиозном служении. В данном случае Иран может служить примером организации религиозного государства в XXI в.

Итак, Святая Русь объявляется православной республикой. Во главе государства стоит Патриарх Московский и Всея Руси — духовный лидер страны подобно аятолле в Иране. В этой связи отметим, что исторический принцип «симфонии властей» как механизм взаимодействия духовной и светской власти в православном царстве невозможен в нынешних условиях. Во-первых, нет императора, во-вторых, даже в Византии, не говоря о России, этот принцип никогда не был реализован до конца.

Духовный лидер не вмешивается в оперативное управление государством. Высшим органом исполнительной власти является Президентский совет, состоящий из 5—7 человек — президентов республик, вошедших в данное объединение. На этом уровне определяются все стратегические вопросы международных отношений, внутренней и внешней политики. В случае возникновения разногласий внутри Совета решающее слово принадлежит Патриарху. Совету непосредственно подчинены общереспубликанские министерства обороны, оборонно-промышленного комплекса, ФСБ, и труда (для регулирования миграционных потоков внутри объединения).

Законодательная власть остается в рамках республиканских границ примерно в том же виде, что и сейчас. «Имперского собрания» не нужно во избежание раздоров, пустой говорильни наподобие Съезда народных депутатов накануне развала СССР. Республиканские законы, имеющие общедержавный характер, утверждаются Президентским Советом и Патриархом. Отношения с другими вероисповеданиями строятся по образцу российского имперского законодательства с модификациями и поправками в соответствии с современным положением дел. Можно, подобно Ирану, ввести в Конституцию все допустимые религиозные культы. Атеизм объявляется личным делом совести гражданина, но надо учесть, что для мусульман атеист хуже язычника и подлежит обращению или уничтожению. Исламский терроризм в определенной степени связан с борьбой с неоязыческой и атеистической властью — как на Западе, так и в РФ.

Внешнее описание Святой Руси дело формальное, главное — внутреннее состояние общества — чтобы форма соответствовала содержанию. И здесь существует много серьезных проблем — от коррупции и терроризма до глубокого социального расслоения общества. Но мы не можем ждать, пока все эти проблемы уйдут в прошлое.

Процесс объединения и освящения Руси должен идти одновременно, иначе ракеты НАТО будут скоро стоять под Харьковом в минутном полете к Москве. И надо помнить, Святой Русь как Божья мысль о России есть тот идеал, к которому надо стремиться изо всех сил во имя спасения Родины и собственного спасения. Вся объективная история свидетельствует о том, что когда Русь выполняла волю Божью, она расширялась в своих границах, а когда нарушала ее, то сужалась, как шагреновая кожа.

Без помощи Божьей РФ не выдержит сатанинского давления с Запада и враждебных действий других антихристианских сил. Ибо «Божий замысел о народе остается тот же, и дело усилий свободы человека — остаться верным этому замыслу» (Н.А. Бердяев).

П.Б. ЗВЕРЕВ

**Интеграционное сотрудничество стран единого
экономического пространства в обеспечении
устойчивого развития газово-энергетического рынка**

Аннотация. Статья посвящена ключевой роли газово-энергетического рынка стран ЕврАзЭС в углублении интеграционного содружества государств, формирующих единое экономическое пространство в этом регионе мира.

Ключевые слова: газовая энергетика, интеграция на постсоветском пространстве, Россия, страны СНГ.

Abstract. The article is devoted to a key role of the gas energy market in deepening of the integration commonwealth of states, creating a common economic space in this region of the world.

Keywords: gas power, integration on the former Soviet Union, Russia, CIS.

В последнее время в связи с развитием экономик евразийского пространства происходят укрепление и расширение экономических связей России со странами этого региона и, прежде всего, в нефтегазовой сфере.

Развитие международного сотрудничества в газовой сфере осуществляется в различных интеграционных формах, на основе создания международных отраслевых организаций, таких как Международный газовый союз, «Еврогаз», МАННГО, Российское газовое общество и др. Российское газовое общество объединяет основные ком-

пании топливно-энергетического комплекса России, добывающие свыше 98% российского газа. Российское газовое общество является членом Европейского союза газовой промышленности и ассоциированным членом Международного газового союза. Его главными задачами являются: получение наиболее полной информации о возможностях производства природного газа, в том числе сжиженного, и перспективных размерах платежеспособного спроса со стороны потребителей газа; формирование согласованной позиции по проблемам эффективного развития национальной газовой промышленности; установление постоянных контактов с международными организациями в газовой сфере с целью организации международного инвестиционного сотрудничества; содействие развитию взаимодействия газовых компаний с органами государственной власти.

Развитие международной производственной и научно-технической интеграции в таком интеграционном формировании, как Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), предполагает разработку и осуществление международных программ развития разделения труда и кооперационных отношений в наиболее стратегически значимых отраслях производства (наноиндустрии, энергетике, электронике, машиностроении), подобных программе «Электронная Европа» в ЕС, создания отраслевых организаций, подобных «Еврогазу». Переход к новой стадии региональной экономической интеграции — трудный, но объективно необходимый процесс. Поэтому необходимы определенные переходные меры, обеспечивающие подготовку к более глубокой региональной интеграции. К ним относятся решения, предусматривающие ограничение сферы международного программирования и углубленной интеграции первоначально лишь сферой отношений между некоторыми из членов интеграционной группировки. В ЕврАзЭС таким решением стало решение о создании Таможенного союза вначале только тремя государствами — членами ЕврАзЭС (Белоруссией, Казахстаном и Россией) и формировании Единого экономического пространства первоначально на этой основе.

К мерам, обеспечивающим постепенный переход к развитой производственной и научно-технической региональной интеграции, можно отнести также: двусторонние межгосударственные и межфирменные соглашения, предусматривающие создание совместных предприятий — таких как совместное российско-казахстанское предприятие «Казроsgаз»; отношения между Россией и ЕС в рамках «Энергетического диалога»; создание такими корпорациями, как «Газпром», дочерних предприятий в странах СНГ и ЕврАзЭС; формирование двусторонних и трехсторонних консорциумов фирмами и банками разных стран для реализации отдельных, в частности энергетических,

проектов и сочетания краткосрочных и долгосрочных кредитов в целях их успешного осуществления.

В области обеспечения устойчивости энергетической сферы и энергетической безопасности важную роль призваны сыграть международные интеграционные объединения. Евразийское экономическое сообщество занимает особое место в процессе развития региональной экономической интеграции в Евразии. Это первая в истории международных экономических отношений евразийская интеграционная структура, объединяющая несколько европейских и азиатских стран. Сообщество через Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) создает возможности для развития международного сотрудничества в Евразии на основе эффективного многостороннего сотрудничества стран ЕврАзЭС со странами организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Наблюдателями в ШОС являются Индия, Пакистан, Иран, Монголия. Это создает широкие перспективы и для развития энергетического партнерства в азиатской части евразийского континента.

Следует учитывать следующие обстоятельства: быстрое смещение центра мировой экономики из Атлантического в Тихоокеанский регион; необходимость ускорения экономического развития в Дальневосточном регионе России, необходимость освоения сырьевых и энергетических ресурсов Сибири и российского Дальнего Востока, в частности, путем широкого привлечения иностранного капитала в сооружение энергетических объектов и создание современной системы трубопроводного транспорта, включая газо- и нефтепроводы в Китай, Японию и другие азиатские страны.

Обоснование мер по регулированию и устойчивому развитию хозяйственных связей между странами в сфере энергетики требует более развернутых оценок противоречий, существующих в этой сфере, и выработки эффективных механизмов разрешения затруднений, возникающих при использовании мировых энергетических ресурсов, на основе формирования общего и единого евразийского энергетического пространства с участием стран Европейского Союза, ЕврАзЭС, Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В этой связи перспективным является разработка Евразийской энергетической хартии для создания и устойчивого функционирования газово-энергетического рынка, осуществления совместных капиталовложений в энергетику стран – членов ЕврАзЭС, участников ШОС и АТЭС, а также международные программы по развитию энергетической и транспортной инфраструктуры.

Важное значение в рамках функционирования ЕЭП имеет совершенствование механизма энергосотрудничества России и Казах-

стана. В сентябре 2012 г. в Павлодаре прошел российско-казахстанский форум межрегионального сотрудничества, где был подписан протокол о внесении изменений в соглашение между правительствами России и Казахстана о торгово-экономическом сотрудничестве в области поставок нефти и нефтепродуктов в Республику Казахстан.

Данный документ создает условия для беспошлинных поставок нефтепродуктов из России в Казахстан для удовлетворения внутренних потребностей республики в объеме, согласно утвержденным индикативным балансам нефтепродуктов на территориях двух государств. В нем также содержатся механизмы компенсации выпадающих доходов российского федерального бюджета от беспошлинных поставок нефтепродуктов в соседнее государство. Согласно протоколу, казахстанская сторона за нефтепродукты, ввезенные из России, осуществляет встречную поставку нефти в РФ. К протоколу прилагается методика встречной поставки нефти на территорию РФ за ввезенные из России в Казахстан нефтепродукты, которая устанавливает порядок расчета объемов встречных поставок и порядок их осуществления.

Для успешной реализации энергетической стратегии России ведущую роль должны играть крупные нефте- и газодобывающие компании, подконтрольные государству. Обоснование мер по регулированию и устойчивому развитию хозяйственных связей между странами в сфере энергетики требует более точных и реалистичных оценок существующих в этой сфере противоречий и выработки эффективных механизмов разрешения затруднений, возникающих при использовании мировых энергетических ресурсов, на основе формирования единого евразийского энергетического пространства с участием стран Европейского Союза, ЕврАзЭС, КНР и других стран.

А.А. ЗАЛЕТНЫЙ

Постдолговое евразийство

Аннотация. В статье представлен авторский взгляд на происхождение и роль долговых отношений (и порожденных ими проблем) в экономике России (в контексте всего евразийского региона), а также на оптимальные пути разрешения таких проблем.

Ключевые слова: долги, сырье, экспорт, зависимость от экспорта, природные ресурсы, Евразия, банки, индустрия, преодоление долговой зависимости.

Abstract. In the present article, the author's look to following matters is presented: origin and role of debt relations (and of those problems which are generated to them) in economy of Russia (in the framework of the whole Eurasian region of the world), optimal paths of resolving of such problems.

Keywords: debts, raw, export, dependence on export, natural resources, Eurasia, banks, industry, overcoming of dependence on debt.

Постановка задачи

Не скроем нашего понимания того, что заглавие этой статьи с большой долей вероятности ввергнет читателя в подобие когнитивно-го диссонанса. Постараемся внести ясность.

1. Выражаясь лексиконом В.И. Вернадского [1], 150-летний юбилей которого мы отметили в 2013 г., можно было бы сказать так: понимание необходимости скорейшего перехода от «долговой» экономики, одной из атрибутивных черт которой являлась (и пока еще является) густая сеть долговых зависимостей производственного сектора экономики от финансового, к экономике «постдолговой», представление о которой начинается с необходимости «расшивления» или даже «разрыва» этой сети, уже существует в ноосфере, как минимум, несколько лет. Но понимание это пока еще, как минимум, недостаточно эксплицировано и отрефлексировано. Такая *экспликация* и *результативная рефлексия* — одни из наших ключевых задач.

2. Несмотря на, казалось бы, состоявшуюся интеграцию «постсоветского пространства» (а также тех государств Европы и Азии, которые никогда в зону влияния Варшавского договора и не входили) в систему глобальных экономических, вообще гуманитарных, связей и отношений, геополитическая и геоэкономическая специфика Евразии, в каком бы широком или узком географическом смысле ни понималось бы это понятие (а смыслов может быть много — см., напр., [2]), сохраняется, хотя и содержательная сторона этой специфики претерпевает изменения со временем. Применительно к Российской Федерации и ряду других государств Закавказья и Центральной Азии деструктивная деиндустриализация 1990-х гг. сопровождалась поворотом к использованию ранее разведанных нефтегазовых месторождений как приоритетной отрасли соответствующих национальных экономик, иными словами, к тому, что получило известность под названием «сырьевая зависимость» (или под еще более хлесткими именами). Не следует забывать, что alter ego «сырьевой зависимости» — это и иракская программа «Нефть в обмен на продовольствие» [3]

времен позднего Саддама Хусейна, и положение с иранским нефтяным экспортом после Исламской революции 1979 г. (кажущийся поворот хотя бы к разговорам о смягчении или частичной отмене соответствующих международных санкций, обозначившийся в январе 2014 г. — см., напр., [4], — вряд ли пока может считаться сколько-нибудь индикативным: он относится даже не к самой новейшей истории, а только к нарождающейся на наших глазах современности).

Итак, зафиксируем для целей настоящей статьи следующее:

Географическим предметом нашего рассмотрения (если иное мы не оговорим особо) пусть будет та часть Евразии, «евразийского пространства», в экономике которой экспорт сырья занимает системообразующее место. Кроме России имеются в виду, в частности Азербайджан, Туркменистан, Иран — но, конечно, не только эти государства.

Задачу же определим следующим образом — каковы в настоящее могут быть оптимальные пути преодоления *не столько сырьевой* (это отдельная тема), сколько *долговой* зависимости; не столько даже на уровне государств, сколько на уровне отраслей и отдельных корпораций как финансового, так и реального (в том числе — и производственного, и добывающего) секторов.

Долги XXI в. — «не календарного, но настоящего»: происхождение, содержание, дальнейшие судьбы

Мы не ошибемся, если скажем, что для «постсоветской» Евразии долговой «век» начался главным образом с разрушением социалистического содружества, озаменованным роспуском СЭВ летом 1991 г., и последующим коллапсом СССР.

На межгосударственном уровне печально известные для России кредиты Международного валютного фонда 1990-х годов фактически имели целью подчинение российского политического руководства воле политических лидеров единственной оставшейся на тот момент общепризнанной сверхдержавы, стимулирование деятельности истеблишмента России по включению страны в Pax Americana, в котором Евразии — даже в самом широком ее понимании — отводилась безусловно подчиненная роль. Отказ от «доктрины Монро», который официально был провозглашен государственным секретарем Дж. Керри в ноябре 2013 г. [5], де-факто состоялся задолго до этого: в смысле отказа от ограничения сферы влияния США только Западным полушарием — едва ли не в конце 1940-х гг.

На корпоративном же (воспользуемся современным нам термином применительно к нашим реалиям) уровне огульный отказ от центрального планирования едва ли не всех отраслей экономики, искусственно спрессованная во времени «ваучерная», а затем и «денежная» приватизация едва ли не всего индустриального сектора — не

будем опасаться «сильного» утверждения — *нуждались в долговых инструментах для своей имплементации в наш хозяйственный уклад*. С одной стороны, это массовая невыплата заработной платы, *искусственно созданные долги по заработной плате* трудящимся индустриального сектора, в результате которой трудящиеся, получившие акции своих предприятий в обмен на приватизационные чеки (ваучеры), вынуждены были продавать эти свои акции руководству своих же предприятий — своим же работодателям — либо нарождавшимся банкам и «финансово-промышленным группам» (далее также — ФПГ), действовавшим, безусловно, в рамках неявных (а то и явных) институционально-контрактных отношений с такими работодателями. С другой стороны, это распространенная в 1990-е приватизационная схема «деньги в обмен на акции», когда государственные пакеты акций предприятий добывающей отрасли *закладывались в пользу банков и ФПГ по искусственно созданным долгам государства перед последними*, после чего такие долги намеренно не возвращались, а в результате сами предприятия переходили в собственность тех же банков и ФПГ, что и требовалось по схеме.

Те типы долгов, которые мы охарактеризовали выше, могут быть названы исторически краткосрочными. Выполнив свое деструктивное «предназначение», «интегрировав» страны бывшего «социалистического лагеря» в «мировую» экономику ценой разрушения промышленного и человеческого потенциала этих стран, они перестали играть ключевую роль в экономике к началу 2000-х гг., хотя мы не можем исключать отдельных их локальных проявлений.

Новый исторический период — новые типы долгов. Выделим несколько важнейших типов долгов в период условно 2000—2008-х гг. (от начала резкого роста цен на энергоносители до начала очередного «мирового экономического кризиса»).

1. Потребительские кредиты граждан на товары длительного пользования от бытовой техники до жилья, интерес к которым стала стимулировать официальная пропаганда примерно с 2004 г. порой непропорционально действительным потребностям соответствующих домохозяйств.

2. Долги предприятий пищевой, обрабатывающей и иных отраслей промышленности, не связанных непосредственно с добычей и транспортировкой (в том числе экспортом) природных ресурсов, банкам — чаще всего в форме кредитов на «пополнение оборотных средств», т. е. в первую очередь на закупку материалов и техники, без которых эти предприятия физически не могут осуществлять производственный процесс.

3. Долги, образующиеся (или создаваемые) внутри финансово-го сектора:

3.1. Обязательства банков по возврату вкладов (и иных временных финансовых вложений) их вкладчикам и иных кредиторов — часто неисполняемые вследствие долгов типа 3.2, что влечет прекращение деятельности банков (отзыв лицензий, банкротство) и, как минимум, частичные потери у кредиторов.

3.2. Кредиты банков в пользу компаний, принадлежащих владельцам самих банков, с помощью каких-либо кредитов прикрывается вывод из банков средств (в том числе ранее привлеченных от вкладчиков) без намерения их возврата как в ближайшем, так и в отдаленном будущем. Особой разновидностью этих кредитов могут считаться кредиты, инициированные сотрудниками (не владельцами капитала) банков исключительно с целью получения коррупционного вознаграждения от лиц (в том числе организаций), позиционировавших себя как заемщики, действительного намерения возвращать или даже обслуживать задолженность не имеющих. Следует отметить и исторический «бэкграунд» кредитов последнего рода. На подобное «измерение» (dimension) еще государственных кредитов, выдававшихся Советским Союзом государствам, считавшимся им «развивающимися» — когда весомую часть таких кредитов государства-заемщики вынуждены были тратить на удовлетворение завышенных личных потребностей представителей государства-кредитора — указывали китайские исследователи в 1970-е гг. (см., напр., [6, 30]).

4. В части долгов, относящихся к государственным финансам, отметим особо.

4.1. Долги бывшему Советскому Союзу ряда государств, относившихся по терминологии того времени к «развивающимся». Ряд таких долгов был списан (фактически — «прощен») в последнее время по решению государственных властей Российской Федерации (см., напр., [7; 8]).

4.2. Долги Российской Федерации (как кредитору) ряда государств, входивших в состав СССР (как должников). Нередко эти долги, носящие во многих случаях долгосрочный характер, не только выступают инструментом ее политического влияния России в регионе, но и источником относительной экономической стабильности в этих государствах в условиях недостатка как сырьевых, так и индустриальных источников их национального дохода.

С началом мирового кризиса в 2007—1908 гг. многие долги первого, второго и третьего типа превратились фактически в безвозвратные. Банки получают в собственность предприятия-должники, которые утратили способность к обслуживанию долгов, но организовать управление ими не могут, так как во многих случаях не считают возможным сохранять их прежний управленческий состав, а сами не имеют ни технологических, ни человеческих ресурсов для управления

ими в своих интересах. Предприятие-должник, принадлежащее к реальному сектору экономики, перестает функционировать и существовать, иными словами, теряет свою экономическую субъектность. Что же до банка, то массив непрофильных для него активов (авуаров) становится критическим и «неподъемным» для него, в результате чего разрушается и банк (об одном типичном примере конца 2000-х гг. см.: [9]). Таким образом, деструкция затрагивает, а впоследствии и захватывает и индустрию, и изначально призванный ее обслуживать финансовый сектор. В тех государствах Евразии, в которых основной частью экспортного дохода является доход от экспорта природных ресурсов, только связанные с ним кластеры экономики оказываются относительно незатронутыми. И без того наличествовавшая «сырьевая зависимость» соответствующих государств этим умножается многократно.

Что делать? Экономика постдолговая или бездолговая?

Вынеся в заглавие этого заключительного раздела нашего рассмотрения «извечный русский вопрос», мы имеем в виду в первую очередь вновь обратиться к изначальной задаче, сформулированной нами в начале раздела первого: *как вывести «реальный», прежде всего индустриальный, сектор экономики из долговой зависимости от сектора финансового?* Не то что в Евразии в целом — в России региональное разнообразие таково, что «готовых рецептов» здесь быть не может. Тем не менее ясно одно: *экономика должна перестать быть «долговой».*

Какие же принципиальные шаги, которые могут стать моделью для страны в целом, возможны? (Безусловно, при их соответствующей юридической институционализации, в частности, соответствующей корректировке федеральных законов о банках и банковской деятельности, о Центральном банке России и специального федерального закона о Внешэкономбанке.)

1. Выкуп государством (например, в лице Банка Развития — Внешэкономбанка) кредитных портфелей в части кредитов действующим промышленным предприятиям (кроме тех, что связаны с добычей, переработкой, транспортировкой и экспортом энергоносителей).

2. Установление новым (государственным) кредитором, как минимум, частичных мораториев на выплату названных долгов.

3. Возможно введение института государственных уполномоченных на наиболее крупных (не будем говорить «на всех») предприятиях-должниках реального сектора. И не ограничиваться этим. Как отмечает И.А. Стрелец, характеризуя уровень проникновения современных технологий в экономику и порождаемые им преференции, в частности, «нет возможности в той степени, в которой это было осу-

шествимо ранее, скрывать свои промахи и ошибки» [10, 136—137]. Для обеспечения невозможности скрывать ошибки, в том числе и сознательные, в рассматриваемом нами секторе не следует «чураться» и иных, в том числе и нестандартных, контрольных мер (например, вплоть до... выборочного видеонаблюдения в круглосуточном режиме с передачей изображения по защищенному каналу связи в государственный банк, являющийся новым кредитором). Конкретное содержание таковых мер должно определяться *ad hoc*, т. е. ситуативно.

4. Возможна также корректировка по инициативе нового кредитора сложившихся при прежнем кредиторе институциональных соглашений (в том числе, *но не исключительно*, кредитных договоров) с предусмотрением поэтапного списания долга с предприятия-должника при условии выполнения последним конкретно определенных социально значимых задач (простейший пример — зачет в счет уплаты долга мясокомбинатом безвозмездных поставок продукции в учреждения социальной сферы).

5. В некоторых случаях представился бы целесообразным более дифференцированный подход к отзыву лицензий банков, имеющих затруднения в сфере расчетов со своими вкладчиками и иными кредиторами. Можно — пока с великой осторожностью — сказать, что определенная тенденция в этом плане уже намечается (см., например, [11]). Вспомним, что Кипр (тоже ведь географически часть Евразии!) почти сразу после начала банковского кризиса 2013 года обратился к мысли о конвертации части крупных вкладов (депозитов) в акции банков. С одной стороны, вопрос о том, почему бы России, скажем, не перенять подобное решение, безусловно, возникает. С другой стороны, такая конвертация, по нашему мнению, может быть только добровольной²⁰. Модель, предусматривающая подобную конвертацию, при определенной конъюнктуре может означать де-факто мультипликацию (в виде дивидендов) первоначальной суммы вклада. Хотя при иной конъюнктуре коэффициент подобной мультипликации может выражаться и отрицательным числом. И в этом, строго говоря,

²⁰ Вынужденно, но необходимо переходя из сферы собственно экономики в сферу менеджмента и даже психологии деловых отношений, отметим, что, на наш взгляд, модель коммуникации при проведении переговоров, нацеленных на достижение взаимопонимания и согласованной *в итоге* позиции при *исходно* полярных позициях сторон (в данном случае — банка и его кредитора-вкладчика; в случае, приведенном чуть выше — частного банка и банка-кредитора), может быть сформулирована путем экстраполяции хода и результатов переговоров глав правительств СССР и Китая в сентябре 1969 г. В русскоязычной исследовательской литературе наиболее репрезентативное изложение хода и результатов — как краткосрочных, так и долгосрочных — тех переговоров 1969 г., на наш взгляд, содержится здесь: [12].

нет несправедливости, ибо деятельность крупного вкладчика банка ipso facto содержит в себе степень риска, пропорциональную величине вклада. Для того, чтобы подобная мера не превратилась в простую замену одной формы долга другой, можно установить максимальный предел суммы вклада, сверх которого приобретаемые таким образом акции банка не могут быть привилегированными (с гарантированным дивидендом в обмен на отказ от участие в текущем управлении деятельностью банка), но только обыкновенными.

* * *

Меры, о которых мы говорили выше, нацелены на *избавление от безвозвратных долгов*. По сути, «долговая экономика» — это эвфемизм для обозначения *такой* экономики, в которой существуют *безвозвратные, «нерасшиваемые»* долги, парализующие хозяйственную деятельность индустрии и в целом реального сектора. *Постдолговой* можно называть экономику, в которых вышеохарактеризованные долговые отношения «расшиваются» и перестают быть тормозом для хозяйства, а оказываются тем, чем им и надлежит быть — *инструментарием* отношений между хозяйствующими субъектами, между экономическими агентами. «Бездолговая» экономика — скорее миф, ибо даже институт собственности включает в себя долговые обязательства перед государством (налоги), обществом (надлежащее использование), не говоря о возмездных контрактных отношениях между субъектами хозяйственной деятельности.

Завершим по возможности афористично: *долговая экономика* — экономика абсолютного долга, или долга как инструмента господства (сырьевых и финансовых отраслей экономики над иными), а *постдолговая экономика* — экономика относительного долга, или долга как инструмента нормальных хозяйственных отношений. В условиях богатых природными ресурсами-энергоносителями кластеров Евразии *постдолговая экономика* как преодоление (именно преодоление, не диалектическое «снятие»!) экономики долговой есть первейшее условие избавления от «сырьевой зависимости». Без такого избавления и думать затруднительно что о «новой индустриализации», что об иных позитивных экономических и социальных горизонтах и России, и других частей евразийского пространства — как бы широко или узко мы ни понимали бы последнее.

Литература

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.
2. Eurasia and eurasianism // http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Eurasia_and_eurasianism.png?uselang=en (27.01.2014).

3. Dobie Langenkamp R. Putting Oil-for-Food in Perspective // Jurist. 2005. Nov. 2 // <http://jurist.law.pitt.edu/forumy/2005/11/putting-oil-for-food-in-perspective.php> (27.01.2014).
4. Bouso R., Mackey P. Europe Oil Buyers Return to Tehran to Talk Business // Reuters. 2014. Jan. 23 // <http://www.reuters.com/article/2014/01/23/iran-oil-buyers-idUSL5N0KX2H120140123> (27.01.2014).
5. Johnson K. Kerry Makes It Official: 'Era of Monroe Doctrine Is Over' // The Wall Street Journal. 2013. Nov. 18 // <http://blogs.wsj.com/washwire/2013/11/18/kerry-makes-it-official-era-of-monroe-doctrine-is-over/> (27.01.2014).
6. Гнусное обличье советского социал-империализма. Пекин, 1976.
7. Как Россия списывала долги разным странам // Коммерсант.ru (Интернет-версия). 2013. 22 февр. // <http://www.kommersant.ru/doc/2133827> (27.01.2014).
8. Россия списала Кубе советский долг в 29 млрд долларов // РБК Daily, 2013. 10 дек. // <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949989904862> (27.01.2014).
9. Осадчий М.С. Сломанный «пылесос» // Новое время (The New Times). 2010. 18 окт. (№ 34).
10. Стрелец И.А. Инновационная экономика. М., 2012.
11. Стародубцева А. ЦБ определит участь Моего банка // Инвесткафе. Независимое аналитическое агентство // <http://investcafe.ru/news/41349> (27.01.2014).
12. Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М., 2001.

В.Н. ИВАНОВА

**Кадровая составляющая интеграционной
евразийской стратегии***

Аннотация. Предпринята попытка построения стратегии формирования адекватной инновационной модели развития кадрового потенциала российского среднего класса. Сформулированы личностные критерии применительно к условиям реализации выбранной стратегии. Рассматриваются вопросы совместимости всего комплекса от-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-02-00029«а».

меченных критериев у отдельных индивидуумов. Вскрыты специфические для России институциональные ограничения на пути ее модернизации и развития в целом. Показано, что существует положительная обратная связь между уровнем корпоративной идентификации российских компаний и масштабами использования ими открытых инноваций при выходе на международные рынки для сбыта готовой продукции.

Ключевые слова: альтруизм, частная экономическая власть, коррупция, открытые инновации, институциональная среда, модель развития, средний класс, конкуренция, уровень риска, мышление, радикализм, социальная опека, иерархия, ожидания населения, эволюция фирмы, деловая зрелость, человеческий капитал, мистификация, семантический подлог.

Abstract. An attempt of creation of the strategy on formation of development of personnel potential of the Russian middle class adequate to innovative model is made. Personal criteria in relation to conditions of realization of the chosen strategy are formulated. Questions of compatibility of all the complex of noted criteria at separate individuals are considered. Institutional restrictions specific to Russia on ways of its modernization and development as a whole are opened. It is shown that there is a positive feedback between level of corporate identification of the Russian companies and scales of use of open innovations by them at an entry into the international markets for sale of finished goods.

Keywords: Altruism, private economic power, corruption, opened innovations, institutional environment, model of development, middle class, competition, risk level, thought, radicalism, social guardianship, hierarchy, expectations of population, evolution of firm, business maturity, human capital, mystification, semantic forgery.

Обустройство евразийского (постсоветского) пространства сталкивается с необходимостью организации национальных проектов по восстановлению экономик бывших республик СССР после разрушений, произведенных в организмах вновь появившихся из этих республик стран приватизацией 1990-х гг. Дело это намного сложнее, чем казалось вначале, для него властям нужны *подвижники*, а не «менеджеры, нанятые гражданским обществом» [1, 1—11]. При этом надо помнить, что причины разрушений кроются отнюдь не в самом факте приватизации, а в той философской, культурной и социальной основе, на которой она производилась. Теперешняя печальная ситуация — это общий вектор процесса. Но есть в массе собственников, управляющих, чиновников немало честных тружеников, горячих патриотов и творцов. На них и держатся травмированные страны, хотя остановить

процесс деградации они не могут. Давление хищного эгоистического интереса и коррупции сильнее. Надо преодолеть этот системный кризис и исподволь готовить кадры для будущей модернизации наших стран.

При этом основное препятствие инновационной деятельности, которая только и сможет привести к модернизации, — это не дефицит денежных средств или недостаток внимания к государственному регулированию инновационных процессов. Камень преткновения инновационной деятельности — хозяйственные и политические институты общества, асимметрия экономической власти и вырастающий на ее основе хозяйственный порядок. Условие рентного пути извлечения прибыли — частная экономическая власть — одновременно выступает основным препятствием для инновационного развития. Выгоды от частной экономической власти для рентного пути максимизации дохода — суть издержки для пути инновационного. Поэтому проблема изменения отношения предприятий к инновациям — это, прежде всего, проблема изменения облика экономического агента.

Ниже остановимся на тех чертах — психологических, исторических, нравственных и др., — которыми должны обладать кандидаты на звания уважаемых людей и даже героев, т. е. тех самых подвижников, которые должны будут осуществить переход к такому насущному инновационному развитию.

На первый взгляд указанные черты могли бы быть «списаны» с тех людей, что у нас на слуху. Так, например, можно было бы обратить внимание на В.П. Полеванова, бывшего губернатора Амурской области, бывшего председателя Госкомимущества и вице-премьера РФ [2, 25—51]. Однако его судьба печальна, его карьера невероятно быстро завершилась, его уволили, а сделать он много не успел, хотя и дал вроде бы простые и бесхитростные рецепты по обузданию коррупции. На наш взгляд, причина — в отсутствии перспектив у данного конкретного человека — он не являлся собственником, а просто был чиновником. Будем считать это *первым критерием подвижничества — наличие собственности*, а значит, и предпринимательского опыта.

В разных странах экономическое поведение населения различно и основывается на национальном характере, религии, традициях. Ряд традиционных черт российского, германского и японского населения схож: стремление к социальной опеке, приверженность иерархии, меньшие уровни принимаемого риска [3, 28—31]. И если мы будем строить модель рыночной экономики, не совпадающую с ценностями и ожиданиями российского населения, — все равно получится «не по Сеньке шапка».

Модель поведения российского населения задает жесткие границы возможного и невозможного в макроэкономическом, социальном и политическом конструировании. Эта модель консервативна, меняется медленно, из поколения в поколение. Или не меняется вообще. Таким образом, *вторым критерием* для нашего подвижника будет критерий *соответствия модели личного поведения обобщенной модели поведения российского населения*. При этом его отношения с людьми, его идеология, внутренний настрой, традиционные ценности, определяющие модель поведения, неизбежно будут рационально переработаны в формируемую им, но уже на практике — модель экономики. Другая сторона второго критерия — подвижником не может быть иностранец, т. е. им в России может быть только россиянин. Здесь, видимо, уместно будет поднять и вопрос о национальной принадлежности такого подвижника-россиянина. Общая тенденция развития этнических сообществ в доперестроечный период в России была крайне неравномерна. Так, например, грузинская аристократия, наряду с кадровыми грузинскими военными царского времени, никогда не подвергалась репрессиям, а жители сельской местности там не подвергались раскулачиванию, не говоря уже о массовом геноциде, что имело место в отношении русского дворянства и зажиточной части крестьянства — носителей генофонда среди этнических русских с высоким ранговым потенциалом, т. е. тех, кто могли бы быть потенциальными лидерами в обществе. В итоге сложился определенный иерархо-этнический перекосяк, влияние которого сказывается до сих пор. При этом многие нетитульные нации в современной России обладают искусственно возвращенным благодаря предыдущей социальной и финансовой политике в бывшем СССР высоким иерархическим рангом, который обладает «регрессивными» свойствами, т. е. не передается по наследству, а порой и вообще может быть утрачен индивидуумом еще при жизни. В этом плане в качестве подвижника модернизации России все же следует отдать предпочтение представителю титульной нации, т. е. русскому по национальности, естественно, при равных уровнях текущих иерархических рангов.

А теперь обратимся к критерию, связанному с проблемой культуры. Дискуссия о том, как проводить модернизацию России, упирается в проблему ценностей и культуры, поскольку нет примеров успешной модернизации без людей с так называемым «долгим взглядом» [4, 12—13]. При этом наличие долгосрочных интересов не обязательно приводит к модернизации, но модернизационный взгляд всегда должен быть именно долгим. *Долгий взгляд — третий критерий* подвижничества. В России есть люди с долгим взглядом, но определить их социальную принадлежность пока довольно трудно. Может

показаться, что все, что связано с культурой, — под стать критериям подвижничества. Однако здесь не так все просто. Известно, что в конце XIX в. русские предприниматели внесли огромный вклад в отечественную культуру. Это было для них даже не меценатством, а важнейшей жизненной потребностью. Бизнес и культура взаимно обогащали друг друга.

Меценатство — результат подвижничества, а отнюдь не его критерий. Но в то же время собственно деятельность, точнее, ее результаты, ее динамика и характер, тем не менее могут служить одним из критериев, которые мы здесь ищем. Это относится к корпоративной культуре и организационным механизмам, которые в рассматриваемый период освоил наш соискатель на роль подвижника, а они, в свою очередь, относятся к проблеме нормального роста бизнеса [5, 32—34]. Всего описано пять ступеней (этапов) развития, или роста, бизнеса. Первый этап прошли все без исключения российские фирмы. Название ему — «тусовка», или по-научному — «созидательный этап». Это время строительства компании, энтузиазма, подъема, семейных отношений внутри фирмы, креативности в самом бизнесе и полной безалаберности в его управлении. Драма российского бизнеса заключается не в том, что он в целом не дорос, например, до четвертой ступени, а в том, что реально не может двинуться дальше первой. Причина этого — замедленное развитие первых лиц, недостаточная деловая зрелость, основанная на проявлении ими неуместного консерватизма. Таким образом, *четвертый критерий — это предпринимательская зрелость*, когда соискатель на роль подвижника готов, как минимум, к переходу с первой на вторую ступень развития фирмы, в процессе которого речь должна идти о передаче управления фирмой, а значит, и своих представлений о ее будущем, от него как собственника — наемным профессионалам.

В качестве *пятого критерия* следует принять *принадлежность* нашего подвижника к *внесистемному бизнесу* [6, 19—33]. Представителям этого бизнеса, оставшегося вне так называемой «триады власти», в свое время не удалось войти на рынок, несмотря на свой интерес быть включенными во взаимосвязи на нем. И если эта неудача объясняется принципиальным отказом такого бизнеса оплачивать «входной билет» и участвовать в различного рода коррупционных практиках (а не тем, что стороны просто не «сошлись в цене»), то именно такой бизнес может потенциально стать движущей силой при переходе от неэффективного равновесия (когда превалирует рентоориентированное поведение) к эффективному (когда есть стимулы к производству и инновациям). И, следовательно, руководитель или участник такого внесистемного бизнеса как раз и является нашим

подвижником. Отмеченная выше триада власти не что иное, как высшая стадия постсоветского капитализма, когда представители государства («С») используют свою политическую власть для установления границ рынка в пространстве географическом и институциональном. Попастъ внутрь этого пространства может не любой экономический субъект, а лишь тот, кто согласится на устанавливаемые представителями государства условия. В результате контроля входа на рынок представителями государства некоторые экономические агенты («А») получают экономическую власть в отношении других («В»), доступ которых к пространству рыночных взаимодействий не ограничен или ограничен в меньшей мере. При этом представители государства тем самым фактически присваивают право на рентный доход, конвертируя политическую власть в экономическую. Никакая из трех сторон триады власти («А», «В» и «С») не заинтересована в переходе к конкурентному рынку, а производственная и инновационная деятельность для них менее привлекательна, чем практикуемые ими поиск и захват ренты. В отказе от триады власти заинтересованы, прежде всего, представители того самого внесистемного бизнеса.

В качестве следующего, *шестого, критерия* можно рассматривать *альтруистическое поведение* [7, 41—62], лежащее в основе высоких типов культурно-поведенческих надстроек, поощряющих организационную идентификацию и сотрудничество конкурентов. Такое поведение в человеческом обществе передается не только генетически, но и посредством подражания, через имитацию. Ныне распространенные в бывших советских республиках моральные стандарты, основанные на абсолютизации эгоистических интересов, привели к частной семейно-клановой экономической власти, губительной для инноваций. Последние же достижения теории и практики более совместимы с точкой зрения, согласно которой истинный альтруизм — действия во благо других — действительно существует и является частью человеческой природы.

Главное условие перехода на инновационный путь развития — трансформация сложившегося хозяйственного порядка. Нужно создать такие условия, чтобы формы поведения экономических субъектов, основанные на «длинных правилах» взаимодействия, имели шансы на выживание. Для этого следует изменить окружающую их социальную среду и/или перенести их деятельность в пределы иной — инновационной — «популяции организаций». Решению последней задачи может способствовать государственное стимулирование выхода отечественных компаний на внешние товарные и финансовые рынки, где действуют иные, более благоприятные для инноваций правила, чем внутри страны. Накопленный опыт свидетельствует, что активи-

зация их участия в международной торговле дает положительный инновационный эффект. При этом меры, способствующие прямым иностранным инвестициям и международной торговле, повышают отечественное благосостояние посредством большей инновационной активности отечественных фирм. Здесь не надо забывать, что частота альтруистов в структурированной популяции определяется двумя факторами — индивидуального отбора внутри субпопуляций (групп), неблагоприятного для альтруистов-кооператоров, и группового отбора, благоприятного для кооперативных субпопуляций. Иными словами — эгоизм побеждает альтруизм в пределах групп, но в то же время альтруистические группы побеждают эгоистические группы.

Еще одним немаловажным, *седьмым, критерием* является наличие у потенциального подвижника *специфического социального опыта* — опыта сознательной, созидательной деятельности как до, так и после перестройки. Дело в том, что рыночная экономика с ее либеральными законами и либеральным общественным сознанием практически не дает возможности реализовать адекватный текущим производственным проблемам образовательный процесс как на уровне среднего, так и на уровне высшего образования. Это касается и профессиональной составляющей в подготовке выпускников школ и вузов, и культурно-этической составляющей. Отсутствие авторитарного начала, являющегося неотъемлемой частью и воспитания, и образования, оставляет рыночные экономики без собственных квалифицированных кадров. Если же учитывать цели и задачи советской системы в бывшем СССР, то ее образовательный компонент был организован неплохо и служил ей успешно. Если же перейти от проблемы образования, т. е. формирования личности, к проблеме ее творческой и социальной реализации, то здесь картина в отношении рыночной системы и советской системы оборачивается с точностью до наоборот. В условиях либеральной концепции, как правило, профессионально подготовленный специалист легко находит и работу, и достойную заработную плату. Однако именно его подготовка и представляет большие трудности. В условиях же планового хозяйства (авторитарной концепции) наоборот — подготовить специалиста проще, но реализовать его потенциал чаще всего не удастся по причине невосприимчивости плановой авторитарной системы к инициативе и инновациям как таковым. В этом суть *фундаментального противоречия между условиями формирования личности и условиями ее творческой реализации как в условиях либеральной, так и в условиях авторитарной концепции*. Что же касается разрешения этого противоречия, то оно видится нам в реализации институциональной (концептуальной) неоднородности внутри комплексной хозяйствующей системы как во

времени, так и в пространстве. Так, российские кадры, подготовленные в советское время, сегодня работают очень успешно и на Западе, и у нас. Это пример разнесения подготовки кадров и их реализации во времени, т. е. в одной стране, но с разными хозяйственными и идеологическими механизмами. Именно поэтому человек, окончивший вуз до перестройки, сегодня, в рыночной экономике, наиболее перспективен и как личность, и как профессионал. Но этот же критерий одновременно ограничивает и возрастной ценз нашего подвижника.

Необходимость особого внимания к *качеству человеческого потенциала* (наряду со вниманием к науке, технологиям и образованию) обуславливается значительными издержками как в экономике, так и в политике, возникающими при неверном прогнозировании последствий от достаточно спонтанно возникающих различного рода неожиданных социально-экономических ориентаций групп населения. Так, в период перехода от планового к рыночному координационному механизму в России и на Украине вместо ожидаемого формирования класса эффективных частных собственников, действующих на основе стабильных рыночных правил в условиях свободной конкуренции и способных удовлетворить потребительский спрос, что обеспечило бы общий подъем экономики, появились, как бы ниоткуда, ориентированные на ренту субпопуляции собственников-олигархов (семейные кланы), руководствующиеся «короткими правилами». В итоге — обусловленный их действиями беспрецедентный для мирового времени экономический обвал.

Другой пример — гипертрофированная реакция американского руководства на поступок бывшего сотрудника ЦРУ Э. Сноудена, которое было напугано не столько перспективой утраты секретной информации, сколько появлением нового и совершенно неожиданного противника [8, 24—25]. Дело в том, что все герои последних «шпионских» скандалов — Джулиан Ассанж, Брэдли Мэннинг и Эдвард Сноуден — не могут быть отнесены по мотивациям ни к личностям, жаждущим наживы, ни к личностям, верящим в светлые идеалы социализма. Они хотели только одного: донести до возможно большего числа людей информацию, которой владели. И напугало руководство США именно это. История со Сноуденом, в частности, показала, что мы уже живем в условиях нового информационного общества, но совершенно не представляем, какими правилами должны при этом руководствоваться.

Но это еще не все из печальных мировых событий, связанных с низким качеством человеческого потенциала. И, конечно же, в первую очередь — глобальный финансовый кризис 2007—2009 гг., порожденный финансовыми инновациями, которым, в свою очередь, уда-

лось стереть грань (если она вообще была) между законностью и махинациями в финансовой сфере, создав условия для многочисленных случаев мошенничества [9]. Но к такому повороту событий финансовый истеблишмент США оказался отнюдь не готов. И это стало еще одной неожиданностью и для социологов, и для экономистов.

Что же касается наглядных положительных аспектов в отношении качества человеческого потенциала, сыгравших значимую роль на международном уровне, то здесь стоит указать на факт значительной разницы в экономическом росте Республики Беларусь по сравнению с другими странами из состава бывшего СССР. На сегодняшний день Белоруссия увеличила производство товаров и услуг, достигнув уровня, который на 80% превышает доперестроечный. У других стран СНГ таких показателей нет. На наш взгляд, причина этого — в особом подборе руководящих кадров всех уровней как в составе партийного аппарата до перестройки, так и различного административного уровня после. И, как известно, критерий такого подбора был в первом случае — наличие партизанского прошлого во время Великой Отечественной войны. После же перестройки — это приверженность тем самым партизанским традициям. Только опираясь на такой именно контингент партийных и хозяйственных функционеров, Белоруссии удалось достичь подобных экономических успехов, не обладая при этом почти никакими природными ресурсами и пройдя через трагический путь системной трансформации во время перестройки — с планового хозяйственного механизма на рыночный.

Подводя итоги, отметим следующее — изложенные выше семь критериев подвижничества пока не ранжированы по значимости, и, более того, в практических подходах какие-то из них наверняка будут отсутствовать у будущих кандидатов. Вопрос более значимый — может ли весь комплекс этих критериев быть присущ отдельно взятому человеку — в частности, — современному россиянину? А если может, то, какие из критериев обладают при этом корреляционными связями? И еще — насколько такие связи могут быть сильны? Анализ и решение этих вопросов — тема отдельного исследования.

Литература

1. *Кара-Мурза С.* Уроки приватизации // Прямые инвестиции. 2009. № 12.
2. *Руденко Б.* Убить дракона (Возможно ли победить коррупцию в России) // Наука и жизнь. 2009. № 10.
3. *Миркин Я.* Российская модель // Прямые инвестиции. 2012. № 11.
4. *Аузан А.* Долгий взгляд на культуру // Прямые инвестиции. 2011. № 2.

5. *Матвеева А.* Рыба растет с головы // Эксперт. 1999. № 8.
6. *Олейник А.* Политэкономика власти: подходы к анализу отношений между государством и бизнесом в России // Вопросы экономики. 2011. № 5.
7. *Вишневский В., Дементьев В.* Инновации, институты и эволюция // Вопросы экономики. 2010. № 9.
8. *Коновалов А.* Толкование Сноудена // Огонек. 2013. № 48.
9. *Несветайлова А.* Загадки глобального кредитного краха, или Об иллюзии ликвидности // Вопросы экономики. 2010. № 12.

А.В. АРТЕМЕНКО

**Перспективы евразийской «периферии» в созидании
современной модели «мир-экономики»**

Аннотация. В статье анализируются перспективы становления современной модели «мир-экономики» путем трансформирования экономических отношений и хозяйственной практики в постсоветских странах на принципах постнеклассической философии хозяйства.

Ключевые слова: евразийская интеграция, модель «мир-экономика», трансформация экономических отношений, философия хозяйства.

Abstract. The prospects of development of modern «world-economy» model have been analyzed in the article due to transforming economic relations and practices in post-Soviet countries based on the principles of postnonclassical economic philosophy.

Keywords: euroasian integration, «world-economy» model, transformation of the economic relations, philosophy of economy.

Провозглашение «конца» капиталистической «мир-экономики» не вызывает пессимизма на ее евразийской «периферии». Более того, вопреки «запрету» И. Валлерстайна на использование в новой модели «мир-экономики» черт, унаследованных от социалистического хозяйствования [1], создавшаяся ситуация порождает у национальных элит этого пространства оптимистические претензии на региональные и глобальную инициативы относительно создания собственной модели хозяйства, главные черты которого положили бы начало или соответствовали бы содержанию новой модели «мир-экономики». Обоснованы ли эти претензии или же они являются лишь частью идеологии национальных элит, выражающей их охранительные и национал-патриотические интересы, — вот вопросы, решение которых могло

бы либо утвердить эти элиты в правомерности претензий на региональное и глобальное лидерство, либо предостеречь от неоправданных издержек интеллектуального, политического и экономического характера. Решаема ли эта задача и достаточно ли в ее условиях данных, позволяющих найти, а еще лучше — проверить правильность ответа? Если на вторую часть вопроса можно ответить, лишь располагая практическим опытом становления новой модели постсоциалистической экономики, то на первую, ссылаясь на теоретическое осмысление этого процесса и уже имеющиеся сдвиги в динамике становления будущей «мир-экономики», мы можем сформулировать ответы уже сегодня.

Дабы избежать обвинения в тенденциозности ученых «периферийных» стран, обратимся к выводам известных западных теоретиков, отсутствие симпатий которых к постсоветским «претензиям» на важную роль в созидании современной модели «мир-экономики» будем считать условиями «чистоты» эксперимента. Оказывается, что в наследии Й. Шумпетера, И. Валлерстайна, Э. Остром, З. Баумана и других ученых, теоретические построения которых составляют важную часть современной научной методологии, претензиям «периферии» если не на мировое лидерство, то хотя бы на глобальную инициативу, не только «не отказано», а наоборот, им открывается благоприятствующая перспектива. Во-первых, следуя логике работ о социализме Шумпетера [2] и ранних работ Валлерстайна, в которых он писал, что он, как и Шумпетер, верит, что «мы живем на ранних стадиях перехода от капитализма к социализму» [3, 55—56], следует отметить, что эти ученые признавали «мир-экономическую» перспективу социалистического хозяйствования.

Продолжение этой логики может послужить обоснованию вывода, что, несмотря на предшествующие извращения социалистической идеи и последующий отказ от извращенного социализма, современная постсоветская «периферия» в значительной части унаследовала эту перспективу как в связи с многолетним опытом практического построения нового общества, так и в силу приобретенных миллионами граждан ментальных черт духовности и коллективизма, составляющих важнейшую часть современной философии хозяйства. В пользу этого свидетельства можно считать и признание Нобелевским комитетом научного положения Э. Остром, что общими ресурсами могут успешнее управлять их пользователи, а не государство и частные компании [4], а также вывод З. Баумана о необходимости наполнения «агога» не утверждением одиночества, а подлинного сотрудничества граждан в решении общественных дел [5, 257]. Иначе говоря, главные выводы упомянутых выше ученых состоят в признании экономических, социальных и духовных принципов идеальной социали-

зированной экономики, и проблема состоит лишь в том, насколько эти «пережитки социалистического хозяйства» сохранены и являются неизбежным элементом постсоветского капитализма?

Из наличия предпосылок построения модели будущей «мир-экономики» вовсе не следует, что они способны детерминировать развитие заложенных в них качеств. Ожидать реализации «линейного прогресса», если к этим предпосылкам не добавить существенных мегатрендов, происхождение которых берет начало в стохастическом развитии, было бы наивно. В связи с этим требуется познать сущность главных составляющих будущей «мир-экономики», особенно тех, что возникают, по мнению И. Валлерстайна, «когда историческая система вступает во временную полосу упадка, или разрыва...» и когда «все или почти все становится возможным и реализуемым, а минимальные человеческие усилия способны порождать широкий спектр альтернатив» [6, 199]. Не менее важно определить и способствовать созданию надстроечных условий их внедрения, так как эволюционное развитие мегатрендов новой модели «мир-экономики» сопряжено как с медленными темпами развития, так и с опасностью забвения. Решение этой задачи отчасти упрощается уже имеющимися подходами к оценке главных мегатрендов постсоциалистического развития и условий их успешной реализации. Сознательно опуская всемирно признанные достижения в исследовании этой проблемы ученых русской школы философии хозяйства, обратимся к ее осмыслению Дж. и Д. Нейсбитами, которые на примере современного развития КНР попытались сформулировать мегатренды будущей модели экономических и общественных отношений, опровергающей пессимистические выводы Ф. Фукуямы о «конце света». Признавая дискуссионность отдельных выводов названных авторов о мегатрендах развития современного Китая, следует согласиться с тем, что будущая глобальная система хозяйствования обязательно будет сочетать «освобождение разума» и общественные духовные ценности, «балансирование сверху вниз и снизу вверх» в централизованном планировании, многообразие форм собственности, свободу и справедливость. Важная роль в создании условий успешного постсоциалистического хозяйствования, считают Дж. и Д. Нейсбиты, принадлежит государственным и демократическим институтам, отказ от беспредельной плюралистической демократии и ее сочетания с общественной целесообразностью, состоящей в сосредоточении усилий миллионов на созидательные цели, а не на политическое противостояние [7, 25, 63, 96, 232].

Освоение евразийского пространства постсоциалистической моделью «мир-экономики», формальными очертаниями реализации которой на постсоветской территории могут стать СНГ или ТС, зависит от многих факторов, в том числе политического. Однако главная

роль в этом процессе принадлежит внедрению наиболее прогрессивных фундаментальных оснований экономических отношений и принципов хозяйствования. Как свидетельствует анализ достижений человечества на этом поприще, речь идет о том, что эта модель должна базироваться на социализированных формах частной и государственной собственности; частной инициативе и государственном демократическом планировании хозяйственной деятельности; социальной этике и партнерстве; свободном обращении капитала, товаров и услуг. Если к этим хозяйственным мегатрендам добавятся и гуманитарные ценности, главная из которых состоит в превращении человека *экономического* в человека *духовного*, тогда постсоциалистическая модель «мир-экономики» будет формироваться под воздействием интересов миллионов, и лишь при этом условии, перспективы «периферии» на мировое лидерство и глобальную инициативу из мечтаний смогут превратиться в реальность.

Ограниченный объем статьи не позволяет раскрыть проблему практической имплементации выше названных мегатрендов будущей «мир-экономики» в постсоветские национальные модели хозяйствования. Освещение же этого процесса в тезисном изложении сводится к выводам, что современное содержание постсоветских экономик не соответствует модели, которая утверждается на месте капиталистической системы. Присущие для них реставрация экономических отношений прошлого, отсутствие свободной конкуренции, политический порядок решения этико-экономических проблем, ограничение свободы предпринимательства, распространение нелегитимных механизмов завладения и владения собственностью, а также отсутствие социальной справедливости только подтверждают известное выражение П. Струве — «чем дальше на Восток, тем хуже буржуазия». Анализ содержания и последствий хозяйственной деятельности новых национальных элит показывает, что их главная цель состоит в приватном получении сверхприбыли, извлекаемой за счет монополизации и контроля над наиболее выгодными видами деятельности. При этом даже мысли о социальных и экономических инновациях для этих элит подозрительны, так как могут нарушить достигнутый баланс среди получателей ренты [8].

Закат капиталистической «мир-экономики» сопровождается кризисом его либеральной идеологии, причем преимущественно в «цитаделях» капитализма. Но на ее «периферии», в угоду меркантильным интересам местных элит, либерализм пока еще продолжает активно сражаться с пережитками советского социализма, тогда как эти «пережитки» являются необходимыми и, по существу, важнейшими элементами новой модели мирового хозяйства. Рассуждая о перспективах евразийской «периферии» создания этой модели, следу-

ет, конечно, помнить предостережение Шумпетера о том, что «любой прогноз — это венаучное пророчество, которое стремится сделать нечто большее, чем поставить диагноз наблюдаемым тенденциям и показать, каким может быть результат, если эти тенденции будут действовать в соответствии с собственной логикой развития» [8]. Исходя из этого вывода, следует признать, что постсоветская система хозяйства нуждается в коррекции ее главных оснований — отношений собственности, организационных начал хозяйствования и экономической этики, так как логика развития сложившихся хозяйственных ценностей не может привести к желаемому результату.

Литература

1. *Баллаев А.* Прошлое, настоящее и будущее «мир-системы» // http://www.politstudies.ru/universum/biblio/08_2002.htm.
2. *Шумпетер Й.* Капитализм, Социализм и Демократия. М., 1995.
3. *Шумпетер Й.* Движение к социализму // http://www.libertarium.ru/lib_capsocdem_les.
4. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
5. *Остром Е.* Керування спільним. Еволюція інститутцій колективної дії // http://rabkrin.org.ua/mediawiki/index.php?title=КЕРУВАННЯ_СПІЛЬНИМ.
6. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
7. *Валлерстайн И.* Исторические системы как сложные системы / И. Валлерстайн // Вестник ХГУ. Философские перипетии. 1998. № 409.
8. *Нейсбит Дж.* Китайские мегатренды. Восемь столпов нового общества. М., 2012.

И.И. БАРИНОВ

Украина — житница Европы: традиции восприятия и евразийская реальность

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению аграрного потенциала Украины в исторической ретроспективе и современности. В материале подвергаются критическому разбору сложившиеся императивы восприятия Украины как «закромов Европы» и дается анализ современной ситуации.

Ключевые слова: Украина, зерновые, интеграция, экономическая стратегия.

Abstract. The article evaluates the agricultural potential of Ukraine in historical background and modernity. The material offers a critical analysis of existing imperatives of the perception of Ukraine as «Europe's barn» and also reviews the current situation.

Keywords: Ukraine, cereals, integration, economic strategy.

Как показывает история, нередко тот или иной регион Европы обладает собственной экономической матрицей, сложившейся под влиянием тех или иных обстоятельств. Именно эти матрицы издавна помогали мысленно конструировать карту Европы и прилегающих пространств, в том числе и в виде непрерывных, связанных между собой локальных общностей. Со временем отождествление той или иной территории с ее экономическим потенциалом в ментальном отношении перерастало в настоящий императив восприятия, когда малосвязанные и даже несвязанные с экономикой категории трактовались через ее призму, т. е. роль собственно хозяйственных реалий возрастала до уровня отличительного маркера. Наглядным примером подобного ментального картографирования может служить Украина.

Впервые в качестве хозяйствующего субъекта нынешняя Украина (а в то время территория, представлявшая собой стык владений Речи Посполитой, Московского государства, Крымского ханства и еще не полностью освоенного Дикого Поля) выступила ориентировочно в середине XVI в. К этому времени прежние источники немаловажной части рациона — пользовавшейся высоким спросом в Европе пшеницы, — прежде всего, Ближний Восток, оказались перекрыты в связи с появлением нового игрока — Османской империи. Земли же в Новом Свете, по объективным причинам, еще не могли выступать в качестве полноценного источника продовольствия.

Отталкиваясь от этого положения вещей, Речь Посполитая в значительной мере увеличила зерновой экспорт в Европу, немалая доля которого шла с Украины, за счет высокого уровня урожайности. Этот факт, нашедший свое отражение на страницах исторических работ, сразу же попал в европейские издания и вскоре превратился в настоящую пространственно-экономическую аксиому. Клишированные фразы о плодородии и невероятной урожайности Украины можно обнаружить в самых разных европейских изданиях с середины XVII до середины XX в.

Таблица 1

**Сравнение урожаев различных европейских стран (регионов)
в XVI—XIX вв.**

Годы	Страна	Средняя урожайность, ц/га
1500—1820	Англия	8,8
1500—1820	Франция	6,3
1500—1820	Германия	5,3
1550—1820	Восточная Европа	4,1

Источник: [1, 98—99].

Несмотря на появление этой аксиомы, польско-украинская урожайность (сам-5, порой сам-6, т. е. одно высеянное зерно давало 5—6 при сборе урожая) постепенно стала сдавать свои позиции. Это было связано с тем, что фольварочная система (т. е. шляхетские хозяйства) Речи Посполитой в качестве основного экономического рычага использовала барщину, тогда как в Западной Европе стимуляция урожайности происходила за счет двух важных факторов. С одной стороны, свою роль сыграло установление прочных товарных отношений между развивающимися городом и селом, когда горожане стремились покупать зерно на селе, тогда как в Речи Посполитой львиная доля зерна, наоборот, шла на экспорт. С другой стороны, спрос города на зерно мотивировал как землевладельцев, так и самих крестьян прибегать к интенсификации работ и поиску новых технологий и методов для производства товарных излишков. В этих условиях уже в начале второй половины XVII в. польский зерновой экспорт упал на 60%, по сравнению с первой половиной века, а западноевропейские урожаи совершили скачок до уровня «сам-десять».

Тем не менее представление об Украине как «зернохранилище Европы» в качестве устойчивого конструкта сохранялось на протяжении весьма долгого времени. Его сохранению, в первую очередь, способствовала германская политическая публицистика. Известно, что украинское зерно было одним из главных пунктов нацистской экономической программы перед оккупацией территории СССР. Вековые иллюзии об украинской урожайности были разобраны только в 1950-е гг. американским экономистом Константином Кононенко. На основе значительного массива данных он установил, что даже в начале XX в. урожаи украинских губерний Российской империи значительно уступали европейским странам (и в наши дни Германия и Франция остаются крупнейшими экспортёрами пшеницы в ЕС).

Таблица 2

**Сопоставление урожайности украинских губерний Российской империи с урожайностью европейских стран
(на примере Германии и Франции)**

Страна	Урожайность, ц/га	
	Рожь	Пшеница
Германия	19,8	23,4
Франция	11,2	14,4
Украина (условно)	9,7	11,8

Источник: [2, 51].

В дальнейшем, несмотря на советскую индустриализацию, аграрная составляющая Украины не ушла в тень, а, напротив, сохранилась как магистральная линия украинской экономики до наших дней. Именно на аграрный сектор сейчас готовы сделать ставку на Украине (об этом не преминул напомнить украинский вице-премьер Сергей Арбузов²¹). С одной стороны, по данным отчета «Глобальный индекс продовольственной безопасности 2013», подготовленного экспертами британской исследовательской компании «Economist Intelligence Unit» (EIU), Украина заняла достаточно высокое положение (47-ое место из 107 стран)²². Официальный Киев уже заявил, что валовой сбор зерна на Украине в 2013 г. достиг 53 млн т., что на 10 млн больше прошлогоднего показателя. С начала текущего маркетингового года (июль 2013 — июнь 2014 г.) экспорт зерновых с Украины на внешние рынки достиг 3,8 млн т²³. Кроме того, летом этого года Украина также стала партнером ФАО. Примечательно, что у экспертов заметно возрождение интереса к старому клише «Украина — житница Европы». За последние два года этот тэг выдает 13 совпадений в германо- и англоязычной профильной литературе. Неудивительно, что осень 2013 г. украинское руководство встретило с очень позитивными чаяниями в плане дальнейшего развития агропромышленного комплекса.

Вместе с тем, не стоит забывать и о слабых сторонах вопроса. Хотя продовольственный показатель Украины (59,1) выше среднемирового (54,1), но все еще не дотягивает до европейских стандартов (70, у Франции, к примеру, он составляет 84,1). В условиях высоких урожаев хлеб и хлебпродукты на Украине упали в цене всего на 0,8%. При этом урожайность европейских стран, в том числе упомя-

²¹ Сергей Арбузов: «Аграрный сектор должен стать локомотивом роста экономики Украины» [3].

²² Украина усилила продовольственную безопасность [4].

²³ Украина получила новые рынки сбыта зерна [5].

нутых Германии и Франции, заметно опережает украинскую (около 39—40 ц/га на Украине против порядка 74 ц/га во Франции и 77—82 ц/га в Германии). В связи с урожайностью наиболее остро на Украине стоит проблема мелиорации посевных площадей. Так, по данным Министерства экологии и природных ресурсов, из 27,8 млн га пахотных земель в 2011 г. реально орошалось только около 0,6 млн га [6]. В этих условиях легендарный украинский чернозем, составляющий до четверти запасов черноземных почв всего мира, просто высыхает — потери гумуса на гектар оцениваются в 0,5—0,9 т в год. Несмотря на обширные сельхозугодья, потенциал урожайности для пшеницы, по некоторым данным, не осуществлен и наполовину, а ячменя — реализован только на треть.

С другой стороны, значительные трудности кроются и в логистике. При возможностях агрокомплекса теоретически экспортировать до 30 млн т. зерновых «Украинские железные дороги» удовлетворяют спрос на зерновозы только на 50%, так как не относят их к приоритетному подвижному составу. Если зерновозы списываются, их количество не восстанавливается. Кроме того, на отгрузке зерновых с элеваторных линий теряется до 10% урожая, а это миллионы тонн. Несовершенство элеваторов мешает не только железнодорожным, но и морским перевозкам, при том, что 60% зерна доставляется в порты именно по железной дороге²⁴. Процент общих потерь из-за ненадлежащего хранения составляет больше четверти (!) всего урожая. К этим издержкам добавляются технологическое отставание, нередкое отсутствие грамотного персонала и коррупция.

Интерес вызывает и статистика зернового экспорта Украины: по данным ресурса Grain Ukraine, в большинстве своем он ориентирован на Ближний Восток и Северную Африку (более половины всех зерновых, конкретно 45% пшеницы, 58% кукурузы, 65% сорго и весь ячмень). На страны Евросоюза приходится только рожь (более 80% при этом приходится на Польшу). Немалый интерес украинские зерновые вызывают и в Южной Азии — Индия и Пакистан получают 63% урожая гороха, один Пакистан — более трети урожая овса [8]. Как известно, из кредита в 6,7 млрд дол., предоставленного Украине Китаем, 3 млрд идет именно на сельское хозяйство. В сентябре 2013 г. Пекин выделил Киеву дополнительно 3 млрд дол. на восстановление мелиоративной системы [9].

В этой связи возникает закономерный вопрос — какую роль при подобном продвижении украинской стороной своего аграрного комплекса и возрождении клише «Украина — житница Европы» у

²⁴Миллиард на зерновозы: что сдерживает амбиции Украины на рынке экспорта зерна [7].

европейских экспертов будет играть Украина в интеграционных проектах? Учитывая зерновые возможности России и Европы, украинский потенциал здесь останется невостребованным (что, собственно, и демонстрирует экспортная статистика). Указанное клише, очевидно, является лишь инерциальным императивом восприятия Украины.

С другой стороны, Украина, как и в политическом отношении, снова оказывается на развилке. Несмотря на декларируемое стремление присоединиться к европейскому пространству, страны—реципиенты украинской зерновой продукции находятся в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Вместе с тем они по большей части так или иначе связаны с ЕС (как Марокко, Алжир, Египет и Турция) или входят в орбиту взаимодействия с США (Саудовская Аравия, Ирак), тогда как иные крупные получатели — Иран, Пакистан, Китай — находятся по другую сторону баррикад. Само собой, украинское зерно едва ли станет здесь яблоком раздора, и каждая сторона будет строить свою стратегию безотносительно этого вектора. Однако существующая евразийская реальность (включающая как европейские, так и российские устремления) рано или поздно поставит вопрос об экономическом участии Украины, которое, как было показано, очевидно, будет строиться не исходя из ее аграрных мощностей.

Кроме того, не стоит забывать, что Евросоюз также находится на евразийском пространстве и в наши дни проявляет активность не только на традиционном для него европейском треке, но и на более дальних дистанциях. На этой основе Брюссель может потенциально замкнуть ассоциированных членов и кандидатов, импортирующих украинскую продукцию, на самой Украине, чтобы создать для себя дополнительный продовольственный резерв (здесь надо иметь в виду миграции в Европу из африканских и азиатских стран, с амортизацией на их массовость). В более долгосрочной перспективе возможны, при условии перехода Украины в европейскую орбиту, определенные соглашения ЕС с Китаем в рамках использования аграрного потенциала страны и создание дублирующего, реального геоэкономического проекта, где каждая сторона (за исключением разве что самой Украины) получит определенные дивиденды. Опыт подобного евразийского взаимодействия уже существует: так, с середины 2000-х гг. действует телекоммуникационная магистраль ТАСЕ (Транс-Азия-Европа), идущая из Шанхая до Франкфурта-на-Майне, в реализации которой участвовали 24 государства континента.

Украина, таким образом, окажется ориентирована и на Европу, и на Азию без участия России, у которой, к сожалению, по-прежнему отсутствуют конструктивные предложения по включению украинских мощностей (в данном контексте, прежде всего, аграрных) в экономическую адженду Евразийского союза. Для Киева, как представляется,

этот неосмысленный вопрос со временем станет острым — в особенности в связи с дальнейшими интеграционными перспективами.

Литература

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 1. М., 2006.
2. *Kononenko K.* Ukraine and Russia: A History of the Economic Relations between Ukraine and Russia, 1654—1917. Milwaukee, 1958.
3. <http://kpunews.com/ru/news/20130731/15948.html>.
4. <http://www.capital.ua/news/8295-ukraina-usilila-prodovolstvennyu-bezopasnost>
5. <http://inpress.ua/ru/economics/15800-ukraina-poluchila-novyeyrnyki-sbyta-zerna>.
6. <http://podrobnosti.ua/economy/2013/07/29/920204.html>.
7. http://cfts.org.ua/articles/milliard_na_zernovozy_cho_sderzhivaet_ambitsii_ukrainy_na_rynke_eksporta_zerna_381.
8. <http://anyfoodanyfeed.com/ru/grain/maps/>.
9. <http://vlasti.net/news/181214>.

А.А. АНТРОПОВ

Украина и виртуальная ассоциация с Евросоюзом

Стерпите ж правду, если даже в ней
Есть боль. О неразумные! — принять
И стойко выдержать нагую правду —
Вот верх могущества.

Дж. Китс

Аннотация. Необходимо было грамотно, квалифицированно разобраться с самим ЕС (четыре довода). Только перекрытие импорта украинских товаров на территорию РФ образумило подлые антироссийские планы по ассоциации с Евросоюзом. Украину ждут два альтернативных варианта развития: В случае появления новых, современных гайдамаков и/или махно — очистительная, кровавая гражданская война и... развал страны, минимум, на три части: западную, центральную и южную. Южная часть в конечном итоге войдет в состав ТС.

Ключевые слова: ассоциация, Евросоюз, Таможенный союз, торговый бойкот.

Abstract. It was necessary to competently qualified to deal with the EU itself (four arguments). nly overlap Ukrainian imports of goods into the territory of the Russian Federation to reason with vile anti-Russian plans

for association with the EU. Krajina offers two alternative development: In the case of new, modern Haidamaks and / or cleaning — Makhno, a bloody civil war and ...; collapse of the country for at least three parts: the western, central and southern. The southern part eventually become part of the vehicle.

Keywords: Association, the European Union, the Customs Union, the trade boycott.

Автор выражает большую и искреннюю благодарность Ю.М. Осипову и Б.И. Пашко за идею столь замечательной и своевременной конференции, «пробивание» в верхах ее проведения и саму первоклассную организацию ее проведения.

Автор статьи хорошо знает политическую историю Украины, начиная с XVII в., без прикрас (источники: дореволюционные — их в советскую эпоху держали в спецхранах²⁵; в наше время их также не публикуют: табу!).

В армии, в полку, в котором служил автор статьи, было ≈ 50% однополчан жителей Украины (Восточной, Западной и самого Киева). Им он рассказывал подлинную, историю Украины и причины, проблемы и последствия униатства.

Янукович шел на президентские выборы с определенной программой. Где эта программа? Что реализовано на практике? С каким кид? Была ли в этой программе ассоциация с Евросоюзом?

По мнению автора статьи, исходя из внутривнутриполитических соображений, конечно, надо было вести переговоры по ассоциации с Евросоюзом со следующими целями: 1) разоблачения их истинных, смертельных целей для народа Украины; 2) отрыва ее от своих исторических корней и связей с Великой Россией; 3) превращения ее в колонию; 4) разоблачения создания военных баз НАТО на территории Украины; 6) полного, беспощадного и беспристрастного анализа, на понятном простому народу языке, всех основополагающих документов и их отрицательно-смертельных последствий для Украины и ее жителей и т. д.

²⁵ Они срывали с лиц всех гетманов Украины маски верных и надежных патриотов и великих политиков-стратегов Незалежной Украины, а также верных и надежных поданных Московского царства, а затем — Российской империи. Все они были «по горло в крови» украинского народа (из-за бесконечного предательства своих временных союзников и попыток их стравливания меж собой) и мазепавцами разных масштабов и калибров. Все нынешние представители так называемой высшей политической элиты Незалежной Украины — это их правнуки-карлики по духу, методам, масштабам и целям.

Заодно необходимо было грамотно, квалифицировано разобратся с самим ЕС: 1) что такое на самом деле сам ЕС, 2) каково будущее ЕС, 3) Что перевешивает — его силы и его бессилие, 4) что положительное и отрицательное дало странам бывшего СЭВ и бывших прибалтийских республик вхождение в ЕС? Что перевешивает? И насколько перевешивает? Что получилось?

Честные, объективные, беспристрастные ответы на все вышеуказанные вопросы требуют колоссального размера статьи и, к глубокому сожалению автора, полного засекречивания материала! Новый закон о гостайне к этому принуждает. Поэтому приходится ограничиться только этим.

Только нажатие Президентом РФ В.В. Путиным «стоп-крана»²⁶, «отключение рубильника» (перекрытие импорта украинских товаров на территорию РФ) образумило подлые антироссийские планы по ассоциации с Евросоюзом.

На взгляд автора, Украину ждут два альтернативных варианта развития:

- в случае появления новых, современных гайдамаков и/или махно — очистительная, кровавая гражданская война и...;
- развал страны, минимум, на три части: западную, центральную и южную. Южная часть в конечном итоге войдет в состав ТС.

P.S. Сейчас появился один очень опасный вариант развития событий на полностью незащитной Незалежной Украине. Это стоящий на краю политической пропасти авантюрист-империалист-отоманец премьер-министр Турции Эрдоган. Во имя собственного физического и политического спасения он может оперативно, пользуясь уникальным историческим моментом, который выпадает один раз в 500 лет, выбросить парашютные войска на территорию Крыма, помня, что до 1774 г. Крым принадлежал Османской империи. Победителей не судят! Наоборот, победители судят побежденных. В.В. Путину и нашим доблестным Вооруженным Силам нельзя проспать.

Надо срочно денонсировать печально-преступный закон 1954 г. о присоединении Крыма к УССР. Иначе опередит Турция!

²⁶ В феврале с.г. автор на одном из самых солидных сайтов Интернета нашел в одной из статей всю эту фразу. Автор эту мысль устно высказал еще 04.12.2013 г. на конференции и ввел тезисы своего выступления в «Истине МГУ» еще 30.12.2013 г. Так что нас читают.

Раздел III

Актуальные вопросы социоэкономического развития

Л.С. ВОРОБЬЕВА

Трансформация ценностной сферы личности под влиянием глобализационных процессов

Аннотация. В статье рассмотрены субъективные и объективные предпосылки создания новых типов идентичности в контексте трансформации ценностно-нормативной среды под влиянием глобализационных процессов. Анализируются механизмы взаимосвязи макросоциальных преобразований современного общества с процессом социокультурной идентификации личности. Освещаются факторы кризисных тенденций, присущих статусной идентификации личности в украинском обществе, и предлагаются пути оптимизации этого процесса.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, трансформация общества, ценностно-нормативная среда, Украина.

Abstract. The article discusses the subjective and objective prerequisites for the establishment of new types of identity in the context of the transformation of values and regulatory environment under the influence of globalization processes. The mechanisms of the relationship of macro transformations of modern society with the process of social and cultural identity. Highlights the factors of crisis tendencies inherent in the status of identification in Ukrainian society, and suggests ways to optimize this process.

Keywords: socio-cultural identity, transformation of society, values and regulatory environment, Ukraine.

Интенсивность осмысления зависимости качества общественного развития от степени решения проблем человеческой индивидуальности изменений на разных исторических этапах и зависела как от

состояния развития обществоведения, так и от насущных потребностей.

На протяжении последних десятилетий XX в. социокультурная ценностно-нормативная среда личности претерпевает значительные изменения под влиянием глобальных процессов. Влияние новых технологий — глобальных по своей сути — на изменения в социальных отношениях, политическую и этнокультурную жизнь современного общества достаточно широко прослежен в известных работах зарубежных авторов (Д. Белл, Ф. Бродель, П. Бурдьё, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Р. Ингледарт, М. Кастельс, Н. Луман, О. Тоффлер, А. Турен, К. Уолц, Хендич и др.). Исследованию проблем национальной (коллективной) и индивидуальной идентичности в условиях глобализации посвящены работы М. Кастельса, С. Хантингтона, Ю. Хабермаса и др. [1—3].

В последнее время указанная проблематика довольно широко освещается в постсоветских и украинских научных источниках [4—6]. Однако остается ощутимым значительный дефицит методологических обоснований рассматриваемых проблем.

Рассмотрим социокультурные аспекты формирования личностной ценностной среды, которым сегодня придается недостаточно внимания. Целью же является обзор факторов качественно новых ценностных ориентаций современной личности в контексте социокультурных трансформаций украинского общества.

Отдаленность последствий трансформации общественного и личностного сознания делает актуальным выявление особенностей новых иерархий социокультурной идентичности. Обзор научных разработок по этой теме позволяет констатировать, что по проблеме социокультурной идентичности на уровнях индивидуальных и надиндивидуальных в современных культурологических и макросоциологических моделях речь идет преимущественно о двух тенденциях — «прогрессирующей» идентичности, основанной на ценностях, которые привнесла информационная революция и постиндустриальная эпоха целом, и об идентичности, что выстраивается с помощью инверсии к культурным источникам. Влияние глобализации на ценностное сознание осуществляется двумя путями — реорганизацией структуры ценностного сознания с изменением иерархии базовых ценностей и введением новых дополнительных модернизационных ценностей.

Однако в последнее время речь все больше идет и о новых принципах организации профессиональной деятельности, формировании новых приоритетов личности в социуме и влиянии нового общества на индивида. Не менее значимым становится и изучение обрат-

ного влияния носителей новейших идентичностей на общество, учитывая технические возможности информационной эпохи. В работе «Дух, самость и общество» Дж.Г. Мид отметил: «...индивид одновременно как влияет на свою среду, так и испытывает влияние с ее стороны. ...Индивид не может войти в определенную социальную группу без того, чтобы немного не изменить характер такого образования» [7, 416].

Значительная часть исследователей сегодня выносит на первый план проблему новой соотнесенности человека и производства, формирования условий, при которых индивидуальность становится значимой от общественной организации. Такой подход обусловлен признанием факта, что одной из основ социального прогресса в современном постиндустриальном обществе становится не массовое материальное производство, а индивидуализированное создание информации и знаний. Информация — этот, согласно Д. Беллу, основной производственный ресурс постиндустриального общества — «рождает власть высшего уровня», не только более совершенную, чем власть грубой силы или капитала, но и наиболее демократическую по своему характеру» [8, 162].

Весомость этой трансформации является фундаментальной для экономической, социокультурной и политической структур любого современного общества и для каждого его индивида. Возникает новый тип работника, подрывающий основы частной собственности и принципы функционирования традиционной корпорации. В социальной сфере общество испытывает фрагментирование, и простое большинство уже не обладает ни достаточным моральным, ни достаточным экономическим правом принятия решений. В политической сфере информационная революция глобализует те процессы, которые происходят, и ограничивает ту власть и те возможности национального государства, что ранее виделись внутренне имманентными.

Рост прослойки социально мобильного населения, ориентированного уже не на удовлетворение своих первичных материальных потребностей, а на «постматериальные потребности», вызвал значительные изменения в системе общественных и личностных ценностей. По мере компьютеризации многих традиционных операций «люди оказываются занятыми только там, где необходимы человеческие оценки, суждения и творчество... главным становится не физическая сила, а способность к инновациям» [9].

Образование новых статусных страт означает, что вовлеченные в процесс производства субъекты теряют чисто материальную мотивацию своих действий, так свойственную прежним обществам. Как справедливо указывают западные исследователи, с развитием хозяй-

ственных систем растет уже достигнутый большинством членов общества уровень благосостояния, в результате чего бремя непосредственных (материальных) нужд уменьшается. Следовательно, после того, как человек достигает материального благосостояния, что позволяет ему не задумываться над удовольствием привычных потребностей, он начинает поиск самовыражения вне стереотипов поведения. «Выражая самобытность, я также определяю себя. Я реализую потенциал, принадлежащий исключительно мне. Именно эта идея лежит в основе современного идеала подлинности и цели осуществления себя, или самореализации, в которой он обычно воплощается. Именно эта идея дает моральную силу культуре подлинности, включая ее деградирование абсурдными формами. Она придает смысл представлению о том, что можно “делать свое дело” и можно “отделиться”», — отмечал Ч. Тейлор [10, 128].

Социологическая наука достаточно осторожно подходит к исследованию указанного феномена, отмечая не устранение материальной мотивации вообще, а возникновение вполне определенного сдвига — от максимизации материального потребления к обеспечению более высокого «качества жизни», — замечая то, что дополнительное увеличение денежных доходов уже не оказывает прежнего влияния на поведение индивида.

Однако шкала приоритетов в современном обществе действительно очень быстро меняется. Ряд социологических исследований, призванных выяснить векторы и пределы распространения «постматериалистических» ценностей, показал, что уже к середине 1980-х гг. качественным показателем основных преимуществ того или иного вида деятельности выступает чувство удовлетворения от проделанной работы [11].

Изменение ценностей требует сегодня радикальной реструктуризации управления социально-экономической жизнью общества. Новейшая корпорация, которую Тапскотт называет «сетевой корпорацией», подчиняет свои цели стремлением своих сотрудников и интересам общества таким образом, что появляется возможность говорить о ней не только как об экономическом, но и как о «социологическом» институте. Соответственно должна измениться система мотивации и появиться более глубинная система ценностей.

Известно, что заново сформированная система ценностей может стать жизнеспособной только в том случае, если новые ее элементы являются более обобщенными, чем замещенные ими. Эти последние не отбрасываются — «новая» ценность включает «старую» как частный случай. «Новые» ценности возникают в разбалансированной, но живой и действующей нормативно-ценностной среде. Основой его

живучести, отмечают исследователи, является устойчивостью фундаментальных («высших») ценностей, связанных с религией и глубокими культурными традициями и одновременно — отсутствие массовых установок на сохранение «старых ценностей».

Исследование трансформаций идентичности переходных сообществ, к которым относится и современная Украина, свидетельствуют, что фаза приспособления к длительному глобальному социально-экономическому переструктурированию социума обычно делится на три последовательных этапа. Первый — это первичное приспособление к ситуации выживания, перестройка «старой» системы ценностей и норм в соответствии с реально действующей (социализация и ресоциализация населения). Второй — это этап персонализации, осуществления жизненных выборов на основании собственных потребностей и интересов, собственной индивидуальности в устойчивом социуме. Третий — этап интеграции, субъективного приобщения себя к определенной среде, принятия ее как своей, ощущение конгруэнтности (тождества) с ней, желание жить в ней, консолидироваться с другими.

По большинству социологических критериев сегодняшнее украинское общество находится только на первом этапе — этапе адаптации. Только переход ко второй стадии можно будет считать началом стабилизации нормативно-ценностной системы. С переходом к третьей фазе — интеграции и конгруэнтности — можно будет говорить о упрочении нового порядка и обновленном обществе. Социально-психологические и социологические данные свидетельствуют, что подавляющее большинство украинских граждан до сих пор находятся в состоянии неопределенности, недостаточности, неудовлетворенности собой и окружающим — «даже так называемые “новые украинцы”... не чувствуют себя счастливыми... Психическая инфляция, которая приводит к атрофии индивидуальности, отождествлению с социальной ролью “нового богача”... с неограниченными возможностями... лишает человека социального иммунитета, социальной ответственности... погружает в исторически приобретенные худшие архетипы коллективного бессознательного».

Однако исследования в другой плоскости общественного сознания показывают, что «как это ни парадоксально... обобщенный образ “современной жизни” в сознании людей формируется не под влиянием реальных проявлений жизни. Таким фактором становится НЕ осознание и оценка его конкретных проявлений, а стереотипизация представлений через сопоставление личностью жизни “тогда” и “сейчас”» [12].

Эти результаты совпадают с общепризнанной среди социологов и социальных психологов сегодня точкой зрения, согласно которой

усвоение новых культурных моделей начинается на поверхностном уровне. Качественный анализ сети трансляций центральных каналов телевидения и основных рубрик ряда тиражных всеукраинских газет сегодня подтверждает то огромное внимание, которое уделяется в первую очередь распространению новых культурных моделей, в частности, стиля жизни «новых украинцев» и т. д. Так же четко констатируется общий спад творческого потенциала, интереса к культурному творчеству и смысловым поискам, раздробленность и распушенность образованнейших групп. На личностном уровне «сместилось само понятие нормы, нормального, т. е. общепринятого, устоявшейся жизни» [13].

Для нашего исследования социальной идентичности личности крайне важным представляется вывод социологов относительно веса, которой приобретает в процессе стратификации (расслоения общества) ее субъективная компонента — самоидентификация индивида с определенной статусной прослойкой общества.

Для развитого западного общества такой тип самоидентификации имеет достаточно объективных критериев. Но статусная идентичность является далеко не однозначной по фактору видоизменений ценностно-нормативной среды личности в современном украинском обществе.

Сегодняшняя особенность социально-стратификационных процессов на Украине — их деинституционализация. Потеря адекватных критериев личностной самоидентификации большинством членов общества имеет своим следствием рост количества маргинализованных слоев. В этом контексте требуют дополнительного изучения предпосылки статусной самоидентификации личности в различных социальных группах, рассмотрения статусной мобильности и определения оптимальных направлений ее реализации в украинском обществе.

По нашему мнению, этот подход к исследованию доминирующих социально-ролевых компонентов самоидентификации личности позволяет проследить определенные последствия социокультурных трансформаций общества.

Считаем также, что выявление основных и специфических особенностей новой иерархии социокультурной идентичности с учетом изменений в специфике личностной идентификации на этапе переходного периода поможет формированию национальной элиты как фактора социальной интеграции государства и предотвратить процессы маргинализации общества.

Литература

1. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. The Power of Identity. Blackwell Publishers Inc. // 1999. Vol. 3.
2. *Хантингтон С.* Кто мы? М., 2004.
3. *Хабермас Ю.* В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк, 1999.
4. *Панарин О.С.* Искушение глобализмом. М., 2000.
5. *Удовик С.Л.* Глобализация: семиотические подходы. М.; К., 2002.
6. Людина і культура в умовах глобалізації: Зб. наук. ст. К., 2003.
7. *Джордж Г.Мид.* Дух, самість і суспільство. К., 2000.
8. *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1996.
9. *Davidson J.D.* Lord William Rees-Mogg. The Sovereign Individual. N.Y., 1997.
10. *Тейлор Ч.* Етика автентичності. К., 2002.
11. *Мюнх Р.* Социологический анализ новой диалектики и динамики развития информационного общества. М., 1999.
12. *Злобіна О.Г., Тихонович В.О.* Особистість сьогодні: адаптація до суспільної нестабільності. К., 1996.
13. *Соболева Н.І.* Соціологія суб'єктивної реальності. К., 2002.

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

О развитии проекта по созданию финансового центра в Минске: Минский центр в фарватере Евразийского финансового центра

Аннотация. Рассматриваются особенности и возможности развития проекта по созданию финансового центра международных, финансовых, информационных и логистических услуг и инноваций в Минске, в рамках развития сектора высоких технологий Евразийского союза. Разработку проекта инициировал Национальный банк Белоруссии. Условия для создания такого центра, сложности и вопросы возникающие при продвижении данного проекта.

Ключевые слова: международный финансовый центр, информационные услуги, инновации, Евразийский союз.

Abstract. The features and capabilities development project to create international financial center, financial, information, and logistics services and innovation in Minsk, in the development of high-tech sector of

the Eurasian Union. Development project initiated by the National Bank of Belarus. Conditions for the establishment of such a center, and the complexity of issues arising from the promotion of the project.

Keywords: international financial center, information services, innovation, the Eurasian Union.

О специализации центра. Что касается профиля центра, то наиболее приемлемым представляется центр международных финансовых, информационных и транспортно-логистических услуг и инноваций. Наиболее успешные примеры такого рода центров — Дублин, Сидней, Монреаль, Мумбаи, из новых, согласно Индексу глобальных финансовых центров 2013 — Тель-Авив [1].

Исходя из анализа особенностей и конкурентных преимуществ республики, открытости ее экономики, выгодного геополитического положения, развитого транспортного комплекса и его высокой доли в экспорте услуг, преимущественно несырьевой ориентации экспорта, высокого уровня образования населения, наличия признанных в мире научных школ и направлений, хорошего состояния производственной, транспортной, телекоммуникационной и информационной инфраструктуры, наличия развитой и котируемой платежно-расчетной системы, перспективного и разветвленного биржевого комплекса, устойчивой и способной к развитию банковской системы, создания высокотехнологичных сегментов, таких как парк высоких технологий, успехов в создании национальной инновационной системы, нами была предложена *модель регионального финансового центра* в Минске со специализацией в области международных экспортно-ориентированных высокотехнологичных комплексов-кластеров производства и услуг, включая банковские, финансовые, информационно-коммуникационные и транспортно-логистические [2, 42—47; 3, 60—67]. Были указаны этапы по созданию центра, определено их содержание, названы требующиеся меры реформ и основные институты центра, определены мероприятия по созданию условий для формирования Белорусского МФЦ.

Об оптимизации организации административной работы по созданию центра. Национальный банк инициировал разработку проекта по созданию центра в конце 2010 г. В 2011 г. на уровне Межведомственной комиссии по развитию финансового рынка¹ (далее — Комиссия) была проделана значительная подготовительная работа по

¹ Создана в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 17.02.2009 г. № 206/5.

проекту создания центра. К сожалению, в 2011—2012 гг. проект был приостановлен в связи с дестабилизацией валютной системы, а также вследствие неготовности ряда государственных министерств и ведомств к серьезной работе и проведению требующихся структурных реформ. Комиссия сочла за лучшее раздробить План и включить отдельные его мероприятия в другие планы мероприятий (по развитию финансового рынка, социально-экономического развития, СПД). При этом целостность и целенаправленность планируемых действий были нарушены, и проект фактически разрушен.

О нем «вспомнили» только к концу 2012 г., когда руководство Мингорисполкома вновь обратилось к этому вопросу и выразило заинтересованность в проекте. Таким образом, сама жизнь подсказала способ дальнейшей организации работы по проекту.

Вообще, реализация проекта по созданию РФЦ, как нам представляется, прямо зависит от эффективного решения двух вопросов.

Первый вопрос касается финансовой архитектуры центра, где должны быть представлены все основные виды финансовых институтов и инструментов для реализации современных финансовых технологий — коллективного инвестирования, структурного финансирования, секьюритизации, обеспеченного кредитования, в том числе под залог интеллектуальной собственности; решен вопрос о мегарегуляторе, оптимальных сроках внедрения международных стандартов финансовой отчетности как для эмитентов, так и для регулирующих налоговых органов, что позволит лучше интегрироваться в глобальную финансовую систему².

Второй вопрос, который нужно решить для создания Минского МФЦ — это городская инфраструктура. Целесообразно, учитывая опыт создания финансовых центров в Москве и Алма-Ате, обсудить вопросы создания и базирования площадок для размещения органов центра. Полагаем, что центр может состоять из четырех площадок.

Первая площадка — в центре Минск-Сити (район бывшего аэропорта Минск-1). Здесь могут быть размещены администрация и основные финансовые институты резидентов центра. Это — обе биржи (валютно-фондовая и универсальная товарная), платежно-расчетный центр, депозитарий, офисы банков, инвестиционных, стра-

² Задачи создания центра, как нам представляется, идут рука об руку и с задачами улучшения инвестиционного климата. Создание центра приведет к большей открытости нашей экономики, что позволит создать более благоприятный инвестиционный климат. Центр должен работать также на развитие национальной системы инноваций и высоких технологий, в частности, способствовать развитию наукоемких секторов, в которых внедряются в производство отечественные научные достижения и разработки.

ховых и других компаний- резидентов центра, включая иностранные банки, компании и их представительства.

Вторую площадку целесообразно организовать в зоне Парка высоких технологий для размещения административных зданий высокотехнологических компаний и их представительств.

Третью площадку, поскольку она должна обеспечивать работу транспортно-логистического комплекса, в котором будут связаны в один узел пути сообщения воздушного, железнодорожного и автомобильного транспорта, а также примыкающие площади по перегрузке, первичной переработке — фасовке, сборке и доставке в торговую сеть поступающих товаров и комплектующих), представляется логичным разместить в окрестностях аэропорта Минск-2, т. е. на новых территориях, которые будут присоединены к Минску. (Кстати, до сих пор не налажена связь аэропорта Минск-2 с аэропортами областных центров, с железнодорожным вокзалом Минска, отсутствуют и соответствующие маршруты электропоездов от аэропорта Минск-2 до Минска и областных центров, что недопустимо для центра.)

Четвертая площадка — досуговая, спортивно-оздоровительная — уже в основе сформирована вокруг Минск-арены. Она может быть усилена объектами торговой, зрелищной и туристической инфраструктуры, в которой должны быть представлены уникальные и самобытные национально-этнографические продукты. Само собой, проект центра потребует организации информационных и телекоммуникационных услуг мирового уровня. Поэтому, скорее всего, следует решить вопрос о допуске на отечественный рынок информационных услуг и телекоммуникаций брендовых зарубежных операторов. Это поднимет престиж и статус центра, будет способствовать привлечению в страну новых инвесторов.

Таким образом, решение вышеуказанных вопросов требует активного взаимодействия многих заинтересованных министерств и ведомств и Мингорисполкома, причем Мингорисполкому здесь принадлежит решающая роль в обеспечении жизнедеятельности центра, развитии транспортной, информационной, логистической, торговой и досуговой среды. Учитывая прямую заинтересованность городских властей в реализации проекта центра как мощного двигателя развития столицы, полагаем целесообразным сформировать Комиссию по проекту создания МФЦ в Минске центра с полномочиями Администрации центра при Совете Министров Республики Беларусь.

С учетом градообразующей специфики решаемых задач, наиболее подходящей кандидатурой на пост Председателя Комиссии бу-

дет, по нашему мнению, Председатель Мингорисполкома³, а членами Комиссии (сопредседателями Администрации) — заместители руководителей заинтересованных министерств и ведомств, в обязанности которых входит руководство по перечню вопросов проекта, находящихся в их компетенции. Комиссия должна обеспечить подготовку Проекта по созданию в Минске международного финансового центра, специализирующегося на оказании финансовых, инновационных, информационно-коммуникационных и транспортно-логистических услуг. В качестве образцов можно взять модели международных финансовых и высокотехнологических услуг в Дублине, Тель-Авиве, а в части развития воздушного грузового и пассажирского транспорта модель Дубая.

Минский финансовый центр или Евразийский тройственный союз? В проекте Евразийского центра, как и в проектах страновых центров, следует сочетать и «приручить» две силы — силу евразийской интеграции и силу глобализации, соединив вместе, в целях проекта, в едином потоке финансовый, научно-производственный и транспортно-логистический и информационно-коммуникационный потенциалы не только евразийских инвесторов, которые не только евразийской, но и глобальной мощью «прирастать будут», но и внеевразийских инвесторов, расширяющих присутствие на новых пространствах и новых площадках. Почувствовать и привлечь к себе не разрозненных иностранных инвесторов, а всю мощь глобальной организации, можно, если прежде всего сосредоточиться на вхождении в «шлюзы» глобальной экономики. Таких «шлюзов», исходя из архитектуры глобальной финансовой иерархии, несколько. Основные — глобальные коммуникации, глобальные финансы, глобальная собственность прежде всего не на материальные, учитывая постмодернистский и постиндустриальный ее профиль, а на интеллектуальные активы.

Представляется полезным сначала высказать некоторые замечания по части организации работы над проектом и форматом центра в Минске и более детально осветить отдельные стороны возможной специализации центра (воздушный транспорт и логистика, сектор наукоемких производств), а затем критически рассмотреть вопросы взаимодействия проекта по созданию Минского центра и проекта ев-

³ Если мало мэра, то такую Комиссию может возглавить и специально введенный в Совет Министров министр без портфеля, занятый именно этим проектом. Подобный опыт организации работ был в Японии при реализации Программы создания и развития Национальной системы интеллектуальной собственности.

разийской интеграции. Еще никто не ставил вопрос о проекте Евразийского финансового центра. О едином таможенном пространстве, Евразийском союзе, интегрированном финансовом рынке союза — да, но о Евразийском финансовом центре — нет. Это несколько странно, поскольку совершенно ясно, что вопросы финансово-технологического суверенитета сегодня решаются только на уровне проекта по созданию центра. Главной задачей евразийского проекта по созданию РФЦ, на наш взгляд, является обеспечение *финансово-технологического суверенитета* (термин наш). Вопрос должен стоять именно так, поскольку технологии, интеллектуальная собственность в современной постиндустриальной экономике становятся финансовым активом.

Финансово-технологический суверенитет, как нам представляется, базируется на следующих принципах.

- На создании стабильной и свободно конвертируемой региональной валюты или системы условных региональных валют, выступающих вокруг системообразующей (исторические примеры — евродоллар, азиатский доллар). При этом устойчивость валютной и финансовой систем обеспечивается не только реальными стоимостными объемами товаров и услуг, но и снятием ограничений на трансграничные перемещения капитала и созданием равных условий для ведения бизнеса для резидентов и нерезидентов страны, предоставлением полноценного набора трансграничных финансовых услуг (банковских, биржевых, страховых, консультационных и информационных) при избежании высокорискового, спекулятивного покрытия (искусственно вызываемого осуществлением финансовых транзакций с материальными, а также и нематериальными, прежде всего производными финансовыми активами);

- На создании устойчивого, мобилизуемого усилиями стран-участниц или иных субъектов финансового центра совместного официального валютного резерва и возможностей гибкого управления им. Именно рамочная поддержка финансовым центром условий и возможностей региональной валютно-финансовой интеграции является вторым необходимым условием крепости национальной или региональной валюты;

- На создании предпосылок более интенсивного сотрудничества и объединения всех факторов производства субъектов указанных центров (технологий, интеллектуальных ресурсов и труда, инвестиций) и формировании суверенного конкурентоспособного сектора высоких технологий, занимающего свою устойчивую нишу на мировом рынке технологий.

- На формировании системы структурных финансов и передовых финансовых технологий, в котором системообразующее значение приобретают интеллектуальная собственность и финансовые активы на базе интеллектуальной собственности (интеллектуально-финансовые активы).

Ясно, что вопросы создания дееспособных финансовых центров нельзя решить в рамках национальных государств, даже таких обеспеченных сырьевыми и финансовыми ресурсами, как Россия и Казахстан.

Тем не менее проекты центров Москвы и Алма-Аты предоставлены сами себе и живут собственной жизнью, никоим образом не будучи пристегнутыми к евразийскому интеграционному процессу. Почему так происходит — пока неясно. Однако в самом отсутствии евразийского проекта финансового центра при наличии других проектов интеграции обнаруживается действие скрытых и могущественных (влиятельных) центробежных сил.

Чтобы собрать наилучшим образом и в самые сжатые сроки центrostремительные силы проектов национально-государственных и евразийского центров, следует использовать многоступенчатую, или каскадную, систему шлюзов. Финансы — интеграционный евразийский шлюз. Транспортные и логистические сети сразу могут разворачиваться глобально, хотя и подпитываться региональными узловыми соединениями и взаимодействиями. Интеллектуальная собственность — пилотный страновой, а затем и региональный и субглобальный шлюз. Полагаем, что национальная инновационная система Белоруссии и пилотные реформаторские проекты в области интеллектуальной собственности (ИС) — белорусская прерогатива, и разворачиваться они могут на пилотной (пробной) белорусской площадке. В случае успеха — переносятся на общеевразийский уровень. Важно попытаться поставить и решить вопрос на евразийском уровне о специализации входящих в него финансовых центров и одинаковом либо преимущественном — более открытом — формате доступа иностранных — внеевразийских — инвесторов. На наш взгляд, в интересах евразийской интеграции следует обеспечить даже не равное, а в порядке эксперимента — более интенсивное и полное открытие доступа иностранных инвесторов к белорусскому рынку транспортных, телекоммуникационных, строительных, туристических, почтовых, финансовых, научных и консультационных, а также логистических и торговых услуг.

Центр в Минске в фарватере Евразийского центра. Центр сам по себе или союз центров? Какие вопросы должен решать проект и уровни решений. Итак, при разработке проекта финансово-

го центра в Минске, на наш взгляд, важно суметь выделить и соединить два формата, или уровня, работы — внутренний, страновой и международный, евразийский.

1. Уровень совершенствования внутреннего законодательства и принятия пакета законов, минимально необходимых для создания правовых условий и правового пространства для формирования и развития центра. Как показывает мировой опыт создания центров по типу международных центров финансовых услуг, в такой «типовой» перечень законодательных актов входят законы: о компании международного бизнеса, о международной банковской деятельности, о коллективных инвестиционных схемах (инвестиционные фонды и трастовое управление), о структурных финансах и секьюритизации, о налогах.

2. Международный уровень охватывает прежде всего процессы евразийской интеграции. В формате Евразийского союза, на наш взгляд, крайне важно обеспечение многосторонней поддержки белорусского проекта по созданию центра участниками, и прежде всего российской стороной.

Это не праздный вопрос. Есть косвенные аргументы, которые свидетельствуют о «торпедировании» проекта создания Минского регионального финансового центра Москвой. Российская Федерация, используя свое главенствующее положение в Евразийском союзе и СНГ, оказывает давление на процессы открытия рынков услуг, как нефинансовых, так и финансовых, включая условия движения капитала, в государствах — участниках СНГ и ЕЭП. Особенно чувствительно это давление для Белоруссии. Известно, что в ходе принятия проекта Соглашения о свободной торговле услугами государств-участников СНГ в начале 2013 г. «российская сторона внесла альтернативный проект документа, предложив более жесткие подходы в принятии сторонами обязательств по открытию рынков». На уровне соглашений ЕЭП («тройки») также действуют «широкие перечни изъятий» по обязательствам Республики Беларусь по либерализации рынка услуг в рамках вступления в ВТО.

По нашему мнению, которое разделяют и многие российские и казахские специалисты, сосредоточение общих усилий на евразийской интеграции, могло бы принести более ощутимые результаты в вопросах продвижения проектов финансовых центров в государствах Евразийского союза⁴. Однако сегодня даже согласованных действий участников уже мало.

⁴ Так, по мнению А.И. Бельчика, Е.И. Евграпиной, Т.В. Кузьминой, «единственным возможным путем развития Москвы в данном направлении является

Пришло время разработки проекта по созданию Евразийского мирового финансового центра, который, как нам представляется, возможен как триада, или тройственный союз центров, — Москвы, Алматы и Минска, которые имеют общие задачи, структуру и инфраструктуру и свою специализацию и свое положение в иерархии центров.

Как показало наше изучение опыта организации деятельности финансовых центров, они не существуют сами по себе. Рабочей структурой системы мировых финансовых центров является трехзвенная иерархическая структура, или тройственный союз, глобального финансового центра, регионального финансового центра и специализированного оффшорного финансового центра.

Глобальные финансовые центры несут ответственность за разработку общих правил игры. Региональные — акцентируют усилия на создании субглобальной региональной валюты. Оффшорные — формируют, несут ответственность, позволяют осуществиться корпоративно-территориальной организации системы финансовых центров, поскольку компании, зарегистрированные в оффшорах, являются отделениями, дочерними компаниями материнских компаний, зарегистрированных в глобальных центрах, и, как правило, по своему функциональному назначению являются звеньями глобальной системы структурных финансов. Можно выделить три типа оффшорных центров.

Первый тип — безналоговые гавани, главными принципами которых являются тайна банковских вкладов и отсутствие налогов. Второй тип — центры регистрации транснациональных субъектов хозяйствования и проведения платежно-расчетных операций. Третий тип — центры предоставления специализированных или комплексных финансовых и высокотехнологичных услуг.

При этом решающее значение имеют инфраструктура, среда, соединяющая центры, и общая схема связи центров.

Исходя из такой «раскладки», глобальный финансовый центр «Москва» мог бы специализироваться на разработке общих правил применения глобальных биржевых технологий и технологий участия в глобальных финансовых рынках, региональный финансовый центр «Алма-Ата» — обеспечивать выход на рынки Юго-Восточной Азии и развивать специфические азиатские финансовые технологии типа исламского банкинга, а «Минск» мог бы выступить как инновационный

позиционирование как регионального финансового центра на пространстве СНГ, Восточной Европы и Турции» [4].

оффшор с выходом на более тесное взаимодействие с европейским рынком.

Уязвимым местом всех государств — участников Евразийского союза является отсутствие свободно конвертируемой валюты. Для решения этой задачи нужно объединить ресурсы и возможности всех участников, а также определить роли и специализацию каждого из центров и общие интеграционные институты и формирования. То же самое можно сказать о биржах: они должны быть усилены путем объединения. Национальный банк в свое время предложил модель горизонтально-интегрированного биржевого центра, которая предполагает автоматическую регистрацию и возможности проведения операций для каждого из участников одной из бирж на всех остальных, общий депозитарий и создание банков-кастодианов (депозитариев).

Крайне важными представляются проработка на уровне модели Евразийского финансового центра вопросов об условной региональной валюте, отличной от национальных валют, привязанной к корзине валют стран Евразийского союза; об организации международных расчетов по внешнеторговым операциям и операциям с ценными бумагами в этой валюте; о разработке и обеспечении мер по достижению свободной конвертации евразийской валюты на мировом валютном рынке; принятие общего модельного закона об обеспечительных сделках и обеспеченных кредитах, в том числе под обеспечение нематериальными активами; о горизонтально-интегрированном биржевом центре Евразийского финансового центра; о создании секции высокотехнологичных предприятий на Белорусской валютно-фондовой бирже и обеспечение возможностей проведения торгов на аналогичных секциях бирж Москвы и Алма-Аты.

Очень значимыми в вопросе формирования Минского и Евразийского центров являются разработка и принятие пилотного проекта о международном банкинге (международной банковской деятельности) в Республике Беларусь и странах Евросоюза, предусматривающего одинаковые, а с учетом специализации Минского центра — более либеральные возможности открытия иностранными банками на территории республик не только совместных банков, дочерних компаний, но и прямых филиалов, а также принятие необходимых нормативных правовых актов и при необходимости международных (двусторонних и многосторонних) соглашений, позволяющих белорусским, российским, казахским и т. п. и совместным банкам открывать филиалы за рубежом, включая страны за пределами Евразийского союза (что необходимо для продвижения экспорта и обслуживающей инфраструктуры на внешние рынки). Следует также достичь хотя бы поэтапной отмены квот на участие иностранного ка-

питала в банковской сфере (страховании и перестраховании). Важно при этом в интеграционных форматах (Евразийский союз, СНГ) максимально приближаться к полноформатному общему рынку услуг на уровне требований ВТО.

Есть и ряд других, не менее важных, вопросов глобальной хозяйственной интеграции, на наш взгляд, лучше всего решаемых в *проекте Евразийского финансового центра*. К ним относятся:

- разработка и принятие законов по финансовой секьюритизации, которые включают в себя меры (описание и регулирование методов) по секьюритизации обеспеченных активов, включая интеллектуальные активы;
- переосмысление роли Евразийского патентного ведомства, создание при нем или внутри него структуры по оценке патентов и разработке бизнес-планов по их коммерческому (промышленному) использованию;
- проработка вопроса о создании евразийских патентных холдингов (холдинга) и разработка моделей секьюритизации патентов и других интеллектуальных активов под залог прав ИС, под залог выданных кредитов под коммерциализацию прав ИС;
- создание регионального венчурного фонда ЕврАзЭС по типу фонда фондов (по аналогии с системообразующими фондами Финляндии, Израиля, России), а также фондов финансирования целевых программ стран Сообщества.

Необходимость вхождения Республики Беларусь и Минска в глобальную «аэрономику». Проект Минского финансового центра при всем его значении как двигателя структурных реформ и развития сферы услуг (транспорта, коммуникаций, логистики) в Белоруссии, на наш взгляд, может и должен раскрыться и показать свою эффективность прежде всего как способ вхождения Республики Беларусь в *глобальную «аэрономику»* (термин наш).

В особенности перспективным, полагаем, проект по развитию международного лизинга воздушных судов — как пассажирских, так и грузовых, и созданию сервисного логистического центра в районе аэропорта Минск-2. Все без исключения финансовые центры, включая даже небольшие оффшоры, имеют первоклассное воздушное пассажирское сообщение, а крупные мировые центры являются и крупными центрами воздушных грузоперевозок.

Важная особенность организации глобальной экономики заключается в формировании глобальной инфраструктуры транспортного сообщения и глобальной логистики. При этом все мировые финансовые центры являются центрами глобальных коммуникаций и логистики, прежде всего воздушно-логистическими центрами (прием-

никами-отправителями-распределителями или «хабами»). На долю США приходится 1/5 мирового воздушного импорта и 1/6 мирового воздушного экспорта. Если прибавить сюда Великобританию, Японию, Китай с Гонконгом и Францию — то их доля составит почти половину мирового воздушного импорта и экспорта. Если добавить еще Сингапур, Тайвань, Канаду, Корею, Италию, Мексику, Бенилюкс и Малайзию, то доля приблизится к 3/4 мирового воздушного импорта и 80% мирового воздушного экспорта.

Показательно, что мировой воздушный транспорт прежде всего обслуживает мировой сектор производства высокотехнологичных товаров, так называемый сектор новой экономики, куда входят микроэлектроника, фармацевтика, аэрокосмические компоненты и сами самолеты с их комплектующими, медицинская аппаратура и оборудование и другие продукты с наиболее высоким соотношением стоимости к весу.

Наиболее зависимой от международного грузового воздушного сообщения является электронная промышленность. Более 40% в объеме стоимости всех мировых грузовых авиаперевозок занимают товары электронной промышленности. Именно эта отрасль формирует наиболее высокое отношение стоимости/вес, поэтому является наиболее выгодным объектом для перевозок. Поэтому именно вокруг аэропортов формируются центры и каналы сборки, доставки, распределения товаров и комплектующих электронной промышленности, создаются рабочие места с высокой долей добавленной стоимости.

Принципиально важно отметить, что именно финансовые центры определяют мировое разделение труда, которое становится все более и по-настоящему финансово-центристским. Новое разделение труда реализуется через иерархию финансовых центров.

В сети глобальных аэрокоммуникаций можно выделить три типа аэропортов, которые так или иначе обслуживают систему финансовых центров.

1. 10—25 самых оживленных аэропортов-аэроцентров мира находятся в глобальных финансовых центрах и являются «вездными воротами» (шлюзами) в самые крупные потребительские центры мира — Японию, Западную Европу, США. Это — аэропорты-хабы (центры-распределители), которые обслуживают торговые коммуникации развитого мира, а также торговые коммуникации развитых стран между собой, а также между развитыми и развивающимися странами. 80% всех авиаперевозок совершается между странами северного полушария. 80% всей мировой компьютерной, видео- и аудиотехники доставляется самолетами.

2. Аэропорты — центры региональной торговли, въездные ворота в регион. Они служат политике «ножниц цен» между богатым Севером и бедным Югом, обеспечивают организацию обмена дорогостоящего импорта высокотехнологичных и иных товаров и дешевого, прежде всего сельскохозяйственного, плодоовощного экспорта развивающихся и бедных стран.

3. Аэропорты, которые обслуживают новые сложившиеся и создаваемые глобальные производственные платформы, в основном размещены в Китае, Индии, Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

Таким образом, отрасль воздушных перевозок является наиболее значимой в формировании «лица» сегодняшней и завтрашней мировой экономики, в котором участвуют как звенья мировой инфраструктуры мировые финансовые центры.

Кроме того, глобальная «аэрономика» является наиболее динамичным сектором экономики, который определяет профиль глобальной экономики и имеет лучшие перспективы по сравнению с экономикой в целом (более высокие темпы роста, стабильный спрос и т. п.). Согласно оценкам компании «McKinsey», ожидается, что доля всех промышленных товаров, поступающих в мировую торговлю, вырастет с 20% сегодня до 80% в 2020 г. [5]. При этом услуги грузовых авиаперевозок будут в течении следующих 20 лет расти в среднем темпами 5,9—6,2% в год. Это означает, что аэровоздушный транспорт будет определять направления мировых торговых потоков. Как отмечается в Докладе Института Кенана (США), «Грузовой воздушный транспорт является наиважнейшим звеном в соединении национальных и глобальных цепочек предложения и распространения товаров» [5].

Итак, в силу того, что воздушным путем осуществляется доставка большей части высокотехнологичных товаров (компьютеры, оборудование, оснащение, комплектующие технологий), следует, что вокруг аэропортов вполне могут быть созданы благоприятные условия для налаживания сборочных, если не высоко-, то по крайней мере, среднетехнологичных производств. Это подстегнет и существующие отечественные аналогичные или сопряженные производства, усилит поле международной производственной, технологичной и научной кооперации, если вовлечь сюда и отечественный Парк высоких технологий, и научно-производственный комплекс Белоруссии. На наш взгляд, соединение потенциала аэровоздушного центра и инфраструктуры с потенциалом Парка высоких технологий может иметь взаимодополняющий и взаимоусиливающий эффект.

Ставка на инновационную специализацию Минска. Безусловный, на наш взгляд, плюс проекта по созданию МФЦ в Минске состоит в том, что его рамках можно и нужно решать острую проблему недостатка источников финансирования отечественной науки и исследований. Финансирование НИОКР в Белоруссии находится на неудовлетворительно низком уровне в течение последних лет, и никаких подвижек на ближайшую перспективу не предвидится в рамках действующей организации.

Тем не менее есть ряд неоспоримых фактов, которые указывают на концептуальное первенство и институциональные преимущества Белоруссии в вопросе развития инновационного сегмента экономики. Республика Беларусь, первая из стран СНГ, успешно реализовала проект по созданию Парка высоких технологий, который только десятилетие спустя был повторен в России в виде проекта по созданию наукограда в Сколково. Из всех государств СНГ и Евразийского союза Белоруссия менее всего завязана на сырьевом секторе. В структуре экспорта она имеет наиболее высокую долю сектора услуг. Важным преимуществом Белоруссии, которое облегчает ей задачу формирования пилотного центра инноваций и инновационной инфраструктуры в Евразийском союзе и СНГ и тем самым обещает успешность проекта по созданию мирового центра инновационной инфраструктуры, на наш взгляд, является также отвечающая требованиям международной конкурентоспособности платежно-расчетная система Республики Беларусь, подпитываемая признанной в мире высшей школой по подготовке специалистов в области математики, программирования и информационных технологий. Высоко ценятся и по праву занимают высокое место в мировом научном сообществе достижения белорусских ученых в области лазерных технологий, биотехнологий, медицины и других наук. Беларусь располагает мощным потенциалом по коммерциализации своих научных разработок.

Кроме того, нам принадлежит инициатива в области разработки важнейших институциональных нововведений в области создания Национальной инновационной системы и управления инновациями. Впервые на постсоветском пространстве в Белоруссии в 2011 г. была принята «Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012—2020 годы»⁵. Россия поставила перед собой

⁵ Стратегия является продолжением работы по развитию национальной системы интеллектуальной собственности, которая осуществлялась в соответствии с Государственной программой по охране интеллектуальной собственности на 2008 — 2010 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 ноября 2007 г. № 1555, другими программными документами, а также решениями Президента Республики Беларусь и Совета

задачу разработки подобной стратегии только в мае 2013 г. Подобная стратегия в настоящее время на всем постсоветском пространстве есть только в Татарстане и Киргизии (Национальная стратегия развития интеллектуальной собственности и инноваций в Кыргызской Республике на 2012—2016 г.).

Такие довольно оптимистические оценки в отношении потенциала и перспектив инновационной и высокотехнологичной специализации республики, высказываемые специалистами Национального банка, разделяют эксперты международной группы ООН, которые подготовили первый среди стран СНГ «Обзор инновационного развития для Беларуси—2010», в котором весьма высоко оценили научный и научно-производственный потенциал республики.

Исходя из передовых позиций, занимаемых республикой в области формирования национальной инновационной системы, представляется, что Белоруссия могла бы стать на евразийском хозяйственном пространстве пилотным проектом по завершению реформы интеллектуальной собственности и созданию лучшей национальной системы интеллектуальной собственности, сформировать недостающие институты и инфраструктуру по коммерциализации прав интеллектуальной собственности.

Вместе с тем, полагаем, что наиболее уязвимыми местами в национальной инновационной системе Республики Беларусь являются незавершенность реформы интеллектуальной собственности и отсутствие необходимых институциональных звеньев по коммерциализации научных разработок. К слову сказать, подобные меры предпринимали с 1980-х гг. теперешние развитые страны, занимающие первые позиции в области высоких технологий (США, Япония, Евросоюз).

Министров Республики Беларусь.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) еще в 2010 г. подготовила и распространила свои рекомендации по разработке государственных стратегий по интеллектуальной собственности для стран с «переходной» экономикой для гармонизации отношений на международном рынке. И уже летом 2013 г. на международном семинаре ВОИС в Бишкеке представители Белоруссии, Сербии, Турции уже отчитались о состоянии их государственных стратегий по интеллектуальной собственности. От России, такого доклада не прозвучало, хотя проблема инноваций у нас стоит наиболее остро, учитывая тенденции развития мировой экономики и политики. Кстати, лидер инновационного развития Япония, исходя из международных реалий, уже приняла пятую редакцию национальной стратегии по интеллектуальной собственности.

Полагаем, что на белорусской площадке могут быть опробованы также и финансовые технологии по развитию структурного финансирования, секьюритизации и кредитования инвестиций под интеллектуальную собственность. По нашему глубокому убеждению, *инновации и высокие технологии есть там, где есть инновационные и высокие финансовые технологии*. Без высокотехнологичной финансовой организации невозможна никакая организация высоких технологий. Именно высокие финансовые технологии (а не просто финансовая подпитка) обеспечивают в должном объеме и ритме развитие высоких технологий во всех отраслях экономики, и более того — формируют профиль всей экономики. Поэтому бессмысленно ставить задачи инновационного развития и структурных преобразований вне вопроса по созданию финансового центра.

Наш анализ ситуации в сфере коммерциализации прав интеллектуальной собственности показал наличие серьезных проблем и недоработок. В частности, надежды, возлагавшиеся на обновление законодательства в области коммерциализации научных разработок, не оправдались.

Указ Президента Республики Беларусь от 04. 02. 2013 г. № 59 «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств» и содержащееся в нем Положение, по замыслу, должны были быть аналогом американских законов Байя-Доула и Стивенсона — Уайлдера. Как и эти законы, Указ демонстрирует попытку создания в Республике Беларусь рынка прав интеллектуальной собственности (ИС) в условиях преобладания государственного сектора науки и научно-технической деятельности. Делается это путем определенной либерализации (по ослаблений) в наделении правами ИС организаций-исполнителей, создавших результаты НТД, а также через передачу прав на их использование третьим лицам, которые могут быть как резидентами, так и нерезидентами республики. Нормы закона усиливают экономическую мотивацию коммерциализации результатов НТД, а также содержат достаточно жесткие требования к правообладателям в отношении ее сроков.

Следует обратить внимание на введение в текст документа положения о том, что обладателем имущественных прав на результаты НТД, созданные в рамках исполнения договоров на выполнение НИОКР, является головная организация-исполнитель — резидент Республики Беларусь (п. 9). Однако в соответствии с п. 10 речь здесь (неявно) идет только о служебных изобретениях или иных, не предусмотренных договорами результатах НТД. Приводимые в данном пункте оговорки существенно обесценивают это половинчатое по-

слабление, поскольку п. 9 гласит, что обладателем имущественных прав на результаты НТД является головная организация-исполнитель — резидент Республики Беларусь, если иное не установлено настоящим Положением и не предусмотрено решением государственного заказчика. Согласно п. 8 Положения, решение об определении обладателя имущественных прав на результаты НТД, о передаче прав на них и их использование по-прежнему принимаются госзаказчиком, хотя и на коллегиальной основе, т. е. по-прежнему отсутствуют четко сформулированный на законодательном уровне порядок установления правообладателя имущественных прав, а также полный перечень условий, способных повлиять на решение госинстанций о его определении. Нет четкости также и в вопросе о совместном владении правами. Не реализован принцип долевого участия в правах заказчика, исполнителя и автора служебного изобретения, на необходимость которого неоднократно указывали специалисты, руководствуясь примерами лучшей мировой практики.

В законодательствах развитых стран, например, в Германии и Японии, автор служебного изобретения, как правило, имеет имущественное право на долю в роялти от коммерческого использования изобретения. В США после принятия закона Байя — Доула и Стивенсона — Уайлдера действует механизм выплаты вознаграждений, стимулирующий изобретательскую активность работников. Согласно ему, глава агентства или лаборатории, занимающийся лицензированием, должен выплачивать автору каждый год 2 тыс. дол. и не менее 15% от последующих поступлений. Остальные доходы могут использоваться на реинвестирование в исследования и разработки. В случае, когда сумма лицензионных платежей больше 5% годового бюджета лаборатории, излишки средств поступают в федеральный бюджет. Сумма превышения делится между агентством и казначейством в пропорции 25:75. Таким образом, сначала свою долю получает работник-автор, потом НИИ, где он работает, затем государство. При получении высоких доходов доля последнего оказывается наиболее значительной. Этот механизм снижает вероятность конфликта интересов и стимулирует авторов не скрывать свои изобретения и не искать теневых путей их реализации.

Как показывает зарубежный опыт, в распределении доходов от реализации ИС выделяются два подхода: ведомства, финансирующие науку, устанавливают фиксированные нормы распределения роялти для государственных НИИ и университетов; вышестоящие организации разрабатывают «рамочные» правила, а нижестоящие сами определяют конкретные пропорции и суммы платежей. Таким образом, создается многосторонняя система заинтересованности заказчиков,

разработчиков и предприятий в создании объектов ИС и их скором коммерческом использовании.

В Указе отсутствует норма, стимулирующая авторов к реализации созданных ими объектов ИС. В частности, разработчики не имеют права на роялти от результата коммерческого использования их патентов и других результатов НИОКР. Не учтены важнейшие вопросы, обеспечивающие реальный перевод сферы научной деятельности на рыночные принципы, а именно, не решена проблема наделения организаций-исполнителей и авторов служебных изобретений имущественными правами — они по-прежнему четко не оговорены, и их передача очень громоздка, что делает процесс неоперативным и непрозрачным.

Для того чтобы механизм Указа заработал на полную мощность, на наш взгляд, необходимо осуществить следующие мероприятия.

- Упростить процедуру передачи прав на ОИС и сохранить предложенный в законе механизм администрирования только для тех из них, которые являются государственными секретами, относятся к сфере интересов государственной безопасности и обороны. Для остальных следует предусмотреть автоматическую (без согласований) передачу права собственности организациям-исполнителям.

- Принять закон о служебных изобретениях, предусматривающий передачу доли в имущественных правах на ОИС (в частности на долю доходов от коммерческого использования служебных изобретений их авторам). Внести в Указ поправку, устанавливающую долевое распределение имущественных прав заказчика, исполнителя, автора на доходы, полученные от коммерциализации этих прав (как это предусмотрено, к примеру, в законе Стивенсона — Уайлдера).

- Позаботиться о создании институтов, обеспечивающих коммерциализацию прав интеллектуальной собственности, свойственных передовым в технологическом и рыночном отношении странам. К ним относятся венчурные фонды и фонды посевного финансирования для малых инновационных предприятий на ранней стадии развития; специализированные организации по оценке коммерческой перспективности инновационных разработок на основе коммерциализации прав ИС и подготовке соответствующих инвестиционных проектов на принципах государственно-частного партнерства; патентные пулы, патентные холдинги, банковские учреждения, отвечающие за проектное финансирование и внедряющих новые в мировой практике технологии кредитования прав ИС и результатов НТД под их залог с использованием и без использования механизмов секьюритизации прав ИС и обязательств по выданным на эти цели кредитам; специализиро-

ванные страховые организации либо их подразделения; биржевые площадки на фондовой бирже, торгующие акциями высокотехнологичных предприятий.

- На законодательном уровне конкретизировать способы и механизмы передачи технологий, без чего Указ не будет полноценно работать. Требуется принять закон о передаче (трансфере) технологий. Кроме того, следует внести изменения, предусматривающие такие рыночные механизмы коммерциализации, как проведение аукционов по продаже объектов ИС, включая организацию электронных площадок.

- Предусмотреть в новой редакции Указа такую форму передачи прав ИС, как взнос прав ИС в уставные фонды организаций. При этом для малых инновационных предприятий отменить ограничения по предельной доле нематериальных активов в уставном фонде (50%) путем внесения изменений в Закон Республики Беларусь «О хозяйственных обществах».

- Принять закон о создании специализированных юридических лиц (организаций-агрегаторов прав ИС, таких как патентные пулы, патентные холдинги, патентные брокеры и т. п.).

- Внести изменение в Гражданский кодекс Республики Беларусь, где приравнять права ИС к движимому имуществу, как это сделано в США, что облегчит развитие практики залога ОИС и кредитования под залог их прав.

- Рассмотреть с заинтересованными сторонами вопрос об открытии специализированных банков либо их подразделений по кредитованию инвестиционных проектов по коммерциализации прав ИС. За основу структуры современного банка развития может быть взят образец таких структур, работающих в Японии или ФРГ.

- Целесообразно создать специализированные страховые организации в сфере инвестиционных проектов по коммерциализации прав ИС по основным используемым в международной практике направлениям (управление патентными активами, риски утраты патентоспособности и т. п.).

Реализация предложенных мероприятий позволит избежать имеющихся в Указе противоречий, а также даст возможность четко сформулировать на законодательном уровне порядок определения правообладателя имущественных прав, включая полный перечень условий, способных повлиять на решение государственных инстанций об установлении правообладателя.

Меры по развитию коллективных структурных финансов как необходимая часть проекта финансового центра в Минске. В перечень наиболее значимых мер по совершенствованию отечествен-

ного законодательства, как нам представляется, следует включить следующее.

1. Разработка и принятие Закона Республики Беларусь о коллективных инвестиционных схемах. (Подобный закон успешно зарекомендовал себя в Швейцарии, Гонконге и других финансовых центрах.) Организация торговли акциями и облигациями (включая облигации проектного финансирования) высокоэффективных и высокотехнологичных предприятий, в частности, предприятий-резидентов Парка высоких технологий.

2. Скорейшая доработка и принятие Закона Республики Беларусь о секьюритизации (проект уже разработан), который позволит создать правовые условия для расширения и пополнения кредитных источников финансирования перспективных и эффективных предприятий (в особенности при выдаче долгосрочных кредитов, которые иммобилизуют банковские ресурсы) за счет выпуска и размещения ценных бумаг на объемы выданных долгосрочных инвестиционных кредитов. В качестве инвесторов в ценные бумаги данного случае могут выступать и физические, и юридические лица, включая инвестиционные и пенсионные фонды. (В схемах коллективного инвестирования и секьюритизации значимую роль играют, наряду с обеспечением ускоренного возврата кредитных требований банкам, рост стоимости акций предприятий-заемщиков кредитов в результате успешной реализации их инвестиционных проектов. Подобные схемы обеспечивают ускоренный возврат иммобилизованных долгосрочных банковских кредитов.)

3. В целях укрепления благоприятного инвестиционного имиджа Белоруссии, базирующегося на политической стабильности и на солидных государственных финансах, повышения доверия инвесторов к стабильности ее финансовой системы полагаем целесообразным принять законодательный акт по введению долгосрочных ограничений (10—20 лет) по дефициту государственного бюджета и размеру государственного долга. (Такая мера под названием «долговой тормоз» (меры, четко ограничивающие объем государственной бюджетной задолженности) была использована в Швейцарии в 2003 г. и оказалась очень эффективной.)

Надо сосредоточиться на разработке законодательных условий по формированию открытой для инвесторов модели инноваций. Модель финансового центра, как можно заключить из анализа международной практики, может быть применена как наиболее эффективный механизм решения проблемы не только промышленного использования достижений белорусской науки, но и финансирования науки. Опыт Ирландии, например, показывает высокую степень открытости

научной сферы (до 80% научных разработок финансируются международными структурами и иностранными инвесторами).

Синэргетика центров. Исходя из предполагаемого профиля Минского МРФЦ и, в частности, его специализации как локомотива развития сектора высоких технологий Евразийского союза, прежде всего информационно-коммуникационных, а также финансовых, транспортных и логистических услуг, предлагаем предусмотреть в проекте по его созданию, а впоследствии и обеспечить в интеграционных документах СНГ, Евразийского союза преференции для Белоруссии (или юрисдикции Минского МРФЦ и его резидентов) в части мер по либерализации торговли услугами в рамках Генерального соглашения о торговле услугами (ГАТС) ВТО.

Почему это необходимо и возможно?

Во-первых, куда более весомой была бы «отдача», общая польза, извлекаемая из уникального геополитического положения Республики Беларусь. Во-вторых, это дало бы большой толчок евразийскому инновационному развитию по той простой причине, что экономике Республики Беларусь, в силу сложившегося разделения труда на постсоветском пространстве, принадлежит решающее место в создании сектора высоких технологий.

Возвращаясь к проекту Евразийского центра и исходя из вышеизложенного, следует отметить, что в составе проекта Евразийского регионального финансового центра непременно должен быть финансово-технологический центр, резидентами которого являются евразийские финансово-технологические корпорации, клиринговый центр (платежно-расчетный центр, который позволяет обеспечить свободные автоматизированные расчеты в национальных валютах), горизонтально-интегрированная биржевая система, включающая биржу прав ИС), кредитно-финансовая система, активно использующая передовые финансовые технологии, в том числе кредитование прав ИС как способ воспроизводства финансовых и интеллектуальных активов. На наш взгляд, именно пренебрежение этой стороной совместной конструктивной финансово-технологической стратегии стран евразийского экономического пространства и попытка чистого встраивания Московского финансового центра в систему связей глобальных финансовых центров — без создания общей финансово-технологической платформ — обрекли этот проект на постоянное пробуксовывание.

Для формирования общей финансово-технологической платформы следует создать общее, согласованное (по возможности единое) и конкурентоспособное с точки зрения мирового соревнования законодательное и институциональное пространство защиты, инте-

грации и промышленного (коммерческого) использования прав интеллектуальной собственности. Для этого следует:

- разработать общие модельные законы, которые позволят завершить реформу интеллектуальной собственности в рамках Евразийского союза и задач Евразийского центра, обеспечив многостороннюю заинтересованность в производстве и коммерциализации результатов НИОКР у бюджетных научно-исследовательских учреждений, авторов служебных изобретений, государственных заказчиков, предприятий и банков;

- использовать в полной мере потенциал Евразийского патентного ведомства, обеспечив создание Евразийского патентного холдинга-агрегатора, в функции которого входили бы оценка патентов на основе бизнес-планов по их коммерческому использованию, разработка инвестиционных проектов и привлечение ресурсов для проектного финансирования;

- разработать и принять стратегию Евразийского союза по созданию, защите и эксплуатации (коммерциализации) интеллектуальной собственности (по аналогии с аналогичными стратегиями, принятыми в Японии, США, ЕС);

- проработать вопрос о создании Евразийского комитета по технологиям и стандартизации в области интеллектуальной собственности, которому будут поручены разработка и принятие евразийских стандартов в области управления инновациями, в частности, стандартов по методам оценки интеллектуальной собственности, управления интеллектуальной собственностью и стратегическим интеллектом организации (такие стандарты характеризуют наиболее существенные аспекты для приобретения и охраны объектов интеллектуальной собственности, которые позволяют организации управлять ИС на стратегическом уровне, в том числе в партнерстве с другими организациями и при совместном владении патентом; включить аспект ИС во все функции организации; поощрять интеллектуальную деятельность и творчество авторов, особенно авторов изобретений и ноу-хау, которые имеют наиболее осязаемое значение для организации; определять элементы, которые следует рассматривать в ходе аудита интеллектуальной собственности);

- обеспечить подготовку кадров, отвечающих требованиям международного сертификата «Менеджмент инноваций», в том числе путем учреждения Евразийской сертификационной компании (по аналогии с организацией обучения и выдачей сертификатов мультинациональными сертификационными компаниями «Det Norske Veritas» (DNV), «Lloyd's Register», SGS, «Bureau Veritas Certification» и др.) [6];

- проработать вопрос о расширении функций Евразийского банка развития (ЕАБР) в области инвестиционного и инновационного банка с тем, чтобы он мог иметь в своей структуре подразделение (службу), важнейшей задачей которой была бы организация структурного финансирования корпораций, предлагающих свою интеллектуальную собственность для обеспечения обязательств (основными видами такого финансирования являются: кредитование под залог интеллектуальной собственности; финансирование на основе схем продажи интеллектуальной собственности; секьюритизация интеллектуальной собственности);

- организовать пилотный проект по структурному финансированию интеллектуальной собственности, возможно, с привлечением экспертов ЕЭК ООН, если принять во внимание успешный опыт ЕАБР по сотрудничеству с этой международной организацией в сфере инновационной политики;

- в рамках проекта по созданию Евразийского финансового центра следует проработать вопрос о взаимодействии уже существующих международных финансовых центров Москвы и Алма-Аты и вновь создаваемого центра международных финансовых, информационных и логистических услуг в Минске.

В формате (на уровне) Евразийского союза следует также актуализировать вопрос о создании финансово-технологических групп в тех областях промышленного освоения научно-технических разработок, где можно обеспечить мировое технологическое первенство.

Литература

1. The Global Financial Centres Index, 2014 // <http://econorus.org/opim/upload/h5hv.doc>.
2. *Мойсейчик Г.И.* Архитектура мировой финансовой системы // Банковский вестник. 2011. № 7.
3. *Мойсейчик Г.И.* Белорусский финансовый центр — фактор интеграции в мировую экономику // Банковский вестник. 2011. № 11.
4. Москва как Международный финансовый центр: быть или не быть? М., 2011.
5. The Impact of Air Cargo on the Global Economy. Overview of the Air Cargo Industry // http://siteresources.worldbank.org/EXTAIRTRANSPORT/Resources/515180-1262792532589/6683177-1268747346047/air_cargo_ch1.pdf.
6. Европа выбирает лучшее // Российская бизнес-газета — Инновации // <http://www.rg.ru/2012/03/20/standart.html> (09.04.2013).

А.К. ШУРКАЛИН

Феномен энергопротивостояния в экономической интеграции евразийских государств

Аннотация. В статье раскрываются недостатки и слабости сотрудничества России со странами постсоветского пространства в области энергетики. Доказываются преимущества взаимного экономического сотрудничества в энергетике. Показаны возможности и перспективы подключения отдельных евразийских стран, в том числе и Украины, к интеграционному сотрудничеству в рамках Единого экономического пространства.

Ключевые слова: энергетические ресурсы, экономическая интеграция, экспорт нефти и газа, Единое экономическое пространство, производственная кооперация.

Abstract. In article reveals the weakness of Russia,s cooperation with postsoviet countries in the field of energy. Shows the advantages of mutual economic cooperation in the energy sector. Indetification of opportunities and prospects connection selected Eurasian countries, including Ukraine, to the integration within the Common economic space.

Keywords: energy resources, economic integration, export of oil and gas, Single economic space, production cooperation.

Энергетические ресурсы — основная опора экономического развития современной России. За счет экспорта нефти и газа наша страна наполняет доходами государственный бюджет, обеспечивает реализацию крупных социальных и инвестиционных программ. Вместе с тем энергоресурсы — важное направление в развитии внешнеэкономических связей со странами ближнего и дальнего зарубежья. Наша страна стремится использовать экспорт энергоресурсов для укрепления своих внешнеполитических и внешнеэкономических позиций.

Оказавшись в роли основного поставщика нефти, нефтепродуктов и природного газа в Европу, Россия стремится закрепить свое лидирующее положение. Страны ЕС в свою очередь противятся усилению российского влияния в Европе. ЕС выдвигает свои правила энергодиалога с Россией, заставляя присоединяться к Договору Энергетической хартии, вынуждая заключать краткосрочные соглашения, основанные на действии текущих цен (спот-цены). Россия должна умело использовать свою позицию крупного поставщика энергоносителей для отстаивания своих национальных интересов.

Сотрудничество Россия — Европа развивается в условиях серьезных противоречий и противостояний. Такое положение представляется вполне нормальным и объективным. Россия не стремится к интеграции с европейскими странами. Ее геоэкономические устремления иные. Для того чтобы иметь серьезные успехи на мировой арене, России необходимо иметь надежных союзников, альянс с которыми кардинально усилил бы позиции нашей страны. Мощное усиление российской экономика получит, только активно включившись в экономическую интеграцию со странами постсоветского пространства. Правда, существуют иные мнения на этот счет. Так, профессор НИУ ВШЭ К. Сонин считает, что близость к развитым странам Европы для России — один из ключевых факторов экономического развития [1].

Сегодня развитие интеграционного процесса евразийских стран находится на начальном уровне. Создание интегрированного сообщества постсоветских государств — необходимая опора для России и фактор укрепления ее экономического могущества. Постсоветские государства — наиболее реальные союзники России. У наших стран много общего. Не только советское прошлое, но и необходимость согласованного решения многих социально-экономических проблем для соседствующих территорий. Есть мнение, согласно которому международная экономическая интеграция на постсоветском пространстве нужна лишь России для утверждения своих имперских амбиций и создания «нового издания» СССР. Другие постсоветские страны не хотят включаться в интеграцию с Россией, дабы не потерять национальный суверенитет. Этот факт, безусловно, имел место. Политические элиты постсоветских стран, особенно в первые годы обретения независимости, были настроены антироссийски. Но по мере реализации самостоятельной политики во всех областях общественной жизни приходило осознание того, что без тесных, добрососедских отношений с Россией этим странам сложно будет добиться каких-либо успехов.

Россия в первые годы после распада СССР и образования самостоятельных государств не предпринимала никаких серьезных усилий по налаживанию контактов с бывшими советскими республиками. Прежнее руководство России смотрело на соседние государства как бы «поверх голов», устремляя свой взор на Запад. Внешнеполитическая доктрина президента Б.Н. Ельцина была «заточена» на США и Западную Европу. Более того, основные внешнеполитические шаги согласовывались с администрацией США.

В течение 1990-х гг. российское руководство не выработало внятной политики в отношении налаживания тесного экономического

сотрудничества со странами ближнего зарубежья. Эти страны были предоставлены самим себе. Поэтому на постсоветском пространстве сразу же появились субъекты, очень заинтересованные в данной территории. Они объявили постсоветское пространство зоной своих интересов, ослабляя тем самым влияние России на евразийское пространство. Достаточно упомянуть организацию ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдавия), созданную по наущению США в пику интересам России. Упомянем также Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), которая была создана по инициативе и при активном участии Китая. Ее задача — обеспечение китайского влияния в регионе Центральной Азии.

Лишь в самом конце 1990-х гг. руководство страны немного встрепенулось и реализовало ряд инициатив по налаживанию сотрудничества на постсоветском пространстве. В 1999 г. был создан ЕврАзЭС (Экономический союз России, Белоруссии и Казахстана). С 2000 г. действует соглашение о создании союзного государства Россия — Белоруссия. С 1992 г. существует Содружество независимых государств (СНГ). Оно объединяет почти все страны постсоветского пространства, кроме Балтии и Грузии. Но эффективность этой организации остается весьма невысокой.

Экономическое сотрудничество в рамках СНГ в целом развивалось, однако это развитие шло неравномерно и невысокими темпами. Товарооборот России со странами СНГ за период 1995—2007 гг. вырос в 2,8 раза. Доля взаимной торговли в общем объеме внешнеторгового товарооборота стран СНГ практически не росла, а по отдельным странам (Азербайджан, Грузия, Молдавия) сократилась. Можно назвать немало причин, обусловивших создавшееся положение. Но необходимо выделить такую причину, как недостаточное внимание руководителей России и ее политических элит к проблеме разветвления и последовательной реализации интеграционного сотрудничества на евразийском пространстве.

Объективные трудности в развитии экономической интеграции на евразийском пространстве усугублялись невнятной политикой российского руководства, многими довольно неуклюжими действиями в отношении стран СНГ. Те достоинства и преимущества, которые имела Россия, были использованы весьма неудачно. Это в первую очередь огромные энергетические ресурсы России и возможности их экспорта в страны СНГ. Энергоресурсы в структуре экспорта в страны постсоветского пространства занимают доминирующее место. Доля импорта нефтегазовой продукции из России в отдельных странах составляла от 30 до 50%. Но в целом энергетическая политика России по отношению к странам СНГ носила узко коммерческий, эгоистический харак-

тер. Такое положение рождало противоречия и противостояние между Россией и странами СНГ. Российские энергетические компании считали, что в условиях рыночной экономики они должны стремиться реализовать прежде всего свой коммерческий интерес. Например, таким образом вела себя компания «Газпром» — основной поставщик природного газа в страны СНГ. Подобная позиция обусловила не сплочение сотрудничающих стран, а их противостояние.

Это прежде всего касается развития российско-украинских отношений. В течение многих лет «Газпром» поставлял газ на Украину и транзитом — через украинскую территорию — в Европу. Российская сторона диктовала свои ценовые условия поставок, исходя из европейской цены на газ. Объектом серьезных противоречий были условия оплаты за транзит газа, поставляемого в Европу. В этом конфликте нет главного виновника. Определенную лепту в разжигании энергоконфликта внесла и украинская сторона. Украина часто затягивала сроки платежей за полученный газ, требовала повышения оплаты за транзит российского газа в Европу, незаконно отбирала газ из трубопроводной системы, направляемый в Европу. Ценовые противоречия серьезно снизили уровень доверия в экономических и политических отношениях двух стран. Руководители «Газпрома» считали, что продавая газ по европейской цене (420—430 дол. за 1000 м³), они протягивают «братскую руку помощи» украинскому народу. Украина постоянно испытывала трудности в оплате за поставки газа из России. Видя положение полной зависимости украинской экономики от поставок газа из России, руководители «Газпрома» предложили купить активы газотранспортной системы Украины. Указанные факты показывают, что в этих условиях ни о каком продвижении к экономической интеграции речи быть не может.

Необходимо иметь в виду, что факты энергопротивостояния касаются отношений с другими странами. Они имели место в отношениях Белоруссии и России. Здесь также российские энергетики стремились держать преимущество, определяя свои ценовые условия. Если говорить о других примерах энергопротивостояния, то обратим внимание на российско-туркменские отношения. Туркмения богата природным газом. Для пятимиллионного населения страны 60—70 млрд м³ добываемого газа — очень большая величина. Для собственных нужд используется не более 13—15% этого объема. Остальное необходимо экспортировать. В Туркмению еще в советские времена был проложен трубопровод «Средняя Азия — Центр» (САЦ). В стране активно работают российские энергетические компании «Итера», «Газпром», «Лукойл». ОАО «Газпром» имеет соглашение с правительством Туркмении о поставках газа в Россию. Часть этого газа на-

правлялось в нашу страну, часть — на Украину, часть — в Европу транзитом через Украину.

Трубопровод САЦ — единственная транспортная система, дающая возможность Туркмении экспортировать газ. Раз так, то и условия оплаты за него должны быть выгодны прежде всего «Газпрому». Эта цена равнялась 160—180 дол., что в 2,5 раза ниже той, по которой российская компания поставляла газ на Украину и в Европу. Правда, в 2013 г. Россия покупала туркменский газ по 253 дол., но и эта цена значительно ниже европейской.

В апреле 2009 г. на газопроводе САЦ произошла авария. После этого «Газпром» прекратил закупки туркменского газа. Затем поставки были возобновлены, но «Газпром» настоял на значительном сокращении закупок. Сокращение поставок мотивировалось не технологическими неполадками, а чисто коммерческими мотивами. Довольно жесткая позиция «Газпрома» вынудила туркменское правительство искать другие направления экспорта, в обход России. В последние годы Туркмения вела переговоры с Украиной о возможности прямых поставок газа на Украину, причем в больших, чем прежде, масштабах. Китай заявил о готовности покупать туркменский газ в больших объемах. Был построен трубопровод, через который в Китай поставлялось от 15 до 20 млрд м³ в год. В настоящее время Китай, а не Россия, является основным покупателем туркменского газа.

Туркмения нашла еще одного покупателя своего газа — Иран. Следует напомнить, что Иран — государство, добывающее природный газ в объеме более чем 150 млрд м³, т. е. вдвое больше, чем Туркмения. Тем не менее Иран готов импортировать туркменский газ. Таким образом, Туркмения все более отдаляется от России.

Приведенные примеры обусловили торможение интеграционного процесса на постсоветском пространстве. Энергопротивостояние стало мощным фактором разъединения интересов евразийских стран. В особенности это касается отношений России и Украины. В ноябре 2013 г. Украина собиралась полностью отказаться от закупок российского газа, хотя по соглашению обязалась приобрести 11 млрд м³. Украинский премьер-министр Н. Азаров тогда заявил, что Украина может полностью отказаться от импорта газа из России, если действующий контракт и цена на российское топливо не будут пересмотрены [2]. Декабрьский политический кризис (2013) на Украине крайне обострил внутривнутриполитическую ситуацию, когда многочисленные толпы демонстрантов требовали от правительства немедленного подписания договора с ЕС. Однако президент и правительство, учитывая сложную экономическую ситуацию в стране, приняли решение отложить подписание договора с ЕС и обратиться к России за экс-

тренной экономической помощью. Украина тем самым приняла предложение России к более тесному и взаимовыгодному сотрудничеству, которое может быть продолжено в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства евразийских государств. Однако кризис в настоящее время усугубляется.

Удивляет то, что только недавно Президентом и правительством РФ были предприняты серьезные практические меры для привлечения Украины в евразийскую интеграцию. США и Западная Европа в течение многих лет, начиная с «оранжевой революции» 2004 г., усиленно обрабатывали украинское население в духе приверженности западным ценностям, отмечая, что Украина — часть Европы, и она должна ориентироваться на ЕС. Советник президента РФ С.Ю. Глазьев отмечал, что декабрьские события в Киеве объясняются навязчивым желанием США и их партнеров по НАТО в Европе оторвать Украину от России. Причем правительство США затратило не менее 5 млрд дол. на «работу» с населением Украины по «промывке мозгов», по навязыванию русофобских настроений [3]. В этой связи надо бросить упрек российским политическим элитам. Почему они не развешивали соответствующую пропагандистскую работу среди братского украинского народа, который исторически, экономически и культурно связан множеством нитей с российским народом?

Западная Европа не предприняла никаких конкретных шагов для помощи Украине в ее нынешней тяжелой ситуации. Поэтому Россия здесь легко перехватила внешнеполитическую инициативу и предоставила Украине кредит в 15 млрд евро, который был вложен в украинские государственные облигации. Эта сумма достаточна, чтобы покрыть опасные бюджетные дисбалансы и выполнить украинскому правительству основные социальные обязательства перед населением. Кроме того, ОАО «Газпром» существенно снизил цену на поставляемый в Украину газ — с 410 дол. до 268 дол. за 1000 м³ [4]. В конце декабря 2013 г. состоялось заседание российско-украинской межправительственной комиссии, на котором было подписано два десятка соглашений, которые касались развития производственной кооперации в космосе, нефтехимии, транспортном машиностроении, авиастроении, пищевой промышленности, информационных технологий и др. Однако в настоящее время эти договоренности находятся под угрозой срыва.

Тем не менее, Россия и Украина обладают огромным потенциалом для взаимовыгодного экономического сотрудничества. Кооперационные связи, налаженные еще во времена СССР, оказались не совсем утраченными. Эффект возобновления производственной кооперации российских и украинских предприятий, например, только

в металлообработке позволит увеличить двум странам объем выпускаемой продукции почти вдвое. Россия крайне заинтересована в участии Украины в Таможенном союзе, а затем и в ЕЭП. Подключение Украины к ЕЭП усилит экономический эффект интеграционного сотрудничества в 1,5 раза. Объем товарооборота стран Таможенного союза к 2015 г. возрастет до 400 млрд дол., а в случае присоединения Украины — до 733 млрд дол. Украина получит возможность свободной реализации своей продукции в рамках Таможенного союза. Это в свою очередь обеспечит прибавку к ВВП страны на уровне 3—4% в год. Немалый эффект от евразийской интеграции получит и Россия. Ее товары обрабатывающих отраслей получают сбыт на рынках стран-партнеров. В послании

Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ 12 декабря 2013 г. отмечалось: «Наш интеграционный проект основан на равноправии, на реальных экономических интересах. Будем последовательно продвигать евразийский процесс, не противопоставляя его другим интеграционным проектам» [5].

Литература

1. Ведомости. 2013. 25 нояб.
2. РБК-daily. 2013. 12 нояб.
3. Российская газета. 2013. 20 дек.
4. Российская газета. 2013. 31 дек.
5. Российская газета. 2013. 13 дек.

Т.В. РЕЗАНОВА

Верификация теории органического строения капитала

Аннотация. Идентифицируются теория органического строения капитала и ее связь с современной НТР и интеллект-революцией, в ходе которых изменяются социокультурные основания экономической науки.

Ключевые слова: органическое строение капитала, добавленная стоимость, организационный капитал, человеческий капитал, интеллект.

Abstract. Identified organic composition of capital theory and its relationship to modern STR and intelligence-revolution, during which changed socio-cultural foundation of economic science.

Keywords: organic composition of capital, value added, organizational capital, human capital, intelligence.

Идентификация связей в науке, если последовательно применять ее ко всем изменениям в природе, обществе и человеке, превращается в историческое изображение этих изменений. Другими словами, те изменения, которые происходят одно за другим в процессе воспроизводства всей человеческой жизни, надо рассматривать с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии оно проходило, и с точки зрения его развития смотреть — чем данное явление стало теперь.

Из истории политэкономии известно, что в процессе капиталистического производства спрос на труд и фонд существования работников увеличивается тем быстрее, чем быстрее растет капитал. А поэтому может наступить и такой момент, когда спрос на труд будет превышать предложение труда и результатом станет повышение заработной платы. Это происходит, если строение используемого капитала (капитал/труд) остается неизменным. В то же время общественная форма организации процесса труда есть употребляемый капиталом способ выгоднее эксплуатировать этот процесс посредством повышения его производительной силы.

В этом смысле, капитал как средство труда (производства) становится конкурентом самого работника. Самовозрастание капитала при помощи механизированных средств производства (Сп) разрушает условия существования рабочих, машины делают весь рабочий класс излишним населением. Развитие же автоматической системы производства и управления им усиливает конкуренцию между человеком и машиной, что сокращает рабочий день и повышает производительность труда. Следовательно, применение машин порабощает человека силами природы. Однако это зависит не от самих машин, а от способа их применения [1, 438—448].

В отличие от Бартона, Рикардо, Сисмонди, Ричарда, Джонса, К. Маркс при анализе капиталистического способа производства использовал органическое строение капитала, характерное не для сферы обращения, а для сферы производства, воспроизводства стоимости и капитала.

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс пишет, что, когда речь идет об органическом строении производительного капитала, то под этим подразумевается технологическое строение, и понятие органического строения капитала можно сформулировать как различное соотношение, в котором в разных отраслях производства нужно затратить постоянный капитал, чтобы поглотить одну и ту же массу труда [2, 639—648].

В 3-м томе «Капитала» (1894) определение органического строения капитала дополнено Ф. Энгельсом. Здесь уточняется, что «стоимостное строение капитала, поскольку оно определяется его

техническим строением и отражает в себе изменения технического строения, мы называем органическим строением капитала» [3, 158].

Стоимостное строение капитала у Маркса функционирует в абстрактном виде, в отличие от стоимостного строения c и v в форме цен, и способно лучше отражать состояние технического строения капитала в какие-то сравнимые периоды времени. Во-вторых, использование органического строения капитала в анализе количественных изменений, происходящих в экономических явлениях в определенном времени, позволяет выделить общие закономерности в их развитии и абстрагироваться от случайных отклонений, порождаемых колебанием цен.

Поскольку цена есть денежное выражение стоимости, а сумма цен в масштабе общества равна сумме стоимостей, органическим строением капитала может быть и стоимостное строение ($c : v$, или современное отношение капитал/труд, k/l) в форме цен. С помощью такого объяснения Маркс показал противоречивость исторического процесса возрастания массы прибыли и тенденции нормы прибыли к понижению.

В самом деле, несмотря на то, что норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости, в действительности прибавочная стоимость и прибыль — одно и то же и равны также в числовом выражении, тем не менее прибыль есть превращенная (денежная) форма прибавочной стоимости, форма, в которой ее происхождение и тайна ее бытия замаскированы и скрыты. И чем дальше прослеживается процесс кругооборота капитала, процесс увеличения его стоимости, тем более мистифицируются капиталистические отношения между трудом и капиталом и тем менее раскрывается тайна органического строения капитала ($c : v$).

Стоимость денег, оборот капитала в различных его формах, производительность труда определенно воздействуют на величину стоимости ($c+v+m$). Их числовые значения меняются, из чего могут быть выведены законы, касающиеся нормы прибыли. Норма прибыли определяется двумя главными факторами: нормой прибавочной стоимости и стоимостным строением капитала. Раз прибавочная стоимость (m) дана, норма прибыли может быть увеличена только путем уменьшения стоимости постоянного капитала, необходимого для производства. Стоимость постоянного капитала (c) переносится живым трудом рабочих ($v+m$) в процессе производства на стоимость товаров, и значение приобретает не меновая стоимость постоянного капитала, а исключительно его потребительная стоимость. Механические и химические изобретения, повышающие потребительную стоимость постоянного капитала, могут быть применены только при производстве,

организованном в крупном масштабе. Вследствие чего, как бы сказали экономисты-неоклассики, образуется эффект масштаба, т. е. при определенном объеме производства средние совокупные издержки минимальны.

Иначе обстоит дело с сырьем, стоимость которого включается в стоимость постоянного капитала как материальные затраты. Если цена сырья возрастает, становится невозможным (после вычета заработной платы) полностью возместить ее из стоимости товаров. Поэтому сильные колебания цен на сырье вызывают перерывы, крупные кризисы и даже катастрофы в процессе воспроизводства стоимости капитала (шоки). Количество растительного и животного сырья, производство которого подчинено определенным органическим законам самой природы, не может быть внезапно увеличено так, как, например, количество технического состава основного капитала. Расширение промышленного производства и спрос на рабочих сталкиваются с нехваткой сырья.

В то же время накопление капитала усиливается вследствие роста числа эксплуатируемых работников. Величина накопления — независимая переменная величина, а величина заработной платы — зависимая, а не наоборот. Спрос на труд не пропорционален накоплению. Чем значительнее повышение органического строения капитала, т. е. чем быстрее растет постоянный капитал по отношению к переменному, тем меньше спрос на добавочный труд. Особенно это дает себя знать при значительных технических изобретениях и усовершенствованиях уже имеющихся орудий труда, т. е. когда имеет место ускоренный моральный износ постоянного капитала.

При дальнейшем упрощении, эта логическая абстрактная концепция общественного воспроизводства К. Маркса дополнилась двумя существенными абстрактными конкретностями. Во-первых, самовозрастание капитала в реальном производстве стоимости товаров является организованным процессом воспроизводства стоимости этого капитала и организованным процессом управления этим капиталом со стороны его функционально-институциональной формы, представленной предпринимательской деятельностью и менеджментом фирмы. Во-вторых, знаменитый закон снижения нормы прибыли свидетельствует о том, что норма прибыли изменяется обратно пропорционально органическому строению капитала и прямо пропорционально норме прибавочной стоимости (ценности). Прибыль как превращенная форма прибавочной стоимости, в расчете на одного работающего, не может возрастать беспредельно. Сложные технологии, отражающие процесс роста капитало- и инновационно-ориентированных инноваций и одновременно трудосберегающих инноваций, внедряются по мере того как растущая заработная плата

(например, вследствие действий профсоюзов) начинает трансгрессию на прибыль, поедая ее. В то же время капиталосберегающие нововведения, как правило, происходят при внедрении в производство результатов НТП. Новый технико-технологический уровень производства и быстрый рост производительности труда в отдельных отраслях, производящих средства производства и потребительские товары, вытесняют в данном случае общественный характер производственных связей и их экономический прогресс в исторической (долгосрочной) перспективе⁶. Таким образом, закон тенденции нормы прибыли к понижению, выводимый из органического строения капитала, в экономической теории превращается в псевдопроблему, провоцирующую гипотезу, в некотором роде плодотворную для выяснения причинно-следственных связей в составе капитала, распределяющегося на постоянный капитал (*c*) и переменный капитал (*v*); основной и оборотный [4, 226—230].

Актуальным становится исследование производственной функции, где трудосберегающий технологический прогресс — тип технологического прогресса, который повышает производственные возможности фирмы и ведет к улучшению качества рабочей силы, выражающееся в росте числа эффективных единиц труда при неизменном количестве работников. Кроме того, технические качества, мастерство, применяемое ежедневно бизнесменами, не ориентированы не на некую отдельную отрасль, а раскрывают, прежде всего, индивидуальный предпринимательский талант. К этим качествам можно отнести: рассудительность, ловкость, изобретательность, точность, целеустремленность. От умения распоряжаться капиталом зависят как спрос, так и предложение предпринимательского таланта. Цена предложения предпринимательской способности состоит из трех элементов. Первый — это цена предложения капитала; второй — цена предложения предпринимательской способности и энергии; третий — цена предложения той организации, которая соединяет в технологическом процессе воедино предпринимательскую способность и требующийся капитал. Цена, образуемая первым из этих элементов, может быть названа процентом, цену второго элемента, выделенного отдельно, можно назвать чистым доходом от управления капиталом. Значительную часть этого таланта — капитала — составляют знания и организация технологического производства товаров и услуг. Знания позволяют подчинять человеку природу и заставляют ее силы удовлетворять его потребности. Различие

⁶ По этой причине вопрос об историческом развитии теории органического строения капитала в отечественной литературе подробно не рассматривался и не исследовался в политэкономии социализма.

между государственной и частной собственностью в сфере знания и организации производственного процесса (производственной функции) развилось до такого уровня, что иногда самым целесообразным представляется выделить организацию в особый фактор производства [5, 208—213].

В современной экономике, где обостряется связь между производством и потреблением, если рассматривать ее как с точки зрения воспроизводства товаров, работ и услуг, так и с геополитической точки зрения, то выясняются главные проблемы.

Во-первых, обостряется проблема экономической власти, а, стало быть, и проблема управления экономикой в условиях глобализации предпринимательской деятельности и бизнес-процессов. Во-вторых, что обнаруживает институциональная теория, необходим жесткий государственный контроль над экономикой, в которой преобладает частная собственность на капитал. В этих условиях организация рыночных институтов экономики приобретает тот смысл, что группа людей — новых предпринимателей, объединенных общей программой, общей целью и задачей, вынуждена приспосабливаться к общественным социально-экономическим изменениям. В то же время, новая теория организации предпринимательской деятельности должна исследовать старую проблему — проблему увеличения стоимости, извлекаемой современной организацией из имеющегося у нее интеллектуального капитала, для чего необходимо управлять и потоками знаний, распространяющимися в процессе обмена между капиталами различного вида. При этом происходит диверсификация видов экономической деятельности.

В частности, человеческий капитал понимается как способность креативных индивидов и команд удовлетворять потребности клиентов. Иначе говоря, человеческий капитал — это накопленные инвестиции в образование и обучение людей в процессе работы и оказания услуг различного вида. Категория «человеческий капитал» подразумевает прежде всего направленность на устойчивое социально-экономическое развитие новой организации. На микроэкономическом уровне человеческий капитал используется для получения и инвестирования прибыли как источника дальнейшего развития предприятия (фирмы) с целью поддержания и увеличения доходов в будущем.

В связи с этим в «Отчете по человеческому развитию: новые измерения безопасности человека» (Программа ООН) указывалось, что измерение ценности жизни человека только результатами его труда в соответствии с концепцией «человеческого капитала» связано с очевидными опасностями; парадигма человеческого капитала исключает понимание людей только как человеческого капитала. Экономи-

ческое развитие в условиях знания всем обществом технико-технологических процессов производственной функции обязательно предполагает человеческое и социальное измерение каждого индивидуума.

Однако производственная функция «человеческих активов» по-прежнему выражает зависимость между различными комбинациями материальных ресурсов и трудовых усилий, необходимых для воспитания и образования работника. Далее идет распределение в виде различных форм и видов экономической деятельности с целью определения и денежной оценки трудового вклада, добавленной стоимости, создаваемой квалифицированными работниками фирмы. Такое распределение ограничено, так как производственная функция с увеличением количества используемых ресурсов (труда и капитала) характеризуется убывающей эффективностью.

Соответственно более сложным должен стать процесс ценообразования рабочей силы («капитала труд») как своеобразного товара на современном рынке труда. В новой теории организации труда и заработной платы обосновывается необходимость учитывать не только образование, квалификацию и опыт, но и новаторские способности, предприимчивость, инициативность, способность к социализации, здоровье и другие параметры качества жизни работников, которые рекомендуются оплачивать. Следовательно, дальнейшая диверсификация видов экономической деятельности и дифференциация трудового вклада в производство добавленной стоимости потребуют совершенствование социально-экономических институтов стабилизации экономики (гибкая налоговая система, трансферты, специальные меры поддержки лиц с пониженной конкурентоспособностью на рынке труда и др.), в противном случае конфликты в обществе неизбежны. Творческие способности и возможности экономического роста и развития отдельных новых организаций и креативных индивидов могут вступать в противоречие с социальными мерами правительства. В таких условиях качество управления социально-экономическими процессами в обществе должно профессионально возрасти на основе совершенствования новой концепции-парадигмы «человеческого капитала» — «интеллектуального капитала»⁷. Но при этом не надо забывать, что если мы вернемся к оп-

⁷ Интеллект — работающее через разум сознание, сильный и подготовленный интеллект может дать интеллектуала, а интеллектуал может выдать интеллект — как саму работу интеллекта, так и результат этой работы (слово, расчет, модель, программу). Интеллект имеет возможность самосуществования — как в человеке, так и вне его. Имеет место феномен коллективного и общественного интеллекта, феномен сетевого образца интеллектуальная сис-

ределению капитала вообще, без прилагательных слов, то увидим, что капитал — это стоимость, приносящая прибавочную стоимость, или самовозрастающая стоимость на величину добавленной стоимости, которая измеряет валовой внутренний продукт (ВВП).

Поскольку в компьютерных сетях капитал рассматривается как процессный, процесс производства стоимости капитала, по Марксу, то речь идет не о частностях, но о вещах фундаментальных, касающихся самых общих оснований современной экономической теории. По мнению ее критиков, экономическая теория потеряла главную свою способность — на основе экономических знаний объяснять новые экономические явления, разгадывать «головоломки» экономики (прежде всего связанные с современными глобальными финансово-экономическими кризисами). Экономисты-теоретики не могут объяснить неравновесное, аномальное, состояние экономики, а также, почему современная экономическая теория утратила способность прогнозировать экономическое развитие. Иначе говоря, современная экономическая теория не имеет методологических и парадигмальных оснований, что и воспринимается ее критиками как кризисное состояние самой экономической теории. Поэтому экономисты-интеллектуалы должны поставить вопрос о «нормальной» экономической парадигме, об экономических фактах и явлениях, которые могут быть исследованы в современной экономической науке без отторжения уже имеющимися экономическими знаниями. Вместе с тем стал необходимым и вопрос о парадигмальных предпосылках и установках, которые могут рассматриваться в качестве альтернативных и конкурирующих со старыми теориями. Очевидно, в таком случае, экономические знания понимаются как информационно-энергетический композит интеллектуала, закрепленный в его сознании, используемый им и им же воспроизводимый. В связи с всеобщей интеллектуализацией ставится и более глобальный вопрос, относящийся к тому, что не все знания, которыми располагает, руководствуется, и управляется человечество, являются верифицируемыми как истинные и эволюционные [7, 28—37].

В современном мире экономических знаний непосредственным поводом появления философских основ методологии экономической теории стала необходимость осмысления усложняющегося социокультурного бытия человека в XXI в., предполагающего окончательную смену индивидуализированного экономического общества постинформационным, постиндустриальным, что изменяет системы экономической деятельности, адаптации и выживания человека в новых условиях. В этом контексте во-

тема, феномен надчеловеческого интеллекта, берущего кураторство над собственно человеческим интеллектом, феномен интеллект-революции [6, 5].

прос нужно поставить следующим образом: «Если мы говорим о видах социальных организмов как о цивилизациях, то недостаточно рассмотреть лишь как организована их экономическая жизнь. Нужно саму экономическую жизнь понять с точки зрения доминирующих культурно-генетических кодов, неизменных ценностей, соответствующих цивилизации» [8, 18].

Разумеется, все это предполагает изучение философских смыслов любого социально-экономического учения в истории его развития. Так, например, Т.Ю. Яковец, ведущий научный сотрудник Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, в статье «О движущих силах общественного развития» рассматривает материальное развитие общества как научно-технический прогресс, культурный и исторический процессы. Материальная составляющая движущих сил общественного развития находится под воздействием законов материального мира и подвержена циклическим колебаниям. Прежде всего она подвержена циклическим колебаниям деловой активности субъектов экономики. Каждый этап научно-технического прогресса начинается с изменений в общественном сознании — системе социокультурных ценностей. Возникает новый взгляд на человека, природу, общество. Происходит накопление в «мировом банке знаний». При создании определенных условий в организации общественного производства эти знания превращаются в инновации. Под влиянием инноваций научно-технический прогресс переходит на новый уровень. Такие уровни НТП в индустриальную эпоху С.Ю. Глазьев назвал технологическими укладами (ТУ), каждый из которых соответствует длинному циклу экономической конъюнктуры, открытому Н.Д. Кондратьевым (Кондратьевскому циклу). При внедрении нового технологического уклада общество переходит на новый уровень своего бытия, что и отражается на состоянии его сознания. Новые технико-технологические условия создают материальные основы для появления новых систем социокультурных-экономических ценностей⁸ [9, 25—30].

В ходе институционального становления и развития новых систем социокультурного бытия могут проявляться и обостряться противоречия не только между трудом и капиталом, но и обществом, капиталом и природой, капиталом и государством. Следовательно, в

⁸ В настоящий момент общество переходит на новый шестой технологический уклад — к виртуальной системе социокультурных ценностей. Все началось с фотографий — технических картин. Затем появились киноэкран и телеэкран. Виртуальный мир стал отрываться от реального. Непосредственные и отдаленные социальные последствия таких изменений до сих пор в полной мере не осознаны не только широкой общественностью, но и многими хозяйственными руководителями и даже учеными.

государственной экономической политике должна использоваться система экономической координации, в которой реализуется механизм согласования интересов бизнеса и целей развития общества.

Современный механизм регулирования отношений между трудом и капиталом сложился в рамках реальной так называемой политики доходов, активно применяемой правительством западных стран в 1970 — начале 1980-х гг. В ее основе лежит принцип параллельного использования мер государственного контроля за ростом цен и зарплаты. Целью политики доходов явилась разработка мер по стимулированию платежеспособного спроса и борьба с побочным эффектом — растущей инфляцией. В связи с этим, можно отметить, что зависимость между инфляцией и безработицей исследована А. Филлипсом.

По этому поводу современный экономист Н. Портер, часто цитируемый в отечественной литературе, отмечает, что политические решения, направленные на замедление роста зарплаты, часто оказываются ошибочными. Следует допустить рост зарплаты, идущий в ногу с производительностью труда или слегка опережающий его. Это создает благотворные стимулы к поиску более передовых источников конкурентного преимущества и ведению конкуренции в отраслях и сегментах с производством более сложного технико-технологического характера. Рост зарплаты ведет к повышению покупательной способности, направленной на приобретение товаров большего количества и более высокого качества [10].

Таким образом, история развития социально-экономических ценностей свидетельствует о том, что одни и те же технические средства могут быть использованы для достижения различных, нередко прямо противоположных социально-политических и экономических целей, зависящих от общественных условий в которых они применяются. Научно-техническая революция привела к резкому возрастанию в экономической деятельности людей роли овеществленного труда, воплощенному в технико-технологических инновациях. В условиях глобальной модернизации экономики отдельный человек и человечество в целом не в силах сопротивляться технико-технологическим возможностям современной цивилизации и вынуждены приспосабливаться к ним. Это и создает крайне серьезную угрозу в глобальном масштабе для западной цивилизации с ее социально-экономическими и политическими целями и ценностями [11, 96—116].

Литература

1. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М., 1978.

2. *Маркс К.* Капитал. Теории прибавочной стоимости. Т. 4. Ч. II. М., 1978.
3. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Ч. I. М., 1978.
4. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
5. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. 1. М., 1993.
6. XXI век: интеллект-революция // Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.; Киев, 2012.
7. *Королев В.К.* Философия хозяйства как метапарадигма современной экономической теории: проблемы методологии // Философия хозяйства. 2012. № 2.
8. *Степин В.С.* Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2.
9. *Яковец Т.Ю.* О движущих силах общественного развития // Философия хозяйства. 2012. № 4.
10. *Портер М.* Международная конкуренция. М., 1993.
11. *Араб-Оглы Э.А.* Обозримое будущее: Социальные последствия НТР: год 2000. М., 1986.

Е.В. КУПЧИШИНА

**Программно-целевое планирование в контексте
экономического развития**

Аннотация. В условиях экономической нестабильности возрастает актуальность программно-целевого планирования как механизма регулирования процессов хозяйственной системы. Целью данной работы является определение его роли в экономическом развитии, а также основных направлений его совершенствования. В статье анализируется как отечественный, так и зарубежный опыт применения данного подхода в государственной политике, а также выявляются характеристики, способствующие либо, наоборот, негативно сказывающиеся на процессах хозяйствования.

Ключевые слова: программно-целевое планирование, национальная программа, экономическое развитие, приоритеты, стратегия развития.

Abstract. In the conditions of economic instability there has been a growing significance for goal management as a mechanism of regulation of economic processes. The purpose of this article is to define its impact on

the economic development and identify the key ways of its improvement. This work analyses goal management implementation in national economic policy, as well as the foreign experience of its usage, and highlights key positive and negative effects of this mechanism on the processes of economic system.

Keywords: goal management, national program, economic development, priorities, development strategy.

В настоящий момент нестабильность внешнеэкономической конъюнктуры, а также внутренние условия, характерные для отечественной хозяйственной системы, все более остро ставят вопрос о переходе от модели экстенсивного экономического роста к интенсивному. В соответствии с этим программно-целевое планирование может рассматриваться как инструмент реализации государственной экономической политики, способствующий нейтрализации воздействия кризиса на национальное хозяйство. Следует отметить, что на современном этапе своего развития подход не лишен недостатков, проявляющихся как в отечественной, так и в зарубежной практике, что требует выявления направлений его совершенствования как предпосылок формирования благоприятных условий экономического развития.

Программно-целевое планирование представляет собой комплекс мер, действий, ориентированный на реализацию предварительно определенных целей, достижение которых обеспечивается посредством задействования ресурсов хозяйственной системы. Одним из преимуществ программно-целевого управления является возможность упрощения реализации сложных, комплексных задач экономического развития [1, 28; 2, 43;]. При этом реализация мер государственной политики подразумевает прежде всего четкое целеполагание, а также согласованность целей различных уровней — от национальных приоритетов до более частных задач регионального развития. В связи с этим первичным для формирования системы программно-целевого планирования является процесс определения целей развития, результаты которого принимаются за исходные данные для выбора конкретных сценариев [3, 77]. В свою очередь, на практике процесс осуществления целей исходит из программ действий по решению проблем, препятствующих экономическому прогрессу.

Вышеуказанные особенности программно-целевого планирования послужили основанием актуальности его применения в экономической политике множества государств. При этом «первопроходцами» стали такие страны, как США, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, а также Швеция. Данный подход, со временем изменяющийся в силу необходимости обеспечения стабильности экономических про-

цессов и наделенный особенностями конкретных хозяйственных систем, не теряет своей значимости и поныне.

В свете особенностей российской хозяйственной системы, в частности, степени дифференциации регионов по темпам их развития, показателен опыт применения программно-целевого подхода правительством Канады, где бюджетное планирование проводится в рамках установленного пятилетнего плана. Министерства каждый год разрабатывают стратегические и оперативные планы, при этом первые содержат цели и альтернативные способы их реализации, а существующие программы подвергаются оценке и корректировке. В свою очередь, в оперативных планах указываются данные о способах достижения поставленных целей, ежегодные оценки прибыли и расходов бюджетных средств по отдельным программам и видам деятельности, методы оценки эффективности деятельности министерств, а также данные прогнозов изменения объемов соответствующих расходов и доходов [4, 224—226].

Среди преимуществ программно-целевого подхода также выделяется его способность адаптироваться к изменяющимся условиям экономической конъюнктуры ввиду гибкости в управлении действиями — составляющими программ, а также изменению приоритетов и преобразованию самих целей на протяжении всего процесса реализации тех или иных национальных программ и контроля исполнения их ключевых параметров.

Следует отметить, что в ходе практики был выявлен ряд следующих недостатков программно-целевого подхода

1. Проблемы методологического характера, обусловленные пробелами в терминологическом аппарате, характеризующем формирование и осуществление программ экономического развития, а также отсутствием «конвенционалистского» взгляда на компоненты подхода, что в реальности нередко проявляется в его «подгонке» к существующим методам планирования.

2. Вероятность возникновения рассогласованности между составляющими системы программно-целевого планирования и факторами, препятствующими экономическому развитию. Противоречия могут касаться, в частности, несоответствия значимости целевых программ необходимым для ее реализации ресурсам, отсутствия механизма координации субъектов, принимающих участие в их реализации.

3. Отсутствие адекватных реальным условиям национальной экономики методов оценки эффективности реализации программ. Недостаточная обоснованность приоритетов зачастую приводит к искаженному пониманию существующей проблемы экономического раз-

вития и, как следствие, оставляет необходимость формирования той или иной программы под вопросом. Конкретность, определенность целей оказывает существенное влияние на успешность программно-целевого управления экономическим развитием. Во многом вышеуказанный недостаток усугубляется ограничением возможности формализовать результаты применения данного инструмента экономической политики ввиду отсутствия систематизации соответствующих информационных ресурсов.

4. Риск ошибочного суждения о значимости проблемы развития, что в перспективе, в процессе осуществления комплекса мероприятий, может привести к непоправимому ущербу.

Подверженность параметров хозяйственной системы изменениям в процессе совершенствования программно-целевого подхода нашла отражение, в частности, в государственной политике Канады. В 2013 г. правительство страны разработало и осуществляет Федеральную стратегию устойчивого развития на 2013—2016 гг. (The 2013—2016 Federal Sustainable Development Strategy), выступающую логическим продолжением системы программных мероприятий, разработанной в 2010 г.

Так, в рамках реализации Агентством экономического развития Канады для регионов Квебека программы «Развитие бизнеса» в период 2011—2013 гг., несмотря на уменьшение количества поддерживаемых им проектов, удалось осуществить меры государственной поддержки тех предприятий, деятельность которых способствовала формированию условий устойчивого развития. Соответствующие показатели, а также достигнутые в рамках программы цели представлены в табл. 1.

В результате анализа реализации мер правительство дополнило имеющиеся приоритеты развития новыми, а именно: снижением негативного воздействия изменения климата на отдельных экономических агентов, регионы, секторы экономики посредством предоставления и совершенствования информационных ресурсов и инструментов их обработки; поддержанием стабильности или повышением уровня биоразнообразия и производительности среды обитания к 2020 г. Посредством внесения коррективов правительство Канады создает предпосылки для взаимодействия государства (в лице федеральных агентств и ведомств) и негосударственных организаций [6].

Таблица 1

**Результаты реализации государственной программы
«Развитие бизнеса» (2011—2013) в рамках Федеральной
стратегии устойчивого развития Канады**

Показатель эффективности	Цель	Эффективность, значение	Вклад в достижение целей Федеральной стратегии
Количество предприятий, повышающих уровень эффективности своей деятельности в перспективе устойчивого развития	Поддержать существующий уровень или увеличить количество проектов и объем налоговых отчислений	Уменьшение количества проектов: • 33 проекта (2012—2013); • 44 проекта (2011—2012). Уменьшение налоговых отчислений: • 8,3 млн дол. (2012—2013); • 13,7 млн дол. (2011—2012)	1. Смягчение последствий изменения климата. 2. Снижение уровня загрязнения воздуха

Источник: [5—9].

В свою очередь, практика программно-целевого планирования в Российской Федерации, возобновившись с принятием в 2004 г. постановления правительства РФ № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов», была тесно связана с проведением бюджетной реформы, в том числе посредством внедрения в практику экономической политики среднесрочного и долгосрочного планирования. Среди основных проблем, присущих современному этапу его практического осуществления, выделяются затруднения в оценке показателей эффективности использования бюджетных средств; а также отсутствие эффективной системы мониторинга и контроля за результатами реализации целевых программ. В настоящий момент подчеркивается необходимость перехода на долгосрочное прогнозирование, позволяющего более четко обосновывать показатели среднесрочных прогнозов. Кроме того, наблюдается тенденция ориентации результатов управления государственными финансами на конечного потребителя, в связи с чем формируются предпосылки перевода государственных расходов на программно-целевые принципы [7].

В итоге важно отметить, что программно-целевое планирование как инструмент государственного регулирования хозяйственной системы способствует ее сбалансированному развитию посредством нивелирования различий в темпах развития отдельных ее составляющих. Переход к программному бюджету открывает возможности повышения гибкости в управлении бюджетными ресурсами.

Роль программно-целевого управления проявляется в следующем:

- повышении эффективности и прозрачности расходования бюджетных средств;
- систематизации целей экономической политики государства с последующей выработкой рекомендаций, применимых в деятельности негосударственного сектора хозяйственной системы;
- возможности выделения преимуществ хозяйственной системы, а также факторов, противодействующих ее развитию;
- формировании предпосылок создания механизма взаимодействия государства и негосударственного сектора и координации их деятельности в процессе реализации приоритетных направлений экономического развития.

Предполагается возможным выделить ряд основных направлений развития рассматриваемого подхода:

- взаимосвязка целей федеральных целевых программ, формирование государственных программ по принципу единства и однозначности планируемых результатов и объемов финансирования;
- координация мер экономического развития и государственной бюджетной политики;
- формирование системы оценки эффективности расходования средств бюджета и выделение приоритетных направлений расходования, а также механизмов повышения бюджетной эффективности реализации приоритетов экономического развития;
- формирование долгосрочной бюджетной стратегии, учитывающей взаимосвязь предельных объемов расходования бюджетных средств и прогнозов бюджетных параметров;
- повышение осведомленности общественности о реализации целевых программ, формирование механизмов обратной связи с целью дальнейшей корректировки макроэкономических планов развития путем предоставления возможности мониторинга информации о достигнутых результатах со стороны населения, что активно применяется, в частности, в канадской практике реализации программ [6].

Роль программно-целевого управления, помимо ориентирования ресурсов хозяйственной системы на решение существующих в ней проблем и возможности контроля эффективности его реализации в силу перераспределения ответственности между субъектами, реали-

зующими меры экономической политики, также проявляется в возможности создания условий взаимодействия государства и негосударственного сектора национальной экономики. Как показал проведенный в статье анализ опыта программно-целевого планирования, в ходе взаимодействия корректируется не только стратегия развития. Результаты применения данного подхода оказывают влияние и непосредственно на теорию планирования, способную предоставить новые модели экономического развития с учетом изменений, происходящих в процессе адаптации системы планирования к существующей экономической конъюнктуре.

Литература

1. *Кочкаров Р.А.* Целевые программы: инструментальная поддержка. М., 2007.
2. *Сидорина И.Ф.* Целевые программы как инструмент программно-целевого бюджетирования. Иваново, 2011.
3. *Самофалова Е.В.* Государственное регулирование национальной экономики: Учеб. пособ. М., 2007.
4. *Марусова О.А.* Зарубежный опыт программно-целевого планирования бюджетных расходов // Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: ресурсы и технологии модернизации: Сбор. матер. VII Международной научно-практической конференции / Под ред. Т.С. Болховитиной. Брянск, 2011.
5. Departmental Sustainable Development Strategy: Performance Report 2012—13 // Economic Development Agency of Canada for the Regions of Quebec. 2013.
6. Government of Canada Releases the 2013—2016 Federal Sustainable Development Strategy // http://www.municipalinfonet.com/news_detail.asp?ID=458272 (дата обращения 27.12.2013).
7. *Сапронова Ю.* Дмитрий Медведев утвердил госпрограмму по управлению финансами // Коммерсантъ. 2013. 29 июня.

М.Ю. ЗЫРЯНОВ

**Развитие стандартов корпоративного управления
в российской правовой системе в контексте
философии хозяйства**

Аннотация. В статье приводятся выводы междисциплинарного исследования на пересечении юриспруденции, экономики и философии. Рамочной концепцией выступает социальный анализ предпри-

нимательской деятельности. Сейчас лейтмотивом развития предпринимательского права является акцент на социальных аспектах. Обосновывается тесная связь мировоззренческих и прикладных аспектов в сфере корпоративного управления. Внимание акцентируется на практике реализации кодекса корпоративного поведения (управления).

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, предпринимательское право, бизнес, философия, деловая этика, экономика, право, социальный анализ, корпоративное управление, кодекс корпоративного управления.

Abstract. The article summarizes the findings of interdisciplinary research at the intersection of law, economics and philosophy. Social analysis of entrepreneurial activity serves as framework concept. Now keynote development of business law is the emphasis on the social aspects. Close connection of world outlook and applied aspects in corporate governance is proved. Emphasis is placed on the practical implementation of the Corporate Governance Code.

Keywords: business activity, business law, business, philosophy, business ethics, economy, law, social analysis, corporate governance, Corporate Governance Code.

В рамках обозначенной темы исследования акцентируем внимание на вопросах *корпоративного управления и деловой этики*, при этом используя философскую методологию и категориальный аппарат. Тема эта целиком, на наш взгляд, располагается в рамках права и экономики. Отметим здесь, что предпринимательское право абсолютно не состоятельно без экономики.

В России уже давно принят кодекс корпоративного поведения — ныне кодекс корпоративного управления. Его положения — по сути рекомендательные и этические, однако они реализуются в российском законодательстве. И новый кодекс корпоративного управления принимается потому, что положения из прежнего кодекса практически полностью реализовались в Гражданском кодексе, в каких-то небольших законодательных актах, к примеру, в законах об акционерных обществах и т. д. Суть же в том, что бизнес, особенно крупный, после осознания трудных 1990-х гг., приходит к выводу, что этика бизнеса необходима и что так дальше бизнес строить нельзя, нужно выработать новые этические стандарты — и это будет и прибыльнее, и выгоднее в экономическом смысле. Однако стоит разобраться, откуда эти стандарты к нам приходят — по сути это те же Евросоюз, Европа, ОЭСР, (The Organisation for Economic Co-operation and Development).

Конечно, есть и другие нормативные акты: Глобальный договор ООН (знаменитые десять принципов), участники которого в рамках частно-государственной инициативы стараются легитимировать бизнес в рамках общества — социально легитимировать. И сейчас предпринимательское право социализируется, оно уже не замыкается в себе, не может далее оставаться вещью в себе, все больше включает социальных моментов. Проходит дискуссия о знаменитом, многими критикуемом определении предпринимательской деятельности, которое дается в первых статьях Гражданского кодекса, ведь цель бизнеса — не только получение прибыли, но и удовлетворение общественных, социальных потребностей и лишь после этого получение прибыли и все остальное. Но и другие моменты входят в Гражданский кодекс, к примеру, то, что участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.

По поводу стандартов корпоративного управления — их исследование сейчас уже на острие передовой науки и практики, они определяют развитие всего законодательства.

Отметим еще несколько серьезных по сути моментов. Приведем конкретный практический пример. Организации — ОАО РЖД, Сбербанк и т.д. участвуют в данном процессе, в круглых столах, проводимых упомянутой ОЭСР, на правительственном уровне.

Но есть и другая тенденция: к примеру, православный кодекс корпоративного поведения, который разработал В.В. Бойко, бизнес которого весьма успешно развивается. Конечно, надо помнить, что наше государство — светское. Но православие — основа российской культуры. Надо отметить, что общественные отношения развиваются стремительно, но источник этих изменений не в праве, а в экономике и политике. Данное воздействие испытывает и предпринимательское право, поскольку оно тесно связано с экономическими отношениями.

Даже Рене Давид выделял несколько правовых систем: все помнят англо-саксонскую, романо-германскую, но многие забывают про страны Африки. Случается, что кодексы лежат в бездействии, а люди продолжают жить по своим собственным традициям и обычаям, по своим правилам.

Также в поле анализа я хотел бы включить телевидение, например, канал РБК — Российский бизнес-канал. Там несколько более широкий подход: регулярно выходят заставки, которые, например, сравнивают конкуренцию с рычащими дерущимися за кусок мяса львами. Конечно, это остроумно и даже гениально, но это же явный редуccionизм, сведение социальных отношений к биологическим.

Патриарх Кирилл на 17-м Всемирном Русском народном соборе высказал фундаментальную мысль, значимую с точки зрения соци-

альной философии: общество всеобщей солидарности должно прийти на смену обществу конфликта, и конкуренцию необходимо понимать как соревновательность, а не как борьбу на уничтожение, на выживание.

В современных условиях в России актуальна ориентация прежде всего на концепцию философии хозяйства, которая уходит корнями в дореволюционную философию, например, С.Н. Булгакова, а не на либеральные ценности рыночной экономики. И тут невольно вспоминается известный спор между цивилистической и хозяйственно-правовой концепцией.

По поводу философского категориального аппарата можно сказать, что он востребован, и в определении предпринимательского права говорится о диалектике частного и публичного.

О.В. ЖУЛИКОВА, П.П. ЖУЛИКОВ

Экономика современного периода развития

Аннотация. В работе сделана попытка классифицировать основные категории экономики и показать их место в системе знаний в текущих отрезках времени и пространства в формате философии хозяйства.

Ключевые слова: экономика, философия хозяйства, менеджмент, маркетинг.

Abstract. In this paper we attempt to classify the main categories of the economy and to show their place in the system of knowledge in the current periods of time and space in the format of economic philosophy.

Keywords: economic philosophy, economy, management, marketing.

Экономика текущего периода настолько запуталась в дефинициях, что зачастую люди, разговаривающие на экономические темы, совершенно не понимают друг друга. Сегодня на всех уровнях экономикой называют все, что угодно, от хрематистики до предпринимательства, и фраза о том, что у нас слишком много развелось экономистов, стала расхожей. Хотя экономистов у нас в России на самом деле практически нет, есть бухгалтеры, эконометристы, финансисты и т. д. — конечно, они имеют отношение к экономике, но это не экономисты.

Для пояснения сказанного, видимо, уместно привести иллюстрацию из автомобилестроения: аккумулятор, колесо, двигатель, кузов — это все элементы машины, автомобиля, но это не машина, не автомобиль. И уж тем более не является машиной набор ключей, хотя без инструментов машину невозможно обслуживать.

В экономике есть свои агрегаты, механизмы, элементы и инструменты. Бухгалтерия, эконометрика и другие элементы экономики сами экономикой не являются, хотя без них экономика и не выстраивается, поэтому бухгалтеры, эконометры, финансисты и др. являются обозначенными (нарицательным именем) специалистами именно в этом секторе экономики, но не экономистами.

Логично поставить вопрос: что же является экономикой и где она находится в мировом хозяйстве и мироздании вообще?

Обозначим сначала, что экономика — это действие. Действо, направленное на решение определенных хозяйственных задач в рамках поставленных целей.

Используя терминологию философии хозяйства, разработанной профессором Ю.М. Осиповым, можно попытаться выстроить терминологический ряд основных категорий экономики и найти их место в структуре знаний [1].

Принимая как аксиому посылку о том, что есть мироздание, природа, *природное хозяйство*, можно перейти к посылке о том, что в мироздании, в природном хозяйстве, есть *хозяйство человеческое*, которое каким-то образом зародилось в природном хозяйстве и стало развиваться, используя природу как ресурс для своего выживания.

Развиваясь, человеческое хозяйство разделилось на натуральное и экономическое. Обе эти ветви хозяйствования ориентированы на выживание человеческой популяции за счет организованной эксплуатации природы и природного хозяйства. Можно сказать, что природа предоставила человеку свое хозяйство как конструктор для организации своего человеческого выживания. Человеческое выживание осуществляется через человеческое хозяйствование путем организации *производства* и *потребления*. То есть для выживания человека (человечества), человеческое хозяйство нуждается в первую очередь в двух основных функциях хозяйствования: организации производства и организации потребления.

Натуральное хозяйство (натуриномика): в нем человеку предоставлены природные блага и механизмы природного хозяйствования. Человек познает законы природного хозяйствования и из природного блага общественно производит свои человеческие блага. Природные блага, природные механизмы хозяйствования и общественно произведенные блага общественно потребляются приблизи-

тельно в равных пропорциях. В натуральном хозяйствовании все блага — природные и общественно произведенные — являются общественной собственностью и не отделены от общественного потребления. Формула натурального хозяйствования выглядит следующим образом: выживание путем общественного потребления общественно произведенного и природного блага.

Экономическое хозяйство (экономика): в нем человеку также предоставлены природные блага и механизмы природного хозяйствования. Человек также познает законы природного хозяйствования и из природного блага общественно производит свои человеческие блага. Но, в отличие от натурального хозяйства, общественное потребление природного блага, природных механизмов хозяйствования и общественно произведенных благ заменяются персонифицированным потреблением. В экономическом хозяйствовании природное и полученное общественным производством блага становятся чьей-то частной собственностью и отделены от общественного потребления. Право частной собственности закрепляется экономическим переделом прав собственности на природное общественное благо и на благо, полученное в результате общественного производства.

Экономический передел прав собственности осуществляется с применением религиозных, милитаристических и обменных технологий по различным схемам, которые можно представить обобщенными моделями:

- религиозная модель — там Бог, здесь я, его пастырь, пасущий вас, неразумных, поделитесь, отдайте свое и получите рай потом;
- милитаристическая модель — там Бог, здесь я, его карающий меч, покоритесь, отдайте свое, и я подарю вам вашу собственную жизнь;
- обменная модель — там Бог, здесь я, благодетель, посланный им, чтобы помочь вам, обменяйте свое на мое и получите счастье сейчас.

Эти технологии совместно успешно применялись во всех эпохах и на всех этапах развития человеческого хозяйства, менялись только пропорции и идеологические иллюстрации. Пропорции менялись, или микшировались, управляющими фигурантами истории в зависимости от каждой конкретной ситуации.

Вышесказанное позволяет констатировать, что экономическое хозяйство — это действие, направленное на организацию производства блага, организацию присвоения (и накопления) произведенного и природного блага и организацию потребления блага через экономический передел прав собственности, накопленного произведенного и присвоенного блага. Если оставить только ключевые фразы, то полу-

чается формула: экономика — способ выживания путем персонифицированного потребления общественно произведенного и природного блага после экономического передела прав собственности на благо (во всех его формах).

Экономику и натурономику как способы выживания изучает теория хозяйства, которую следовало бы разделить на натурономическую теорию, т. е. науку о законах и правилах организации выживания натурального хозяйства, и экономическую теорию, т. е. науку о законах и правилах организации выживания экономического хозяйства в различных формациях и конкретных формах.

Часть экономической теории, изучающая *крупные экономические формы*, определяется как *макроэкономика*, а часть экономической теории, изучающая *малые экономические формы*, определяется как *микроэкономика*.

К крупным экономическим формам относятся национальные хозяйства, или государства, масштабные хозяйственные объекты типа ТНК и т. п.

К малым экономическим формам относятся хозяйственные предприятия, функционирующие в формате национальных хозяйств.

Экономика как способ выживания человеческого сообщества имеет религиозные, милитаристические и обменные направления развития, в которых ставятся определенные цели и формулируются соответствующие целям задачи.

Независимо от направления хозяйственной деятельности, все цели и задачи в экономике реализуются управленческим воздействием. *Управленческое воздействие* в экономике, экономическом хозяйстве рассматривается как *менеджмент* применительно к направлению и представляется соответственно религиозным, милитаристическим и обменным менеджментом.

Менеджмент, независимо от направления хозяйствования, имеет две общих функции: организации управления производством и организации управления потреблением. Эти две основных функции менеджмента дополняются отраслевыми функциями и дают религиозный, милитаристический и обменный (товарообменный) менеджмент. В практике жизни все эти направления менеджмента дополняют друг друга и способствуют накоплению и концентрации блага, собственности и капитала.

Обменный, или товарообменный, менеджмент реализуется посредством экономического передела прав собственности через товарообменные процедуры с применением обменного эквивалента — денег во всех их формах. Обменный менеджмент ориентируется преимущественно на организацию потребления и распределения произ-

веденного общественного продукта в экономическом хозяйстве и определяется в настоящее время как *маркетинг* [2].

Маркетинг применяется во всех направлениях экономического хозяйства: религиозном, милитаристическом, обменном (товарообменном). По мере развития индустриального производства, маркетинг становится доминирующей частью менеджмента и в нем выделяются новые механизмы: логистика, маркетинговые коммуникации и т. д. В дальнейшем вместе с развитием науки и техники такое бифуркационное деление будет только продолжаться, видимо, до создания единой организменной модели индивидуального потребления, т. е. однополярной модели глобалистического порядка.

Однако размышляя о развитии человеческого хозяйства, не следует забывать, что, кроме экономики, сохранила свою самостоятельность и натурономика, которая заполняет около 12% мирового ВВП и в различных пропорциях присутствует во всех национальных хозяйствах и во всех экономических формах. В индустриально развитых странах доля натурономики меньше, в странах «третьего мира» — больше. Естественно, что и экономические показатели во всех странах разные и зависят от сочетания и пропорций присутствия основных агрегатов экономики. Натурономика всегда была и, наверное, останется и останется своеобразным сдерживающим, приземляющим фактором для динамичной экономики (см.: [3; 4]).

Приведенные рассуждения об основных категория человеческого хозяйства ни в коей мере не являются догмой, а скорее приглашением к дискуссии о необходимости качественной классификации всех категорий хозяйства как в экономике, так и в натурономике. Представленные термины прошли апробацию в публикациях научных статей по вопросам экономической теории и экономики, а также в методических пособиях по менеджменту и маркетингу и, по мнению авторов, пригодны для квалифицированного обсуждения экономических проблем.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Экономическая цивилизация и научная экономия // Экономическая теория на пороге XXI в. — 3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2000.
2. *Котлер Ф.* Маркетинг. Менеджмент. Экспресс-курс. СПб., 2006.
3. *Жуликова О.В., Жуликов П.П.* Особенности управления в российских компаниях // Проблемы современной экономики. 2008. № 4.

4. Жуликов П.П. Некоторые противоречия основных догматов экономической теории // Проблемы современной экономики. 2008. № 3.

А.А. ИВАНОВ

Открытые инновации как инструмент постиндустриальной эксплуатации развивающихся стран*

— Хорошо-то жить, когда будем?

— Так, а хорошо-то уже жили.

Российский фольклор 1990-х

Аннотация. Предпринята попытка спрогнозировать дальнейшее развитие отношений экономического плана между развитыми и развивающимися странами на основе, с одной стороны, исторической ретроспективы, а с другой — на основе современной динамики и направленности потоков открытых инноваций. Показано, что наметившееся затухание в связи со вступлением в действие закона убывающей доходности научно-технического прогресса и, как следствия, экономического роста в мире могут повлечь за собой смену форм межстрановой эксплуатации труда, заменив подобные взаимоотношения, построенные сегодня на рентной основе, на известные еще с заре цивилизации взаимоотношения, основанные на прямом насилии.

Ключевые слова: открытые инновации, развитые и развивающиеся страны, валютные резервы, протекционизм, валютный курс, прямые иностранные инвестиции, экономический рост, научно-технический прогресс, уровень сбережений, догоняющее развитие, индустриальные революции, закон убывающей доходности.

Abstract. An attempt to predict further development of the relations of the economic plan between developed and developing countries on the basis of, on the one hand, historical retrospective, and on the other hand, — on the basis of modern dynamics and direction of flow of opened innovations is made. It is shown that the incipient decay, in connection with the entry into force of the law of diminishing returns, scientific and technical progress and, as a consequence, economic growth in the world, may result in a change of form of cross-country labor exploitation, replacing an

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-02-00029«а».

abusive relationship built today on a rental basis, the well-known since the dawn of civilization, a relationship based on direct violence.

Keywords: opened innovations, developed and developing countries, currency backlogs, protectionism, rate of exchange, direct foreign investments, economy growing, scientific and technical progress, level of economies, going after development, industrial revolutions, law of decreasing profitability.

Поскольку возможности моделирования, в частности, математического, в экономике весьма ограничены в силу того, что приходится иметь дело с развивающейся системой, пропорции в которой меняются с разной скоростью и в различных направлениях [1, 142—150], существует большой соблазн ставить под сомнение либо вообще отвергать любой прогноз как результат этого самого моделирования. Однако существует и противоположный подход — рассматривать все предлагаемые прогнозы в качестве равновероятных, поскольку, если нет надежных методов моделирования, не может быть и достоверных критериев прогнозирования. В этих противоречивых условиях единственным косвенным подтверждением «правдоподобности» логических построений относительно будущего человеческого бытия на практике может быть только две, опять же равновероятные, крайности — в виде: а) бесспорного признания предлагаемого прогноза всеми экономическими агентами и всеми учеными-экономистами, т. е. его тривиальности; б) наличия как абсолютной новизны по методологии, так и эвристического начала по своей сути. В силу того, что экономика никогда не сможет стать точной наукой, то и доказательство прогнозов находится в сфере истории, точнее исторической практики. Сразу отметим — здесь мы хотим дать прогноз, относящийся ко второму типу, поэтому и оговорили себе такую вот «индальгенцию».

Сравнительно недавно мир начал метаться в поиске глобальной идеи, которая вывела бы его из кризиса, а финансовые рынки — из стагнации [2, 50—51]. И если давным-давно подобные проблемы с поиском новых стимулов для возникновения финансовых пузырей искали в виде географических открытий, то в недавнем прошлом это были уже рынки для инвестирования. Открываемые когда-то новые регионы тоже являлись рынками, но только для реализации товаров, производимых в метрополиях, т. е. товарными рынками. И уже потом, по мере развития этих регионов, получивших тогда название колоний, внутри них начали формироваться фондовые рынки, где можно реализовывать капитал, т. е. производить инвестирование в акции или в недвижимость. Однако пока ни новым фондовым, ни тем более товарным рынкам на нашей планете взяться неоткуда, а значит, новых фи-

нансовых пузырей не предвидится. И тогда остается переходить от портфельных инвестиций к инвестициям прямым. Но это под силу только тем инвесторам, у которых кроме финансового капитала есть еще и капитал технологический, а еще лучше — интеллектуальный. Не зря же сегодня в мире интенсивно идет гонка за производством знаний, эффективным использованием интеллектуальных ресурсов, наращивание интеллектуальной собственности [3, 56—57]. Человечество на наших глазах переходит от товарного капитализма к интеллектуальному, от реальной экономики — к виртуальной. При этом на основе неопределенностей и рисков факторов формируется новая модель финансово-экономической системы с участием нематериальных активов, главным инструментарием которой будут являться открытые инновации. И вот здесь-то, на пока достаточно оптимистической ноте, нам бы и хотелось сформулировать свой прогноз развития мировой системы, в том числе ее финансово-экономической составляющей, а потом приступить к его обоснованию и анализу вытекающих из него последствий.

Дело в том, что взрывного будущего у экономики знаний, на наш взгляд, не предвидится и меняться сегодняшняя ситуация не будет не потому, что знания не будут приносить эффекта, а потому что этот эффект уже сказался на мировом распределении труда в достаточно сильной степени. Сначала о том, почему этого не будет. На сегодня в экономической науке ставится под сомнение утверждение о том, что экономический рост — это поступательный процесс, который будет продолжаться всегда [4, 49—67]. Предполагается, что экономический скачок последних 250 лет — это уникальный случай в истории. Ведь за все предыдущее тысячелетие экономического роста практически не было. После периода быстрого роста между 1890 и 1970 г., ставшего следствием второй индустриальной революции, начал действовать закон убывающей доходности, который и вызвал замедление темпов роста производительности. Инновации третьей индустриальной революции, которым прочили большое будущее и которые вызвали появление термина «новая экономика», были встречены с энтузиазмом, однако только открыли новые возможности досуга в рабочее и свободное время, но не позволили продолжить замену человеческого труда машинным. Характерное свойство достижений второй индустриальной революции заключается в том, что почти все они могли произойти только единожды. И это означает, что столь же фундаментальные изобретения не ждут нас в будущем.

Вспомним, чем же в основном определяется экономический рост, перспективы которого мы здесь ставим под сомнение. Попутно заметим, что затраты труда и капитала неизменного качества в разви-

тых странах обеспечивают меньшую часть экономического роста. Основная часть приходится на совокупную факторную производительность. Так, в 1870—1950 гг. труд и капитал обеспечивали 15% прироста ВВП США. Остальную часть объясняют преимущественно вкладом НТП в экономический рост. А это не что иное, как те самые инновации. И если они будут сокращаться, то сокращение экономического роста неизбежно. Это что касается обоснования угасания НТП, в том числе накопления знаний как фундаментального, так и технико-технологического плана, и, как следствия, — снижения экономического роста. Теперь обратимся к сегодняшней ситуации с экономикой знаний, или, как часто ее называют, «новой экономикой». Сегодня богатые страны разбогатели благодаря тому, что десятилетиями, а иногда веками их правительства и правящая элита основывали, субсидировали и защищали динамические отрасли промышленности и услуг, где был сконцентрирован научно-технический прогресс. Таким образом, они создавали технологическую ренту (сверхприбыль), которая распространялась на капиталистов в форме высоких прибылей, на рабочих — в виде высоких зарплат и на правительство — в больших налоговых поступлениях. Но, в отличие от бывших колониальных времен, современные методы изъятия указанной ренты сильно изменились — в основном, за счет динамизма развития как бедных, так и богатых стран, что привело к появлению взаимозависимости в устойчивости этого развития. Такая устойчивость обеспечивается наличием долговременных обратных связей в экономическом обмене. Изменения в экономическом обмене между двумя типами стран могут повлиять не только на устойчивость отдельно взятой пары стран, но и на весь мировой порядок. А снижение темпов инновационной подпитки — «спусковой крючок» трудно прогнозируемых катаклизмов.

Рассмотрим механизм и структуру обратных связей, заложенных в основу современного изъятия технологической ренты богатыми (развитыми) странами у бедных (развивающихся). Сегодня экономисты говорят, что в мировой экономике капитал вопреки экономической логике течет «в гору», т. е. из развивающихся стран в развитые, хотя должен был бы перемещаться из стран с относительным избытком капитала (Запад) в страны, где его не хватает (Юг) [5, 69—80]. Это происходит потому, что развивающиеся страны проводят сознательную политику накопления валютных резервов сверх необходимых для международных расчетов потребностей. При этом получается, что накопление резервов — это фактически политика стимулирования инвестиций и экспортоориентированного роста. В условиях политической турбулентности, когда институты плохи, а коррупция высока, существует лишь одна мера, которую можно про-

вести относительно легко, чтобы ускорить рост, — начать накапливать резервы, как это делает Китай. Хотя и кажется, что резервы можно с большей пользой потратить внутри страны, но накопление резервов выступает фактически инструментом неселективной промышленной политики. Таким образом, Китай финансирует потребление США, которое составляет величину, большую, чем внутреннее североамериканское производство. При этом сам Китай получает конкурентные условия доступа на американский — самый большой и самый передовой в техническом отношении в мире — рынок, что необходимо Китаю для его быстрого роста. Иными словами, Китай платит США по 200 млрд дол. ежегодно, чтобы никого не беспокоил его 10%-ный годовой рост ВВП. Можно также сказать, что Китай фактически обменял свой краткосрочный государственный капитал (валютные резервы) на прямые иностранные инвестиции (их накопленная сумма превышает сегодня 1,2 трлн дол.), вместе с которыми в страну пришли новые технологии и управленческий опыт. Именно такой взаимный интерес и приобрела на сегодня практика взимания технологической ренты. Особо отметим, что такая взаимность требует постоянного обновления технологий, поскольку только на динамике технического и технологического предложений она и зиждется. При этом соперничество между Китаем и США все больше и больше подогревается их же подобным взаимодействием, так же при этом идет и накопление внутристрановых и глобальных дисбалансов.

А теперь попробуем представить, что новых технических решений и технологий взять негде, так как инновационный процесс затухает или совсем затух. От такого исхода пострадает как Китай, так и США. Последним придется сокращать свое избыточное потребление, а Китаю — мириться со значительным сокращением роста. Нетрудно предположить, что будут предпринимать та и другая сторона. Иначе говоря, начнется уже не экономическая агрессия в форме взимания технологической ренты, а силовая — Китая, вероятнее всего, против России [6, 109—121]; США — против России и Китая вместе взятых. Подобный сценарий развития событий — тема отдельного исследования, здесь же мы только обозначим, насколько глубоки экономические противоречия на сегодня между Китаем и Россией.

Китай развивается в большой мере за счет ограничения потребления населения, прежде всего крестьянства. Важной тенденцией последних 30 лет стало относительное снижение доли потребления крестьянства, составляющего абсолютное большинство населения. Так, потребление населения Китая снизилось с 51,6% ВВП в 1985 г. до 33,8% в 2010 г. На сегодня в Китае, т. е. в стране с населением более

1,3 млрд человек, нет емкого внутреннего рынка. В России после начала глобального финансового кризиса в 2007 г. зафиксирован противоположный процесс. Доля валового накопления снизилась до 25,3%, что сопоставимо с показателем кризисного 1998 г. А расходы на конечное потребление населения в России выросли с 65,5% ВВП в 2008 г. до 74,7% в 2009 г. При этом в России по-прежнему делают акцент на развитие сырьевого и энергетического секторов экономики, ориентированных на расширение экспорта. В Китае же принято решение развивать внутренний рынок, не отказываясь от экспортной ориентации экономики. Однако в 2009—2010 гг. экспорт увеличить не удалось, не дало ожидаемого эффекта и приобретение активов и долговых бумаг США и стран Евросоюза. Более того, возникла угроза обесценивания валюты, вложенной в эти бумаги. Все это — симптомы именно того перспективного недуга, о котором мы выше говорили — замедления и почти полной остановки НТП и экономического роста.

Основные риски для России при этом сосредоточены в развивающихся странах. В частности, насколько будет адаптирован экономический рост в Китае, Индии, странах Юго-Восточной Азии к новым реалиям. Насколько он будет управляемо сдерживаться на фоне глобальной стагнации. Потому что спрос на наши металлы, энергию в основном там. И стагнация — нешуточное глобальное изменение, она надолго и с большими последствиями [7].

Проблема силового фактора как инструмента решения межстрановых конфликтов, в том числе на экономической почве, в последнее время усугубилась вследствие новых реалий — использования стратегических носителей в неядерном оснащении. Межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования (МБР) и ракеты стратегических подводных лодок всегда рассматривались только как инструмент ядерного сдерживания. За последние годы ситуация радикально изменилась [8, 24—25]. Во-первых, беспрецедентно возросла точность доставки боеголовок к цели. Во-вторых, были разработаны неядерные боеприпасы, с помощью которых можно решать задачи, ранее решаемые только применением ядерного боезаряда. Речь идет о боеголовках объемного взрыва и пакетах кинетических ударных элементов. Кроме того, недавно в США появилась концепция неядерного быстрого глобального удара (НБГУ). Ее целью является разработка высокоточного неядерного оружия большой дальности. Основной элемент программы — разработка гиперзвукового ракетно-планирующего боевого блока. Все сказанное может открыть новую область военного соперничества между Россией и США — так как количественные и качественные характеристики но-

вых видов оружия не лимитируются сегодня никакими международными договорами. Все это в корне подорвет стратегическую стабильность, если вовремя не будет организован российско-американский диалог по этой теме. Таким образом, как экономические, так и сугубо военно-технические предпосылки и риски прямой военной агрессии сегодня достаточно велики.

В заключение остановимся на вопросе востребованности фундаментальных изысканий в предстоящем будущем. Из представленной выше логики вытекает отсутствие в перспективе появления фундаментальных изобретений и даже открытий. Они не смогут быть востребованы. Хотя у человека потребности и не ограничены, но его возможности и как отдельного индивида, и как популяции в целом на сравнительно небольшой планете более чем ограничены. Отсюда вывод, касающийся непосредственно России, — такая как раньше плеяда ученых по своей массовости совсем не необходима. А такая структура, как РАН, — вроде как себя и изжила. Поэтому ее реформа и масштабное сокращение численности — уже объективная потребность (см., напр.: [9]). Стране больше нужны будут конструкторские бюро и технологические НИИ с военной в основном тематикой исследований.

Литература

1. *Клинов В.* Какой должна быть экономическая политика // Вопросы экономики. 2012. № 1.
2. *Чиркова Е.* Глобус инвестиций // Коммерсантъ. Деньги. 2012. № 48.
3. *Черный В.* Игры интеллекта // Прямые инвестиции. 2010. № 1.
4. *Гордон Р.Дж.* Закончен ли экономический рост? Шесть препятствий для инновационного развития // Вопросы экономики. 2013. № 4.
5. *Попов В.* Глобальные дисбалансы — нетрадиционная трактовка // Вопросы экономики. 2013. № 1.
6. *Гельбрас В.* Россия и Китай: неизбежность судьбоносных перемен // Вопросы экономики. 2011. № 11.
7. *Калашикова Н.* Авиаминоз // Итоги. 2013. № 46 (910).
8. *Коновалов А.* Толкование Сноудена // Огонек. 2013. № 48.
9. Реформа РАН: что изменится для российских академий наук // <http://ria.ru/infografika/20130930/966799154.html>.

П.П. ЖУЛИКОВ

**Иной взгляд на развитие человеческого хозяйства,
собственности и капитала**

Аннотация. В работе сделана попытка в научно-популярной форме проанализировать современное состояние экономики с позиций философии хозяйства. Рассмотрены процессы зарождения человеческого хозяйства из природного и высказана гипотеза фрактального развития человеческого хозяйства. Дается иной взгляд на основной движущий механизм развития экономического хозяйства, который стал приобретать качества субъекта, управляющего развитием хозяйства.

Ключевые слова: человеческое хозяйство, философия, философия хозяйства, экономика, фрактал.

Abstract. In this paper, an attempt in the popular form at the current state of the economy from the standpoint of economic philosophy. The processes of nucleation of human economy and natural fractal hypothesized development of human economy. Gives a different perspective on the main driving mechanism of economic management, which became the subject of acquiring quality, control development of the economy

Keywords: human economy, philosophy, production philosophy, economics, fractal.

Размышляя над сложившейся в современной экономике ситуацией в текущих отрезках времени, исследователь вынужден обсуждать надвигающиеся перспективы современной экономики, используя язык прошлого времени, прошлой экономической эпохи, привлекая современный политэкономический инструментарий. Зачастую это делается без учета прошлого опыта и без терминологического согласования текстов. Состояние современной экономики неопределенно, перспективы еще более непонятны, потому что, неопределенность сегодняшнего не позволяет представить, что же будет завтра. Человечество запустило машину экономики, экономического хозяйства, рынка, но куда она движется — никто не знает и, пожалуй, самая сложная проблема современного этапа развития человеческого хозяйствования — отсутствие осознанной цели. Сегодня никто не знает цели развития общества, не понимает его перспективы, хотя при этом все дружно спорят о перспективах на десятки лет, не слушая друг друга, не обращая внимания на прошлый опыт. При этом все понимают, что современные проблемы экономического развития сформировались не сегодня и даже не в текущем столетии и что проблемы эти

имеют давнюю историю, которой не одна тысяча лет и которая упирается в тупик простых вопросов жизнеотправления и целеполагания: откуда мы, люди, взялись, где мы есть, куда идем, с какой целью?

С одной стороны, естествоиспытатели вроде бы понятно объясняют, что есть мы на Земле, есть Солнечная система в Галактике, Галактика во Вселенной. А где Вселенная? Для поддержки своих представлений они разрабатывают различные теории мироздания: бесконечные пространства, теории струн, теории пузырьковых вселенных и др., и пытаются с помощью этих теорий что-то пояснить, в первую очередь себе, чтобы можно было хотя бы фантазировать, а что там дальше. Но пояснения эти запутывают человека непосвященного и вызывают неоднозначную и часто агрессивную реакцию коллег-специалистов.

Действительно, на уровне подсознания мы понимаем, что есть большое и малое, и что они связаны между собой, и все это где-то находится. Должно находиться. Но где? Понимая, что в мироздании все непросто, люди домысливают неизвестное и пытаются в этой непонятной взаимосвязи найти свое место, свой путь. Но не зная своего происхождения, не понимая своего предназначения, своего места в мироздании, трудно определиться в целеполагании в текущих отрезках времени и пространства, трудно осмыслить вектор своего движения-развития. И совсем невозможно разобраться в менее сложных вопросах организации экономического хозяйства, вопросах правильности или неправильности организации производства и потребления.

Мы видим и понимаем, что все находится в движении, и думаем, что движение, по-видимому, и есть развитие, предполагаем, что наше человеческое движение тоже направлено в сторону развития: развития общества, развития человеческого хозяйства, развития человека. Мы так думаем, хотя доказательной базы пока нет, думаем, но хочется и понять, как это развитие осуществляется, как развивается мировое хозяйство, как развиваются национальные хозяйства, как развивается наше российское хозяйство, и что ждет нас, конкретных людей. Людей, разных во всех отношениях, но живущих вместе в одних и тех же отрезках времени и пространства. Хочется понимать, что происходит в планетарном масштабе и в масштабе человеческого хозяйства, понимать, что нас ожидает в ближайшее время и в ближайшем будущем. Какие процессы происходят в многоступенчатой экономике и на каких ступеньках находимся мы, конкретные люди, конкретные страны, и почему.

Философы и экономисты уже пришли к пониманию, что во всем этом надо разбираться, и пытаются найти язык общения для серьезного предметного разговора. Очевидно, для этого нужен новый

язык экономики и его настойчиво ищут исследователи и используют элементы нового языка. Начало таких попыток установить трудно, но с работ С. Булгакова, открывшего для исследования философию хозяйства [1], и Й. Шумпетера, предложившего креативный подход в экономике, идет начало рассуждений о новом подходе к анализу хозяйственных философических вопросов, о создании нового языка.

Любой новый или обновляемый язык базируется на языке старом, или на старых языках, перенимает лучшее и, очевидно, что следовало бы начинать строить и изучать новый язык экономики с работ создателей первоосновы языка: Ф. Шеллинга, С.Н. Булгакова, Й. Шумпетера, Н.А. Бердяева и более поздних работ других авторов. Однако изучение первоисточников — занятие трудоемкое, кропотливое, а специфичность языка требует определенной подготовки и навыков работы с подобными материалами, поэтому в настоящей работе без дополнительных пояснений применен язык классической политической экономии и использованы элементы нового языка *философии хозяйства*, создаваемого в настоящее время профессором Ю.М. Осиповым, родоначальником новейшей школы философии хозяйства и нового языка экономики — *философии хозяйства* [2].

Споры экономистов о моноцентризме в мировой экономике, о полицентризме в экономике часто не учитывают вопрос о том, что экономика национальных хозяйств, входящих в мировую экономику, может быть и не должна быть однообразной или типовой. И для этого есть более глубокие причины, нежели экономическая целесообразность, прагматичность и предлагаемая модель расширенного потребления. Современное экономическое хозяйство, современная экономика, экономика потребления, раскручиваемая рыночным управлением производства и потребления, делает акцент на человека экономического (*homo economicus*). Но в современном мировом сообществе присутствует не только экономическое хозяйство, сохранилось натуральное и духовное хозяйство, и это не случайно. Человек экономический — не единственный вид (*homo sapiens*), хозяйствующий в мировом пространстве в текущих отрезках времени. Приблизительно четверть жителей планеты по разным причинам к *homo economicus* не относятся, и столько же могут быть отнесены только частично. Не учитывать этот факт нельзя, как нельзя увязать нарастающие проблемы глобального целеполагания и целеполагания локального в одном векторе.

Каковы цели и задачи мировой экономики, каковы цели и задачи национальных экономик, каковы цели и задачи натуральных хозяйств и как они между собой соотносятся — вопросы совсем не риторические. Они требуют ответа здесь и сейчас, иначе нарастающие

противоречия интересов в мировом сообществе могут, даже случайно, разрушить развивающуюся систему мирового хозяйства.

Для ответа на вопрос «что делать?», на вопросы рационального устройства мира сегодня надо искать истину, но для этого придется обратиться к прошлому, причем прошлому, более далекому, чем принято обычно при анализе экономических и философских категорий. И рассматривая современные проблемы на фоне более глобальных событий, вероятно, удастся найти ответы или хотя бы намеки ответов на некоторые вопросы современной действительности.

Размышляя над вопросом, с чего все началось, мы приходим к необходимости принять посылку о том, что Природой или Богом было создано мироздание — эта расширяющаяся Вселенная, в которой среди неживого мира зародились живые миры или один мир. Появилась бинарная биологическая система «Ада — Ева», обладающая имманентностью и трансцендентностью, которая стала размножаться, разбегаться по планете, хозяйствуя и осваивая ее. Заселив континенты, человечество стало интегрироваться в более крупные системы, очень похожие на организменные фракталы: семья, общество, сообщество. Прослеживается повторяющийся в спирали роста организменный фрактал. Конечно, это всего лишь версия возможного развития событий, построенная на совпадениях. Версия спорная, конфликтная, но вполне вероятная, как и многие другие, не менее спорные и не менее конфликтные. Сегодня доказательной и признанной всеми, или хотя бы большинством, версии нет, поэтому можно допустить вероятность и такого развития событий: что-то маленькое, плотное, горячее вырвалось оттуда, где было, взорвалось и стало Вселенной. Бесконечной материей — природой, со своим природным хозяйством, *смысл которого, целеотправление, целеполагание*, никому не известен. Очевидным и вроде бы доказательным является только то, что все это *природное хозяйство* стремительно и объемно расширяется вот уже более 14 млрд лет.

Где и в чем это происходит — вопрос открытый, вероятно, нераскрываемый, но, приняв такую неопределенность как данность, можно говорить о том, что несколько сотен тысяч лет назад, возможно, и более, в этом природном мире, природном хозяйстве появился человек, начал непрерывно хозяйствовать и хозяйствует до настоящего времени. Как и почему это произошло, как из неживого природного хозяйства выделилось живое природное хозяйство — совершенно непонятно, но такая странная метаморфоза случилась. Словно кто-то сделал прививку, и произошла невероятная бифуркация: из неживой природы выделилась живая природа, в которой возникла неадекватная остальной природе ветвь развития, движения — человек. Сам являясь

природой, ее частью, человек вдруг начинает стремительно использовать окружающую его природу как ресурс для своего человеческого хозяйства, для своего бытия.

Можно пытаться объяснять этот феномен материалистической теорией Ч. Дарвина: наследственность, отбор, эволюция, естественный отбор и т. д. В формате соответствующих знаний эта модель зарождения органического мира дает логическое представление о схеме развития, но не вносит ясности в многочисленные детали. В частности, непонятна природа скачков, или революций, которые, странным образом подчиняясь каким-то законам и силам, происходили в эволюционном потоке, разрывали его, вносили что-то иное, а далее развитие опять шло по схеме, похожей на эволюционную.

Каждый скачок — революция (*случайная* мутация, по Дарвину) давала новое ответвление, происходила бифуркация, и старое разделялось, образуя новое, с новыми, а точнее, иными качествами, но при этом сохранялось и старое, которое тоже претерпевало изменения. С одной стороны, логично, но с другой стороны — непонятно, что это за странное совпадение случайных мутаций, где каждой бифуркации предшествует какой-то импульс. Словно в маленьком инкубаторе по имени Земля какой-то Садовник систематически прививает на дичок привой и потом разрешает протекать эволюционным бифурцирующим процессам.

Человек хозяйствует в природном мире с нарастающим ускорением и производит из природы блага для своего выживания, для своего природного и одновременно неприродного мира. В какой-то момент времени из натурального хозяйства выделилось экономическое, которое, как и натуральное, было ориентировано на производство и потребление, экономическое хозяйство стало больше производить и накапливать благ, но общие блага стали частной собственностью отдельных индивидов общества. При этом производство осталось общественным, а потребление персонифицировалось, стало разноразновым, дифференцированным.

Потребовалось закрепление прав собственности, прав потребления на разных уровнях и появился товарообменный продукт. Люди начали менять реальное жизнеобеспечивающее благо на кусочки золота и серебра, которые позже стали определяться как деньги. Как это произошло, как был запущен и внедрен этот процесс — вопрос, требующий самостоятельного исследования, но вполне вероятно, что кусочки золота и серебра стали обменным продуктом не эволюционным, а революционным, насильственным путем. Сложно представить, что люди в условиях агрессивной окружающей среды и пищевого дефицита добровольно стали бы менять еду на бесполезные кусочки

металла, хотя и не исключено, что при таком обмене присутствовало и любопытство, и желание получить что-то загадочное. Но, вероятнее всего, образовался круг владельцев накопленных благ, желающих увеличить эти блага и главное легитимизировать собственность, которые насильственно забирали потребительские блага — собственность — у других членов сообщества, оставляя взамен кусочки металла с каким-то именованным оттиском, заявляя, что это равноценный обмен. Такие процедуры повторялись многократно всеми участниками сообщества до тех пор, пока это не стало привычным и неизбежным ритуалом. Конечно, могла использоваться и иная модель запуска эквивалентного товара в товарообменных процессах, но для настоящего размышления это не столь важно, главное, что деньги вошли в оборот и стали доказательством легитимности обмена, стали инструментом управления экономическим переделом прав собственности.

Благо стало легитимной собственностью, которую уже можно было безбоязненно накапливать, капитализировать. Накопление собственности, капитала стало определенной вехой отсчета нового периода цивилизационного развития, накопленный капитал стал субъективироваться, а собственники стали адептами собственности — капитала. В такой ситуации можно было ожидать, что экономическое хозяйство полностью вытеснит натуральное, но этого не произошло, и натуральное хозяйство сохранилось. Универсальный инструмент экономического передела прав собственности — деньги — ускорил процессы развития экономического хозяйства и процессы накопления капитала.

Казалось бы, стало понятно предназначение человеческого хозяйства — расширяться. Выстроилась аналогия с объемно расширяющейся Вселенной, где все природное хозяйственное предназначение заключается в расширении, и логично допустить, что смысл человеческого хозяйствования также заключается в его численном росте, расширении.

Однако гармоничное расширение экономического хозяйства, богатства, собственности, капитала не выстраивалось в какую-то линию, происходили какие-то пульсации, задержки роста, хотя и просматривались определенные закономерности в процессах, наблюдалась какая-то цикличность. В экономическом хозяйстве производительные силы периодически обгоняли производственные отношения, входили с ними в нарастающий конфликт, что приводило к новым бифуркациям в структуре общества. Причиной конфликта всегда выступали отношения собственности на блага, особенно на средства производства, которые тоже становились благом и капиталом. Капитал стимулировал ускорение роста производства и потребления ново-

го блага, что в свою очередь ускоряло рост расширенного производства — воспроизводства и нового потребления, что в итоге стимулировало модернизацию капитала и ускорение его роста. Рост капитала, его модернизация стимулировали производство новых средств производства в экономическом хозяйстве, активизировали бифуркационные процессы. Стали ответвляться новые хозяйственные направления и технологии управления, специализация откликалась на каждое новое разделение производства. Разделение происходило на уровне членов общества, на уровне сообществ, стали выделяться сообщества, развивающиеся по новым базовым векторам научно-технического прогресса, появились приоритеты в отраслях деятельности — земледелии, животноводстве, обустройстве территории, милитаристической политике, хрематистике и экономике. Стали развиваться новые направления хозяйственной экономической деятельности.

При размышлении о происходящих в экономике процессах, невольно напрашивается аналогия с бифуркацией веточек яблони, у которой каждую весну все веточки разветвляются, добавляются новые веточки, странным образом соблюдая закономерность ряда Фибоначчи, выстраивая новые фракталы, образующие спираль фрактала более высокого уровня. Получилась фрактальная модель структуры человеческого хозяйства по аналогии с фрактальной моделью природного хозяйствования. Наблюдая развитие экономик Древнего Китая, Египта, Индии, Рима, несложно заметить, что все они обладают определенной схожестью формирования общественного фрактала. Все эти экономики объединены технологией экономического передела прав собственности, стремлением преумножать капитал, схожей системой охраны прав собственности юридическими, монетаристическими законами, милитаристической и религиозной идеологией — повторяющийся на всех уровнях развития социально — экономический фрактал. И во главе этого развития встал капитал, который субъективизировался и через своих адептов — хранителей капитала — стал управлять экономикой. Этот феномен муссировался философами давно, но капитал стал рассматриваться как субъект управления сознанием владельцев капитала, ставших его адептами, только в работах К. Маркса.

С самого зарождения института собственности и капитала основными инструментами умножения и накопления капитала были грабеж и война, которые приумножали собственность, богатство, капитал, но к концу I в. до н. э. они достигли максимума своей эффективности. Древнеримская империя может рассматриваться в качестве иллюстрации этих процессов: достигнув максимального расцвета, максимальной капитализации, она стала разрушаться. Главный и са-

мый распространенный инструмент накопления капитала «грабеж и война» выработал свой потенциал, рост капитала замедлился, новые фрактальные уровни не образовывались — прекратился рост капитала. Возникла необходимость в модернизации экономического хозяйства, способного создавать условия для формирования новых уровней экономических фракталов, и для этого понадобились новые инструменты и подходы в организации человеческого хозяйства.

Основным тормозом дальнейшего развития стали многобожные религии, и хотя милитаристическая идеология и многобожные религии еще сохраняли свою силу и империи процветали, в недрах многобожной и процветающей цивилизации зародился новый институт управления капиталом — институт единобожия — христианство. Несколькими веками ранее уже был создан институт единобожия с религией иудаизма, но этот институт управления был слишком сепаративным и ортодоксальным. Идеология иудаизма широкого распространения у других народов не получила, прижилась преимущественно у иудеев и вызвала негативную реакцию египетских жрецов. Иудеи бесспорно способствовали росту и концентрации мирового капитала, но перекрыть все мировое экономическое хозяйство этот институт не мог. Иудаизм стал тормозом дальнейшего роста и развития капитала, и для решения этой проблемы потребовалась более широкая, более демократичная монобожная идеология. И она появилась, проросла из иудаизма, жестко отменяя многобожие в своем первом же лозунге: «...да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». Новый институт управления экономикой закладывал в своей основе главную цель — накопление и умножение капитала, а с теми, кто не мог умножать капитал, требовалось поступать, как с ленивым рабом: «Возьмите у него талант и дайте тому, у которого их десять; а этого злого раба бросьте туда, где вечный плач и скрежет зубов».

Идеология христианства в своих истоках взяла на себя роль защитника униженных и оскорбленных, позже жесточайшим прессингом в течение нескольких веков вытеснила сначала в Римской империи, а потом на европейском пространстве все многобожные религии и дала миру христианскую идеологию и новую цивилизацию, мобильную, динамичную, ориентированную на инновационное развитие общества, способную резко увеличить темпы роста капитала и взрастившую индустриализацию. Позже из иудаизма проросла другая монобожная идеология — ислам, идеология послушания и смирения, которая стала второй опорой новой индустриальной цивилизации, поставщицей недостающих, терпеливых и покорных трудовых ресурсов. Милитаристическая идеология и монобожные религии позволили правителям Европы сделать индустриальный рывок, создать человека

экономического, т. е. потребителя, стремящегося к накоплению капитала, к его централизации, и человека покорного — исполнителя трудовых операций.

* * *

Таким образом, если посмотреть на картину развития мироздания со стороны, то можно проследить динамику развития человеческого хозяйства несколько в ином свете. Из природного хозяйства зародился и сформировался фрактал человеческого хозяйства, проявился какой-то импульс, произошла бифуркация, и человеческое хозяйство разделилось на натуральное и экономическое. И хотя эти хозяйства похожи и решают одну и ту же задачу организации производства и потребления для каких-то целей, в натуральном хозяйстве отсутствует частная собственность, а в экономическом она становится инструментом накопления блага — богатства, капитала. Просматривается формирование нового экономического фрактала. С каждым новым техническим достижением (НТР) создаются новые средства производства, формируются новые хозяйственные циклы, каким-то образом связанные с природными, а в экономическом хозяйстве взрываются бифуркации, разделяются ветви хозяйства, происходят более детальная специализация и новая кооперация богатства, собственности, капитала и формируются новые фракталы, новые уровни производства и потребления. Выстраивается фрактальный экономический хозяйствующий организм сообщества, в котором все члены сообщества становятся экономическими агентами разного уровня потребления, разного уровня допуска к производству (см.: [3; 4]).

В каких-то отрезках времени и пространства производство и потребление вступают в очередной конфликт, поэтому мировое хозяйство потрясают новые революции, в результате чего зарождаются новые бифуркации и выстраивается новый фрактал, новая бинарная система хозяйственных отношений: нового капиталистического хозяйства и нового натурального хозяйства. Образовался диполь капиталистической и социалистической формации — новый фрактал, который дал мощное ускорение росту мирового хозяйства, мирового капитала, новым его формам. Однако в тот момент, когда казалось, что наступило равновесие, «союз нерушимый» (социалистический элемент диполя) ослаб, сформировался дифферент в сторону экономики, и произошла новая бифуркация, основанная на когнитивности. Начался процесс выделения когнитивной компоненты хозяйствования, которая должна стать основой нового порядка мирового хозяйства — нового организменного фрактала. Сегодня основную организующую роль приобретает капитал, который, через своих adeptов

организует потребление и через потребление готовит экономических агентов к управляемому и организованному производству.

Организованное потребление становится основным инструментом организации дифференцированного и специализированного управления производством. В материальном производстве требуется все меньше людей, и освобождающиеся работники включаются в производство нового, ранее неизвестного продукта. Создаются новые управленческие уровни, новые социальные ниши, формируются новые элиты, что способствует ускорению и усовершенствованию товарно-денежного обмена, усовершенствованию экономического хозяйства, укрупнению и усовершенствованию капитала и формированию у него новых управленческих функций.

Проявление таких тенденций заметил в середине XX в. Э. Тоффлер в своей теории «Третьей волны», хотя основа понимания этих процессов была заложена в середине XVIII в. Франсуа Кене, который ввел организменное понимание развития хозяйства и общества, обосновал дифференциацию человеческого хозяйства и его участников на уровни по аналогии с человеческим организмом и его органами [5; 6]. И если отбросить условности, то можно заметить, как из отдельных фракталов домовых, фирменных, национальных хозяйств выстраиваются более крупные фракталы мировой общественной структуры с различными экономическими формациями. Фракталы эти непрерывно достраиваются, развиваются, расширяются и образуют новые фракталы единого глобального организма — мирового, глобального экономического хозяйства.

Однако процесс этот происходит в реальном времени и пространстве, заполненном другими формами и элементами мирового хозяйства, которые не готовы безропотно выстраиваться в новый и не очень-то демократичный фрактал нового хозяйственного организма с централизованным управлением и жестким контролем фракталов нижних уровней. Естественно, элиты фракталов нижних уровней не согласны занимать в новом организменном фрактале вспомогательные роли и будут препятствовать развитию новой системы всеми доступными средствами. Эти элиты уже сформировали террористическую оппозицию глобализму, которая растет и может достичь опасного критического состояния к 2027 г.

Для снятия угрозы критического развития событий необходимо уже в настоящих отрезках времени и пространства оперативно пересмотреть вопрос о сбалансированном потреблении блага между всеми участниками мирового хозяйства, особенно между самыми бедными и самыми богатыми слоями населения. Главная задача — сократить разрыв между верхним и нижним уровнями потребления до опти-

мального. В глобальном экономическом организме разрывы в потреблении чреваты опасными сюрпризами.

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.
2. Осипов Ю.М. Экономическая цивилизация и научная экономика // Экономическая теория на пороге XXI в. — 3: Экономическая цивилизация и научная экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2000.
3. Жуликова О.В., Жуликов П.П. Особенности управления в российских ТНК // Проблемы современной экономики. 2008. № 4.
4. Жуликов П.П. Философия хозяйства. Взгляд со стороны // Философия хозяйства. 2010. № 1.
5. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.
6. Сборник // Литературный клуб. Кн. 8. М., 2013

Т.С. СУХИНА

Пути реинтеграции минерально-сырьевого комплекса на постсоветском пространстве

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с дезинтеграцией минерально-сырьевого комплекса СССР, и описываются возможные пути реинтеграции в целях наиболее эффективного использования минерально-сырьевого потенциала государств постсоветского пространства

Ключевые слова: минерально-сырьевой комплекс, реинтеграция, постсоветское пространство.

Abstract. The article discusses the problems associated with the disintegration of the mineral complex of the USSR, and presents possible ways of reintegration for the most efficient use of the mineral potential of post-Soviet states.

Keywords: mineral resources sector, reintegration, post-Soviet space.

Необходимость выработки в XXI в. новой минерально-сырьевой политики всеми промышленно развитыми государствами обусловлена прогнозируемым ростом мирового потребления природных, в том числе минерально-сырьевых, ресурсов. Государства постсоветского пространства, составляющие один из крупнейших регио-

нов мира, обладают мощной минерально-сырьевой базой. В их недрах содержится практически весь комплекс полезных ископаемых: топливно-энергетическое, металлургическое, горно-химическое и другие виды минерального сырья, открыты и разведаны более 20000 месторождений полезных ископаемых, способных обеспечивать все отрасли народного хозяйства государств [1].

Минерально-сырьевой комплекс является основой для поступательного развития экономики, гарантом устойчивого экономического развития на длительную перспективу, базой для реконструкции промышленности и перевода ее на более высокие технологии, будучи ведущим в большинстве государств постсоветского пространства, обеспечивает их потребности в минеральных ресурсах и валютные поступления. Продукция комплекса (прежде всего топливно-энергетические ресурсы, черные, цветные и редкие металлы) продолжает оставаться главной составляющей экспорта. Минерально-сырьевой комплекс при широком использовании новых наукоемких технологий добычи и переработки минерального сырья, учитывающих требования охраны недр и окружающей среды, может стать опорой для устойчивого развития экономики отдельных государств региона.

В настоящее время в экономике наиболее развитых стран постсоветского пространства на долю минерально-сырьевого сектора приходится от 20 до 30% ВВП [1]. При этом экспорт минерального сырья и продуктов его переработки обеспечивает более половины валютных поступлений в бюджеты. Основными экспортерами являются Россия (почти весь спектр полезных ископаемых за исключением титанового сырья, хрома и марганца), Казахстан (глинозем, медь, свинец, цинк, хромиты, уран, марганец) и Украина (железорудное сырье и продукты черной металлургии, марганец, титановые и циркониевые концентраты). Узбекистан и Таджикистан тоже экспортируют большую часть произведенных на их территории цветных металлов. Необходимо отметить, что структура экспорта носит преимущественно сырьевой характер: на внешний рынок поставляются в основном необработанные металлы и концентраты, а доля продукции с более высокой добавленной стоимостью хотя и несколько выросла в последние годы, в целом находится на довольно низком уровне.

В последние двадцать лет влияние России на состояние мирового рынка нефти, газа, черных и цветных металлов существенно усилилось. Общий экономический кризис и спад промышленного производства, вызванные «глубоким реформированием» экономики и переходом к рыночным отношениям, способствовали резкому падению внутреннего спроса практически по всем видам минерально-

сырьевой продукции. Сокращение внутреннего спроса на цветные металлы вызвано глубоким спадом производства в основных отраслях-потребителях — машиностроении и ВПК (более 85% общего потребления этих металлов). Насыщение внутреннего рынка более качественной импортной продукцией привело к резкому спаду потребления цветных металлов в электротехнической, радиотехнической отраслях и в автомобилестроении. Столь резкое сокращение внутреннего рынка вынуждает к расширению позиции на внешних рынках [2].

В условиях международного разделения труда преимущества использования топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов получают страны с высоким научно-техническим и экономическим потенциалом, имеющие более высококвалифицированные трудовые резервы. В современном мировом сообществе наличия богатых природных ресурсов недостаточно для получения преимуществ, обеспечивающих быстрое, гармоничное и экономически эффективное развитие страны.

К сожалению, государственные органы новых стран во многом устранились от управления исследованием и использованием этих минерально-сырьевых ресурсов. Резкое сокращение геологоразведочных работ мешает добиться даже простого воспроизводства выбывающих запасов, значительная часть которых подлежит пересчету и списанию, так как оценка производилась в других экономических условиях, и многие запасы становятся нерентабельными. Вследствие этих причин за последние два десятилетия добыча основных видов полезных ископаемых снизилась во всех странах региона.

После распада СССР некогда единый минерально-сырьевой и промышленный комплекс оказался разделенным между государствами, образовавшимися на месте бывших союзных республик. Этот раздел оказал негативное влияние на производственно-экономические связи отдельных предприятий топливно-энергетического комплекса, черной и цветной металлургии, объединенных ранее единой цепочкой: руда — концентраты — металл — готовые изделия.

В минерально-сырьевом комплексе СССР существовали тесные межрегиональные связи. РСФСР снабжала республики топливно-энергетическими ресурсами, часть которых после переработки вновь возвращалась в регионы РФ (например, с нефтеперерабатывающих заводов Украины). Существовала взаимозависимая кооперация предприятий железорудной и угледобывающей отраслей Урала и Казахстана. Металлургические заводы РСФСР использовали марганец, поставляемый из Грузии и Украины, хромовые руды, поступающие из Казахстана. На Среднеуральский медеплавильный завод привозили

сырье из Грузии и Узбекистана. Алюминиевые заводы Сибири (Новокузнецкий, Саянский, Братский) потребляли значительное количество глинозема с Павлодарского алюминиевого завода в Казахстане, Волгоградский завод — с Николаевского глиноземного завода на Украине. Сурьмяные руды, добываемые в Якутии, перерабатывались на Кадамжайском заводе в Таджикистане [2].

Разрушение традиционных производственных связей после распада СССР нашло отражение в состоянии минерально-сырьевой базы всех постсоветских стран. В частности, крайне необходимые для черной металлургии России сырьевые ресурсы хромового сырья остались на территории Казахстана, марганцевых руд — на территории Украины и Казахстана, титанового и циркониевого сырья — Украины, большая часть мощностей по выплавке свинца и цинка оказалась в Казахстане.

Доля Казахстана в общемировых запасах хрома — 8,7%, в добыче — 19,6% (на первом месте ЮАР — 81 и 50% соответственно). Российская Федерация не имеет собственной базы хрома, можно было бы рассчитывать на Кимперсайский комплекс Казахстана, но он в первые же годы «перестройки» перешел в руки японских предпринимателей [3].

До сих пор в России не добывается ильменитовый песок, являющийся сырьем для производства титана. Традиционно он поставлялся с Украины. Но в 2011 г. у «ВСМПО-Ависма» начались проблемы с поставками сырья с Украины и предприятию пришлось завозить ильменит из Африки, что втрое увеличило стоимость сырья. В результате советом директоров корпорации была разработана концепция сырьевой безопасности, и в 2012 г. компания приобрела на Украине Демурицкий ГОК, прежние собственники которого не смогли запустить на нем производство. Это в перспективе закрывает потребность «ВСМПО-Ависма» в ильмените на 30—40% в течение 20 лет и позволит в ближайшее время отказаться от его закупок в Африке, Индии и Вьетнаме [4].

В то же время многие страны лишились источников сырья, расположенных на территории России: Украина, Белоруссия, Молдавия, Грузия и ряд других стран — топливно-энергетических сырьевых ресурсов и преобладающей части цветных и редких металлов, республики Средней Азии и Казахстан — никеля, кобальта, металлов платиновой группы.

В сложившейся ситуации в целях наиболее эффективного использования минерально-сырьевого потенциала государств постсоветского пространства представляется целесообразным развивать сотрудничество, в первую очередь, в областях поиска, разведки, добычи,

переработки минеральных ресурсов и решения соответствующих финансово-экономических задач, которое должно базироваться на национальных нормативно-правовых актах, а также учитывать положение международных договоров, подписанных между странами постсоветского пространства, и обеспечивать защиту их жизненно важных национально-государственных интересов. Приоритетными направлениями являются:

- разработка новой государственной минерально-сырьевой политики по исследованию недр своих стран;
- обоснование новой концепции геологических служб как главного органа управления Государственным фондом недр, воспроизводством минерально-сырьевой базы и национальной системы геологического изучения недр;
- восстановление и развитие системы геологического изучения недр с целью создания опережающего прироста и воспроизводства запасов полезных ископаемых за счет средств государства и недропользователей;
- принятие межнационального Горного кодекса в качестве основополагающего правового документа в системе горного законодательства, в соответствии с которым формируются все другие законодательные и подзаконные акты в области горных отношений, с полным отражением в нем геологоразведочного и горного производства и всех основ горного дела;
- разработка и внедрение новейших ресурсосберегающих технологий по всему циклу: добыча — обогащение — металлургический передел и до производства конечной продукции;
- оценка и вовлечение в переработку «техногенных» минеральных ресурсов — лежалых хвостов обогащения и рудных отвалов прошлых лет разработки и др. [1].

В свете решения этих задач 27 марта 1997 г. была принята Горная хартия государств — участников СНГ и подписано Соглашение о сотрудничестве в области изучения, разведки и использования минерально-сырьевых ресурсов. Исполнительным органом Горной хартии и Соглашения о сотрудничестве стал Межправительственный совет по разведке, использованию и охране недр, действующий на ротационной основе. Горная хартия и Соглашение определили основные направления сотрудничества, включающие совместную работу, поиск трудных решений, взаимопомощь, что находит отражение в разработке «Стратегии сотрудничества государств-участников СНГ по использованию минерально-сырьевых ресурсов, включая совместную разведку, освоение и добычу», где отмечено, что развитие сотрудничества в сфере минерально-сырьевого комплекса будет осу-

ществляться путем создания благоприятных условий для функционирования предприятий горнопромышленного сектора экономики, притока инвестиций и современных технологий при условии контроля государства за рациональной отработкой запасов месторождений полезных ископаемых.

Главной целью сотрудничества в данной сфере государства — участники СНГ определяют взаимодействие по следующим направлениям:

- геологическое изучение и воспроизводство минерально-сырьевой базы;
- охрана окружающей природной среды при изучении, разведке и использовании недр;
- законодательное и нормативно-правовое обеспечение изучения, разведки, использования и охраны недр [5].

Определяющую роль в проведении согласованной и эффективной минерально-сырьевой политики стран СНГ на современном этапе должны сыграть разработка и реализация Межправительственной программы в области сотрудничества в деле укрепления и развития минерально-сырьевой базы и промышленного использования минерально-сырьевых ресурсов этих стран. Важной задачей развития минерально-сырьевой базы стран СНГ является восстановление партнерских связей горнодобывающих, металлургических, промышленных предприятий, обеспечивающих доступ к дефицитным видам минерального сырья. Ресурсный потенциал стран СНГ при его эффективном использовании может стать одной из главнейших предпосылок устойчивого экономического развития этих стран и их вхождения в мировую экономику.

Стратегия развития минерально-сырьевого комплекса нацелена на более активное участие российского бизнеса в формировании глобального «минерально-сырьевого пространства». Это в первую очередь относится к инвестициям сырьевых компаний в покупку профильных активов в странах ближнего и дальнего зарубежья, что может обеспечить не только выход на внутренние рынки этих стран, минуя многочисленных посредников, но и высокую окупаемость инвестиций.

В настоящее время наилучшей перспективой для сырьевых компаний России являются инвестиции в Азербайджан, Туркмению, Казахстан, Узбекистан, чтобы до 30% сырьевых ресурсов этих стран иметь под влиянием или управлением. Это вполне достижимо и отвечает интересам и России, и самих этих стран. Другой важной задачей для российских компаний является выход на внутренние рынки Европы без посредников, путем приобретения перерабатывающих пред-

приятий и компаний по сбыту. Это позволит обеспечить российским компаниям гарантированный сбыт и доход, в меньшей степени зависящий от мировой экономической конъюнктуры, а для России — стабильность валютного курса и наполняемость бюджета [6].

Важнейшим условием успешной реинтеграции постсоветского пространства становится постепенный перенос центра тяжести с интеграционных усилий на макроуровне (уровне государств и ведомств) на стимулирование интеграции на микроуровне (уровне компаний). Для этого необходимы неуклонное соблюдение странами — участницами интеграционных процессов достигнутых договоренностей об улучшении условий доступа на рынки друг друга и создание системы институтов и механизмов стимулирования региональной интеграции. Поэтому только планомерное и сбалансированное осуществление широкого комплекса мер (финансово-экономических, организационных, институциональных, информационно-консультационных), направленных на содействие внешнеторговой и производственной деятельности национальных предпринимательских структур, может обеспечить стабильное расширение российского экономического присутствия в постсоветских странах [7, 70].

Таким образом, адекватно реализованная геоинтеграционная модель сотрудничества предпочтительна не только для России, но и для других стран постсоветского пространства. В основе нее лежат возможности и преимущества использования природных, интеллектуальных и трудовых ресурсов в рамках общего экономического пространства. В результате именно Россия с ее экономическим, технологическим и ресурсным потенциалом, емкостью рынка, конфигурацией транспортных коммуникаций и производственных связей может обеспечить рациональную интеграцию экономического пространства стран СНГ в мировое хозяйство, не нарушая при этом технологические, производственные и организационные структуры экономик данных стран и с минимальным риском появления нестабильности. В то же время сохранение рынка стран СНГ, ориентированного на Россию, и использование их ресурсного потенциала — мощный фундамент для модернизации российской экономики [7, 83].

Литература

1. *Козловский Е.А.* Минерально-сырьевые ресурсы стран СНГ и их совокупная значимость в условиях глобализации // *Промышленные ведомости*. 2007. № 7.
2. *Козловский Е.А., Комаров Е.А., Макрушин Р.Н.* Союз государств — Бразилия, Россия, Индия, Китай. Проблемы минерального сырья и недропользования. М., 2011.
3. <http://www.tvernedra.ru/news/nid120.html/>.

4. <http://rbcdaily.ru/industry/562949985212994>.
5. Содружество независимых государств. Исполнительный комитет. Информационно-аналитический материал. О сотрудничестве государств — участников СНГ в области недропользования. М., 2011.
6. Шафраник Ю.К. Приоритеты развития и инвестиционная политика минерально-сырьевого комплекса России // Горная промышленность. 2007. № 1.
7. Кулик С.А., Спартак А.Н., Юргенс И.Ю. Экономические интересы и задачи России в СНГ. М., 2010.

Я.И. НИСАНОВ

**Антропология прообраза типов экономического поведения
населения евразийской юрисдикции**

Перекасти-поле,
С Дона до Ангары,
Где точит камень-шаман,
Летописец-Байкал.

Перекасти-поле,
С Лены и до Невы,
Где на рассвете звездой
Я встал!

К. Кинчев Плач

Аннотация. Рассматривая многообразие факторов международного воспроизводственного обустройства евразийского (постсоветского) пространства, взвешивая все возможные мотивы поведения большого числа людей, народностей, этнических групп, национальностей и религиозных конфессий, автор выделяет нечто общее, что составляет предметное поле понятия «государственная юрисдикция» в широком смысле. По гипотезе выводов статьи, нечто объединяющее разнородное евразийское население — это типовость характеров поведения человека: экономического, хозяйственного, социального, духовного — во всем многообразии представителей населения евразийского (постсоветского) пространства. Изложенный фактический материал автор предлагает использовать при оценке необходимости продолжать начатое направление исследования, (с элементами «расследования»), где темой отдельной работы необходимо исследовать и раскрыть во всех проявлениях тезис, что прообразом государственной юрисдикции является местная религиозная община.

Ключевые слова: философская и экономическая антропология; народонаселение; евразийская юрисдикция; юрисдикция; орхон-енисейская письменность; евразийская концепция Льва Гумилева.

Abstract. Considering the diversity of factors international reproductive arrangement of a Eurasian (post-Soviet space, weighing all the possible motives of the behavior of large numbers of people, peoples, ethnic groups, nationalities and religious confessions, the author allocates something total that is the subject field of the concept of «state jurisdiction» in the broad sense. According to the hypothesis of the conclusions of the article, something that unites diverse Eurasian population, it is tipovoi characters of human behavior: economic, commercial, social, spiritual — in all its diversity of representatives of the Eurasian population (the post-Soviet space. Contained factual material the author proposes to use when assessing the need to continue the research direction (with elements of «investigation»), where the subject for a separate work should investigate and disclose in all manifestations of the thesis that the prototype of the state jurisdiction is the local religious community.

Keywords: philosophical and economic anthropology; population; Eurasian jurisdiction; community jurisdiction; Orkhon-Yenisey script; Lev Gumilev Eurasian concept.

Размышляя над возможным единством мотивов объединения государств евразийского пространства, приходится сталкиваться с большим комплексом вопросов философии, теологии, этики, права, политэкономии, экономики и других социальных наук, которые были рассмотрены и объемно представлены в описании категории «государственная юрисдикция» в рамках теорий государства и права.

Несмотря на долгую историю этого вопроса, для нашей общественной науки он остается мало изученным. Наибольший пробел здесь происходит из-за изоляции всех источников знаний от религиозных источников, хотя исторически очевидно, что формированию государственной юрисдикции современного вида предшествовал институт функционирования местных религиозных общин... Но это остается сегодня неизученной областью, и нам остается принять без доказательств (на некоторое время).

Рассматривая многообразие факторов международного воспроизводственного обустройства евразийского (постсоветского) пространства, взвешивая все возможные мотивы поведения большого числа людей, народностей, этнических групп, национальностей и религиозных конфессий, интуитивно чувствуется нечто общее, что составляет предметное поле понятия «государственная юрисдикция» в широком смысле. И необходимо найти это единство — сокровенное и важное знание для доктрины существования государства, тот «фило-

софский камень», который государство либо обосновывает, либо отбрасывает (даже «на полном ходу»).

Обозначая как уточнение предмета нашей конференции поиски в области государственной юрисдикции евразийского пространства, важно также продвинуться в суть, определяющую наполнение этого предмета. Представляется, что это — типовость характеров поведения человека: экономического, хозяйственного, социального, духовного во всем многообразии представителей народонаселения евразийского (постсоветского) пространства. Такой вывод, своеобразный трансфер гуманитарной инновации в понимании направления для углубления исследований по государственной юрисдикции, также нуждается в исследованиях, обоснованиях и доказательствах, не развитых в достаточной мере в настоящее время, и предлагается без доказательств в статусе гипотезы.

Похоже, что совсем неслучайно столь важные вопросы мало представлены в публичной науке, ведь их ценность сравнима с ценой государственного суверенитета. Но в то же время закрытость противоречит принципу развития научного знания, где новые исследования основываются на известных открытиях ученых предыдущих поколений. И эта особенность некоторых научных знаний определяет необходимость заниматься не только научным исследованием, но и в некоторых случаях научным расследованием по выяснению скрытых фактов и взаимосвязей.

Похоже, что объективное рассмотрение явлений формирования факторов и компонентов евразийской государственной юрисдикции потребует и использования такого нетипичного для науки метода, как научное расследование. Заниматься им можно с дополнительными условиями, отличающими «расследование» в порядке «следствия» в «исследовательских» научных целях.

Переносное значение понятия «перекати-поле» подразумевает людей, которые постоянно кочуют, перемещаются с места на место. Хотя для экстраполяции интересен и прямой смысл: «Перекати-поле, травянистые растения степей и пустынь, приобретающие ко времени созревания семян, а иногда и раньше более или менее шарообразную кустистую форму. К этому времени стебли Перекати-поле у основания легко отламываются, и вся надземная масса, подхваченная ветром, катится по земле и переносится часто на большие расстояния (отсюда название), рассеивая при этом семена...» [1].

Подбираясь к типизации образов поведения народонаселения евразийской юрисдикции, научно расследуя факты миграций и переселений, нельзя ни вспомнить работы Льва Николаевича Гумилева (показательна его биография, наполненная «расследованиями-

исследованиями»), начиная с самой первой работы, кандидатской диссертации «Подробная политическая история первого тюркского каганата», заканчивая последним прижизненным интервью, опубликованном под названием «Лев Гумилев: “Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава”» («...и только через евразийство» — добавлено в его интервью) [2].

Орхоно-енисейская письменность (древнетюрское руническое письмо) позволяет рассмотреть признаки типового единства для емкого мира истории и географии народонаселения евразийской государственной юрисдикции (далее по тексту будет использована аббревиатура «ЕГЮ»).

Орхоно-енисейская письменность обслуживала единый литературный язык (наддиалектный «койня») того времени, который обычно называется языком орхоно-енисейских надписей.

Исследователями выделяются семь групп принадлежащих соответственно территориям существовавших ЕГЮ: ленско-прибайкальская (курьканская ЕГЮ), енисейскую (Кыргызская ЕГЮ), монгольскую (Восточно-тюркская ЕГЮ), алтайскую (Западно-тюркская ЕГЮ), восточно-туркестанскую (Уйгурская ЕГЮ в Монголии), среднеазиатскую (Уйгурская ЕГЮ в Восточном Туркестане), восточно-европейскую (булгарская ЕГЮ, хазарская ЕГЮ и ЕГЮ печенегов).

Названия орхоно-енисейской письменности даны: 1) по форме знаков, напоминающих германские руны; 2) по местам находок в долине Орхона (Вторая тюркская ЕГЮ) и верховьях Енисея (Кыргызская ЕГЮ).

Рассматривая географию расположения вышеупомянутых ЕГЮ, мы находим сходство с современным Евразийским союзом. Но и эта география расширяется после исследования истории письма.

Сходство некоторых знаков (а также общий угловатый стиль, направление письма, совпадение фонетических значений) позволило предположить родство с ранними видами семитской письменности: библейской и финикийской.

По предположению ряда ученых, тюркские руны были созданы около начала VIII в. на базе согдийского письма, возможно, с добавлением знаков из других алфавитных систем, путем трансформации курсивных начертаний букв в геометризованные формы. Предлагались также гипотезы о происхождении из фонетических знаков китайского письма. Интересно, что история и география народонаселения всех упоминаемых источников очень подробно и устойчиво повторяют и сегодня складывающиеся союзы, включая Северную Корею, Иран и дружественное Средиземноморье...

Изложенный выше фактический материал позволяет оценить необходимость продолжать начатое нами направление исследования (с элементами «расследования»), что представляется темой отдельной работы, которая должна раскрыть во всех проявлениях тезис, что прообразом государственной юрисдикции является местная религиозная община. Здесь мы смогли проиллюстрировать важность этой работы для продолжения типологизации народонаселения евразийской юрисдикции.

Литература

1. <http://slovari.yandex.ru/перекати-поле/БСЭ/Перекати-поле/>.
2. Интервью И. Савкина // Социум. 1992. № 5 // http://ru.wikipedia.org/wiki/Лев_Гумилев.

Б.И. БОЯРИНЦЕВ, Е.В. РОЖКОВА

Социально-экономический механизм укрепления здоровья населения евразийского пространства

Аннотация. Статья посвящена кардинальной проблеме евразийского пространства — здоровью населения и совершенствованию здравоохранения. Особое внимание уделяется проблемам профилактики и методов укрепления здоровья населения постсоветских стран.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, политика здравоохранения, экономика здоровья.

Abstract. The article is devoted to a cardinal problem of the Euroasian space, to the population health and health care improvement. The special attention is paid to problems of prevention and methods of strengthening of the population health in the Post-Soviet countries.

Keywords: healthy lifestyle, policy of health care, health economics.

Вопросы, связанные с проблемами здоровья населения, поднимались исследователями евразийского пространства на протяжении многих лет, задолго до возникновения экономики здравоохранения как науки.

Исторически зарождение представлений о здоровом образе жизни относят еще к IV в. до н. э. (Веды Древней Индии, восточная философия, античная философия Древней Греции и пр.). Фактически любое общество имеет собственное представление о здоровье как части своей культуры. Соответственно уже на ранних этапах развития

медицинской науки стало формироваться представление о сложном влиянии различных факторов на здоровье людей и необходимости создания общественных форм его охраны [1, 14].

С 1960-х гг. с развитием в рамках экономической науки теории человеческого капитала усилилось экономическое обоснование важности долгосрочных инвестиций в «капитал здоровья». В настоящее время концепция экономики здоровья развивается на стыке многих наук: экономики, демографии, социологии, профилактической медицины, менеджмента здравоохранения и пр. Целью концепции является не только исследование специфики экономических отношений в здравоохранении, но и выявление социально-экономических факторов, влияющих на изменение показателей здоровья населения [2, 11].

Согласно Уставу Всемирной организации здравоохранения, здоровье — это состояние физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Аналогичным образом здоровье определяется и в Федеральном законе РФ № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»: состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройств функций органов и систем организма.

Исследователи вопросов экономики здоровья отмечают: важнейший элемент экономического механизма здравоохранения — формирование у людей потребности быть здоровыми, вести здоровый образ жизни, что предполагает финансирование и стимулирование не только санитарно-гигиенической культуры, но и культуры отдыха, общения, потребления, поведения, межличностных отношений [3, 7].

Действительно, проблемы здоровья нельзя решить только за счет применения совершенных технических средств диагностики и лечения. Человек выступает активным участником процессов сохранения и приобретения здоровья, что требует осознания субъектом себя и собственного образа жизни. Знание различных факторов, оказывающих влияние на здоровье, формирует динамичную систему поведения человека, предполагающую постоянное корректирование своего поведения с учетом приобретенного опыта, наследственных и возрастных особенностей.

До середины XX в. в отечественной науке не существовало единой концепции по поводу того, что определяет индивидуальное и общественное здоровье. Однако в результате большого количества исследований, применения социологических, эпидемиологических, психологических, статистических и других методов на постсоветском пространстве формировалась концепция факторов риска, где главный

фактор риска (он же фактор здоровья) — поведение человека, живущего в конкретных социально-экономических условиях.

К настоящему времени теория экономики здоровья населения евразийского пространства выработана лишь в основном, при этом одним из важнейших направлений ее дальнейшей разработки является инновационный механизм укрепления здоровья населения. Результаты исследований, проведенных на кафедре социальной сферы экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, позволяют утверждать, что модернизация системы здравоохранения, включая социально-экономический механизм укрепления здоровья, направленная на комплексную профилактику заболеваний, дает существенно более значимый прирост общественного благосостояния, по сравнению с пассивной, направленной только на лечение больных, политикой здравоохранения.

Обеспечение сохранения здоровья населения — один из приоритетов современной государственной стратегии Российской Федерации. Увеличение продолжительности жизни, укрепление здоровья населения — одна из базовых целей демографической политики РФ (Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении концепции демографической политики РФ»). Основные направления государственной политики в части профилактики и формирования здорового образа жизни регламентируются Федеральным законом РФ №323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», где определяется новая парадигма в здравоохранении: от лечения — к профилактике. Реализация второго этапа приоритетного национального проекта «Здоровье» направлена на развитие мер первичной медицинской профилактики, социальной медицины, в связи с чем активизируются оснащение и развитие инфраструктуры и элементов профилактической медицины на различных уровнях отечественного здравоохранения.

Можно утверждать, что современный этап развития системы здравоохранения России и других государств евразийского пространства характеризуется формированием систематизирующей идеологии и социально-экономического механизма укрепления здоровья и разработкой методологии всех функциональных разделов профилактической медицины. В этой связи естественно наличие повышенного интереса исследователей на постсоветском пространстве к данным вопросам, что проявляется в значительном количестве научных публикаций по тематике укрепления здоровья, профилактической медицины, направлениям, специфике организации и вопросам формирования здорового образа жизни населения в целом. Безусловно, именно социально-экономический механизм укрепления здоровья является

наиболее эффективным направлением в развитии современной системы здравоохранения.

Исследователи вопросов укрепления здоровья населения констатируют: фактически медицинская профилактика в системе евразийского здравоохранения находится в начальной стадии организации и часто декретируется как комплекс мероприятий, направленных только на преодоление вредных привычек в образе жизни населения. По итогам многолетних исследований можно утверждать, что механизм укрепления здоровья населения — профилактику — нужно рассматривать как комплексную систему мероприятий, направленных одновременно:

- на ограничение влияния главного причинного («пускового») фактора заболеваний;
- на изменение образа жизни;
- на раннюю диагностику за счет активного выявления групп высокого риска, их превентивное лечение и т. д.

Соответственно можно говорить о том, что в рамках обеспечения охраны здоровья населения евразийского пространства приоритетным направлением деятельности является развитие социально-экономического механизма укрепления здоровья и мероприятий, в основе которых лежит формирование здорового образа жизни. Этот механизм включает в себя не только медицинскую профилактику, но и социальную составляющую. В рамках укрепления здоровья наиболее значительная роль принадлежит социально-экономическим мероприятиям, а с точки зрения медицинской составляющей критерием здорового образа жизни является медицинская (профилактическая) активность.

Развитие социально-экономической и профилактической активности населения евразийского пространства — важнейшая цель механизма укрепления здоровья, которая предполагает большой спектр деятельности центров здоровья. Данные центры призваны реализовывать большую часть мероприятий по укреплению здоровья населения, а именно:

- информирование населения евразийского пространства о вредных и опасных для здоровья человека факторах;
- оценку функциональных и адаптивных резервов организма, прогноз состояния и экономического потенциала здоровья;
- формирование у граждан государств Евразии ответственного отношения к своему здоровью и здоровью своих близких;
- обучение населения гигиеническим навыкам и мотивирование их к отказу от вредных привычек;
- обучение эффективным методам профилактики заболеваний;

- консультирование по укреплению и экономике здоровья;
- разработку индивидуальных социально-экономических рекомендаций сохранения здоровья и качества жизни;
- организацию мероприятий по формированию здорового образа жизни;
- мониторинг показателей в области профилактики неинфекционных заболеваний и формирования здорового образа и качества жизни и т. д.

Как отмечают специалисты стран Евразии, центры здоровья существенно разгружают врачей поликлиник, взяв на себя большую часть профилактической работы со здоровыми людьми. Вместе с тем центры здоровья пока еще в большей степени выступают в роли подразделений функциональной диагностики, ориентированных не на прогноз состояния здоровья, а на констатацию его нарушения, хотя основная задача данной структуры — укрепление индивидуального здоровья и медико-социальная профилактика — намного шире. Кроме того, отмечается, что, если диагностическая часть работы центров здоровья, благодаря применению нового оборудования, не вызывает особых трудностей, то обучение и формирование социально-экономических и других принципов приверженности к здоровому образу жизни требуют разработки и внедрения современных технологий. Так, например, аналитиками отмечается, что сегодня в пропаганде здорового образа жизни мода является более весомым аргументом, чем здоровье. Данная проблематика уже разрабатывается в социологических исследованиях [4]. При этом основная трудность при реализации этой части задач центров — создание устойчивой мотивации у населения евразийского пространства к сохранению здоровья, к отказу от вредных привычек, к борьбе с факторами риска. Тем не менее очевидно, что у врачей центров здоровья в этом плане пока лишь чуть больше возможностей, чем у врачей поликлиник.

Говоря об источниках финансирования такого рода инноваций в сфере здравоохранения, нельзя не отметить наличие определенной специфики и проблематики, вызванной колоссальной социально-экономической значимостью медицинского труда и противоречиями между медицинской, экономической и социальной эффективностью [5]. Тем не менее непосредственным социально-экономическим результатом внедрения механизма укрепления здоровья населения евразийского пространства является сокращение расходов общества на лечение больных, на сопутствующие социальные выплаты (оплата больничных листов, пособий по инвалидности, потере кормильца и пр.), экономический рост в связи с активизацией отдачи трудового потенциала населения.

Механизм профилактики заболеваемости и укрепления здоровья населения — это вид общественного блага, реализация которого снижает совокупные расходы государств Евразии на лечение больных, сопутствующие социальные выплаты, а также сокращает стоимостное выражение потерь трудового времени вследствие временной утраты трудоспособности, инвалидизации и преждевременной смертности населения, вызываемой заболеваниями [6, 10]. Вместе с авторами данного определения настаиваем, что расходы на профилактику заболеваемости и укрепления здоровья населения евразийского пространства необходимо рассматривать как инвестиции в здоровье населения, а источником их финансирования должны быть государственные бюджеты Азербайджана, Армении, России, Казахстана, Белоруссии и Украины, в отличие от расходов на лечение, которые могут финансироваться из различных источников.

Тем не менее, несмотря на ограничения в источниках финансирования дорогостоящей регулярной профилактики и оздоровления населения постсоветского пространства, окупаемость данных инвестиций весьма высока. Опыт по проведению масштабных программ профилактики заболеваемости в СССР выявил, что инвестиции в профилактику окупаются за счет снижения совокупных расходов общества в соотношении от 1:10, а за счет сокращения средней продолжительности заболеваний в расчете на одного работающего только на один день страна получала дополнительно на 2,2 млрд р. продукции [7, 11].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

- в рамках обеспечения здоровья населения евразийского пространства приоритетным направлением деятельности является развитие системы укрепления здоровья и профилактических мероприятий;
- механизм профилактики и укрепления здоровья должен включать социально-экономическую и медицинскую составляющие, а также сервисную компоненту, пропаганду здорового образа жизни и т. п.
- для повышения уровня общественного здоровья требуются решения инновационного характера, предполагающие научную разработку и практическое внедрение новых медико-экономических технологий скрининга механизмов укрепления здоровья, новых организационных форм первичной профилактики, современных технологий обучения и формирования социально-экономических и других принципов приверженности к здоровому образу жизни;
- в силу наличия противоречий в экономической и социальной эффективности первичной медицинской профилактики, финансирова-

ние инноваций в профилактической деятельности и других направлениях работы центров здоровья прерогатива государств;

- экономический эффект от инновационных изменений в социально-экономическом механизме укрепления здоровья и в медицинской профилактике проявляется в долгосрочной перспективе и выражается в снижении совокупных расходов на лечение и сопутствующие социальные выплаты, а также в снижении потерь трудового времени и соответствующих потерь роста ВВП.

Литература

1. *Войцехович Б.А.* Общественное здоровье и здравоохранение. Ростов н/Д, 2007.
2. *Букин А.К.* Социально-экономические аспекты реализации целевых комплексных программ профилактики сердечно-сосудистых заболеваний. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009.
3. *Бояринцев Б.И., Гладышев А.А.* Экономика здоровья населения. М., 2001.
4. *Терёшкина В.Н.* Мода как фактор развития здорового образа жизни молодежи: Автореф дис. ... канд. экон. наук. Архангельск, 2013.
5. *Рожкова Е.В.* Медицинские услуги: понятие и особенности // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 3.
6. *Хан И.С., Гулевич А.П.* Об оптимизации экономических эффектов в стратегиях профилактики неинфекционных заболеваний // Вестн. ТГЭУ. 2008. № 2.
7. *Бояринцев Б.И.* Экономические основы хозяйствования медицинских коллективов. М., 1990.

А.А. БАБАЕВА

Некоторые вопросы совершенствования механизма инновационного роста современной экономики

Аннотация. Излагается авторская позиция по некоторым вопросам совершенствования механизма инновационного роста национальной экономики на примере Азербайджанской Республики. Рассматриваются возможности такого совершенствования на целом ряде направлений деятельности государства, включая социальную и собственно экономическую политику, в том числе — на уровне регионов,

сверяясь при этом с положениями Концепции развития «Азербайджан—2020: взгляд в будущее».

Ключевые слова: инновационный рост, современная экономика, механизм инновационного роста, Концепция развития «Азербайджан—2020: взгляд в будущее», социальная политика, экономическая политика, региональный уровень.

Abstract. The article represents the author's vision of some issues of improving the mechanism of innovation growth of national economy, considering the Republic of Azerbaijan as a concrete example. The author examines possibilities of such improving at several directions of the state's activities, among them social sphere and the very economic policy, including the regional level. The author also corresponds her conclusions with the theses of the Conception of development «Azerbaijan—2020: glance to the future».

Keywords: innovation growth, contemporary economy, mechanism of innovation growth, Conception of development «Azerbaijan—2020: glance to the future», social policy, economic policy, regional level.

Проблема инновационного роста современной экономики неотделима от общих задач модернизации всего современного общества. Как подчеркивается в «Концепции развития “Азербайджан—2020: взгляд в будущее”», «в 2020 году Азербайджан станет экономически и социально развитой, конкурентоспособной во всех сферах страной (выделено автором)» [1, 10]. Это означает, что модернизация экономики является составной и неотъемлемой частью модернизации страны, в том числе — системы ее общественных отношений. Соответственно, говоря об инновационном росте как стратегическом направлении развития национальной экономики, мы должны отдавать себе отчет в том, что обеспечение такого роста, его механизм выходят далеко за пределы чисто экономических отношений и включают в себя в качестве элементов многие социальные, институциональные и другие аспекты.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов ресурсное обеспечение (иначе говоря, потенциал) инновационного роста, без которого, собственно, невозможен сам рост. Составляющими этого потенциала являются как природные факторы, так и созданные в результате предшествующей деятельности человека производственные возможности, прежде всего — основной капитал различных отраслей экономики. И здесь, говоря о приоритетном значении несырьевых факторов роста, важно не перегнуть палку, иными словами, необходимо ставить вопрос не о каком-то «задвигании» на второй план нефтяной отрасли, а о продолжении максимальной ее модернизации и еще более эффек-

тивного, нежели в настоящее время, использования доходов от нее в интересах модернизации всей экономики, социальной сферы и общества в целом.

Если говорить о путях достижения стратегических целей развития азербайджанских экономики и общества, зафиксированных в «Концепции развития...», то это, по нашему мнению, требует комплексного и постоянного совершенствования *механизма инновационного роста* нашей национальной экономики. Некоторые вопросы совершенствования такого механизма хотелось бы здесь обозначить.

Прежде всего, такое совершенствование должно происходить на целом ряде уровней и направлений деятельности государства и включать в себя: следующее:

1. *На общенациональном уровне* — улучшение системы государственных и общественных институтов, отвечающих современным тенденциям и направлениям развития мировой экономики и использующих (как бы «вбирающих в себя») опыт и достижения тех стран современного мира, которые продемонстрировали наибольшие успехи в социально-экономическом развитии.

Важно отметить, что система таких институтов должна пронизывать всю территорию государства, не оставляя никакие «труднодоступные» регионы в стороне от процессов модернизации, и обеспечивать повсеместное выполнение таких основополагающих условий успешного развития, как:

- повсеместное наличие необходимой институциональной среды для осуществления предпринимательской деятельности на основе личной заинтересованности, инициативы и свободной конкуренции;
- совершенствование законодательства как в гражданско-правовой сфере, так и уголовного, а также правоприменительной практики;
- отсутствие какой-либо политической или иной дискриминации подобной деятельности и необходимая поддержка со стороны органов государственной власти;
- эффективная правовая защита субъектов предпринимательской деятельности, включая полное и безусловное обеспечение физической и имущественной безопасности.

2. *В области социальной политики* — закрепление достигнутого за последние годы прогресса во всех сферах социального развития, позволившего Азербайджану войти в группу государств с «высоким уровнем человеческого развития» по классификации ООН. Это потребует, по нашему мнению:

- постоянного повышения качества человеческого потенциала на основе совершенствования всех сторон жизни и условий трудовой деятельности;

- улучшения системы социального обеспечения и социальной защиты в целом, охватывающей все возрастные и социальные группы населения Азербайджанской Республики;

- повышения уровня организации здравоохранения и качества оказываемой населению медицинской помощи;

- обновления и постоянного совершенствования национальной системы образования, отвечающей самым современным требованиям и ориентированной на подготовку, в первую очередь, высокопрофессиональных специалистов;

- совершенствования всех составляющих социальной защиты (подробнее см.: [1, 28]), включая улучшение условий и средств труда.

3. *В области экономической политики* — продолжение формирования такой экономической модели развития, которая органично сочетала бы в себе зрелые рыночные отношения и эффективное государственное регулирование [1, 13]. Такая модель развития предполагает:

- ускорение диверсификации национальной экономики с тем, чтобы высокие темпы развития отраслей несырьевого сектора (особенно в передовых, наиболее технологичных отраслях), а также непосредственно определяемые ими возможности дальнейшего расширения экспортной деятельности не зависели от поступления и величины нефтяных доходов;

- реструктуризацию основных отраслей национальной экономики (и, в первую очередь, промышленности) путем изменения модели развития в сторону его большей устойчивости;

- поиск баланса между учетом требований увеличения количественных показателей экономического роста и повышения его качественной составляющей;

- интенсификацию реализации имеющихся у национальной экономики сравнительных преимуществ в материальных ресурсах, энергетике, науке и образовании, высоких технологиях;

- повышение эффективности использования производственных факторов;

- развитие современной производственной и логистической инфраструктуры в совокупности с разработкой и реализацией крупных проектов, имеющих общенациональное значение, при этом приоритет должен отдаваться несырьевому сектору экономики.

Что касается последнего, то в «Концепции развития...» на этот счет ставятся четкие цели: в течение охватываемого документом периода, т. е. вплоть до 2020 г, средние темпы роста реального ВВП по ненефтяному сектору должны превышать 7% [1, 11].

Интенсивность инновационного обновления наиболее передовых и перспективных отраслей экономики во многом зависит от достижения положительной динамики производительности труда в них. В свою очередь, повышение производительности труда при наличии прочих составляющих напрямую зависит от продуманной системы мотивации труда — идет ли речь о государственных служащих, работниках бюджетной сферы или занятых в отраслях материального производства (независимо от форм собственности). Любой специалист должен иметь стимулы к самосовершенствованию, овладению более прогрессивными навыками организации собственного труда и дальнейшему повышению своей квалификации. И именно задачей государства являются создание системы достойной мотивации труда современных специалистов, организация стимулирования их стремления совершенствовать собственную квалификацию.

Сказанное выше предполагает, что задачу собственно управления инновационным экономическим процессом, его совершенствованием, равно как созданием и внедрением (использованием) новой техники и технологий в производстве товаров и сфере услуг (включая социальную сферу) нельзя решить без постоянного улучшения кадрового потенциала, прежде всего — высококвалифицированных специалистов. В этом смысле Азербайджан демонстрирует, на наш взгляд, хорошую динамику подготовки кадров высшей квалификации, являющихся обладателями научных званий и степеней. Можно сказать, что это относится к одному из сравнительных преимуществ нашей национальной экономики в научном и образовательном обеспечении, о чем шла речь выше. Так, согласно данным Статистического комитета Азербайджанской Республики, только за один 2012 г. количество ученых и специалистов высшей квалификации, имеющих степень *доктора наук* (Doctor of Science), увеличилось почти в 1,4 раза и достигло 1300 человек, а количество высококвалифицированных ученых и специалистов со степенью *кандидата наук* (Philosophy Doctor) возросло почти в 1,57 раза и составило около 5500 человек [2, 25].

Таким образом, в настоящее время наша страна обеспечивает себя достаточным кадровым потенциалом для формирования и совершенствования модели экономического развития, основанного на разработке и претворении в жизнь прорывных инновационных решений и поддержании устойчивого инновационного роста.

И еще на одном важном, как нам представляется, аспекте хотелось бы остановиться. Выше уже говорилось о задаче обеспечения «доведения» всех мер в рамках совершенствования механизма инновационного роста до территории всех регионов. В «Концепции развития...» сказано, что в период ее действия «будут сокращены существующие между экономическими районами страны различия по уровню и качеству жизни, объему выпускаемой продукции и инвестиций на душу населения» [1, 21]. Применительно к интересующему нас предмету, это означает, что в стране не должно оставаться отсталых в социально-экономическом отношении регионов, находящихся — какими бы причинами это ни объяснялось — в стороне от процессов инновационного роста.

Чтобы избежать подобного отставания в «региональном разрезе», по нашему мнению, следует предпринять следующие меры. Во-первых, необходим продуманный комплекс мероприятий (если потребуется — в виде специальной программы по каждому региону отдельно) по учету имеющегося на данной территории производственного потенциала всех отраслей, эффективности его использования и возможности ее повышения, степени пригодности этого потенциала в ходе последующего осуществления модернизационных мероприятий на территории конкретного региона. В ряде случаев вполне может оказаться так, что после технико-технологического переоснащения с применением инновационных достижений и необходимой модернизации существующего оборудования (или его отдельных составляющих) именно на базе уже действующих предприятий будет экономически выгоднее организовать передовые производства, нежели тратить средства на создание совершенно новых производств «с нуля».

Во-вторых, используя опыт проведения региональной политики, накопленный в наиболее передовых в социально-экономическом отношении странах современного мира, следует продумать систему мер по сокращению имеющихся различий в социально-экономическом развитии между районами Азербайджанской Республики. Там, где это необходимо, следует обеспечить развитие опережающими темпами элементов производственной, транспортной и социальной инфраструктуры, в том числе посредством целевого финансирования из бюджета.

В-третьих, всячески стимулировать приток в регионы частных капиталов, в том числе иностранных инвестиций, для чего активизировать политику стимулирования инвесторов к активизации рассчитанной на долгосрочный период деятельности в экономике Азербайджанской Республики.

После имевшего место сокращения поступления иностранных инвестиций в экономику республики в 2009 г., вызванного достигшим в тот год наибольшей остроты мировым финансово-экономическим кризисом, в последующие годы в нашу страну возобновился приток капиталов из-за рубежа. Так, в 2010 г. объем иностранных инвестиций в основную капитал азербайджанской экономики увеличился по сравнению с предыдущим годом на 46%, в 2011 г. — на 8%, по итогам 2012 г. их увеличение составило 25% [2, 546]. Обеспечить приток иностранных инвестиций более ритмичными и поступательными темпами возможно, на наш взгляд, при условии открытия на территории большего числа регионов страны масштабных и долгосрочных проектов, гарантирующих инвесторам стабильную прибыль от их вложений.

При этом следует помнить, что использование поступающих в национальную экономику иностранных инвестиций с точки зрения принимающей стороны наиболее эффективно при осуществлении инновационных проектов. Другой вопрос: как сделать так, чтобы и владельцы капиталов со своей стороны были заинтересованы в инвестициях именно в инновационные проекты (вложения в которые могут в краткосрочном периоде и не окупиться), нежели в те, которые сулят быструю отдачу и максимальную прибыль? Здесь, опять же, необходимо подключить во многих случаях не использованные пока еще потенциальные возможности отдельных регионов. Кроме того, можно воспользоваться опытом различных стран, в том числе наших соседей, в области привлечения в регионы иностранных капиталов.

Так, целесообразно расширить способы предоставления иностранным инвесторам финансовых гарантий, предусмотренных, кстати, мировой практикой. Здесь важную роль может сыграть использование системы страхования иностранных кредитов от различных рисков как коммерческого, так и иного характера на территории конкретного региона. Для этого возможно создание либо специальных страховых компаний с участием как центральных, так и местных органов власти и управления, а также — что является важнейшим условием — заинтересованных субъектов хозяйственной деятельности с азербайджанской стороны, либо филиалов уже действующих на территории нашей страны крупных страховых компаний.

То же относится и к банкам. В нашем случае возможно учреждение специальных банков развития в конкретных регионах с государственно-частным участием в уставном капитале с целью софинансирования крупных инновационных проектов с иностранными инвестициями либо открытие филиалов крупных столичных банков под конкретную поставленную задачу.

Далее, следует активнее использовать практику и механизм открытых международных торгов, которые делали бы участие иностранных инвесторов в конкретных больших проектах абсолютно прозрачным и позволяли им рассчитывать собственные финансовые планы и возможности на длительную перспективу.

Литература

1. Концепция развития «Азербайджан—2020: взгляд в будущее» // <http://president.az/>.
2. Statistical Yearbook of Azerbaijan. 2013. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. Baku, 2013.

Е.В. АНДРИЕНКО

Баланс индивидуализма и коллективизма как условие социальной стабильности

Аннотация. Статья посвящена философскому исследованию индивидуализма и коллективизма как характеристик мировоззрения членов демократического общества. Были проанализированы различные факторы утверждения индивидуализма в условиях демократии. Сделан вывод о том, что в мировоззрении демократического социума всегда присутствует как индивидуализм, так и коллективизм. Их баланс является важнейшим условием социального развития.

Ключевые слова: мировоззрение, общество, демократия, индивидуализм, коллективизм.

Abstract. The article is devoted to the philosophical inquiry of individualism and collectivism as the characteristic features of a worldview of the democratic society members. Different factors of establishment of individualism under circumstances of democracy have been analyzed. It was concluded that in the democratic society's worldview both individualism and collectivism are always presented. Their balance is necessary for successful social development.

Keywords: worldview, society, democracy, individualism, collectivism.

Индивидуализм и коллективизм являются одними из базовых универсалий общественного мировоззрения. Но в каждом социальном контексте их реализация имеет свою специфику. Особую актуальность на сегодняшний день приобретает вопрос о взаимосвязи индивидуализма и коллективизма в условиях становления демократии.

Когда речь идет о демократии и ее наиболее ярких образцах, то прежде всего имеются в виду развитые общества Запада (а именно: США, Канада, Великобритания, Скандинавские страны и т. д.). При этом для их характеристики вместе с демократизмом всегда рассматривается индивидуализм. На другом теоретическом полюсе размещаются страны Азии и Латинской Америки, а также Восточной и Юго-Западной Европы. Но связь между мировоззренческими установками членов этих обществ является не такой простой, как это может показаться на первый взгляд. Как пишет Е. Мурадян, сегодня биполярное видение ценностного мира демократических держав противоречит изменениям в современных обществах, а дилемма «индивидуализм — коллективизм» трансформировалась в дилемму «индивидуализм — коммунитарность» [1, 482]. Главным отличием коммунитаризма от коллективизма при этом считается то, что он делает акцент на личных обязанностях перед малыми группами (семья, рабочий коллектив и т. п.), а не перед обществом в целом (что является довольно абстрактным для отдельного человека). Дискуссии о соотношении индивидуальных свобод и общественных обязанностей утратили свою былую значимость. Вместо этого на первое место вышла проблема поиска гибких форм баланса между обществом и личностью, между правами и обязанностями.

Одной из центральных идей универсалистского демократического мировоззрения является идея о том, что существуют определенные стандарты «правильного» и оптимального общественного развития, которые могут быть определены и внедрены в общественную практику. Как следствие, в странах, среди жителей которых господствует такое мировоззрение, обычно традиционной является высокая степень законопослушности. При этом действуют следующие установки: «правила — важнее личных связей», «закон — прежде всего» [2, 85—87] и т. д. Такие страны можно условно назвать «культурами универсальных истин». Несмотря на весь индивидуализм Запада, именно в западных обществах доминирует «культура универсальных истин».

В отличие от них в «культурах партикулярных истин» акцент делается на конкретных обстоятельствах и условиях. Соблюдение социальных норм является не таким жестким, как в «культурах универсальных истин». Распространенной практикой является поиск индивидуальных причин и обоснований для нарушения существующих правил, в том числе и норм законодательного и правового характера.

В мировоззрении личности, которая действует в демократическом обществе, присутствуют как индивидуализм, так и коллективизм. То же самое утверждение касается и членов обществ, находя-

щихся в процессе активного построения демократии. Так, компаративное исследование ценностных групп индивидуалистов и коммунистаристов в современном украинском социуме, проведенное Е. Мурадян [1, 484—486] в 2006—2007 гг. показало, что ценностная группа индивидуалистов совсем немного отличается от группы коммунистаристов по уровню образования.

В целом, ценностные доминанты индивидуалистической и коллективистской форм мировоззрения нашли достаточно полное отображение в исследовании нидерландского ученого Г. Хофштеда [3] и его коллег и выражаются в следующем.

Для индивидуализма характерны: 1) идентификация, основанная на осознании собственной индивидуальности; 2) распределение обязанностей, прежде всего среди отдельных индивидов; 3) представление о равенстве всех граждан перед законом, наличие одинаковых прав у всех граждан; 4) страх потерять самоуважение, чувство вины; 5) ограниченная роль государства в экономической системе; 6) ориентация на личностную самореализацию в обществе как на главную жизненную цель; 7) построение отношений в системе «работодатель — работник» на контрактной основе.

Для коллективизма характерны: 1) идентификация, основанная на принадлежности, включенности в определенные социальные сети; 2) социальные обязанности интерпретируются как обязанности всей группы; 3) зависимость прав и законов от принадлежности к определенной группе; 4) страх потерять «лицо», чувство стыда; 5) социальная гармония как главная жизненная доминанта личности; 6) доминирующая роль государства в экономике; 7) построение отношений в системе «работодатель — работник» происходит по типу семейных связей.

Можно выделить ряд факторов, способствующих утверждению индивидуалистического мировоззрения.

Индивидуализму в демократических странах способствуют особенности социализации. Общество, как известно, формируется из индивидов, отдельных личностей, а личность перед тем, как стать полноценным членом общества, с необходимостью проходит процесс социализации. В связи с доминированием нуклеарной модели семьи в западных обществах ближайшее окружение человека с самого начала способствует формированию «Я-сознания», а не «Мы-сознания». К этому прибавляется также и культ ребенка, зачастую — единственного в семье. Естественно, мотивом семейного воспитания в любом обществе является стремление сделать ребенка самостоятельным и способным к независимой жизни. Но в развитых демократиях Запада этот принцип доведен до максимального выражения. Часто, заканчивая

школу и начиная получать специальность, молодые люди резко обрывают связи с отцовскими семьями и начинают жить отдельно, ведя собственное хозяйство. В отличие от советского общества с его развитыми чертами патернализма и коллективизма, в западных демократиях современное государство ставит не своей целью непосредственно устраивать будущую жизнь молодого поколения, поэтому главное, на что сориентировано как семейное воспитание, так и образование — это формирование в личности навыков быстро приспосабливаться к изменениям, самостоятельно получать необходимую информацию и учиться новому. Отношения в западном социуме, начиная со сферы образования и заканчивая деловыми и дружескими отношениями, пронизаны идеей ситуативности, эффективного достижения цели, а не поддержания долгосрочных контактов ради них самих. Отсюда — своеобразный подход к дружбе среди членов американского общества, когда человек разделяет «друзей для работы», «друзей для спорта», «друзей для пикника» и т. д.

Свое влияние на формирование индивидуалистического мировоззрения оказывает и содержательное наполнение образования. Современная образовательная модель, которая активно распространяется в странах бывшего СССР, ориентирована на четкую и узкую специализацию и формирует выраженный дух конкуренции. Такой подход действительно способствует формированию индивидуализма личности, но при этом из-за него страдает усвоение общечеловеческих универсалий, что значительно обедняет духовно-интеллектуальную сферу личности. Этот аспект осознается многими западными и восточными теоретиками как эффективный, но способ сохранения баланса в этой сфере до сих пор не найден. На эту проблему обращает внимание современный казахстанский исследователь В. Курганская, которая пишет: «Актуализация содержания мировоззренческих универсалий (Мир, Человек, Божество, Душа, Благо, Истина, Красота, Свобода, Судьба, Счастье, Жизнь, Смерть, Страдание, Вечность и другие) в педагогическом процессе позволит в принципиальном плане преодолеть разрыв между экзистенциально-личностной сферой познавательно-теоретической культурой, между свободной игрой воображения и научно-методологической дисциплиной теоретического мышления» [4, 523].

Формирование индивидуалистического или коллективистского мировоззрения в процессе социализации обусловлено и языком (стоит вспомнить такие известные формулы, как «Один в поле — не воин», «Гуртом і батька легше бити» (укр.)), и традиционными нормами поведения. Ярким примером отличия восточных и западных, коллективистских и индивидуалистических мировоззренческих установок яв-

ляется сфера деловой коммуникации. Так, выходя из стран Америки или Европы сразу бросается в глаза то, как сильно отличается языковой этикет восточных деловых организаций (например, японских и корейских) от языкового этикета Запада. Еще одним ярким примером являются корейские туристские группы. Хотя, как правило, они формируются из случайных людей, они очень быстро структурируются [5, 107]. Иерархия складывается согласно возрасту, образованию и месту работы. В группе быстро находится лидер и группа «старших». В справочниках для служащих, которые весьма популярны в корейских книжных магазинах, детально описывается то, как следует общаться с человеком, находящимся на более высокой статусной позиции.

Демократический общественный строй способствует реализации личностного жизнетворчества как особого типа жизненной активности, в котором жизнь личности представлена в виде творческого акта, что подтверждает ее уникальность и способствует инновационному развитию общества. Украинский специалист по данному вопросу Н. Богданова пишет: «...задача школы и общества заключается в том, чтобы реализовать жизнетворческую стратегию воспитания, которая обеспечила бы обретение личностью позитивной жизненной компетентности... в демократическом обществе жизнетворчество личности проявляется, прежде всего, как процесс утверждения (реализации, самореализации) личностью собственной жизни в соответствии с индивидуально сформированным идеалом» [6, 254, 260].

Также индивидуализм связан с уровнем политического и экономического развития того или иного общества. Не случайно наиболее «индивидуалистическими» являются страны «золотого миллиарда». Рост финансового благополучия способствует росту психологической и социальной независимости, поэтому индивидуалистическое мировоззрение наиболее развито в обеспеченных западных странах по сравнению с менее развитыми экономически странами Востока. Хотя существует и абсолютно противоположная точка зрения, наиболее ярко представленная в трудах М. Вебера, согласно с которой не финансово-экономическое благополучие является фактором формирования индивидуализма, а именно индивидуалистическое мировоззрение выступает фактором экономического развития. Итак, этот вопрос остается открытым для дискуссий.

Американский ученый М. Бук в своей работе, посвященной индивидуализму американского общества, пишет: «Для того, чтобы поддерживать нашу политическую и экономическую свободу... нам следует сохранять частную сферу как можно более широкой и дифференцированной... Вопрос сегодня стоит о том, каким образом мы как

личности можем защититься от двух мощных сил, довлеющих над нами — большого бизнеса и большого правительства. Если мы попытаемся контролировать большой бизнес через призывы к все более глубокому государственному внедрению в наши жизни, что при этом будет превалировать — выгоды или потери?» [7, 47]. Исследуя американский индивидуализм, М. Бук справедливо указывает и на его негативные аспекты, такие как культивация эгоизма и стремление к наживе любой ценой. Но в результате проявления этих аспектов западное общество получило ряд таких известных личностей, как Дж. Рокфеллер, Г. Форд, Г. Хаджес, Р. Веско и др. Власть и богатство являются граничными целями западного индивидуалистического мировоззрения, они непосредственно связаны с идеей «американской мечты» и идеей человека, который «сделал себя сам», благодаря индивидуальным усилиям. Конечно, такой человек сразу обретает успех и популярность в обществе. Логично, что личность, прошедшая долгий и сложный путь к индивидуальному успеху, стремится окружить себя символами своей личной победы.

М. Бук, Дж.К. Гелберт и другие исследователи называют ориентацию на постоянное возрастание благополучия и потребления наиболее серьезной болезнью современного американского общества, которая неминуемо приводит к истощению природных ресурсов.

Формирование индивидуалистического мировоззрения личности связано с плюрализмом, т. е. с позицией, согласно которой признается существование множества мировоззренческих моделей, ценностных систем, норм поведения, которые не могут быть сведены друг к другу. Плюрализм в наиболее широком смысле предполагает свободу выбора. Отсюда можно сделать вывод, что чем более разнообразной является аксиологическая сфера общества, тем более благоприятны условия для формирования в нем индивидуализма. Прежде всего, это относится именно к демократическим, поликультурным и полинациональным обществам, в которых человек, выбирая ту или иную систему, делает первый шаг к индивидуалистическому мировоззрению. Одновременно такие социальные обстоятельства требуют от личности толерантного отношения к другим ценностным системам и другим мировоззренческим моделям. Итак, демократизм большее благоприятен для развития индивидуализма, чем авторитаризм, благодаря поддержке плюрализма в разных социальных сферах. Но возникает вопрос о том, насколько тотальным можно считать данный вывод. Ведь из этого можно вывести и тезис о том, что для развития демократии в обществе должно активно развиваться демократическое мировоззрение. В то же время в мире есть целый ряд культур, традиционные мировоззренческие системы которых не согласуются с за-

падным индивидуализмом (прежде всего, это восточные страны). Но это совсем не означает, что на Востоке не может быть развитого демократического общества и демократического мировоззрения.

Таким образом, связь индивидуализма и демократии является весьма гибкой, и не всегда доминирование коллективистских мировоззренческих представлений исключает демократическое общественное развитие. Более того, как индивидуалистические, так и коллективистские мировоззренческие модели присутствуют в личном мировоззрении члена любого социума, вопрос заключается лишь в том, какая модель актуализируется в данный момент в конкретном социально-политическом контексте.

Литература

1. *Мурадян Е.С.* Ценностные группы коммунитаристов и индивидуалистов в современном украинском обществе: сравнительный анализ // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*: Зб. наук. пр. Харків, 2008.
2. *Сравнительный менеджмент: Учеб. пособ. / Под ред. С.В. Васильева.* Великий Новгород, 2007.
3. *Руткевич А.М.* Что такое консерватизм? М., 1999.
4. *Курганская В.Д.* «Мировоззренческие универсалии» в поликультурных моделях образования // *Диалог культур и партнерство цивилизаций: X Международные Лихачевские научные чтения (13—14 мая 2010 г.)*. СПб., 2010.
5. *Ферябов І.М.* Значення мовної етики у підвищенні ефективності бізнес стосунків // *Вісник ДонДУЕТ. Сер. Гуман. науки.* 1999. № 3.
6. *Богданова Н.Г.* Життєтворчість особистості в демократичному суспільстві // *Гілея (науковий вісник)*: Зб. наук. пр. / Гол. ред. В.М. Вашкевич. К., 2011.
7. *Buck M.B.* The Effects of Individualism on the American Personality // *Lambda Alpha Journal of Man.* 1978. Vol. 9. No. 1—2.

Вместо заключения

По пути евразийской интеграции

Аннотация. Евразийская международная интеграция — сложный, противоречивый процесс, имеющий глубокое историческое и геостратегическое обоснование. Экономика важна, а еще более важно концептуальное оснащение интеграционного процесса.

Ключевые слова: Евразия, Россия, Украина, международная интеграция, экономика, политика, история, геостратегия, философия хозяйства.

Abstract. Eurasian international integration — a complex and contradictory process that has deep historical and Geostrategic rationale. Economics is important, but even more important conceptual equipment integration process.

Keywords: Eurasia, Russia, Ukraine, international integration, economics, politics, history, geo-strategy, philosophy of economy.

Глобализация и одновременная ей международная регионализация, несущие как глобалический, так и антиглобалический моменты, настойчиво требуют евразийской международной интеграции, осуществляемой вокруг России (не Китая, а именно России, т. е. в северной стороне Евразии), а сама эта евразийская интеграция настойчиво выталкивает Россию на роль основания, центра и лидера данной интеграции. Дело тут в исторической, причем более метафизической, чем феноменальной, объективной потребности. Евразийская интеграция с Россией во главе не столько субъектна-субъективна, хотя это и имеет место, сколько, подчеркнем особо, объективна.

И само выдвижение России на передние позиции тоже объективно, точнее сказать, это не столько желание России, сколько ее миссия. Тут сказываются разные обстоятельства, в том числе и такие, как большие размеры страны, ее воистину евразийское пространство, традиции, империльный опыт, богатые ресурсы, состоявшийся индустриализм, образованное высококвалифицированное население, международный язык (русский) и богатая интернациональная культура (классическая и современная), но главная роль принадлежит, конечно, сохранившемуся и развивающемуся оборонному комплексу, гарантирующему безопасность, государственную независимость, внешнеполитическую силу и возможность геополитического маневрирования, международный авторитет, а также поддерживающему высокотехнологический производительный очаг.

И хотя в «царстве российском» далеко не все благополучно в экономическом, научно-техническом, социальном и внутривнутриполитическом аспектах, что не позволяет России предстать перед своими партнерами воистину процветающей и богатой страной, никакая другая из союзных евразийских стран не может исполнить лидирующей роли в новом международном интеграционном образовании.

Россия и все остальные объединяющиеся страны, их правящие круги и высшие элиты, должны сегодня ясно осознавать, что евразийская интеграция имеет, наряду с текущими и достаточно поверхностными экономическими мотивами, глубокое историческое геостратегическое обоснование, восходящее к потребности группового самосохранения, выживания и спасения, что делает интеграцию делом наскавозь политическим и диктует сегодня необходимость ее содержательного концептуального оснащения, в некоторой своей части и конспиративного.

Насколько важна сегодня и будет еще важнее в будущем евразийская интеграция, показывают кризисные события на Украине, активно стимулируемые и режиссируемые из-за рубежа. У нас, в Северной Евразии, еще только *прединтеграция*, а Запад уже предпринимает все возможные в нынешней глобальной войне усилия, чтобы не допустить интеграции, ее немедленно развалить. Да и сама по себе эта интеграция несет в себе достаточно проблем и противоречий, чтобы, едва начавшись, уже впасть, пусть только вроде бы из-за еще не вступившей в нее Украины, в проекционный кризис.

Евразийская интеграция — вынужденная и ускоренная — рождается в муках!

В нынешнем своем не лучшем виде Россия, несмотря на успешное проведение Сочинской олимпиады, вытянуть полностью и эффективно выпавшую на нее историческую интеграционную миссию не сможет. России нужно немедленно выходить из затянувшегося социально-хозяйственного *пореформенного* кризиса, взяв курс на *постреформенное перестроение*, для чего перейти к практике последовательного государственно-корпоративного *неоуправления*, сопряженного с практикой не отрицающего этого *управления* *неолиберализма*.

Россия тянет за собой интеграцию, интеграция выталкивает вперед Россию! Россия — залог становления и развития евразийской интеграции, а евразийская интеграция — залог выживания, преобразования и развития России!

Ю.М. Осипов

Резолюция

Международной научной конференции — VI Малого университетского форума «Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика», проведенной 4—6 декабря 2013 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова Центром общественных наук при МГУ и экономическим факультетом МГУ

По итогам прошедшей дискуссии, в которой приняли участие ученые, эксперты, политологи и общественные деятели России, Украины, Белоруссии, Казахстана и Польши, конференция-форум принимает следующие концептуальные положения.

1. Евразийская (постсоветская) международная экономическая интеграция, или международная экономическая интеграция на евразийском пространстве, — уже свершающийся и имеющий многообещающую перспективу исторический факт. Не будет преувеличением заявить, что нынешний евразийский (и постсоветский) интеграционный процесс является попыткой эффективного ответа на социально-хозяйственную и геостратегическую катастрофу, постигшую народы Евразии с развалом СССР, как и единого международного воспроизводственного комплекса. Будучи сложным, противоречивым и разнообразно протекающим многофакторным процессом, подлежащим к тому же протяженной во времени многоходовой и разноплановой реализации, евразийская экономическая интеграция требует системного экспертно-интеллектуального осмысления, концептуального обоснования и мобильного проектного моделирования, учитывающих страновые, региональные и общемировые состояния, потребности и тенденции, эффективно сочетающиеся с геостратегической прогностикой. Отсюда необходимость создания целостного направления обществоведческой мысли, способного служить эффективным идейно-ценностным основанием для практического исполнения грандиозного геостратегического деяния, в частности развития теории *пространственной (топологической) экономики*.

2. Конференция-форум исходит из того, что в основе евразийской (постсоветской) интеграции лежит международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства, что означает и строительство в перспективе нового цивилизационного международно-регионального мира, способного к собственному жизнетворчеству в контексте планетарного глобализма. В связи с этим

конференция-форум высказывается за усиление взаимодействия интегрирующихся стран в области культуры, науки и образования, в иных гуманитарных и технических сферах, не теряя связей с планетарным миром, но и не пренебрегая собственными конструктивными возможностями. Отсюда потребность в достижении органического сочетания национальных цивилизационных ценностей с наднациональными — интеграционными и мировыми.

3. Соглашаясь с возможностью использования термина «евразийство» в пространственном, географическом и даже геополитическом аспектах, конференция-форум предостерегает против его вольного или невольного использования для сущностной характеристики России и российской цивилизации, которые, имея европейские и азиатские черты, в основе являются самобытными и самоидентификационными феноменами мирового и континентального бытия, отражающими главную этнокультурную специфику древней страны, называемой ныне Российской Федерацией. Россия — не смесь Европы с Азией, а собственно Россия с необходимыми для соответствующей самоидентификации фундаментальным генотипом и укоренившимися архетипами. В сути России не евразийство, а *российство*, в центре которого такой исторический феномен, как *русскость* (язык, культура, образ жизни и поведения, историческое предназначение и судьба), а рядом с русскостью все этно-культурное многообразие, ее органично дополняющее и обогащающее, составляющее вместе с нею феномен российства.

4. Конференция-форум выступает за развитие международных интеграционных процессов на евразийском (и постсоветском) пространстве, облегчающих и обогащающих социо-хозяйственное бытие евроазиатских стран, как и защищающих их от опасных недружественных влияний извне. Невозможно сегодня быть закрытой страной, как нельзя оставаться и одинокой. Закрытые страны немедленно отстают в развитии, а изолированные имеют шанс рано или поздно исторически проиграть. Конференция-форум высказывается за исключительно добровольное и вполне осознанное движение интегрирующихся стран друг к другу, а также за создание целостного интеграционного образования, не подвергающего сомнению, ограничению или урезанию суверенитета и самостоятельности любых стран-участниц. Евразийская интеграция — не прообраз нового большого государства имперского типа, а более всего договорное межстрановое единение, даже и не межгосударственный союз с развитой и сложной (обычно чрезмерной) наднациональной бюрократией.

5. Подтверждая необходимость соблюдения принципов межгосударственного равноправия и международной взаимовыгодности,

конференция-форум, поддерживая проявляемую руководством Российской Федерации интеграционную инициативность, не исключает первостепенной, если не лидирующей, роли России в сложном межстрановом процессе, что определяется исторически, экономически и цивилизационно, а также подкрепляется оборонными возможностями Российской Федерации. Возврата к чему-либо наподобие Российской империи или СССР быть сегодня не может, да это и не нужно — в первую очередь для самой России. Последняя заинтересована в гибких, партнерских и доверительных отношениях, а не в образовании новой евразийской империи.

6. Высоко оценивая инициативную роль России в евразийском (и постсоветском) интеграционном процессе, конференция-форум высказывается за недопущение какого-либо ущерба интересам России в угоду разворачивающейся межстрановой интеграции. В то же время конференция-форум не выступает против необходимых и обоснованных затрат на интеграционные процессы со стороны российского государства. Конференция-форум не считает возможным и целесообразным никаких «донорских» отношений со стороны России в адрес любых интегрирующихся стран. Конференция-форум констатирует также, что успешная интеграция не может не стимулировать внутреннюю консолидацию России и иных стран-участниц, открывает перед каждой страной качественно новые исторические перспективы.

7. Учитывая инициативную и в чем-то даже первопродходческую роль России в воспроизводственном обустройстве евразийского (и постсоветского) пространства, конференция-форум обращает внимание руководства Российской Федерации и всей российской общественности на острейшую необходимость активного структурного переоборудования российских социума и хозяйства и перевода их на путь гармоничного воспроизводства и всестороннего *неоиндустриального* развития, в связи с чем подтверждает настоятельную потребность в *неолиберальном* характере социо-хозяйственной деятельности российского государства, не отвергающей правовой и деловой свободы российских и зарубежных агентов, но и не пренебрегающей непосредственным участием государства в социо-хозяйственной жизни и в побудительном управлении основными экономико-производственными и социально-демографическими процессами.

8. Отмечая базисный экономико-производственный характер евразийских интеграционных процессов, конференция-форум обращает внимание на сопутствующие интеграции текущие политические, геополитические и геостратегические тенденции, как облегчающие, так и затрудняющие интеграционное движение, вносящие в него новые, часто неожиданные, моменты, изменяющие его ход и характер.

Экономико-производственная интеграция — дело в значительной, если не в решающей, степени, *политическое*, о чем свидетельствуют конкретное политическое поведение стран-участниц, возникающие в связи с интеграцией вполне политические демарши. В связи с выше-сказанным конференция-форум выступает не только за высокую взаимную терпимость государств-партнеров, но и за неукоснительное соблюдение Россией своих геополитических и геостратегических приоритетов. Уступки бывают необходимыми, и они случаются, но всяким уступкам должна быть мера, переходить которую, как отчетливо показала практика 1990-х годов, ни в коем разе нельзя!

9. Любая крупная региональная интеграция не проходит мимо пристального внимания и не остается без того или иного воздействия со стороны не участвующих в данной интеграции мировых сил. Отсюда вытекает необходимость пристального внимания интегрирующихся сторон к внешнему контексту, а также разработке и исполнению совместной внутриинтеграционной деловой и политической стратегии относительно этого контекста и действующих в нем геостратегических сил. Они разные, эти силы, и их отношение с Россией и ее евразийскими партнерами тоже разное, но наивно было бы полагать, что кто-либо из них жаждет получить в Евразии и на планете сильное, эффективное и конкурентное международное региональное образование, как и поступить своими собственными интересами. Конференция-форум считает, что каждый из мировых игроков (США, ЕС, Китай, Индия) заслуживает особого индивидуального отношения со стороны России и ее партнеров — как способствующего реализации евразийского интеграционного проекта, так и предохраняющего его от негативных влияний, как и возможного вдруг доминирования в ней крупного конкурентного игрока.

10. Конференция-форум подчеркивает особое значение для жизнеспособности евразийской интеграции основополагающего взаимодействия России, Белоруссии, Казахстана и Украины, но при этом не без большого сожаления, хотя и с пониманием, отмечает возникающие между исторически, культурно и территориально близкими странами проблемы, противоречия и разногласия. Конференция-форум с большой озабоченностью и искренней тревогой констатирует ожидаемо-неожиданное возникновение в евразийском постсоветском пространстве «украинского вопроса», напрямую обусловленного интеграционной проблематикой. Имеет место раскол Украины на, условно говоря, проевропейскую и проевразийскую части, имеющий следствием тяжелейший социально-политический кризис, за которым проглядывают самые вредоносные исходы: на карту поставлен гражданский мир, как и сама целостность страны. Разумеется, возникнове-

ние и разрешение возникшей на Украине социально-политической коллизии — дело Украины и ее народа, — и история каким-то образом обязательно найдет то или иное решение, но России и ее евразийским партнерам нужно быть готовыми к любому развороту событий на Украине, в том числе и антиевразийскому. Само же обращение сегодня к «украинскому вопросу» важно для понимания всей серьезности, историчности и даже метафизичности разворачивающихся в мире интеграционных, но в то же время и локализационных, процессов, в особенности евразийских. Конференция-форум с одобрением относится к проводимой российским руководством и органами Таможенного союза терпеливой и внятной работе в пользу возникающей и развивающейся евразийской (и постсоветской) интеграции — явно необходимой, полезной и в общем-то спасительной для всех ее участников. Это дает основание надеяться на удовлетворительное разрешение как «украинского вопроса», так и эффективное исполнение большого евразийского интеграционного проекта.

11. Осуществленная в Европе межстрановая интеграция служит в известной мере примером для только что зародившейся евразийской интеграции, но более всего по самому факту ее реализации, а никак не по способу реализации и типу осуществленного интеграционного проекта. В Европе, в России и на евразийском пространстве сложились разные исторические условия и текущие обстоятельства, действующие субъекты и стартовые возможности. Вот почему конференция-форум выступает более за договорный и естественный характер взаимодействия стран-участниц, чем за институционально-управленческий. В то же время не следует закрывать глаза и на открывающуюся возможность политических и оборонных взаимодействий между интегрирующимися государствами, стимулируемых мировой нестабильностью и тем же международным терроризмом, разумеется, взаимодействий на добровольной основе и с неукоснительным соблюдением национальных суверенитетов.

Наши авторы

Осипов Юрий Михайлович,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России;

Архипов Алексей Юрьевич,

вице-президент АФХ, д.э.н., профессор, руководитель, Высшая школа бизнеса Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);

Зотова Елена Серафимовна,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства»; ученый секретарь Философско-экономического ученого собрания;

Алиев Урак Жолмурзаевич,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, вице-президент, образовательная корпорация «Туран» (г. Астана, Казахстан);

Альнидовская Марина Леонидовна,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, профессор, кафедра макроэкономики, Финансовый университет при Правительстве РФ;

Алексейчук Игорь Сидорович,

д.ф.н., профессор, кафедра философских и социально-гуманитарных дисциплин, Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького (Украина);

Андреева Татьяна Александровна,

д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой философии, Донецкий национальный университет (Украина);

Андриенко Елена Владимировна,

к.ф.н., доцент, докторант, кафедра философии, Донецкий национальный университет (Украина);

- Антропов Анатолий Александрович,**
действительный член АФХ, научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ;
- Артеменко Анна Викторовна,**
аспирант, Полтавский университет экономики и торговли (Украина);
- Бабаева Айдан Алиджан кызы,**
аспирант, кафедра экономической теории, Азербайджанский государственный экономический университет (г. Баку);
- Баринов Игорь Игоревич,**
к.и.н., исторический факультет МГУ;
- Бирюков Сергей Владимирович,**
действительный член АФХ, д.полит.н., доцент, профессор, кафедра политических наук, Кемеровский государственный университет;
- Бояринцев Борис Иванович,**
д.э.н., профессор, кафедра экономики социальной сферы, экономический факультет МГУ;
- Бугаян Илья Рубенович,**
академик-секретарь АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и предпринимательства, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Южно-Российский институт-филиал (г. Ростов-на-Дону);
- Воробьева Любовь Сергеевна,**
действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии и политологии, Национальный университет государственной налоговой службы Украины (г. Ирпень);
- Глазунов Михаил Николаевич,**
действительный член АФХ, к.э.н., доцент;
- Гиренок Федор Иванович,**
действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ;
- Глазьев Сергей Юрьевич,**
действительный член РАН, действительный член АФХ, д.э.н., профессор, советник Президента РФ по вопросам развития интеграции;
- Голубев Константин Иванович,**
д.э.н., доцент, кафедра экономической теории и социальной политики, Санкт-Петербургский государственный университет;

- Гордеев Валерий Александрович,**
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Ярославский государственный технический университет;
- Горюнов Игорь Александрович,**
преподаватель, кафедра менеджмента и маркетинга, Московский финансово-юридический университет;
- Гринберг Руслан Семенович,**
член-корреспондент РАН, действительный член АФХ, д.э.н., профессор, директор, Институт экономики РАН;
- Дятлов Сергей Алексеевич,**
действительный член АФХ, действительный член РАЕН, д.э.н., гранд-доктор международного права, профессор, кафедра общей экономической теории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; эксперт по вопросам законодательства, Межпарламентская ассамблея Евразийского экономического сообщества;
- Ермишина Светлана Александровна,**
действительный член АФХ, к.и.н., доцент, исторический факультет МГУ;
- Жуликов Петр Петрович,**
действительный член АФХ, к.т.н., доцент, кафедра коммерции и маркетинговых исследований, экономический факультет, Московский государственный университет приборостроения и информатики;
- Жуликова Ольга Вячеславовна,**
к.э.н., доцент, кафедра коммерции и маркетинговых исследований, экономический факультет, Московский государственный университет приборостроения и информатики;
- Залетный Алексей Алексеевич,**
к.э.н., к.ф.н., старший научный сотрудник, экономический факультет МГУ;
- Зверев Петр Борисович,**
соискатель, кафедра международных экономических отношений, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; ответственный секретарь, Межпарламентская ассамблея Евразийского экономического сообщества;
- Зырянов Михаил Юрьевич,**
к.ф.н., член московского отделения Ассоциации юристов России;

- Иванов Алексей Анатольевич,**
старший преподаватель, кафедра медицинской и биологической физики, Ярославская государственная медицинская академия;
- Иванова Вера Николаевна,**
инспектор по кадрам, Научно-исследовательский центр по изучению свойств поверхности и вакуума;
- Кара-Мурза Сергей Георгиевич,**
действительный член АФХ, действительный член АГН, д.х.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН;
- Кашицын Виктор Валентинович,**
действительный член АФХ, к.э.н., профессор, начальник кафедры экономической теории и мировой экономики, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск);
- Клепач Андрей Николаевич,**
действительный член АФХ, к.э.н., заместитель министра, Министерство экономического развития Российской Федерации; заведующий кафедрой макроэкономического регулирования и планирования, экономический факультет МГУ;
- Ковалев Сергей Георгиевич,**
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет;
- Кульков Виктор Михайлович,**
д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ;
- Корняков Василий Иванович,**
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет;
- Косов Евгений Васильевич,**
действительный член АФХ, к.э.н., профессор, Международный университет (в Москве);
- Купчишина Елена Валерьевна,**
аспирант, кафедра стратегического планирования и экономической политики, факультет государственного управления МГУ;

- Марков Сергей Александрович,**
действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, проректор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; директор, Институт политических исследований; член Общественной палаты РФ;
- Мойсейчик Галина Ивановна,**
действительный член АФХ, к.э.н., докторант, Белорусский государственный университет (г. Минск);
- Наумова Галина Романовна,**
действительный член АФХ, д.и.н., профессор, исторический факультет МГУ;
- Нечухрин Александр Николаевич,**
д.и.н., профессор, декан факультета истории, коммуникации и туризма, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Белоруссия);
- Нисанов Яхья Исайевич,**
к.э.н., научный сотрудник, кафедра народонаселения, экономический факультет МГУ;
- Олейников Александр Алексеевич,**
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории и основ православного хозяйства, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
- Петров Владимир Константинович,**
действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений РАН;
- Рамазанов Сергей Павлович,**
действительный член АФХ, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории и философии, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета;
- Резанова Тамара Васильевна,**
д.э.н., профессор, кафедра основ экономической теории и социологии, Новомосковский институт (филиал) Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева;
- Романченко Владимир Иванович,**
действительный член АФХ, к.э.н., доцент, профессор, кафедра экономической теории и мировой экономики, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск);
- Рудяк Ирина Изяславовна,**
действительный член АФХ, соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ;

- Рышкус Владислав Валерьевич,**
член-корреспондент АФХ, к.э.н., Российский государственный
торгово-экономический университет;
- Рязанов Виктор Тимофеевич,**
вице-президент АФХ, действительный член АГН, д.э.н., профес-
сор, заведующий кафедрой экономической теории, экономический
факультет, Санкт-Петербургский государственный университет;
- Синяков Сергей Васильевич,**
действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, Академия финансо-
вого управления Министерства финансов Украины (г. Киев);
- Соболевская Алиса Александровна,**
действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник,
Институт мировой экономики и международных отношений РАН;
- Сухина Татьяна Сергеевна,**
ответственный секретарь АФХ, научный сотрудник, лаборатория
философии хозяйства, экономический факультет МГУ;
- Троекурова Ирина Степановна,**
д.э.н., доцент, заведующая кафедрой экономической теории, Сара-
товская государственная юридическая академия;
- Фадеечева Галина Всеволодовна,**
действительный член АФХ, член-корреспондент Петровской ака-
демии наук и искусств, к.э.н., доцент, профессор, заведующая ка-
федрой экономики и финансовых дисциплин, Владимирский ин-
ститут бизнеса;
- Фесенко Николай Васильевич,**
к.полит.н., старший научный сотрудник, отдел трансатлантических
исследований, Институт мировой экономики и международных
отношений НАН Украины (г. Киев);
- Хабибуллина Елена Хамзаевна,**
к.э.н.;
- Хазин Михаил Леонидович,**
действительный член АФХ, действительный государственный со-
ветник РФ (в отставке), президент компании экспертного консуль-
тирования «Неокон»;
- Шелкопляс Евгений Валентинович,**
действительный член АФХ, к.мед.н., директор, Ивановский инсти-
тут развития, изучения здоровья и адаптации человека;
- Шулевский Николай Борисович,**
действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, экономический фа-
культет МГУ;

Шуркалин Александр Константинович,
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина;

Юдина Тамара Николаевна,
действительный член АФХ, д.э.н., доцент, кафедра стратегического планирования и экономической политики, факультет государственного управления МГУ;

Яковец Татьяна Юрьевна,
действительный член АФХ, член-корреспондент РАЕН, к.э.н., докторант, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Содержание

Вместо предисловия

О евразийской (постсоветской) межгосударственной интеграции (<i>Ю.М. Осипов</i>)	5
--	---

Раздел 1. Концептуальные основы евразийской международной интеграции

Ю.М. Осипов

Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность	14
--	----

С.Г. Кара-Мурза

Евразийская интеграция: главные трудности	19
---	----

Р.С. Гринберг

Формирование Евразийского союза: шансы и риски	24
--	----

В.Т. Рязанов

Интеграционные перспективы на евразийском пространстве	32
--	----

А.Н. Клепач

Евразийская идея: политический, идеологический, экономический, социальный феномен	49
---	----

Ф.И. Гиренок

Евразийский проект и Украина	54
------------------------------------	----

М.Л. Хазин

О евразийской интеграции	56
--------------------------------	----

Е.В. Косов

Соединенные Штаты России на евразийском пространстве	63
--	----

У.Ж. Алиев

Евразийский мейнстрим: многокритериальный подход к содержательной интерпретации	69
---	----

В.М. Кульков

Содержание и значение пространственного ракурса экономической теории	75
--	----

В.В. Кашицын

Интеграция как средство выхода на траекторию развития	88
---	----

С.В. Сияков Евразия на Украине: историко-культурные и политико-экономические аспекты.....	95
Н.Б. Шулевский Философия хозяйства — мене, текел, перес, упарсин воинствующего экономизма	107
С.Г. Ковалев Евразийцы о путях и возможностях воспроизводства экономики российского общества.....	123
И.А. Горюнов Азиатский вектор России: возможности и угрозы	130
В.И. Корняков, Н.А. Алексеева Воспроизводственное обустройство евразийского пространства как актуализация нерешенных проблем теории общественного воспроизводства	148
С.П. Рамазанов Обустройство постсоветского евразийского пространства: политика, идеология, психология.....	155
Е.В. Шелкопляс Новая большая идея как условие большой евразийской интеграции.....	158
С.В. Бирюков Евразийский союз как новый интеграционный и геополитический проект	179
М.Л. Альнидовская К вопросу о базовых принципах нового Евразийского экономического союза.....	189
Е.Х. Хабибуллина Геостратегический аспект во взглядах Ф. Перру на международную экономическую интеграцию	196
Т.Ю. Яковец Хозяйство народонаселения — теоретическая основа для выработки социодемографической политики Евразии	208
Т.Н. Юдина Соединить несоединимое в контексте воспроизводственного обустройства евразийского пространства: домострой (domostroy) и домостроительство (domostroitelstvo)	213

Раздел II. Грани интеграционного процесса в Евразии

<i>С.Ю. Глазьев</i> Актуальные проблемы и основополагающие принципы евразийской (постсоветской) экономической интеграции.....	222
<i>А.Ю. Архипов</i> Единое евразийское пространство — неотъемлемая составляющая современного многополярного мира	233
<i>С.А. Марков</i> Проблемы евразийской интеграции: конкуренция и борьба мировых проектов.....	238
<i>И.Р. Бугаян</i> Россия в современном мировом хозяйстве: приготавливаемое ей место и субъективно ощущаемое «не так сидим»	241
<i>В.В. Рышкус</i> Пространственный потенциал России и стратегия пространственного развития.....	259
<i>М.Н. Глазунов</i> Союз с Россией: круг желающих и способных	272
<i>С.А. Дятлов</i> Формирование интегрированных информационных систем стран единого экономического пространства	287
<i>В.И. Романченко</i> Институциональные проблемы евразийского объединения	292
<i>В.А. Гордеев</i> Новая индустриализация РФ как фактор евразийской интеграции.....	295
<i>К.И. Голубев</i> О значении принципов христианского социально- экономического учения в интеграции евразийского пространства	300
<i>Т.А. Андреева, И.С. Алексейчук</i> Феномен географической идентификации в контексте евразийского цивилизационного пространства	302

<i>И.И. Рудяк</i>	
Самость и евразийство: религиозная экономика — от магии до Булгакова	308
<i>Г.В. Фадейчева</i>	
Формирование потребности развития евразийского пространства и альтернативные сценарии	315
<i>Н.В. Фесенко</i>	
Консолидация участников мир-системы в преодолении кризиса мироуправления	321
<i>И.С. Троекурова</i>	
Направления развития товарных потоков на евразийском пространстве	332
<i>А.А. Соболевская</i>	
Рифы евразийского мейнстрима.....	343
<i>С.А. Ермишина</i>	
И вновь о «евразийском соблазне»	358
<i>Г.Р. Наумова</i>	
Первый евразиец.....	368
<i>А.Н. Нечухрин</i>	
Республика Беларусь: проблема выбора цивилизационного пути развития	377
<i>А.А. Олейников</i>	
Национальный учебник по экономической теории как основа социализации молодежи: к вопросу о создании евразийской теории национального хозяйства и новых «евразийских» учебников по экономической теории	389
<i>В.К. Петров</i>	
От СССР к Святой Руси на евразийском пространстве	397
<i>П.Б. Зверев</i>	
Интеграционное сотрудничество стран единого экономического пространства в обеспечении устойчивого развития газово-энергетического рынка	401
<i>А.А. Залетный</i>	
Постдолговое евразийство	404

<i>В.Н. Иванова</i> Кадровая составляющая интеграционной евразийской стратегии	412
<i>А.В. Артеменко</i> Перспективы евразийской «периферии» в созидании современной модели «мир-экономики»	421
<i>И.И. Баринев</i> Украина — житница Европы: традиции восприятия и евразийская реальность	425
<i>А.А. Антропов</i> Украина и виртуальная ассоциация с Евросоюзом	431
 Раздел 3. Актуальные вопросы социоэкономического развития	
<i>Л.С. Воробьева</i> Трансформация ценностной сферы личности под влиянием глобализационных процессов	434
<i>Г.И. Мойсейчик</i> О развитии проекта по созданию финансового центра в Минске: Минский центр в фарватере Евразийского финансового центра.....	440
<i>А.К. Шуркалин</i> Феномен энергопротивостояния в экономической интеграции евразийских государств	463
<i>Т.В. Резанова</i> Верификация теории органического строения капитала.....	469
<i>Е.В. Купчишина</i> Программно-целевое планирование в контексте экономического развития.....	479
<i>М.Ю. Зырянов</i> Развитие стандартов корпоративного управления в российской правовой системе в контексте философии хозяйства	485
<i>О.В. Жуликова, П.П. Жуликов</i> Экономика современного периода развития	488

А.А. Иванов	
Открытые инновации как инструмент постиндустриальной эксплуатации развивающихся стран	493
П.П. Жуликов	
Иной взгляд на развитие человеческого хозяйства, собственности и капитала	500
Т.С. Сухина	
Пути реинтеграции минерально-сырьевого комплекса на постсоветском пространстве	510
Я.И. Нисанов	
Антропология прообраза типов экономического поведения народонаселения евразийской юрисдикции	517
Б.И. Бояринцев, Е.В. Рожкова	
Социально-экономический механизм укрепления здоровья населения евразийского пространства	521
А.А. Бабаева	
Некоторые вопросы совершенствования механизма инновационного роста современной экономики	527
Е.В. Андриенко	
Баланс индивидуализма и коллективизма как условие социальной стабильности	534
Вместо заключения	
По пути евразийской интеграции (Ю.М. Осипов).....	541
Резолюция	543
Наши авторы	548

Contents

About Euroasian (Post-Soviet) International Integration (**Yu.M. Osipov**)5

Part 1. Conceptual bases of Eurasian international integration

Yu.M. Osipov

Euroasian (Post-Soviet) International Integration
as an Essential Relevance14

S.G. Kara-Murza

Euroasian Integration: Main Difficulties19

R.S. Grinberg

Formation of the Euroasian union: Chances and Risks.....24

V.T. Ryazanov

Integrated Prospects on the Eurasian Space.....32

A.N. Klepach

Euroasian Idea: Political, Ideological, Economic, Social Phenomenon49

F.I. Girenok

Euroasian Project and Ukraine.....54

M.L. Khazin

On Euroasian Integration56

Ye.V. Kosov

United States of Russia in Euroasian Space.....63

U.Zh. Aliyev

Euroasian Mainstream: Multicriteria Approach
to Substantial Interpretations69

V.M. Kulkov

Content and Significance of Spatial
Perspective of Economic Theory75

V.V. Kashitsyn

Integration as a Means to Take the Path of Development.....88

S.V. Sinyakov

Eurasia Ukraine: Historical, Cultural, Political
and Economic Aspects.....95

N.B. Shulevsky

Philosophy of Economy is «Mene, Mene, Tekel, Upharsin»
of Militant Economism107

S.G. Kovalev

Eurasians about Ways and Opportunities Economic
Reproduction of Russian Society123

I.A. Goryunov

Asian Vector of Russia: Opportunities and Threats130

V.I. Korniyakov, N.A. Alekseeva

Reproduction Arrangement of the Euroasian Space as Updating
of Unresolved Problems of the Public Reproduction Theory148

S.P. Ramazanov	
Arrangement of Post-Soviet Euroasian Space: Policy, Ideology, Psychology	155
E.V. Shelkopyas	
A New Grand Idea as a Condition of the Grand Eurasian Integration	158
S.V. Biryukov	
«Eurasian Union» as a New Integration Project for the CIS Region	179
M.L. Alpidovskaya	
On the Basic Principles of the New Eurasian Economic Union.....	189
E.Kh. Khabibullina	
Geostrategique Aspect of Francois Perroux International Economic Integration Concept	196
T.Yu. Yakovets	
Population Economy as the Theoretical Basis for the Formulation of the Eurasian Socio-Demographic Policy	208
T.N. Yudina	
Connect the Unconnected in the Context of Reproductive Arrangement of Eurasian Area: Domostroy and Domostroitelstvo	213
Part 2. Aspects of Integration Process in Eurasia	
S.Yu. Glazyev	
Actual Problems and Fundamental Principles of the Euroasian (Post-Soviet) Economic Integration.....	222
A.Y. Arkhipov	
Single Eurasian Space as an Integral Part of the Modern Multipolar World.....	233
S.A. Markov	
Euroasian Integration Problems: Competition and Fight of World Projects.....	238
I.R. Bugayan	
Russia in the Modern World Economy: Place Prepared for It and Subjectively Felt «We Sit Wrong»	241
V.V. Ryskus	
Space Potential of Russia and Strategy of Space Development	259
M.N. Glazunov	
Alliance with Russia: the Circle Willing and Able	272
S.A. Dyatlov	
Formation of Integrated Information Systems of a Single Economic Space	287
V.I. Romanchenko	
Institutional Problems of Eurasian Association	292
V.A. Gordeev	
New Industrialization of Russia as a Factor of Eurasian Integration.....	295

K.I. Golubev	
The Christian Social and Economic Teaching and Integration of the Eurasian.....	300
T.A. Andreyeva, I.S. Alekseychuk	
The Phenomenon of Geographical Identification in the Context of Eurasian Civilizational Space.....	302
I.I. Rudyak	
Myselfship and Eurasianism: from Magic to Economy	308
G.V. Fadeycheva	
The Formation of the Eurasian Development Needs Spaces and Alternative Scenarios	315
N.V. Fesenko	
Consolidation of World System Participants to Overcome the Crisis of World Governing.....	321
I.S. Troekurova	
Trends in the Development of Trade Flows in Eurasia	332
A.A. Sobolevskaya	
The Reefs of Euroasia Mainstream	343
S.A. Ermishina	
Again, the «Eurasian Temptation»	358
G.R. Naumova	
First Eurasian	368
A.N. Nechukhrin	
The Republic of Belarus: the Problem of Choosing a Civilizational Way to Develop.....	377
A.A. Oleynikov	
National Textbook on Economic Theory as the Basis of Youth Socialization: the Issue of Creating Eurasian Theory of National Economy and New «Eurasian» Textbooks on Economic Theory	389
V.K. Petrov	
From the USSR to Holy Russia in Eurasia Space.....	397
P.B. Zverev	
Integration of Unified Collaboration Economic Space in Ensuring Sustainable Development of Gas and Energy Market.....	401
A.A. Zaletnyy	
Post-Debt Eurasianism.....	404
V.N. Ivanova	
The Personnel Component of the Eurasian Integration Strategy	412
A.V. Artyomenko	
Prospects Eurasian «Periphery» in Building Modern Model of «World-Economy»	421
I.I. Barinov	
Ukraine is the Bread Basket of Europe. Traditions of Perception and Eurasian Reality	425
A.A. Antropov	
Ukraine and Virtual Association with the European Union.....	431

Part 3. Actual Problems of Socio-Economic Development

L.S. Vorobyova Transformation of Valuable Sphere of Personality under the Influence of Globalization Processes	434
G.I. Moyseychik On the Development of the Project to Create a Financial Center in Minsk, Minsk Center in the Fairway Eurasian Financial Center.....	440
A.K. Shurkalin Phenomenon of Energetic Controposition in Economic Integration Eurasian States	463
T.V. Rezanova Verification of the Organic Structure of Capital Theory	469
E.V. Kupchishina The Goal Management within the Context of Economic Development.....	479
M.Yu. Ziryanov Development of Corporate Governance Standards in the Russian Legal System in the Context of Philosophy of Economy	485
O.V. Julikova, P.P. Julikov Economy of Modern Period of Development	488
A.A. Ivanov Opened Innovations as an Instrument of the Postindustrial Exploitation of Developing Countries	493
P.P. Julikov Another Look at the Development of Human Services, Property and Capital	500
T.S. Sukhina Ways to Reintegrate Mineral Complex in the Post-Soviet Space	510
Ya.I. Nisanov Preimage Types of Economic Anthropology Eurasian Population Behavior Jurisdiction	517
B.I. Boyarintsev, E.V. Rozhkova Socio-Economic Mechanism of Strengthening Health in Eurasian Space	521
A.A. Babaeva Some Issues to Improve the Mechanism of Innovation Growth in Contemporary Economy	527
E.V. Andrienko Balance of Individualism and Collectivism as a Condition of Social Stability.....	534
Instead of a conclusion Along the Way, the Eurasian Integration (Yu.M. Osipov).....	541